Я. Б.
КНЯЖНИН

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

Я. Б. КНЯЖНИН

Советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

ЛЕНИНГРАД • 1961

Я. Б. КНЯЖНИН

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Л. И. Кулаковой

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Р 1
К 54

Я. Б. Княжнин (1740—1791) — поэт и один из крупнейших драматургов второй половины XVIII века, автор патриотических, тираноборческих трагедий, сатирических комедий и комических опер, пользовавшихся большим успехом у современников. Его трагедия «Вадим Новгородский» — первая русская антимонархическая трагедия — была сожжена по приказу Екатерины II и свыше ста двадцати лет находилась под запретом. Творчество Княжнина, прославляющее героизм и самопожертвование во имя любви к родине и свободе, оказало глубокое влияние на формирование гражданской поэзии эпохи декабризма.

Се образъ Княжнина! кого за лирный гласъ,
И сами Грацiи украсили короной!
Напрасно мыслимъ мы что въ Грецiи Парнассъ;
Онъ здѣсь воздвигъ его Росславомъ и Дидоной.

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО Я. Б. КНЯЖНИНА

Княжнин вошел в историю русской общественной мысли и литературы как автор первой русской антимонархической трагедии «Вадим Новгородский». Говоря о других произведениях Княжнина, В. Г. Белинский назвал его имя среди писателей, благодаря которым русская литература положила «основание публичности и общественного мнения, была проводником в общество всех человеческих идей».[1] Н. А. Добролюбов отнес автора «Несчастия от кареты» к той линии русской сатиры, которая восстала «на пороки сильные, господствующие, распространенные во всех классах общества».[2] Написать трагедию, вызывавшую преследования самодержавия в течение ста двадцати лет, выступить против основных пороков современного ему общества мог лишь писатель, стоявший на передовых общественных позициях. Таким писателем и был Яков Борисович Княжнин, один из выдающихся деятелей русского Просвещения XVIII века.

1

Исполненная тяжких испытаний жизнь Я. Б. Княжнина мало изучена. Архив писателя не сохранился. Мемуарные источники крайне скудны и не всегда достоверны. Биография писателя, написанная его сыном, полна неточностей.[3] Напуганный допросами,

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 5. М., 1954, стр. 653.

[2] Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. 1. М.—Л., 1934, стр. 68.

[3] Я. Княжнин. Сочинения. Изд. 2, т. 1. М., 1802; то же, изд. 3, т. 1. СПб., 1817.

А. Я. Княжнин стремился доказать благонамеренность отца и путал факты. Митрополит Евгений Болховитинов рассказал о жизни писателя со слов его друга, известного актера И. А. Дмитревского.[1] Дмитревский мог многого не знать, кое-что забыть, о многом необходимо было умолчать. Таким образом, о мировоззрении Княжнина мы можем судить только по его произведениям, а хронология их, столь важная для понимания эволюции взглядов писателя, запутана. История жизни Княжнина восстанавливается лишь в наши дни, по мере накопления открывающихся в архивах данных. Этим объясняется различие в описании жизни Княжнина и датировке его произведений во всех посвященных ему работах, в том числе и автора настоящей статьи.

Путаница в биографии Княжнина начинается с установления года его рождения. В печатных источниках указано, что Княжнин родился 3 (14) октября 1742 года. Но в челобитной на имя императрицы Елизаветы Петровны от 30 января 1761 года Княжнин пишет: «А ныне мне от роду двадцать один год».[2] В материалах суда над Княжниным, происходившего в январе 1773 года, указывается, что подсудимому тридцать три года.[3] Эти свидетельства позволяют предположить, что Княжнин родился в 1740 году, так как обычно в официальных документах того времени неполный год считался за полный.

Княжнин, как выясняется из тех же материалов, с 1750 года учился в гимназии при Академии наук, в 1755 году был определен коллегии юнкером в юстиц-коллегию лифляндских и эстляндских дел, с 1757 года назначен в Канцелярию от строений на должность переводчика и, находясь на этой службе, перевел книгу по гражданской архитектуре. В 1762 году он перешел на военную службу, в «немецкие секретари» к графу К. Г. Разумовскому, в 1764 году назначен на должность «за секретаря» при дежурных генерал-адъютантах и в этой должности оставался до конца 1772 года.

---

[1] «Начертание жизни Княжнина» напечатано впервые в журнале «Друг просвещения», 1804, № 11, затем в «Драматическом вестнике», 1808, ч. 3, перепечатано в книге: «Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России», т. 1. М., 1845, стр. 287—294.

[2] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (в дальнейшем обозначаем ЦГИАЛ), фонд 470, оп. 87/521, № 64, л. 1 об.

[3] Центральный государственный военно-исторический архив (в дальнейшем — ЦГВИА), фонд К. Разумовского, оп. 194, № 10, л. 34.

Первое поэтическое произведение («Ода к Икару») было написано Княжниным еще в детстве и не дошло до нас. Не дошли и те «весьма изрядные стихотворения, оды, элегии», о которых говорит Н. И. Новиков в «Опыте исторического словаря о российских писателях» 1772 года. По-видимому, часть из них осталась в рукописи, часть печаталась анонимно, некоторые были напечатаны позднее. Первыми крупными произведениями Княжнина были мелодрама «Орфей», поставленная в 1763 году, и трагедия «Дидона», поставленная в 1767 году. В 1769 году напечатан подписанный Княжниным перевод с итальянского — «Записки историографические о Морее, о царстве Негропонтском и прочих близлежащих местах».

Шестидесятые годы XVIII века, на которые падает начало литературной деятельности Княжнина, были временем подъема русской общественной мысли, обусловленного социальными сдвигами внутри страны и обострением классовой борьбы.

Рост промышленности, вовлечение помещиков в сферу торговли сопровождалось усилением крепостного гнета. На растущее угнетение народ отвечал поджогами имений, убийством помещиков, бегством, бунтами. В 1762 году, к моменту вступления на престол Екатерины II, волнениями было охвачено 250 тысяч крепостных, монастырских и приписанных к заводам крестьян.

Жесточайшим образом подавляя народное движение, правительство не могло не видеть, что одними репрессиями остановить собиравшуюся грозу нельзя. Некоторые законы и игра в политику просвещенного абсолютизма, затеянная Екатериной II в первые годы царствования, должны были доказать, что «матушка царица» равно печется обо всех сословиях. Ту же цель преследовал созыв в июле 1767 года Комиссии по составлению Нового уложения и лицемерный, исполненный либеральной терминологии «Наказ» Комиссии, написанный лично императрицей.

Страстные дебаты по крестьянскому вопросу, развернувшиеся в Комиссии, критика отдельных сторон государственного управления, судопроизводства и т. п. показали такой рост оппозиционных настроений, что Екатерина распустила Комиссию в декабре 1768 года.

Именно в 1760-е годы и формировалось русское Просвещение, во многом связанное с самым передовым течением европейской общественной мысли — французским Просвещением, но вместе с тем носившее ясно выраженные национальные черты, обусловленные спецификой русского исторического процесса.

Нарождающаяся русская буржуазия, в отличие от француз-

ской, превосходно уживалась с самодержавием и требовала не уничтожения крепостничества, а лишь права владеть крепостными. Она не стала революционным классом и в XIX веке. Первые русские революционеры — Радищев и декабристы — были дворянами. Большую роль сыграли лучшие представители дворянства и в период Просвещения, которое подготавливало почву для Радищева и декабристов, подобно тому как эпоха Просвещения во Франции явилась идеологической подготовкой буржуазной революции.

Наиболее характерными чертами русского просветительства являлись критика крепостничества, борьба за ограничение, а затем и отмену крепостного права, осуждение религиозного фанатизма, выступления против деспотизма, начавшиеся с противопоставления монархического правления деспотическому и завершившиеся признанием, что всякая неограниченная монархия является деспотической. К этим основным чертам добавлялось требование реформ в области государственного управления и судопроизводства, уважение к человеку «среднего» и «низкого» состояния, мысль о необходимости изменения системы воспитания, борьба за просвещение в широком смысле слова, критика сословных предрассудков дворянства и претензий родового барства, осмеяние космополитизма правящей верхушки и, наконец, убеждение в том, что литература должна отражать «темные пятна» действительности. Одной черты, характерной для европейских просветителей, нет у просветителей русских: идеализации буржуа. Ее нет и у первого русского писателя-революционера А. Н. Радищева. В силу слабости русской буржуазии история русской общественной мысли сложилась так, что те немногие писатели и экономисты, которые выступали как непосредственные идеологи буржуазии (М. Чулков, П. Плавильщиков и др.), были прогрессивны в борьбе за расширение торговли, промышленности, отчасти в своей антидворянской настроенности, но половинчаты, а иногда и прямо консервативны в отношении к самодержавию. И потому декабристы называли Радищева, Фонвизина, Княжнина в числе писателей, оказавших влияние на формирование их мировоззрения, чтили Новикова и Державина, но не вспоминали о представителях «третьесословной» литературы.

Для декабристов Княжнин был прежде всего автором «Вадима Новгородского», но к вершине своего творчества писатель пришел после многих лет поисков и сомнений. В начале творческого пути он, как подавляющее большинство современников, разделял веру в прогрессивность просвещенной монархии вообще, может быть, верил и пышным обещаниям Екатерины II.

Волна крестьянских бунтов конца 1760-х — начала 1770-х годов доказывала неблагополучие в стране. Часть дворянства после роспуска Комиссии по составлению Нового уложения, не удовлетворенная политикой Екатерины II, надеялась, что существенные изменения в управлении страной произойдут после вступления на трон ее наследника Павла, воспитанного сторонником ограничения монархии Н. И. Паниным. В 1772 году Павлу исполнялось 18 лет, и он, по закону, получал право на престол. 1772—1773 годы и оказались годами ожесточенной борьбы за власть, борьбы, из которой Екатерина вышла победительницей. Судя по произведениям начала 1770-х годов («Ольга», «Владимир и Ярополк»), Княжнин, подобно Д. И. Фонвизину, В. И. Майкову, Н. И. Новикову, разделял идеи дворянской оппозиции.

Сын писателя и Евгений Болховитинов говорят о каких-то «расстроенных обстоятельствах», которые принудили Княжнина выйти в отставку. В последующих работах разъяснялось, что Княжнин проиграл в карты 5773 рубля 54 копейки, за что был судим, лишен дворянского звания и т. д.

Действительно, в начале 1773 года Княжнина судили за растрату денег, которые он брал в разное время «для собственных надобностей» из средств, выдаваемых для караула. Откуда взялась версия, что деньги были проиграны, неясно, ибо при всей строгости следствия, которым руководил граф Брюс, о картах не говорится нигде, а приговор до самого последнего времени оставался неизвестным. Только сейчас установлены все обстоятельства дела. К моменту ревизии Княжнин вернул в кассу более двух тысяч. Оставшуюся сумму был готов внести поручик кавалергардского полка Г. Ф. Шиловский. Тем не менее решение суда от 16 февраля 1773 года гласило: «Учинить Княжнину смертную казнь — повесить, а недвижимое его имение отписать на ее императорское величество». Так как имения для расплаты не хватало, остаток долга предлагалось взыскать с Шиловского. «А он, Княжнин, в силу воинского устава 50 главы 3 пункта скован в ножные железа, до воспоследования конфирмации содержится при Ладожском пехотном полку».[1]

Нельзя не вспомнить, что обычно суды тех лет очень мягко подходили к преступлениям дворян (например, некоего капитана Бурцева «за сечение в пьяном образе женки Нестеровой, от чего она вскоре и умерла», снизили в чине до прапорщика, и только). Сама Екатерина II в «Наказе» говорила о необходимости отмены

---

[1] ЦГВИА, фонд К. Разумовского, оп. 194, № 10, л. 35.

смертной казни и оставляла ее лишь как кару за «оскорбление величества». За что же был приговорен к виселице известный писатель? Почему его, дворянина, заковали в кандалы? Не вызвана ли суровость приговора какими-то особыми причинами, негласно известными судьям? Не была ли она связана с «дракой» вокруг престола, не вызвали ли неудовольствие произведения Княжнина 1770-х годов? Ответить на этот вопрос трудно, но несомненно, что не только за недостающие три тысячи, которые могли быть внесены в любую минуту, расплачивался писатель.

В дело вмешался граф К. Г. Разумовский, который знал Княжнина десять лет. В «особом мнении» на имя императрицы он напоминал, что казна убытка не терпит, так как часть долга погашена Княжниным, часть вносится поручителем.[1] Заступничество Разумовского помогло: Княжнин был лишен дворянского звания, чина, определен рядовым в петербургский гарнизон, а затем исключен со службы.

Через несколько месяцев началось восстание Пугачева. Княжнин не присоединил своего голоса к хору проклятий в адрес Пугачева, ради возвращения звания и чина не вступил в ряды усмирителей народа. А положение писателя было тяжелым. Средств не было. По приговору и то немногое, что он имел, было отобрано. Оставались долги. Нужно было содержать семью.

Выручило знание языков. На протяжении нескольких лет Княжнин, единственный в тот период переводчик с итальянского[2] и один из лучших знатоков французского языка, живет переводами, которые он делает для «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг», учрежденного Екатериной II, и для созданного Н. И. Новиковым «Общества, старающегося о напечатании книг». Тот факт, что бóльшая часть переводов Княжнина издавалась Новиковым, говорит о том, что Новиков пришел на помощь драматургу в самый тяжелый период его жизни.

За годы опалы Княжнин перевел напечатанные позднее трагедии Корнеля «Цид» («Сид»), «Цинна», «Смерть Помпеева», «Родогюна», поэму Вольтера «Генриада», поэму итальянского поэта Марино «Избиение младенцев». Остались ненапечатанными переводы трагедии Корнеля «Гораций» и комедии «Лжец».[3] Нет

---

[1] ЦГВИА, фонд К. Разумовского, оп. 194, № 10, лл. 38—39.

[2] В. П. Семенников. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериною II. 1768—1783. СПб., 1913, стр. 16.

[3] Рукописи переводов хранятся в Институте русской литературы Академии наук СССР

сведений о судьбе взятых для перевода Княжниным других произведений: «Опыт о эпическом стихотворстве» и «Триумвират» Вольтера, «Электра» Кребильона, «Митридат» Расина, «Граф Варвик» Лагарпа, «Лузиады» Камоэнса. Часть из них вышла позднее в переводе других авторов. В 1779 году Княжнин перевел также три комедии Гольдони: «Хитрая вдова», «Тщеславные женщины», «Светский человек». [1]

Судя по обилию изданного Княжниным после 1778 года, он в период опалы не только переводил, но и работал над оригинальными произведениями. Напечатал же он только «Оду на торжественное бракосочетание их императорских высочеств государя цесаревича, великого князя Павла Петровича и государыни великия княгини Наталии Алексеевны». Обращение к Павлу в 1773 году не могло улучшить положения поэта. Вопреки мнению Разумовского, считавшего достаточным разжаловать Княжнина в солдаты на один год, опала длилась дольше. Со дня, когда Княжнин дал расписку, что он «никаких обер-офицерских чинов и патентов не имеет», до указа, которым ему возвращался чин капитана и он был «отпущен в дом на его пропитание», прошло четыре года. 30 апреля 1777 года Княжнин расписался: «Таков подлинный указ капитан Яков Княжнин принял, а жительство иметь буду здесь, в Санкт-Петербурге». [2] После этого Княжнин обратился в Канцелярию от строений, где он служил до 1762 года, и, по предложению И. И. Бецкого, был зачислен переводчиком, а в 1778 году назначен на должность секретаря.

И. И. Бецкий, при котором Княжнин служил до конца жизни, возглавлял Канцелярию от строений домов и садов, Академию художеств, Сухопутный кадетский шляхетный корпус. Ловкий придворный, Бецкий тем не менее сыграл видную роль в области образования. Он усвоил просветительскую мысль о воспитании «новой породы» людей и старался реализовать ее в России, сочетая с интересами укрепления самодержавия. По его инициативе были открыты положивший начало женскому образованию в России Институт благородных девиц с «мещанским» отделением при нем, училища при Академии наук и Академии художеств, Воспитательный дом для сирот и подкидышей, реформирован Кадетский корпус. Под конец царствования Екатерины идеи Бецкого стали казаться чересчур либеральными, и он был отстранен от руководства просветительными учреждениями.

---

[1] В. П. Семенников, цит. соч., стр. 81, 86—87.

[2] ЦГВИА, фонд Аудиторской конторы военной коллегии, оп. 6/95, св. 56, дело 196/36, л. 3 об.

Являясь секретарем престарелого слепого вельможи (Бецкий ослеп в 1782 году), Княжнин играл активную роль в его начинаниях. Указания современников и сопоставление документов, подписанных Бецким, с произведениями Княжнина свидетельствуют, что многие постановления Бецкого были написаны при непосредственном участии Княжнина, если не просто составлены им. Княжнин вел и непосредственную работу в учебных заведениях, находившихся в ведении Бецкого. Он преподавал русскую словесность в Кадетском корпусе, был связан с Академией художеств и Воспитательным домом.

В речи на выпуске питомцев Академии художеств 1779 года Княжнин высказал характерные для просветителей мысли. Говоря о нравственных качествах художника, Княжнин утверждал, что воспитание «производит полезного гражданина», делает человека членом общества, возвышает его к «разумному» принятию вольности, «небесной пищи, укрепляющей душу». Оно способствует совершенству свободных художеств, «потому свободными нареченных, что никогда под иго рабства уклониться не могли». Примечательно, что слово «раб», которым в то время подписывались бумаги, обращенные к императрице, объявляется автором унижающим человеческое достоинство и прямо противоположным понятиям «сын отечества» и «гражданин». Княжнин призывает «правителей земных» «владычествовать не пресмыкающимися узниками, но свободными, но приносящими самоизвольно сердца свои в дар человеколюбивому величию».

В официальной речи в Академии художеств, произнесенной в присутствии наследника престола, в трагедии «Титово милосердие» (1778) Княжнин еще выступает как сторонник просвещенной монархии. Победа американской революции, предреволюционная ситуация во Франции, наблюдения над жизнью России после подавления пугачевского восстания, общая активизация русской общественной мысли 1780-х годов усиливают критическое отношение писателя к действительности, к монархии вообще. Прославление республиканской доблести и идеи народоправства составляют сущность его последней трагедии «Вадим Новгородский» (1789).

1778—1789 годы — период расцвета литературной деятельности Княжнина. Выходит из печати бо́льшая часть переведенных им во время опалы произведений. Возобновляется постановка мелодрамы «Орфей» и трагедии «Дидона». С большим успехом идут на сцене новые произведения. Писатель сотрудничает в ряде журналов: «Санктпетербургский вестник», «Модное ежемесячное изда-

ние, или Библиотека для дамского туалета», «Собеседник любителей российского слова», «Лекарство от скуки и забот», «Новые ежемесячные сочинения» и др. В 1783 году Княжнин был избран в члены Российской академии. В 1787 году вышло собрание его сочинений.

Материальное положение Княжнина по-прежнему было стесненным (жил он на то, что зарабатывал, ибо имения ему так и не вернули). Но круг его знакомств расширился. По словам А. Я. Княжнина, в доме его отца бывали Д. И. Фонвизин, В. В. Капнист, Ф. Г. Карин и многие другие писатели. Многолетняя дружба связывала драматурга с известным актером И. А. Дмитревским, лучшим исполнителем ролей Ярба, Тита и др. Как показывают сохранившиеся в архивах данные, Княжнин был знаком с семьей Дьяковых, где постоянно бывали Г. Р. Державин, Н. А. Львов, И. И. Хемницер, М. Н. Муравьев. Изредка посещал Княжнин дом М. М. Хераскова, сохранил дружеские отношения с Н. И. Новиковым.

Тяжелые отношения сложились у Княжнина с Крыловым. Крылов высмеял Княжнина как писателя-плагиатора, как человека, оскорбил его жену в комедии «Проказники», обрушился на его трагедии в «Почте духов» (1789). Вопрос о том, что, помимо различия эстетических позиций, разделило писателей (а может быть, и о том, кто повинен в этом недоразумении), должен быть предметом специального исследования. Но рассматривать его надо объективно. Нельзя преувеличивать аристократизм Княжнина, дворянина, но не помещика, человека, жившего на литературный заработок и жалованье. Да и не в аристократизме обвиняет Крылов Княжнина и в «Проказниках», и в «Почте духов», когда удивляется «безбожной брани на святых» в «Владимире и Ярополке». Не было ли это таким же срывом, как и нападки на «французских Эпикуров и Спиноз» в той же «Почте духов»? Не признанием ли ошибочности оценки «Росслава» в «Почте духов» является напечатанная в «Зрителе» статья Плавильщикова, в которой «Росслав» назван одним из лучших произведений русской драматургии?

Обвинения Крылова брошены были в нелегкий для Княжнина момент. В 1789 и особенно 1790 году у писателя возникают какие-то осложнения. Так, ходатайства Бецкого о присвоении Княжнину чина коллежского асессора в 1784 году, надворного советника в 1786 году удовлетворяются быстро.[1] Затем производство

[1] ЦГИАЛ, фонд Гофинтендантской конторы, оп. 87/521, № 162, лл. 1—2; № 176, лл. 11—12.

останавливается. В апреле 1790 года Бецкий просит о пожаловании Княжнину чина коллежского советника. В сентябре он обращается с той же просьбой к самой императрице,[1] но и «всеподданнейший доклад» остался без ответа. Почему? Чем объяснить отказ в повышении чина после четырехлетнего перерыва? В это же время в петербургских театрах перестают ставиться «Росслав», «Несчастие от кареты».

14 (25) января 1791 года Княжнин умер. Обстоятельства его смерти остаются загадочными. Пушкин в наброске статьи по русской истории написал: «Княжнин умер под розгами».[2] В примечаниях к «Разбору донесения Следственной комиссии в 1826 году», автором которого был, вероятно, декабрист М. С. Лунин, слова Пушкина подтверждаются: «Писатель Княжнин за смелые истины в своей трагедии «Вадим» подвергался пытке в Тайной канцелярии».[3] В 1836 году историк Д. Н. Бантыш-Каменский, человек далекий от декабристских кругов, повторил то же самое: «Трагедия Княжнина «Вадим Новгородский» более всего произвела шума. Княжнин, как уверяют современники, *был допрашиван* Шешковским в исходе 1790 г., впал в жестокую болезнь и скончался 14 января 1791 г.»[4] Что означают выделенные Бантыш-Каменским слова «был допрашиван», отгадать нетрудно. Нрав Шешковского, «домашнего палача» Екатерины II, хорошо известен.

Вопреки данной версии, Евгений Болховитинов и сын писателя утверждают, что Княжнин скончался от «простудной горячки». Им бы можно было поверить, если бы они не умолчали о том, что писатель был приговорен к смертной казни в 1773 году, и не напутали бы изрядно в других вопросах. А устойчивость мнения о гибели Княжнина в Тайной канцелярии не может не привлечь внимания. Но что было ее причиной? Ведь Княжнин умер в 1791 году, а «Вадим Новгородский» напечатан в 1793 году. Это обстоятельство приводит в недоумение. С. Н. Глинка, ученик и почитатель Княжнина, указывает, что конец жизни его учителя «отуманила» написанная в связи с Французской революцией статья с выразительным названием: «Горе моему отечеству».[5] Известно

---

[1] ЦГИАЛ, фонд Гофинтендантской конторы, оп. 87/521, № 162, лл. 1—2; № 176, лл. 11—12.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 8. М., 1949, стр. 125.

[3] Н. И. Тургенев. Россия и русские. М., 1907, стр. XIX.

[4] Д. Н. Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей, т. 3. СПб., 1836, стр. 78.

[5] С. Н. Глинка. Записки. СПб., 1895, стр. 97.

также, что драматург читал «Вадима Новгородского» друзьям до того, как трагедия была передана в театр в 1789 году, что уже начались репетиции, и только революционные события во Франции заставили из осторожности прекратить подготовку спектакля. При таких условиях слухи о трагедии могли дойти до правительства, что и повлекло на первых порах к отказу в повышении чина и т. д. Затем, по-видимому, Княжнин был вызван к Шешковскому то ли по поводу трагедии, то ли по поводу статьи. Но что бы ни явилось причиной его смерти, ясно: помилованный в 1773 году писатель погиб вскоре после суда над Радищевым и незадолго до ареста Новикова, в период, когда Екатерина II открыто повела борьбу с идеями при помощи пыток, ссылок и сожжения книг.

2

Жестокое подавление пугачевского восстания, «учреждение для управления губерний», указ об уничтожении Запорожской Сечи, упразднение самоуправления на Дону — говорили о страхе правительства перед новым восстанием. Укрепляя диктатуру дворянства и усиливая полицейский надзор, правящие круги пытались убедить общественное мнение, что все обстоит благополучно. Но до конца 1770-х годов не прекращались волнения на уральских заводах. Подавленные в одних губерниях, крестьянские волнения с новой силой вспыхивали в других. Обострение социальных противоречий феодально-крепостнического строя укрепляло позиции просветителей. В 1780-е годы активизируется деятельность просветителей, усиливается влияние просветительской идеологии на литературу.

В новых условиях классицизм в его прежнем виде оказывался несостоятельным. Советы писателям прославлять государыню, воспевать «мир, тишину и блаженство ее подданных» — таков был официально взятый курс на развитие «блистательного направления» в литературе (так позднее подобное направление в истории характеризовала Екатерина II). Эта программа широко открывала дорогу оде и славословию во всех жанрах, но преграждала пути общественно-политической сатире, тираноборческой трагедии, противоречила сложившемуся в классицизме 1730—1760-х годов представлению о писателе-гражданине, наставнике, судье общества. С другой стороны, классицизм подтачивался растущим интересом к духовному миру частного человека, поисками путей создания национально-самобытного искусства, ориентацией на

демократизацию литературы. Он взрывался изнутри сатирическим направлением, которое с момента зарождения своего несло реалистические тенденции. Через воспроизведение типичных явлений русской действительности со всеми ее противоречиями шли к реализму Фонвизин, Радищев. Дворянский сентиментализм, замкнутый в узком круге моральных проблем, личных переживаний, семейных отношений, был прибежищем для всех, кто не принимал фальшивого «блистательного направления», отворачивался от действительности и боялся ставить такие большие гражданские проблемы, какие все настойчивее выдвигались перед литературой. К обновлению классицизма Княжнин и подошел с просветительских позиций.

У Княжнина нет специального трактата, посвященного теории искусства. Некоторые вопросы затронуты им в речи на выпуске питомцев Академии художеств 1779 года, «Послании к российским питомцам свободных художеств» и других произведениях. Характеризуя задачи, стоящие перед молодыми художниками, Княжнин следует за Ломоносовым, настойчиво повторявшим, что основной темой русского искусства должны быть «дела героев», «слава народа», а целью деятельности художников — прославление России. Местами Княжнин лишь перефразирует известные высказывания великого патриота: «Ожидай, Россия, превосходных художников, происходящих из собственных недр твоих, славу твою и сынов твоих начертавающих». Поэт призывает художников доказать,

Что не единою победой помрачать
Своих соперников россияне удобны,

и несколько раз возвращается к мысли о значении воспитания и образования: «Напредь талантов всех нам нужен человек»,

Без просвещения напрасно всё старанье, —
Скульптура — кукольство, а живопись — маранье.

Но Княжнина уже не удовлетворяет представление об искусстве только как о «подражании природе». Бессмертные произведения, в которых «мармор говорит и душу холст имеет», должны быть одухотворены большой мыслью. Подлинно великий художник — «в красках философ и смертных просветитель».

Княжнин не является безоговорочным сторонником канонических правил классицизма. Произведение искусства должно быть прекрасным, вызывать восхищение, пленять,

Но чтобы нам до этого достигнуть,
Риторика! пожалуй, извини:
Все бисеры твои нам должно кинуть, —

говорит Княжнин в «Послании к трем грациям», противопоставляя авторам, соблюдающим все каноны, писателя, который

Понравиться без правил смел и мог
Риторики всея на посрамленье.

Иронически относясь к риторике, Княжнин, преподаватель Кадетского корпуса, обязан был читать курс ее. В дошедших до нас отрывках курса, наряду с общими местами, есть некоторые интересные мысли. Так, писатель отказывается от характерного для философии Декарта, а с ней и европейского классицизма, признания абсолютного приоритета разума. Упоминая лишь вскользь о необходимости управлять страстями посредством рассудка, Княжнин, подобно большинству просветителей, утверждает, что наиболее действенной силой являются страсти, воздействуя на которые, искусство может оказывать влияние на человека. Помимо истинных страстей, называемых автором «порывами бури», он говорит о «чувствованиях», или «приятных страстях». Изображение больших страстей — любви и ненависти — относится, по мнению Княжнина, к области трагедии. На долю лирики остаются «чувствования», приносящие «мирное удовольствие» Соответственно этим взглядам «великие страсти» одушевляют монологи героев его трагедий — Сваделя, Росслава, Вадима. Лирика же переводчика суровых трагедий Корнеля и автора «Вадима Новгородского», большей частью камерная, оказывается ближе к сентиментализму и потому порою не укладывается в рамки жанров, установленные нормами поэтики классицизма.

Следовать образцам, используя при этом сюжеты и мотивы лучших классических произведений античности и нового времени, заимствовать даже отдельные описания — таково одно из кардинальных требований нормативной поэтики. Несмотря на некоторые отступления от канонов этой поэтики, Княжнин остался верен классицизму. Вот почему одна из особенностей творчества Княжнина позволила Пушкину назвать его «переимчивым». Эта характеристика должна быть понята исторически. Назвав так Княжнина, он поставил его имя вслед за именем Фонвизина, сказал, что Княжнин блистал на сцене. Пушкин вовсе не хотел унижать драматурга, — он определял характер творчества писателя, кото-

рый неутомимо переносил на русскую сцену образцы новых жанров, популяризировал идеи передовых европейских мыслителей, был переводчиком, перенимал лучшее в опыте французских и итальянских драматургов, создавая при этом настоящие русские комедии, и, подобно большинству современников, использовал в некоторых произведениях сюжеты, разработанные ранее. К этому можно добавить, что лучшие произведения Княжнина не зависят ни от каких образцов.

3

Первым художественным произведением, появившимся за подписью Княжнина, был перевод французского романа «Несчастные любовники, или Истинные приключения графа Коминжа, наполненные событий жалостных и нежные сердца чрезвычайно трогающих» (СПб., 1771). На основании романа Княжнин написал стихотворное «Письмо графа Комменжа к матери его». В «Письме» излагается наиболее подробно заключительная часть романа и намечаются черты, характерные для лирики Княжнина.

Основная тема романа и «Письма» Княжнина, тема зла, причиняемого деспотической властью родителей, калечащих судьбу детей, переплетается с весьма характерным для века Просвещения отношением к религии и монастырям. Лишившийся возлюбленной герой идет в монастырь. Но монастырское уединение рисуется писателем не как путь к духовному возрождению, а как подготовка к смерти, если не как сознательное самоубийство. Посвящая жизнь молитвам и раскаянию, отрекаясь от мирских забот и страстей, монахи «мудрствуют, природу разрушая». Их вид во время молитв — «печально зрелище». Их кельи — «гробницы для живых». В трагический момент, когда герой узнает в умирающем молодом послушнике свою возлюбленную, в пустынниках пробуждаются человеческие чувства:

Суровы смертны те делили скорбь мою,
Природа в первый раз вошла в страну сию.

Любовь, пробудившая «природу» даже в суровых монахах, сильнее родительской власти, сильнее религии, сильнее самой смерти.

Незаурядное для русской литературы XVIII века по силе утверждения превосходства человеческого чувства над религиозными догмами и феодальной моралью «Письмо графа Комменжа» сохраняет историко-литературный интерес и как одна из первых попыток русского писателя передать сложные душевные переживания,

о способахъ сочинения

~~о разныхъ родахъ прозы~~ писания

риторика, логика и грамматика ~~родъ~~
суть три необходимыя знания ~~для~~ словесника писателя
всякаго писателя, ~~которыя никогда не~~ не разлучные
~~должно оныя заставить~~. Логика есть
искуство хорошо мыслить; грамматика ~~хорошо~~
~~правильно~~ правильно говорить ~~что мыслить~~; риторика
~~что говорить, то украшать красноречиемъ~~
говорить красноречиво. Хорошо мыслить,
значитъ ~~въ свои мысли разполагать~~ располагать свои ~~мысли~~ идеи
с точностию и ясностию; ~~свои разсуж~~
~~заключать~~ делать въ своихъ заключенияхъ справедливо и осторожно
~~истинно и осторожностью~~ и ~~въ своихъ~~ разсуждать
~~такъ~~ связно и чисто

правильно говорить значитъ употреблять
принятыя слова ~~и словосложения~~ и конструкцию или словорасположение узаконенныя
по правиламъ языка; ~~что есть~~ что есть убегать
барбаризмовъ въ словахъ и соллецизмовъ
въ фразахъ. Говорить красноречиво
значитъ заставлять себя слушать, и уверять
слушателей или читателей. Сии три
средства идутъ общия всемъ родамъ
~~всемъ~~ сочинений, въ наукахъ и литературе
и ~~истории~~, въ ~~сочинениях~~ делахъ ~~оныя~~ всех
~~добрые впечатления~~, ~~приятность~~ ~~для~~ правила ~~украшение~~ и
изобилие дарования ~~сочинителемъ~~.

барбаризмъ есть употребление слова на [illegible] иностранномъ языке или слова не русскаго или хотя и русскаго но невъ томъ роде, числе и падеже или глагола невъ томъ времени в которомъ должно и такъ далее. Соллецизмъ: если фраза ~~другими разположена~~ ~~не по свойству языка~~ запутана и темна или хотя и не темна но ~~и~~ разпоряжена не свойственна: напр.: ~~[illegible]~~ dire du coeur. [illegible]

Такъ же до барбаризмовъ ~~[illegible]~~ [illegible] Тоже и [illegible] Сабаш: [illegible]

~~# напримеръ если въ разговоре я хочу выразить что я желаю~~
напримеръ если ~~[illegible]~~ [illegible] хватал в руками и хвалить рукомъ сие будетъ барбаризмъ [illegible]
противъ правилъ языка. [illegible] таковы барбаризмы: [illegible]

воссоздать психологию потрясенного человека. Работая над «Письмом», поэт учился передавать страсть, учился той эмоциональной выразительности, которая позволила одному из историков театра заметить, что на русской сцене «чувство впервые только заговорило языком Княжнина, а потом Озерова».[1]

В числе известных нам произведений Княжнина есть лишь одна ода — это ода 1773 года «На бракосочетание... великого князя Павла Петровича...». В ней поэт сохранил основные особенности русской оды, определенные творчеством Ломоносова. Восхваление новобрачных, обязательные, но умеренные комплименты императрице сочетаются с превознесением Петра I, основного героя ломоносовских од.

Начавшийся кризис классицизма, естественно, отразился на жанре оды, которая стала превращаться в простое славословие царствующей монархини и ее фаворитов. «Унижением муз и Аполлона» назвал в 1790-е годы одическую поэзию Н. М. Карамзин. Гораздо раньше, в 1780 году, В. В. Капнист именовал современных ему одописцев «слагателями вранья». Злой насмешки исполнены и высоко оцененные Н. А. Добролюбовым строки, посвященные оде Княжниным в «Письме к княгине Дашковой» («Я ведаю, что дерзки оды, Которы вышли уж из моды» и т. д.).

Чтобы спасти оду как жанр, нужен был большой талант Державина, вовремя понявшего, что «похвалы одни утомляют не токмо посторонних читателей, но и самого героя... ежели они не приправлены аттической солью нравоученья или сатиры».[2]

«Аттической соли» сатиры в «Письме» Княжнина немного. Более того: в нем самом сохранены элементы оды, но это уже ода нового типа, близкая к полушуточной-полусерьезной оде Державина «Фелица». Вариантом оды было и предпосланное собранию сочинений «Посвящение» Екатерине II.

Лирические произведения Княжнина не равноценны по своим художественным достоинствам. По-настоящему поэтичны «Стансы богу», которые, по словам Добролюбова, «по теплоте чувства и по чисто христианскому взгляду на бога, единственно как на высочайшую любовь», стоят «гораздо выше знаменитой оды Державина».[3] «Стансы» оригинальны по необычно простой трактовке вы-

---

[1] Ф. Кони. Еще один из русских трагиков. — «Пантеон», 1851, т. 1, кн. 1, стр. 21.

[2] Г. Р. Державин. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. 3. СПб., 1866, стр. 495.

[3] Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. 1. Л, 1934, стр. 82.

сокой темы, причем трактовке отнюдь не традиционно религиозной. Человечный бог Княжнина — это не суровый бог, именем которого грозит людям церковь. Княжнинский бог стоит вне официальных религий уже потому, что у него, как подчеркнуто в стихотворении, нет рабов, и он тщательно отгораживается от всех, кто его именем сулит человеку кары при жизни и адские мучения после смерти. Но это и не державинский всемогущий хозяин мира, перед которым человек чувствует себя рабом и червем. Бог княжнинских «Стансов» — источник жизни и любви, место которому оставлял деизм, но раскрытый не через сложное философское восприятие, а через простое человеческое чувство.

Менее оригинальны «Стансы на смерть», в которых говорится о суетности человеческих стремлений, о тщетных поисках счастья. Если в оде Державина «На смерть князя Мещерского» звучит «вопль подавленной ужасом души, крик нестерпимого отчаяния» (Белинский), то «Стансы» начинаются с мысли, что смерть страшна лишь счастливцам. Страдающий человек ждет ее как избавления от страданий. Эта нетрадиционная мысль тонет в потоке общих рассуждений, которые по своим длиннотам и необработанности языка заставляют думать о незавершенности стихотворения, напечатанного после смерти автора.

А между тем в монологах и репликах Сваделя, Росслава, Массиниссы, Вадима Княжнин воспел смерть «за общество», смерть ради блага отчизны, презрение к смерти как свидетельство непокоренности духа, как последнее средство сохранения свободы, наконец, смерть как грозного судью тиранов. Все эти большие идеи выражены в сильных, энергических стихах, не похожих на вялые «Стансы». Возможно, что Княжнин почти не перенес в стихотворение отзвука речей героев трагедий потому, что их мысли связаны с «великой страстью» — ненавистью, которой поэт обычно не находит места в лирике.

Лишь изредка звучат в стихотворениях Княжнина обличительные ноты. Так, созвучны трагедиям строки в оде «Утро», в которых поэт говорит о постоянном объекте своих нападок — заматерелых в низости смертных богах — вельможах — и о тех, кто пресмыкается перед ними. Гневные строки посвящены суду, точнее неправосудию в целом, Княжнин обличает «кривизну» законов и «священный правды храм» бездействующей Фемиды.

Княжнин не проходит мимо одного из основных понятий своего времени — «чувствительности», понятия, которое лежало в основе теории и практики сентиментализма:

Чувствительность! о дар божествен!
Ты нас прямей ведешь к концу,
И крыл твоих полет торжествен
Возносит сердце ко творцу.

(«Стансы богу»)

Интерес Княжнина к сентиментализму проявился в «Письме графа Комменжа» и переводах сентиментальных идиллий Геснера. В 1778 году напечатана «сказка» «Флор и Лиза», названная позднее «романсом». Оба определения жанра неточны, так как сказка имела обычно шуточный или аллегорический характер, для романса же произведение слишком велико. «Флор и Лиза» — одна из первых русских стихотворных новелл, причем это новелла сентиментальная и по содержанию и по форме. История бедной обманутой Лизы и ее возлюбленного, променявшего любовь на богатство, а затем раскаявшегося, в основных чертах предвосхищает повесть Карамзина «Бедная Лиза».

Наряду с мотивами сентиментальной поэзии, в стихотворения Княжнина, переводные и оригинальные, вторгались мотивы эпикурейские («Вечер», «Воспоминание старика», «Послание трем грациям», «Ты и Вы» и др.).

Стихотворение «Вечер», как и «Утро», названо одой. А по содержанию и стилистике оно является одним из первых образцов так называемой «легкой» поэзии. Популярная во французской литературе последней трети XVIII века, «легкая» поэзия завоевывала позиции в России в тот же период параллельно с сентиментализмом. Но если сентиментализм изжил себя уже в 1800-е годы, то «легкая» поэзия осталась жить до 20-х годов XIX века, достигнув наибольшего совершенства под пером Батюшкова и молодого Пушкина. Откровенно провозглашая «свободу» от всякой политики, замкнутая в узкой тематике, «легкая» поэзия уходила от гражданских тем. Но пренебрежением к таким жанрам, как ода, утверждением личной независимости она несла в себе элемент оппозиционности по отношению к официальной литературе. Эпикуреизм, эротика, оправдание чувственной природы человека звучали подчас вызовом церковной морали. Эти особенности «легкой» поэзии и обеспечили ее длительный успех.

В лирике Княжнина эпикуреизм сочетается с утверждением высокой ценности человеческого чувства и гордым сознанием превосходства независимой личности над духовной низостью сильных мира сего. В период разросшегося влияния масонства даже скромное прославление любви и земных наслаждений, а тем более фри-

вольная шутка вызывали нарекания. Ответом на них является «Письмо к г. Д. и А.». Княжнин отвергает «пасмурных учителей» розенкрейцерства еще более решительно, чем раньше он отверг «суровых смертных» монахов и «угрюмых мудрецов» церковников.

Обращение к сентиментализму и «легкой» поэзии требовало новых художественных средств. Княжнин не сразу нашел их. В «Письме графа Комменжа» интимные чувства частного человека в основном переданы языком героев классической трагедии. История Флора и Лизы рассказана средним стилем. Живости стихотворения способствует элемент драматизации и активное вмешательство авторского голоса, который прерывает повествование, взволнованно предупреждает, упрекает: «Ты клялся... трепещи, неверный! .. Не верь льстецу, о Лиза нежна! Не верь...»

Местами во «Флоре и Лизе» достигнута простота повествовательной интонации: «В Москве, обильной красотами, прелестна Лизанька цвела». Вместе с тем средний стиль Княжнина 1770-х годов еще недостаточно прост. Он отягчен обилием инверсий и усеченных форм причастий, прилагательных. «Я слышу алчной смерти глас» — звучит слишком торжественно в устах «бедной Лизаньки». «Томный зрак», «стенет» и т. п. заставляют все время помнить, что перед нами стихотворение XVIII века.

В «Послании трем грациям», «Вечере», «Воспоминании старика», «Ты и Вы» и др. архаический оттенок постепенно исчезает. Порою Княжнину удается добиться подлинной легкости и изящества стиха.

К поэзии начала XIX века ведет новый поэтический словарь, формирующийся в «легких» стихах Княжнина, создание устойчивых поэтических формул, усиление роли эмоционального эпитета: «грезы и мечты», «томна природа», «тихая заря», «уныло чувство», «смесь грустей неизбежных», «радостный источник слез», «сладкое рабство». Особенно охотно Княжнин обращается к эпитету «нежный»: «поэзия нежная», «нежно крыльев трепетанье», «нежны пляски». Вся эта поэтика «нежного», «сладостного» почти в тех же формулах вырабатывается одновременно в стихах современников Княжнина, представителей раннего русского сентиментализма. Она расширяется у Карамзина, превращается в штампы у его эпигонов и одухотворяется «таинством страданья» в поэзии Жуковского. Княжнинское «В тревоге нежной сладких дум» и звучит как стихотворная строка Жуковского.

Эмоционально окрашенные поэтические формулы-словосочетания составляют лишь часть поэтического языка Княжнина. Чуткий к новым веяниям поэт учитывает и опыт Державина, влияние

которого особенно заметно в «Воспоминании старика», но не столько повторяет его, сколько создает собственные, подчас удивляющие своею простотой и зрительной ощутимостью образы:

Когда дождь мелкий, ядовитый
Лишит одежды шумный лес
И солнце, бросив луч сердитый,
Сокроется среди небес, —
Бывало, несмотря на стужу,
На мрачность всех осенних дней,
Весельем грусть обезоружу...

Накопление обычных слов, «прозаических» деталей, из которых вырастает поэтический образ, — это, конечно, державинский принцип, но сама картина осени с ее «мелким, ядовитым дождем» и «сердитым лучом» осеннего солнца — находка Княжнина.

4

Представители раннего русского сентиментализма и «легкой» поэзии, как позднее и Карамзин, отказывались от сатиры, считая ее жанром, недостойным истинного искусства. В отличие от них, Княжнин сохраняет связь с самым плодотворным в XVIII веке направлением русской литературы.

Одним из наиболее удачных сатирических произведений Княжнина является помещенное в «Собеседнике» стихотворное «Исповедание Жеманихи», адресованное «сочинителю „Былей и небылиц"» — то есть Екатерине II. Державная сочинительница благосклонно приняла послание и поместила его в конце своих «фельетонов», хотя «Исповедание Жеманихи» существенно отличалось от пресных, перескакивающих с темы на тему «Былей и небылиц». Кажущаяся чистосердечной болтовня светской барыньки Жеманихи создавала яркую картину разложения нравов дворянства. Тема эта была не новой, но в том-то и была соль «Исповедания», что оно заставляло вспомнить о лучшем сатирическом журнале XVIII века — «Живописце» Н. И. Новикова.

«Ты, радость, беспримерный автор, по чести говорю — ужесть, как ты славен», — начинала Щеголиха свое письмо, напечатанное в девятом листе «Живописца». И Жеманиха начинает с восторгов перед «милым легким» слогом «Былей и небылиц». «Исповедание» и дальше построено по принципу письма новиковской Щеголихи. Чтобы у читателей не оставалось сомнения в родословной героини, Княжнин заставляет ее не только использовать общие черты

жаргона, осмеянного в журнале Новикова, но буквально перекладывает в стихи отдельные строки. Так, «по чести говорю — ужесть, как ты славен» превращается в «по чести, мне ты ужесть мил!».

Смешение языков в дворянском жаргоне осмеивалось многими русскими писателями. Княжнин впервые перелагает макаронический стиль в стихи и делает это очень удачно, смешивая в единое целое русский язык с французскими словами и жаргонизмами, произведенными от французского корня («вертижами»). По принципу «Исповедания» построены пользовавшиеся большим успехом в XIX веке «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой» И. Мятлева.

В литературно-полемическом послании «От дяди стихотворца Рифмоскрыпа» Княжнин объединяет отвлеченные нападки на плохих стихотворцев вообще с ядовитыми насмешками над «надутой» поэзией и ее ведущим представителем В. Петровым. И в данном случае Княжнин продолжает линию сатирической журналистики 1769—1772 годов. Яростно защищаясь от нападок «Трутня» и «Живописца», Петров апеллировал к высоким покровителям: Потемкину и самой императрице, громогласно назвавшей своего любимого поэта вторым Ломоносовым. «Твой тонкий слух моих сложений вождь», — писал Петров Потемкину, давая слово не пытаться угождать «непросвещенной черни». «Мне стать ли, как она, идеями ползти», — горделиво восклицал он.

Княжнин не скрывает адресата своих насмешек. Петров пишет:

Я крепко за орла парящего держался.

Княжнин парирует:

Вот так-то ободрен, в свои влюбленный враки,
Быть думает орлом, а ползает, как раки.

На призыв Петрова: «От общей низкости возвысь твой смысл и речи» и его откровенное презрение к «непросвещенной черни» Княжнин отвечает ироническими похвалами Рифмоскрыпу:

...Одни лишь низки слоги
Понятны всякому; а кто, равно как боги,
Высоко говоря, на крылиях парит,
Тот должен не понять и сам что говорит.
То честь ли, коль творца так мало почитают,
Что без разбора все его стихи читают?
Что приступ всякому свободный, легкий к ним?
Что чернь бесчестит их понятием своим?

Княжнин отдаёт дань и таким распространенным в XVIII веке жанрам, как басня и сказка. Басен у него немного, и они охватывают небольшой круг вопросов. Всемогуществу и неправосудию сильных посвящена не раз переводившаяся в России басня Лафонтена «Мор зверей». Высокомерие и самонадеянность больших бар осмеивают басни «Дуб и Трость», «Меркурий и Резчик», спесь новоиспеченных бояр — басня «Добрый совет». Наиболее интересна из них «Дуб и Трость». Знакомая русскому читателю по ряду переводов, басня Лафонтена получает у Княжнина оригинальную трактовку: Трость у него выживает потому, что, являясь воплощением подхалимства, она нижайше кланяется «почтенному дубовым чином» и падает в ноги перед грозным Бореем.

Бо́льшая часть басен Княжнина — притчи в сумароковском духе. Удачно создается образ балагура-рассказчика, вольно беседующего с читателем:

Подробно им скажи о том о сем:
Каков лицом?
Каков кудрями?
Каков бровями?
Велик ли рост?
И даже и о том, у вора есть ли хвост?

Живо передается непринужденная болтовня действующих лиц. Причем если в первый момент пораженный встречей судья естественно восклицает:

...Ах, батюшки мои!..
Так! это он! старинный мой знакомец! —

то дальше его дружеская беседа ведется в форме непрерывных вопросов, которые естественны для давно не видевшихся людей, тем более в устах судьи, привыкшего допрашивать:

Скажи: товарищи, залетны наши птицы,
Где ныне? как живут? и чем? и кто?

Охотно обращается Княжнин к просторечию, причем не только в «Ладно и плохо», где передается разговор крестьян и введены диалектизмы, типичные для псковитян, но и в других баснях: «Молодчик наш взбесился, вскричал, вскипел, вздурился». В баснях мелькают присущие Княжнину-драматургу мастерские краткие формулировки: «Он знал, что ценно лишь одно горячее вино», «Когда чего не можно заслужить, то можно то у нас купить».

Нельзя не обратить внимания на выразительную лапидарную концовку басни «Мор зверей»:

И у людей такой же нрав:
Кто силен, тот у них и прав.

Неприязненное отношение Княжнина к монашеству и официальной церкви позволило ему обратиться к антиклерикальной поэме Грессе «Ver-Vert», переделанной им в «если не поэму, так сказку» — «Попугай». Напечатана она была после смерти автора. Дошедший до нас список более «озорной» редакции свидетельствует, что произведение было известно при жизни Княжнина.

У Грессе заимствован лишь рассказ об «испортившемся» попугае. В остальном Княжнин самостоятелен. Место действия перенесено в Россию. Попугай воспитывается не в монастыре, а в дворянской семье. Бытовых деталей в поэме немного, но национальный колорит проступает в ней яснее, чем во многих других произведениях Княжнина. Он создается не «коренными российскими словами», заимствованными Жако в военном лагере, а ярко очерченными образами богомольной старухи, ее дочери, типичной барышни-щеголихи, и сына-солдафона. Их характеры и настроения находят отражение в их языке, которому удачно подражает Жако. Неподделен комизм ситуации в начале поэмы, когда мать разучивает с попугаем акафисты, а дочь — любовные песенки. Искренне веселясь, рассказывает историю незадачливого «попеньки» автор, быстро и живо ведется диалог. Мастерство зрелого поэта и драматурга чувствуется во всей сказке, которая по характеру своему является предшественницей шуточных поэм периода «Арзамаса». Впрочем, поэма пригодилась не только арзамасцам. Грибоедов, хорошо знавший произведения Княжнина, косвенно указал на духовное родство солдафонов двух поколений, заставив Скалозуба дословно и с той же интонацией повторить уверения сына старухи («Как честный офицер. . .»).

5

Комическая опера родилась и получила широкое распространение в предреволюционной Франции. С ней пришли на сцену образы крестьян, ремесленников, купцов, которым не находилось места в драматургии классицизма. Противопоставление добродетелей третьего сословия испорченности дворян, утверждение

свободы человеческой личности, оправдание чувства — характерные черты европейской комической оперы.

Первый образец русской комической оперы — «Анюта» М. И. Попова (1772) — попытка изобразить жизнь крестьян, их нравы, речь. Правда, обличительная линия, намечающаяся в песне, открывающей пьесу, и отдельных репликах, приглушается признанием морального превосходства дворян.

Если в «Анюте» образы крестьян выполняют комедийную функцию, то в опере Н. П. Николева «Розана и Любим» (1776) они являются носителями положительных идеалов. Испорченному неограниченной властью помещику Щедрову противопоставлены честные, глубоко чувствующие крестьяне. Сущность крепостнических отношений правдиво раскрывается в песне лесника, хоровой песне псарей, в сценах грубейшего произвола помещика. Развязка пьесы снимает остроту конфликта. Горе Розаны и ее отца заставляет барина устыдиться своих поступков.

Идеализация отношений между крестьянами и помещиками составляет суть следующей комической оперы Николева — «Приказчик» (1777) и «пастушеской драмы» В. И. Майкова «Деревенский праздник, или Увенчанная добродетель» (1778).

Одной из лучших комических опер XVIII века была опера Княжнина «Несчастие от кареты».[1] Исполненная искреннего сочувствия к крестьянам, она показывала фальшь таких пасторалей, как «Приказчик» Николева и «Деревенский праздник» Майкова, и выгодно выделялась как произведение, продолжающее лучшие традиции новиковской сатиры.

Осмеивая рабское преклонение господ Фирюлиных перед Францией, их презрение ко всему русскому, их глупость, невежество, помешательство на новинках французской моды, Княжнин идет вслед за «Бригадиром» Фонвизина, «Трутнем» и «Живописцем» Новикова. Но он делает шаг вперед и, предвосхищая сатиру Крылова, показывает, что погоня за французской модой не только смешна, ибо она дорого обходится крестьянам. На единстве смешного и драматического и строится «Несчастие от кареты».

Смешон господин Фирюлин, «деликатес слуха» коего «повреждается» русскими, «грубыми, варварскими» именами. Смешна его супруга, недоумевающая, почему в деревне, расположенной близко от столицы, никто не говорит по-французски, а «во Франции от столицы верст за сто все по-французски говорят». Смешны неле-

---

[1] По словам А. Я. Княжнина и Е. Болховитинова, опера была написана не позднее 1772 года. Поставлена в 1779 году.

пые «указы», в частности тот, в котором барин заявляет, что он удавится, если не купит модной французской кареты. Но смешной барский «указ» становится источником драмы для крестьян, ибо ради кареты продаются живые люди, разлучаются любящие сердца. На серьезные мысли наводило изображение страданий крестьян, их зависимости от самодурства барина и приказчика, единство интересов которых впервые в XVIII веке показано именно Княжниным. «Да по чьему же, когда не по барскому, приказу я это делаю?» — спокойно возражает приказчик Лукьяну, который хочет жаловаться барину. Драма честных людей явление обычное:

Кто шут, кто плут,
Того не гнут,
А тот страдает,
Кто работáет, —

поет шут Афанасий. «Боже мой! Как мы несчастливы! Нам должно пить, есть и жениться по воле тех, которые нашим мучением веселятся и которые без нас бы с голоду померли», — восклицает Лукьян. Доведенный до отчаяния, он угрожает приказчику, но сила не на его стороне. Лукьяна заковывают в цепи, однако и в цепях он не примиряется со своею участью:

А если мне уже не будет средства боле,
Во смерти я прибежище сыщу.

Отсутствие страха перед смертью, духовная свобода, сохраняющаяся и в цепях, — характерные черты героев трагедий Княжнина. Наделяя теми же качествами несмирившегося крестьянина, писатель подчеркивает благородство его чувств и свое уважение к ним. [1]

Драматический конфликт определяет язык пьесы, отличный от языка «Анюты» Попова с ее «охти, охти, хресьяне» и десятков других произведений, в которых передача диалектных особенностей крестьянской речи и всякие «ста», «дискать» служили приемом внешнего комизма. Лукьян говорит литературным языком, соответствующим его высоким чувствам и драматичности положения.

---

[1] В «Истории русской литературы XIX века» под редакцией Ф. М. Головенченко и С. М. Петрова (М., 1960) говорится, что в комедиях Сумарокова и Княжнина «мужик изображался в нелепых комических ситуациях» (стр. 339). Это утверждение явно противоречит истине.

Просторечие других крестьян не вызывает смеха. Зато смешон язык господ Фирюлиных, уснащенный кстати и некстати вставляемыми французскими словами.

Жанровые особенности комической оперы требовали благополучной развязки. И Княжнин мотивирует ее очень правдиво, чего не замечают многие исследователи. Не проснувшаяся совесть господ, не разоблачение приказчика, а новая барская прихоть освобождает Лукьяна. Пара французских слов, естественно, умиляет галломанов. Однако карета не куплена. У Фирюлина много крестьян, и один из них, выбранный тем же жуликом-приказчиком, будет продан вместо Лукьяна. Благополучная для молодой четы развязка явится причиной новой драмы, также предопределенной условиями крепостнического произвола.

Комические оперы Княжнина 1780-х годов лишены драматизма «Несчастия от кареты». Написанная в содружестве с Пашкевичем опера «Скупой» (около 1782 года) — легкая комедия, весело и вместе с тем зло повествующая о ростовщике, одураченном ловкими слугами. Живо представлена психология сквалыги, колеблющегося между боязнью потерять деньги и желанием угодить невесте. Смешна сцена, в которой он все-таки требует с невесты расписку, предлагая писать в целях экономии бумаги без точек и запятых. В пьесе запечатлены черты современного быта. Характерно недоверие служанки к посулам барышни, разговоры об оброке. Злободневным было сожаление Скрягина по поводу того, что для воспитания девиц «завелися какие-то монастыри» (то есть Институт благородных девиц в Смольном монастыре), а «процентов десятка по три слупить» мешают «ссудные да сохранные казны» (ссудные казны были, между прочим, как и Смольный, организованы по инициативе Бецкого). Шире, чем в «Несчастии от кареты», введены просторечные слова и обороты: «Вот тебе подарки от твоей сударки», «Ты не любовник, а киса», «Дай-ка ей в девках посидеть», «слупить», «ты врешь, болван» и т. д. Смело и оригинально использована музыка.

Современники высоко ценили «Скупого», но еще более популярной была комическая опера Княжнина «Сбитенщик» (1783. Музыка Бюлана). Правда, П. А. Плавильщиков в опере «Мельник и сбитенщик — соперники» противопоставил пьесе Княжнина, как более самобытное произведение, комическую оперу А. Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик и сват» (музыка М. Соколовского, в позднейшей редакции Е. Фомина). Но упреки Плавильщикова справедливы лишь частично и скорее могут быть отнесены к музыке, чем к тексту. Сюжет «Сбитенщика» близок к многочислен-

ным произведениям мировой литературы, в которых говорится о напрасных усилиях старого ревнивца завоевать сердце молодой женщины. Традиционную коллизию Княжнин обновил, перенеся внимание зрителя на бывшего солдата, умного, ловкого, находчивого торговца сбитнем Степана. Возможно, что на выдвижении в центр интриги демократического героя и на самом облике Степана сказался интерес Княжнина к Бомарше, мемуары которого он переводил для журнала «Санктпетербургский вестник». Но главное в том, что проворный сбитенщик совсем не похож на иноземца, и его образ гораздо ближе национальной традиции русского народного театра, неоднократно рисовавшего победу смекалистого простого человека над глупым богачом. Национальная и демократическая сущность образа Степана подчеркнута уже первой арией его («Вот сбитень! Вот горячий!»), которая напоминала интермедии народного театра и являлась типичным для уличных продавцов зазывом с рифмованными прибаутками.[1] Не иностранцы, а русские и другие персонажи: купец Волдырев, его наивная до глупости воспитанница Паша, служанка Власьевна, слуга Фаддей. В пьесе звучал живой русский язык, обильно уснащенный пословицами и поговорками, особенно в речи Степана. Нарочито просторечен язык глупца Фаддея, тугоумие которого выражается, в частности, в постоянно прибавляемой частице «ста»: «денег-ста нет», «слышу-ста» и т. д. Все это в соединении с живостью и занимательностью действия поддерживало длительный успех оперы в самых широких кругах и вызывало недовольство пуристов. Евгений Болховитинов находил в пьесе много «простонародных, часто даже грубых шуток» и, вопреки Плавильщикову, считал, что она написана «в угодность русскому партеру и райку».

Комическая опера «Мужья — женихи своих жен» (1784? Автор музыки неизвестен) и «Притворно сумасшедшая» (напечатана в 1787 году, поставлена с музыкой Астарита в 1789-м) — веселые комедии с переодеванием. Развлекательный сюжет, запутанная интрига, непринужденность и динамичность действия, остроумный диалог, легкий стих делают эти оперы предшественницами водевиля XIX века.

Оперы, написанные Княжниным в 1780-е годы, лишены социальной остроты «Несчастия от кареты». Княжнин не пошел по пути писателей, идеализировавших крепостную деревню, но и не вернулся к показу ее жизни, может быть потому, что в ней было

---

[1] См.: В. Д. Кузьмина. Русский демократический театр XVIII века. М., 1958, стр. 132.

мало смешного. Затронутый в «Несчастии от кареты» вопрос о незаконной продаже в рекруты был одним из самых больших зол крепостничества. О нем сказал и Крылов в своей «Кофейнице» (1783). Дальше этого *комическая* опера не пошла. Изображать весело поющего и пляшущего крепостного мужичка Княжнин не хотел. Он сосредоточил в «Скупом» и «Сбитенщике» внимание на быте городского мещанства, создав, в сотрудничестве с композиторами, произведения, оказавшие немалое влияние на развитие русского музыкального театра.

6

Согласно законам классицизма, трагедия, относящаяся к «высоким» жанрам, должна была быть написана стихами. Комедии же могли быть и стихотворными, и прозаическими. Основные русские комедии, комедии Сумарокова, Лукина, «Бригадир» и «Недоросль» Фонвизина, — прозаические. Первая комедия Фонвизина «Корион» (переделка «Сиднея» Грессе) написана стихами. По-видимому, она не оставила заметного следа в драматургии, так как М. М. Херасков в предисловии к французскому изданию поэмы «Чесменский бой» (1772) с гордостью говорит о своей комедии «Ненавистник» как первом опыте стихотворной комедии.[1] Однако недостаточно живая и веселая комедия Хераскова не создала традиции, как не создала ее и слабая пьеса Николева «Самолюбивый стихотворец» (1775). Только с «Хвастуна» и «Чудаков» Княжнина стихотворная комедия заняла почетное место в русском театре, упроченное бессмертным шедевром Грибоедова.

Говоря о комедиях Княжнина, исследователи обычно связывают их с театром Мольера, Реньяра, Детуша, Брюэса и других французских авторов. Само обилие имен говорит о том, что речь может идти лишь об обращении Княжнина к ходовым сюжетам и мотивам. Более существенна связь между «Хвастуном», «Чудаками» и сатирой Новикова, комедиями Фонвизина. И дело, конечно, не в подражании, а в том, что, продолжая традиции русской сатиры, Княжнин смеялся над типичными явлениями русской действительности XVIII века, хотя и не поднялся до острого сатирического обличения «Недоросля».

Характерна для екатерининской эпохи основная коллизия комедии «Хвастун». Легкость, с которой Верхолету удается убедить окружающих, что он попал в «случай» при дворе, порождена ча-

---

[1] См.: «Литературное наследство», № 9—10. М., 1933, стр. 294.

стыми фактами превращения ничтожества в вельможу. Имена Корсакова, Ланского, Ермолова и им подобных были широко известны, а в «случай» попадали не только любовники императрицы, но и те, кто умел угодить ей.

В образе Верхолета, безудержного лгуна, картежника, мота, спасающегося от кредиторов, предвосхищены некоторые черты Хлестакова, и, хотя гоголевский образ, разумеется, сильнее, глубже, сама ложь Верхолета, пожалуй, правдоподобнее. Поверить в тридцать тысяч курьеров могли лишь ослепленные страхом провинциальные невежды. А в то, что «случайный» человек может сделать тупицу сенатором, верит не только Простодум. Разумный Честон уговаривает Простодума не принимать звания сенатора, тем самым допуская возможность такого назначения.

Типична картина раболепия окружающих перед мнимым графом. Простодум и Чванкина не только льстят в ожидании милости вельможи. Ослепленные титулом, они искренне приписывают Верхолету многочисленные достоинства. К искренности их примешивается и доля страха. «Как знатных не бояться!» — восклицает Чванкина. «Не знаешь, как он силен у двора, пропал ты, и навек», — испуганно сочувствует она Честону. Угрозы Верхолета, запуганность Чванкиной хорошо характеризуют атмосферу екатерининского двора.

Знатность и богатство определяли положение человека не только в столице. Провинциальный дядюшка Верхолета Простодум на собственной шкуре испытал отношение соседей, «которые себе в богатстве мер не ставят, которые... своею спесью давят» и жмут тех, кто бедней, «равно как скот». Простодум молчит, потому что он небогат, власть его распространяется лишь на крестьян, и он копит деньги, «кстати в рекруты торгуючи людьми». Получив надежду на высокий чин, этот брат Скотинина по уму и нравственным качествам предвкушает расправу с соседями:

Я так же их пожму во время сенато́рства
И покажу мои им разные проворства.
Покрепче буду их держать в моих руках
И, как на собственных, на их косить лугах.

Простодум смешон, потому что надежды его иллюзорны. Но характеристика отношений между провинциальными барами поднимает образ до широкого обобщения. Разве то, о чем рассказывает Простодум, не будет позднее с таким блеском представлено Пушкиным в «Дубровском»?

Положительные персонажи «Хвастуна»: влюбленный в дочь Чванкиной Замир и его отец Честон. Честон отвергает претензии родового барства и с презрением относится к тем, кто добивается чинов «чрез хитры происки, чрез теток, через лести».

В конце комедии Честону удается разоблачить Верхолета. В действительности бывало иначе: Верхолеты побеждали, Простодумы занимали важные посты. И следующую комедию — «Чудаки» — Княжнин строит без традиционных положительных образов.

Среди писателей, к которым обращался Княжнин, никогда не называется имя Гольдони. Между тем Княжнин перевел одну-единственную французскую комедию («Лжец» Корнеля) и по меньшей мере три комедии итальянского драматурга. А непосредственная работа над блестящей драматургией Гольдони была превосходной школой. Именно у Гольдони и у Бомарше, которым Княжнин также интересовался, можно было учиться той живости действия, которая отличает «Сбитенщика» и комедии Княжнина от произведений многих комедиографов XVIII века. Гольдони, отказавшийся от одволинейности образов Мольера, воплощавших одну черту, один порок, мог подсказать усложнение и разнообразие характеров, присущее «Хвастуну» и в особенности «Чудакам» Княжнина.

В «Хвастуне» образ Верхолета усложнен обилием отрицательных черт. В Чванкиной осмеяна погоня за титулами, упрямство, глупость, кокетство не по возрасту, но она добра и по-своему человечна. Милена легко ссорится с Замиром, что совершенно невозможно, например, для рассудительной фонвизинской Софьи.

В «Чудаках» отказ от традиции еще заметнее, хотя ряд персонажей напоминает постоянные объекты русской сатиры. Отсутствует в «Чудаках» традиционная безупречная пара молодых влюбленных. Далека от воплощения всяческих добродетелей «ветреница смиренная» Улинька, в облике которой проступали жизненные черты барышни-капризницы. Не менее далек от идеала раздражающий Улиньку своею приторной чувствительностью «весьма романический дворянин» Прият. Образ Прията, свидетельство прочного внедрения сентиментализма в дворянский быт, намечает серию карикатур на сентиментальных воздыхателей.

Нет в «Чудаках» и традиционного резонера. Здравые мысли о природном равенстве людей, об истинных достоинствах человека высказывает Лентягин. Сын кузнеца, недавно ставший дворянином, он, в отличие от большинства «мещан во дворянстве», гордится своим происхождением, с презрением относится к претензиям родовой знати, смеется над щеголями и модными причудами. Сочувствие автора явно на стороне демократически настроенного Лентягина. Но

в образе есть противоречия. Лентягин не замечает, что он, как истинный барин, держит пять часов слугу около себя. «В такое время бы оделась и кокетка», — сетует лакей Пролаз. Лентягин поступает как самодур, решая выдать дочь за первого понравившегося ему человека. И наконец, желание растаптывать предрассудки, не выходя за пределы дома и не снимая ночного колпака, — весь кабинетный бунт Лентягина не может не вызвать усмешки.

Отход от схематического изображения персонажей, разнообразие их, введение новых, подсказанных жизнью образов приближали комедии Княжнина к действительности. Успеху пьес содействовало умелое ведение интриги, исполненной неожиданных поворотов, и использование различных приемов комического. Один из них построен на каламбуре. В «Хвастуне» Полист говорит, что Милену «с пути романы сбили». Чванкина возмущена:

Романы! .. я ее поотучу от них!
Романы! .. слушаться таких людей дурных!
А где они живут? И где она видалась?

Аналогичную осведомленность в вопросах искусства обнаруживает Трусим в «Чудаках». «Теснее с музами в союз хотим вступить», — заявляет Тромпетин.

Кто? девушки они иль вдовушки, скажите?
Изволь, посватаю, чтоб вас на них женить, —

предлагает свои услуги Трусим.

Язык комедий Княжнина обладает большими достоинствами. При помощи речевой характеристики Княжнин создает сценически яркие фигуры. Зло осмеян жаргон галломанов. Чувствительный Прият весь в своих «сладостных» мечтах о том, как будет он вздыхать у ног возлюбленной «на мякеньких лугах между цветов у речки, пасутся издали невинны где овечки». Судья остается приказным и в момент сватовства, майор хочет штурмом взять невесту и т. д.

Индивидуализация языка действующих лиц намечена уже в комедиях Сумарокова. У Княжнина, который мог опереться не только на опыт Сумарокова, но и Фонвизина, язык персонажей меняется также в зависимости от обстоятельств. Лентягина старается «деликатно» говорить с Ветромахом, по мере сил вставляет французские слова, порою безбожно коверкая их. Но стоит «прошедшей княжне» рассердиться, как внешний лоск уступает место грубости: «мой дурак», «мне должно бы тебе лишь в рожу наплевать и выдрать вон глаза».

Пыжится попавший в избранное общество Простодум и по-свойски разговаривает с Пролазом. «Такое мне родство прелестно и священно», — жеманится Чванкина в разговоре со слугой Верхолета. «Миленушка, мой свет», — попросту утешает она дочь, а рассердившись, кричит: «Не ври, замолкни». В просторечие, составляющее основу языка большинства действующих лиц, естественно включаются пословицы и поговорки: «Видна и по полету птица», «Горшки не боги обжигают», «Так лучше не в свои нам сани не садиться» и т. п. Княжнин и сам создает афористические выражения поговорочного типа: «Речами попугай, поступком обезьяна», «Нельзя надеяться на счастье, как на стену, Фортуна женщина, так любит перемену», «Без ума таки жить можно, а без счастия никак» и т. д. Такого рода поговорочные выражения позднее будут доведены до совершенства в баснях Крылова и в «Горе от ума» Грибоедова, но сам принцип создания их был намечен Княжниным.

Иллюзия подлинно разговорной речи создается разрывом стихотворной строки и разделением ее между действующими лицами.

Попытка вскрыть духовную сущность человека через речевую характеристику, просторечие как основа языка действующих лиц, насыщенность пословицами, органически входящими в стих, афористичность, свободно разбитый репликами диалог — все эти особенности комедий Княжнина были развиты Грибоедовым. К Грибоедову ведут и интонация, и словесные совпадения отдельных реплик:

Друзья ведь таковы: хоть мала перемена,
Хоть только крохотно несчастье — все и прочь,
А пуще женщины...

(«Хвастун», д. V, явл. 1)

Все умудрились не по летам,
А пуще женщины.

(«Горе от ума», д. I, явл. 4)

Можно сделать и более существенные сближения. «Всесветный услужник» Трусим, который, «По улицам с лицом таскаяся приветным, Надоедает всем, стараясь угодить», отличается от «всесветного угодника» Загорецкого, пожалуй, только меньшей подлостью. А психология подхалимства, раскрытая в восторженных похвалах Фамусова Максиму Петровичу, намечена в рассказе Трусима («У милостивца мне Андроса то случилось»). Чванкина, подобно Фамусову

озабоченная вредным влиянием книг на дочь, философствует: «Тот вечно не вздыхает и весел завсегда, кто в книги не глядел».

Длительная борьба русских сатириков с галломанами завершается в XVIII веке образом Ветромаха. Нравственный урод, как и все галломаны, Ветромах считает русский язык «за подлинный jargon» и полагает, что говорить по-русски можно лишь «с простым народом, где думать нýжды нет». Для выражения тонких чувств необходим французский язык:

Скажите, как бы мне влюбиться было можно?
Je brûle, je languis? — мне как бы то сказать
Прелестной Улиньке? — неужто бы мычать:
«Я млею, я горю! . .» — fi donc! . .

(«Чудаки», д. II, явл. 2)

Это напоминает реакцию фамусовского общества в «Горе от ума»:

Ну как перевести *мадам* и *мадмуазель?*
Ужли *сударыня!!* .

(д. III, явл. 22)

Конечно, то, что только намечалось Княжниным, доведено до совершенства Грибоедовым. Но важно, что писатель XVIII века смог определить некоторые принципы русской стихотворной комедии. Сходство тем, мотивов, отдельных образов с «Горе от ума», Верхолета с Хлестаковым, известная сюжетная близость «Чудаков» и гоголевской «Женитьбы» говорят о том, что Княжнин, учитывая опыт европейских драматургов, создал произведения, отразившие явления, характерные для русской действительности, оставшиеся жить в нравах дворянства долгие годы. Именно поэтому и благодаря своим художественным достоинствам «Хвастун» с успехом ставился до конца 20-х годов XIX века, П. А. Вяземский хвалил «Чудаков» и назвал «Хвастуна» лучшей русской комедией, отметив, что многие стихи ее вошли в пословицы. Белинский сказал, что талант Княжнина особенно заметен в комедиях. Пушкин не только смолоду высоко ценил Княжнина, но и в пору критического отношения к литературе XVIII века использовал образы «Хвастуна» и «Чудаков» в художественных произведениях («Гробовщик», «Капитанская дочка»), литературной полемике («Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем», «Опровержение на критики»), публицистических статьях («Путешествие из Москвы в Петербург»).

Формой выражения высоких гражданских идей была для Княжнина трагедия. Ей доверил он свои заветные мысли. И эволюция мировоззрения писателя, и связь его взглядов с идеологией просветителей наиболее ясно прослеживаются по его трагедиям.

Отношение к театру как наиболее действенному средству художественной пропаганды освободительных идей свойственно всем просветителям XVIII века. Вопрос о жанрах был предметом ожесточенных споров. Вольтер, сохраняя основные формы классической трагедии, насыщает ее воинствующей идеологией. Сцена для него — трибуна, с которой его герои провозглашают антицерковные, антифеодальные, тираноборческие тирады, популяризируют идеи просвещенного абсолютизма. Наряду с этим Вольтер расширяет сюжетно-тематические рамки классицизма, уходя за пределы мифологических сюжетов и перенося место действия в различные страны и века. Считая трагедию «движущейся живописью, одушевленной картиной», Вольтер старается избежать статичности, наполняет трагедии действием, усиливает их эмоциональное звучание, усложняет сюжет, вводит мелодраматические ситуации, добивается внешней эффектности спектакля.

Дидро и Лессинг противопоставляют классической трагедии «мещанскую трагедию», «мещанскую драму», построенную на изображении драматического конфликта в жизни представителей третьего сословия. Впрочем, Дидро, создав образцы мещанской драмы, видит, что она недостаточно героична, и мечтает о новой монументальной народной трагедии. Попытки создать такого рода трагедии делают Сорен в «Спартаке», Лемьерр в «Вильгельме Телле» и т. д.

Русский классицизм, сложившийся в конце 40-х годов XVIII века, с самого начала несет печать своего позднего рождения. Уже трагедии Сумарокова с их борьбой против деспотизма, фаворитизма, представлением о монархе-человеке, о его долге перед народом ближе к трагедиям Вольтера, чем Расина. Они отличаются от расиновских трагедий отсутствием античных сюжетов, замененных в большинстве случаев условно русской историей. В отличие от Вольтера, Сумароков сохраняет предельную простоту сюжета, композиции, скупость изобразительных средств, статичность.

Вторым крупнейшим драматургом, начавшим свой путь до Княжнина, был М. М. Херасков, которого по ложной традиции считают близким к Сумарокову, хотя он не принял ни сатиры Сумарокова, ни тираноборческого пафоса его трагедий, ни непримиримости по отношению к «слезной драме». Откровенно полемична трагедия Хераскова «Борислав» (1772), написанная вслед за «Димитрием Самозванцем»

Сумарокова (1771). Борислав, как и сумароковский Самозванец, — деспот, попирающий права народа. Но Сумароков оправдывает свержение тирана, а добродетельный герой Хераскова возвращает меч Бориславу и на коленях умоляет его простить бунтовщиков. Развязка обнаруживает взгляды автора, полагающегося на силу моральной проповеди и отвергающего любое восстание против власти, какова бы она ни была.

Княжнину была чужда примиренческая мораль Хераскова. Но тема судьбы отечества не сразу входит в его трагедии, а войдя, превращает их в школу гражданского мужества.

В своей первой трагедии «Дидона» Княжнин выступает как продолжатель лучших традиций русского классицизма и намечает новые пути. Взяв в основу сюжета эпизод из четвертой песни «Энеиды» Вергилия, неоднократно обработанный европейскими писателями, русский драматург рисует в образе Дидоны не только страдающую женщину, но и мудрую правительницу, гордую сознанием «блаженства» своих подданных и в час тяжких личных испытаний не забывающую о народе. Характерно ее презрение к тирану-завоевателю, идущему «править мертвыми в стране опустошенной». Но Дидона не остается жить ради блага народа, как это делают все положительные герои Сумарокова, включая Гамлета. Трагедия лишена обязательной нравоучительности: прав Эней, покидающий Дидону во имя долга, права и Дидона с ее всепоглощающей страстью. Отсутствие прямолинейности было ново для русской драматургии, как и более глубокое изображение страсти, взволнованность, эмоциональность.

Я клятвами твоей горячности не мерю;
Я вздоху твоему единому поверю —

такие лирические строки редко звучали в сумароковских трагедиях. Непривычным для русских зрителей было зрелище, завершающее трагедию: Ярб, мстя за отвергнутую любовь, зажигает Карфаген, пламя охватывает дворец, Дидона на глазах зрителей бросается в огонь. Изменения, вносимые Княжниным, заставляли и других писателей задумываться над вопросами обновления формы. Большее внимание уделяется зрелищной стороне драматургии; появляются ремарки, обязывающие автора внешними средствами передать состояние персонажа. Так, в «Агриопе» Майкова «театр представляет ночь», на сцене «немалое количество воинов с зажженными свечами», наперсница героини выбегает «на театр в крайнем смятении». В «Пальмире» Н. Николева представлен костер, в который фанатики хотят бросить героиню. Отец Пальмиры «вбегает в отчаянии, имея растре-

панные волосы и кинжал в руке». Ремарка «вбегая» (а не «входя» или «исторгшись») нарушала принципиальную медлительность действия классической трагедии, меняла самый характер игры актера.

Трагедия «Ольга» — вольный перевод-переделка трагедии Вольтера «Меропа», в основе сюжета которой, в свою очередь, лежит мифологическое предание, обработанное Еврипидом и многими европейскими писателями. Княжнин переносит действие в древнюю Русь.

Психологическая драма матери, едва не ставшей убийцей горячо любимого и долгое время разыскиваемого сына, осложняется острой политической коллизией: вокруг трона идет борьба между тираном-узурпатором Малом и Ольгой, стремящейся сохранить престол для законного наследника — своего сына.

Некоторые реплики Мала, утверждающие превосходство мудрого правления перед «предрассуждением о крови и о роде», дали повод говорить, что Княжнин, оставаясь на стороне Ольги, тем самым утверждает превосходство «породы» и является выразителем идей аристократической фронды, которая находилась в оппозиции к Екатерине II и считала ее узурпаторшей престола.[1] Екатерину считали узурпатором — это верно, но ни Вольтеру, ни Княжнину не нужно было быть сторонниками «породы», чтобы не сочувствовать правителю, демагогическими речами прикрывающему тиранию. «Уж время обольщать, лить кровь не стало мочи», — наставляет Мал своего наперсника.

Трагедия не была ни напечатана, ни поставлена. Причиной являются, конечно, не тираноборческие тирады, ибо они сочетаются с прославлением монарха — «отца отечества». Последнее Екатерина принимала на свой счет и прощала выпады против злых царей. Хуже было выступление против «мудрого правления», основанного на лжи, «обольщении». И совсем невозможно было ставить пьесу из-за непрерывных разговоров о том, что мать должна отказаться от престола в пользу сына:

Что в троне мне? Не мне престолом обладать,
Но сыну моему. Погибни, злая мать,
То сердце варварско, душа та, алчна власти,
Котора, веселясь сыновния напасти,
Чтоб в пышности провесть дни века своего,
Приемлет за себя наследие его!

---

[1] См.: М. Габель. Литературное наследство Я. Б. Княжнина. — «Литературное наследство», № 9—10. М., 1933, стр. 365—368.

Эти слова могли прозвучать как прямой намек на отношения между Екатериной II и Павлом. Именно поэтому они и не прозвучали.

Другие проблемы ставит писатель в трагедии «Владимир и Ярополк» (1772), в основу которой положен летописный рассказ об убийстве князем Владимиром Святославовичем брата Ярополка. Некоторые монологи, реплики, ситуации перенесены из «Андромахи» Расина, но основные образы говорят о том, что Княжнин хорошо помнил русскую историю и по-своему трактовал ее.

Запутанная интрига, приводящая к страшной концовке, в которой Владимир предстает обагренный кровью брата, сочетается в трагедии с постановкой вопросов государственного характера. Носителем авторских идей является образ вельможи Свaделя. Воплощение воли, беспредельной любви к отечеству, Свадель неизмеримо выше Владимира и Ярополка, готовых принести интересы родины в жертву личным интересам. Он осуждает междоусобные распри князей и равнодушие вельмож, «во гордой праздности» взирающих на бедствия отчизны. Лучше умереть, чем, принимая щедро расточаемый фимиам лести, возбудить презрение последующих поколений.

Вельможи-«советодатели» появлялись и в других трагедиях XVIII века, но тон речей их был иным. Так, Аристон в трагедии В. Майкова «Агриопа», увещевая князя, помнит о том, что перед ним владыка. «Позволь мне, государь, позволь себе вещати... Прости мне, государь, что дерзко говорю», — смягчает он свои справедливые поучения. Свадель не просит разрешения говорить истину.

Пусть гнусный льстец, бесславье князя множа,
Предатель общества, робеет злой вельможа,
Коль очи гневные властитель обратит...
Вот грудь моя — рази! Я жити не хощу,
Коль жертвой сей граждан напасти прекращу, —

бесстрашно отвечает он Ярополку.

Высокие требования, предъявляемые к вельможам, основываются на взглядах Княжнина начала 1770-х годов. Посредники между государем и народом, вельможи должны удержать народ от покушения на «священные права» монарха и вовремя остановить властителя, который обнаруживает склонность к тирании. А что это случается часто, показано на примере двух князей: Ярополка и Владимира. Созданный Княжниным образ Владимира не похож ни на Владимира-просветителя, каким рисовал его Феофан Прокопович в «трагедокомедии» «Владимир», ни на мудрого государя во «Владимире

Великом» Ф. Ключарева, ни на ревнителя христианства в трагедии М. Хераскова «Идолопоклонники, или Горислава» и его же поэме «Владимир возрожденный».

Написанная в 1772 году, трагедия, как говорит Евгений Болховитинов, была «оставлена без внимания за многие театральные неисправности». Позднее высказывалось предположение, что Екатерину II смутило недостаточно уважительное изображение Владимира, причисленного церковью к «равноапостольным». Не понравились ей, вероятно, и выдвинутый на первый план образ вельможи, более преданного отчизне, чем князья, и общая характеристика эпохи. «Россию русский князь Россией истреблял», — характеризовал Княжнин период междоусобиц. «По смерти Святослава остался Ярополк в Киеве, братья же его по уделам, и были между ими любовь и тишина», — говорила о том же времени Екатерина в «Записках касательно российской истории». Вину за междоусобные распри князей она взваливала на бояр, а непосредственным виновником вражды Владимира и Ярополка считала вельможу Свенельда, черты которого нашли отражение у Княжнина в образе Сваделя. Таким образом, истинной причиной невнимания к пьесе были не ее мнимые «театральные неисправности», а расхождение исторической, а следовательно, и политической концепции Княжнина с концепцией будущего автора «Записок касательно российской истории», целью которых, как отметил Добролюбов, было стремление «показывать во всем, в чем только можно, что всякое добро нисходит от престола».[1] Мысль эта возникла у Екатерины не в 1772 году. С первых дней царствования она с ненавистью относилась к «советодателям» и доказывала, что «один государь думает обо всех и почитает общее добро своим собственным, а другие все, по слову евангельскому, — наемники есть».[2]

Этой ясной и определенной концепции прямо противостоял образ Сваделя, свидетельствующий о сомнениях его создателя в целесообразности неограниченной власти монарха.

Неизмеримо более благосклонно, чем «Владимир и Ярополк», была принята трагедия Княжнина «Титово милосердие» (1778),[3] на-

---

[1] Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. 1. Л., 1934, стр. 45.

[2] П. Пекарский. Бумаги Екатерины II, т. 1. СПб., 1871, стр. 347.

[3] Обычно трагедия датируется 1785 годом. Основанием служит рассказ сына писателя и Евгения Болховитинова о том, что после представления «Росслава» (1784) Княжнину было передано желание императрицы увидеть на русской сцене «изображение великого Тита как совершенное подобие ангельской души ее» (Я. Княжнин. Сочинения. Изд. 2, т. 1, стр. 9). «В три недели трагедия под на-

писанная на основе трагедии Дю Беллуа «Тит» и оперы Метастазио «Титово милосердие», шедшей в России в переводе Ф. Г. Волкова с 50-х годов.

«Титово милосердие» — первая русская музыкальная трагедия.[1] От сумароковских опер, построенных исключительно на драме личных чувств, ее отличает содержание, от классической трагедии — форма. Вместо александрийского стиха звучит вольный ямб. От единства места не остается и следа: в течение трех актов декорации меняются четырежды. В пьесу введены массовые сцены, хор, балет. Большую роль играет музыка.

Опера Метастазио была адресована германскому императору Карлу VI, трагедия Дю Беллуа — французскому королю Людовику XV. В Тите Княжнина Екатерина хотела видеть себя. Намек на сходство содержался в начале пьесы: Тит отказывался от поднесенного ему сенатом звания «отца отечества», как Екатерина в 1767 году отказалась от звания «матери отечества». В целом же «Титово милосердие» — пьеса об идеальном государе. Тит, враг роскоши, отказывается от поднесенных ему даров в пользу народа, уважает права подданных, стремится помочь там,

. . .где слез бедных льются реки,
Где правосудие, затменное сребром,
Наклон своих весов корысти уступает,
Где лютой пышности под тягостным жезлом
Стесненно рабское достоинство страдает.

Если эти строки и слова Секста: «Не Тит здесь царствует, здесь царствует закон» — и ассоциировались с нищетой миллионов и неслыханной пышностью двора екатерининской России, ее беззаконием и продажностью судей, то разве только по контрасту.

Екатерина II скромностью не отличалась и могла принять на

званием «Титово милосердие» была готова» (Митрополит Евгений, «Словарь русских светских писателей. . .», стр. 290). Дважды повторенный рассказ ввел в заблуждение многих биографов Княжнина. В действительности монтировка декоративной части «Титова милосердия» происходила в марте 1778 года; трагедия шла с участием И. А. Дмитревского и П. А. Плавильщикова в 1779 году, 1782 и т. д. (См.: Архив дирекции императорских театров, вып. 1, отд. 3. СПб., 1892, стр. 174; Носов. Хроника русского театра. М., 1883, стр. 337; И. Ф. Горбунов. Полное собрание сочинений, т. 2. СПб., 1904, стр. 295).

[1] О значении русской трагедии с хорами для развития русской оперы см.: Т. Ливанова. Русская музыкальная культура XVIII века, т. 1. М., 1952, стр. 99.

свой счет похвалы Титу. Но конкретные намеки в пьесе отводили мысль об идентичности образа Тита и русской государыни. В «Наказе» Екатерина высказалась против смертной казни вообще, сохраняя ее лишь как кару «за оскорбление величества». Тит разрывает, не читая, список людей, поносивших его, прощает тех, кто покушался на его жизнь, и отменяет закон о смертной казни за оскорбление императора:

Не истина его, но трусость начертала,
А гордость подтверждала.

Самодержица всероссийская, подписавшая на своем веку не один смертный приговор, не могла произнести этих слов. Их говорил Тит, чье имя на протяжении столетий было синонимом монарха-народолюбца, Тит, которого даже Радищев, оставаясь в этом верным традиции, называл «услажденье рода смертных... сладость римского народа» («Песнь историческая»). И, по чьему бы желанию ни писал Княжнин, «Титово милосердие» включается в общий поток передовой европейской драматургии. «Пусть сцена... разоблачит высокомерных угнетателей человечества... Но вместе с тем пусть она представит тех добрых государей, которые воодушевлены благородным стремлением править согласно законам, и пусть они будут показаны во всей их славе, окруженные любовью и благословениями народов», — писал уже в 1791 году Пьер Ваке в предисловии к пьесе «Французские граждане, или Триумф революции».[1] Образ короля-гражданина и являлся одним из центральных образов в драматургии предреволюционной и революционной Франции до 1792 года, то есть до казни Людовика XVI. Не говоря о трагедиях Вольтера и названной пьесе Ваке, король — друг народа, противопоставленный королю-тирану, выступал на сцене в ряде пьес: «Тарар» Бомарше (1787), «Карл IX, или Урок королям» М.-Ж. Шенье (1787), «Гений нации, или Живописная мораль» Оливе (1789) и др.

8

Основной целью трагедии «Росслав» (поставлена 8 февраля 1784 года) явилось воплощение в образе главного героя основных черт русского национального характера. Это было ответом на важнейшую задачу, поставленную временем перед искусством. Проблема национального характера была проблемой политической, связанной

---

[1] Цитирую по книге К. Державина «Театр Французской революции. 1789—1799». Л.—М., 1937, стр. 139.

с вопросом о будущем России. Потому Екатерина II еще в 1770 году утверждала: «Нет в Европе народа, который бы более любил своего государя, был бы искреннее к нему привязан»,[1] чем русский. Потому и после крестьянской войны, окруженная оппозицией, она в 1783 году на вопрос Фонвизина: «В чем состоит наш национальный характер?» — зло ответила: «...в образцовом послушании».[2]

Радищев верил, что сложившиеся в борьбе с внешними врагами и угнетателями внутри страны национальные качества русского народа, «к величию и славе рожденного», приведут к уничтожению самодержавия и крепостничества.

К мысли о неизбежности крестьянской революции пришел только Радищев. Но и теория «образцового послушания», опровергаемая русской историей, непрерывными крестьянскими волнениями, принималась далеко не всеми. Не принял ее и Княжнин. Он ответил на вопрос Фонвизина в «Росславе». Но ответил совсем не так, как отвечала императрица.

Необычный замысел Княжнин пытается разрешить средствами, которые подсказывала драматургия классицизма. Новым было лишь отнесение места действия в Скандинавию. Все остальное шло от классицизма: обязательный конфликт между долгом и страстью, предельно ясная композиция, небольшое число действующих лиц, отсутствие внешней эффектности, высокий стиль трагедии, а главное — принцип построения образов.

Как многие герои классических трагедий, Росслав характеризуется одной чертой. «Я росс», — неустанно повторяет он. И зритель верит, что именно любовь к отечеству придает ему мужество, в ней черпает он силы, чтобы и в цепях остаться свободным человеком, презрением ответить и на угрозы тирана, и на попытки подкупа.

Росслав — образ, постепенно складывающийся в творчестве Княжнина. Уже в «Дидоне» прославлялась «страсть великих душ, к отечеству любовь»; во «Владимире и Ярополке», по существу, сформулирован принцип поведения героя новой трагедии: «Какой россиянин, отечество любя, на пользу общества не принесет себя?»

В «Росславе» есть ряд ситуаций, напоминающих «Владимира и Ярополка», образ Росслава как бы вырастает из созданного ранее образа Сведеля. Но есть и новое. Свадель — образ идеального вельможи любой национальности, в Росславе же объединены все те положительные черты, которые, по мнению автора, присущи не

---

[1] «Осьмнадцатый век», кн. 4. М., 1869, стр. 391.

[2] «Собеседник любителей российского слова», ч. 3, 1783, стр. 166.

вельможам, а русским людям вообще. «Колико сограждан, толико там героев», — говорит Росслав о своей отчизне. Воплощение лучших черт национального характера, Росслав выше многих вельмож, выше самого властителя русской земли. Он отказывается выполнить приказание князя, которое, как кажется ему, не соответствует интересам родины (князь хочет выкупить Росслава из плена и предлагает в обмен за него завоеванные земли). В ответ на это предложение Росслав разражается грозной тирадой, направленной против самого князя, против его вельмож, послушно выполняющих волю владыки, против своего друга Любомира.

Любовь, дружба, жизнь — все должно быть принесено в жертву родине, но именно ей, а не ее повелителям. Только трепещущие рабы спешат исполнять волю монарха, независимо от того, насколько она полезна отчизне. Росслав же — сын отчизны, а не раб, и он решительно отвергает замечание Любомира: «Что князь тебе велит, то должно быть священно», — ибо жизнь человека принадлежит отечеству, а не монарху.

Ненавистью к тирании проникнут монолог Росслава, говорящий о неизбежном суде времени над царями («Цари! вас смерть зовет пред суд необходимый...»). По тираноборческому пафосу он не уступает лучшей обличительной оде Державина «Властителям и судиям». А по убежденности, что не бог, а люди — подлинные судьи земных владык, по силе угрозы судом будущих поколений, по фразеологии, даже по интонации монолог предвосхищает сатиру Рылеева «К временщику», в двух последних строках которой более коротко выражена та же мысль:

Всё трепещи, тиран! За зло и вероломство
Тебе свой приговор произнесет потомство.

Подчеркивая наряду с патриотизмом независимость Росслава, тираноборческую настроенность его, Княжнин отвергал мысль об образцовом послушании как основной черте русского национального характера.

Новые черты мировоззрения Княжнина проступают в развязке трагедии. Суд, но не будущих поколений, а грозный суд настоящего настигает Христиерна. «Весь народ, повиновения расторгнувши оплот», восстает против тирана. Бессильный в своем желании «весь город истребить», он закалывается со словами:

Так есть на свете власть превыше и царей,
От косй и в венце не избежит злодей.

Это признание не божьей кары, а страшной для тиранов силы — силы восставшего народа.

Как драматическое произведение «Росслав» имеет много недостатков. Он статичен. Некоторые монологи героя чересчур длинны, риторичны, однообразны. Тем не менее трагедия пользовалась успехом, ибо соответствовала настроениям передовой части дворянства. Правительство вначале не учло опасности, которую таило произведение, утверждающее, что долг патриота выше долга подданного. Но с началом Французской революции «Росслав» был снят со сцены.

В 1784 году была поставлена музыкальная трагедия Княжнина «Владисан» (музыка Бюлана). В ней по-новому распределены роли между вельможами и народом. За исключением Вамира (бывшего наставника Владисана), который не имеет никакого отношения ко двору, все вельможи раболепствуют перед тираном Витозаром. Им противостоит искренность, честность народа, «граждан», как называет их Вамир. Только после появления толпы народа вельможи, воины и жрецы склоняются перед законным князем. Народ, решающий судьбу владык, не безгласен. Он выражает свое отношение к происходящему как «хор народа», и впервые в русской трагедии слышен голос его отдельных представителей: «один из народа», другой, третий (д. II, явл. 2).

Трагедия «Софонисба» (около 1787) написана на сюжет, обработанный итальянскими и французскими драматургами (в том числе Вольтером) и известный в России. Княжнина, по-видимому, привлек конфликт, построенный на столкновении равно героических и равно убежденных в своей правоте характеров: Софонисбы, не желающей унизиться перед римлянами, Массиниссы, предпочитающего смерть возлюбленной ее унижению, и сочувствующего им, но беззаветно преданного отчизне республиканца Сципиона. В этой же трагедии впервые зазвучали обвинения в адрес не царя-тирана, а монархии вообще и славословие республике.

> В нелицемерии ты оскорбленье видишь.
> Едва в венце, а ты уж правду ненавидишь.
> Се титла царского всё право, вся и честь,
> Чтоб строгу истину от глаз скрывала лесть.
> От римских уст сия удалена отрава,
> Их жертва — мужество, а боги — вольность, слава, —

говорит Массиниссе республиканец Лелий.

В феврале 1785 года в Москве была поставлена трагедия Н. П. Николева «Сорена и Замир». В какой-то мере полемичная по отношению к «Росславу», трагедия Николева во многом является

развитием княжнинского произведения, а некоторые строки перенесены в нее из «Росслава». Трагедия наделала много шума своей ярко выраженной тираноборческой направленностью. Московский главнокомандующий граф Брюс запретил постановку «Сорены и Замира» и отправил Екатерине II экземпляр пьесы, подчеркнув наиболее сильные места. «Смысл таких стихов, которые вы заметили, никакого не имеет отношения к вашей государыне: автор восстает против самовластия тиранов, а Екатерину вы называете матерью», — ответила искушенная в демагогии императрица. Спокойствие Екатерины было обусловлено содержанием трагедии, которая противопоставляет деспоту идеального монарха и ратует только против деспотизма, а не против монархии вообще.

9

Обращение Княжнина и Николева к новым темам, усиление тираноборческих мотивов в трагедии совпало с периодом все возрастающего ее значения в предреволюционной Франции. Сентиментальная мещанская драма, сыгравшая свою роль в утверждении прав буржуа, была мало героична и не вдохновляла на подвиги. Терялся интерес к драматургии Кребильона, щекотавшей нервы зрителя изображением противоестественных страстей и кровавых событий. Старый мир сходил со сцены, сопровождаемый саркастическим смехом комедии и гневной патетикой гражданской трагедии. Новую жизнь обретал Корнель. Гремели тирады вольтеровского Брута. Бурю страстей вызывали покаяния королей-тиранов и пламенные речи их обличителей. В произведениях Лемьерра, Сорена, Лагарпа, Лемерсье воскрешались образы античных народных вождей и борцов за свободу. Складывался французский революционный классицизм, историческая закономерность появления которого объяснена Марксом: «...как ни мало героично буржуазное общество, для его появления на свет понадобились героизм, самопожертвование, террор, гражданская война и битвы народов. В классически строгих традициях Римской республики гладиаторы буржуазного общества нашли идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии» [1].

Россия не стояла на пороге буржуазной революции, но за всем, что происходило во Франции, следили и передовые русские люди,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8. М., 1957, стр. 120.

и правительство, призванное охранять устои самодержавно-крепостнической империи. А обстановка накалялась. Признаки разложения феодально-крепостнической системы, с такой силой проявившиеся в восстании Пугачева, оказали решающее влияние на А. Н. Радищева, в эти годы упорно работавшего над «Путешествием из Петербурга в Москву».

«Путешествия» Екатерина еще не могла знать, «Вольность» до нее не дошла; вероятно, не читала она и «Оды на рабство» Капниста, но она знала комедию Фонвизина «Недоросль» с ее гневным обличением крепостничества и двора. «Недоросль» нельзя было запретить, а «Всеобщая придворная грамматика» и все, что написал Фонвизин для своего журнала «Друг честных людей, или Стародум», было запрещено. Императрица не захотела заметить заряда бунтарства в образе Росслава, росчерком пера отвела возможность нежелательных параллелей в «Сорене и Замире», однако пьеса ей едва ли понравилась. Известно, что она очень не любила трагедию Сумарокова «Димитрий Самозванец». Запрещая то, что было возможно, и перетолковывая то, для запрещения чего не было прямого повода, Екатерина не забывала «наблюдать за правильным ходом развития понятий нашего общества». [1]

Образцом «блистательного направления» в драматургии должно было стать написанное Екатериной в 1786 году «Историческое представление из жизни Рюрика». Декоративное великолепие спектакля, шествия, хор, балет — все использовалось для апофеоза самодержавия. Только единодержавная власть может спасти народ от бедствий — такова основная мысль пьесы. Попутно в ней неприглядными красками изображается мятежник Вадим. Имя заимствовано из летописных источников, в которых глухо сказано, что новгородцы, не желавшие примириться с властью Рюрика, подняли мятеж, и «уби Рурик Вадима Храброго и иных многих изби новгородцев, советников его». Вопреки летописи, Вадим у Екатерины — князь, двоюродный брат Рюрика. Мятеж его объясняется желанием занять престол. Потерпев поражение, Вадим, прощенный великодушным Рюриком, падает перед ним на колени и раскаивается.

Историю мятежа Вадима, которая в пьесе Екатерины составляла лишь незначительный эпизод, Княжнин сделал темой трагедии «Вадим Новгородский», которая и по содержанию и по форме может быть поставлена в один ряд с образцами французского революционного классицизма. Только Княжнин не рядит своих героев в античные

---

[1] Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. 1. Л., 1934, стр. 42.

тоги, как это делали французы в 80—90-х годах XVIII века, а, пролагая дорогу литературе эпохи декабризма, облекает носителей республиканских идей в костюмы новгородской вольницы.

Рурик — воплощение мудрого монарха, справедливого государя-гражданина, «отца народа», о котором так много писали и говорили мыслители и драматурги XVIII века. Он неподкупный защитник слабых, справедливый и милосердный судья, безупречно храбрый воин. Эти качества снискали ему любовь народа, их не отрицают и его враги.

Восторженная характеристика, данная Княжниным Рурику, и неоднократно подчеркнутая любовь народа к нему дают повод говорить, что трагедия, как и «Историческое представление из жизни Рюрика», прославляет просвещенного монарха. На самом деле пьеса Княжнина полемична от первой и до последней строки. Утверждая, что в Новгороде и до Рюрика правили князья, и принижая образ мятежника, Екатерина повторяла свою излюбленную мысль, что бунтарские настроения не соответствуют «нравам нации»: «Народы, приобыкши повиноваться государю... не поважены тут иметь прение, где следует воли его чинить исполнение». Княжнин же считает исконной формой русского государственного правления республику, а самодержавие навязанным позднее. Носителями национальных традиций в «Вадиме Новгородском» являются республиканцы, борющиеся за возвращение новгородской вольности. Им боги дали «сердце — чтоб дерзать, и руку — чтоб разить». Они, истинные сыны отечества, подлинные граждане, предпочитают смерть жизни под игом самодержавия:

Когда отечеству жизнь наша бесполезна,
Став праздными его свидетельми оков,
Нам ползать ли в толпе тирановых рабов?..
...Смерть — благо, ежели жизнь должно ненавидеть!

Резко различно в обеих пьесах изображение Вадима. У Екатерины это честолюбивый мальчишка, претендующий на трон, у Княжнина — лучший в Новгороде полководец, закаленный в боях, уважаемый человек, страстный поборник свободы. «Сколь рабства ужасаюсь, Толико я его орудием гнушаюсь», — отвергает он предложенный ему Руриком царский венец. Еще до развернувшихся событий Вадим отверг искания монархов, просивших руки его дочери, ибо он «пренебрегал приять тирана в сына и, гражданин, хотел новградска гражданина».

Если в «Росславе» Княжнин подчеркнул, что любовь к отечеству выше, чем долг подданного, то в своей последней трагедии он ото-

ждествил понятие патриотизм со свободолюбием. Для убежденного республиканца Вадима и его соратников власть кроткого, мягкого Рурика — «прелестная власть» (то есть обольщающая. — *Л. К.*), «гнусно бремя», «отечества паденье», трон — «свободы страх», венец — орудие рабства. Сколько ни восхваляют многие благоденствие Новгорода под эгидой Рурика, сколько ни славословят его, Рурик — тиран, ибо он монарх. Речь идет о тирании как синониме монархического правления, независимо от личных качеств того или иного царя. Так говорил о деспотизме не Вольтер, к которому Княжнин был близок в произведениях 1770-х годов, а Дидро в статье «Тиран», помещенной в «Энциклопедии»: «Что характеризует деспота? Доброта или злость? Ни то, ни другое. Эти два понятия не входят в определение деспота. Дело в объеме власти, которую он присвоил, а не в том, как он ее использует». Пришел ли Княжнин к аналогичной мысли только под влиянием наблюдений над русской действительностью или в результате опыта согласился с идеей Дидро, но герои его трагедии, признавая кротость, великодушие, справедливость Рурика, не отказываются от борьбы с ним. Ни временное благоденствие отечества, ни личный почет, ни слава не могут заменить утраченной вольности. Так думают Вадим, Пренест, Вигор, все истинные граждане, воспитанные в свободной стране.

Следуя за историей, Княжнин заканчивает трагедию победой Рурика, но показывает, что она не колеблет убеждений республиканцев.

Для возвращенья вам потерянной свободы
Почто не мог пролить всю кровь мою, народы! —

с тоскою говорит Вадим. Любовь сменяется гневом, когда он видит тот же народ коленопреклоненным перед Руриком:

О, гнусные рабы, своих оков просящи!
О, стыд! Весь дух граждан отселе истреблен!

Народ «обольщен». Власть Рурика «угодна небесам». Но боги, обращающие людей в рабов, неправы, и свободолюбец бросает им вызов:

Вселенну, боги, вы, вратя по вашей власти,
Возможете весь мир тиранам предавать...
...Злодеям счáстливым пусть всё порабощенно, —
Но сердце из того Вадима исключенно.
Не можете души моей поколебать
И, громом воружась, властителя мне дать...

В своей непоколебимой непокорности, уверенности в собственной правоте, Вадим стоит в оковах как победитель перед князем, который ищет дружбы мятежника.

Мне другом? ты? в венце? Престани тем
пленяться!
Скорее небеса со адом съединятся! —

презрительно отвечает Вадим. И, умирая, он произносит гордые слова, напоминающие отповедь Свaделя Владимиру, Росслава — Христиерну:

В средине твоего победоносна войска,
В венце, могущий всё у ног твоих ты зреть, —
Что ты против того, кто смеет умереть?

10

Пытаясь обновить трагедию, Княжнин шел двумя путями. Один намечен в эффектной концовке «Дидоны» с ее горящими на глазах зрителя чертогами, продолжен в «Титовом милосердии» и «Владисане». Мрачность колорита «Владисана» создается и гробницей, включенной в ход действия, и траурным одеянием героини, и тем, что в наиболее важный момент действие происходит «глубокой ночью», и стонами мнимоумершего князя, и меланхолической музыкой.

В наиболее зрелых своих трагедиях Княжнин искал и находил иные, скупые, но исполненные энергии изобразительные средства. Полное отсутствие внешней эффектности должно было сосредоточить внимание зрителя на основном конфликте. Монолог, строящийся в большинстве случаев как политическая исповедь, как речь оратора-трибуна, оттесняет на второй план диалог. Остроте проблематики соответствует ее словесное выражение.

Общественно-политическая терминология (лексика, обозначающая понятия государственности, права) и примыкающие к ней этические понятия составляют существенную часть словарного состава трагедий Княжнина, приближающихся в этом отношении к публицистике времен Французской революции. *Народ, общество, отечество, самодержавие, самовластие, заговор, мятеж, междоусобия, гражданин, раб, тиран, насилие, оковы, равенство, вольность, свобода, свергнуть* и им подобные слова, часть которых была официально запрещена при Павле I, переходят из трагедии в трагедию.

Повторяются и устойчивые словосочетания гражданского характера: *благо общества, друг верный общества, сын отечества, истинные сыны отечества, гражданские силы, жертва тиранов* и т. д.

Отдельные слова меняют значение, отражая эволюцию мировоззрения Княжнина. Так, «раб» в значении «подданный» встречается лишь в «Дидоне» и «Ольге». Затем это слово превращается в оскорбление, которым тираны пытаются унизить непокорных. В понимании положительных героев и самого Княжнина *раб* — антоним к понятиям *человек, член общества, гражданин.* «Или отечество быть может у рабов?» — вопрошает Вадим.

В то время как в «Словаре Академии российской» слово «гражданин» разъяснено как «городской житель, обыватель», у Княжнина оно неотъемлемо от представления о борьбе за независимость, свободу. Новгородцы, подчинившиеся монарху, перестают быть гражданами. Титул гражданина выше любого сана: «Чтоб я, забыв в себе российска гражданина, Порочным сделался для царска пышна чина!» («Росслав»).

Изменяется у Княжнина и значение понятия «тиран». В ранних произведениях «тиран» — незаконный царь или злобный правитель. В «Вадиме Новгородском» «тиран» — синоним слова «монарх», «тиранство» равнозначно «самодержавию».

Термины, относящиеся к власти, государству, и понятия, близкие к ним, редко употребляются в их нейтральном значении. Оценочная окраска придается то эпитетом, то сочетанием с другими словами, то содержится в перифразе: *гордый трон, лютая пышность, рабская лесть, бесплодный фимиам лести; иго скипетра, рабства жало;* вельможи — *идолы народа, низки боги;* цари — *преступники в венцах, смертные боги;* престол — *жилище горестей* и *бездна страшных зол;* самодержавие — *повсюду бед содетель* и т. д.

Одним из излюбленных риторических приемов Княжнина является столкновение неожиданных, часто контрастных понятий: «А мне надежда — гроб, отчаяние — сладость» («Софонисба»); «Свирепа смерть — наш брак, гробница — наш алтарь» («Росслав»).

На контрастах строится и бóльшая часть изречений-афоризмов, которые составляют отличительную, сохраняющуюся во всех жанрах особенность стиля Княжнина: «На свете всё тиран иль всё на свете жертва», «Где злоба властвует, законы там бессильны» («Ольга»); «Россию русский князь Россией истреблял» («Владимир и Ярополк»); «Тиранка слабых душ, любовь — раба героя» («Росслав»); «Страх создал нам богов, царей творила дерзость» («Владисан»).

Последняя трагедия Княжнина, образец подлинно гражданского классицизма, явилась новым этапом в русской драматургии, но это

был и последний, завершающий этап русского классицизма в его прогрессивной линии. Тот классицизм, за который ратовала «Беседа любителей русского слова», который пытался стать помехой романтизму, а затем реализму, был вариацией «блистательного направления».

Все это не означает, что опыт Княжнина прошел бесследно. В. А. Озеров развил патетику чувств, столкновение страстей, усложнение психологической характеристики, наметившиеся в «Дидоне» и «Софонисбе», меланхоличность «Владисана», внешнюю эффектность «Титова милосердия». Использование национально-исторической тематики для выражения злободневных идей, приемы ораторской речи, выразительные афоризмы-лозунги, характерные для «Росслава» и «Вадима Новгородского», составляют отличительные особенности патриотической трагедии Озерова «Димитрий Донской».

Отзвуки «Росслава» и «Вадима Новгородского» можно встретить в ряде произведений первого десятилетия XIX века. Из них наиболее интересны и близки к Княжнину романтическая драма Ф. Н. Глинки «Вельзен, или Освобожденная Голландия» и трагедия Ф. Ф. Иванова «Марфа-посадница».

В драме Глинки речь идет о восстании голландцев против чужеземного тирана, но по некоторым ситуациям, мыслям, языку, интонации, манере ведения диалога она местами кажется вариацией «Вадима Новгородского», например:

Гильдерберг

На все опасности готовые лететь,
Что можем приобресть?

Инслар

Свободу или смерть!

В трагедии Иванова говорится о борьбе вольного Новгорода против Ивана III. Иван III пытается сломить упорство Марфы Борецкой и обещает ей величие и славу. Марфа отказывается с тем же презрением, с каким Вадим отверг дружбу Рурика: «Борецкая у ног! Борецкая рабою!»

Иоанн

Не льстися, Марфа, ты, не льстись пустой мечтою,
К спасенью Новграда чтоб способы иметь,
Что можешь ты одна?

Марфа

Свободной умереть.

Видимо, большое впечатление производили на современников и последующие поколения гордые по смыслу и эффектные по манере выражения мысли ответы тиранам княжнинских героев!

Концентрированность общественно-политической лексики, расширение и переосмысление значения слов — вся фразеология тираноборства и свободолюбия, характеризующая трагедии Княжнина, живет в поэзии декабристов. Конечно, гражданский стиль эпохи декабризма опирался на многие источники: на политические декларации Французской революции, произведения Радищева, лучшие стихотворения Державина, сатиры Фонвизина, но и Княжнина декабристы знали отлично. Его пьесы шли на сцене. В период подъема декабристского движения в 1817—1818 годах было переиздано собрание сочинений Княжнина.

«Блаженство общее», «благо общества — великих душ утеха», постоянно повторяющиеся у Княжнина, в еще более расширенном значении встречаются у Рылеева, воспевшего «любовь к общественному благу». Рылеев, может быть, не вспомнил о Княжнине, когда писал думу «Волынский», но слова

Против тиранов лютых тверд,
Он будет и в цепях свободен —

заставляют вспомнить о Росславе, о Вадиме.

Органически входит в декабристскую лирику внесенное Княжниным переосмысление понятий *раб* и *тиран*.

Свободны предки наши были,
Свободными во гроб сошли,
Но вольности не уступили;
Рабы лишь к нам царей ввели...

В этих стихах Завалишина в сущности кратко сформулирована основная концепция «Вадима Новгородского». И разве «смертные полубоги» Ф. Глинки не напоминают «низких смертных богов» Княжнина, а княжнинское обличение «гордой праздности» не созвучно обвинению в «постыдной праздности», брошенному Рылеевым?

Примеры можно умножить, но и приведенных достаточно, чтобы заметить ощутимое сходство гражданской патетики Княжнина и публицистического ораторского стиля поэтов-декабристов. Часто прибегали они к монологам — политическим декларациям. Близки им система использования летописных преданий, и идеализация новгородской вольницы, и облечение свободолюбивых идей в древнерусские костюмы.

11

Трагедия «Вадим Новгородский» была закончена в начале 1789 года и передана в театр. Началась подготовка спектакля. После известия о вспыхнувших во Франции революционных событиях Княжнин отказывается от постановки пьесы. Через два года после смерти писателя несколько оставшихся в рукописи произведений его, в том числе и «Вадим Новгородский», были напечатаны. Когда трагедия попала в руки Екатерины II, она не осталась столь же невозмутимо спокойной, как при чтении «Сорены и Замира» Николева. Императрица, всю жизнь игравшая роль просвещенной монархини, могла не принять на свой счет выпады против тирана, но она не могла не увидеть опасности, которую таила в себе пьеса, откровенно полемизирующая с «Историческим представлением из жизни Рюрика», пьеса, направленная против любимого народом монарха, чей венец был «залогом счастья общего». Рурик Княжнина не хуже Тита и лучше Рюрика самой Екатерины, и потому так сильно, так дерзко звучали речи мятежника, именем которого названа трагедия.

Грозные речи Вадима, призыв Пренеста: «Не усыпляйтеся блаженством власти сей», слова: «Самодержавна власть всё ныне пожирает» — напомнили императрице о книге, прочитанной за три года перед этим, книге, на самом деле более страшной для державной читательницы, чем трагедия Княжнина, — о «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Ведь именно там и в оде «Вольность» с огромной силой была разоблачена легенда о просвещенной монархии.

Началось следствие. Имя Княжнина вновь всплыло перед судом, но он был уже вне власти разгневанной императрицы и ее верных слуг. Судили трагедию и наказали по всем строгостям закона. «Нетерпимая в обществе Российской империи» книга была сожжена на костре.

Однако ни огонь, ни грозные указы не смогли уничтожить трагедию и ее влияние на формирование свободолюбивых настроений. Декабрист В. И. Штейнгель, отвечая на вопрос Следственной комиссии, какая литература способствовала развитию его либеральных понятий, назвал Княжнина, Радищева, Фонвизина. В примечании к «Разбору донесения Следственной комиссии в 1826 г.» говорится о Княжнине, Новикове и Радищеве как жертвах деспотизма. «Вадима Новгородского» знали и Н. И. Тургенев, и А. А. Бестужев, и близкий к декабристам П. А. Вяземский, и Ф. Н. Глинка, брат ученика Княжнина С. Н. Глинки, и многие другие. Списки «Вадима

Новгородского» особенно интенсивно распространялись в период декабристского движения.

Тема вольного Новгорода — одна из основных тем поэтов-декабристов, воскрешающих «священную старину». Вадим, равно как и Марфа Борецкая, становится символом борьбы с самодержавием, и нет почти ни одного поэта-декабриста, не вспоминавшего о легендарном мятежнике. В 1822 году начинает писать трагедию, а затем поэму «Вадим» Пушкин. Цикл произведений, связанных с княжнинской трагедией, завершается поэмой М. Ю. Лермонтова «Последний сын вольности» (1829). В сознание Лермонтова предание о героической борьбе новгородцев и их вождя вошло как декабристская тема. Судьба мятежа Вадима ассоциировалась с судьбой разгромленного восстания. Лермонтовский Вадим и его единомышленники знают заранее, что они потерпят поражение, но «сыны свободные славян» предпочитают смерть неволе. Они погибают, гибнет и Вадим, «последний вольный славянин... Свободы витязь молодой».

Сходство судьбы «Вадима Новгородского» и «Путешествия из Петербурга в Москву» не должно ни замалчиваться, ни вводить в заблуждение. Княжнин не революционер, каким был Радищев, страстно звавший народ к революции и твердо веривший в его конечную победу. Вместе с тем русские самодержцы и их присные, видевшие на протяжении ста двадцати лет в «Вадиме Новгородском» произведение, подрывающее устои самодержавия, вернее поняли трагедию, чем те, кто доказывал и доказывает монархизм Княжнина или его аристократическое фрондерство.[1]

Автор «Несчастия от кареты», «Росслава», «Вадима Новгородского» — один из наиболее радикально настроенных представителей русского Просвещения, деятельность которых подготавливала идеологию декабризма. Об этом говорит и его отрицательное отношение к крепостничеству и религиозному фанатизму, а главное — та настойчивость, с которой этот «тихий», «кроткий», как называли его современники, человек вел борьбу с деспотизмом. Отдав дань идее просвещенной монархии, он закончил дифирамбами в честь республики. Начав с тираноборческих трагедий и признав право народа на свержение тирана, он пришел к идее народоправства и к мысли, что любая монархия является замаскированной формой тирании. Когда от вольного Новгорода он перешел к характеристике современной ему России, он сказал: «Горе моему отечеству!»

---

[1] О полемике по поводу «Вадима Новгородского» см. в примечаниях.

В нашем литературоведении не принято говорить о русском революционном классицизме, ибо единственным произведением, которое можно причислить к этому направлению, является как раз «Вадим Новгородский», пьеса, не уступающая в смелости признанному образцу европейского революционного классицизма — трагедии Мари-Жозефа Шенье «Карл IX, или Урок королям». Французский драматург противопоставил королю-тирану короля-гражданина, а Княжнин не учил королей. Он заставил Вадима и его единомышленников бороться не с тираном, а с тиранией как синонимом абсолютизма. Именно этого не простила Княжнину Екатерина II, которая боролась с тираноборческой драматургией при помощи цензуры, ложного истолкования чужих пьес и собственных «Исторических представлений», а для расправы с «Вадимом» призвала палача. Страстные республиканские речи вольных новгородцев обусловили популярность трагедии в первый период освободительного движения. Как этап в развитии русской общественной мысли трагедия не теряет интереса и в наши дни. Не может быть забыт Княжнин и как автор других трагедий и комедий, сыгравших заметную роль в истории русской драматургии, и как поэт, подготовивший гражданский стиль декабристской поэзии.

Л. Кулакова

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ДИДОНА

Трагедия в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Дидона, карфагенская царица.
Эней, троянский князь.
Ярб, царь гетульский.
Антенор, сопутник Энеев.
Гиас, наперсник Ярбов.
Тимар, вельможа Дидонин.
Елиза, Арсина — наперсницы Дидонины.
Воин говорящий Дидонин.
Воины Ярбовы.
Воины Дидонины.

Действие в Карфагене, в Дидониных чертогах.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1

Эней, Антенор.

Антенор

Се день уже настал, желаемый тобою,
В который будешь царь над здешнею страною.
Дидона свой венец Энею отдает,
И ваши брак сердца навеки сопряжет.
Готовый к торжеству, весь город веселится,
Но спутники... Эней, твой зрак печалью тмится,
Когда дражайшая во власть твою красы...

Эней

О, рок! о, грозный день! о, бедственны часы!

Антенор

Но что же ныне твой геройский дух смущает?
Иль вновь Анхиз в стенах троянских погибает
И спасть от пламени его тебя зовет?
Иль Гектор, поражен, вторично днесь падет?
Но Трои больше нет, и Троя вся с тобою.

Эней

А я к мучению оставлен жить судьбою.
Прошли преславные геройски времена.
О, полна лаврами Троянская страна!

Почто не тамо я со светом разлучился!
Покрыт бы лаврами, в тень гроба ниспустился;
Мой с блеском жизни луч, навеки преломясь,
Отстал бы от меня, со славой съединясь;
Не зрел бы ты меня, терзаема тоскою,
От мест влекома сих, борющася с собою.

Антенор

Эней! сих мест!.. в сей день!.. но кто тебя влечет?
Или воспомнен стал забвен богов завет,
И паки славы глас услышан днесь тобою?
Возможно ли?.. Но, ах! я льщусь одной мечтою.
Не время вспоминать троян упавший град,
Как чувства все тебя к одной любви стремят;
Когда ты к вечному веселью приступаешь,
Вотще о бедных ты, вотще воспоминаешь:
Им нет защитника, и тщетно сам Зевес
Троян восставити тебе велел с небес.

Эней

Почто к мученью мне мученья прилагати
И, ах, растерзанна еще почто терзати!
Когда бы должен был я кровь мою пролить,
Чтоб, жертвуя собой, трояней искупить,
Я б пролил всю; но, ах! Дидону мне оставить
И смертию себя возлюбленной прославить!

Антенор

Но кто ж быть сча́стливым тебе в сей день претит?

Эней

Всё, всё Энееву к Дидоне страсть винит:
Родителева тень, Троянская держава,
Мой долг, Зевес, сама моя бессмертна слава.
Вчера, как сон принес полезный нам покой,
Мой дух, наполненный Дидониной красой,
Вкушал спокойствие в минуты безмятежны,
И восхищали весь мой разум мысли нежны,
Явился мне отец. Анхизов скорбный вид
В молчании своем показывал мой стыд.
С жаленьем на меня взирая непрестанно,

Он долго воздыхал, стоная несказанно,
И с горестью, открыв уста, сие вещал:
«Неблагодарный сын! того ль я ожидал
От крови моея, богов смешенной с кровью!
Мой сын, любезный сын, отягощен любовью,
Во праздности свой век намерится влачить;
Зевесу клятву дав, дерзает изменить!»
Сим гласом поражен, я сон и одр оставил,
И в храм отца богов тотчас свой путь направил,
И, тайно к алтарю собравши там жрецов,
Бессмертных умолять я им велел богов,
Желая своея судьбины облегченья.
Но я для горести рожден и для мученья!
Вотще пред алтарем с стенанием упал
И землю я, простерт, слезами орошал.
Увы! несчастливых молитвы суть напрасны,
И боги сами мне, несчастному, ужасны!
Во храме стены вдруг ужасный гром потряс,
И в ярой молнии небесный гнев не гас.
Начальствующего жреца власы вздымались,
Дыхания в груди от ярости спирались,
Которою его наполнив, небеса
В его устах сии послали словеса,
Лютейшие слова! которы вспоминая,
Еще я мучуся, терзаясь и стоная.
Так бог в жреце вещал: «О слабый ты Эней!
Где мужество души девалося твоей?
Тебе врученно мной троян оставше племя,
Чтобы посеяти несметных лавров семя;
А семена сии, на дерние упав,
Бесплодны для меня, без пользы свету став».

Антенор

Что ж хочешь ты начать?

Эней

Обременен тоскою,
Отчаян и лишен надежды и покою,
Злым роком осужден дни тратить во слезах,
Когда мутится ум и меркнет свет в глазах,
Могу ли что начать я, жизни ненавидя,
Мою отраду всю в единой смерти видя?

Антенор

Се мысль достойную защитник наш явил!
Иль мало рок еще Приамов род губил?
О Троя бедственна! о мать героев славных,
Великодушием самим бессмертным равных!
Надеясь на богов, я тщетно уповал;
Последнее в себе Эней у нас отъял.
Эней, которого судьбина избирает
За Трою умереть, от страсти умирает.

Эней

Когда б я точно знал, что я, драгой лишась,
Недолго буду жить, страдая и крушась,
И смерть, сию одну мне в горести утеху,
Немедленно найду граждан моих к успеху, —
Я в сей бы горький путь с веселием вошел,
И в смерти бы своей бессмертных дар нашел.
Но, ах! мне должно жить и жить не для Дидоны.
О, люты от небес предписанны законы!
О, долг к отечеству, источник вечных бед!
Мне гроб отечество там, где Дидоны нет!
Мое всё счастье в том, чтобы ее любити,
Ее всечасно зреть, ей вечно милым быти...
Воспомни, Антенор, как алчный Понт ревел
И поглотить он весь Приамов род хотел;
Как волны до небес, свирепствуя, вздымались
И в тот же час от туч до ада низвергались.
День оный в страшну ночь Нептун преобратил:
Гремящий только огнь во мраке нам светил.
Спасенья не было; богов тогда мы звали,
А боги в помощи несчастным отрицали.
Уж адовы врата отверзлись нам тогда.
В разбиты корабли вливалася вода,
Втекала с нею смерть... Прекрасная Дидона
К спасенью нашему подвиглася со трона
И, жалостней богов, на помощь притекла.
Она из челюстей нас смерти извлекла.
Трояне, боги, я неблагодарны будем,
Когда Дидонины щедроты позабудем.
Но я еще, но я всех злобнее стократ:
Я, ею избранный, чтоб, вместо всех наград,
Прекраснейшу любить, с ней браком сочетаться!.

Тираном буду я ей в памяти мечтаться!..
Я жизни ей милей, во мне душа ея,
Я ею вижу свет, всем должен ей; а я
За всю ее любовь, за всё благодеянье
Повергну нежный дух в несносное терзанье!
За то, что хочет мне всё в жертву принести,
За сердце, за престол скажу я ей: «прости!»...
Когда разлуки час, несчастным, нам настанет,
Сказати ей «прости» мне жизни недостанет.

Антенор

Но Троя, боги...

Эней

Ах, весь свет теряю в ней!
В ней зрит вселенную пылающий Эней.
О боги! истину ль о ней теперь вещаю?
Я ею благости все ваши ощущаю.
Не чувствовал бы я, не знав Дидоны, ввек,
Как может счастлив быть на свете человек!

Антенор

Чем страсти должен ты, то всё воспоминаешь,
А клятвы, должность, честь совсем позабываешь;
Не хочешь вспомянуть, любовью ослеплен,
Чем ты отечеством упавшим одолжен.

Эней

Увы! какой любви я должен отрицаться!

Антенор

Сильна сия любовь; но честь велит расстаться.
Реши, реши судьбу отечества в сей час.

Эней

О, должность! о, любовь! о, Трои жалкий глас!
Терпел ли кто когда подобное мученье?

Антенор

Еще ли чувствуешь о Трое сожаленье?
Та страсть великих душ, к отечеству любовь,
Днесь может ли еще твою тревожить кровь?

Эней

О мой любезный друг! о мук моих свидетель!
Напрасно, может быть, свою ты добродетель
Против страдающа в свирепость превратил,
И, ах, несчастного ты недостойным чтил!
В сей самый час, когда я грудь мою терзаю,
Уже я предприял... ах, что сказать дерзаю!..
Трепещущий язык в устах оцепенел;
Жестокой мысли сей язык открыть не смел...
Любезный Антенор! я сам себя страшуся!..
Но я уж предприял... пускай души лишуся!
Трояне, легче бы мне было умереть!
Хочу... а я еще могу свет солнца зреть!
Хочу... когда могу с Дидоной сочетаться...

Антенор

Вещай, герой!

Эней

Навек с Дидоною расстаться!

Антенор

Я в страсти твердости не ожидал такой.
Победа славная одержана тобой.
Тот счастлив, кто любви отравы не вкушает;
Но тот велик, ее кто узы разрушает:
И, оставляючи, Эней, страну сию,
Любовью славу днесь величишь ты свою.

Эней

Победа лютая! и слава прежестока!
Ах, как утешен бы я был пределом рока,
Когда б с Дидоною разлуки нашей в час
Покрыла смертна тьма моих зеницы глаз.
Или... чего, увы! несчастный не желает! —
Чтоб та, которою мой страстный дух пылает,
От страсти свободясь, Энея позабыв,
Своих дражайших слез ни капли не пролив,
Лишась меня без мук, бесстрастною осталась;
Чтоб ярость на меня судьбины излиялась,
Не огорчив ничем дражайшую мне грудь,
Которую я мог, к несчастию, тронýть.

Антенор

А может быть, твое желанье и свершится,
И временем твой зрак из мыслей истребится.

Явление 2

Дидона, Елиза, Эней и Антенор.

Дидона

Оставь, драгой Эней, ты мне мою вину,
Что, алчна зреть тебя, пришед в сию страну,
Твой с другом разговор в сей час перерываю:
Стремленью моего я сердца уступаю.
Уж солнце полпути свершило своего,
А я, дражайшего присутства твоего
Лишенная тобой, в тот самый час крушуся,
Когда во храм на брак идти с тобою льщуся.
Что сделалось тебе? Открой мне мысль свою
И словом ободри печальну грудь мою.
Уж тем, что не был ты со мной одной минуты,
Ты в сердце мне вселил мученья, скорби люты.
Скажи, возлюбленный, как я сюда пришла,
О ком здесь тайна речь из уст дражайших шла?
О мне ль уста твои любезные вещали?
Иль мысли хоть твои меня ли вображали?

Эней

В свидетельство себе зову бессмертных я,
Что образом твоим полна вся мысль моя;
Всегда, везде одну тебя любити стану;
Живу, любя тебя, тебя любя, увяну.

Дидона

Ты, клятвами меня спокоити хотя,
Не к сердцу, но к богам ты мыслями летя,
Свидетелями их зовешь своей любови
И, ах, зовешь с такой холодностию крови!
Я не к богам пришла, к Энею моему;
Будь сам свидетелем ты сердцу своему.
Я клятвами твоей горячности не мерю;
Я вздоху твоему единому поверю.

Эней

Дидона!.. Небеса!.. ах, что сказати ей!

Дидона

Вещай, ответствуй мне, возлюбленный Эней.
Но зрак ты от меня дражайший отвращаешь!
Безмолвен ты при мне! Эней, ты воздыхаешь!
Твой дух смущен, но чем? Или во граде сем
Из воинства, вельмож, кто при дворе моем,
Презрев тебя, тебе противен быть дерзает
И, оскорбив твой дух, весь гнев мой привлекает?

Эней

Когда бы я твоим рабом был огорчен,
Обидою б мой дух той не был возмущен;
На гордость низкого взирая с сожаленьем,
С покойною душой ему б я мстил презреньем.
А если посрамлен от равного Эней,
То помощи б искал в одной руке своей.
Никто во граде сем меня не огорчает;
А что несчастен я, то всё изобличает.

Дидона

Несчастен ты? увы! или уже любовь,
Эней, твою ко мне не воспаляет кровь?
Эней! я зрю тебя смятенна, тороплива!
Иль тем несчастен ты, что я тобой счастлива?
Свершилось всё! твоя ко мне минула страсть.
Отсутствие твое вещало мне напасть.
Я стражду; а меня ты оставлял в терзаньи, —
Меня, которая с тобою не в свиданьи,
Которая тогда, когда не зрит тебя,
Скучает жизнию, не чувствует себя.

Эней

Тебя всечасно зреть мое одно желанье;
То знают боги, ты... но Ярбово посланье
Вступило твоего владычества в предел;
Я быти не хотел помехой царских дел.
Я знаю то, что власть, величества алкая,
Должна всегда, сама себя отягощая,

Сердечно счастие на должность ту менять,
Котора дух царей одна должна пленять.

Дидона

Давно ли так Эней любезный помышляет,
Что мысль моя его в величестве теряет?
Един твой взгляд, твой вздох и слово уст твоих
Долг сердца моего и гордость мыслей сих.
Но что ты славы в путь Дидону устремляешь,
Достойна тем в себе супруга ей являешь,
Над ней, над сей страной достойного царя.
Но, ах! любовника почто ты долг презря,
Смущаешь нежный дух в моей счастливой доле?
Будь меньше ты герой, люби меня лишь боле.

Эней

О, коль несчастен я! ты сердце мне разишь!
Неблагодарному ты милости явишь.

Дидона

Неблагодарному! а ты им можешь быти?
Ты можешь пламенну мою любовь забыти?

Эней

Чтоб я забыл!.. увы! узнай, что́ я терплю.
Кто может так любить, как я тебя люблю? —
Всё нахожу в тебе, тобой единой таю,
И прелести в тебе я новы обретаю.
Я каждый день тебя на каждый вижу час,
А зрю тебя всегда, как зрел я в первый раз.
Но, ах!..

Дидона

Сверши.

Эней

Увы! язык в устах немеет;
Мятутся чувствия, и сердце каменеет.
Прости.

Явление 3

Дидона и Елиза.

Дидона

Что зрю, и кто сокрылся от меня!
Сего ли я ждала в минуты брачна дня?
Эней ли от меня, Елиза, убегает?
Чем винна я пред ним? и что сие вещает?
Каким, свирепый рок, ты бедством мне грозишь?
Скажи, Елиза, мне... Жестокая! молчишь!
Эней меня бежит, а я одна страдаю.

Елиза

Теряюсь в мыслях я, сего не понимаю.

Дидона

Свидетельницею, Елиза, ты была,
И разговор мой с ним ты слышать весь могла.
Бесстрастна, все мои слова ты примечала.
Рассудка твоего любовь не помрачала.
Скажи, Елиза, мне, не молвила ль чего
Я в оскорбление любезна моего?
Конечно, жар его ко мне уж угасает.
Увы! от мысли сей Дидона умирает!
Пойдем к нему, пойдем; да истолкует он
Со мной поступок сей, мой жалкий слыша стон.
Но если все слова исчислити подробно, —
Вину сей хладности поняти мне удобно.
Он мне о Ярбовом послании вещал;
Любовию ко мне Ярб дух его смущал.
Эней! коль узришь ты во мне когда премену,
Пусть боги истребят меня и Карфагену.
Драгой Эней! стыдись ты мысли своея:
Узнал бы ты, сильна ль к тебе любовь моя,
Когда б совместник твой, властитель всей вселенной,
Тьму скиптров и венцов, любовию плененный,
К ногам Дидониным с собою повергал
И за любовь мою мне тем платить желал;
А ты б меня любил невидим, в низкой части, —
Тогда б увидел ты во всей Дидону страсти,

Пренебрегающу блистанье всех корон
И возводящую тебя к себе на трон.
Летите от меня вы, мысли, прочь ужасны!
Крушения мои днесь были все напрасны.
Коль ревность дух его удобна возмутить,
Драгой Эней меня не может не любить.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 1

Ярб и Гиас.

Ярб

Се зрю противный дом! несносные чертоги!
Где всё, что я люблю, немилосерды боги
Троянску страннику с престолом предают.

Гиас

Твои ль, твои ль глаза потоки слез лиют!
Ты плачешь, государь! твой дух великий...

Ярб

Плачу;
Но знай, что слез своих напрасно я не трачу,
И слезы наградит сии злодея кровь!

Гиас

К чему, о государь, ведет тебя любовь!

Ярб

Любовь? нет, тартар весь я в сердце ощущаю!
Отчаяваюсь, злюсь, грожу, стыжусь, стонаю.
То злоба в сердце сем любви скрывает вид,
То злоба мне сама, как страстен я, явит.
Свирепствующ мой дух потоков алчет крови,
И фурия во мне зажгла сей жар любови!

Ярб должен счастлив быть — иль всё, что есть,
сразит.
Не тщетно страсть моя в сей страшный день грозит.
Пускай погибну я, но устремлюсь в отмщенье;
Эней заплатит мне за всё мое мученье:
Как лютая змия, он грудь мою грызет.
Объемлет ярость ум, и сердце ревность рвет.

Гиас

Властитель многих стран, с престола ты нисходишь,
А месть свою один ты в чуждый град приводишь;
Под именем посла дерзаешь предприять. . .

Ярб

Тебе ль о мщении удобно размышлять?
Молчи, не знающий еще всей царской тайны.
Отважность кончит лишь дела необычайны.

Гиас

Отважность, государь, когда нас честь ведет,
Пребудет ввек славна, хотя и упадет;
Но если, своея игралище мы страсти,
Вдаемся для нее во всякие напасти, —
Отважность такова безумию равна.

Ярб

Мне месть лишь кажется приятна и славна.

Гиас

Но если точно ты отмстити помышляешь,
На чем же, государь, надежду устрояешь
Во предприятиях неслыханных твоих?

Ярб

На гордости вельмож, на сребролюбьи их.
Царица здешних мест, горя к Энею в страсти,
Мне помощь подает сама к своей напасти.
Троянска беглеца владычества стыдясь,
Вельможи многие, в притворстве утаясь,
Покорства кажут вид, но в сердце злость питают;
Непримирительных врагов в себе скрывают;

И многие из них, Дидону погубя,
Хотят ее взложить корону на себя.

Гиас

Оставь усердью то, что смело я вещаю;
И мыслить, государь, того я не дерзаю,
Чтоб ты удобен был рабу престол вручить,
Которого б ты мог возлюбленну лишить.

Ярб

Когда прекрасная и гордая Дидона
Моею ревностью низвергнется со трона,
Коль я возлюбленну удобен поразить,
Могу ли хищника престола я щадить?
Виновник бедствия великия царицы
Достойну от моей воспримет мзду десницы
И, льстясь на трон взойти, во мрачный снидет ад.
Дидона и Эней, вельможи, весь сей град
То будут чувствовать, колико Ярб страдает.

Гиас

Что слышу, государь, и Ярб ли то вещает?
Поняти не могу. Возможно ль, чтоб любовь
Могла позволити пролить дражайшу кровь,
Низвергнув в крайние возлюбленну напасти?

Ярб

Измерь ты яростью моей жестокость страсти:
Несчастливо любя, рассудок я гублю,
Не знаю сам себя, не помню, что люблю.
Игралище страстей и жертва злобна рока,
Свиреп, ожесточен, иду вослед порока;
Без склонности к нему злодейства я страшусь;
Но, ах! к злодейству неволею влекусь.
Погибелью моей любезной утешаюсь
И мстить хочу я той, которой восхищаюсь, —
Но мщенье ли меня сюда влекло, Гиас?
Надежды звал меня сюда сладчайший глас,
Которая меня доныне утешает.

Гиас

Или не вся твоя надежда исчезает?
Мечтой ты, государь, единой обольщен.

Ярб

Надежда есть, доколь их брак не совершен.
Хоть Ярб не мил, но трон его быть может лестен:
Великой властью Ярб всей Африке известен.
Еще б сказал, что кровь богов во мне течет,
Когда б мой род мне был достоинства предмет;
Но я сию мечту Энею оставляю,
А сам собою лишь прославиться желаю.
Гетуллии моей предел распространен,
Престол на многих мой престолах утвержден;
Без помощи богов меня к богам возносят.
Народы многие тьму жертв ко мне приносят.
Но кто Эней? С собой носящий стыд беглец.
Пристойно ли его главе носить венец?
Он храбро, брани в час, на грозну смерть дерзает,
Он воин; но царя сие не отличает.
Иной велик в боях, но на престоле слаб,
На поле властвует, а под короной раб.
Помощник нужен днесь таков, как я, Дидоне
К правленью скипетром, страны сей к обороне.

Гиас

Хоть польза общества Дидоне то твердит,
Хоть сам рассудок ей за Ярба говорит,
Но как рассудок слаб, когда бунтуют страсти!
О! если б быть могли сердца у нас во власти,
Когда бы разум наш над нами обладал,
Любить Дидону Ярб, конечно, бы престал.

Ярб

Почто отъемлешь ты то сладко заблужденье,
В котором только мне осталось утешенье?
Почто ты правды мне открыл несносный свет?
Гиас, ты думаешь, что мне надежды нет?

Гиас

Безмерной страстию Дидона распаленна,
К Энею всей душой и мыслью устремленна.
Почто скрывать мне то, что будешь сам ты зреть?

Ярб

О, мысль смертельная! Ее душой владеть
Дерзает... кто? Эней! пришлец, троянин лютый!

А я без мщения теряю здесь минуты,
В которы, может быть, — о, нестерпима часть! —
Совместник мой, свою усугубляя власть,
В ласканиях ее над Ярбом торжествует,
А Ярб презрение лишь только испытует.
Не знаю в горести, которую терплю,
Я ненавижу ли или еще люблю.
Но, ах! доколь мой рок совсем не разрешится,
Дай сердцу моему надеждой сладкой льститься.
А может быть, она, вообразя свой трон
И сильного царя услыша страстный стон,
Мысль царску ощутив, ко славе обратится
И, вшед сама в себя, той страсти устыдится...

Гиас

Дидону вижу я, идущу зреть тебя;
Скрепися, государь, не забывай себя.

Явление 2

Дидона, Ярб, Елиза, Гиас.

Ярб

Доколе Ярбово желанье изъяснится,
Внемли сие, что он делам твоим дивится,
Которыми царей ты многих превзошла.
Там дикие места, пустыню ты нашла,
Где пышный град, твоей премудростью творенный,
Несется к облакам на зависть всей вселенной:
Град создан кажется небесною рукой,
Обуреваемым надежда и покой.
На трон ты вознеслась для подданных блаженства.
Но мало то; в тебе все вижу совершенства
И восхищаюсь, зря всех прелестей собор.
Достоин Ярба был пленить твой нежный взор
И, в сердце утвердя его твою власть вечно,
Склонить сего царя тебя любить сердечно.
Твоею красотой вся кровь его кипит:
Восходит ли на трон рабов своих судить,
Стремится ль на врагов, разжен воинской бранью,
Всем жертвует тебе, твоею всё чтит данью,
Тебе всё хочет он повергнути с собой:

Престолы и венцы, себя и свой покой —
Он всё в сей час к ногам Дидониным приносит,
А сердца твоего в награду только просит.
Соделай Ярбову мучению конец;
Возвыси сей престол, прибавь к венцу венец.
Или гнушаешься блистающим в порфире?
Кто ж из царей тебя достоин будет в мире,
Коль презрен будет Ярб, никем не побежден?
Твой скиптр в руках твоих им будет утвержден.
Твой трон днесь страшен стал; но тем себе опасен,
Подвержен тот бедам, кто стал другим ужасен.
Склонись к сему царю: желание его
Есть польза важная престола твоего.

Дидона

Великого царя увидевши посланье,
Иное думала услышать я желанье.
Я чаяла, что Ярб с престола своего,
Ища величества союза моего,
Десницу дружества к Дидоне простирает,
Чтобы против того, кто рушити дерзает
Спокойство Африки неправедной войной,
Став подкрепленному страны сея рукой,
Надежнее сразить продерзостна злодея;
Для пользы общества своей я не жалея,
Стеснила б множеством пучину кораблей,
Поля покрыла б тьмой блистающих мечей;
Желанье б Ярбово быть не могло бесплодно,
Я сделала б то всё, что Ярбу лишь угодно.
Но сердцем нам своим нельзя повелевать.
Возможно ль естества устав одолевать,
Противу самого себя вооружаться,
И к горести своей с немилым сочетаться?
Чтить Ярба и жалеть — вот всё, что я могу,
И дружество к нему вовеки собрегу.

Ярб

Что Ярб тебе не мил, тому вину он знает.

Дидона

Коль знает он, почто ж тобою вопрощает?

Ярб

Царица! постыдись ты страсти своея.

Дидона

Возможно ли, чтобы того стыдилась я,
Чем только жизнь моя мне может быти лестна?
Да будет Ярбу страсть моя уже известна:
Люблю, Энеем я пылаю и горю.
С восторгом я о сем с тобою говорю.
Постыдно ль мне гореть к великому герою,
Который защищал с толикой славой Трою,
Который Гектору геройством равен был,
Который греков всех своим мечом страшил?
Прекрасен, млад, герой, царю достойно мыслит;
Но кто достоинства Энеевы исчислит?
Когда б, как я, весь мир сего героя знал,
Царем бы одного его себе избрал;
И Карфагена вся с Дидоною согласна.

Ярб

Но Ярба месть тебе не будет ли опасна?
Он может показать, тобой уничижен,
Кто должен быть из двух совместников почтен —
Троянский ли беглец, от греков побежденный,
Иль Ярб, к владычеству богами в свет рожденный?

Дидона

Коль Ярб рожден владеть, пускай владеет он.
Эней мне мил, Эней взойдет ко мне на трон.
Знать, Ярбу суждено, чтоб только лишь грозити,
А мне дражайшего Энея ввек любити
И грозы презирать, которых не страшусь.
Энея потерять — вот всё, о чем крушусь;
А с ним, хотя б на нас вселенна ополчилась,
Противу всех царей идти б не усумнилась.

Ярб

Но знай, что брак твой с ним унизит твой венец.

Дидона

Престань и наглостям соделай ты конец.
Не истребляй во мне ты дерзостью терпенья

И к Ярбу моего не умножай презренья.
Тот мал в моих глазах, который мне грозит.
Ярб силен, храбр, врагов, как молния, разит;
Велик он, может быть отечеству полезен, —
Не спорю: он ваш бог; а мне Эней любезен.
Ярб всё в странах своих; но здесь мне всё Эней.
Я сих царица стран; он царь души моей.
Ты можешь ныне путь направити обратно
И Ярбу принести известье неприятно:
Что сердце в самый день отъезда твоего
Я с сердцем сопрягла драгого моего;
Иль радостям моим ты можешь быть свидетель,
Чтоб знать, как страшен мне Гетуллии владетель.

Явление 3

Ярб, Гиас.

Ярб

Мне быть свидетелем несчастья своего?
Я буду; но страшись присутства моего!
Жестока! твой отказ мне радость в грудь вселяет
И, страсть отняв, одну лишь злобу оставляет.
Стараний свобожден, которыми язвлюсь,
С покойною душой в отмщенье устремлюсь.
Погибнет мой злодей в объятиях Дидоны!
В сию ж лишится нощь она своей короны!
В несчастну нощь сию презренная любовь
В противном граде мне прольет реками кровь!
Уж ярости моей в сей час мечи острятся:
Отважны воины вне города хранятся.
Узрим всё зданье здесь в пылающем огне
И, Трою сотворя вторую в сей стране,
Мы Карфагену всю в троянско ввергнем горе!
Наполним трупами волнующеся море!
Пускай вторично здесь, коль меч не поразит,
Лютейший мой злодей со срамом убежит. . .
Но что! Я мстить хочу во время мрака ночи,
А лютый брак скорей мои увидят очи!
Могу ль единый час врага во счастье зреть,
Чтоб, яростью дыша, от злобы не умереть,

Как буду я сносить Дидоны лестны взгляды,
Иному, а не мне дающие отрады!
Пойду, как алчный тигр, против моих врагов,
Сражуся с смертными, пойду против богов:
Там в грудь пред алтарем Энею меч вонзая
И сердце яростной рукою извлекая,
Злодея наказав, Дидоне отомщу
И брачные свещи в надгробны превращу.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТИЕ

Явление 1

Дидона, Елиза.

Дидона

О Ярбе ты твердя, не огорчай Дидоны.
Мне гнусны с ним его и скипетры и троны.
Единый взор драгой Энеевых очес
Превыше тронов, царств, дражайший дар небес.
Коль хочешь, слабостью мой пламень называя,
Порочь, но слабости царицы почитая.

Явление 2

Дидона, Елиза, Арсина с воином.

Арсина
(к Дидоне)

Имеет воин сей весть тайную сказать.

Дидона
(к воину)

Вещай!

Воин

Против тебя дерзают восставать.
Гетульского царя посол ожесточенный
По граду здесь лиет яд злости сокровенный.

Вельможей, воинов сребром прельщая взор,
Готовит на тебя погибелей собор;
А тем, которых дух лишь гордость ослепляет,
Он стыд зреть странника на троне представляет.

Дидона

Усердие твое, как должно, признаю.
Поди. Воспомню я преда́нность мне твою.

Воин уходит.

Герой — любовник мой, могу ли устрашаться!
Но, ах! он сам меня старается скрываться
В тот день, как к счастию готовлюсь моему!
Предчувствую удар я сердцу своему!
Энея нет со мной. Ах! что тому виною?
Что сделалось ему? что станется со мною?

Елиза

Злой умысл на тебя уведав, может быть,
В сей час злодейский ков он тщится истребить.

Дидона

С моими мыслями, Елиза, ты согласна:
Конечно, до него дошла та весть ужасна,
Которая любви его грозит бедой.
Поди, скажи ему, чтоб вкупе он со мной
Устроить всё пришел. Скажи, что я страдаю,
Что без него души в себе не ощущаю.

Явление 3

Дидона, Арсина.

Дидона

Что я ни говорю, но дух смущеньем полн.
Колеблюся страстей среди различных волн.
Смущаюсь, радуюсь, надеюсь, унываю.
Не тщетно ль радуюсь? не тщетно ль уповаю?

Явление 4

Дидона, Елиза, Арсина.

Елиза

Царица! ах!.. Эней!..

Дидона

Сверши.

Елиза

Уж на брегах,
И воинов его уж часть на кораблях...

Дидона

О, весть ужасная! всё ясно понимаю:
Эней меня бежит, я жизнь мою теряю!
(К Елизе)
Способствуй ты любви отчаянной моей,
Когда не хочешь зреть моих кончины дней;
Стремись и возврати мою в Энее душу.
Скажи ему, что жизнь мою в сей час я рушу.
Проси, моли, пролей потоки горьких слез.
Грози за смерть мою отмщением небес.
Яви ему всё то, что дух мой ощущает.
Скажи ему... скажи: Дидона умирает.

Явление 5

Дидона, Арсина.

Дидона

Се час, который мне то ясно показал,
Присутства моего почто Эней бежал.
Се лютая вина при мне его смятенья!
За всю мою любовь готовил мне мученья.
Обманывала я, несчастная, себя!
Могла ль изменником, Эней, считать тебя,
Тебя, которого всему предпочитаю;
И днесь, лишь только то себе воображаю,
Что хочешь ты меня, несчастну, покидать,
Не веря, я тебя ж желаю оправдать.

Арсина

Забыл Эней, забыл твое благодеянье.

Дидона

О, мысль жестокая! смертельное терзанье!
Арсина, верь тому, что я напрасно рвусь;
Смятенная мечтой, мечтою я крушусь.
По клятвах таковых Эней меня оставит?
Ах, нет! Эней себя, Эней не обесславит...
Елизу вижу я. Елиза, ты одна!
Конечно, я в сей день умреть осуждена!

Явление 6

Дидона, Арсина, Елиза.

Елиза

Тебе способствуют бессмертны сами боги;
Эней...

Дидона

Где он?

Елиза

В сии вступает уж чертоги.

Явление 7

Дидона, Эней.

Дидона

Я слышала, что ты оставить предприял,
Несчастную, меня; что ты уйти желал.
Желал ты или нет? Меня в том уверяли.
Я думаю, что то мне ложно объявляли.
Не верю я тому... Но ты, Эней, молчишь.
Не верю... ах, тиран! ты верить мне велишь!
Смятение твое и лютое молчанье
Есть смерти моея ужасно предсказанье.
Се плод моей любви, се наших жар сердец!
Сгораю я тобой и гибну наконец.

Взгляни ты на меня; почто страшишься видеть,
Которую возмог ты днесь возненавидеть?
Взгляни, Эней: не гнев узришь в лице моем,
Увидишь смерти тень единую на нем;
Взгляни ты на меня, приметь мое мученье.
Иль устрашаешься ты внити в сожаленье?
Мужайся, ты герой: отъемли жизнь мою
И, ах! без робости пронзай ты грудь сию
И сердце страстно, где твой образ обитая...

Эней

Не отягчай меня ты, мучась и страдая.
Днесь должно твердость нам обоим восприять,
Друг другу помощи про́тив себя давать.
Довольно без тебя я сам собой размучен:
И без дражайших слез твоих я злополучен.
Мужайся, утверди меня про́тив себя.
Любовь свою ко мне навеки истребя,
Вспомоществуй ты мне несчастливей всех быти,
Вспомоществуй в очах ток слезны́й затворити;
А ежели нельзя повелевать слезам,
Да будет в слабости подпорой слава нам,
Чтобы сказати мог весь мир, о нас жалея:
Не мог сразити рок Дидону и Энея...
Мне боги от тебя велят навек отстать.

Дидона

Не может божество невинную карать.
Богами тщетно ты неверность закрываешь.
Зевес! ты, слыша ложь, его не поражаешь!

Эней

В сию ужасну ночь — о, гибельный удар! —
Он сам мне повелел тушить к Дидоне жар
И вспомнить мой обет. Нам должно расставаться.
Осмелится ль Эней богам сопротивляться?

Дидона

Почто ж, жестокий! мне ты прежде не сказал.
Что сам Зевес твою любовь опровергал?
На то ли овладел моею ты душою,
Чтобы извлечь ее в сей день твоей рукою?

Эней

Удобно ль в радостях желать то предузнать,
Что наши радости возможет огорчать?
К утехам я любви одной стремясь всечасно,
От мыслей отвращал предведенье ужасно.
Я мыслил, что Зевес, гремящий в небесах,
Всю славу утвердил мою в твоих красах;
Что боги лютые, немилосерды боги
Не будут для тебя ко мне толико строги.
Но тщетно всё! Зевес на смерть идти велит.
Далеко от тебя Энея он стремит.
Предчувствую, со мной что может приключиться.
Уж сердце от меня готово отлучиться.
Все радости мои останутся с тобой.
Смертельный, лютый путь я вижу пред собой.
Я лишь тобою жизнь могу в себе питати...
Но, ах! я должен днесь о славе помышляти.

Дидона

Беги, жестокий, ты и оставляй меня,
Беги, не буду я себя стыдить, стеня;
Не буду пред тобой вздыханьем унижаться:
Не хочешь быть со мной, — и я хочу расстаться.
Сего лишь я ждала, чтоб сами те уста,
Которых клятвами здесь полны все места,
Которы вечною любовью уверяли,
Чтоб те ж уста свою неверность возвещали,
Разлуку вечну мне веля с собой снести.
Узнала я тебя, Эней; навек прости...
Навек, увы! навек! о, слово преужасно
В любви сгорающим и зревшимся всечасно!
Как месяц, год снести возлюбленной твоей,
Чтоб разделяло нас толь множество морей;
Чтоб начинался день, и день оканчавался,
А ты б, драгой Эней, с Дидоной не видался?
Не боги, нет, меня оставити велят;
Нет, смерти моея бессмертны не хотят;
Ее желаешь ты. Коль винна я пред вами,
Разите, небеса, меня в сей час вы сами!
Чем гневаю богов? Тем разве их гневлю,
Что более всего, Эней, тебя люблю?
Иль хочешь смертию моей себя прославить?

Не оставляй меня, — мой дух меня оставит;
Не оставляй меня для горьких слез моих!
Тебе ль, Эней, тебе ль искать утехи в них?
Воспомни клятвы все, мне данные тобою,
И зри у ног твоих царицу пред собою.

Эней

Ах, что ты делаешь!

Дидона

Не умерщвляй меня!
Иль, бедную на смерть, жестокий! обвиня,
Пронзи ты грудь мою дражайшею рукою:
Утешь хоть тем, когда не хочешь быть со мною.
Я жизни без тебя не возмогу стерпеть.
Что в свете мне, когда тебя не буду зреть!
Кому несчастная Дидона станет верить,
Когда и сам Эней пред нею лицемерит?
К кому, лишась тебя, прибегну я, стеня?
Ни смертных, ни богов не будет для меня...
Я слышу стон в устах твоих!

Эней

Я стражду, рвуся;
И как не рваться мне? — с Дидоной расстаюся!
Днесь гибнет весь мой свет, теряю всё, что есть;
Тебя теряю, жизнь... но остается честь.
Размучен страстию, растерзан, беспокоен,
Тогда лишь буду я любви твоей достоин.
Любовь твоя тебя не станет посрамлять:
К герою будешь ты те вздохи устремлять,
Которы подаешь бегущему Энею.

Дидона

Ступай; я более просити не умею.
Мне полно мучиться; я много слез лила
И долго пред тобой любовницей была;
Царица буду днесь. Довольствуйся геройством.
Оставь меня, пришлец, зверям подобный свойством.
Вещают, что в тебе бессмертных кровь течет;
Неправда, — лютый тигр тебе дал видеть свет;
В утробе ты зачат свирепейшия львицы!

Беги и удались несчастнейшей царицы!
Сокрой противный взор неверных ты очес,
В которых видела я прежде дар небес!
Сокройся, удались... О чем ты помышляешь?

Эней

Я мышлю, что ты гнев невинному являешь...
Итак, уж ты меня из сердца своего...
Я мышлю, что... ах, нет! не мышлю ничего!

Дидона

Чтоб я, неверностью твоею огорченна,
Жалеть изменника была бы униженна!
Чтоб я... тиран! узнай, могу тебя забыть;
Я больше сделаю: хочу супругой быть
Тому, которого я прежде презирала,
Которому тебя я, льстец, предпочитала.
Я с Ярбом сопрягусь, с ним буду вечно жить:
В сей день и при тебе хочу я объявить.
В сей час к посланнику его...

Эней

Постой, жестока!
И ты, согласна став с свирепостию рока,
Наместо чтоб мою судьбину облегчить,
Стремишься смерть мою лишь боле отягчить!
Итак, о небо! я уже всего лишаюсь,
И не с возлюбленной я ныне разлучаюсь, —
С невестой Ярбовой...

Дидона

Мне слава то велит.
Любовь сердца сплела, а слава разлучит.
Я славы голосу тебя не меньше внемлю;
Как ты, и я так честь себе в закон приемлю.
Иной узнает то, соединясь со мной,
Что можно с честию владети сей страной;
Что больше мой престол принесть возможет славы,
Как неизвестныя искание державы.
В ином я радости и счастье буду зреть,
Которые в тебе я льстилася иметь.
Иной мне возвратит всё, что тобою трачу.

Иной... ты слезы льешь, и я с тобою плачу!
Эней! не верь словам отчаянной любви;
Лишась тебя, умру!.. несчастну оживи!
Закрой мой гроб; мой дух уж с телом расстается!

Эней

Живи, дражайшая! Эней твой остается.

Дидона

О, слово радостно, неожиданно мной!
Я душу предаю тебе с моей рукой.

Тимар входит.

Тимар, скажи жрецам мое ты повеленье,
Чтоб во́здали богам мое благодаренье
И украшали бы ко браку алтари.
Мы внидем в храм напредь вечерния зари.
А сам готовь мой трон с короною моею,
Те слабые дары любви моей Энею.

Тимар

(один, к воину, с ним вшедшему)

Я в храм иду, а ты ко Ярбовым послам;
Скажи, что вид иной стал паки всем делам;
Что к предприятию уж всё теперь готово
И что исполнится Тимаром данно слово.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Явление 1

Ярб
(один)

Свирепа ада дщерь, надежда злобных, месть!
К чему несчастного стремишься ты привесть?
Лютейшей ярости мне в сердце яд вливая,
Влечешь меня на всё, мне очи закрывая...
Дидона нежну страсть удобна ощущать;
Но сердце кто ее дерзает обольщать?
Пришлец, ругаяся моей несносной части,
В утехах исчислять те станет все напасти,
Которы должен я от странника терпеть!
Он в прелестях ее всечасно будет зреть,
Колико счастлив он и сколько я несчастен!
Благополучен враг, а я лишь только страстен!
О ты, которого все чтут моим отцом,
Великий Юпитер, держащий страшный гром!
Зри сыну твоему творенные досады!
Впервые для своей молю тебя отрады:
Когда ты мой отец, яви, что я твой сын.
Из мрака грозных туч, природы руша чин,
Мне сей ужасный день в ночь темну претворяя,
Не солнцем, молнией всю землю озаряя,
Вселенну потряси и громом поражай;
Низвергни город сей, блистай, греми, карай...
Но что! слова мои напрасно я теряю
И своего отца без пользы умоляю.
Когда ты не разишь, тебя отцом не чту

И только тщетную я зрю в тебе мечту:
Бессилен ты смягчить души моей мученье.
Мне боги — фурии, отец мой — отомщенье!
Мой меч помощник мне; сей меч в моих руках
Без помощи твоей преобратит всё в прах!..

Явление 2

Ярб, Гиас.

Ярб

Уже ль всё сделано? открыт ли путь мне к мести?

Гиас

Мы можем внити в храм; но ты противу чести,
Еще дерзну сказать, желаешь поступить
И славу многих лет в минуту погубить.

Ярб

Что в славе, коль она отмщати запрещает?
В обиде унывать — то славу помрачает.
В суровых тех местах, где обладаю я,
Не научилася жалеть любовь моя.
Пускай иной, снося отказ своей любезной,
Вздыхает с робостью, лиет из глаз ток слезный,
Отъемлющего всё совместника щадит!
Меня не плач, но кровь за муки наградит!
Одной свирепостью народ мой только славен;
Народа люта царь, ему хочу быть равен.

Гиас

Страшуся, государь, твой грозный видя взор!
Ты вечный для себя соделаешь позор.

Явление 3

Ярб, Гиас, Тимар.

Тимар

Теперь уж вся твоя надежда миновалась
И только месть одна утехою осталась.
Эней во храм вошел, победою гордясь,

Котору над царем обрел бегущий князь.
С Дидоной пред тобой он будет сочетаться.

Ярб

Как, боги! может дух мой в теле удержаться?
От злости рвуся я, и рвуся от стыда.
Злодей во храм пошел — и я иду туда.

Явление 4

Тимар, Антенор.

Тимар

Отколе, Антенор?

Антенор

Я храма удалился,
Чтоб стыд троян в глазах моих не совершился.
Когда ты лютость, рок, на Трою истощил,
На нас летящу смерть почто остановил?
Погибли б мы тогда отечества на лоне
И не были б рабы любови и Дидоне.

Явление 5

Дидона, Антенор.

Дидона

Всё гибнет, небеса! всё гибнет, Антенор!
Я шла во храм, но пыль столбом затмила взор.
Спираяся у врат, из храма все стремятся.
Посол гетульский там; мечами там разятся.
Стенанье, вопль и шум. Во храме мой Эней, —
Туда пошел со мной ждать радости своей,
А смерть он, может быть, незапную встречает
И, может быть, уже в сей час свой век скончает.
Спеши, о Антенор! и я иду с тобой.

Антенор

(удерживая Дидону)

Без пользы будет там приход, царица, твой.

Явление 6

Дидона
(одна)

Я чувств лишаюся, мои трепещут ноги.
Разите вы меня, о праведные боги!
Спасите только лишь Энея моего.
Виновна я, что он завета твоего,
О ты, отец богов! поднесь не мог исполнить;
Героя слабостью дерзнула я наполнить.
Щади его! твоя течет в Энее кровь.
Пускай, презрев мой стон, забыв мою любовь,
Возлюбленный навек отселе отъезжает...
Ах, что в отчаяньи любовь моя вещает!
Не ведаю, чего в тоске хочу моей:
Увы! хочу одной лишь смерти я своей.
Пусть мертвую меня оставит мой любезный,
На гробе он моем поток проливши слезный.

Явление 7

Дидона, Елиза.

Дидона

Что сделалось, скажи?

Елиза

Весь храм смятеньем полн.
Насилу извлеклась народа я из волн.

Дидона

Не видела ль... увы! спросить я не дерзаю.
Скажи... трепещет дух... где мой Эней?

Елиза

Не знаю.

Дидона

Смятением еще в сей час наполнен храм;
А ты не видела, увы! Энея там.
Конечно, он погиб, и нет уж в том сомненья.

Елиза

Не можно описать толь страшного волненья.
Колеблется весь храм, трясутся стены в нем.
Вельможи и жрецы, в смятении своем,
Друг другу вон исход, тесняся, заграждают.
Разбиты алтари со треском упадают.
Там подавле́нных стон, там слышен звук мечей.
Иной гласит: погиб несча́стливый Эней!
Иной кричит: он жив, но пал посол тирана!
Исторглася оттоль в сомненье, бездыханна,
Трепещуща, без чувств, не зная ничего.

Дидона

Увы! к жестокости страданья моего,
Елиза, придала ты больше мне мученья.
Сама иду во храм, лишаюся терпенья.

Елиза

Ты хочешь жизнь свою опасности предать.

Дидона

Что в жизни мне, когда Энея не видать?
Что в свете, коль его я в нем не буду зрети?
Пойду спасти его — иль купно умерети.

Явление 8

Дидона, Эней, Ярб (в оковах) и воины.

Дидона

Что вижу я? Эней! драгой Эней, ты здрав!

Эней

Живу, рукой своей я варвара поправ.
Во храме я, тобой имея сердце пленно,
От смертных, от богов к Дидоне отвлеченно,
К сердечным радостям всю душу обратив,
Присутства твоего я ждал, весь мир забыв.
Вельможи и народ в молчаньи предстояли,
Прихода твоего и сами боги ждали.
Ко жертвованью был готов священный лик.

Незапно восстает вдали смятенный крик.
Весь движется народ, от звука храм трепещет.
Как волны страшные к брегам вихрь сильный мещет
И извергает в них чудовище из вод, —
Таков, во ужасе волнуяся, народ,
Разверзшись, вдруг посла гетульска открывает.
Как молния, остр меч в руках его блистает,
Как углие, глаза кровавые горят,
От ярости уста безмолвные дрожат.
Предстать и меч вознесть — была одна минута;
Но я предупредил сего злодея люта:
Исторгнул меч из рук и в узы заключил.

Дидона

(Ярбу)

Чудовище! тебя тому кто научил?
Кто право дал тебе?

Ярб

О том не вопрошая,
Последуй строгости, ты часть мою свершая.

Дидона

Убийца злой! посол великого царя!
Законы святости народов всех презря,
Достоин смерть вкусить ты, все стерпя мученья!
Коль хочешь жить, пади пред ним, проси прощенья!
Презрев, тебя в сей час из града изведут.

Ярб

Хоть громы на меня с небес в сей час падут,
Хоть ад откроешь мне ты гневною рукою, —
Я сниду и во ад с неподлою душою.

Дидона

С неподлою? тиран! неподлым хочешь быть,
А ты, как гнусный тать, в сей час дерзал разить.

(К Энею)

Злодея нашего твоей даю я власти.
Эней, властителем его ты будешь части.

Ярб

Стыдятся подданны правленья беглеца,
Досадой полны их против тебя сердца.

Дидона

Блаженством подданных моих мой трон крепится.
Тиранам лишь одним рабов своих страшиться.

Явление 9

Эней, Ярб (в оковах) и воины.

Эней

Теперь в руках моих и смерть и жизнь твоя, —
Ответствуй мне, скажи: тебе что сделал я?
Что привело тебя злодействовать Энею?
Но ты молчишь.

Ярб

Как мне ответствовать злодею?
Отдай отъятый меч, с мечом я дам ответ:
За стыд мой кровь твоя ручьями потечет.

Эней

Кто Ахиллеса зрел и в поле с ним сражался,
Тот злости б Ярбова посла не убоялся;
Но славы моея я тем не собрегу,
Когда прерву ту жизнь, котору дать могу.

Ярб

Ты жизнь мне дашь? к чему я приведен судьбою!
Рази; что в жизни мне, коль буду жить тобою!

Эней

Но гордость такова прилична ли рабу?
Покорство — часть твоя; вместись в твою судьбу.

Ярб

Покорство! мне робеть? мне кланяться Энею?
Я к страху не привык и ползать не умею.
Того единого страшуся только я,
Чтоб даром не была твоим мне жизнь моя.

Отъемли ты ее, она в твоей днесь воле.
Коль буду жити я, не жить злодею боле.

Эней

Покорства твоего не требует Эней;
И буду ли велик я низостью твоей?
И наглостью, что ты величеством считаешь,
В жестокости своей меня не унижаешь.
Стремися раздражать и рвись, тиранов раб:
Тому прощаю всё, кто предо мною слаб.
Ты, раздражив меня, возвыситися чаешь,
Но тщетна мысль твоя, и ты меня не знаешь.

Ярб

Что знать мне о тебе? Бегущий ты Эней.
Но Ярба ты узнай: смотри — твой здесь злодей.
Узнай совместника, Дидоною прельщенна,
В оковах зри его, оружия лишенна.

Эней

Что нужды в том? Хоть царь, хоть раб, кто ты ни есть, —
Злодея зрю в тебе: твоя презренна месть,
Хотя б ты богом был, и бога б помрачила.
Благодари судьбе, что мне тебя вручила.
К несчастливым Эней не может быти строг.
На месте брани я врага сразить бы мог.
Опасность равная там славой озаряет, —
Но сильный честь свою свирепостью теряет.
Царь, пользуйся в сей час щедротою моей:
Энея ты не знал — узнай, кто есть Эней.
Злодею моему лютейшему прощаю,
Ему я честь, и жизнь, и вольность возвращаю.
Сняв узы, воины, отдайте меч ему.

Явление 10

Ярб

(один)

Приемлю дар тебе на гибель самому.
Щедроту чувствую, но от кого? о, боги!
В стыде мой рвется дух; меня не держат ноги!

Я в узах был, и был ко смерти осужден;
Энею должен всем, Энеем свобожден!
Речь кажда на главе власы мои вздымает!
Щедрота вражеска лишь злобу умножает.
Стократ довольней бы своим я роком был,
Коль милостью б мой враг меня не отягчил.
Энеем я живу! Энеем свет сей вижу!
Я мерзостен себе, себя я ненавижу.
Но злобой я клянусь на то лишь только жить,
Чтоб кровию твоей бесчестие омыть.
Мечом клянусь, мне сим твоим дражайшим даром,
В сию же ночь предстать тебе во гневе яром.
Коль хочешь, можешь, рок, еще меня разить;
Я всё тебе прощу, когда могу отмстить.

Явление 11

Ярб, Антенор и воины.

Антенор

Дидона чрез меня то Ярбу возвещает,
Что за злодействие ему не отомщает;
Чтоб шел из града вон в сей час он невврежден,
И будет воинством он сим препровожден.

Ярб

Иду из града вон; но пусть Дидона знает,
Что люта месть ее с Энеем ожидает.

Явление 12

Антенор
(один)

Внемлите, небеса, молению троян!
Освободите их от сих противных стран!
Представьте мне в любви померкшего героя,
Энея, кем должна воздвигнута быть Троя!
Внушите силу вы глаголу моему,
Что был он и что стал, дать чувствовать ему!
Се он.

Явление 13

Эней, Антенор.

Эней
(увидя Антенора)

Не мыслил я, чтоб мог того увидеть,
Который должен днесь меня возненавидеть.
Взирая на тебя, я совестью грызусь.

Антенор

И я, узрев тебя, от горести мятусь.
Представилися мне пергамские герои,
Сыны, защитники низверженныя Трои:
Гектóр, Троил и сам представился Эней.
Ты помнишь ли себя? .. Нет, в слабости своей
В сей час, когда мой глас героев исчисляет,
Анхизов сын красы Дидоны вображает.

Эней

Царица, коея дивится власти свет...

Антенор

Кто из граждан твоих, тебе исшедших вслед,
Из коих многие Энею кровью равны,
Клятв преступления твои узрев бесславны,
На троне зря тебя, не будет огорчен?
Что в том, что будешь ты в порфиру облечен?
Величеством твой век лишь только помрачится,
Порок в лучах венца ужаснее явится;
На трона высоте бесчестие видней.
Меч правосудия ты над главой своей,
Карающ меч богов, всечасно зрети будешь;
Лишь помня гнев небес, ты скиптр в руках забудешь.
Ступай и прéзри скиптр, вручаемый женой!

Эней

Но дух останется навек в Дидоне мой.
Могу ль снести из уст Дидониных укоры
И плачущих очей прежалостные взоры?
Могу ль свой долг тогда на память призывать,
От сердца как ее свое я стану рвать?

Погибни лучше всё: Италия и слава,
И света целого обещанна держава!
Вторично пламенем ты, Троя, истребись!..
Ах, что вещаю я!..

Антенор

Несчастный, устрашись!
Зевес! такую речь из уст его внимая,
Ты гром свой удержи, ослабшему прощая.
Оставь!.. весь ум его мрачит кипяща кровь.
Прости! не он то рек: сказала то любовь.

Эней

Оставь мне то, Зевес, пороков истребитель!
Оставь мою вину и ты, драгой родитель!
Не укоряй меня: я сам себя стыжусь.
Жестокая любовь! я днесь тебя страшусь.

Антенор

Она, Эней, тебя со Троей разлучает.
Се Гектор смертные оковы разрывает
И сильною рукой недра земли трясет,
Взирает на тебя и, зря, не познает.
Великая душа! о тень окровавленна!
С тобою наша вся надежда заключенна.
Оставь мне то, герой, что рушу твой покой!
Я знаю, страждешь ты, днесь слыша голос мой,
И за отечество Энея укоряешь,
И раны все свои кровавы исчисляешь...
Не стало Гектора, и уж Энея нет;
Не пал наш град тогда — се Троя днесь падет.
Любовь твои дела геройски помрачает
И прежней славы лавр с главы твоей снимает.
Но если славу ты уже престал любить,
Котора может нас с бессмертными сравнить,
Когда ты не герой, то ужасом тронися:
Воспомни клятвы ты и клятв своих страшися.
Зевес, которого тобой презрен предел,
В Италии искать отечества велел.
Представь себе, что ты пренебрегать дерзаешь, —
Весь гром ты на себя небесный привлекаешь!
Вострепещи и зри источник горьких слез,

Всех спутников из сих лиющийся очес;
Зри тень родителя унылу, раздраженну,
Презрением к тебе и гневом воспаленну.
Анхиз! се твой Эней... Внимай, он вопиет:
Энея зреть хочу; но здесь Энея нет!
Познай, Анхиз, познай несчастного ты сына!

Эней

О, должность! о, любовь! о, грозная судьбина!
Коль рок велит, пойдем и сей оставим град,
Порочны узы где мой страстный дух тягчат,
Которых я бегу, которыми прельщаюсь.
Любовь оставил я и славе подвергаюсь.

Антенор

Ты паки стал Эней, герой и кровь богов!
Восторгом я пленен от звука оных слов.

Эней

Поди к Дидоне ты, смягчи мое страданье,
Прими к ней от меня, от ней ко мне прощанье,
А я, чтоб сей удар несноснейший стерпеть,
В последний раз ее в сей час не буду зреть;
Не буду взором я прекрасным наслаждаться;
Идущему на смерть, мне должно утверждаться.
Умерь в ней скорбь, меня удобну погубить,
Скажи ты ей, мой друг, что буду ввек любить;
Что, вести вняв о ней печальны и жестоки,
В отчаяньи пролью не слез, но крови токи;
Скажи... но от меня ты отвращаешь взор.
Жалей меня, жалей, любезный Антенор!
Я не презрения, но жалости достоин.

Антенор

Смотри, как страстию твой ныне дух расстроен!
Любовь порочишь ты; но тщетно узы рвешь,
Тщась слезы удержать, потоки слез лиешь.

Эней

Прости! Я всё гублю, чем жизнь меня прельщает.
В мучительную смерть рок дни преобращает,
Которы мыслил я Дидоне посвятить.

Я слез поток лию и буду вечно лить.
Но не воображай, чтоб я, страшася бедства,
К спокойству своему желал бесславна средства,
Чтобы, как боги мне прославиться велят,
Не смел бы я хотеть оставити сей град.

Антенор

Яви то днесь, души все силы собирая,
И превзойди себя ты, страсть превозмогая.
Беги! нам в том сама способна будет ночь;
Мы побеждаем страсть, бежа от страсти прочь.

Эней

Пойдем... но должно нам бессмертных вопросити,
Нам должно жертвами их в помощь пригласити.
Побудем здесь еще, останемся на час.

Антенор

Приметь ты страстного в словах сих сердца глас.
Терзаясь, ослабев, к богам идти желаешь;
Но ведай, не к богам — ты к страсти прибегаешь.
Обманываешь сам ты в горести себя,
И страждешь ты, Эней, свою болезнь любя.
Останься здесь на час, чтобы навек остаться.

Эней

Как будет, ах! о том Дидона сокрушаться!
Умрет она, — а я прекрасну погублю.
Я варвар, Антенор, богов я прогневлю.

Антенор

Богов, Эней! богов уже ты огорчаешь;
Иль гнева их еще доднесь не ощущаешь?
Воспомни меч, в сей день на грудь твою взнесен, —
Ты для раскаянья от смерти свобожден.

Эней

О, нестерпима часть! о ты, вершина бедства!
Так мне с Дидоной быть ни малого нет средства?
В тебе, дражайша, всё, что в свете я люблю,
И ты пылаешь мной, а я тебя гублю!
Могу ли варварством я быть на свете славен?
Я жесточайшему злодею буду равен.

Антенор

Но что ж троянам мне сказать?

Эней

Увы! вели,
Любезный Антенор, готовить корабли.
Вам, боги, предаю Дидону я несчастну!
Избавьте бед ее, храните вы прекрасну!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Явление 1

Дидона, Елиза.

Дидона

Еще по всей земле простерта темнота.

Елиза

Какая мысль твою встревожила мечта,
Что ты спокойство сна так рано разрушаешь?

Дидона

Эней мечтался мне, — еще ли вопрошаешь!
О, сон пресладостный, прервавший мне покой!
Энея видела, идущего со мной
Во храме утвердить сердечно сочетанье:
Мой вникнув страстный дух в толь лестное мечтанье,
Восторгом радости во мне вострепетал,
И сон движеньем сим от глаз моих отстал.
Но ночь еще своей завесы не снимает
И час Энея зреть Дидону убегает.
Поди, Елиза, ты: вели сказать ему,
Чтоб сердцу, сна отстав, отдался моему.
Скажи, хоть я всегда, не зря его, скучала,
Но ввек его еще так видеть не желала.

Явление 2

Дидона, воин.

Воин

Изменою ли то иль силой, может быть,
Ярб с воинством во град в сей час дерзнул вступить.

Дидона

Еще ли бедствие от Ярба мне осталось?
Энея нет со мной! ах, что с Энеем сталось?

(К воину)

Спеши, чтоб воинство, устроенно на бой,
Умреть иль победить готовилось со мной.

Воин уходит.

Се час, в который я рабов познаю верность,
И мзду получит ли щедрот моих безмерность?
Я добродетели днесь буду ждать плодов.
Узнаю смертных я, узнаю и богов.
Но между тем еще Энея нет со мною;
Страдает грудь моя, наполненна тоскою.
Елизы я не зрю, и, ах, Энея нет!
Мне медленность сия предвесть беды дает.

Явление 3

Дидона, Арсина.

Дидона

Скажи, Арсина, мне, открой мои напасти;
Где делся мой Эней?

Арсина

Старанье тщетной страсти!
Уж бесполезна вся твоя к нему любовь.

Дидона

Свершилось всё, и Ярб дражайшу пролил кровь.

Арсина

Энея кровь? Он здрав, неверный, пребывает;
Эней живет; но, ах! Дидона погибает.

Забыв все благости и нежность всю твою,
Оставил город сей в несчастну ночь сию.

Дидона

О, небеса! .. где я? .. Арсина! ты ль вещаешь?

Арсина

Не ложну весть, увы! из уст моих внимаешь.
Я в тех местах была, где прежде жил Эней;
Но пусты все места; у стражи я твоей,
Тому дивясь, о всем с раченьем вопрошала;
Единогласно мне вся стража отвечала:
Отсель к брегам морским в полно́чь прошел Эней;
К брегам пришла — уж нет его и кораблей;
Лишь волны, ветрами отселе отвращаясь,
Бежали от брегов, с неверным соглашаясь.

Дидона

Свершилось всё. Эней!

Арсина

Уж нет его с тобой.

Дидона

Уж нет его! .. о, льстец! .. отъято всё судьбой!
Надежда, счастие, что ни было священно, —
От сердца моего всё ныне похищенно.
Всё отлетело прочь, осталась смерть одна!

Арсина

Познав теперь, как страсть любовная вредна,
Царица будь, забыв любовь, презрев неверность.

Дидона

Ты ведаешь любви моей к нему безмерность:
Я странника сего, льстеца, от волн спасла;
Царей, престолы, честь — всё в жертву принесла.
Дидона для него вселенную теряет!
А он, о злейший тигр! Дидону оставляет!

Арсина

Престань ты тщетное стенанье испускать,
Забудь неверного: днесь должно град спасать.

Дидона

Удар удару вслед против меня стремится.
Иль должно было всем бедам соединиться,
Чтобы несчастную Дидону погубить?
Почто, изменою желая поразить,
Мне сердца не пронзил, отселе отъезжая?
Ты больше варвар стал, быть меньше не дерзая!
Когда бы умертвил меня своей рукой,
Была б я счастливей, Эней, тогда тобой:
Что ты неверен стал, того б не ощутила;
Сраженная тобой, я б сладку смерть вкусила.

Арсина

Забудь того, тебя который сам забыл.
За милости твои вот чем он заплатил!

Дидона

И ты, судьба, его со гневом не карала!
Он смерть готовил мне, а я льстецом сгорала!

Арсина

Стенанья, горести во гроб тебя влекут.
Стыдися слез, что днесь из глаз твоих текут.

Дидона

Сии горчайших слез лиющися потоки
Суть крови моея предвестники жестоки!..
Се придет Ярб ко мне; увидит он меня,
О злом изменнике рыдающу, стеня, —
Какой мне стыд! ему какая тем отрада!
Се, скажет лютый Ярб, за муки мне награда,
Которы я терпел презрением ея;
Узнает гордая теперь, как рвался я.
Се часть ее уже с моею днесь сравненна.
Я ею был презрен, она другим презренна. —
О, небеса!

Арсина

Оставь ты тщетну мысль сию;
Скрепись и одолей жестоку скорбь свою.

Дидона

Скрепиться мне? иль мой любезный возвратится?
Эней, тобою лишь Дидона оживится!
Погибни всё теперь: не мне уже владеть.
Я света не могу прекрасна солнца зреть.
Корона, жизнь и всё меня обременяет;
Противно всё, всё здесь Энея вспоминает.
Куда ни обращусь, все здешние места
На мысль приводят мне неверного уста.
Но, ах! Энея нет, а плачет лишь Дидона!

Явление 4

Дидона, Елиза, Арсина.

Елиза

Причина твоего неукротима стона,
Любезный твой, письмо оставил здесь Эней.
Ты, может быть, найдешь к утехе что твоей...

Дидона

Подай... подай... Чего теперь еще страшиться?
Почто мне трепетать? он может возвратиться...
Он хочет, может быть, Дидону испытать...
Он, может быть... Прочтем; возможно ль всё узнать?..
Лобзаю я черты, черты руки любезной,
И орошает их очей моих ток слезный.
Страшусь читать, страшусь я всё себе открыть...
Чего ж страшиться мне? могу ль несчастней быть?

(Читает)

«Разгневанных богов жестокие законы
Определили жизнь мою на вечны стоны;
Определили мне, тебя навек лишась,
В путь славы шествовать, во горести крушась.
Дидона! покорись богов бессмертной воле,
Храни дражайшу жизнь, подвергнись нашей доле.
Коль хочешь ты, чтоб жил на свете твой Эней,
Умерь тоску, живи для жизни ты моей!»
Живи! .. Нет, я умру! ты жить повелеваешь,
А сам, жестокий! сам меня ты убиваешь! ..
Стремись, беги, скорей направить повели
Врагам бегущим вслед из града корабли!

Елиза

Но солнца луч еще земли не освещает,
И ночь бегущих путь от наших глаз скрывает.

Дидона

О, ночь! престрашна ночь! покров злодейских дел,
В которую Эней в неверности успел!
О льстивый сон! почто не стал ты сном мне вечным!
И вместо чтоб манить спокойствием сердечным,
Почто призра́ком ты, внушить могущим страх,
Спокойства не прервав, в ужаснейших мечтах
Не предвещал ты мне свершаемого бедства?
Я, востревоженна, еще нашла бы средства
Клятвопреступника жестока удержать;
В отчаяньи я всё дерзнула б предприять:
Я, грудь его пронзив, свою бы поразила
И смертию себя с неверным съединила.

Елиза

Престань, терзаяся, царица, нас крушить:
Страданием нельзя утраты возвратить,
И все стенания твои уже напрасны.

Дидона

Сокройтесь от меня: мне смертны все ужасны!
Всё полно кажется изменою в сей час.
Сокройтесь от меня, подите прочь от глаз!

Елиза

Или виною мы твоей напасти были?

Дидона

Вы, боги и Эней, и все мне изменили!
Почто не знали вы, что сей пергамский льстец
Коварством мне плетет толь пагубный конец?
Вы видеть то могли, но видеть не хотели;
О счастье вы своей царицы не радели.
Вы знали всё; и как, увы! всего не знать?
Старался ль он свое намеренье скрывать?
Злодействия его все были откровенны.
Давно ли корабли злодея соруженны?
В которые часы ходил он ко брегам
Готовить смерть и всё мое несчастье там?

В средине ль дня или в средине темной ночи?
Что, ах! того мои не смели видеть очи,
Не чудно то: я весь теряла разум в нем.
Казался богом мне во сердце он моем...
Сокройтесь от меня, несчастную оставьте
И мук моих своим отсутствием убавьте.
Вы все противны мне; со мной Энея нет!

Явление 5

Дидона
(одна)

О, час! смертельный час! собор лютейших бед!
К кому прибегнуть мне? к кому мне обратиться?
Почто все от меня стремятся удалиться?
Иль без Энея вид Дидонин страх нанес?
Иль для меня весь мир в сей страшный час исчез?
И жалости ко мне никто не ощущает;
Никто мне в грудь меча острейша не вонзает.

Явление 6

Дидона, воин.

Воин

Неизбежимая погибель нам грозит:
Ярб лютый город весь во пепел превратит.
Упиться кровию уж воины алкая
И с пламенем в руках по улицам сверкая,
Жестокостью царя наполненны, летят.
Но се уж варвары к тебе с царем спешат.

Явление 7

Дидона, Ярб, воины Ярбовы с горящими свещами и с обнаженными мечами.

Ярб

Зри гордости твоей печально окончанье:
Куда ни обратись, везде тебе терзанье.
Любезный твой Эней, твоих страшася бед,
Оставил по себе бесчестный бегства след.

Сомкнувшися вдали пучина с небесами,
Закрыла корабли пред нашими глазами.
Над пропастями твой престол в сей час висит,
Его низвергнуть вихрь в моих руках шумит.
Увидь сии мечи, воззри на сей ты пламень:
Вмиг не останется на камени здесь камень.

Дидона

Когда меня к бедам определяет рок,
Почто к рабам моим невинным ты жесток?
Приемли острый меч в свои тирански персты.
Все к гибели моей тебе пути отверсты.
Вот грудь моя: рази, окончи жизнь мою
И истощи на мне одной всю злость твою.

Ярб

Постой, тебе еще осталося спасенье.
Ты можешь укротить мое ожесточенье
И грома моего удар остановить,
От гибели себя и град освободить...

Ярб показывает только, что хочет стать на колени.

Спасися... должно ли, чтобы тебя избавить,
У ног твоих себя мне низостью бесславить?..
Я ведаю, что рок тебя не мне судил,
Что Ярб тобой презрен, что Ярб тебе не мил.
Но волею моей не время уж гнушаться;
Погибнуть должно днесь — иль с Ярбом сочетаться.
Сей день, несчастный день назначен мне судьбой
Иль всё сразить или во брак вступить с тобой.
Пойдем; но ты молчишь и мне не отвечаешь.
По всем местам ты взор отчаянный бросаешь.
Энея ищешь ты жестока! вижу я.
В сей самый час душа страдающа твоя...

Дидона

Эней мне мил один, а ты один ужасен!
Зачем пришел ко мне? поди, твой труд напрасен;
Поди, жестокий тигр, скорей от глаз моих!
Я не страшилась гроз и не страшуся их,
И робостью моей души не унижаю.
Царица я была, царицей умираю.
Жалею, что, прося народ мой сохранить,

К тирану просьбою могла я снисходить.
Вонзай меч в грудь мою, ввергайся в отомщенье
Вина всех бед моих, скончай мое мученье.
Когда б ты не был здесь, лютейший мой злодей!
Супругом бы мне был возлюбленный Эней;
Когда б не ты, в сей час Дидона б не страдала.
Рази скорей: мне жизнь моя ужасна стала.
Внимай: хотя Эней меня навек сгубил,
Но, знай, Эней еще и днесь мне столько мил,
Что лучше для него желаю умерети,
Чем жить с тобой всегда, тебя всечасно зрети.

Ярб

Еще единый миг — погибнет весь твой град;
Стрел тучи огненных в минуту полетят.
Уж смерть, разинув зев, моей подвластна воле.
В последний раз прошу: твоей покорствуй доле.

Дидона

Нет! варварствуй, тиран! срывай с главы венец!
И, царству моему соделавши конец,
Приемли скипетр мой рукой окровавленной!
Владей над мертвыми в стране опустошенной!
Яви, злодейством сим умножив тьму грехов,
Неправоту или бессилие богов!
Пускай по всей земле в предбудущие веки
Со страхом о тебе услышат человеки.
Пусть злейши варвары то будут ставить в студ,
Коль именем твоим их смертны нарекут.
Ступай, в свирепости бросай огонь на зданье;
Но в ярости своей себе найдешь каранье,
Злодействием своим накажешь сам себя:
Из гроба буду гнать повсюду я тебя,
Везде тебе, во всем всечасно представляться;
Всечасно совестью ты будешь угрызаться.
Хоть из тиранских душ вся жалость изгнана,
Но совесть им еще карающа дана,
Котора сча́стливых злодеев потрясает,
Вселяет тартар в них и ими их карает.

Ярб

Ступайте, воины, моей вы злости вслед.

Явление 8

Дидона

(одна)

Ужели надо мной окончилась тьма бед,
К которым я на свет была произведенна?
Лишаюся всего, и часть моя свершенна.
Благодарю тебя, немилосердый рок!
Ты столько был ко мне, несча́стливой, жесток,
Что больше ты явить суровства не умеешь!
Ты силы истощил и в лютостях слабеешь.
А ты, Эней! хотя несчастну погубил,
Вина всех бед моих, — но ты еще мне мил.
Любила я тебя, тебе венец вручая,
Любила счастлива, люблю и умирая.
Я знаю, страждешь ты в сей час, подобно мне,
И, обращая взор к плачевной сей стране,
Близ смерти ты меня стенящу воображаешь
И в мыслях кровь мою слезами омываешь,
Которую тебе на жертву я пролью;
Чтоб оживить меня, ты жизнь даешь свою
И, может быть, в сей час желаешь возвратиться;
Жестокий! возвратись: Дидона оживится.

Явление последнее

Дидона, Ярб, несколько Ярбовых воинов.

Ярб

Уж нет спасения, и твой плачевный град —
О, страшно зрелище! — весь пламенем объят,
И дымом солнца луч, как мрачной тучей, тмится.
Смягчись, жестокая, — и пламень потуши́тся!
Спеши... или чтоб грудь противну растерзать,
Ты хочешь всё с собой погибели предать?
Услышь народа стон и треск падуща зданья.
Не медли окончать ты Ярбовы страданья.
Уж вихри пламенны теперь вблизи ревут.
Все жители со мной к ногам твоим падут.
Спасись! Уж Ярб себя впоследни унижает.
Спасись! Се храмина уже сия пылает.

Дидона

Мне есть спасение, хочу себя спасти.
Мне с Ярбом гнусен свет; драгой Эней, прости!
Весь град, кончаяся, падет с своей царицей.
Да будет Карфаген Дидониной гробницей!

(Бросается в огонь.)

Ярб

Дидона! .. нет ее! .. Я, злобой омрачен,
Бросая гром, своим сам громом поражен.

Конец 1760-х годов (?)

ОЛЬГА

Трагедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ольга, вдовствующая супруга Игоря, великого российского князя.

Мал, князь древлянский, подвластный российским князьям, похитивший престол российский.

Святослав, сын Ольгин.

Волод, вельможа, воспитавший Святослава в лесах.

Мирвед, наперсник Ольгин.

Всевеста, наперсница Ольгина.

Зловред, наперсник Малов.

Воины.

Жрецы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1

Ольга, Всевеста.

Всевеста

Доколе буду зреть твои всечасно очи,
В слезах не зрящи дней, без сна во мраке ночи?
Пятнадцать лет в тоске и горести презлой
Страдая, помощи не видишь никакой.

Ольга

Убийца моего супруга на престоле,
Мой сын во бедности и мать его в неволе.
Ах! как не рваться мне? Ты знаешь всю напасть:
Малейши радости моя несносна часть
Удобна ли вместить? Всей помощи лишенна,
Давно бы жизнь моя была бы прекращенна, —
Но сын, любезный сын! надежда вся моя,
Еще крепит мой дух, и жизни своея
В пустынях и лесах течением плачевным
Принудил жизнь мою к мучениям вседневным,
Принудил горести и низости сносить:
Чтоб сына мне спасти, должна я в рабстве жить.

Всевеста

К спасению его дорога есть иная:
Тиран твой лютый, Мал, почтенье вспоминая,
Которо должен он хранить своим князьям,
И добродетели склоняясь ко стезям,

Он злобу укрощать прошедшу начинает
И браком разделить с тобою трон желает.

Ольга

Что в троне мне? Не мне престолом обладать,
Но сыну моему. Погибни, злая мать,
То сердце варварско, душа та, алчна власти,
Котора, веселясь сыновния напасти,
Чтоб в пышности провесть дни века своего,
Приемлет за себя наследие его!

Всевеста

Но Святослав, твой сын, в ком вся твоя отрада,
Еще в младенчестве отторжен здешня града,
Неведомо, в какой стране хранится он.
Пятнадцать лет тому, как твой плачевный стон
В отечество его без пользы призывает
И вести никакой о нем не получает.
Володу часть его и жизнь поручена.
Не может быть бедой душа отягчена,
Отчаяньем, тоской, печалью изнуренна,
Днесь сына твоего со телом разлученна.

Ольга

А вы то можете, о боги! допустить,
Остаток можете той крови истребить,
Что вами в Рурике владети здесь избранна!
Тиранством будет кровь геройская попранна,
И, гнева вашего злодейство не боясь,
На троне возлежать ввек будет, вам смеясь!
Но праведны судьбы́ бессмертных мне известны,
И кровь мою хранят правители небесны.
Пять лет тому назад Волод ко мне писал,
Что в добродетели при нем мой сын взрастал,
Лишь пребывания не объявил он места, —
Надежда не тщетна́, ты видишь то, Всевеста.

Всевеста

Пять лет тому прошло, и боле ничего
Ты слышать не могла уж после от него.
А если сына нет — тебе велит то слава,
Чтобы тобой была разделена держава,

Котору хочет сам тебе вручить тиран:
На трон тебя зовет блаженство здешних стран.

Ольга

Коль сына больше нет — нет нýжды мне в престоле,
Нет нужды в смертных мне, в богах нет нужды боле;
И мне ль, взошед на трон, убийце быть женой,
Которым свержен в гроб супруг любезный мой?
О, смерть! всегдашнее в уме воображенье!
О, ночь! О, страшна ночь! Ужасно пробужденье!
Пылает город весь, багреют небеса;
«Измена! — вопиют во мраке голоса. —
Измена, гибнет град!» Представь оружья блески,
Смятенье, топот, вопль, падуща зданья трески,
Стенанье раненых — убийства в страшный час.
Внимай прежалобный в тревоге оный глас:
«Спасайте Игоря, его сынов, супругу!» . . .
Плывуща зри в крови, чертогов сих к округу,
Тирана лютого, зри: пламень и мечи
Велит злодей на смерть супруга извлечи.
Оставили тогда и смертны нас, и боги!
Как вихрь, врывается тиран в сии чертоги;
С оружием в руках рыкáет Мал, как лев,
Он ищет дóбычи своей, разинув зев.
О, вид прежалостный! Здесь, кровью обагренный,
Драгой супруг, в груди имея меч вонзенный,
Последни вздохи здесь в моих руках пускал;
Здесь два мои сыны, которых рок мне дал,
Чтоб злейшему они тирану были жертвы,
Взирая на меня раздранны, полумертвы,
Просили помощи: о рок! свирепый рок!
Довольно ли ты нас тогда терзати мог?
Един остался сын... Я, боги, всё забуду,
Коль сына своего в короне зрети буду,
Когда, Володом он храненный, из лесов,
Тирана поразив, взойдет на трон отцов.
Пятнадцать лет свет зрит меня в плененьи сиру, —
За муки все ему отдайте вы порфиру!

Всевеста

Но если оный брак ужасен для тебя,
То, сына своего толико ты любя,

Умери гордости, скрывая сердца рану,
Во гневе не являй противностей тирану,
Притворством скрыв себя, склонна к нему кажись
И хоть наружностью с тираном примирись.

Ольга

Притворства низостью и гнусностью коварства
Вселенныя снискать я не желаю царства.
В короне ль, в бедстве ли, я равный дух брегу
И Ольге изменить вовеки не могу.
Воспомни то, как смерть вокруг меня летала, —
Объята гибелью, иль Ольга трепетала?
Тиранов острый меч взносился на меня, —
Я зрела страшный меч — и зрела, не стеня.
Чего ж страшиться мне, коль смерти не страшуся.

Всевеста

Но сын...

Ольга

А если я и сына уж лишуся,
Тогда я, может быть, отмщением горя,
С тираном вниду в брак и, душу претворя,
Пред алтарем богов, не зря их правосудья,
Десницу с острием смертельного орудья
Вонзив тирану в грудь, злодея накажу
И к правосудью путь бессмертным покажу.
Но се Мирвед спешит с известием о сыне.

Явление 2

Ольга, Всевеста, Мирвед.

Ольга

Скажи, где сын? В какой он кроется пустыне,
В каких лесах живет, и где ты зрел его,
Увижу ль мстителя драгого моего;
И скоро ль будет здесь каратель сей злодея?
Но грозен ли мой сын, в руках тот меч имея,
Тот меч, которым мой супруг врагов разил?
Сей меч свидетелем часов ужасных был:

Когда предерзкий раб, Мал, хитрости посредством,
Престола хищник сей, весь град наполнив бедством,
Супруга моего пронзил в глазах моих,
Младенца-сына скрыв в объятиях своих,
Володу отдала оружие и сына.
Открыта ль сыну вся гоняща нас судьбина?
Он знает ли, кто мать его, кто был отец?
Он знает ли, что месть ему отдаст венец? . .
Но ты молчишь, Мирвед?

Мирвед

Ты зришь меня смущенна,
С незнанием к тебе о князе возвращенна:
Я, тщетно к помощи склоняя небеса,
Без пользы пробегал и горы и леса —
Волода имени не слышно ниотколе.

Ольга

Се упование зреть сына на престоле!
О рок! наместо чтоб ему взойти на трон,
Свирепый рок, во гроб тобой низвержен он!

Всевеста

Престань ты горести вдаваться бесполезной,
Напрасен, может быть, в очах твоих ток слезный:
А может быть, Волод, усердием горя,
От Мала лютого опасности предзря,
Надежду росскую в твоем несчастном сыне
В непроходимыя скрывает днесь пустыне.

Мирвед

А может быть, уже с Володом на пути
Твой сын сюда спешит с отмщением прийти
И, может быть, в сей час, в те самые минуты,
Как сердце матери снедают скорби люты,
Щитом божественным от злобы огражден,
Тиранство чтоб попрать, ко граду приближен.

Ольга

Приближься из лесов к родительскому трону,
Срывай, любезный сын, с главы врага корону,

Да с трона варвар сей окровавлен падет,
Да в своея крови ту горесть изопьет,
Котору чувствую супруга я кончиной, —
От радости умру довольна я судьбиной;
Коль должно погибать, погибну не стеня;
Да упадет злодей — и пóлно для меня;
Да упадет... Но, ах! отмщением пылаю,
А средства я к тому нималого не знаю.
Плененна, в бедности оставленна от всех,
Всё отнял у меня злодействия успех:
Со счастием — меня оставили все други,
Супруга подданны не знают уж супруги;
И весь меня, увы! оставил ныне свет,
Остались только сын, Волод и ты, Мирвед;
На верности твоей надежду устрояю.

Мирвед

Что может верность та, которую являю?
И, пламень ревности стараяся хранить,
Сердца я россиян бессилен всппламенить.
Их страха мраз объял; тираном устрашенны
И тяжка скипетра под игом удрученны,
Те россы славные дерзают трепетать,
Которые могли вселенну устрашать;
Супруга твоего те горды львы под властью,
Как агнов днесь толпа, ослабленны напастью,
Пужливы, счастию тирана вслед идут
И, руку гнусную его лобзая, мрут.

Ольга

Нет добродетели иль добродетель мертва:
На свете всё тиран — иль всё на свете жертва.
Однако нам еще не должно унывать,
Когда мой сын живет, мы можем уповать;
Но, между тем, поди и рассевай в народе,
Что скоро при́дет князь, князь россов ко свободе;
Что правосудья меч над варваром висит
И над его главой уж гнев богов гремит.

Мирвед

О, если придет князь, надеюся не ложно,
Что подданны к нему склонятся непреложно,

И только лишь сие светило востечет,
Оно уныњя мрак в народе пресечет;
Погасший слабо жар во граде возгорится,
Злодействие тогда тирана обновится...
Но се тиран идет, скрывай себя пред ним
И воли не давай ты чувствиям своим.

Явление 3

Ольга, Мал, Всевеста.

Мал

Мне должно сердце днесь открыти пред тобою
И к нашему казать путь общему покою.
От времени того, как я взошел на трон,
Хотя твой праведный, но мне опасный стон
Колеблет мой престол, победою мне данный,
Преславной властию венец мне оправданный
Вдовица княжеска в рыдании своем
Хоть россам и явит похищенным венцом,
Но ведает о том пространная вселенна,
Что мною предков лишь обида отомщенна.
Вам не были мои подвластны праотцы,
Сияли собственны на их главах венцы,
Лишь силой, коею на свете всё решится,
Древляне вольности должны были лишиться.
Служили долго мы, но узы я расшиб,
С которыми наш стыд и твой супруг погиб.
Древляне долго лет пребыли притесненны —
Древляне властвуют, а россы покоренны.
Престань ты гордостью и мщеньем рвати грудь:
Превраты счастия обыкновенны суть.
Я знаю, с трона как падение несносно:
Всё счастье после нам быть кажется поносно;
Для гордыя души, коль больше скиптра нет,
С погибелью венца и целый гибнет свет.
Но ты, верь, Ольга, мне, возможешь то поправить
И славу прежнюю возможешь мной восставить:
Открыты степени тебе на трон вступать,
Но должен брак тебя ко мне препровождать.
Не мысли, чтоб красам твоим еще цветущим,

Предлогов от врага таких в сей час не ждущим,
Я нравиться хотел, представя седины:
Правленьем тягостным обширной сей страны,
Трудами бранными обременен, годами,
Могу ли на тебя взирать любви очами?
Но та властителям не нужна суета,
Прельщать царей должна иная красота —
Едина слава их к согласью привлекает.
Венца желаешь ты — венец на мне блистает.
Не внемли гордости ты тщетныя своей:
Супруга наших ты, и мать, и дочь князей,
Но то, коль силы нет, единое мечтанье.
Оставь бесплодное отмщенья упованье:
Нет способов к тому, и подданны твои,
Взирая на дела преславные мои,
Не смея власть винить, врученну мне судьбою,
Мне право отдают владети над собою.
Могла б сначала ты, как я приял венец,
Пучину буйную народных здесь сердец
Подвигнув сил моих еще на слабо зданье,
Разрушить моея державы основанье;
Но днесь устроена претверда мною связь,
И не убийца Мал — победоносный князь.
Со мною побеждать днесь россы приучились,
Злодействия мои победами закрылись.
Зри, Ольга, дел моих и подвигов ты плод:
Страшится наших сил и Константинов род;
Коварный грек на нас оружье изощряет —
Намеренье его мой дух не ужасает;
И прежде, нежели я здесь узрю врагов,
Нас Черный узрит понт поверх своих валов.
Но как возможно мне, от трона отлученну,
Для пользы общия войною отягченну,
Россию защищать, злодейку видя в ней,
Котора всякий час в жестокости своей,
Единственно всю мысль ко мщенью простирая,
России пользу, честь во злобе презирая,
Когда бы возмогла вселенну подарить,
Дала б ее тому, кто б мог мне грудь пронзить?
В моем присутстве трон мой, страхом окруженный,
Отсутствием моим изменник дерзновенный
Тобою ободрен, — возможет потрясти,

Чтоб только месть твою к успеху привести;
На благо общества нимало не взирая,
Во пользе твоея свою он сокрывая,
Дерзнет, отечество россиян возмутя,
Для корысти своей всех славу прекратя
И опровергнув всё в намерении злостном,
Остановить меня в пути победоносном. —
Мне должно браком то с тобой предупредить,
Тогда ты для себя не станешь мне вредить.
И если в Ольге Мал злодейку ныне видит,
Супругой став, меня хоть будешь ненавидеть,
Но, чтя себя и честь свою всегда храня,
И ненавидючи — ты защитишь меня:
Хоть Ольгиных я бед ужаснейших содетель,
Но знаю Ольгу я и чту в ней добродетель.
А ежели тобой отвержен будет брак,
В темницу вечную тебя сокроет мрак.
Не буду винен я, тебя тесня во узах.
И если быть нельзя обоим нам в союзах,
Гонителями нам друг другу должно быть.
Ты то же бы могла со мною учинить,
Когда бы силу ты и власть на то имела,
И я то делаю, что б сделать ты хотела.
Необходимости во мне виня закон,
Теперь ты избирай темницу или трон.
Реши свою судьбу.

Ольга

В темницу я готова.
Чтобы избегнути от рока смертно злого
И от небес, меня которы толь губят,
В темницу я иду — сошла бы и во ад.

Мал

Известна твоея мне гордости причина:
Сокрытно от меня ты ждешь прибытья сына.

Ольга

Так сын мой на тебя уже наводит страх!
Мой сын, несчастный сын, в пустынях и лесах,
Питаясь горестью, во бедности стонает,
А раб его меня со трона притесняет.

Мал

Но раб такой, как я, — достойный князем быть,
Могущий царствовать, земных владык учить,
Удобен твоему казать путь сыну к славе
И первый, кто достиг над смертными к державе, —
Не родом был он князь — достоин был владеть.
Преславных праотцев нет нужды мне иметь:
Породой славные на свете суть не редки.
Престол мой есть мой род, мои победы — предки.
Пускай твой при́дет сын, воспитанный в лесах,
Учиться у меня владети в сих странах:
Я славы в тяжкий путь его наставлю младость,
И мать его сама имети будет радость.

Ольга

Мой сын, геройска кровь прехрабрых толь князей,
Которы властию дивили мир своей, —
Возможет ли он быть к престолу неудобен?
Супругу моему, герою, он подобен.
Тебе ли своего владыку научать:
Владеть родился он, а ты — закон примать.

Мал

Остави гордости сие предрассужденье, —
Не славный нужен род, но мудрое правленье.
Я Игорев престол преславно поддержал.
Кровь Игоря славна, но здесь владеет Мал.

Ольга

Владей, тиран, владей, ругайся нашим бедством
И, сына моего возвышенный наследством,
Его, изгна́нного тобою, презирай, —
Но что уж он возрос, того не забывай.
Представь ты Игоря, сраженного тобою:
Во сыне он восстал — и сильною рукою
Убийце своему из недр лесов грозит.
Предупреди удар, что над тобой гремит,
И, князю своему бразды врючивши власти,
Сойди с престола, коль с него не хощешь па́сти.

Мал

Мне трон оставить, мне, страшася, уступать!
Хоть гром меня сразит — я буду обладать;

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ЯКОВА КНЯЖНИНА

ТОМЪ I.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ГОРНАГО УЧИЛИЩА

1787.

И лучше с высоты престола мертву пасти,
Как бросить скипетр свой и жить под игом власти.
Престань того страшить, кого хранит сам рок.
Чтоб с трона мне не пасть, довольно я высок.
Но ты, которая мне гордости являешь,
В неволе предо мной против меня дерзаешь,
Коль хочешь и себя и сына соблюсти,
Должна на жертву мне себя ты принести.

Ольга

Так я раба — о, рок! Но я злодейка буду,
Коль сына своего, супруга коль забуду.
Могу ль к убийце я взойти на страшный трон? —
Супруга орошен потоком крови он!
Могу ль сыновнее отъяти я наследство,
Делить его с тобой, умножив сына бедство?
Сей трон в глазах мне — ад, злодейством огражден,
Он фуриями весь с тобою окружен.
Зри, варвар, мстительны вокруг свещи их мрачны,
Которы мне с тобой свещи днесь будут брачны.
Седи на троне ты в похищенных венцах,
Но Ольгу отпусти во диких жить лесах,
Там, сына зря, от всех оставленна и нища, —
Земля нам будет трон, а слезы только пища.
За что его губить — иль мало ты разил?
Довольно моея уже ты крови лил:
Коварство как тебя и злоба окружали,
Супруг, два сына с ним твоим мечом упали;
Един остался сын — пусти к нему меня! —
Снедаем горестью, в рыдании стеня,
Всего лишен, живет в стране опустошенной, —
Осталась я одна ему во всей вселенной.

Явление 4

Мал и Зловред.

Зловред

Почто, льстя гордости толь злобныя жены
И оной жертвуя державой сей страны,
С престола своего себя ты унижаешь?

Мал

Иль брака оного ты в пользу не вникаешь?
Колеблется мой трон, и скиптр в руках
дрожит, —
Се время для меня ужасно настоит,
В которо должен сын, сей Ольгою спасенный,
Володом во лесах толь хитро сохраненный,
Свое против меня отмщенье принести,
Древлян унизити и россов вознести.
Погибнет всё: труды мои, победы, слава,
Чем красится моя пятнадцать лет держава, —
Ничто от россов днесь не защитит меня,
Коль сына князя их представит мать стеня.
Предрассуждение о крови и о роде
Восстанет во сердцах и оживет в народе,
И слезы матери, отчаянье ее
В очах возобновят злодействие мое.
Без пользы кровь князей здесь много
проливалась;
Коль капля крови той еще от них осталась,
Из оной произрос мне паки сильный враг,
Который из лесов вселяет в сердце страх
Мне, посреди побед седящу на престоле.
Хоть множества людей живот в моей есть воле,
Но князя жизнь, Волод которую хранит,
Волода хитростью от рук моих бежит.
Остаток истребить противного мне племя
Старания мои во всё толь долго время
Усердный старец сей в ничто преобращал
И от ловитв моих он князя защищал.
Хоть вести, что Волод ко Ольге посылает,
Коварство до нее мое не допускает,
Но писанные к ней о сыне письма им,
Не помогаючи намереньям моим,
Сокрыв мне пагубно их место пребыванья,
Лишь то мне знать дают для пущего терзанья,
Что есть ко скипетру совместник у меня.

Зловред

Престани, государь, сомнения храня,
Под кровом счастия на троне ужасаться.

Мал

На бренность счастия возможно ль полагаться?
Седя величества на зыбкия горе,
Мы счастья пуще всех подвержены игре.

Зловред

Но счастие ль одно тебя явит в короне?
Твой разум, государь, тебя крепит на троне,
Предосторожностью везде ты огражден,
И мною твой приказ весь точно соблюден:
Уж слепо ревностны, прибытком воспаленны,
Граждане здешни мной везде постановленны,
Не зная оного, с Володом князя ждут,
И, если странники сии сюда придут,
Ручаюся тебе, они погибнут оба
И, в здешний град входя, во мрак низойдут гроба.

Мал

Но если таинство познается сие...

Зловред

Не может быть того, веление твое
Усердием моим исправно совершенно:
Те, коим оное убийство порученно,
Не ведают того, чью должно кровь пролить,
И, паче тщася их в злодействе ослепить,
Волода описал им старцем я коварным,
Отечеству, тебе врагом неблагодарным;
Другой убийцею и хищником явлен,
Что к смерти уж давно законом осужден.

Мал

Убийствие сие мне нужно непреложно —
На троне без того сдержаться мне не можно;
Но, сына погубя, его нужна мне мать:
Народ ко мне с ней брак возможет обязать;
Когда рука моя ее на трон воздвигнет,
То ею до меня любовь граждан достигнет.
Известны мне сердца подвластных россиян:
Доныне Мал еще им кажется тиран.
Хоть многие из них явятся мне друзьями,
Но к дружбе их теку неверными стезями:

Друзья от страха иль для прибылей своих, —
Сребро дает — сребро отъяти может их.
А ты, которого судьба в моей деснице,
Грядущий моего вслед счастья колеснице,
Под иго ты мое влеки граждан сердца,
Различно моего являя вид венца, —
Страши дух робкого, сыпь злато алчну к злату,
Придворных льсти моей ты милостью в заплату,
Дух гордых титлами пустыми обольщай
И, словом то сказать, — что хочешь обещай:
Грози, давай, страши, прельщай, слепи им очи, —
Уж время обольщать, лить кровь не стало мочи.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 1

Ольга и Мирвед.

Ольга

Скажи, Мирвед, кто был несчастный в узах там,
Которого хотел тиран увидеть сам,
Отколе приведен и чем он толь виновен.
Он млад еще, он млад, но беден и бессловен.

Мирвед

Близ града на пути сей юноша найден,
Убийством виноват, он кровью обагрен.
Смертельна будет казнь ему за то награда.

Ольга

Убийством на пути — и близко здешня града!
Чию он пролил кровь? Меня объемлет страх...

Мирвед

Я слезы на твоих, княгиня, зрю очах.
О, сильно действие родительской любови!
Одна мечта творит в твоей волненье крови,
Всё нежной матери терзает робку грудь,
Твой дух к мучению везде находит путь;
Но тщетно сей тебя убийца устрашает:
Тиранство здесь себя лишь только защищает
И, тщася ужасом престол свой ограждать,
Страшится истиной злодейство обуздать.
Преступками страны все здешние обильны:
Где злоба властвует — законы там бессильны,

И беззаконие невинность здесь теснит, —
Изгнанна истина, а злоба всё решит;
Убийством, грабежом округи здешни полны,
Ты страха укроти твой дух смутивши волны.

Ольга

Кто сей незнаемый, я знать хочу, Мирвед.

Мирвед

Един из человек, рожденных к игу в свет:
Воспитан в бедности, оставленный судьбою,
И недостоин он быть знаемым тобою.

Ольга

Он смертный, как и я, в несчастии своем
Умален лишь судьбой, — но равен мне во всем.
Кто он ни есть, пускай сей странник мне предстанет:
А может быть, мне им надежды луч проглянет;
Я, может быть, увы! о сыне что-нибудь
Услышав от него, утешу горьку грудь.

Мирвед

(к воинам)

Представьте вы сюда во узах заключенна
Сего несчастного, ко смерти осужденна.

Ольга

Я чувствую, что в том мой тщетен будет труд,
Но в горестях, меня которые грызут,
В отчаяньи, в тоске, крушася и страдая,
Всё должно предпримать, ничем не презирая.
Лишь сын остался мне, надежда вся моя,
Но и того уже, увы! лишаюсь я,
И ожидание мое увидеть сына
Напрасным делает свирепая судьбина.
Всё гибнет для меня: на троне здесь тиран
Супруга моего изъятую из ран
Ко браку подает кровавую мне руку —
Что может превзойти мою душевну муку!

Мирвед

Все меры превзошло несчастие твое,
И тщетно было всё старание мое:

С тираном брак хотя тебя и оскорбляет,
Но непременно весь того народ желает.
Гонящий завсегда тебя твой рок — сей стыд
Необходимостью теперь уже творит:
Лишь в браке сем тебе осталося спасенье,
В нем сыну твоему наследства возвращенье;
Вельможи, воины, жрецы — все мыслят так,
Что быть необходим сей должен ныне брак.

Ольга

Пускай вселенна вся, пусть небо в том согласно —
Не мыслит Ольга так, и будет то напрасно.
Мой сын — поверь мне в том — мой сын любезный сам,
Конечно, предпочтет скитаться по лесам,
Как средством подлости достигнути ко трону.

Мирвед

Необходимости последуя закону,
Совету искренних внимаючи друзей,
Единственно рача о пользе лишь своей,
Несчастный Святослав, бедами наученный,
Не будет суетно, сим браком огорченный,
Дражайшу мать свою, гордяся, укорять,
Но милостью твоей он станет то считать.

Ольга

Ах! что вещаешь ты!

Мирвед

Я истину вещаю
И усладить твою судьбину я желаю.

Ольга

Ничто ту ненависть не может одолеть:
Хотя б Мал богом был, могла б его презреть.
Престань ты мне вещать о браке и о троне —
О сыне говори: узрю ль его в короне?
Жестокий, жив ли он?

Мирвед

Се странник тот предстал,
Который толь твой дух убийством возмущал.

Явление 2

Ольга, Мирвед, Святослав (в цепях), Всевеста и воины.

Святослав

(ко Всевесте)

Я Ольгу ль зрю, сию несчастнейшу княгиню,
Которой бедствие и до меня в пустыню
И в дикие леса достигло наконец?

Всевеста

Она перед тобой.

Святослав

Вселенныя творец
И добродетели источник и содетель,
Взведи на трон, взведи ты в Ольге добродетель!

Ольга

(к Мирведу)

Убийцу ль вижу я, возможет ли то быть,
Чтоб сердце зверское мог кроткий вид сокрыть?

(К Святославу)

Несчастный, подойди, отторгни страха муку...
Чиею кровию свою багрил ты руку?

Святослав

Княгиня, извини смятение сие,
Которое тебе явит лицо мое:
Почтение к тебе мой голос прерывает.

(К Мирведу)

Но отчего мой дух пред нею замирает?

Ольга

Скажи, чию ты жизнь, жестокий, прекратил?

Святослав

Предерзкий юноша виной сам смерти был,
Поверь мне в том, — язык мой льстити не умеет.

Ольга

Что слышу! . . Юноша! . . Во мне вся кровь хладеет. . .
Но знал ли ты его?

Святослав

Незнаем был он мне.
Граждане, стены — всё мне ново в сей стране.

Ольга

Тот юноша на жизнь твою вооружался,
А ты против него лишь только защищался?

Святослав

Что я не винен в том, то знают небеса.
Внимай: оставя я спокойные леса,
Ко граду здешнему единый приближался.
Днем утренним тогда холм близкий озарялся,
На коем храм богов воздвигнутый стоит.
Я в оный храм вошел, где рок Перуна чтит
(Храм оный из твоих единым создан предком);
Я был усердия во исступленьи редком:
Пред жертвенником я тотчас поверг себя
И богу-мстителю молился за тебя.
Ни жертв, ниже́ даров, представить не имея,
Одним усердием в молитвах только тлея,
Родяся в бедности, являл лишь чистый жар
И сердце искренне — один несчастных дар.
Язык мой явно мысль гласил, не зная лести,
Тебе всех благ желал, тирану — лютой мести, —
Се вдруг незнаема предстала мне чета:
Един из оной млад, другого уж лета́
Седи́ною главы преклонным означали.
Представ, они меня немедля вопрошали,
Зачем я здесь, почто за Ольгу я молюсь
И на тирана я за что толико злюсь;
По сих словах мечи в руках их возблистали,
Но боги в оный час мне сами помогали:
Младый, пронзенный мной, к моим ногам упал,
А старец бегством жизнь оставшую спасал.
Не зная, обагрил чиею кровью землю,
И казни устрашась, я мертвого приемлю,

Влеку к водам, чтоб в них невольный грех
сокрыть, —
Но воинам твоим случилось тамо быть,
Которые меня оружия лишили,
Злодеем на́звали и в узы заключили.
Ты видишь всё теперь, колико винен я,
И правда защитить меня должна моя.

Мирвед

Потоки горьких слез ты, Ольга, проливаешь.

Ольга

О рок! свирепый рок! ах! что ты мне являешь? —
Супруг! .. О, небеса... Стыжуся я себя...
Супруг, в сем юноше, увы! я зрю тебя...
Твои черты... Игра жестокого случа́я,
В ком кажешь Игоря, весь дух мой возмущая?

Мирвед

Неправедно его Мал к смерти осудил,
Того не видно, в чем чтобы злодей он был.

Ольга

Вид непорочности в очах его блистает,
И простота речей невинность изъявляет.
Постой; скажи, в каких родился ты местах.

Святослав

В лесах, меж пастырей в убогих шалашах.

Ольга

Что слышу я — в лесах! ах! может быть, в пустыне
О Ольгином чего не слышал ли ты сыне
И сына княжеска, оставленна от всех,
Не зрел ли в нищете, лишенна всех утех?
Или, скажи, хотя не знал ли ты Волода?
Кто твой отец, вещай, и ты какого рода?

Святослав

Отец мой древностью и бедством отягчен,
Зовут его Избар, в лесах своих почтен;
Но сына твоего не видел я вовеки,
Незнаем и Волод... Ты слез сугубишь реки!

Ольга

Терзайте бедную, терзайте, небеса!
Супруга зрю черты и слышу, что леса
Невинному сему жилищем бедным были, —
Какой надеждою сии мне сходства льстили!
«Мой сын. . .» — мне луч блистал; но вдруг свет скрылся прочь,
Я погрузилася в лютейшу паки ночь. . .
Скажи, какого твой отец происхожденья?

Святослав

Коль добродетели достойны суть почтенья,
То те, кем должен я за жизнь благодарить,
И от земных владык должны почтенны быть.
Хоть рок унизил их, но в бедность погруженны,
Великодушием и в бедстве возвышенны:
Мой праведный отец, любя добро творить,
Привык последнее со ближними делить;
Законы истинны всечасно сохраняя
И счастье ложное в пустыне презирая,
Во мраке бедного жилища своего
Страшится лишь богов и больше никого.

Ольга

(к Мирведу)

Какие прелести его слова включают!
Нет, истины такой пороки не вмещают.

(К Святославу)

Почто ж несчастного оставил ты отца,
Почто ты растерзал родительски сердца?
Несносно, горестно быть с сыном разлученну.

Святослав

Мне, тщетной славою в пустынях обольщенну,
Спокойство низкое наскучило в лесах;
Я там наслышался о Ольгиных бедах,
Что добродетель в ней тираном притесненна, —
Сим слухом кровь моя вся стала возмущенна,
Я в горести стонал, и, слыша наконец,
Что тайно хочет ей народ отдать венец,

Я алчно возжелал леса свои оставить,
Чтобы услугою тебе себя прославить.
Вот всё то, что меня отторгло от отца
И что принудило родительски сердца,
Отсутством оскорбив, лишить их утешенья,
Лишить при старости им должна вспоможенья.
Смутивший дни мои, се первый мой порок —
За то меня, за то и наказал злый рок
И сделал то, что днесь я казни стал достоин.

Ольга

Невинен ты, пребудь в надежде, будь спокоен.

(К Мирведу)

Невинен он, и всё невинность в нем явит:
Коварство с простотой такой не говорит.
Я в покровительство его приемлю младость, —
Несчастным помощь дать — в том чувствую я
сладость;
Долг человечества — се первый долг владык, —
То всё равно — хоть мал он иль хотя велик:
Он человек; увы! — и человек несчастный.
Мой сын, равно судьбы гонениям подвластный,
Несчастный Святослав подобну терпит часть:
Он в рабстве, может быть, жестоку сносит власть
Или, из леса в лес влеча тоску с собою,
Отторжен и презрен, томится нищетою:
Презрение идет за бедностью следо́м,
Ослабевает дух бесчестьем и стыдом. . .
Для рода княжеска какая участь злая!

Явление 3

Прежние и Всевеста.

Всевеста

Восхода твоего на трон народ желая,
Тирана волю он с тобой во брак вступить
Своим прошением желает утвердить:
Всяк, Мала лютого гордыню злую множа,
Благословлять его и воин и вельможа,
Трепещучи, к вратам чертогов сих течет.

Ольга

К последней гибели меня судьба влечет:
Народ, привязанный тирана к колеснице,
Забывши клятву, долг ко княжеской вдовице,
Гонителю ее всё в жертву отдает, —
Иль власти вашея, о боги! в свете нет?

Святослав

Близ трона в пышности, как я в лесах, стонают,
На высоте беды́ еще страшней бывают;
Хотя несчастен я, родяся в нищете,
Но меньше, как она в сей мира суете.
Хоть мал, хотя велик — мы все подвластны бедству
И все несчастны мы.

Отводят Святослава.

Мирвед

Сему быть должно следству.
Я всё то предвещал, что, Мала убоясь,
Принудят в брак тебя, тиранству покорясь.

Ольга

Злодейство счастливо терзает добродетель,
А небо, видя то, есть тщетный лишь свидетель.
По воле своея здесь кровь лия, тиран
Престол свой утвердил среди стенанья ран.
Супруг мой был рабов отец и благодетель —
Он мертв, от всех забыт — и варвар здесь владетель!

Мирвед

Пойду, еще пойду, стараясь о тебе,
Противуборствовать толь злобныя судьбе,
Оставшихся твоих друзей воспламеняя,
О Игоре, твоем супруге, вспоминая,
К наследнику его от рабства отвращать
И в страшной буре сей, что можно, то спасать.

Явление 4

Ольга и Всевеста.

Всевеста

Жалея о тебе, все подданны твои
Желают сохранить тебя в часы сии,
Когда гонитель твой разгневанный рыка́ет
И трон тебе или темницу предлагает.

Ольга

Злодею моему меня хотят отдать
И, сыну изменив, его терзают мать.

Всевеста

Все зреть тебя хотят отцов твоих на троне:
Деля с тираном власть, смягчи ее в короне.

Ольга

Не Ольге низостью корону покупать,
Не мне бесчестием к престолу доступать.

Явление 5

Ольга, Всевеста и Мирвед.

Мирвед

Трепещучи к тебе я паки возвращаюсь,
Хочу сказать, о чем и мыслить ужасаюсь:
Готовься слышать весть, все силы собери.

Ольга

Нет больше сил, Мирвед, — однако говори.

Мирвед

О, рок! свирепый рок! язык мой цепенеет. . .

Ольга

Мой сын! несчастный сын! . . Мирвед, твой зрак
бледнеет.

Мирвед

Уже прервался ток его плачевных лет,
И сына твоего на свете больше нет.
Друзья твои, друзья уныние являют,
Сраженны вестью сей, все Ольгу оставляют.

Ольга

Всё кончилось, увы! мой меркнет свет.

Всевеста

О, боги!

Мирвед

Все здесь убийцами наполнены дороги.
Злодейство свершено.

Ольга

А я еще зрю свет!
Блистает солнца луч — а сына больше нет,
Уж нет его... Вещай: чудовище какое
Насытило свое сей смертью сердце злое?

Мирвед

Сей злобный юноша, коварный сей злодей,
Кого ты жалостью почтила днесь своей,
Под покровительство кого ты восприяла,
Добрóта коего толико удивляла,
Который возбудил и жалость и любовь.

Ольга

Так сей злодей мою оставшу пролил кровь?
Сей кроткий...

Мирвед

Он. И — ах! — уже сие неложно,
Им сын твой убиен во храме непреложно:
Убийства страшного участники сего,
Уже два найдены сообщники его.
Волода, скрывшася от них, они искали,
Но, сами пойманы, во узы тяжки пали.

Тот, коего сражен рукою Святослав,
Усугубил свой грех, с него оружье сняв.

Приносят меч.

Се меч, который ты Володу поручила,
Когда бедой тебя судьбина отягчила,
Как сына своего желая ты спасти...

Ольга

Всё ясно зрю теперь — возможно ль то снести!
Оружье Игоря, супруга меч несчастна,
В каких руках, кому я зрю тебя подвластна!

Мирвед

С мечом сам Святослав в сии места вступал
И кровию врага его багрить алкал.

Ольга

А сына кровию зрю меч сей орошенный...
Кто старец в храме был, годами отягченный?

Мирвед

То был Волод, то был несчастный вождь его, —
То сам тиран сказал...

Ольга

Для сына моего,
Для сына княжеска, какое погребенье:
Злодей, чтоб скрыть свое ужасно преступленье,
Окровавленного его предал водам, —
Не будет матерью мой сын оплакан там.
Чтоб сына видети хоть мертва возвращенна, —
И сей я горестной отрады уж лишенна.

Явление 6

Ольга, Всевеста и Зловред.

Зловред

Великодушный Мал, презренный толь тобой,
Тронувшися твоей несносною судьбой,
Сочувствуя с тобой он равную днесь муку,
К отраде подает тебе свою он руку:

Услышав, что погиб несчастный Святослав,
Он слезы льет, в твоей тоске участье взяв.

Ольга

Он слезы льет, как я, — тому могу я верить;
Не сомневаюся, что Мал не лицемерит.
Лишь слезы разные источники лиют:
Из глаз его они от радости текут,
А из моих, увы! всю душу извлекают, —
Его теперь судьбы на троне утверждают.

Зловред

Он хочет сей престол с тобою разделить;
Тиранством тщетно ты стремишься обвинить
Того, которого ты правду ныне видишь.
Напрасно в Мале ты злодея ненавидишь:
Он Игорю был враг, но днесь он Ольге друг;
Он скипетр отдает, твой хочет быть супруг;
Хранитель должности и княжеского чина,
Им будет смягчена в сей час твоя судьбина:
Убийца, Святослав которым погублен,
Ко казни злейшия им будет осужден.
Вели его предать ты строгости закона,
Подпоре сильной сей, защите оной трона.

Ольга

Хочу, чтоб сей рукой убийца мертв упал,
Чтоб Мал за сына казнь во власть мою предал;
Пускай владеет он спокойно на престоле,
Лишь только б мщение в моей оставил воле.
Злодея грудь пронзив в отчаяньи своем,
Ко браку приступлю кровавым я путем, —
Лишь тем гонения я Маловы забуду,
А без того его супругою не буду.

Зловред

Ручаюся тебе, что всё исполнит Мал,
Чего б к утехе днесь твой дух ни пожелал.

Явление 7

Ольга и Всевеста.

Ольга

Не верь, — сей брак, чего мой столько дух страшится,
Лютейший смерти брак вовек не совершится:
За сына своего лишь только отомщу,
В тот час и жизнь свою несчастну прекращу.

Всевеста

Для имени богов...

Ольга

Престань о них вещати!
И мне ль гонителям своим в сей день предстати,
Пред оных алтарем — лишенныя всего,
Когда на свете нет и сына моего, —
Супругом изобрать смертельного злодея,
Лишь в гордости одной утеху всю имея,
Забыв, что сын погиб, тирану быть женой,
Сообщницей его, чтоб править сей страной.
Уж горести сносить не стало больше мочи:
Мне жить, мне тягостны вздымать на небо очи,
Которого мой сын уж более не зрит,
Под властью варвара снедая горесть, стыд,
В отчаяньи, в тоске, в печали иссыхая,
Ждать лютой старости, всечасно умирая...
Свершилось всё теперь, надежды больше нет, —
Позорно жить хотеть — оставить должно свет.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТИЕ

Явление 1

В стороне театра видна гробница Игорева.

Волод
(один)

Что делать мне, увы! и что теперь начати,
Питомца своего, где князя мне искати?
Геройский дух его, не зная, что есть страх,
Восчувствовал, что жить не создан он в лесах;
Я тщетно, времени прошествие ждя слезна,
Во мраке для него неведенья полезна,
Чтоб гордость удержать в нем, род князей скрывал
И сыном я своим его именовал, —
Ничто не помогло: врожденну вдався свойству,
Оставил тень лесов, чтоб вслед идти геройству;
Оставил он меня, и, может быть, теперь
Уж смерти злой его закрыла мрачна дверь.
С каким лицом его я матери предстану
И что пред Ольгою, увы! вещати стану, —
Каких я дожил бед при старости своей!
Се стены страшные, где властвует злодей,
Где князя моего видна им кровь пролита,
Где Ольга рабствует, оставлена, забыта,
И сына своего всяк час на помощь ждет.
На что ни посмотрю, мне всё то вопиет:
«Где Ольгин сын, где князь тебе, Волод, врученный?

О старец, бременем лет многих отягченный,
Зачем сюда, зачем явился без него —
На то ль, чтоб быть рабом гонителя его?»
Без князя все меня, все будут ненавидеть...
Однако должно мать несчастную увидеть, —
Но кто же в сих местах меня представит ей?
Не знаю инного, не вижу здесь друзей,
Отчаянна толпа лишь только там стонает,
Вопль слышу жалостный; увы! всё здесь страдает.

Явление 2

Волод и Всевеста.

Всевеста

Кто к сим местам дерзнул?

Волод

Несчастный человек,
Которому судьба дала толь долгий век,
Чтоб горести вкусить при смерти неисчетны,
Услуги коего не будут Ольге тщетны, —
Для имени богов представь ты ей меня.

Всевеста

В сей лютый Ольга час, вздыхая и стеня,
В отчаяньи лучей зреть солнечных не может,
В ней сердце нежное тоска смертельна гложет;
Оставь желание ты ей теперь скучать;
О странник, удались.

Волод

Мне слово лишь сказать.
Мне должно зреть ее, исполнь мое хотенье,
Имей ко дряхлости моей ты сожаленье
И тронься ты моим потоком горьких слез:
Я здешних мест не чужд — гонением небес,
Чем Ольга страждуща толико притесненна,
Не меньше твоея моя душа смущенна;
Но чей в чертогах сих воздвигнут гроб стоит?

Всевеста

Несчастна князя прах в гробнице сей лежит,
Героя славного, оставленна богами,
Убита Игоря злодейскими руками.

Волод

(подошед к гробнице)

О, прах несчастного владыки моего!

Всевеста

Стократ несчастнее супруга днесь его.

Волод

Но чем ее еще сразила днесь судьбина?

Всевеста

Всё кончилось для ней — она лишилась сына.

Волод

Что слышу! сын ее, несчастный Святослав!..

Всевеста

Убийца злобнейший, его в пути поправ,
С него оружье снял — се меч его близ гроба,
Пронзенна будет чем убийцева утроба:
В сей самый Ольга час, несчастнейшая мать,
Пред гробом своего супруга хочет стать
И в услаждение своей несносной муки
В крови злодейския свои багрити руки.

Волод

Так сын ее погиб, и Святослава нет!..

Всевеста

Для сына своего лишь Ольга зрела свет,
Для сына своего жизнь горестну вкушала,
Но днесь, когда ее надежда вся пропала,
За сына отомстя, она свой кончит век.

Волод

Увы! исполнилось то всё, что я предрек;
Почто ж пред матерью его мне днесь являться? —
Во гробе время мне от горестей скрываться.

Явление 3

Всевеста
(одна)

Конечно, старец сей усердный гражданин:
Он, слыша, что погиб несчастный Ольги сын,
Всей ревности своей явити не страшится,
Рыдает, слезы льет, страдает и крушится, —
А прочи все от нас далеко отстоят,
Рабы тирановы свой отвращают взгляд.

Явление 4

Ольга, Всевеста, Мирвед, Святослав (в оковах), воины.

Ольга
(взяв с гроба меч Игорев)

Представьте пред меня чудовище презлое.
Могу ли вымыслить отмщение такое
И к наказанию его такое зло,
Что б с мукою моей сравнитися могло.

Святослав

Я дорого плачу за час один щедро́ты.

Ольга
(указывая на Святослава)

Вот агнец кроткий сей — и вот пример добро́ты;
Ужаснее сего что может быть, Мирвед?

Мирвед

Сообщников своих пускай он наречет.

Ольга

Скажи, кто в умысле злодейском был с тобою,
За что ты грудь пронзил презверскою рукою
И что я сделала, несчастная, тебе?

Святослав

Так веришь ты тому?.. Хоть в низкой жил судьбе,
Хоть бедность лютую нести я в свет рождался,

Но к низостям мой дух вовек не уклонялся;
Поверь, несчастные не все бесчестны суть, —
Злодейством к счастию дойти не мой есть путь.

Мирвед

Не хочешь в умысле злодейском ты признаться.

Святослав

Я, защищаяся, сразил — мне должно ль клясться!
Клянуся всем... Но нет, пускай клянется тот,
Злодейством осквернил кто прежде свой живот,
В раскаянье пришед, приемлет добродетель:
Он сам себе ни в чем не может быть свидетель,
Он ищет в небесах невинности своей, —
А я ее ищу в одной душе моей.
О ты, которая щедроту мне являла,
Под покровительство меня ты восприяла, —
Чем дух твой на меня днесь тако раздражен,
За что всех милостей твоих я вдруг лишен,
Чию я кровь пролил, невинным став злодеем,
И кто был юноша, тобою толь жалеем?

Ольга

Кто был он! Варвар, он...

Святослав

О, злополучный день!
На образе ее зрю смерти страшну тень,
И меркнет зрак ее, слезами орошенный...
С какой бы радостью, сим видом сокрушенный
И чувствуя я к ней и жалость и любовь,
Чтоб муки отвратить, свою б всю пролил кровь.

Ольга

Жестокий! ах! как он притворствовать умеет, —
Отъемлет жизнь мою — и обо мне жалеет.

Мирвед

Почто ты медлишь казнь! Рази, отмсти скорей
Природу и закон и наших кровь князей.

Святослав

Князей сих при дворе — какое правосудье!
Меня приемлют, льстят — потом острят орудье,
Чтоб грудь мою пронзить... Почто из тех лесов,
Где был воспитан я, отца не внемля слов
Ни матери драгой, но льстяся тщетной славой,
Сей жизни моея погибельной отравой...

Ольга

Тебе уж матери вовеки не видать!
Без лютости твоей и я была бы мать:
Злодей, я без тебя еще б имела сына —
Ты сына моего убил...

Святослав

Когда судьбина
Явила в лютый час его во храме мне,
Коль пролил кровь твою я в страшной сей стране, —
Рази, по сем меня увидишь ты бессловна;
Хотя душа чиста — рука моя виновна.
О, как несчастен я, то знают небеса!
Чтоб кровь за вас пролить, оставил я леса.
О, рок! то сын твой был — но может ли то статься,
Чтоб сын князей в дела толь низкие мог вдаться?

Ольга

Не ты ль с него сей меч, сие оружье снял?

Святослав

Оно мое.

Ольга

Твое? Ах! что ты мне сказал!

Святослав

Клянуся сыном сим, клянуся и тобою,
Что мне оно дано отеческой рукою.

Ольга

Отеческой? в лесах? Но имя как отца?

Святослав

Он именем Избар.

Ольга

Мученью нет конца,
В которое меня сей лютый льстец ввергает, —
И что его сразить меня остановляет?
Влеките умертвить губителя сего
Перед гробницею супруга моего.
Драгого сына тень, о тень окровавленна,
Сей местью будешь ли ты ныне ублаженна?

(Подъемля меч)

Я в жертву приношу трепещущей рукой...

Волод
(с поспешностию прибегая)

Ах! что ты делаешь?

Ольга

Кто мне гласит?

Волод

Постой!

(В сторону)

Погибнет он, когда пред всеми то открою,
Что Ольга мать его...

Ольга

Умри моей рукою!

Волод

Постой!

Святослав
(обращая взор на Волода)

Родитель мой, зачем!..

Ольга

Его отец!

Святослав

Затем ли ты пришел, чтоб зреть, какой конец
Постигнет твоего несчастнейшего сына?..

Ольга

(к Володу)

Почто препятствуешь?

Волод

Есть важная причина,
Мне должно пред его то смертью объявить.
Мирвед, не допускай злодейства совершить
И жертву удали, нам должно изъясниться.

Мирвед отводит Святослава.

Ольга

Злодейской крови ты препятствуешь пролиться:
Стесненна горестью, мучением презлым,
Давала мыслям власть отчаянным моим, —
За сына своего несчастного отмщала.

Волод

(становясь на колени)

Несчастнейшая мать, ты сына умерщвляла.

Ольга

(бросая меч из рук)

Что слышу! Святослав!

Волод

Гонима мать судьбой,
Едва твой сын драгой не пал твоей рукой.

Ольга

(падает в руки Всевесте)

Он жив, любезный сын! Увы! я чувств лишаюсь!

Всевеста

О, чудные судьбы! Я мыслями теряюсь.

Волод

Ее встревожен дух потщися укрепить,
Удобен жизни сей восторг ее лишить.

(К Ольге)

Познай стоящего Волода пред тобою,
Войди сама в себя.

Ольга

Не сон ли льстит мечтою?
Ты здесь, Волод, — мой сын, где ты? здесь нет тебя...
Почто же от меня скрывает он себя —
Иль матери своей уж должен он страшиться?

Волод

Коль сына своего не хочешь ты лишиться,
Страшися и скрывай горячность ты свою.
Всевеста, тайну ты, как можешь, крой сию —
Спасенье Ольги в том, спасенье Святослава.

Ольга

Какая в радости мне новая отрава!
Мой сын, ты здесь, а зреть не можно мне тебя,
Лишь видела, тебя своей рукой губя;
На то ль ты возвращен, чтоб пуще я страдала?

Волод

Не знаючи его, его ты убивала,
А днесь когда его присутство объявишь,
Познавши сына ты, ты сына умертвишь.
Принудься, не давай любви своей ты воли,
Страшися, трепещи — злодейство на престоле.

Явление 5

Прежние и Мирвед.

Мирвед

Представить повелел перед себя тиран.

Ольга

Кого?

Мирвед

Для казни кто во власть твою был дан, —
Несчастна.

Ольга

Он мой сын, князей остаток рода.
Мирвед! Он кровь моя, надежда он народа.
Спеши, Волод: пойдем, пронзают грудь его!

Волод

Постой, не открывай...

Ольга

Днесь сына моего
Злодеи повлекут предать ужасной казни,
А вы недвижимы и все вы без боязни.
Спешите все со мной...

Волод

Ты гибель ускори́шь,
Желаючи спасти, ему ты меч вонзишь.

Ольга

За что же у меня Мал сына отнимает?

Мирвед

Пред казнию его он вопросить желает.

Ольга

Желает вопросить он сына моего —
Не знает ли тиран о том, кто мать его?

Мирвед

Закрыта ото всех сия ужасна тайна.

Ольга

Бывает в помощь нам отважность чрезвычайна.
Пойду к тирану я, народу с ним представ,
Пред всеми возвещу, что жив мой Святослав.

Волод

Страшись тиранова свирепого коварства —
Всё может предприять для удержанья царства.

Мирвед

Коль сын присутством твой тирана устрашит,
С ним брак твой от него сей ужас отвратит:
Союзом вечным с ним готова съединиться —
Теперь твой сын его уж сыном станови́тся.

Ольга

Чтобы сын Игорев злодею сыном был —
Иль только он сие терпеньем заслужил:
Оставлен смертными, гонимый небесами,
Отвержен, в бедности скрываяся лесами,
На то ль он в град своих отцов дерзнул войти,
Чтоб гнусна варвара себе отцом найти?
Когда б супругом мне сей злой тиран нарекся,
Достойна б я была, чтоб сын меня отрекся,
В своем отмщеньи мать с врагом не разобрав,
Попрал бы и меня с злодеем Святослав.

Волод

Велика Игоря достойну зрю супругу!
Не делай тщетною мою к тебе услугу,
Не низостью в сей день — величеством души
Злодея силу здесь на троне сокруши;
Не сыну твоему чрез подлость возвышаться
И браком не тебе с тираном сочетаться.
Пятнадцать лет пася я сына твоего,
Достойны чувствия я в сердце влил его,
Влагал в него, неся с ним тягость необычну,
Не пышности владык, но душу, им приличну:
Он бедство завсегда с терпением сносил,
Бесчестие одно несчастьем только чтил.
Он тако жил в лесах, как должно жить в короне,
И прямо из пустынь достоин сесть на троне.
Не ведая, что он родился от владык,
Не зная о себе, он был уже велик, —
А днесь, когда его должна судьба открыться,
Познавши сам себя, он должен посрамиться.

Мирвед

Но чтоб спасти...

Волод

Спасут бессмертные его!
Те боги самые, что сына твоего,
Соделав бренною ему меня защитой,
Из лютых челюстей злой смерти и несытой
Исторгнути могли, тирана ослепив,
Когда, реками кровь по улицам пролив,

Алкал он истребить всё Игорево племя, —
Которые его хранили в оно время,
Те боги самые и днесь его спасут
И чрез главу врага на трон отцов взнесут.

Мирвед

Умолкните, тиран уже сюда вступает.

Ольга

(к Володу)

Сокройся от него... мой дух изнемогает.

Волод

Коль хочешь жива зреть ты сына своего,
Скрывай себя перед гонителем его.

Мирвед

Да будет тайна та меж нами сокровенна.

Ольга

Чтоб в сыне жизнь моя была бы сохраненна,
Спеши к нему, Мирвед, и отвращай беды;
Спеши... се близки уж тирановы следы.

Явление 6

Ольга, Мал, Всевеста и воины.

Мал

Уже престол готов, и жертвенник пылает.
Огнь злобы нашея днесь браком погасает,
И польза общая, нас вечно съединя,
Отмстити за тебя теперь влечет меня;
Но ты почто свое желанье пременяешь
И злодеяние карати отменяешь —
Жар гнева твоего или уже угас?
Убийцы кровь пролить хотела ты в сей час,
О сыне ты своем страдая и жалея.

Ольга

Когда б прямого я могла карать злодея!..

Мал

Не сей ли юноша сыновню пролил кровь —
Иль к сыну уж твоя ослабла днесь любовь?

Ольга

Докончат жизнь его злодеи в злом мученьи;
Но если б, государь, в толь пагубном терпеньи,
Которое несу, еще б познать могла,
Чия рука его к убийству привела,
Когда б сообщников...

Мал

О сем-то знать стараюсь;
Я вопросить его отселе удаляюсь:
Уже злодей в моих руках...

Ольга

В твоих руках?

Мал

В моих, и чаю я, что мук несносных страх
Удобен из него извлечь ту мрачну тайну.

Ольга

Жестокий... Ах! почто к мученью чрезвычайну
Ты хочешь приступить — он скажет мне о всем,
Без мук, я ласкою о сыне всё своем
Познаю от него... Карание готово,
Отдай ты мне его, сдержи свое ты слово.

(В сторону)

О сын, любезный сын, что будет днесь с тобой?

(К Малу)

Ах! сжалься, государь!

Мал

Весь дух мятется твой.
Умрет злодей...

Ольга

Увы!

Мал

Вся в том твоя отрада,
И будет кровь его тебе за всё награда, —
Не то ли, Ольга, ты вещала прежде мне?

Ольга

Я зреть его хочу в сей час наедине.

Мал

Печали с радостью неслыханно смешенье,
И необузданно и чудно восхищенье,
Нестройные слова и сей смятенный зрак
Мне подозрения вливают в сердце мрак.
Без принуждения хочу я изъясниться —
Днесь новой горестью твой дух смятен явится.
Кто был сей старец здесь и что он говорил?
Почто, узрев меня, себя отсель сокрыл?
Что думать мне...

Ольга

Престань вдаваться подозренью,
Тиранам лишь одним толь свойственну мученью.

Мал

Коль взойдешь ты на трон, тогда и страх минет.
Ступай со мной, уже нас брак во храме ждет.

Ольга

Сего единого еще недоставало,
Чтоб небо днесь тебе супругой отдавало
Гонима князя мать.

Всевеста

Опомнися!

Ольга

О князь!
Оставь, ты зришь моих напастей страшну связь,
Отчаянную мать ты видишь пред собою,
Лишенную всего, гонимую судьбою, —
Отдай убийцу мне ты сына моего.

М а л

Днесь вся моей рукой прольется кровь его.

О л ь г а

(одна)

О небо! дай в моей напасти облегченье
И сыну моему ты ниспошли спасенье.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Явление 1

Мал и Зловред.

Мал

Восторги зря ее, что мыслить мне, Зловред!
Среди отчаянья ее блистает свет,
Смущающий меня, веселья несказанна.
Я, достигаючи часа́ толико жданна,
Чтоб браком мне себя со Ольгой съединить,
Не верю счастию престол мой утвердить.
Убийца сей младый весь дух мой возмущает,
Спокойство жданное от сердца отвращает;
Но ты с ним говорил — что мыслишь ты о нем?

Зловред

Неколебим и тверд в ответе он своем;
Хоть прост в речах, но слов своих не пременяет,
Души его и смерть сама не содрогает.
Дивлюся я ему, признаться должно в том:
Сей твердости не зрел из низких я ни в ком.

Мал

Кто он таков, скажи...

Зловред

Сказати я дерзаю,
Что я его из тех убийцев не считаю,
Которы избраны тебе служити мной.

Мал

Нельзя того сказать, — их вождь моей рукой
Уже в сей день погиб: чтоб таинство сокрыти,
Опасну кровь его я должен был пролити;
Я безопасность в том сей хитростью купил
И в землю таинство с ним вечно заключил.
Однако юноша сей дух во мне тревожит,
И беспокойствие собой мне Ольга множит.
Ручаешься ль за то, что мертв уж Святослав,
Что, сына Ольгина убийца сей поправ,
Опасности меня ужаснейшей избавил
И случай то один его рукой исправил?

Зловред

Рыданье Ольгино, отчаянье ее, —
Всё уверяет в том, что счастие твое
Невидимой рукой утверждено навеки;
Чего стараньем всем не могут человеки,
То легче случаем вершится иногда.
Оставь сомненье, будь спокоен навсегда.

Мал

Хоть часто случаи ум смертных превышают
И чудны действия беструдно совершают,
Но вдатися во власть случа́я слепоте
И к счастию искать дорогу в темноте —
Не средство моего испытанного знанья;
Не должно малости оставить без вниманья;
Убийцу странного сего, кто он ни есть,
На смертну должно казнь немедленно известь.
Народ тем более пребудет мне привязан,
То мня, что князь уж мертв и что злодей наказан.
Но кто сей старец был, толико дерзновен,
Который от меня быть хочет сокровен?
Убийцы Ольга кровь уже пролить желала,
Но Ольгу старцева десница удержала.
Что значит то?

Зловред

Отец несчастного сего
Он милости просил за сына своего.

Мал

Он милости просил, — я зреть его желаю
И старца странного сего подозреваю.
Коль кроется меня, поверь, изменник он, —
Ужасен мне тот сам, кого страшит мой трон.
Но паче всех меня убийца сей смущает:
Хотяща поразить, смерть Ольга отвращает.
Почто то сделано и что тому виной?
Я видел жалость в ней, стоящей предо мной,
Которая ее отчаянье смягчала,
И радость средь тоски в очах ее сияла.

Зловред

Печальна ль, радостна ль — что ну́жды до того?

Мал

Всё дух тревожит мой, мне ну́жда до всего.
Но Ольгу зрю — вели убийцу мне представить.

Явление 2

Мал, Ольга, Святослав (в цепях), Мирвед, Всевеста, воины.

Ольга

(не видя Святослава)

Восхощешь ли себя ты столько обесславить,
Чтоб слова, данна мне тобою, не сдержать?
Убийцу медлишь ты во власть мою отдать.

Мал

Вот он, — исполнится в сей час твое отмщенье,
Рази и окончай сердечное мученье;
Окровавленную введу во храм тебя.

Ольга

О, боги!

Святослав

Кровь мою несчастную, губя,
Ты отдаешь за брак и покупаешь кровью,
Что должно покупать единою любовью.

Тиран ли ты иль князь? Когда ты здесь тиран —
Рази, губи меня, — мне век к напастям дан, —
Окончи жизнь мою, бедами отягченну,
Но зря во страннике невинность притесненну.
Когда ты князь — меня ты должен защищать:
То глас небес царям, твой долг то исполнять.
Я праведно убил напавшего злодея,
И Ольга, так, как мать, о сыне сожалея,
Желает погубить в отчаяньи меня;
Под острием паду я, Ольги не виня, —
Неизреченную она днесь терпит муку,
Умру ее рукой, ее лобзая руку, —
Не винен тот удар, что ею будет дан,
А винен только ты, злой варвар и тиран.

Мал

Несчастный, ты дерзнул глаголом, толь
бесчинным.

Ольга

Оставь, о государь! его годам невинным:
Воспитан в бедности, скитаясь по лесам,
Не знает он еще, чем должен он князьям.

Мал

Что слышу я! и ты ль сие теперь вещаешь,
Убийцу твоего ты сына защищаешь?

Ольга

Кто? я?..

Мал

Ты, Ольга, ты; твой ум рассеян весь —
Убийцу твоего я сына вижу здесь.

Ольга

Мой сын, несчастный сын, князей остаток племя,
Неся претягостно судьбины злобной бремя,
Рукою варвара...

Всевеста

Что хочешь ты сказать?

Мал

Ты можешь на него без гнева уж взирать?
Трепещешь, зря его, и вся изнемогаешь,
И ярость ты свою на жалость пременяешь,
И слезы от меня свои ты хочешь скрыть?

Ольга

Ты знаешь, должно ль мне потоки слезны лить;
Ты знаешь им вину — и, зная, вопрошаешь.

Мал

Почто же мщения еще не совершаешь?
Приближьтесь, воины...

Ольга

Что хочешь предприять?
Жестокий! ах! отдай... Не хочешь мне внимать.

Святослав

Что вижу! тронута злой участью моею,
Ты жалость к своему днесь чувствуешь злодею,
И только сей тиран не жалостлив один.

Мал

(к воинам)

Разите!

Ольга

Он...

Мал

Пронзай...

Ольга

(бросаясь между сына и воинов)

Жестокий! он мой сын!

Святослав

Кто? я твой сын — я?..

Ольга
(обнимая Святослава)

Ты — я сына днесь объемлю,
В свидетельство зову и небо я и землю;
Свидетельствую я, коль мало и небес,
Потоками моих текущих горьких слез:
Ты сын любезный мой, я поздно то узнала, —
Чтоб купно умереть, тебя я днесь объяла.

Святослав

О, чудеса судеб! Рассудок гибнет мой:
Ты мать моя — и я сын Игорев, сын твой!

Мал

Как вымыслить такой обман ты, Ольга, смела?
Ты мать его — а ты его разить хотела.

Ольга

Я мать его; тебе ль злословити меня,
Злодей, обманом мать отчаянну виня!
Открыла всё моя горячность чрезвычайна,
Теперь в руках твоих моей вся жизни тайна:
Зри сына княжеска в оковах пред тобой —
И се наследник мой, твой князь, властитель твой;
Коль хочешь, можешь мя коварством обвиняти:
Увы! не варварам природу ощущати,
Не тронет кровь тебя, ее привык ты пить;
Он сын мой, верь, тиран!

Мал

Сие не может быть.

Святослав

Постой, — я сын ее, то слезы мне являют,
Которые ее днесь очи проливают,
То чувствия мои, то сердце мне явит,
Которо меч тебе вонзити в грудь велит.

Мал

Злость прежде накажу твою в сию минуту.

Ольга

Окончи прежде ты, тиран, мою жизнь люту!
Зри токи слез моих и сжалься надо мной,
Спаси несчастну мать, гонимую тобой.
Чего еще желать: се Ольга униженна,
К ногам твоим теперь с прошеньем преклоненна;
Уж Ольга пред тобой дерзает трепетать, —
Узнай хотя теперь, узнай, его ль я мать,
Хоть верь мучениям, в которых я страдаю,
Забыв себя и всё, у ног твоих рыдаю.
Не ты ль хотел ему наместо быть отца
И сотворить его достойнейшим венца?
Почто же ты, почто обеты пременяешь, —
Жестокий! вот он здесь, а ты его сражаешь.
Его отец твоей рукою погублен, —
Я всё забуду то, коль будет он спасен.
Спаси князей твоих, спаси мое ты племя
И власти своея не отягчай ты бремя;
Он беззащитен здесь и он в твоих руках.

Святослав

Не унижай себя ты, ощущая страх,
Восстань, о мать! яви ты Игоря вдовицу,
Воззри ты на его стоящу здесь гробницу,
Не раздражай отца возлюбленного тень.
Хотя еще в сей час мне новый светит день,
Хоть право мне князей еще известно мало,
Но небо твердости довольно мне влияло,
Чтоб злобного сего тирана презирать.
Престань, о мать! престань пред варваром стонать!
Не стоит жизнь того, чтоб столько унижаться.
Достоин Ольгиным я сыном называться:
Прошедшим бедствием я не был отягчен
И счастием своим теперь не ослеплен;
Коль должно на главу мне возложить корону, —
Не им, но сам собой хочу достигнуть к трону;
Коль должно погибать, без страха смерть приму
И робостью не дам отрады ввек ему.
Пускай отъемлет всё, в лютейше ввергнет бедство, —
Без робости умреть — вот всё мое наследство.

Мал

Постойте, должно вам мне мысль открыть свою:
Я вижу с жалостью несносну скорбь твою,
Великодушие сие мне в нем приятно;
Я чту его, и то мне стало вероятно,
Что княжеский он сын, что он рожден тобой, —
Но темна истина днесь важности такой
Должна б инако быть меж нами изъясненна
И долгим временем — не часом — утвержденна;
А днесь приемлю я его под свой покров, —
Возьмите вы его; не тратя больше слов,
Я только то скажу: коль он рожден тобою, —
Как собственный мой сын, содержан будет мною.

Святослав

Мне сыном быть твоим! Коль Ольга мне не мать,
Я буду прежнего отца отцом считать,
И лучше, следуя своей я прежней части,
В лесах между зверей снесу я все напасти,
Как близко твоего противного венца
Страмитися, тебя считая за отца.

Мал

О дерзкий! юностью, безумством ослепленный,
Противу своего властителя надменный,
Знай: гордость к жалости приводит мя твоя,
Впоследне слабости твоей прощаю я;
Что есть, что будешь ты, то всё в моей деснице,
Последуй моего ты счастья колеснице:
Могу тебя одним я словом вознести
И погубить тебя или тебя спасти;
Далеко от царей воспитанный в пустыне
И вдруг отторженный от низкия судьбины,
Став сыном княжеским, не знаешь, что творить;
Чтобы владеть, умей себя ты покорить
И, следуя во всем моей разумной воле,
Прими меня вождем в твоей толь темной доле.
Коль ты произведен на то, чтобы служить,
Пред князем ты своим покорен должен быть;
А если случаем к короне ты родился,
То ты, чтоб несть венец, еще не утвердился:
Служа, учись при мне, как скипетром владеть,

О благе общества неусыпимо бдеть,
Себе единому быть должным славной властью, —
То унижение тебе послужит к счастью;
И словом, чтоб тебе достойну быть венца,
Привыкшу мне к венцу покорствуй до конца.
В том мать твоя сама тебе дает примеры:
Приявши для себя она полезны меры
И повинуясь мне, со мной на брак идет, —
Последуй ей и мне, куда тебя зовет
Величество мое, которого ты жаждешь;
Отверста дверь честей, и ты напрасно страждешь.
Ступай за нами в храм, пред алтарем богов
Клянися мне служить, не тратя больше слов,
Ступай. Но ты молчишь. . .

Святослав

Не трачу слов напрасно.
Но дай оружие, что толь тебе опасно, —
Тогда я сей рукой с тобою изъяснюсь,
Сразив тя, князем я иль, мертв, рабом явлюсь.

Мал

Княгиня! рок его в твоей теперь есть власти:
Уча покорствовать, избавь его напасти.

Ольга

Возможешь ли, тиран! . .

Мал

Коль хочешь жизнь спасти,
Покорного его должна ты в храм ввести.

Ольга

Позволь, о государь! ты снять с него оковы.

Мал

Как будут алтари ко браку нам готовы,
Тогда велю с него сии железы снять.
Сообщница ль его или его ты мать,
То всё увижу я богов пред алтарями, —
Огнь брачный потушу я вашими кровями
Или, супругом став, я сына собрегу.

Ты знаешь, что я мог, — увидишь, что могу.
А ты, Зловред, вели готовить храм для брака,
Устроен в сих местах, далеко смертных зрака,
Где видимый здесь гроб попранна князя мной
Ему украшен в честь его вдовы рукой;
Предвечным там ее сим места побужденьем
Разрушу месть ее лютейшим отомщеньем,
Всю кровь ее пролив, всю злобу прекращу
И сына и ее с супругом сообщу
Или, покорность зря и став ее супругом,
Пребуду сыну я ее отцом и другом.

(К воинам)

Возьмите юношу.

Ольга

Не отнимай его,
Увы! хотя в сей час от зренья моего.

Мал

(отходя)

Во храме ты его пред алтарем увидишь.

Святослав

Коль любишь ты меня, коль честь не ненавидишь,
Престань рыданием себя ты унижать
И, видя смерть мою, не плачь, любезна мать.
Коль сыном я твоим со светом расстаюся, —
Довольно в свете жил и смерти не страшуся:
Славнее жити час, чтя Игоря отцом,
Как, долгий век ведя, прельщаяся венцом,
Прияти наконец его с главы тирана.

Уводят Святослава.

Ольга

Возвратом сына лишь сугубится та рана,
Котора без него мою терзала грудь.
К его спасенью мне откройте, боги, путь!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Театр представляет храм близ тех же чертогов, гробница Игорева видна; брачные алтари пылают, близ оных лежат секиры для приношения жертвы, вокруг стоят жрецы.

Явление 1

Ольга, Всевеста, Мирвед.

Ольга

О, страшно зрелище, ужаснее мне гроба!
Пожри меня, пожри скорей, земли утроба!
О, унижение, в которое вдаюсь!
О, сын! супруг! ах! с кем я браком съединюсь!

Всевеста

Иль в лютых горестях, которые вкушаешь,
Приятной мыслию себя не утешаешь,
Что сына средством сим избавишь своего?

Ольга

Избавлю сына я, избавлю я его;
Но лишь неправедных богов пред страшным зраком
С тираном съединюсь навек ужасным браком,
Не будет долог мой позорный век тогда.
Тирану я скажу: «Клянися навсегда
Быть сыну моему защитой и покровом!»
Потом, уверена уже его я словом,
Избавивши от бед я сына своего,

Избавлю и себя бесчестия сего:
В очах сих помрачу лучи несносна света
И сим кинжалом я свои окончу лета.

Всевеста

Что хочешь предприять, тем сына не спасешь.
Коль узы брачные ты с варваром прервешь,
И подозрением и страхом окруженный,
Чтоб власть свою блюсти, сей хищник дерзновенный,
Во Святославе зря злодея своего,
Конечно, погубит он сына твоего.
Ты, конча жизнь свою, тирана страх кончаешь
И Святослава в гроб с собою заключаешь.

Ольга

О, страшна мысль — со мной мой сын во гроб падет
И весь род Игорев смерть Ольги пресечет!
Почто и гробом ты несчастну ужасаешь,
Последнего меня убежища лишаешь?
Так: должно жить, себя с злодеем обязав, —
Ты будешь жив, мой сын, любезный Святослав;
Чего не сделаю, чтобы тебя избавить,
Все низости снесу, чтобы тебя восставить.
Но ты, которая умрети мне претишь,
Напрасно, может быть, ты Ольгу тем крушишь
И, смертию меня сыновней устрашая,
Меня к стыду влечешь, от гроба отвращая;
Хоть Мал злодей, но толь не может быть жесток,
Чтобы несчастную и в гробе гнати мог:
Пред алтарем богов он клятвой утвердится,
Хотя тиран, но он бессмертных убоится, —
Меня супругою он в памяти иметь
И сына своего в моем он будет зреть.
Ко всем мой долг, ко всем моим концом свершится,
И Ольга от всего во гробе разрешится:
Доволен будет Мал, и Святослав спасен,
Спокойна буду я, супруг не раздражен.

Мирвед

Предбудущих ты бед себе не воображаешь —
Или ты гордости сыновния не знаешь.

Ольга

А ты, свидетель всех моих ужасных бед,
Оставшися по мне, служи ты мне, Мирвед:
Напоминаючи мою презлу судьбину,
Напоминай всегда несчастнейшему сыну,
Что́ для спасения терпела я его, —
Чтоб матери своей он не лишил того,
Что бедствием она, что жизнью искупила;
Я род князей своей утратой сохранила, —
Чтоб он за то себя хранил в награду мне,
Род Игорев вознесть он должен в сей стране;
Но чтоб исполнить то князей российских сыну,
Вмешаться должен он теперь в свою судьбину, —
Чтоб крови Рурика последки сохранить,
Он, гордость отложа, покорен должен быть;
Он род князей, но он сего остаток рода:
Мой долг есть смерть, его долг — жити для
народа.

Мирвед

Но если Святослав, любезную зря мать,
Не хочет оныя советам днесь внимать,
Когда слезами он твоими и рыданьем,
Стенаньем матери и всем ее страданьем
Не тронут, гордости внимая лишь одной,
Тирана видя он на троне пред собой,
Приводит в страх его в оковах, безоружен,
Когда уж при тебе живот ему не нужен, —
Кто может без тебя ту гордость утолить,
Без Ольги кто его принудит в свете жить?
Тирана на главу без пользы гром бросая,
Падет под варварством, злодея раздражая.
В отчаяньи своем ты всех не видишь бедств
И смерти твоея не воображаешь следств:
Ты ею россиян неволю утверждаешь
И вечные на нас ты узы налагаешь;
Блаженству подданных не хочешь жертвой быть
И сына своего ты хочешь погубить.
Зри всех к ногам твоим со мною преклоненных,
Твоим отчаяньем и смертью устрашенных,
Молящих о своем спасении тебя:
Сбери рассудок свой, войди сама в себя,

Затменно будет ввек всё смертию твоею,
Погибнет всё, всё в снедь останется злодею —
Геройски подвиги российских всех князей,
Отечество твое и всё в руке твоей.
Крепись и не слабей, бедами устрашенна,
И верь, что смертию ты будешь помраченна:
Тот счастлив, кто в беда́х окончит тяжкий век,
Но тот велик и всех превыше человек,
Кто, бед под тяжестью своих не уклоняясь,
Для блага общества вовеки сохраняясь,
Таков в несчастии, каков и в счастье был, —
И твой ли, Ольга, дух рок бедством устрашил?
Великия души напасть не пременяет, —
Нередко робким гроб прибежищем бывает:
Кто недостоин жить — тот кроется во мрак.

Ольга

О, должность! о, мой сын! о, мщение! о, брак!
Что должно делать мне и что мне избирати?
Мне должно ль умереть, мне должно ль в брак
вступати?

Явление 2

Ольга, Святослав, Мирвед, Всевеста.

Святослав

Тиран, оковы сняв, свободу отдал мне.
О, рок! о, злобный рок! и в самой той стране,
Где на престоле быть, где быть рожден в короне,
Злодея своего лютейша зря на троне,
Отрадой должен чтить, что не во узах я, —
Почто себя узнал, на что мне жизнь моя!
Довольно ль вы меня, довольно ль гнали, боги,
Остались ли теперь какие казни строги,
Чтобы еще меня, несчастного, карать:
Смерть, бедность, стыд — я всё был должен
испытать,
Гоним, презрен, забыт, из леса в лес скитаясь,
Покоя не видал я, с ну́ждою питаясь;
Но небо знает то: терпения лишась,
Роптал ли я когда, страдая и крушась;

Я, честолюбие врожденно умеряя,
Нес участи свои, терпенья не теряя.
Волода чтя отцом до смертного конца,
Иного б не желал вовеки я отца, —
Другого мне дает родителя судьбина
И, ах! дает, чтобы его унизить сына:
К убийце тщетный жар отмщения брегу
И я, сын Игорев, — а мстити не могу.
Я матерь нахожу — тиран ее отъемлет,
Отечество то зрит — и, зря то, в узах дремлет...
Но ты, мать, зришь меня свободна, без оков;
Хоть нет меча в руках — мой меч в руках богов:
Они помогут мне...

Ольга

Меня ты ужасаешь.
Надежду на богов ты тщетно возлагаешь:
Ты ими был гоним, увы! во весь твой век.

Святослав

Который завсегда был счастлив человек, —
Поверь мне в том, о мать! — тот счастья недостоин;
Несчастных слыша стон, в блаженстве он спокоен,
Не зная бед, жесток, — и чтоб полезным быть,
Нам нужно иногда несчастие вкусить;
Коль я страдал, когда меня теснили боги, —
Чтоб научить меня, они мне были строги,
И мною, может быть, преобратясь во прах...

Ольга

Что ты ни говоришь, мне всё наводит страх.

Святослав

О, сколько б ты должна была тогда страшиться,
Когда б вся мысль моя могла тебе открыться,
Когда бы вникнула ты сердца в глубину!

Ольга

Ах! что умыслил ты?

Святослав

(указывая на гробницу Игореву)

Взгляни в сию страну:
Чей прах во гробе сем — и с кем союз здесь брачный?

Ольга

Какой ужасный вид, какие взоры мрачны!
Что хощешь предприять?

Святослав

Умреть — иль отомстить.

Ольга

Что слышу — умереть! Сего не может быть...
И я умру с тобой... О сын, о сын любезный!
Чтобы отмстить, твой труд в том будет бесполезный.
Дражайший Святослав, чтоб нам отмстить уметь,
Поверь ты мне, уметь нам надобно терпеть, —
И в ком, ах! в ком, скажи, найти ты помощь чаешь:
На сильного врага ты наступить дерзаешь,
На помощь всё ему к напасти твоея:
И небо и земля, — с тобой кто станет?

Святослав

Я,
Единый только я — и для меня довольно.
Иль славно умереть несчастному не вольно?
Кто ужасается лишь низости стыда,
Тому и самый ад не страшен никогда;
Кто смерти своея страшиться не умеет,
Над жизнию своих злодеев тот владеет.
Чего ж страшиться мне, отмщая за отца
И достигаючи наследного венца,
От ига тяжкого отечество спасая?
Я с славою паду, тирану уступая.

Ольга

Меня превыше ты самой меня вознес,
Я, слыша голос твой, мню: слышу глас небес.

О сын! кровь Игоря, достойный сын героя,
Умри или отмсти, стыд смертию ты кроя,
Яви днесь Игоря, его приявши часть,
Иль гибелью врага ты отврати напасть.
Ступай. Я, твердостью твоею премененна,
Узнала мать твою, тобою восхищенна.

Святослав

И я тебя узнал, о мать, любезна мать!
Прости и верь ты мне, — недолго нам страдать:
Погибну злобою иль отомщу я злобе,
На троне будешь зреть иль зреть меня во гробе

Ольга

Постой, я слышу шум — тиран сюда идет,
Он жертвою меня ко браку поведет.

Святослав

Скажи: иль всеми ты оставлена своими
И есть ли подданны, что бедствами твоими
Смертельно тронуты, храня усердья жар?

Ольга

Судьбины моея претягостный удар
Всего меня лишил, оставлена я всеми,
И в бедствии своем презренна я и теми,
Которых я тогда, как счастлива была,
На верх величия и счастья возвела.
Се оные льстецы предшествуют тирану, —
Изменники сии мою сугубят рану.

Святослав

Оставим мы толпу сих низких человек,
Которые, зыбям морей подобясь ввек,
Туда текут, куда ветр счастия подует, —
И сын твой на себя за то днесь негодует,
Что он унизился себя надеждой льстить
Сих пресмыкающих своей подпорой чтить:
Оставим тварей сих злодея обожати
И станем на богов, на правду уповати.

Явление 3

Мал, Ольга, Святослав, Мирвед, Зловред, Всевеста, вельможи, воины, древлянские и российские жрецы.

Мал

(подошед к алтарю)

Вельможи, воины, жрецы и весь народ,
Собранье и древлян, и россов славных род!
Се то теперь, чего уж я давно желаю,
Перед лицом богов и вашим совершаю:
Князей российских кровь к себе взвожу на трон
И прекращаю тем попранных мною стон;
Всё будет общее: и россы, и древляне
Пребудут навсегда единые граждане.
Сим брачным у́злом, я что с Ольгой соплету,
Разрушу навсегда раздоров я мечту.

Между тем подходит Святослав и за ним Ольга.

Супругу Игоря, которую вы зрите,
Отныне навсегда моей супругой чтите;
Вот сын ее, вот он — я верю в оном ей —
Наследник будет мне по смерти он моей;
Клянусь богами я: доколе буду править,
Стараться князя в нем достойного оставить
И, сыном чтя своим, ко славе путь казать, —
Клянись во всем и ты, о Ольга, помогать.

Ольга

Клянусь, подъемля взор к небесному округу,
Достойну мать явить, достойную супругу.

Мал

(к Святославу)

И ты клянись.

Святослав

(подошед к алтарю)

Клянусь бессмертных алтарем,
Клянусь я сим на нем лежащим острием,
(взяв жертвенную секиру и поражая тирана)
Чтоб грудь тебе пронзить!..

Тиран падает, а Зловред, вынимая меч, бросается на Святослава.

Зловред

Народ, отмсти злодею!

Мирвед вырывает меч у Зловреда, между тем стражи хотят убить Святослава.

Ольга

(бросаясь между воинов и Святослава)

Постойте, варвары!

Святослав

Я смерти не робею!
Коль князю вашему убийца предпочтен,
Коль сына Игоря, кем рок превознесен,
Вы отвергаете от отческого трона,
Когда не внемлете его вдовицы стона, —
Разите, злобствуя, разите вы меня.
Вам смерть моя нужна — погибну, не стеня;
Но лучше бы за вас, разя на ратном поле,
Окончил я живот, героев в славной доле.
Друзья, и днесь для вас я жизни не щадил:
Забыв себя, за вас тирана поразил,
Убийцу моего родителя любезна, —
Се Ольга, мать моя, его супруга слезна.

Зловред

Не верьте, воины, не Игорев он сын.
Стыдитесь, странник ваш пребудет властелин!

Ольга

Клянуся, воины, бессмертными богами,
Клянуся гробом сим, моими где руками
Остаток Игоря священный сокровен, —
Вот сын мой, сын его, Володом сохранен.
И кто б, когда не сын великого героя,
В толь нежной юности дела толь чудны строя,
Толь сильного врага возмог преодолеть?
Героями герой достоин лишь владеть,
Не варвар, коего вы зрите пораженна, —
Его рука в крови супруга обагренна;
Народ, им строены все бедствия твои,
Им чада терзаны невинные мои.
Остался только он от княжеского племя;

Пятнадцать лет неся в пустынях тяжко бремя,
Сын князя, кровь моя, терпел он бедность, глад,
Пил чашу горестей — и лишь вступил во град,
Героев отрасль он тотчас в себе являет,
Народ возлюбленный от ига избавляет,
Геройску кровь в себе свидетельствует сам, —
Ах! что в свидетельство еще представить вам!

Волод с народом входит.

Се старец, древностью и бедством отягченный, —
Во время ярости злодея сын спасенный
Ему трепещущей моей рукой вручен.

Явление 4

Прежние и Волод с народом.

<Волод>

Уже в сей истине весь град мной утвержден.
Познайте вы меня, познайте вы Волода.
Друзья! Се — Святослав, князей остаток рода.

*(Становится пред Святославом на колени
и все с ним становятся.)*

О россы! Вот ваш князь, князей российских кровь,
Воспомните свою к его отцу любовь;
Вот сын его, вот он, — в нем Игорь воскресает,
Отец ваш смертные оковы разрывает,
Тирана свергнув он престола с высоты,
И с ваших сринул плеч позорны тяготы:
Се Игорь воружен злодея попирает,
Поправ, щедрóтою ко подданным блистает;
Узрите кроткий дух являюще лице, —
Он тако вас судил, он так сиял в венце,
Когда, кротчайшие свои дая законы,
Несчастных утешал и укрощал их стоны;
Увидьте мужества неколебима вид, —
Какия славы в нем надежда нам горит!

Святослав

Коль будет счастлив росс, коль будет он спокоен,
Коль подданных любви пребуду я достоин,

Когда меня народ своим отцом почтет, —
Вот слава вся моя — иной мне славы нет!
Народная любовь есть твердый столп державы,
Сердцами обладать — нет лучшей в свете славы!

Начало 1770-х годов (?)

РОССЛАВ

Трагедия в стихах,
в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Христиерн, тиран, владеющий Даниею и Швециею.

Кедар, полководец Христиернов.

Адель, наперсник Кедаров.

Зафира, княжна, остаток рода прежних шведских правителей.

Росслав, полководец российский в плену у Христиерна.

Любомир, посланник российский.

Воины Христиерновы.

Народ.

Действие в Стокгольме в Христиерновых чертогах.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1

Кедар и Адель.

Адель

Участие в твоей я горести примаю,
Но странна таинства сего не понимаю,
Чем твой геройский дух толь тяжко удручен;
В сияньи славы ты, тоскою омрачен,
От кликов радостных народа убегаешь
И посреди торжеств грустишь и воздыхаешь.
Отечество, тобой избавленно от бед,
Иль малу мзду твоей заслуге подает?

Кедар

Кто чувствует себя быть славы недостойным,
Тому среди торжеств удобно ль быть спокойным?

Адель

Что слышу? — кто ж тебя достойней может быть?
И не твоя ль рука умела низложить
Воздвигшихся на нас злодеев горделивых?
Не ты ли отвратил набег сармат кичливых?
Не ты ли нас, Кедар, от ига плена спас?
Или неправеден победы звучный глас?

Кедар

О ты, которого усердию вверяюсь!
Адель! познай, чем я толико сокрушаюсь. —

Ты видишь, славою взносим я к небесам,
Но, в сердце стыд нося, себе я гнусен сам.

Адель

Речь каждая мое сугубит изумленье:
Герою ль чувствовать позора угрызенье!
Спасителю граждан!

Кедар

И вся сия страна,
Сии великие дая мне имена,
Обманывается, Адель, тебе подобно.
Рушение врагов, на нас восставших злобно,
Победы слава, чем Стокгольм в сей день гремит, —
Могу ли изрещи... не мне принадлежит!

Адель

Кому же, государь?

Кедар

Плененному Росславу!
Адель! его на мне, его ты видишь славу.
Сей росс, к которому я дружество питал,
Противный росс теперь врагом мне лютым стал.
Ты помнишь, как сей вождь российска славна войска,
Влекомый пламенем стремления геройска,
Изранен, весь в крови, во узы шведов пал
И, умираючи, сражатися престал.
Дивяся мужеству и храбрость почитая,
Чтоб исцелить его, старанье прилагая,
От края гроба я несчастного отвлек;
Но к гибели моей его спасал я век!..
Доброт его души непобедима сила
Твердейшей дружбы нас союзом съединила.
Се добродетели всесильно торжество!
Казалося, я в нем зрю неко божество.
Его великою душою восхищенный,
С ним дружбу славой чтил я, роком ослепленный.
Ты помнишь, как наш царь, свирепый Христиерн,
Имея в ярости коварствами дух черн,
Несчастье пленника тягча своим гоненьем,
То таинство извлечь старался принужденьем,

Которое герой российский сохранял
И муки злейшие и смерть в ничто вменял.

Адель

Что тайну от него наш царь познать желает,
То вся сия страна равно со мною знает;
Но в чем то таинство, того священный вид
И от Аделевых очей равно закрыт.

Кедар

Я другу моему всего себя вручаю.
Познай то всё, что я с царем единый знаю.
Тиранов храбрый враг, неустрашим Густав,
Спасти граждан или умрети предприяв,
Скрываяся в странах, в России заключенных,
Росславу одному лишь только откровенных,
Чтоб верну помощь дать отеческой стране,
Против тирана гром готовит в тишине;
А лютый Христиерн, свое предвидя бедство,
В познаньи тайны сей себе лишь видит средство
Тогда б он мог врага коварством погубить,
А после б силою и россов подавить;
Но, шведов ревностью к Густаву устрашенный,
Не смеет он разить, на россов огорченный.
Он знает: если меч в Россию принесет,
Густав вослед себе всё войско увлечет.
Блаженство россиян в сей тайне заключенно,
И наше торжество над ними несомненно,
Когда бы сей Росслав, гонений не стерпя,
Густава мог открыть, страданью уступя.
Но тверд, неколебим сей камень бед в пучине,
Не содрогаяся, противяся судьбине,
Гремящи над главой он тучи презирал
И волны ярости ногами попирал.
Чтоб друга прекратить ужасные напасти,
Просил царя его моей предать я власти.
«Ты видишь, государь, — я так ему вещал, —
Что твердый дух его под бременем не пал;
Но часто тот, кого и смерть не ужасает,
Приятству дружества и ласке уступает».
Вторично друга я избавил моего:
Темница — был мой дом, а узы — честь его.

Но между тем сармат свирепое стремленье,
С собою в Швецию влеча опустошенье,
Простерло до царя смятение и страх;
Потрясся Христиерн на троне в сих стенах.
Кедара одного своею чтя отрадой,
Царь трона своего меня избрал оградой.
Я с войском выступил, Росслава взяв с собой.
Почто я сделал то? — Гонимому судьбой,
Мне легче было бы на том кровавом поле
Попранным зреть себя во гробе иль в неволе! —
О, рок! о, грозный рок! свершити не могу...
Победу уступить я должен был врагу.
Но лютый друг Росслав; геройским полон жаром,
Упавшим на меня обременен ударом,
Унылых ратников надеждою, стыдом
Ко славе обратя, свой страшный кинул гром.
Во мраке нощи скрыт, в победе безопасна,
Рассеял, разметал сего врага ужасна.
И сам начальник их от плена не избег,
Который огнь войны кровавыя возжег.
Величье скромностью своею возвышая
И унижением Кедара утешая,
Блеск славы своея Росслав от всех сокрыл
И, войско обманув, ему меня явил,
Сиянья своего лучами окруженна,
Но в сердце лютой тьмой позора помраченна.
Я зляе всех сармат Росславом поражен.
Злодеем он в уме моем изображен.

Адель

Так злобу он привлек, явя тебе услугу?
И можно ль ненависть за то питати к другу?

Кедар

Могу ль его любить, всечасно трепеща,
И раболепствуя и милостей ища?
От слова странника, в пленении заключенна,
Вся слава может быть в минуту помраченна.

Адель

Но кто толико мог великодушен быть,
Чтобы тебе свою всю славу уступить

И имя вечности твое во храм поставить,
Восхощет ли тебя тот самый обесславить?
О том, что дружество соделало его,
Кто ныне знает?

Кедар

Я; довольно и сего.
Но сердца глубину льзя ль смертного измерить!
И кто и сам себе из смертных может верить?
В волнении страстей колеблясь, человек
По ветрам счастия всегда свой правит век.
Пример тому Адель во мне возможет видеть:
Ты мнил ли, чтоб я стал Росслава ненавидеть?
И кто возможет знать, что, дружбу отменя,
Открывши всё, Росслав не погубит меня!
Кто знает, может быть, уже в сию минуту,
К паденью моему готовя пропасть люту,
Перед Зафирою являет весь мой стыд
И славу ей свою и мой позор твердит;
Ругаясь мной, собой то сердце наполняет,
Которым обладать Кедар вотще желает!

Адель

Что слышу, государь!

Кедар

Лютейшей страсти глас!
Я жертва горестна Зафириных зараз!

Адель

Прельщаться сей княжной — какое дерзновенье!
Или, снедая ввек в молчании мученье,
Бесплодно хочешь ты сию княжну любить,
Котору царь судил своей супругой быть?
Ты ведаешь его к Зафире пламень страсти;
Страшися раздражить его жестокость власти, —
Ты знаешь злость его.

Кедар

Лютейший он тиран,
Но, гром бросая, сам им может быть попран.
Зафира славного сего остаток рода,
К которому любовь питается народа.

Стыдящий тяготой своей монарший сан,
Низринется с рамен народа истукан,
Коль, власти пожелав, княжна граждан подвигнет.
А может быть, Кедар блаженства и достигнет.
Я знаю, как тиран Зафире нестерпим;
Ты знаешь, как Кедар народом стал любим. —
Но что вещаю я! О, страшная преграда!
Росслав! в погибели твоей мне вся отрада!
Росслав, я знаю то, к Зафире мысль стремит!
Не ошибаюся, хотя мой враг таит.
В Зафире и самой я, к муке нестерпимой,
Призна́ки зрю к нему любви неодолимой.
Против него угроз тирановых в часы
Зрел ужасом ее затменные красы.
Спасать его ее старанья торопливы,
Вздыханья, взоры — всё — свидетели нельстивы,
Что мил Росслав, что мне затворен к счастью путь,
Что должно острый меч в его вонзити грудь.
Мне должно ли губить, теперь Адель то знает,
И слава и любовь мне то повелевает.
Се время мне к тому удобно настоит.
Уже против него тиран опять гремит.
Но должно, злобу скрыв, мне дружество казати
И, обнимаючи, Росславу грудь пронзати.
Се он; Адель, поди и всё ты примечай
И тайну страшную во сердце заключай.

Явление 2

Росслав и Кедар.

Кедар

Чем друга моего я вижу зрак смятенный?

Росслав

Грущу, отечества драгого отчужденный.
Российскую страну в плачевны дни сии
Объемлют зависти ужасныя змии.
Европа, будуще ее величье видя,
Трепещет, в ней свою царицу ненавидя;
И чтоб пожрать ее, смущая тишину,
Отвсюду к ней влечет кровавую войну.

В те дни, когда мечи моих граждан блистают,
Несчастного меня оковы отягчают.
Сколь горько мне! Герой то может ощущать,
А друг мне способы с свободой к славе дать;
И если я просить тирана устыжаюсь,
К герою с просьбою спокойно обращаюсь.

Кедар

Герою!.. Мне ль сии пристойны имена?
Тебе спасением должна сия страна...

Росслав

Коль в ревность к Швеции долг дружбы превращаешь,
То знай, Кедар, ты тем Росслава унижаешь.
Все готфы для меня и царь твой ничего,
А делал всё Росслав для друга своего;
Сражался не за них я, готфов гром бросая, —
Я спас сию страну, Кедара лишь спасая.

Кедар

Победа славная!..

Росслав

Тебе принадлежит.
Усердья моего не превращай мне в стыд,
Не устыжай меня, твердя мою услугу:
Тот должен тем себе, кто чем обязан другу.
И если вольность я тобой приобрету,
Не милостью твоей, но должностью сочту.

Кедар

Пребуди о моем уверен попеченьи:
Потщусь скончать твоей неволи огорченьи;
Но если вольность я и возвращу тебе,
Ты будешь ли за то благодарить судьбе?
И не останется ль чего во здешнем граде,
Что огорчит тебя свободы во отраде?

Росслав

Когда возможет росс отечеству служить,
Что росса, государь, удобно огорчить?

Кедар

Зафиры о тебе усердные старанья,
В час бед твоих ее сердечные страданья,
Те вздохи горестны, те слезы, трепет сей —
Свидетели, что мил герой российский ей.

Росслав

Душ нежных чувствию, к несчастным состраданью,
Сему толь редкому во смертных дарованью,
Которое людей со божеством равнит,
В Зафире, государь, даешь иной ты вид;
И, милосердие во слабость превращая,
Ты унижаешься, Зафиру унижая.

Кедар

Но ты восторги те или возмог забыть,
С которыми привык о ней ты говорить?
Восторги те, мой друг! мне ясно изъявляют,
Что тщетно от меня твои уста скрывают.

Росслав

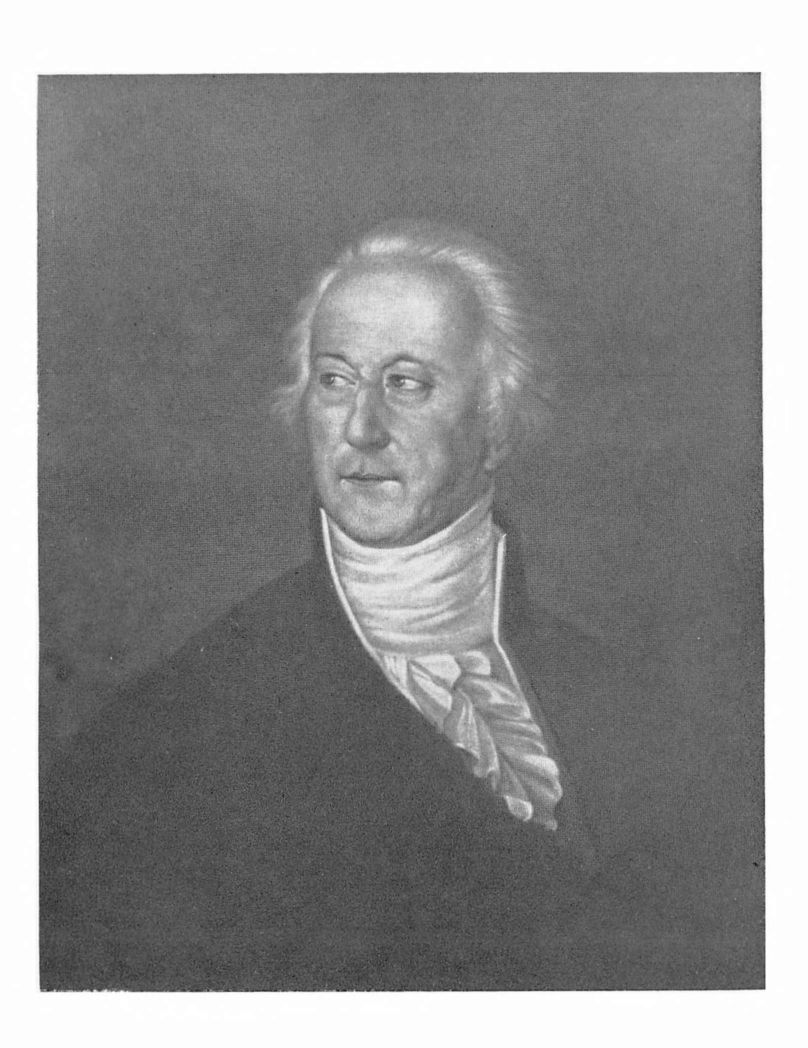
Не отрицаюся, я ею восхищен
И добродетелью и красотой прельщен!
Почто Росславовых очей ты не имеешь,
Чтоб зреть красы... но ты трепещешь и бледнеешь.

Кедар

Я трепещу!.. но знай, сей трепет о тебе.
Я друга моего в ужасной зрю судьбе
И ужасаюся, твои предвидя бедства.
Княжною обладать нималого нет средства:
Лютейший к ней тиран кровавый дух стремит.

Росслав

Спокоен будь; Кедар Росслава мало чтит,
Коль страстию его лишенна мнит покоя.
Тиранка слабых душ, любовь — раба героя.
Коль счастья с должностью не можно согласить,
Тогда порочен тот, кто хочет счастлив быть.
Се добродетели единые законы.
Неодолимые меж нами суть препоны:

Я помню честь и долг; хоть смертно я горю,
В Зафире я княжну врагов российских зрю.
И если б днесь ее и было сердце вольно,
Чтоб пламень погасить — я росс, — сего довольно.

Кедар

Дивяся твердости я духа твоего,
Иду освободить я друга моего.
Пребудь спокоен.

Явление 3

Росслав
(один)

Нет, прешел мой век спокойный.
Что сталося со мной? Зафира!.. Недостойный!..
Когда отечество зрю в пагубной судьбе,
Я млею!.. Я горю!.. Я гнусен сам себе!..
Мне, в сердце чувствуя порочное волненье,
Во узах ощущать любовно утешенье!
В разлуке с сей страной мне горесть обретать!
Мне вольности моей хотеть и трепетать!..
Россия! я твои в сей час внимаю пени:
Ты больше не Росслав, Росслава нет и тени!
Оставь терзающи меня мечты сии. —
О долг! отечество! о боги вы мои!
Не будет вредно вам Росславово смущенье.
Его страсть — новое вам жертвоприношенье...
Но трепещу! — кто? я! который брани в час
Без робости внимал ужасный смерти глас;
Который на ее окровавленном лоне,
Стремясь возлюбленных граждан ко обороне,
Спокоен, лютости ее одолевал
И к гибели с мечом, как к пиршеству, ступал.
Я ныне трепещу, от страха содрогаюсь
И жертвовать, увы! любовью ужасаюсь...
Чтобы спастись или чтоб меньше хоть страдать,
Мне должно от очей Зафиры убегать;
Я зрю ее; беги, беги, Росслав несчастный!
Се твердости твоей единый враг опасный.

Явление 4

Зафира и Росслав.

Зафира

О храбрый росс! почто от глаз моих бежишь?
И что ужасного в лице Зафиры зришь?
Или тебя когда враждою огорчала?
Я плена твоего оковы облегчала;
Противяся твоей погибельной судьбе,
Ты знаешь, трепеща, старалась о тебе.

Росслав

Я знаю, жизнию Зафире долженствуя...

Зафира

Но я, тебе мои заслуги описуя,
Не благодарности желаю от тебя:
Тебя спасаючи, спасала я себя.
Чту должностью хранить гониму добродетель.

Росслав

Провидяще сердца́ мне небо в том свидетель,
Какие чувствия мой дух к тебе хранит:
Ты — по отечестве — мне в мыслях первый вид.

Зафира

Так, сча́стливей была б твоей я согражданкой.
Почто не рождена Зафира россиянкой? —
Но нет, не возмогла б я радости вкушать,
Всем жертвуя тебе, тебя от бед спасать.

Росслав

Но пленник стоит ли безмерных толь щедрот?
России посвящен навеки мой живот,
Супругою ты здесь царю обетованна;
На трон восходишь...

Зафира

Мне супругой быть тирана!
Погибни сей престол, когда мне скиптр приять
За то, чтоб сердце мне мучителю отдать.

Пустыня и Росслав — вот счастье выше трона.
Твое мне сердце — трон, твоя любовь — корона.
Любовь моя и жизнь, Росслав, мне то равно.
С тираном трон и гроб несчастной мне одно.
Познай по сем, познай, колико я страдала:
Когда тебе рука злодея угрожала,
Когда отверстый гроб я зрела пред тобой,
Я расставалася тогда, не ты, с душой;
Все страхи за тебя и муки ощущала;
Ты бодрствовал, а я рвалась и умирала
И, помощи прося лишь только от небес,
Не смея и рыдать, снедала горесть слез.
В тиране возбудить я ревность опасаясь,
Носила в сердце смерть, спокойною являясь.
Бессильна сокрывать я страсти пламень злой,
Порочна, может быть, кажуся пред тобой;
Но ежели княжну любовь уничижает,
Душа Росславова Зафиру оправдает;
Превышу всех царей, спряженная с тобой:
Царями полон свет, но где Росслав другой!

Росслав

Что слышу? трон забыв, ко пленнику нисходишь;
Какие радости в твоей любви находишь?

Зафира

Коль любишь ты меня, — счастливой умереть.

Росслав

Иль бедства страшного не можешь ты узреть,
Которое тебе...

Зафира

Росслав любить страшится?

Росслав

Страшусь. Чем более мой дух к тебе стремится,
Тем боле я стремлюсь огнь страсти истребить.
И мне ли, жертвою граждан родяся быть,
Забыв отечество, любовию пленяясь,
Законной ярости тирана подвергаясь

И страстью помрача мою невинну кровь,
Не за отечество умрети, за любовь?
Пускай за общество тиран разит Росслава,
Тогда последует во гроб за мною слава;
За добродетель я умру, не за порок;
Унизится тиран, он сколько ни высок;
Невинность погубя, на троне потрясется;
Превыше трона гроб Росславов вознесется.

Зафира

Иль думаешь, что я могу тебя любить
На то, чтобы тебя любовью погубить?
Что на опасности твои я не взираю?
С тобою для тебя порфиру презираю;
В отечество твое последую тебе,
С Росславом буду жить, угодно где судьбе!

Росслав

Ответствуя любви твоей любовью равной,
Я должен пред тобой открыть сей путь бесславный,
В который страсть твоя тебя стремится влечь;
Надежду хочешь ты граждан твоих пресечь,
Которая в тебе единой им блистает;
Зафира гибель здесь на троне оставляет.

Зафира

Что сделать я могу?

Росслав

Во твердость облещись!
И с мужеством на трон твоих отцов взнестись.

Зафира

Когда достойною Росславу я кажуся,
Готова на престол и смерти не страшуся.
Хотя ужасная опасность мне грозит,
Отважуся на всё, мне то Росслав велит.
В сей час я устремлюсь к усердию народа,
Явлю возлюбленна ему остаток рода
И, для тебя и жизнь не ставя за урон,
Взнесуся на престол, чтоб дать герою трон.

Росслав

Чтоб я, забыв в себе российска гражданина,
Порочным сделался для царска пышна чина!
Отечество мое чтя выше и тебя,
Могу ль его забыть я, троны возлюбя!
Пускай престола блеск гордыню обольщает,
Без добродетели корона помрачает.
Росславу царский трон бесславье навлечет,
Вселенна обо мне с презрением речет:
Се царь, любовию на чуждый трон взнесенный,
Неверный гражданин и властелин презренный,
Ни готф, ни росс, любви не могши одолеть,
И столько твердости души не мог иметь,
Чтобы, презря венец, быть обществу полезным.

Зафира

Еще сей горести к моим судьбам преслезным
Недоставало мне, чтоб лютая любовь,
Зафиры бедственной воспламеняя кровь,
Во сердце к ней того рождала отвращенье,
В ком в свете для нее едино утешенье.
Противна я тебе! на что ж мне больше жить?

Росслав

Не оскорбив меня, то можно ль вобразить?
Кто? ты противна мне? о, слово преужасно!
Ах, если б я возмог открыти сердце страстно,
Когда бы в грудь мою проникнуть ты могла,
В каком бы торжестве себя ты обрела!
Узрела б...

Зафира

Окончай, сверши мое блаженство.

Росслав

Узрела бы любви позорно совершенство;
Увидела б, как твой прелестный взор — о, стыд! —
То всё мрачит, что мне мой строгий долг велит.
Увидела б, как кровь на сердце замерзает,
Когда отсель меня Россия отвлекает.
России отчужден — сим страсть мою измерь, —
Тобой крушуся я, — довольна ль ты теперь?

Уж глас граждан моих во сердце сем слабеет;
Быть россиянином уже Росслав робеет;
Но ты не торжествуй, любови слыша глас:
Что внемлешь ты теперь, в последний слышишь раз.

Зафира

В последний! а меня любовью уверяешь,
А сам, а сам мою ты смерть определяешь.

Росслав

Не смерть, но славу.

Зафира

Ах! какая слава то!
Несчастной без тебя вселенная ничто.
Часы, в которые с тобою мне не быти,
Из жизни я моей желала б исключити...
В последний раз ты мне любовь твою явил,
Но сердца моего ты тем не истребил,
Во гробе только лишь оно тебя забудет;
Мысль каждая моя — Росслав единый будет.
Как станет смерть смыкать моих зеницы глаз,
И я тогда «люблю» скажу в последний раз.

Росслав

Увы! в сей самый час ты то должна сказати!

Зафира

Итак, в сей час должна Зафира умирати?

Росслав

Живи — родясь красой тирана укротить,
И долг и честь тебе повелевают жить,
Гражданам жизнь твоя нужна; ты, помня славу,
Храни дражайший век.

Зафира

Не нужен он Росславу!

Росслав

Ты плачешь? ах, престань мне сердце раздирать,
Которо уж собой не может обладать.

Ты плачешь! я мятусь... Ты плачешь!.. я страдаю...
Россия, зри мой стыд, зри, как ослабеваю!
Но, ах! доколь еще Росславом быть могу,
Прости, я не тебя, но сам себя бегу.

(Уходит.)

Зафира

Постой, Росслав драгой!.. В моей безмерной страсти
Какие, рок! себе предвижу я напасти!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 1

Росслав и Любомир

Росслав

Какое счастие, неожиданно мной!
Зрю росса в сих странах, зрю друга пред собой,
Во славе нашего подателя закона,
Несуща на себе величье росска трона.
Сомненья нет, сего послания вина
С надеждою души Росславовой равна.

Любомир

Хотя ты, зря меня, веселие вкушаешь,
Но будешь радостней, когда вину познаешь
Сего нечаянна посланья моего.

Росслав

Обрадуй росса ты и друга своего.
Уже ль, победой мы на верх вознесенны славы,
Возможем предписать врагам свои уставы?
Уже ль Россия зрит главы согбенны их
Во прахе, в трепете у страшных ног своих,
И Любомир принес ее гремящу волю?

Любомир

Россия может ли иметь толь славну долю,
Когда Росслав от ней далеко отлучен,
Когда ее герой во узах заключен?

Росслав

Ты унижаешь тем российских храбрых воев:
Колико сограждан, толико там героев.
Ты ведаешь то сам; но что ж виной тому,
Что прислан росс предстать тирану моему?
Зачем, о небеса! я вижу Любомира?
Или... я трепещу!.. или просити мира?

Любомир

Ни мира, ни войны, — Росслава одного.
Смущенный тягостью несчастья твоего,
Наш князь, не как сии цари высокопарны,
Владыки гордые, друзья неблагодарны,
Которые за кровь, пролитую за них,
Довольной платой чтут для подданных своих,
Коль око возведут на них благоприятно, —
Имея сердце наш властитель непревратно,
То помня и в твоей несчáстливой судьбе,
Чем он и общество обязаны тебе,
Чтоб друга своего из бедства искупити
И чтоб отечеству героя возвратити,
Прислал меня сюда то всё врагам отдать,
Что храброю рукой Росслав возмог отъять.
Он грады твоему тирану предлагает,
А от него тебя единого желает.

Росслав

Что слышу! за меня он грады отдает,
Чтоб гражданина спасть, отмещет плод побед
И, уступая верх над россами без брани,
С прошеньем ко врагам простер с престола длани.
О Христиерн! О ты, свирепейший тиран!
Как много злостью я твоею ни попран,
То всё ничто; лишь тем мне муки приключаешь,
Что ты сей стыд нести мне с жизнью оставляешь.

Любомир

Причины не могу отчаянья понять.

Росслав

Ты росс, а ты того ж не можешь ощущать.
Ты росс, а князю ты того не мог представить,

Колико может тем он трон свой обесславить.
О, стыд отечества! Монарх, свой долг забыв
И сан величия пристрастьем помрачив,
Блаженству общества меня предпочитает
И вред России всей в очах вельмож свершает.
А вы, отечества избранные щиты, —
А паче, Любомир, и ты, мой друг, и ты! —
Не общество в предмет поставя, князя волю,
Охотно низости подвергли россов долю.
В могуществе своем трепещущи рабы,
Достойны ль вы своей блистающей судьбы?

Любомир

Но если б сам Росслав, героя чтя во друге,
Имея долг воздать отечеству заслуге,
Во совещании был должен избирать,
Спасти — иль общество для польз его предать;
Вспомоществуемый монарха состраданьем
И общества всего усерднейшим желаньем,
Сего героя гроб отверстый запереть, —
Что б другу своему назначил?

Росслав

Умереть!
Я друга своего тем только б обесславил,
Коль общества во вред ему бы жизнь оставил...
Но князь за что меня, за что так мало чтит,
Что в дар отечеству мне жизнь отдать претит?
Иль мыслит он, что так мой дух ослаб
в плененьи,
Что дни мои могу влачить в уничиженьи,
Что жизнь могу сносить, отечество предав? —
Росслав я в лаврах был — и в узах я Росслав.

Любомир

Или предательством то может быть сочтенно?
Что князь тебе велит, то должно быть священно.

Росслав

Как кровь за общество мне лить повелевал,
Ты знаешь, как я тó священным почитал.

Любомир

В награду он за то о друге сожалеет,
Он жизнь тебе дает...

Росслав

Он права не имеет!
На троне истину и милости храня,
Когда б я винен был, спасти б он мог меня.
На человека он как человек взирая,
Возмог бы, строгости законов умеряя,
Виновному свою щедроту изъявить
И сожалением Росслава посрамить;
Но в жертву общества назначен я судьбою;
Россия! ты должна торжествовати мною;
Тут власть молчит, и я из власти исключен,
Лишь добродетели единой посвящен.
Ничто меня, ничто не может свободити.
Не может повелеть мой князь мне подлым быти. —
Жалеет друга он, ввергая друга в стыд,
Он жизнь дает. — Почто умрети не велит!
Тогда бы я, сие услыша повеленье,
К Росславу бы его познати мог почтенье;
Когда мой князь мне рек: «Умри ты так, как жил», —
Тогда б он мне, тогда б по-царски другом был.

Явление 2

Росслав, Любомир и Кедар.

Кедар

Советы, может быть, я важны прерываю,
Но шествие царя к послу я предваряю.

Явление 3

Христиерн, окруженный воинами, Кедар, Росслав и Любомир.

Любомир
(к Христиерну)

Мой князь, предубежден величием твоим,
Не мыслит, чтобы он был в подданном гоним;

Чтоб готфов сильный царь, со россами спираясь,
Не могши их попрать, во гневе унижаясь,
Во гражданине им едином отомщал
И над Росславом бы весь гром свой истощал.
Величию царя то было бы не сродно;
Почто ж томить его в плену тебе угодно?
Почто? за то ль, что он, ступая славы вслед,
Отечество свое возвысил тьмой побед,
Что имя заслужил российского героя?
Он должность исполнял, напасти готфам строя.
Кто за отечество падет с победы в плен,
И от самих врагов тот должен быть почтен.

Христиерн

Что князю твоему внушает дерзновенье
Предписывать хранить мне к узникам почтенье?
Иль слабые его успехи надо мной?
Но то, что начато, не кончено войной.
Еще на троне я, еще повелеваю,
И кроме я моих законов здесь не знаю.
Кто мне осмелится уставы подавать,
Кто?

Любомир

Человечество, коль можешь ты внимать
Священный глас его, самих царей судящий.

Христиерн

Я слышу гнева глас, продерзностных разящий.

Любомир

Сей гнев, продерзостных готовый поражать,
До трона росского не может досягать,
И меч твой россиян еще не устрашает.
То ведает весь мир, и Христиерн то знает.

Христиерн

Я знаю, дерзостный! но вскоре, может быть,
С мечом пред воинством я то могу забыть.

Любомир

Оставим, государь, могущей рока воле
И храбрости сие решить на ратном поле;

А между тем внемли из уст моих в сей час
Победоносного ты князя кроткий глас.
Успехи позабыв, войной приобретенны,
Венцы лавровые, Росславом соплетенны,
Кропя он дружества почтенным током слез,
Чтоб лютость умягчить против него небес,
Нисходит своея победы с колесницы.
Прими ты от его простертыя десницы
Все грады, отняты от царства твоего,
И возврати ему Росслава одного.
Но помни, что не страх его к сему приводит,
Что славы столько же он в благости находит,
Колико в мужестве.

Христиерн

Он грады отдает;
Благодарю его, но мне в том нýжды нет.
Царь готфов милостью его не одолжится;
Что отнято мечом, мечом и возвратится.

Любомир

Так жертвуя твоей лишь гордости одной,
Ты утешаешься кровавою войной.
Сам царь кровь подданных своих в ничто вменяет.

Христиерн

Дар князя твоего престол мой унижает.
За цену меньшую Росславов плен минет;
И сам себя Росслав от тяжких уз спасет,
Коль помня то, чтó он, и, отложа упорство,
Открыв, чего хочу, покажет мне покорство.

Росслав

Чем должен я тебе? Хоть я в плену и слаб,
Ты готфов царь, я росс, я пленник твой, не раб.

Христиерн

Ты пленник ли иль раб, но ты в моей днесь власти,
В моих руках твое и счастье и напасти.

Росслáв

Свобода, жизнь моя во власти суть твоей,
Но ты над чувствами души не властен сей,
Котора, честности уставы чтя едины,
Не может упадать под игом злой судьбины.
Ты долгом чтишь меня к измене принуждать,
А я за общество со славой умирать.

Христиерн

Дерзаешь, своего владыку раздражая,
Пред ним величиться, царя ты унижая.

Росслав

Иль может правдою царь быти огорчен?

Христиерн

Покорство — часть раба, будь в оной заключен.

Росслав

Раба? — Один тот раб, кто, презря добродетель,
Корысти покорен, бесчестия содетель,
Хотя бы всею он вселенною владел;
Чем выше, тем гнусней позор порочных дел.

Христиерн

В оковы, воины!

Воины налагают на Росслава оковы.

Любомир

Все прáва разрушаешь
И князя моего величье оскорбляешь.

Христиерн

Коль хочешь, возвратись ко князю твоему,
Как мало я его страшусь, сказать ему.

Любомир

Бесстрашен буди, царь; но чем сильней властитель,
Тем больше должен быть он истины хранитель
И чтить священнейшим народных прав закон.
Иль может от всего освобождати трон?

Или, не убоясь в сияньи быть наказан,
Царь сильный должностью никоей не обязан?
Законов первый раб, он подданным пример.

Христиерн

Величию царя на свете нету мер.

Росслав

Цари! вас смерть зовет пред суд необходимый;
Свидетель вам ваш век, судья неумолимый
Вам время будуще, в которо на весах
Вы правды будете судитися в делах.
Страшитеся сего суда нелицемерна!
Вас мрачный гроб, прияв с величия безмерна,
Отколь мрачат лучи блистающих венцов,
Отъемля вашу власть, отъемлет и льстецов;
И смерть, срывая с вас багряную порфиру,
Кто вы, являет то попранну вами миру.
Тогда вострепещи.

Христиерн

(к Росславу)

Ты должен трепетать!

(К воинам)

В темницу!

Воины отводят Росслава.

Любомир

Государь!

Христиерн

Престани раздражать
Царя, которого ничто не устрашает,
Кой в гневе сам себя и всё позабывает;
Ступай и, более твоих не тратя слов,
То знай: чтоб искупить Росслава из оков,
Мне ваша не нужна щедрота чрезвычайна,
Нужна единая Росславова лишь тайна.

Любомир отходит.

Явление 4

Христиерн и Кедар.

Христиерн

С какою гордостью сей пленник дерзновен
Стремится раздражать мой гнев, им воспален!
Иль вправду духом он всех смертных превосходит?
Подпору гордость в чем его себе находит?
Издавна ты, Кедар, обязан дружбой с ним,
Тебе он должен был спасением своим.
Но днесь щадить его не возмогу я боле.

Кедар

Твоей я, государь, его вручаю воле.
Упорством раздражен, подобно я тебе,
Противиться его не буду злой судьбе.
Я, кротостью склонить надежду всю теряя
И пользы царские всему предпочитая,
Днесь сам прошу тебя упорна наказать.

Христиерн

Хоть алчу я его на части растерзать,
Но важно таинство утратить с ним страшуся.
Я прежде средства все употребить потщуся
Во сердце у него сокрытое извлечь,
А после мстящий мой его повергнет меч.

Кедар

Зафира, восстеня, его отвергнет казни.

Христиерн

Поняти не могу вины ее боязни.
Жаленье может ли к несчастным столько быть,
Чтоб много так себя в усердьи к ним забыть,
И человечество, стенящее в мученьи,
Удобно ль произвесть толики в нас движеньи?

Кедар

Я, может быть, мрачусь единою мечтой,
Но, государь, позволь открыти пред тобой,
Что мне усердие мое к тебе внушает.
Не милосердие едино побуждает
Зафиру пленника от гроз твоих спасать, —

От жалости одной возможно ль так страдать?
Сомненья произвесть в тебе я не желаю,
Но, кажется, сия Зафира...

Христиерн

Понимаю.
Да вострепещут те, мою которы страсть
Стремятся обмануть, презревши царску власть.

Явление 5

Христиерн, Кедар и Зафира.

Зафира

Я слышу, государь, и, слыша, содрогаюсь.
Я, может быть, твоей досаде подвергаюсь,
Но трона готфского царя нужна мне честь.
Чужда была всегда устам Зафиры лесть.
Пускай иной, себе лишь только благ желая,
Постыдну для царей свирепость похваляя,
Несчастных тяжку часть и паче тяготит;
Зафира языком, как сердцем, говорит.
Я слышу, гнев ты свой к Росславу умножаешь,
В темницу вверг его и смертью угрожаешь...

Христиерн

Со огорчением дивлюсь восторгам сим,
Которы ты явишь всегда очам моим,
За пленника сего, прегордого Росслава.
Но что тому виной?

Зафира

Твоя едина слава.
Что скажут? Что, врагов бессилен побеждать,
Лишь слабых пленников ты можешь поражать;
И, притесняючи несчастну добродетель,
Не в поле ты врагам, на троне бед содетель.
Прияв достойный дух величию царей,
Свирепство укроти!..

Христиерн

Погибнет мой злодей.
(Уходит.)

Явление 6

Зафира и Кедар.

Кедар

В окаменение сим словом погруженну,
Недвижиму, без чувств, как громом пораженну,
Зафиру ль вижу я иль только тень ее?
Открой к Росславу мне участие твое.
Ты знаешь, он мне друг: поверь свою мне тайну.
Когда б! — но счастию сему необычайну
Возможно ль быть? — когда была бы то любовь,
Что так твой дух мятет, твою волнуя кровь,
Какие б радости во грудь мою влиялись;
К спасенью друга мне пути бы оказались;
К тирану ненависть тогда познав твою,
Смелей бы устремил усердну грудь мою
Служити истинной княжне граждан несчастных.
Росслава счастье зрю в твоих очах прекрасных.
Ты токи слез лиешь! падет злодей, падет!
Спасен мой друг!..

Зафира

А с ним Зафира оживет!
Познай бессмертну страсть, которою сгораю...
Чем страсть явить? взгляни, увидишь: умираю...
О, мысль смертельная! Росслав на смерть сужден,
И будет он во гроб мученьем провожден.
О, ужас! О Кедар! твой друг на крае гроба,
И адом на него лютейша дышит злоба.
Уж меч взнесен, и кровь в минуту потечет;
Твой друг во сердце сем отчаянном стенет,
И, умирающи к тебе простерши взгляды,
Во мне твой просит друг спасения отрады.
Отдай, Кедар, мне жизнь и душу возврати!
Коль презришь ты мой стон, где помощь мне найти!

Кедар

Итак, что любишь ты, нельзя и сомневаться?

Зафира

Когда неверным то возможет показаться,
Что я еще живу, что я сей вижу свет,
Коль нет во мне души, то и любови нет.

Кедар

Я верю.

Зафира

Но почто сии свирепы взгляды?
Не обманулася ль?

Кедар

Наполненны досады,
К злодею ненависть глаза мои явят.
Ты любишь! — чувствую я весь во сердце ад! —
Спокойся... другу я убежище открою...
Готово росскому спасение герою;
Поди: злодея смерть в сих взорах включена.

Зафира

Тебе, герой, судьба несчастных вручена.

(Отходит.)

Явление 7

Кедар
(один)

Открылось всё теперь, исчезло и сомненье,
Которо иногда мне было в утешенье!
Открылось всё! в любви взаимныя горят
И мне посредником их страсти быть велят!..
Я буду! буду вам посредником ко гробу!..
Превосходящую мою все меры злобу
Глубоко в сердце скрыв, тирановой рукой
Повергну мертвого Росслава пред собой.
Сколь счастливы они и в самом злоключеньи!
Единый милый взор, прервавши их мученьи,
Затмив все варварства их тяжких бед творца,
Среди страданья им вселяет рай в сердца.
А я, я мучуся, отрады не имея;
Но вскоре обрету в стенаниях злодея!
Опровергая всё, что к счастью мне претит,
Подвигну шведов я с тираном свергнуть стыд.

Тиран, совместник мой, тиран не пощадится.
Мой дух с Зафирою на троне съединится...
Чтоб прелестей ее не зреть в руках чужих,
Не пощажу и сих я прелестей самих.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТИЕ

Явление 1

Росслав (в цепях) и Любомир.

Любомир

Во горести и то считаю в утешенье,
Что зреть тебя могу!

Росслав

Тиран свое веленье,
Чтоб мне в темнице быть, опять переменил.
Не всё ли то равно, я где бы здесь ни был?
Двора тиранова чертоги все — темница.
Впоследне солнце зрит Росславова зеница.

Любомир

Се плод послания от князя твоего,
Се плод усердного старанья моего!
Росслава только лишь погибель ускоряю,
Во гнусны узы вверг, гробницу отворяю.

Росслав

Почто смущаешься, меня в оковах зря?
Иль страждет честь моя от лютости царя?
Я зрю с презрением тираново гоненье;
За общество ношу сих уз обремененье.
Се цепи тех златых достойнее цепей,
Которыми цари, во слепоте своей,

Нередко к своему величию и трону
Возводят низких душ, граждан своих к урону.

Любомир

Итак, в упорности сам гибели вина,
Которая тебе тираном суждена,
Ты пользе общей смерть свою предпочитаешь,
Защитника в себе граждан своих лишаешь
И, будто утомясь отечеству служить,
Чтоб кончить тяжку жизнь, не хочешь больше жить.

Росслав

Давно ли Любомир о мне так низко мыслит?
Но нет, мой друг, меня мой друг таким не числит.
Он, только слабостью лишь дружбы омрачен
И недостойнейшим жаленьем удручен,
Спасти Росслава дни стараяся напрасно,
Вещает то, с его что мыслью несогласно.
Могу ли жизнию толико польз подать,
Колико возмогу, дерзая смерть приять?
Ты знаешь, Любомир, могущество тирана,
Под игом коего страна сия попранна
Стонает с Данией, отечеством его;
Ты знаешь, сколько бед от варвара сего,
В единовластие недавно съединенна,
Россия, вновь родясь, слаба, неутвержденна,
Из праха чуждых рабств подъемлюща чело,
Терпела, всякое одолевая зло;
Ты знаешь, наконец ее ослабша сила
Коликой кровию за храбрость заплатила.
Против тирановых превосходящих войск
Что мог российских чад соделать сонм геройск?
С мечами умирать, но умирать бесплодно;
Погибель нам влекло то чувство благородно, —
Оставило б оно наместо всех отрад
Престол без подданных, отечество без чад.
В такое грозное сынам российским время
Я, сколько мог держать, поддерживал их бремя,
Как весть нечаянна восхитила мой дух:
Достигнул до меня отрады полный слух,
Что есть еще душа меж готфов возвышенна,
Уныньем сограждан во рабстве устыженна,

Их алчет свободить, мучителя поправ,
И что из мрака уз восстал герой Густав.
Тогда Россию спасть открылися мне средства,
И, чтобы прекратить скорее наши бедства,
Я свой направил путь ко мстителю сему,
Надежное отверз убежище ему,
Известное лишь мне, где, скрыт тиранска зева,
Готовит он ему удар геройска гнева.
Сим бурный Христиерн, на троне потрясен,
В стремлении своем на россов умягчен
И, шведов всякий час страшася возмущенья,
Оружье разделил для собственна спасенья.
Ты знаешь, сим одним Российская страна
На быстрых крылиях побед вознесена;
Ты знаешь, ежели Густава я открою,
России изменю и чести, и герою,
И если жизнь мою ничтожную спасу,
Два царства в жертву я тирану принесу.
Ты знаешь то, мой друг, а ты того желаешь.

Любомир

А если средство есть, которо забываешь,
Спастися с честию, — что скажешь ты, мой друг?

Росслав

Тогда от радости восхитится мой дух,
Что жизнь мою могу я с честию полезну
Еще на жертву несть отечеству любезну
И что пролитую стократно кровь мою
Для пользы сограждан еще я пролию...
Но нет, то лишь одно мечтанье Любомира.

Любомир

Любовь, которою к тебе горит Зафира,
Услуга, чем тебе обязан сам Кедар,
Что всё известно мне, — отвергнут тот удар.

Росслав

Какие средства мне к спасению находишь!
Любовь несчастную на помощь мне приводишь,
Котора, руку мне свою дерзнув простерть,
Не могши спасть меня, затмит мою лишь смерть

И, тленность на моем свою покинув гробе,
Угрызнуть честь мою оставит жало злобе.
Рекут: познав сию плачевную любовь,
Росслав одной любви на жертву пролил кровь.
А если не забыл Кедар мою услугу,
Коль хочет, может он подать спасенье другу;
Но я себя к тому не возмогу склонить,
Чтоб просьбою себя от смерти свободить.

Любомир

Но если сей Кедар, Росславу лицемерен
И только лишь одной своей корысти верен,
Коварствуя, тебя желает погубить?

Росслав

Превыше низостей, могу я их простить.

Любомир

Но я не возмогу и в сей же час открою,
Чем Швеция должна российскому герою.

(Хочет идти.)

Росслав

Постой! коль правда, что Кедар мне изменил,
Почто же хочешь, чтоб и я бесчестен был?
И чтобы славы дар, мной дружбе принесенный,
За подлость подлостью обратно возвращенный,
Кедара посрамя, и мне бы сделал стыд?

Любомир

Сие Кедаров дух злодейский обнажит;
И здесь народ, познав, что ты его спаситель,
Против тирана твой пребудет защититель.

Росслав

Когда, почтение ко мне еще храня,
Не хочешь оскорбить пред смертию меня,
Оставь, оставь сие намеренье бесплодно
И дай мне внити в гроб отверстый благородно.

Любомир

В местах, где чести нет, честь хочешь сохранять, —
Мне дружба и мой князь велят тебя спасать.

Явление 2

Росслав и Зафира.

Зафира

Тиран меня прислал... Росслав! твое спасенье
Зависит от того... Тиран, в ожесточенье
Тобою приведен, возносит страшный меч!
Уже готова смерть с твоим мой век пресечь!
Но если... Знаю я, ты страху не причастен
И добродетели всегда одной подвластен,
Считаешь за ничто мне люту смерть твою.
Но жизнь, с твоей навек спряженную мою,
Но жизнь Зафиры ты или в ничто вменяешь?
Ты твердостью твоей Зафиру умерщвляешь!
Взгляни на мой ты зрак: увидишь смерть в глазах
И душу всю мою, лиющуся в слезах.
Храни твой век, его считая мне священным!
Не льстяся счастием, не мне определенным,
Твоею вечно быть, желаю ли того?
Единого прошу спасенья твоего.
Коль любишь ты меня, живи! и я блаженна,
От смерти страшной мне твоей освобожденна,
Дни томны без тебя в уныньи проводя,
Что жив ты, сердцу в том питанье находя
И чувствуя в тебе я душу отвлеченну,
Снесу жизнь тяжкую, разлукой сокрушенну.
Живи не для меня, возлюбленный герой!
Защитник общества, спасаема тобой,
Храни дражайший век отечеству любезну
И, гордость отложа для россов бесполезну,
Тирану покорясь, себя освободи;
В сем унижении величие найди;
И, вобразя мое страданье беспредельно,
Отверзи таинства сокрытие смертельно.

Росслав

Когда бы знала ты, что в тайне страшной сей
Спасение страны заключено моей,
Тогда б ты, жизни честь мою предпочитая
И добродетелью любовь превозмогая,
Велела б мне сама позорну жизнь презреть
И, в гробе тайну скрыв, со славой умереть.

Зафира

Велела б умереть! кто, я? кому? Росславу!
Увы! вкушаючи нежнейшую отраву,
Могу ли что твоей я жизни предпочесть.
Тебя зреть — то мне жизнь, любить — моя то честь!
И то мне смерть, когда Росслав меня забудет:
Что ж мне тогда во всем, когда тебя не будет.
Велела б умереть! ах, если б ты, любя
Так пламенно меня, как я люблю тебя,
Дерзал одолевать свирепость рока злого,
Сего б ты не сказал ужасного мне слова
И, всё бы находя во сердце лишь моем,
Отечество, и долг, и славу б видел в нем.

Росслав

Сомнением твоим я только отягчаюсь;
Люблю тебя, люблю — но я не ослепляюсь.
По долгу счастия противник моего,
Достоин жалости, не гнева твоего.
Жалей несчастного, кто всё с тобою тратит,
Но выше кто любви отечеству долг платит;
Жалей несчастного, но подражай ему:
Отважься вслед идти Росславу твоему.
Когда б ты зреть могла тобою сердце страстно,
Хотя и пленное, но должности подвластно,
Увидела б, княжна, как должен воздыхать,
Который родился собой пример давать;
Узрела б, как любовь, бесплодно ополченна,
Без действа сердце рвет, стенаньями стесненна.
Тогда, над слабостью превозносясь душей,
Ты славу б обрела и в слабости твоей.

Зафира

Могу ль мужаться я? увы! Росслав близ гроба!
Уже тиранова свой зев разверзла злоба.
Спаси себя — и всё, что хочешь, сотворю.
Коль должно, буду я супругою царю.
Я часть мою снесу, как будет ни сурова,
Спаси себя — потом терзаться я готова.
Спаси... Я слышу шум... Тиран сюда идет,
Предыдет страх ему, а смерть за ним вослед.

Явление 3

Рослав, Зафира и Христиерн с воинами.

Христиерн

Ужели жалость в том Зафирина успела,
В чем власть царя доднесь успеха не имела?
Открыто ль таинство? могу ль, его познав,
Не быть жесток?

Росслав

Или я больше не Росслав?

Христиерн

Оставим лютости; я оными скучаю
И гнев, хоть праведный, однако ж, укрощаю
С престола преклоню к щедроте я себя,
Сокровища мои открыты для тебя;
Скажи, что знать хочу, и можешь всё имети.

Росслав

Оставь твое сребро, сии тиранов сети,
Ко удержанию на их главе венца
Могущи уловлять лишь подлые сердца;
Будь тронов ты и всех сокровищей владетель,
Возьми и жизнь, но мне остави добродетель.

Христиерн

Когда бы ты был царь, несчастьем ввержен в плен,
Твоею дерзостью я б не был удивлен;
Царя бы чтил в тебе, себя я уважая;
Но ты, в пленении против меня дерзая
И гнева моего не устрашаясь гроз,
Чтобы не трепетать, кто ты таков?

Росслав

Я росс!

Христиерн

Ты пленник дерзостный, ты раб мой!

Росслав

Тот свободен,
Кто, смерти не страшась, тиранам не угоден.

Христиерн

Внемли! — Хочу тебя впоследне пощадить
И дерзости твоей в последний раз простить,
Хочу тебя спасти... Зрю, что тебя смущает
И тайны важной мне открыть не допущает:
Страх злобу заслужить от князя твоего;
Но будь мой подданный, оставь, оставь его.
От твоего твой рок зависит произвола, —
Чего желаешь ты, скажи?

Росслав

Ниже́ престола.

Христиерн

Умри, злодей! мое терпенье истребя,
Надежду на кого взлагаешь?

Росслав

На себя.

Христиерн

Во узах и в моей стеснен всевластной воле,
Оставленный от всех и в самой жалкой доле,
Спасение во мне одном могущий зреть, —
Что можешь ты?

Росслав

Могу тебя и смерть презреть.

Христиерн

Увидь мучения, уж смерть тебе готова,
Когда велю терзать, откроешь всё.

Росслав

Ни слова.
Хотя бы за предел простерти могши гнев,
Дышал ты муками, как ада страшный зев;
Хотя бы на земле ты тартар мне устроил, —
Что б сделал тем? Мою б лишь славу ты удвоил.

Христиерн

Увидим. — Воины!

Росслав
О, россы!

Зафира
(с ужасом)
Государь!

Христиерн
(с яростию)

Зафира!

Зафира

Пленник он, а ты здесь сильный царь,
Во власти он твоей, не помрачай короны.

Христиерн
(к Зафире)

Смятение твое, твой плач, твой ужас, стоны —
Не для меня то всё; и вижу ясно я,
Чем страждет днесь душа растерзанна твоя.

Зафира
(с смятением)

Кто, я? я страждут? нет... Но ты невинность
гонишь...
Но ты... ах, ежели на жалость не преклонишь
Ты сердца твоего... Когда Росслав падет...
Когда... остави мне...

Христиерн

Умрет мой враг, умрет.
Ты плачешь! — Воины!

Зафира

Не плачу — умираю.
(Упадает.)

Христиерн

А я ужаснейшу мне тайну открываю!
Бессилен изъяснить, что в сердце я терплю,
Лютейшей казнию я вам сие явлю;
В мучениях своих познаете, как стражду.
Готовьтеся на смерть, я вашей крови жажду.

(Отходит, а несколько воинов остается.)

Явление 4

Росслав, Зафира и воины.

Зафира

Росслав!..

Росслав

Зафира!..

Зафира

Ах! ты гибнешь за меня!

Росслав

И ты приемлешь смерть, несчастным дух пленя.

Зафира

О, верх мучительства гонящия судьбины!
О, мысль, ужаснейша самой моей кончины!
Росслав умрет! увы, тиранских жертва злоб,
Не придет он уже на мой печальный гроб
Зафиры хладный прах утешить воздыханьем
И оживить меня драгим воспоминаньем!

Росслав

Я в гроб не за одно отечество вхожу:
Участницей любовь во смерти нахожу, —
Се, что меня крушит, но так судьбам угодно.
Престань рыдать; прервав стенание бесплодно,
Себя Росславовой любовницей яви,
Неколебимостью тирана удиви.

Зафира

Великия души твоей я гласу внемлю.
Тобой восхищена, я оставляю землю.
Росслав меня своей любовницей нарек.
Взнесенна словом сим превыше человек,
Бесстрашно следую к стране я неизвестной,
Где встречуся с твоей душою я небесной,
Где ты мне заменишь красу самих небес.
Не буду я стонать и лить не стану слез.

Росслав

Мужайся, укрепись; меня не ослабляя,
Взирай на смерть мою не мучась, не стоная;
Не обесславь часа последня моего.

Зафира

Увидит то герой, достойна ль я его.
С Росславом мне и смерть приятней, как порфира.

Росслав

Прости.

Зафира

О, рок!

Зафира, несколько отступая, останавливается.

Росслав
(увидя, что Зафира остановилась)

Почто ты медлишь здесь, Зафира?

Зафира

Хочу я мужеством наполниться твоим,
Хоть мало крепости дать чувствиям моим,
Которою ты так всех смертных превышаешь,
Которой следовать ты мне повелеваешь;
Хочу, Росслава зря, Зафиру научить,
Как смертью с ним себя без стона разлучить,
Без горести, без слез...

Росслав

Но слезы проливаешь!

Зафира

Росслав возлюбленный, и ты, ты сам стонаешь!

Росслав

Стонаю.

Зафира

Вспомнив, что последний близок час,
В который люта смерть навек разлучит нас,

Дай сердцу моему ты волю без помехи
Вкушать в слезах моих жестокие утехи;
И, видя, как тебя смертельно я люблю,
За страшны горести, которы я терплю,
Подай награду мне твоим драгим стенаньем.

Росслав

Коль хочешь, веселись Росславовым страданьем.

Зафира

Престань досадовать, я расстаюсь с тобой,
Иду я слабости мои сокрыть.

(Хочет идти.)

Росслав

Постой.
Остановись еще.

Зафира

Продлити хочешь муку.
Чего желаешь ты?

Росслав

Простри свою мне руку,
Простри, дражайшая, в залог любви твоей,
Отраду дай душе растерзанной моей,
Которая тебе единой предается.
Последний малый час Зафире остается
От дней, которые я россам посвятил.
Уже отечеству я долг мой заплатил;
Лишаяся всего пределом люта рока,
В сей только час могу любити без порока;
В сей краткий час, когда ко смерти осужден,
С тобою быть могу любовью сопряжен;
Во всем я пламени могу тебе казаться.
Живя, не мог быть твой, могу твоим расстаться.

Зафира

Вот как спрягает нас немилосердый царь.
Свирепа смерть нам брак, гробница — наш алтарь!

Явление 5

Росслав, Зафира, Кедар и воины.

Кедар

Тиран, взволнованный и злобой и любовью,
Алкая и страшась упиться вашей кровью,
В свирепости своей мной паки утолен,
И вознесен на вас удар остановлен.
Зафира! ты одна от смерти свобожденна;
Но смерть Росславова лишь только удаленна.

Зафира

Спасенна ль я, коль нет спасения Росславу!
Увидь у ног твоих...

(Упадает на колени.)

Росслав

(поднимая ее)

Храня мою ты славу,
Не унижай меня прошением твоим;
Когда б я истинно Зафирой был любим,
Коль в сердце бы своем Росслава ощущала,
Иными чувствами она бы то вещала.

Зафира

Не возбраняй ты мне к его ногам упасть,
Росслав! мне всё то бог, тебя что может спасть.

Кедар

Оставь спасение его моей приязни.

Явление 6

Росслав, Зафира, Кедар, Любомир и воины.

Любомир

Тиран хотел тебя предати тайно казни;
Но я ему сказал, коль винен ты пред ним,
Законами на казнь ты должен быть судим,
Не тайно восприять преступка воздаянье.
Теперь готовит он на площади караньe,
Где все увидят то и у́зрит сам Кедар...

Кедар

Потщуся отвратить от друга сей удар.
Но между тем царя исполним мы хотенье:
Росславу предписал в темнице заключенье...

Росслав

Иду.

Кедар

Ты в узах ли, в темнице ль — я твой друг.
Умерь отчаянье, спокой смятенный дух.

Росслав

Кто, я отчаян? я? — Кто честен, тот спокоен.
Один порочный дух растерзан и расстроен,
Не могши в совести убежища сыскать,
Не смеет сам к себе в напасти прибегать.

Кедар

(с смятением)

Или ты мыслишь, что тебе я лицемерю?

Росслав

(с презрением Кедару)

Ты хочешь, чтобы я тебе поверил? — Верю.

(К Зафире)

Спасенна жизнь твоя — спокойно в гроб иду.

(Отходит, а за ним Кедар и воины.)

Зафира

Во гроб! .. постой... но я тебя и там найду.

Любомир

Или отчаянье едино только средство?
Потщимся отвратить ему грозяще бедство.
Еще осталась ночь к спасению его.

Зафира

О, ночь! ужасна ночь для сердца моего!
Но, может быть, она ужасна и злодею.
Народ здесь предан мне, — я смерти не робею.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Явление 1

Театр представляет темницу.

Росслав

(в оковах)

Се час, последний час моих приходит дней;
В последний раз узрю свет утренних лучей;
Уж мрачныя врата мне вечности отверсты;
Уж емлет косу смерть во грозны смертным персты;
Иду — к отечеству любовью подкреплен,
Утешен совестью и славой озарен,
Иду без горести, о смерть, твою пить чашу!
Тобою жизнь мою и паче я украшу
И, показав, как росс свой должен век кончать,
Тобою положу бессмертия печать...
С каким спокойством тот, о смерть! тебя встречает,
Кого глас совести ничем не уличает.
О добродетель! всё заключено в тебе,
Что праведна душа в награду ждет себе;
Отрад предвечных тех еще не постигая,
Тобой предчувствует она блаженство рая;
Надежды чистыя лучом себя пленя,
Смерть — тихий вечер ей прошедша светла дня.
Одной любовию спокойство сердца рушу;
Зафира! ты одна мою колеблешь душу,
Со всеми прелестьми воображаясь мне.

Я зрю несчастную в сей варварской стране,
Я вижу на моем рыдающую гробе
И Христиерновой подверженную злобе.
Я зрю влекомую, как жертву, к алтарю
Немилосердому супругой быть царю.
Я внемлю вопль ее и жалостно рыданье...
Сокройся от меня, плачевное мечтанье!..
Я слышу стук; идут... идут меня вести
Ко смерти.

Явление 2

Росслав и Зафира.

Зафира

Наконец могу тебя спасти,
Могу я удалить героя от гробницы;
Ступай: отверста дверь ужасныя темницы.
Любовь народную и всё употребя
На то, чтоб только лишь, Росслав, спасти тебя,
Отечество, к венцу я право покидаю;
Что мне во всем? я всё в Росславе обретаю.
Ты видишь токи слез, текущи из очей!
Се слезы, радостью пролитые моей,
Которых сладости я в первый раз вкушаю.
О, как блаженна я! Росслава я спасаю!
И купно с ним могу от сих ужасных стран
Препроводить его в жилища сограждан.
Ступай... Но что, Росслав! ты мне не отвечаешь!
Недвижим...

Росслав

Мне бежать?

Зафира

Тебе. Что здесь теряешь?
Оковы, смертну казнь. Я покидаю трон,
Отечество, но я не зрю себе препон.
Росслав колеблется, а я не размышляю.

Росслав

Что скажут?

Зафира

Что тебя всему предпочитаю,
Что в свете для меня нет счастья, ни отрад,
Что троны без тебя, венцы и всё мне ад,
Что, где Росслав со мной в какой-нибудь судьбине,
Мне тамо рай везде, в лесах ли иль в пустыне.

Росслав

Тебя, дражайшая, как душу я любя,
В утрате света я теряю лишь тебя.
Я вижу счастие в тебе неизреченно;
Но должностью сие мне счастье воспрещенно.
Я чувствую, что я, с тобою сопряжен,
Превыше б человек на свете был блажен.
Когда б мой долг с моей отрадой соглашался,
С лучами б я небес в твоих очах встречался.
В тебе одной я б мог всю благость неба зреть;
Но то не для меня — мне должно умереть!
Мой долг, мой строгий долг отверз меж нами бездну,
В которую паду, терзаючи любезну.

Зафира

Какой злодейский долг — несчастну погубить!

Росслав

Ты помни жизнь мою, чтоб смерть мою забыть.
И, видя мой пример, россиянам устроен,
Утешься, что я в гроб вхожу тебя достоин.
Я счастлив должен быть лишь только тем одним,
Что гроб ты мой почтишь стенанием твоим.

Зафира

Коль любишь ты меня, страшись! Сраженна роком,
Оплáчу смерть твою не стоном — крови током.
Но нет, когда любовь мою вообразит,
Росслав меня, Росслав так люто не сразит.
Или Зафирины ему стенанья сладки?
Спеши: осталися уже минуты кратки,
Уже спасительной бледнеет ночи тень,

Багряная заря влечет кровавый день!
О, день погибели моей с тобою купно!
Иль сердце к жалости Росслава неприступно?
Ты должен жизнь мою, жестокий! возвратить;
Хоть благодарностью мне должен отплатить,
Когда не чувствуешь ты пламени подобна,
Которым лишь одним я жизнь питать удобна.
Воспомни, сколько раз спасала я тебя.
В сей лютой крайности все чувства погубя
И увядающа тобой во цвете века,
Могу я снисходить до низости упрека;
И, смерти твоея снести бессильна вид,
Могу дать чувствовать тебе укоров стыд.
Воспомни всё мое к тебе благодеянье
И жизнью лишь твоей мне сделай воздаянье.

Росслав

Какой я гнусный дар Зафире принесу,
Когда бесчестьем жизнь и робостью спасу;
Когда, позорный бег предпочитая гробу,
Подвигну варвара несытую я злобу
Плененным россам здесь за стыд мой отомщать
И кровь граждан моих невинну проливать.
Или, что зляй того, я дам тирану права
За жизнь постыдную бегущего Росслава
Обратно требовать плоды моих побед,
Которы князь мой так охотно предает...
Предатель низкий благ отечества драгого,
Преступник долга я, толико мне святого,
Ты хочешь, чтоб я всё у ног твоих забыл
И целой жизни честь в минуту погубил.
Отчаян, потеряв я славы всю награду,
Где скроюсь от себя и в чем найду отраду?

Зафира

В моей любви.

Росслав

Она мне станет вспоминать,
Что за нее меня свет должен презирать;
И, став виновницей преступков всех Росслава,

В чем было счастие, в том будет мне отрава.
Я, зря всечасно...

Зафира

Нет, не любишь ты меня,
И, тщетно нежности Зафириной маня,
Ты и не чувствовал ко мне любови вечно...
Умри! — коль сердце так в тебе бесчеловечно;
Когда желаешь ты погибели моей, —
Умри! — но ты не льстись в жестокости твоей,
Что лютого часа в страдании дождуся,
В который казнию твоею поражуся.
Не мысли ты, что я, надежды всей лишась,
Зря близку смерть твою, умеренно крушась,
Обыкновенну страсть во сердце заключая
И смертию моей тебя лишь устрашая,
Могу последний вздох Росславов пережить,
Чтоб плакать, а потом утешенною быть.
Нет, варвар! нет! в сей час увидишь, как пылаю;
Узнаешь, как люблю, увидя, что́ дерзаю;
Не льстись убегнуть в гроб от смерти моея;
В жилище мрачное тебе предыду я,
Где будет нас судить небесно правосудье.
Страшись! се острие — отчаянья орудье.

(Вынимает кинжал.)

Когда спасенья мне уже в Росславе нет,
Оно к убежищу несчастну приведет
И даст утеху мне моей пролитой кровью,
Коль любишь ты меня, карать тебя любовью;
А если вид любви в тебе обман скрывал
И к пущей гибели лишь лесть ты мне являл,
Когда, мой слыша стон, душа твоя спокойна,
Увидишь ты теперь, того ли я достойна.
Насыться зреньем сим и торжествуй, герой,
Виновник бед моих, зри смерть мою...

(Хочет заколоться.)

Росслав

Постой!
Постой, жестокая! иду, тебе покорен.
Я трепещу!.. К чему мне путь тобой отворен?

Зафира

Ко счастью нашему. Меня коль любишь ты,
Перед светильником любви падут мечты,
Которыми тебя геройство ослепляет.
Твое мне сердце всю вселенну заменяет;
Коль любит так Росслав, как он мне то твердит,
Вселенную ему Зафира заменит.
Ступай!.. Но что! иль дух мой тщетно утешался?

Росслав

Довольствуйся и тем, что я поколебался.

Зафира

Жестокий!

Явление 3

Росслав, Зафира и Любомир.

Зафира

Любомир! соединись со мной
Спасти Росслава.

Любомир

Нет, уж труд напрасен твой.
Храня условие, уставленное нами,
Тебя с Росславом ждал за градскими стенами,
Где море, согласясь с ночною темнотой,
Способствовало нам желанной тишиной.
Природа дремлюща успех обещавала;
Но злобная душа Кедара не дремала.
Познав устроенный отселе нами бег,
Он воинами весь наполнил тихий брег.

(К Росславу)

К спасенью нам тебя нималого нет средства.
Се твердости твоей печальнейшие следства.
Содетель бед твоих, ты гибнешь наконец.

Росслав

Не гибну, славы я приемлю в дар венец.
Ты смерть за общество бедою почитаешь,
А ты, мой друг, себя ты россом называешь!

Любомир

Ты твердостью души жестокость сердца чтишь;

(указывая на Зафиру)

Зри скорбь прекрасныя, зри, как ее разишь;
Свирепость вся твоя на ней изображенна;
Под игом горести несносной отягченна,
Ее стенания спираются в груди.
Жди казнь твою в сей час: в ее кончине жди.
Молчанье смертное уста ее смыкает,
Лишь взорами тебя за лютость укоряет.
Виновник мук ее, зри смерть в ее глазах
И душу нежную, текущую в слезах.

Росслав

Сокройте от меня вы ваше сожаленье,
Престаньте повергать мой дух во ослабленье;
Почто о мне рыдать? Я с славой в гроб иду
И за отечество от варвара паду.
Почто о мне рыдать? Бесчестья не причастен,
Кончаю жизнь, как росс, я, страху не
подвластен...
Но если, вашими стенаньями смущен,
Хоть каплю слез пролить я буду принужден,
Тогда погибну я, но я погибну вами.
Не отнимайте вы слез горестных реками
Последней в твердости утехи моея.
Не сделайте того, явил чтоб слабость я;
Чтобы тиран, меня со светом разлучая,
Утешился б, во мне унынье примечая;
Чтоб в ярости своей хвалиться он возмог,
Что росса он своим терзанием содрог.
Подверженну его бесчеловечной власти,
Оставьте душу мне моей превыше части.

Явление 4

Росслав, Зафира, Любомир и Кедар с воинами.

Кедар

С какою горестью несу печальну весть!

Зафира

Свершилось всё!

Любомир

Злодей!

Кедар
(к Росславу)

Храня твою я честь,
Нашел к спасению тебя от казни средство.
Коль неминуемо твоей кончины бедство,
Коль друга не могу от смерти свободить,
Позора горести могу тебя лишить.
Предупреждающий на площади стыд казни,
Прими сей лютый дар ты от моей приязни

(подает ему обнаженный меч)

И смертью смерть твою бесчестну отжени.

Росслав

Поди и дар ты сей для подлых душ храни,
Которы, суждены приять достойну кару,
Главу злодейскую смертельному удару
Пред оком общества страшатся предъявить.
Не казнь — один порок лишь должен нас стыдить.
Да узрят смерть мою все общества и царства!

Кедар

Ты дружбы моея...

Росслав

Оставь твои коварства
И часть мою свершай.

Любомир
(Кедару)

Тирана гнусный раб!..
Но душу описать твою язык мой слаб.
Один небесный гром, таких, как ты, карая,
То может изъяснить, Кедара истребляя.

Кедар

Но дерзновение в тебе отколь сие?

Любомир

Мне право подает бесчестие твое
Открыть в сей час твою злодейством душу
черну.
Неверен другу ты, неверен Христиерну,
Княжны несчастныя прельщаясь красотой,
Во тайной ярости коварною рукой,
Завесой дружбы скрыв намерения злобны,
К успеху всякие считал пути удобны,
И ты губи́шь — кого? свирепейший злодей!
Кто, откровенностью обманутый своей,
Превыше всех коварств, не зря твою отраву,
С победой уступил тебе свою здесь славу,
Под именем твоим кто спас сию страну, —
Росслава!..

Зафира

Небо, зря ужасну толь вину,
Днесь молнии своей на казнь ему не мещет!
Росслав умрет, а он!..

Росслав

Увидь, как он трепещет, —
Се казнь его; и зри души моей покой.
Он страждет — я счастли́в, оплаканный тобой.
Величья своего сияния в средине,
Он, может быть, моей завидует судьбине;
И, гласа совести не могши истребить,
Удобен ли он так, как я, счастливым быть?

Кедар

(к воинам)

Свершайте, царскому покорствуя уставу.

Воины приступают вести Росслава.

Зафира

Куда, куда его влекут?

Кедар

(с яростью)

На смерть!

Зафира упадает.

Росслав

На славу!

(К Зафире)

О ты, которую мой рок не мне судил,
Которую всего я более любил,
Единый только долг тебе предпочитая,
Владычествуй собой, печаль одолевая.
Мой гроб в глазах моих блистательней, как трон.
Вселенной там найду почтенье и твой стон.
О, коль бесценная за смерть мою награда!

(К Любомиру)

А ты, отеческа, мой друг, достигнув града,
Вещай мою, вещай к отечеству любовь:
Что жертвой малою мою я чтил бы кровь,
Но с жизнию моей Зафиру я теряю.
Я больше делаю, как только умираю...
Напомни россам, как я долг хранить умел,
Что польза их виной моих всех славных дел.
Блажен и всех моих желаний тем достигну,
Коль смертию моей их к ревности подвигну
Стремиться доступать бессмертия венца, —
Но мне известны суть моих граждан сердца.
Россию до небес взнесенну воображаю!
Наполнен мыслью сей, с восторгом жизнь кончаю.

Кедар с воинами отводят Росслава.

Явление 5

Зафира и Любомир.

Зафира

Где я?.. Росслав!.. где ты? мне твой не слышен глас.
Увы! свершилось всё — в сей час, в сей страшный час
Надежда для меня во гробе лишь осталась.

Любомир

Еще не вся твоя надежда миновалась.
Тревожит тайный слух обрадованный град,
Что свергнется в сей день тиран со трона в ад
И что уже Густав, Росславом сохраненный,
К спасению граждан геройством устремленный,
Летит со ветрами по Белтовым волнам.
Какою помощью герой сей будет нам,
Когда бы только лишь найти удобны средства
Намало удалить грозящей казни бедства!
Не тратя сих минут, спеши народ узреть.

Зафира

Бегу Росслава спасть иль купно умереть.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Явление 1

Христиерн и Кедар.

Христиерн

Волненье гнева глас в гортани пресекает!
Всё сердце из меня на мщенье излетает!
Зафира!.. можно ли сие снести царю!..
Тебе, Кедар, тебе, мой друг, благодарю:
Я прозорливостью усердной мне твоею
Жертв ярости моей в моих руках имею.
Ничто изменницу уж больше не спасет,
И сами прелести ей в пущий служат вред, —
Вину ее краса лишь только умножает
И всю мою любовь во злобу превращает.

Кедар

Злодейство страшное! но слабая княжна
Не столь виновною казатися должна.
Росслав, один Росслав, исполнен гнусной лести,
Невинну обольстив наружностию чести,
Достоин злейшу смерть в мучениях вкусить.
Тем паче должно казнь его скорей свершить,
Что тайну сам Густав, явяся, открывает.

Христиерн

О, весть ужасная!

Кедар

Всё слух сей подтверждает;
Уж полон здешний град опасною молвой,
Что вскоре над твоей монаршею главой
Вдали ревущий гром, обрушась, явно грянет
И что Густав сюда со воинством предстанет.

Христиерн

Кедар! днесь должно мне усердие явить
И тайно моего злодея погубить.
Ты знаешь, от моих сетей судьбой спасенный,
Народом как любим Густав предерзновенный.
Надежды нет его открытно поразить —
Иными средствами нам должно победить.
Где храбрость немощна, там нужны суть коварства:
Твердее ратных сил сии подпоры царства.
В сей крайности моей взлагаю на тебя
Мне трон мой сохранить, Густава истребя.
Ступай и избери к корысти прилепленных,
Продажных оных душ и чести отчужденных,
Которым бог сребро, — сокровищ не щади
И блеском золота их очи ослепи;
Блистай пред гордыми высоких санов славой, —
Да воруженные железом иль отравой
И пресмыкаяся по скрытнейшим тропам,
Змии, к Густавовым приползшие стопам,
О счастье своего царя за мзду радея,
Ужалят моего лютейшего злодея.

Кедар

Не мысли, государь, чтобы в толпе рабов
Ты верных не имел, из коих всяк готов,
За честь тебе служа со искренней любовью,
Пожертвовать, как друг, тебе своею кровью.

Христиерн

Как друг? Не льщусь иметь друзей в рабах моих, —
Корысть мне их дала, корысть отымет их.
Нет нужды, из чего нам польза истекает, —
Всё свято для меня, что трон мой утверждает;
И мне ли чувствия разборчивы иметь:
Любовью, страхом ли — лишь только бы владеть.

Кедар

Коль ревности успех ответствовати станет,
То вскоре страшный сей Густав дышать престанет.
Но между тем Росслав во бурных сих стенах
Возможет, государь, грозы умножить страх.
Вели отъяти в нем Густаву сильно средство:
Вели его карать и тем убави бедство.

Христиерн

Поди, представь ты мне с Зафирою его.

Кедар

Брегися, государь, ты гордого сего,
Во мщении твоем внимая гнева жару,
Подвергнуть тайно здесь смертельному удару.
Не должно робости народу тем явить, —
Но смелой казнию град должно изумить.
Ударь перед лицом к смятенью склонной черни;
В сей час кровавою завесою задерни
Ее надежды луч; на площади лей кровь.

Христиерн

Представь преступников; хочу я, их любовь
Во ужас претворя, сим зреньем насладиться.
Всегда успеет кровь противная пролиться.
Или несчастие велико умереть?
Хочу напредь я их страдание узреть;
Хочу, изоблича Росслава преступленье,
Отъяти у него последне утешенье,
Что в добродетели одной влагает он;
Хочу Зафиры я услышать горький стон.
Поди!..

Явление 2

Христиерн

(один)

Безумствуя, княжна, в позорной страсти,
Почувствуешь в сей час моей всю тягость власти!
Владыку своего дерзая прогневлять,
Почувствуешь, меня как страшно оскорблять.

Тебя принудив снесть любовника терзанье,
В нем сделаю тебе достойно наказанье:
В страданиях его, чем устрашу весь град,
Пред смертию твоей ты вкусишь смерть стократ.
Потом... Но нет, тебе я люту жизнь оставлю
И смертию тебя от бедства не избавлю.
На гробе вражеском прогневанный твой царь
Воздвигнет брачный здесь для мук твоих алтарь;
С тобой спрягусь, презрев твои сопротивленья,
Спрягусь не для любви, а только для отмщенья.

Явление 3

Христиерн, Зафира, Росслав, в оковах, и стражи.

Росслав

Зачем меня призвал? Скорее, погубя,
Избавь от мерзости взирати на тебя,
Избавь, тиран!

Христиерн

Какой гордынею надменный,
Ты можешь, подлою изменой обличенный,
Являть невинности спокойно торжество?
То сердца твоего велико божество,
Что так ты обожал, где делась добродетель?
Злодейских козней ты коварнейший содетель,
Не за отечество днесь будешь умирать.

Росслав

Тиран! тебе ль меня порочным почитать,
Тебе?

Христиерн

Но как назвать твои преславны действа?
С княжной твой гнусный бег и хитрые злодейства?
Не ты ль, презревши честь Зафиры твоея
И страстью пользуясь княжны, не ты ль...

Росслав

Не я.
Когда б я шествовал путем безделыства к счастью,
Давно б престал меня терзать твоей ты властью;

Давно б, когда б хотел, с Зафирой сопряжен,
В отечестве я мог без славы быть блажен.
Но я твои пути ко счастью презираю.
Несчастен и гоним, но честен умираю.

Христиерн

Ты честен? Может ли злодей сие сказать?

Росслав

Окончи клевету, начав меня терзать.
Тирана низости прощаю я сомненье,
И Христиерново не нужно мне почтенье.
Хотя на троне ты, хотя во узах я, —
Пусть мир у ног твоих, со мною честь моя.

Христиерн

В злодействии твоем величиться дерзаешь!
Умри, злодей, умри!..

Зафира

За что его караешь?
Считая за порок одну бесчестья тень,
Тем разве винен он, что я его в сей день
Кончину лютую оплакивати буду.
Невидяща ему спасенья ниоткуду,
На всё дерзающа в отчаяньи моем,
Против тебя, тиран, виновна я во всем:
Чтобы его спасти, я стражу обольстила,
Темницу страшну я герою отворила.
Но дух Росславов всё в ничто преобратил.
За то ль его разишь, что слишком честен был,
Что в узах, но, своей не покоряясь доле,
Превыше он тебя, седяща на престоле.
Коль должно наказать, карай меня одну,
Бессмертну страсть мою считая за вину,
Ту страсть, которую родила добродетель.
Кровавых ты злодейств в венце моем содетель,
Коль хочешь ты моей руки достоин быть,
Дай только жизнь ему, — всё, всё могу забыть!
Клянусь у ног твоих, о царь немилосердый!..

(Становится на колени.)

Росслав

Ты слово мне дала, что дух Росслава твердый,
Который со твоим любовью сопряжен,
Не будет никогда тобою унижен.
Я чаял за любовь лишь только сей награды,
Но ты меня и той лишаешь днесь отрады...
Воззри ты на меня, восстань и кончи стон.
Не жизни — чести нам несносен лишь урон.

Зафира

На жертву славы ты — моей потребуй крови, —
Я всю ее пролью во знак моей любови;
Но видеть смерть твою — оставь мне то, герой, —
В Зафириной душе нет твердости такой.

Христиерн

Твои страдания, рыданье, слезы, стоны
К спасению его суть вящие препоны.
Умрет...

Зафира

Постой, тиран! престану я рыдать;
И сей утехи я не буду уж вкушать...
Что должно мне еще, о царь бесчеловечный?
Скажи! — суди меня, суди на муки вечны!
Коль хочешь, повели твоей супругой быть:
Исполню всё, чтобы Росслава свободить.
Ты кровию моей алкаешь ли упиться?
Вот грудь и вот кинжал — всё может совершиться.
В минуту кровь — твоя отрада — потечет.
В минуту ты меня увидишь мертву.

Христиерн

Нет.
Он должен умереть; он кровью мне заплатит
За слезы, что о нем при мне Зафира тратит.

(К воинам)

От глаз моих на смерть влеките вы его!..

Воины Росслава отводят.

Зафира

Постой — страшись, тиран, меня лишить всего!
Страшись отчаянья растерзанной тобою!
Страшись узреть меня в моей стране княжною!
Иду, в сей страшный час народа пред лицом
Твои злодействия, закрытые венцом,
Исчисля и мои представя к трону права,
Когда не возмогу освободить Росслава, —
Разрушить сей престол, тобой окровавлен.
Чтоб ты в сей день, его паденьем подавлен,
Ужасной смертию лишен моей державы,
Низвержен с трона в прах, без жизни и без славы,
Гнушеньем смертных всех в развалинах лежал,
Чтоб всяк тиран, зря смерть твою, вострепетал.

Христиерн

(к воинам)

Остановите здесь безумством ослепленну.

Зафира

(к воинам, удерживающим ее)

Прострите на княжну вы руку дерзновенну
И смертью вами здесь рожденной обладать
Стремитесь в робости тирану угождать.
О гнусные рабы счастливого злодея!
Пронзите грудь мою и, крови не жалея
Властителей своих, оставшейся во мне,
Вы ползайте пред ним в отеческой стране!..
Итак, Росслава спасть старанье всё бесплодно.
Владей, тиран, владей, коль небу то угодно,
Чтобы в порфире тигр невинность пожирал
И честь, и святость прав ногами попирал;
Коль царствует порок, а добродетель мертва,
Когда иль всё тиран, иль всё на свете жертва, —
Владей, блаженствуй — сей тебя достоин свет.
А я, которой здесь пристанища уж нет,
Гнушаясь скипетром, тираном оскверненным,
И светом, силе лишь одной порабощенным,
Где счастие дает злодействию успех,
Где я в Росславе всех лишаюся утех,
Где небу жалобой скучаю я напрасной,
Я жизнь, от неба сей несчастным дар ужасный...

Явление 4

Христиерн, Зафира и Адель.

Адель
(с поспешностью входя)

Всё гибнет, государь! весь город возмущен,
Освобожден Росслав, Густав у градских стен.

Христиерн

Что слышу! — но Кедар?

Адель

Растерзанный на части,
Упал сей твердый щит твоей монаршей власти.

Христиерн

Чиею дерзкою рукою?

Адель

Весь народ,
Повиновения расторгнувши оплот,
В его крови омыл убийственные руки.
Уже Росславу в казнь готовы были муки;
В унынии Стокгольм удара ожидал,
Который гордому Росславу угрожал.
Се российский вдруг посол летит на место лобно:
«Кого, — кричит, — кого караете так злобно?
Героя, коим град недавно сей спасен,
Которым сам Кедар к победе вознесен.
Кедар, враг честности, его заемля славу,
Под лестным дружеством готовил смерть Росславу.
Росслав — Густаву друг, а Христиерну враг!»
Едва он рек сие — вдали крутится прах,
Оружий виден блеск и слышны трубны звуки.
На небо Любомир тогда воздевши руки,
«О! готфы, — вопиет, — приспел спасенья час;
Внемлите мужества тирану грозный глас:
Густав у ваших врат вас в помощь призывает».
Народ волнуется и всё опровергает.
Неустрашим Росслав, имея меч в руках
И гордо грудь неся, сугубит бури страх.

Все ратники твои, отвсюду притесненны,
Едва противятся, сил бодрости лишенны.
Предстань им, государь! их взором ободря,
Яви бунтующим ты грозного царя.

Христиерн

Почто не возмогу в сей час во гневе яром
Весь город истребить одним моим ударом!

Зафира

Тиран! Коль хочешь жить — раскайся наконец;
Сойди со трона здесь, сложи не твой венец.

Христиерн

Доколь еще во мне хоть капля крови будет,
Дотоле Христиерн, что царь он, не забудет.
Коль мне оставить трон предписано судьбой,
Низверженный венец падет с моей главой.
Но ты не льстись моей напастью утешаться:
Со мною ты должна во гробе сочетаться.

Зафира

Рази! Коль жив Росслав, сладка мне смерть моя.

Христиерн

Я слышу шум — умри!

(Хочет заколоть Зафиру.)

Явление 5

Христиерн, Зафира и Росслав с народом.

Росслав

(стремительно вбегая, вырывает меч из рук Христиерна)

Прешла здесь власть твоя!
Тиран! ты в граде сем уже не страшен боле:
Густав, отечества спаситель, на престоле.

Зафира

Росслав! спаситель мой!

Христиерн

Исторгнув скиптр из рук,
Исторгни жизнь мою: скорей избавь от мук
Зреть повелителем в той области Росслава,
Где Христиернова была громка держава.

Росслав

Имея жизнь твою во власти я моей
И права мстить тебе, лютейший мой злодей,
Не мысли, чтобы я, забыв к себе почтенье,
Унизился б платить гоненьем за гоненье.
Тиран, утративший корону со главы,
Узнай сейчас во мне, все россы каковы.
Доволен, что я здесь, способствуя герою,
Спокойство моему отечеству устрою,
Что смертного на трон я сей стране дарю,
С душой и чувствами, пристойными царю,
Забвеньем бед моих злодею отомщаю:
Тирана презирал, а слабому прощаю.
Живи, гонитель мой.

Христиерн
(приближаяся к Росславу)

Во мзду твоих щедрот
Я с дара твоего сберу достойный плод.
Чтоб трона наградить хоть мало мне утрату,
За жизни дар моей прими ты смерть в отплату!

(Вынув сокрытый кинжал, бросается на Росслава; но народ, становяся между им и Росславом, не допускает.)

О рок! последних ты отрад меня лишил
И всю твою на мне жестокость совершил.
Со страхом на мою судьбину я взираю;
Лишенный скипетра, без мести умираю.

(Заколается, воины его поддерживают.)

Так есть на свете власть превыше и царей,
От коей и в венце не избежит злодей!

Христиерна отводят

Явление последнее

Росслав, Зафира и Любомир.

Любомир

Спокойно всё теперь; под властию Густава
Равно с блаженством здесь твоя простерта слава.
Тебя алкают зреть вельможи, царь, народ.
Ступай в сей час вкусить твоей заслуги плод,
Ступай достойное приять благодаренье.
Награды ждут тебя, торжественно почтенье.

Росслав

Не требую я сих, ничтожных толь, наград,
В дар пышной гордости блистающих отрад.
Для добродетели одной я благ содетель,
Меня и наградит едина добродетель.
И, чем утешенну мне можно больше быть,
Могу еще, могу отечеству служить
И сердце я мое Зафире посвящаю.

Зафира

В твоем я сердце трон и жизнь приобретаю!

<1784>

ВАДИМ НОВГОРОДСКИЙ

Трагедия в стихах, в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Рурик, князь Новгородский.
Вадим, посадник и полководец.
Рамида, дочь его.
Пренест } посадники.
Вигор }
Извед, наперсник Руриков.
Селена, наперсница Рамидина.
Воины.
Народ.

Действие в Новегороде на площади.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1

Ночь.

Пренест и Вигор.

Вигор

Уже Вадим, свершив со славою войну,
Приходит наконец в отеческу страну;
Но свой возврат почто от всех граждан скрывает
И только лишь двоих зреть нас удостояет?
Почто назначил он свиданья с нами час,
Доколь не осветит луч солнца наших глаз,
На самой площади, нам прежде толь священной,
Новградский где народ, свободой возвышенный,
Подвластен только быв законам и богам,
Уставы подавал полнощным всем странам?

Пренест

Самодержавна власть всё ныне пожирает,
И Рурик многих здесь веков плоды сбирает, —
Вот, мыслю, скрытности Вадимовой вина.
Противна для него отеческа страна,
Где, уклоняяся пред смертным на престоле,
Увидит он себя в одной с рабами доле.
Се он; и вслед за ним тех ратников толпы,
Которых славы в путь вели его стопы.

Явление 2

Вадим (за ним несколько военачальников, бывших с ним на войне), Пренест и Вигор.

Вадим

Я вас ли зрю, Вигор, Пренест великодушны?

Пренест

Мы повелениям твоим всегда послушны,
Для нас священный твой исполнили приказ.

Вадим

Друзья! в отечестве ль моем я вижу вас?
Уже заря верхи тех башен освещает,
Которые Новград до облак возвышает.
Се зрим Перунов храм, где гром его молчит,—
В недействии Перун, злодейства видя, спит!
И се те славные, священные чертоги,
Вельможи наши где велики, будто боги,
Но ровны завсегда и меньшим из граждан,
Ограды твердые свободы здешних стран,
Народа именем, который почитали,
Трепещущим царям законы подавали.
О Новград! что ты был и что ты стал теперь?

(Обращаяся ко всем)

Героев сонм! его величье ты измерь;
А я от горести, его в оковах видя,
Бессилен то свершить, я жизни ненавидя...
Вы содрогаетесь?.. И как не трепетать,
Когда из рабства бездн осмелимся взирать
На прежню высоту отечества любезна!
Вся сила Севера, пред оным бесполезна,
Его могущество, не знающе врагов,
Равняла в ужасе с могуществом богов.
А днесь сей пышный град, сей Севера владыка —
Могли ли ожидать позора мы толика! —
Сей гордый исполин, владыки сам у ног
Повержен, то забыл, что прежде он возмог.
Забыл! — Но как забыть? Что взор ни поражает,
Всё славу падшую его изображает.

ВАДИМЪ НОВГОРОДСКІЙ

ТРАГЕДІЯ

въ

стихахъ,

въ

ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Сочинена

ЯК. КНЯЖНИНЫМЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи Наукъ,
1793 года.

Воззрим ли на поля — еще звучит там гром,
Которым готф сражен, дерзнув нам быть врагом;
Иль очи обратим на внутренности града,
Реками где текла с свободою отрада, —
Повсюду те стези, где гордые цари
Покорство нам несли, по тщетной с нами при.
Вот место самое, тех почестей свидетель,
Когда здесь наш народ, владыкам благодетель,
Гонимого царя варяг прияв под кров,
Заставил в трепете молчать его врагов.
Граждане! вспомните то славой полно время;
Но вспомните — дабы низвергнуть гнусно бремя!..
О, стыд! Сей царь, тогда покорен, удручен,
С молением представ, в средине наших стен
Свое чело на прах пред нами уклоняет;
А днесь — о, грозный рок! — он нами обладает —
Сей Рурик!.. Не могу я боле продолжать;
Но ваше чувство вам то может докончать,
Чего в отчаяньи свершить мой глас не может.

Вигор

И наше сердце грусть, твоей подобна, гложет.
Отечество мы зря низверженно в напасть,
В отчаяньи его оплакиваем часть.

Вадим

Оплакиваете? — О, страшные премены!
Оплакиваете? — Но кто же вы? — Иль жены?
Иль Рурик столько мог ваш дух преобразить,
Что вы лишь плачете, когда ваш долг — разить?

Пренест

Мы алчем вслед тебе навек себя прославить,
Разрушить гордый трон, отечество восставить;
Но хоть усердие в сердцах у нас горит,
Однако способов еще к тому не зрит.
Пренебрегая дни, и гнусны и суровы,
Коль должно умереть, мы умереть готовы;
Но чтобы наша смерть нетщетная от зла
Спасти отечество любезное могла

И чтобы, узы рвать стремяся мы в неволе,
Не отягчили бы сих уз еще и боле.
Познаешь сам, Вадим, сколь трудно рушить трон,
Который Рурик здесь воздвигнул без препон,
Прошеньем призванный от целого народа.
Уведаешь, как им отъятая свобода
Прелестной властию его заменена.
Узнаешь, как его держава почтена
И истинных сынов отечества сколь мало,
Которы, чувствуя грызуще рабства жало,
Стыдилися б того, что в свете смертный есть,
В руках которого их вольность, жизнь и честь.
Коварством Рурика граждански слабы силы;
А воинством варяг наполнен град унылый.
Нам должно помощи бессмертных ожидать,
И боги случай нам удобный могут дать.

Вадим

Так должно на богов нам только полагаться
И в стаде человек без славы пресмыкаться?
Но боги дали нам свободу возвратить:
И сердце — чтоб дерзать, и руку — чтоб разить!
Их помощь в нас самих. Какой еще хотите?
Ступайте, ползайте, их грома тщетно ждите;
А я, один за вас во гневе здесь кипя,
Подвигнусь умереть, владыки не терпя.
О, рок! Отечества три лета отлученный,
За славою его победой увлеченный,
Оставя вольность я, блаженство в сих стенах,
На нас воздвигшихся свергаю гордость в прах;
Я подвигов моих плоды несу народу;
Что ж вижу здесь? Вельмож, утративших свободу,
Во подлой робости согбенных пред царем
И лобызающих под скиптром свой ярем.
Скажите, как вы, зря отечества паденье,
Могли минуту жизнь продлить на посрамленье?
И если не могли свободы сохранить —
Как можно свет терпеть и как желать вам жить?

Вигор

Как прежде, мы горим к отечеству любовью...

Вадим

Не словом, доказать то должно б — вашей кровью!
Священно слово толь из ваших бросьте слов.
Или отечество быть может у рабов?

Вигор

Имея праведно дух, грустью огорченный,
Напрасно, против нас ты гневом омраченный,
Тягчишь невиннейших толь лютою виной.
Едва пред войском ты расстался с сей страной,
Вельможи многие, к злодейству видя средство
И только сильные отечества на бедство,
Гордыню, зависть, злость, мятеж ввели во град.
Жилище тишины преобратилось в ад.
Святая истина отселе удалилась.
Свобода, встрепетав, к паденью наклонилась.
Междуусобие со дерзостным челом
На трупах сограждан воздвигло смерти дом.
Стремяся весь народ быть пищей алчных вранов,
Сражался в бешенстве за выборы тиранов.
Весь Волхов, кровию дымящийся, кипел.
Плачевный Новград! ты спасения не зрел!
Почтенный Гостомысл, украшен сединами,
Лишася всех сынов под здешними стенами
И, плача не о них — о бедстве сограждан,
Един к отраде нам бессмертными был дан.
Он Рурика сего на помощь приглашает;
Его мечом он нам блаженство возвращает.
В то время, ле́тами и бедством изнурен,
Дни кончил Гостомысл, отрадой озарен,
Что мог отечества восстановить спокойство;
Но, отходя к богам, чтя Рурика геройство,
Народу завещал, да сохранит он власть,
Скончавшую его стенанья и напасть.
Народ наш, тронутый заслугой толь великой,
Поставил над собой спасителя владыкой.

Вадим

Владыкой! Рурика! Кого народ сей спас?
Пришед на помощь нам, что делал он для нас?
Он долг платил!.. Но коль его благодеянья
Казалися вам быть достойны воздаянья —

Иль должно было вам свободою платить
И рабство ваше в дар заслуге положить?
О души низкие! падущие под роком
И увлекаемы случайности потоком,
Ах! если б вы себя умели почитать!
Блажен бы Рурик был, когда б возмог он стать,
В порфире облечен, гражданам нашим равен:
Великим титлом сим между царей ввек славен,
Сей честью был бы он с избытком награжден.
Гласите: Гостомысл, геройством убежден,
Вам узы завещал, чтоб кончить ваше бедство.
Иль вольность сограждан была его наследство?
Иль мог он вас, равно как тех животных, дать,
Которых для себя всяк может обуздать?
Закрытый в гордости отечества любовью
И кровь соединя свою со царской кровью,
Под видом прекратить всеобщую напасть,
Он сыну дочери своей здесь отдал власть;
А я тому дам дочь мою единородну,
Имея душу кто не рабску, благородну,
Стремясь отечества к спасенью мне вослед
И жизни не щадя, всех смертных превзойдет.
Рамида та цена, котору предлагаю.
Тиранов враг — мой сын! .. К ней страсть я вашу знаю.
Вы знаете, ее прельщенны красотой,
Алкали чести быть цари в родстве со мной;
Но я пренебрегал приять тирана в сына
И, гражданин, хотел новградска гражданина.
Явите, имени сего достойны ль вы.
Иль, идола рабов воздвигнув на главы,
Меня, и честь, и всё ему предайте в жертву, —
Увидьте и мою вы дщерь сраженну, мертву.

Вигор

Чтобы достойным быть дражайшей толь руки,
Готов один презреть несметные полки,
Которыми престол свой Рурик утверждает.

Пренест

Колико счастия сего мой дух алкает
И сколько я мое отечество люблю, —
С оружием в руках я то тебе явлю.

Вигор

Клянусь Перуновым я именем священным,
Клянуся сердцем я, Рамидою прельщенным,
На всё дерзать.

Пренест

Прими ты клятву и мою.

Вадим

О, жар героев! Вас я ныне познаю!
Надежда вы граждан! отечества отрада!

(К военачальникам, с ним пришедшим)

Поборники мои! Оставим стены града
И, пользуясь еще остатком слабой тьмы,
В те дебри мрачные отсель отыдем мы,
Где ратники мои, победою венчанны,
Питая ярости стремленья несказанны,
Котору в них возжег отечества урон,
Решились умереть или низвергнуть трон.
Вигор к героям сим последует за нами,
Пренест останется здесь правити сердцами.
Ступайте.

Военачальники и Вигор уходят.

Явление 3

Вадим и Пренест.

Вадим

Я тебе вверяю нашу часть:
Потщись воспламенить к отечеству ту страсть,
Которая граждан героями творила,
Которую в сердцах держава затворила.
Что можешь чувствовать, дай чувствовать то им.
Сравняй себя, Пренест, с почтением моим.
Хоть в равный путь Вигор с тобою и стремится,
Но твой успех моим желаньем становится.
Блажен, когда, тебя обязан награждать,
К Рамиде возмогу твой пламень увенчать.

Пренест

И дочерью твоей прекрасною прельщенный,
И лестным мне твоим почтеньем восхищенный,
Стыжуся я, неся мою на жертву кровь,
Что жар к отечеству делит моя любовь.
И может быть, твое почтенье уменьшает
Награда, чем Вадим мне сердце утешает.
Верь мне, хотя всего превыше чту сей дар,
Но должности моей любви не вреден жар,
В котором всё мое я счастье обретаю.
И если к горести Рамидою я таю,
Хотя несклонна мне пребудет навсегда,
Несчастен быть могу, бесчестен — никогда!
Увидишь ты меня, надежды всей лишенна,
За общество в твой след геройский устремленна,
Как и с надеждою равно несуща грудь,
Пренебрегая жизнь, в кровавый славы путь.

Вадим

Сего надеюсь я, Пренеста сердце зная;
Но дочь Вадимову так мало почитая,
Почто ты думаешь ее несклонну зреть
И общества в тебе спасителя презреть?
В ней кровь моя: она не будет малодушна
И — только должности своей всегда послушна —
Те сердца слабости умеет обуздать,
Которы нега в нас удобна возрождать.
Воспитанныя мной, ты будешь в том свидетель,
Ей власть моя — закон, а счастье — добродетель.
Прости. Уж солнца луч, распространяя свет,
В дремучие леса меня отсель зовет.
Увы! когда уже здесь всё порабощенно,
Здесь нет отечества — оно всё там вмещенно,
Герои наши где, взносяся над судьбой,
Готовы умереть иль скиптр попрать ногой.

Пренест

Но дочь, не знающу Вадима возвращенья,
Почто узреть тебя лишаешь утешенья?

Вадим

Прибытие мое брегись открыть и ей:
Хоть горько для души родительской моей,

Что час свидания я с нею отдаляю,
Но я отечество себе предпочитаю.
Спешу устроить всё, чтобы в грядущу ночь,
Свободу здесь узрев, мою увидеть дочь.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 1

Рамида и Селена.

Селена

Се приближается тот час, тобой желанный,
В который твой отец, победою венчанный,
Вадим, прибытием обрадовав сей град,
Рамиде принесет с собою тьму отрад.
Узришь возлюбленна родителя, героя,
Который, общества спокойствие устроя,
Ко прекращению любезной дщери мук
Приходит из своих победоносных рук
Отдать ее в венце пылающему ею.
Уверена твоей чувствительной душею,
Твое величие не чту себе в урон.
Супруга Рурика, восшедшая на трон,
Надеюсь, для меня Рамидою пребудет
И дружества вовек Селены не забудет.

Рамида

Ты знаешь чувствия Рамидиной души.
Селена, ты меня сей дружбы не лиши,
Которая мое блаженство возвышает;
Она равно мой дух плененный утешает,
Как та бессмертная, неодолима страсть,
Без коей всякое мне счастие — напасть.
Верь мне: сей блеск венца, престола возвышенье
Для чувств Рамидиных презренно утешенье!

В корысти, в гордости я сердца не гублю.
Не князя в Рурике, я Рурика люблю.

Селена

Душою обладать героя ты достойна;
Но в ожидании твоих отрад спокойна,
Готовясь к счастью быть спряженной браком с ним,
Не огорчаешь ли предчувствием каким
Души, нежнейшею любовью упоенной?
Не вопиет ли глас свободы сокрушенной?
Не воображается ль великий твой отец
Во гневе, в ярости, зря царский здесь венец?

Рамида

Почто ж смущать мое блаженство сей напастью?
И что свобода вся пред Руриковой властью?
Верь мне, родитель сам, героя зря сего,
Свободу, гордость — всё забудет для него.
Возможно ль Рурика кому возненавидеть?
Чтоб обожать, его лишь надобно увидеть.
Своею вольностью лишенный всех отрад,
Не то ли чувствовал, что я, и весь сей град,
Как Рурик к нам привел торжественное войско.
Вообрази себе сие чело геройско,
Престол божественных его души доброт,
Надежду будущих властителя щедрот,
Те очи, молнией и кротостию полны,
Когда, смирив он здесь смятенья страшны волны,
Народ признательный привлек к своим ногам.
Коль может человек подобен быть богам,
Конечно, Рурик им единый только равен.
Воспомни ты, как он, победоносен, славен,
Доволен только тем, что нам благотворил,
В своей душе за то награду находил
И, мужеством прервав плачевны наши стоны,
Отрекся здешния завидной всем короны.
Тогда народ, страшась своих возврата бед,
Слезами орошал сего героя след.
В какие горести весь град сей погружался;
Казалося, нам час последний приближался.
Всему отечеству мой дух сотрепетал,
И с Руриком весь мир Рамидин погибал.

Ты видела то всё. Селена, ты бесстрастна.
Скажи: когда б тебе вселенная подвластна
С подобострастием у ног твоих была,
Иль власти б ты своей ему не отдала?
И мира к радости, против себя правдива,
Под властью Рурика ты как была б счастлива!

Селена

Сомнения в том нет, достоин власти он;
Но если б твой отец, которому здесь трон
Гражданских всяких бед несноснее казался,
Противу Рурика к несчастью ополчался;
Когда бы, не смотря на плачущую дщерь...

Рамида

От мысли сей мой дух трепещет и теперь.
Увы! коль мне судьба толико будет злобна,
Хоть скорби не снесу мученья бесподобна,
Колико Рурика я смертно ни люблю,
Умру, но должности моей не преступлю;
И, повинуяся родительской я власти,
У ног его мои окончу все напасти...
Но нет! почто, почто мне сердце разрывать
И грудь стенящую слезами обливать?
Чего не может быть — почто мне тем терзаться
И горестнейшим толь мечтаньем устрашаться?
Мы лютость от себя сих мыслей удалим.
Не может к Рурику питати злость Вадим,
Не может: и герой героя обожает.
Твое сомнение обоих унижает.
Во славе равные, что может их смутить?
Что может к зависти родителя склонить?
То свойство гнусное лишь подлых душ и черных,
Чтоб, зря достоинства на высотах безмерных
И быв бессильными до оных возлететь,
Во мрачности своей их блеска не терпеть.
А истинный герой, упитан светом славы,
Доволен сам собой, превыше сей отравы.
Но пусть Вадима бы встревожил здесь венец —
Иль мною Рурику не будет он отец?
Отвергнем тщетный страх и лютые толь мысли.
Селена, ты мои отрады все исчисли!

Но как возможно их себе вообразить!
Скажи, счастливее меня кто может быть?
Се Рурик шествует, и зрак его любезный
Являет, сколь твои сомненья бесполезны.

Явление 2

Рурик, Рамида, Селена, провожатые Руриковы.

Рурик

На быстрых крылиях уж те часы парят,
Которы счастие мое несут в сей град;
В которы твой отец, толь алчно жданный мною,
Во лаврах возвращен отечеству судьбою,
За все труды меня Рамидой наградит
И браком всё мое блаженство утвердит.
Вельможи и народ мне дали здесь корону
И, сердцем моему покорствуя закону,
Превыше вольности мою считают власть.
Велика честь сия; но мне была б напасть,
Когда бы ты меня от сердца отвергала
И трон украсить мой собою не желала.
Однако пламень мой к тебе каков ни лют,
Хоть жизнию не чту я горьких тех минут,
В которы, удален твоей красы, страдаю,
Я счастливым себя еще не почитаю,
Коль равной страстию Рамида не горя,
Мне счастье подает, свою в нем должность зря;
И за граждан своих, в награду их спасенья,
Хоть малые себе потерпит принужденья.
Чтоб словом чувствие мое изобразить,
Тобой — тебе одной хочу я должен быть.
Хоть прелести твои моей души питанье,
Хотя, лишась тебя, мне будет жизнь страданье,
Но горьку часть сию той части предпочту,
Чтоб, зря всегда твою в уныньи красоту,
Встречая с ужасом моей супруги взоры,
Всечасно находить смертельны в них укоры.
Притворства чуждому верь сердцу моему:
Стократ приятней мне терзаться самому,
Как, из тоски других извлекши люту радость,
Вкушати свойственну одним тиранам сладость.

Открой мне чувствие ты сердца твоего:
Не огорчаю ли хоть мало тем его,
Что жизни счастие в тебе одной включаю,
Что я в тебе себя с душою сочетаю?

Рамида

Как можешь, государь! ты то вообразить,
Чтобы Рамидин дух умел себя склонить
К притворству низкому без страсти принуждаться
И узам тягостным к мученью предаваться?
И что б, скажи, тому виною быть могло?
Или увенчанно короною чело?
Верь мне, когда бы кто вселенной на престоле,
Открывши гордости моей безмерно поле,
Венцами без числа глазам моим блистал
И за любовь мою власть мира отдавал,
Коль сердцем бы его Рамида не избрала,
Она бы скиптры с ним и троны презирала;
А если бы свою он призвал в помочь власть,
Умела б смертию отвергнуть я напасть.
Гражданку здешную, возросшую в свободе,
Не может удивить ничто во всей природе.
Подвластна лишь богам и моему отцу,
Всем сердцем я к тебе стремлюся, не к венцу.
Ты внемлешь глас души без лести, без искусства;
К притворствам никаким мои не сродны чувства;
И если б Рурика любить я не могла,
Я с откровенностью то равною б рекла,
Как и теперь мой дух прельщенный то вещает:
Коль Рурик счастье всё в моей любви включает,
Когда зависит то от сердца моего,
Так нет счастливее на свете никого.

Рурик

О, час драгой! моей всей жизни драгоценней!
Я вечно не вкушал отрады совершенней;
Внимая сладостным из уст твоих словам,
Завистна кажется моя судьба богам.
Уверен, восхищен признаньем вожделенным,
Я с сердцем, новою днесь жизнью укрепленным,
Иду, куда меня правленья долг зовет:
В нем Рурик бремени уж больше не найдет;

И сколь ни тягостны несметны попеченья,
Труды, прискорбия, душевны огорченья,
Которых требует монархов тяжка власть,
Мне будет счастием и самая напасть;
Хоть Рурик жизнь свою за твой народ утратит,
За всё единый взор Рамиды мне заплатит.

Явление 3

Вадим (сокрыт в одежде простого воина), Рамида, Селена.

Вадим

(в отдалении, не видя Рамиды)

Ужасная мое пронзила сердце весть!
О, дочь жестокая! Как то Вадиму снесть!
Рамида к Рурику любовию пылает...
Уже последнего меня тиран лишает...
Но се она...

Рамида

Тебя ль я зрю, родитель мой,
Герой! Позволь в твоих объятиях...

Вадим

(отвергая ее)

Постой.

Рамида

Что вижу?.. Ты моим восторгам отвечаешь
Презреньем!.. Или дочь твою пренебрегаешь?
Украшен лаврами, ее не познаешь
И в жертву гордости природу отдаешь?

Вадим

Несчастна! Если б я тебя возненавидел,
Я с равнодушием восторг бы твой увидел
И, ласки восприяв, тебя бы не отверг.
Но — о, несчастия неизмерима верх! —
Воззри и по сему познай прискорбну виду:
Гнушаясь, не могу я не любить Рамиду.

Рамида

Ах, каждая твоя ужаснейшая речь,
Вонзаясь в сердце мне, разит, как острый меч.
Чем винна я, скажи, возлюбленный родитель?
Что дух терзает твой, герой и победитель?
Открой мне, плачущей родителя у ног,
За что, лиша тебя, мой рок мне столько строг?
Чтоб сердцем ты опять к Рамиде обратился,
Что делать мне, скажи? .. Твой боле зрак смутился!
Гласи, повелевай — за отческу любовь
Мне должно ли в сей час пролить мою всю кровь?
Пролей! она твоя! возьми твой дар обратно!

Вадим

Глас должности твоей как слышать мне приятно!
Я, чувств родительских к тебе не истребя,
Не жизни требую, но чести от тебя.

Рамида

Что слышу? .. Или дочь твою подозреваешь? ..
Ты чести требуешь — или меня не знаешь?

Вадим

Не знаю... Ты, сама теперь в себя вошед,
Отрады полный мне дать можешь ли ответ:
Что, чести в правилах Вадима непременна,
Ты та же дочь моя, любезна и бесценна?
Блистая, как всегда, заразой красоты,
Рамиду прежнюю найдешь ли в сердце ты?

Рамида

Меня вопросами, как громом, изумляешь!
Ты судию в себе, а не отца являешь...
Богами и тобой самим я в том клянусь,
Что та ж Рамида я, что век не пременюсь;
Что дочь достойная Вадима, но несчастна;
Что чести правилам его всегда подвластна;
Что паче я всего родителя люблю;
Что я, не знав вины, ужасну казнь терплю.
Открой преступок мой!

Вадим

Ты страстию пылаешь
К носящу здесь венец, — а ты вины не знаешь!..
Быть может, клевета Рамиду тем мрачит?
Разруши весть сию, чем город сей звучит...
Ах, ежели меня неистина сразила;
Коль чувствия мои Рамида сохранила;
Коль враг мой — враг тебе в сиянии венца, —
Дерзай, любезна дочь! в объятия отца...
Несчастна! Плачешь ты, и грудь твоя томится.
Мое бесславие мне ясно становится!

Рамида

Когда порок — любить спасителя граждан,
Который от богов к отраде смертным дан;
Который, прекратя общественные стоны,
Отрекся здесь ему представленной короны;
Который, умолен народа током слез,
Небесны благости с собой на трон вознес;
Который, как отца, Вадима ожидает, —
Виновною себя Рамида почитает!
Достойна казни я. Вот грудь моя, пронзай!
Им сердце пленное на части растерзай.
Теряя с ним я всё — и небеса и землю, —
Удар смертельный твой за дар драгой приемлю.

Вадим

Обрушься на меня небес пресветлых твердь!
Ты просишь смерти — ты вкусить достойна смерть!
Злодейским пламенем и пагубным пылая,
Отцеубийца ты, меня во гроб вселяя;
Изменница! твое отечество предав,
И вольность сограждáн, и святость наших прав!
О ты, сообщница коварного тирана,
Которым с кротостью дана нам смертна рана!
Поди к нему, поди, скажи: твой здесь отец,
Что хочет он сорвать с главы его венец.
Да прúдет он свое предупредить паденье
И, сердце мне пронзя, скончать мое мученье.
Поди и меч направь злодея моего
На грудь родителя несчастна твоего,

И, смертию отца препон освобожденна,
Взойди на трон, моей ты кровью обагренна!..

Рамида

Постой, родитель мой! Ах, сжалься надо мной!
Твои укоры, вид толико грозный твой,
Твой гнев — то более мне смерти страх наносит,
Которой у тебя дочь бедна тщетно просит..:
Познай, родитель мой, познай в сей час меня:
Тебя достойна я, хоть мучуся, стеня...
Сей нежный огнь любви, мне толь приятный прежде,
Заслугой Рурика обманута в надежде,
Сей огнь, которым я питала жизнь мою,
Смертельно мучима, зря ненависть твою,
Сей лютый огнь — кляну и в нем порок мой вижу
И сердце слабое, терзаясь, ненавижу
За то, что я, стремясь в нем пламень потушить,
С сим пламенем должна и жизни свет гасить...
Оставь мне то, оставь, что, сердце открывая,
Кажу его, тебя лишь боле прогневляя;
Я искренностию родителю должна,
И помощь в горести несносной мне нужна.
Отца я в недра грусть смертельну проливаю,
Родителя к моей отраде призываю...
Отеческим воззри ты оком на меня
И пожалей о мне, несчастную виня.
Жалей — превозмогусь, явлюсь тебя достойна
И, волю соверша твою, умру спокойна.
Повелевай! меня послушну будешь зреть.

Вадим

Достойна ты меня, а хочешь умереть!
Кто? ты! Вадима дочь! и дочь свободна града!
Превозмогись, живи и будь моя отрада.
Клянись покорствовать во всем твоей судьбе.

Рамида

Клянусь!.. Чем быть могу подобна я тебе?

Вадим

Из сердца истребя жар гнусныя отравы,
Со мною шествуя ко храму вечной славы,
К тирану в ненависть любовь преобратить.

Рамида

Клянусь... хоть не могу сего я совершить...
Клянусь... коль должно мне... всечасно умирая,
Не зреть его вовек иль видеть, отвергая.

Вадим

Клянись, — чтоб мог я дочь мою во всем познать
И миру без стыда Рамиду показать, —
Клянись, что, одолев душ рабских страстну муку,
Из наших сограждáн тому отдашь ты руку,
За вольность общества кто паче всех герой
Покажет, что владеть достоин он тобой.
Клянись наградой быть тирана за паденье.

Рамида

Чего ты требуешь! Увы! сие мученье
Превыше сил моих! Иль мало жертвы той...

Вадим

Поди от глаз моих, исчезни предо мной!
Быть дочерью моей я способ предлагаю;
А ты... Нет, ты не дочь, и я тебя не знаю!
Храня любовь отца, я только что крушусь.

Рамида

Постой, родитель мой! Я всё свершить клянусь!
Коль мало лютых мук, которы предприемлю,
Ты вымысли еще...

Вадим

Я дочь мою объемлю!
Не плачь, умерь тоску, что грудь твою теснит.
Что может нас терзать, коль слава предстоит?

(Увидя Пренеста)

Пренест! отечества к спасенью есть ли виды?
Уже ль достоин ты руки моей Рамиды?

Явление 4

Вадим, Рамида, Пренест.

Пренест

Все чувства устремя тебе подобным быть
И, обществу служа, Рамиду заслужить,
Лишь только ты меня, спеша за град, оставил,
Тотчас мои стопы к вельможам я направил,
Которых гордый дух против венца роптал
И гнева молнию в молчании питал.
Собрав их, я им рек: «Се час тот наступает,
В который небо нам судьбу гражда́н вручает;
В который город наш, сей прежде царь царей,
Сие питалище великих толь мужей,
С свободой своего сияния лишенный,
Под игом скипетра позорно удрученный,
Возможет вознестись на высоту опять,
Чтоб Северу всему законы подавать.
Уже извне на трон направлены удары:
Уж с воинством Вадим принес тиранству кары.
Коль так же, как ему, противен вам венец,
Паденья своего не избежит гордец,
Который, нам дая вкушать соты коварства,
Нас клонит к горести самодержавна царства.
Великодушен днесь он, кроток, справедлив,
Но, укрепя свой трон, без страха горделив,
Коль чтит законы днесь, во всем равняясь с нами,
Законы после все и нас попрет ногами!
Проникнув в будуще вы мудростью своей,
Не усыпляйтеся блаженством власти сей:
Что в том, что Рурик сей героем быть родился, —
Какой герой в венце с пути не совратился?
Величья своего отравой упоен, —
Кто не был из царей в порфире развращен?
Самодержавие, повсюду бед содетель,
Вредит и самую чистейшу добродетель
И, невозбранные пути открыв страстям,
Дает свободу быть тиранами царям.
Воззрите на владык вы всяких царств и веков,
Их власть — есть власть богов, а слабость — человеков!»
Потом, чтоб яростны против лучей венца

И паче раздражить их гордые сердца,
Изобразил я им народов страшны бедства:
Те самовластия плачевны, люты следства,
Вокруг которого с кадильницею лесть,
Бесстудно принося богам пристойну честь,
Преступников в венцах с бессмертными равняет
И кровью подданных на тронах упояет.
Гнев боле пламеня моих чертами слов, —
«Представьте, — я сказал, — вы смертных сих богов,
В надменности свою законом чтущих волю,
По гнусным прихотям влекущих нашу долю
И первенство дая рабам своих страстей, —
Пред ними тот велик, кто паче всех злодей.
Дождемся ли и мы такой ужасной части,
Когда властитель наш, в своей спокоен власти,
Личину хитрости со горда сняв лица,
Явит чудовище под блесками венца?
Всечасно окружен свирепостью и страхом,
Подножья своего считать нас будет прахом
И, присвояя плод трудов несметных лет,
Отнимет всё у нас — и даже солнца свет,
Чтоб подлость наградить своих льстецов прегнусных.
Уж есть событие таких предвестий грустных:
Его варягами наполнен весь наш град;
Уж с нами становя своих рабов он в ряд,
Остатки вольности и наших прав отъемлет;
А ваш великий дух на крае бездны дремлет!
Проснитесь!..» Вдруг их вопль остановил мой глас:
«Идем пронзити грудь тирану сей же час!»
Их рвенье описать я сколько б ни старался,
Как мрак пред пламенем глагол бы мой казался.
И как изобразить движенье сих мужей,
Сих ненавистников и рабства и царей;
Их слезы на очах от гнева и позора,
Летящи молнии от яростного взора,
Багряность мрачных лиц, сей образ грозных туч,
Из коих вольности блистал надежный луч
И неминуемо тираново паденье.
Впоследок, пременя свой гнев во исступленье,
Забыв опасности и все исторгнув меч,
Стремятся тот же час злодея дни пресечь!
«Друзья, — сказал я им, — безвременно геройство,

Отъемля плод, не есть сердец великих свойство.
Что в том, коль, вашу днесь погибель вы презрев,
Повергнете себя в разверстый смерти зев?
Не крови вашея отечество желает:
Оно от ваших рук спасенья ожидает.
Великим толь делам нам должно дать созреть;
В грядущу ночь у стен Вадима будем зреть;
В грядущу ночь врата отворим мы герою,
А с ним ведущему свободу нашу строю».
По сем, как вихрями смущенна бездна вод,
Стремленью ярости почувствовав оплот,
Стесненная кипит, ревет и тщетно рвется,
Таков героев сонм во гневе остается
И просит солнце путь свой ясный сократить,
Чтоб мрак привел тот час, в который им разить.

При сих словах выходит Вигор.

Вадим

Сего я ожидал, героев наших зная
И добродетели Пренеста почитая.

(Указывая на дочь)

Се воздаяние, венец трудов твоих.

Пренест

Судьба моя теперь в ее устах драгих,
Не смею сча́стливым дотоле я назваться.

Рамида

Мой долг родителю во всем повиноваться.

(Уходит.)

Явление 5

Вадим, Пренест, Вигор.

Вигор

(в сторону)

Что слышу? Верить ли мне чувствиям моим? . .

(К Вадиму)

Смятенно воинство отсутствием твоим. . .

Вадим

Иду.

(К Пренесту)

Свершай всё так, как начато тобою!

Явление 6

Вигор
(один)

Итак, я был, о, рок, коварства их игрою!
Спасенью общества назначенна цена —
Пренесту, а не мне Рамида отдана.
Что сделал сей Пренест? Вадим, какая слава,
Какой успех ему дает отменны права?
Почто тобою так я люто поражен?
Но тщетно быть Вигор не может унижен,
И если должно мне лишитися Рамиды...
Вострепещи, творя столь смертны мне обиды!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТИЕ

Явление 1

Рамида и Селена.

Селена

Горчайших слез твоих потоки осуши,
Не погружай твоей в отчаянье души.

Рамида

Селена! всё мое почувствуй ты терзанье!
О, доля лютая! о, страшно состоянье!
О, долг, долг варварский! мне должно жизнь хранить
И не для Рурика, а для иного жить.
Мне должно, как врага, того возненавидеть,
В ком дух плененный мой привык блаженство видеть. .
Его всечасно зреть, его любви внимать,
Взаимно нежностью за нежность воздавать —
В том находила я, надеждой ослепленна,
Чего не может мне отдать и вся вселенна. . .
Возлюбленный! в сей день предвидеть я могла ль,
Что я, смертельную во сердце скрыв печаль,
Которо без тебя не может утешаться,
И зреть тебя должна я буду ужасаться;
Что, душу зря мою в тебе, — о, грозный рок! —
Нежнейшу страсть должна считати за порок
И что, — о, верх злых мук, не слыханных и в аде! —
Злодейству мздою став в неблагодарном граде,
Должна — о, страх! — я с тем себя соединить,
Кто меч свой должен в грудь дражайшую вонзить! . .

Одна отрада — смерть в несносном толь мученье;
Но отнято и то несчастных утешенье;
Пристанища сего лишает рок меня;
Умрети не могу, отцу не изменя.
Селена! ты меня, отверженную, сиру
И не привязанну ничем уж боле к миру,
Под игом должности лиющу токи слез,
Оставленну отцом, забыту от небес,
Не оставляй в сии жестокие минуты!
Когда и смертные ко мне, и боги люты,
Во дружбе лишь твоей отрада вся моя.
Недолго отягчать Селену стану я;
Недолго! .. И, души я в Рурике лишенна,
Уже вкушаю смерть, с собою разлученна.

Селена

На дружбу ты мою надежду возлагай;
Исполнит всё она, лишь только пожелай.
Мне должно ль, Рурику открыв твое мученье
И твоего отца порочно ополченье,
Явити все ему опасности его?

Рамида

Желаю смерти я, и боле ничего!
Ты хочешь, чтобы я, дочь люта и порочна,
Страдая от того, что страсть моя беспрочна,
Против родителя изменой воружась,
Отраду обрела, к злодейству преклонясь.
Нет! над собой не дам я року столько власти;
Умру в мучениях, не заслужа напасти.
Я не бесчестия от дружества ищу:
Той помощи одной, Селена, я хощу,
Чтоб стоны ты мои смертельны воспримала,
Чтоб состраданием ты муки облегчала
И чтоб, как смерть прервет несчастну жизнь сию,
Явила б Рурику невинность всю мою.

Селена

Се Рурик шествует.

Рамида

Мой дух изнемогает!
Сокроемся.

Явление 2

Рамида, Селена, Рурик и Извед.

Рурик

Меня Рамида убегает!
То зря, поверить я могу ль моим глазам?
Когда касаюся тем радостным часам,
В которы принесет отец твой в здешни стены
Блаженство всё мое... Какие зрю премены?..
Ты отвращаешь взор, трепещуща, бледна!..
Ты знаешь, счастье всё мое лишь ты одна...
Или ты быть могла против меня коварна?..
Спасенье твоего народа благодарна,
Друг верный общества, герой наш, твой отец,
Всё то, что свято нам, и боги, наконец,
Могли б способствовать моей любви обетам;
Но сердца не стремил к священным толь предметам:
То было бы ничто без сердца твоего...
Дражайших слово уст превыше мне всего;
Сим словом от тебя я в счастии уверен,
Считал увенчанным мой жар к тебе безмерен,
И зная, что в сей день отец твой внидет в град,
Для ускорения души моей отрад
Ко брачну торжеству уж всё теперь готово.
Ты повтори еще дражайшее то слово,
С которым так в сей час несходен стал твой зрак,
Преобращая мне свет солнца в смертный мрак;
Ты любишь ли меня, как прежде уверяла?
Иль, чтоб лютей сразить, надежду подавала?

Рамида

Оставь к несчастию рожденную на свет,
Будь счастлив без меня, иного средства нет.

Рурик

Что слышу? Сча́стливым мне быть повелеваешь,
А сердце из меня, жестока! исторгаешь.
Могу ли без тебя я душу ощущать?
Тебя лишенного чем может свет прельщать?
Рамиду потеряв, что наградит утрату?
За нежность всю мою готовишь гроб в отплату!

Рамида

Коль дочь Вадимова, стеняща и слаба,
Возможет, мучася, не быть страстей раба, —
Такой, как ты, герой, дав счастие народу,
Удобен возвратить души своей свободу.

Рурик

Какой ужаснейший из уст драгих совет;
Речь каждая твоя, как буря, дух мятет;
Колеблются в глазах затменных здешни стены,
Поняти не могу незапной толь премены...
О, страшна мысль! иной тебя возмог тронуть?
Свершай свирепости, пронзая верну грудь!

Рамида

О, мысль смертельная! сему ты можешь верить,
Что может пред тобой Рамида лицемерить,
Что может свет сносить и жить не для тебя?..
Ах, что я делаю?.. Рассудок погубя,
Стремлю смятенный дух в сладчайше исступленье.
Всё то, что льстило мне, всё стало преступленье.
Могу ль я то сказать?.. О, рок, о, грозный рок!..
Мне даже зреть тебя ужаснейший порок!

Явление 3

Рурик, Извед.

Рурик

Скрывается! А я, как небом пораженный,
Недвижим, громовым ударом изумленный,
В окаменении, все чувства истребя,
Не вижу ничего, не помню сам себя.
Рамида ль здесь была? Она ли мне вещала?
Иль злейшая мечта во сне мой дух смущала?
Рамида то была: всё было наяву;
А тщетно из ее оков я сердце рву.

Извед

Отвергни страсть, тебя котора унижает,
Тебя, которого весь Новград обожает,

Которому за труд — бессмертна слава мзда!
Не допусти себя унизить до стыда,
Чтоб для совместника, и мрачна и презренна,
Рамидою себя узреть отриновенна.

Рурик

Могу ль я сей удар смертельный перенесть?
Иль может до того ее гнусна быть лесть,
Чтобы, закрыв себя ко мне нежнейшей страстью,
Ругатися моей священнейшею властью
И чтобы гордости того меня предать,
Не стоит, может быть, кто и на свет взирать!
Искореню любви из сердца всю отраву.
Мне должно сохранить приобретенну славу,
И не любовником — монархом здесь пребыть,
И имя даже сей Рамиды позабыть;
Мне должно одолеть толь гнусное терзанье...
Но, ах! почто ж сей стон, сей плач и воздыханье?
Прерванны речи те и то смятенье слов?
Почто бы всё сие, когда бы не любовь?
Есть тайна некая, что сердце ей снедает;
А тайны сей со мной она не разделяет.

(К Изведу)

Окончи смерть мою, удар свой доверши!
Остатка моея лишай меня души!
Надежду всю мою отъемли ты, жестокий!
И ядом наполняй те раны преглубоки,
Которы к горести Рамидой мне даны!
Кто дерзкий враг, кем дни мои отравлены?
Кто сердце у меня Рамиды похищает?

Извед

Когда властитель мой мне то повелевает,
Открыть я должен...

Рурик

Нет! Я ведать не хощу;
Я сам себя страшусь; восторгов трепещу,
Которы, возмутя мой дух, ослабший в страсти,
Подвигнут к низостям, позорным царской власти,

И, устремив меня отмщать подвластну мне,
Представят Рурика тираном в сей стране.
Коль должно мучиться — страдать один я стану;
Но, скрыв от глаз мою смертельну в сердце рану,
Моим губителям я не подам отрад,
Чтоб, мной спасен, — меня возненавидел град.
Всечасно самому себе пребыв я равен,
Хотя несчастен я, остануся ввек славен;
И, благостями скрыв стенящую любовь,
Коль подлые сердца презренных мной врагов
Удобны мукою моею утешаться,
С их подлостью твой князь не хочет уравняться.

Извед

Се мысль, достойная возвышенных на трон.
Возможет кто своим давать страстям закон,
Кто сердце средь их волн, как камень, утверждает,
Тот смертными один достойно обладает!
Один достоин он бессмертных представлять
И их владычество в порфире разделять.

При сих словах вдали показывается Пренест.

Уверен, что твой дух, в волнении спокоен,
Не будет твоего величья недостоин.
Чтоб сердце страстно мог ты легче исцелить,
Я должен низкого совместника открыть.

(Указывая на Пренеста)

Се он, ничтожный враг спокойствия царева!
Спасителя сих стран достоин ли он гнева?

Рурик

Пренест!.. О небеса, скрепите вы мой дух!

Извед

По граду носится о том повсюду слух,
Что с сердцем отдает ему Рамида руку.

Рурик

Мне должно подтвердить мою несносну муку!

Явление 4

Рурик, Пренест, Извел

Рурик

(Пренесту)

Приближься ты ко мне, счастливый гражданин!
Хоть к страху множество имеешь ты причин,
Хоть должен пред твоим владыкой содрогаться,
Но ты без трепета возможешь мне признаться.
Вещай без ужаса.

Пренест

(в сторону)

Открылось всё теперь!

(К Рурику)

Порывы гордости властителя умерь!
Могу ль твоею быть я злобой востревожен? —
Кому не страшна смерть, пред тем твой скиптр ничтожен!

Рурик

По чувствам ты твоим судя и о моих,
Уж казни смертные ты мыслишь видеть в них.
Когда б владел Пренест — к тому б он был удобен;
Но Рурик может ли Пренесту быть подобен?
Напрасно ты на смерть готовишься дерзать,
И скипетр тщетно мой ты смеешь презирать.
Ты с горделивостью твою вину являешь,
Чтоб раздражить меня, — но ты не раздражаешь.
Ко гневу на тебя я скиптр не преклоню
И, страсти следуя, себе не изменю.
Спокоен пред тобой, что ты мой враг, я знаю —
И, зная всё, тебя с Рамидой презираю.

Пренест

Коль есть толь низкие среди граждан сердца,
Которы, ослепясь блистанием венца,
Вкруг трона ползая, корыстью уловленны,
Открыли подвиги героев сокровенны
И продали тебе отечество и честь,
Не думай, чтобы я, закрывся в робку лесть,

В изгибах гнусной лжи возмог бы пресмыкаться
И, что я враг тебе, от чести отрицаться:
Славней за общество с Вадимом умереть,
Как ради милостей твоих свет солнца зреть!

Рурик

(в сторону)

Что слышу! люта весть!

Пренест

Твой трон стоит над бездной!
Отмщай, коль хочешь ты, мне казнью бесполезной;
Но знай, когда себя желаешь сохранить,
Сражай весь град, чтоб всех героев истребить;
Владей над мертвыми — или сойди со трона.

Рурик

Твои угрозы мне не могут быть препона
Ко счастью вашего народа обладать.
На то ль я спас сей град, чтобы его предать
Вельможам-гордецам, мятежным и крамольным,
Тем только властию моею недовольным,
Что их я обуздал народу зло творить
И в мнимой вольности свое тиранство крыть?
Вы скиптр мне дали здесь к скончанию напасти,
И скипетр сей отнять не в вашей боле власти.
На добродетели престол мой утвержден;
Зрю ясно я, что он богами покровен:
Они, твой дух в сей час повергнув в заблужденье,
Сокрыто от меня явили преступленье;
И сам ты изменил сообщникам твоим;
Да вострепещут все, и даже сам Вадим!

Явление 5

Пренест

(один)

Что сделал я? Его вопросами смятенный,
Дал видеть на него Вадимов меч взнесенный
И на составленный героев заговор
Я просветил его покрытый мраком взор.
Горя любовию к Рамиде он прелестной,

Он только знал, что я... Но кто же тот бесчестный,
Который мог открыть?.. Вигор, совместник мой,
Он, мукой ревности тесним, яд пролил свой
И, ведая ко мне Вадима предпочтенье,
Путем коварств одних стремился в отомщенье.
Се он...

Явление 6

Пренест, Вигор.

Пренест

Скажи, кто мог тирану то внушить,
Что возмогу его Рамиды я лишить?
Не ты ль, ее отца познав ко мне пристрастье,
Поверг его, меня и общество в несчастье,
И ревностью твоей...

Вигор

Не я.

Пренест

В сердцах у нас
Священна тайна та от прочих скрыта глаз.
Могу ли обратить сомненье на иного,
И чем уверишь ты?

Вигор

Не я. Довольно слова
Ко оправданию всей чести моея.
Россиянин — таков, как ты, таков, как я, —
Коль слово изречет, должны и боги верить!
Единые рабы удобны лицемерить.
В сомнении твоем прощаю я тебя:
Ты, мысля, что я подл, унизил сам себя.
Хотя в тебе врага счастлива ненавижу,
Но подлостью себя во гневе не обижу.
Дабы совместника счастлива истребить,
Так много я себя не возмогу забыть,
Чтоб, уклоня мой дух ко гнусну наущенью,
Через тирана злость достигнуть к отомщенью,
И, пресмыкаяся толь мерзко, как змия,
Не скрою ненависть мою цветами я.

Тобой лишаяся Рамиды, смертно стражду;
Я враг тебе, и кровь твою пролить я жажду;
Но нас отечество его спасти зовет —
И вот, Пренест, теперь единый мой предмет!
Один тиран мое отмщенье привлекает.
Мою напасть — напасть народа помрачает.
Но после, как здесь трон — свободы нашей
страх —
Низвержен, сокрушен, преобратится в прах,
Когда отрадныя луч вольности проглянет,
Тогда Вигор тебе твоим врагом предстанет
И жить кому из нас — оружие решит!

Пренест

(уходит)

Стремленье грозно толь меня не устрашит.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Явление 1

Рурик, Извед.

Извед

Злодейски умыслы уж все теперь открыты,
И видны вкруг тебя все пропасти изрыты.
Хоть гордый сей Пренест из гра́дских стен исчез
И таинство с собой злодействия унес,
Но мной уловлены здесь воины Вадима.
Толпа злодеев сих, под стражею хранима,
Призналася во всем, открыла лютый нож,
Который ненависть готовила вельмож
На грудь спасителя сего мятежна града.
Исполненных к тебе свирепейшего яда
Я знаю имена...

Рурик

Я знать их не хощу.
Не зря изменников, измену отвращу.
Что нужды ведать мне, кто гнусен предо мною:
Которою их спас — спасусь я той рукою;
Как начал, шествуя всегда путем прямым,
Народу покажу — кто я и кто Вадим.
Знать всех предателей — то робости призна́ки.
Да скроют подлость их забвенья вечны мраки;

Презренны мной, во мгле преступка своего,
Неудостоенны и гнева моего,
Незримы в гордости, котору восприяли,
Да упадут во прах, отколь главу подъяли!
Коль боги поразят Вадима сей рукой,
Исчезнут все, сих стран смущающи покой!..
Поди и уготовь моих варягов к брани;
Пойдем, под сению богов бессмертной длани,
Не трон мой — истину святую защищать...
О вы, могущие всечасно проницать
Сквозь за́весу притворств сердец в изгибы темны;
О вы, которыми и пропасти подземны
Толь ясно видимы, как светлы небеса;
На дух мой обратя вы ваши очеса,
Узрите, боги, как я сердце разрываю,
Что кровь гражда́н пролить по долгу приступаю.

(К Изведу)

Свободу воинам Вадима возврати;
Моей щедротою за злобу заплати;
Чтобы, представ пред ним, явили то герою,
Что дружбы я его, не злости гнусной стою;
Но, не страшась его, стремлюся отразить
Удар, которым мне дерзает он грозить.

Извед

Щедрота ко врагам их гордость воздымает;
Великодушие нам бедственно бывает...
И стоит ли Вадим почтенья твоего?

Рурик

Когда не стоит он, достоин я того.
Новградцам, в гордости своей жестокосердым,
Сим вредной вольности защитникам толь твердым,
Могу я показать примером чувств моих,
Что добродетель есть стократ превыше их.
Поди и кротости моей исполни волю.
Я прав — и небесам мою вручаю долю!

Явление 2

Рурик

(один)

Над пропастями здесь мой трон постановлен;
За благости мои я злобой окружен,
И сердце горестью мое всечасно сжато.
Се участи владык, свой долг хранящих свято:
Всечасно мучася, отрады не видать.
Не стоят смертные, чтоб ими обладать;
Благотворителям содетели мученья —
Не стоят никогда они благотворенья!..
Стыдися мысли сей, возвышенный на трон!
Когда властители в сиянии корон
Величия богов подобие неложно,
Сравняться должно им и духом непреложно.
Хоть слабы смертные погружены в порок,
Хоть сами, тяготя в безумии свой рок,
Неблагодарностью гром неба привлекают,
Но боги солнечным лучом на них блистают;
В дарах природы всей вселенной ставя пир,
На злобу не смотря, лиют щедроты в мир.

Явление 3

Рурик, Рамида.

Рамида

Встревожен город весь — я паче всех смущенна!
Хладеет кровь во мне, вся к сердцу обращенна.
Теснится грудь моя, и меркнет солнца свет.
Восставшу бурю зрю, пристанища мне нет...
Уж к сердцу твоему не смею обратиться;
Рамида бедная уж тем не может льститься;
Уже трепещуща пред взором я твоим,
Я как преступница пред судией моим...
Но боги зрят...

Рурик

Почто такое дерзновенье?
Страшись бессмертных звать на
клятвопреступленье!
Или ты, искренность стремяся мне явить,

В прерванну сеть меня ты хочешь уловить?
Не мысли, чтобы я, подобно как и прежде,
Унижен, ослеплен, в постыдной мне надежде,
Притворства все твои во сердце воспримал,
Которыми твой дух так люто мной играл,
И, продолжая млеть пред взорами твоими,
Злодею моему был жертвован я ими.
Открылось всё теперь, и те прошли часы,
В которые твои неверные красы
Плененный дух тобой всечасно наполняли
И мне в тебе одной всё счастие являли.
Не льстися боле тем и в гордости твоей
Не ожидай, чтобы горчайших слез ручей
У ног твоих лия, страны сея властитель
Был милостей любви презреннейший проситель;
Или чтоб, ревностью я в ярость приведен,
То сердце б отнимал, которым я презрен.
Укоры, жалобы и нежны исступленья,
Восторги ревности, сердечны изъясненья,
Те стоны горести, порывы гнева те,
Которы лестны так надменной красоте,
Суть сердца моего чувствительного ниже.
Верь, что бы ни терпел, но я стократно ближе
Умреть, как слабостям моим свободу дать
Презревшую меня сим средством привлекать.
Чего б ни стоило, но сердце уж решилось
Неверную забыть — и всё теперь свершилось;
Свершилось всё; уже твоей избавлен лести,
Превыше мук любви, превыше низкой мести,
Себя умею я толико почитать,
Чтоб, сердце одолев, его иной отдать.
Иная моея любви познает цену;
Иная за твою заплатит мне измену;
Иные прелести твои красы затмят
И тщетный жар к тебе из сердца истребят.
Будь счастлива ты тем, кем пламенно пылаешь,
Иною счастлив я... Ты слезы проливаешь,
Рамида!

Рамида

Ты, судьба, лишив меня всего,
К усугублению свирепства твоего

Мою невинность тьмой порока помрачила
И утешения последнего лишила:
Когда для Рурика воспрещено мне жить,
Во гробе Руриком оплаканною быть!

Рурик

Ты плачешь, и умреть, Рамида, ты желаешь;
А сердце ты твое так люто отторгаешь
От сердца моего, живущего тобой.
Коль слезы искренность лиет передо мной —
Оставь, Рамида, я не должен сомневаться,
Не можешь лестию ты гнусной унижаться, —
Оставь мне, если тем тебя я оскорблял,
Что хладность горькую мой дух тебе являл.
Оставь! я, сам себя в досаде ослепляя,
Быть чаял исцелен, смерть в сердце заключая.
Не верь, не верь словам отчаянной любви
И токи, из очей лиющися, прерви.
Кто? я? чтоб я престал тебя любить, Рамида!
Лишиться твоего возлюбленного вида
Иль света солнечна не зреть мне — то равно;
Мне сердце для тебя единой лишь дано.
Мой пламень никогда, ничем не истребится.
Коль любишь ты меня, пусть твой отец стремится
Взнесенный на меня низринуть свой удар;
Ко дщери я его храня во сердце жар,
Несправедливости его опровергая,
Умру иль побежду, Рамиду обожая.

Рамида

О, клятвы страшные, которых я раба!
О, долг, о, лютый долг! о, грозная судьба!
Лишенна всякой я надежды и отрады:
Неодолимые меж нами суть преграды!

Рурик

Преграды?..

Рамида

Если мой отец падет тобой
(Великих чувство душ ты ведаешь, герой!),
Дочь сверженна врага, могу ли быть твоею?

И если слабостью оплаканный моею,
Изгнанный ты из сих печалью полных стен
Пребудешь от меня навеки удален,
Могу ли быть твоей? Назначенна ценою
Иному...

Рурик

Ежели неправедной судьбою
Определенно мне на поле брани пасть,
Паду — но мертв, и вся моя свершится часть.
Когда ж победу мне дадут бессмертны боги,
Иль чувствия отца, несправедливо строги,
Во сердце восприяв и дух преобразя,
За всю мою любовь мне томну грудь разя,
Возможешь слепо ты ему повиноваться?

Рамида

О том ты можешь ли хоть мало сомневаться?
Привыкнув власть отца священной почитать,
Мой долг, исполнив всё, в молчании страдать
И, пренося мое без ропота мученье,
В несчастии ему соделать утешенье.
Расстаться мне с тобой — пусть жизни стоит то,
Но — дар отца — пред ним мне жизнь моя ничто!
Глубоко заключа мою я в сердце муку,
Иному я отдам трепещущую руку
И совершу отцом желанный лютый брак.

Рурик

И се любви твоей ко мне неложный знак!
Не чувствовала ты любви ко мне нимало,
Притворства твоего то было покрывало,
Чем нежну страсть мою мрачила ты в сей час,
Те стоны, слезы те твоих коварных глаз —
Завеса лишь одна твоей к иному страсти,
К Пренесту гордому, моей злодею власти.

Рамида

Могла б я, низкие сомнения презрев
И сей — которого превыше я — твой гнев,
В молчаньи удалясь, без ропота, спокойно,

Пренебрежением ответствовать достойно;
Но время дорого: познай, что средство есть,
Коль любишь ты меня, прервать Вадима месть
И дружбы у́злом с ним тебе соединиться.
Мы счастливы, когда ты можешь согласиться.

Рурик

Коль должно, я всю кровь мою пролить готов.

Рамида

Герой, спаситель наш — не выше ль ты венцов,
Чем украшаются цари обыкновенны
И кои истинным героем суть презренны?..
Гражданка, приучась я равенство любить,
Обманываюся сим чувством, может быть,
Что властолюбие величию бесчестно
И что с мучительством одним оно совместно.
Не верю, чтоб твой дух быть мог властолюбив.
Остави ту мечту, чем, гордость оскорбив,
Ты злобу на себя отвсюду привлекаешь
И чем себя навек с Рамидой разлучаешь.
Зря цену всю себе во сердце лишь твоем,
Не в бренных пышностях, довольствуйся ты тем,
Что ты достоин быть на небесах с богами;
Всем равный гражданин, попри венец ногами
И, бурей окружен, разруши сей престол —
Жилище горестей и бездну страшных зол.

Рурик

То поздно! — Знаешь ты, как трон уважен мною.
Ты помнишь, как сей град, прельщенный тишиною
По грозных бурях, я которы укротил,
За счастие свое престолом мне платил;
Отверг я власть тогда — и мог отвергнуть
с славой:
Велико пренебречь величие с державой!
Но после, как народ с стенаньем, с током слез
Моления свои к ногам моим принес,
Страшась опять нести мной сверженную тягость,
Принудил в долг мою преобратиться благость.
Как счастья общего залогом мой венец,
И стала власть моя отрадою сердец,

Сколь гнусно, зря мечи против меня мятежны,
Низвергнуть всё опять в напасти неизбежны.
Коль прежде честь снискал, отрекшись власти я,
Унизился б теперь я, право отдая,
В сердцах твоих граждáн начертанно любовью;
Я должен защитить его моею кровью!
Владея, как отец, я должен жизнь презреть;
Достойней я иных на троне умереть.
Не привлекай меня ты к низостям толиким!
Чтобы мне другом быть с отцом твоим великим,
Не подлость средство, нет! — Рамида, ты сама,
Когда б исчезла тем напастей наших тьма,
Пред светом бы меня увидя постыженна,
Любя достойного, презрела б униженна.
На лаврах взросшая, героя славна дщерь,
Меж чести и любви будь судия теперь!

Рамида

Я чувствую твой долг, как горько ни стонаю;
Я, плача, не тебя, но рок мой обвиняю!
Могу ль порочить то, что, честь твою храня,
Ты славе жертвуешь несчастную меня.
Виновна в том моей судьбины непреложность!
Почувствуй же и ты мою священну должность
И, чести следуя, не воспрещай мне в том!
Любя меня, отцу ты должен быть врагом,
И я, тебя любя, как в горести ни млею,
Чтя честь равно тебе, не буду я твоею.
Жар нежный во вражду стараясь пременить,
Хотя не возмогу я сердце покорить,
Но должности моей могу повиноваться,
Тебя лишась, всяк час с душою расставаться.

Рурик

О, грозная судьба!

Рамида

О, часть, смертельна часть!

Рурик

В сей день предвидел ли толь лютую напасть,
От сердца твоего я счастья ожидая?..

Рамида

На сердце я твоем надежду утверждая,
Заслугой к обществу твоей себя маня,
Могла ль я предузнать, что лютый рок меня
Близ края счастия низвергнет смерти в бездны!

Рурик

Погибло всё для нас!

Рамида

О, стоны бесполезны!

Явление 4

Рурик, Рамида, Извед.

Извед

Спеши, о государь! уж воинством Вадим,
Быть чая в гордости своей непобедим,
Поля у здешних стен в сей час обременяет.

Рурик

Иду, куда меня долг лютый призывает!

(К Рамиде)

Иду, лишась тебя, тебя достойным быть,
То помня — что монарх, любовника забыть
И, обществу моей пожертвовав отрадой,
Мученье вечное иль смерть принять наградой!
Коль чести на пути сужден я мертв упасть,
Воспомнив бы мою к тебе толь нежну страсть,
В награду мне за то, узрев меня во гробе,
Соделавша конец отца жестокой злобе,
Слезами ты мой гроб драгими удостой
И стоном тень мою печальну успокой.

Рамида

Свершив к отцу мои я должности жестоки,
Не слезы по тебе пролью, но крови токи!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Явление 1

Рамида
(одна)

Уж люта брань кипит и кровь течет рекой.
И Рурик, и Вадим убийственной рукой
Друг в друге жизнь мою в сей час отнять стремятся.
На то ль герои вы, чтоб только истребляться?..
О, как несчастна я! любовник и отец —
Дражайши имена для ча́стливых сердец,
А мне, а мне и вы источники страданий!..
В пучине горестей, смятений, колебаний
Мой дух трепещущий, обоих вас любя,
В сей час желал бы сам убегнуть от себя...
Я в горести от всех оставлена, забыта,
И ты, Селена, ты от глаз моих сокрыта,
Не при́дешь смертну грусть со мною разделить
И дружеством тоску смертельну утолить!..
Увы! в сей страшный час сама себе я в тягость...
Могу ли умолить, бессмертны, вашу благость,
Могу ли к жалости вас, боги, преклонить,
Чтоб, жизнь мою прервав, то время упредить,
Когда, поражена я брани окончаньем,
Или отца моим прогневаю стенаньем,
Иль в лаврах Рурика со ужасом узрю.
Когда противным вам я пламенем горю,
Разите, боги, грудь несчастием порочну,
Исторгните с душой сию любовь беспрочну...
Но звук пронзает слух!.. Свершилось всё!.. О, страх!
Колеблется земля, и меркнет свет в глазах!..

Явление

Вадим (обезоруженный, с толпою пленников, в провожании стражи из Руриковых воинов), Рамида.

Рамида

Тебя ли вижу я, возлюбленный родитель?

Вадим

Увял мой лавр, увы, и Рурик победитель!
О, стыд! низвержен я в оковы наконец...
Невольник Руриков — Рамиде не отец!
Поди, не умножай моей тоски ужасной!..
О солнце! помрачи твой луч, иным прекрасный,
А ненавистный мне и злейший вечной тьмы!
Свершилось всё теперь, рабами стали мы!..
Рабами?.. Нет! Вадим превыше сей напасти!
Вселенну, боги, вы, вратя по вашей власти,
Возможете весь мир тиранам предавать
И счастью и себя слепому подвергать;
Злодеям ска́стливым пусть всё порабощенно, —
Но сердце из того Вадима исключенно.
Не можете души моей поколебать
И, громом воружась, властителя мне дать...
Чего ж я жду?.. О дщерь, несчастна и любезна!
Когда отечеству жизнь наша бесполезна,
Став праздными его свидетельми оков,
Нам ползать ли в толпе тирановых рабов?..
Ты плачешь, горестью моею пораженна?
Не плачь! утеха есть несчастным откровенна.
Она для робких душ ужасна и горька,
Великодушию приятна и сладка:
Не быть, престать сей свет — тиранов жертву — видеть;
Смерть — благо, ежели жизнь должно ненавидеть!
Умрем, уклонимся от подлости и злоб,
В одно несча́стливым убежище — гроб!
Умрем!.. Но что? О, рок!.. Я жизни ненавижу,
А средства и умреть несчастный я не вижу.
С мечом последней сей надежды я лишен!

(К Рамиде)

О ты, в которой дух мой должен быть внушен,
О дочь отечества, упавшего со мною!

Когда почтен равно в несчастьи я тобою,
Коль в узах я тебе, как в лаврах был, отец —
Соделай бедствиям ты нашим всем конец,
Желанной смерти мне орудие достави
И от позора жить себя со мной избави!
Лети на крылиях и ускори принесть,
Чем должно в сей же час избавить нашу честь
От зренья лютого врага победоносна!..
Трепещешь!.. Жизнь твоя тебе без чести сносна?
Я чувствую, что́ дочь отъемлет у меня.
Злодействуешь отцу, еще твой жар храня, —
Се робости твоей прегнусная причина,
Се лютой участи Вадимовой вершина!..
О вы! за общество навек закрывши взор,
Сколь счастливей меня вы днесь, Пренест, Вигор!
Неувядаемым покрыты лавром оба,
Вы славы на полях сошли во мраки гроба!
Еще отечество дышало в оный час;
Надежда сладкая сопровождала вас;
А я — игралище меня гоняща рока
И жертва низкая Рамидина порока, —
Я должен горести несметные вкусить...

Рамида

Не может более несчастна дочь сносить
Сих молний из твоих мне столько грозных взоров,
Сих смертных для меня неправедных укоров!
Коль должно свергнуть мне сей жизни тяготы,
Спокойся, государь, доволен будешь ты!
Мне жизнь моя ничто, когда ее лишенье
Тебе, родитель мой, быть может утешенье.
Клянусь у ног твоих, клянусь в сей лютый час,
Что я тебя уже в последний вижу раз
И что впоследние, мои являя муки,
Слезами горькими твои кроплю я руки.
Блаженна, коль, мою пролив несчастну кровь,
На гроб мой возвращу родительску любовь
И стоны привлеку жаления сердечна!
Но ты не ожидай, чтоб, дочь бесчеловечна,
С отчаяньем твоим согласна я была
И к смерти бы отцу я средство подала;
Чтоб, став участницей отцеубийству люту,

Кляла сама себя в последню я минуту.
Прости, родитель мой, в последний раз прости!

(Хочет идти.)

Вадим

Не оставляй меня ты гнусну жизнь нести!
Минута каждая, миг каждый мне — позоры!
Куда ни обращу мои смятенны взоры,
К мученью моему всё мой являет стыд.
Мне кажется всё здесь, прияв унылый вид,
Свободы требует, утраченныя мною!
Вздох каждый мой моей быть кажется виною!
Сей воздух — чем дышу, земля — где я стою,
И стены вопиют, кляня днесь жизнь мою:
Уж нет отечества, а ты на свет взираешь;
Не мог его спасти, а ты не умираешь!..
О, мысль смертельная, грызуща сердце мне,
Подобна яростной в час бурных гроз волне,
Опровергающа мой дух, толь прежде твердый:
Се скоро придет к нам сей Рурик милосердый
И, в благость лютую преобратя свой гром,
Мне сердце разорвет прощения стыдом!
О, крайность страшная! о, бездна посрамленья!
Не дай дожить мне толь несносного виденья...
Всё поздно!.. Се мой враг!.. Разверзися, земля,
И в пропастях закрой несчастного меня!

Явление 3

Рурик (за ним вельможи, воины, народ), Вадим, Рамида, Извед.

Рурик

(Вадиму)

Хоть был я принужден, Вадим, с тобой сражаться,
Победой не могу моею наслаждаться,
Когда она в тебе питает ту вражду,
Которой от твоих я чувств себе не жду.

Вадим

Что право подает тебе надеждой льститься,
Когда ты победил, со мною примириться?

Не сей ли на главе блистающий венец?
Сие гнушение свободных всех сердец!
Хоть иго днесь твое победой оправдáнно,
Презренно право мной, одною силой данно.
Победа может ли венца закрасить зло?
Желал бы я, когда б событься то могло,
Чтоб, счастием в числе бессмертных помещенный,
Хотел мне другом быть ты, громом вооруженный,
Я б с радостью тебя возмог на небе зреть,
Чтоб с силою твоей тебя и там презреть!

Рурик

Сей тщетной гордости бесплодное паренье
Достойней, может быть, привлечь к себе презренье,
Но чту в несчастии Рамидина отца,
В сей день отечеству кровавых бед творца.

Вадим

(к народу)

Для возвращенья вам потерянной свободы
Почто не мог пролить всю кровь мою, народы!

Рурик

Вельможи, воины, граждáне, весь народ!
Свободы вашея какой был прежде плод?
Смятение, грабеж, убийство и насилье,
Лишение всех благ и в бедствах изобилье.
И каждый здесь, когда лишь только силен он,
Одно законом чтил, чтобы свергать закон;
Мечом и пламенем раздора вооруженный,
Ко власти тек, в крови гражданей погруженный.
Священны ýзлы все ваш рушил смутный град:
Сыны против отцов, отцы противу чад,
Тиранам чтоб служить, простерши люты длани,
Отцеубийствию искали гнусной дани.
Граждáне видели друг в друге лишь врагов,
Забыли честность все, забыли и богов.
Прибыток здесь один был всех сердец владетель,
Сребро — единый бог и алчность — добродетель...

Вадим

Наместо вольности небесной красоты
Ты, своеволия являя нам черты...

Рурик

Дай кончить мне всё то, что я сказать желаю.
Меж нами судией народ я поставляю.
Хотя победа днесь подвергла мне тебя...

Вадим

Подвергла?.. Можешь ли, рассудок погубя,
Воображать себе, о ты, рабов властитель!
Что ты Вадимова и духа победитель?

Рурик

Я, правы счастия умея позабыть,
Принужу истиной тебя мне другом быть.

Вадим

Мне другом? ты? в венце? Престани тем пленяться!
Скорее небеса со адом съединятся!

Рурик

Желал ли я венца, ты ведаешь то сам.
Я нес не для себя спасенье сим странам:
Народом призванный, закрыв его я бездну,
Доволен тем, что часть окончил вашу слезну,
Благотворение хотел ли я продать
И цену дел моих мздой трона унижать?
Искал ли власти я, от коей отрицался?
И может ли то быть, чтоб скиптром я прельщался?
Иль славы придал мне трон пышностью своей?
Кто спас народ от бед — превыше тот царей,
В утехах дремлющих под сению короны.
Но сограждан твоих тогда плачевны стоны
Мой дух принудили их счастья не лишить.
Начав благотворить, был должен довершить.
Отверженную мной я принял здесь корону,
Чтоб вашему для вас покорствовать закону.
Я чем мрачу мой трон? Где первый судия?
Вы вольны, счастливы; стонаю только я!
Который гражданин, хранящий добродетель,
Возможет укорить, что был я зла содетель?
Единой правды чтя священнейший устав,
Я отнял ли хотя черту от ваших прав?
И если иногда от строгости закона
Из уст несча́стливых я слышал жалость стона,

Чего я правдою стонающих лишал,
За то — щедротою моею утешал.
Скажите: истину ль, граждáне, я вещаю?
В свидетели и вас я, боги, призываю!
Вы знаете, что я, имея вашу власть,
Страшился слабостей под бременем упасть
И, прихоть гордости я долгом удручая,
Нес иго скипетра, себя не примечая.
Я помнил завсегда, что есть на небесах
Судьи, гремящие земных владык в сердцах,
Которые, царя колебля на престоле,
Всечасно вопиют его всевластной воле:
«Нам каждая слеза текущая видна,
Котора пышностью твоей допущена;
Мы слышим каждый стон, не внемлемый тобою,
Из слабого влеком насильственной рукою;
Мы каплю каждую пролитой крови зрим —
Вострепещи со всем сиянием твоим!
Не оправдай себя, велик обремененьем,
Необходимостью — тиранов извиненьем».
Вещай, народ, моей державою храним,
Гневил ли я богов правлением моим?

(К Вадиму)

Но ты не помышляй, что, власти вышней жаден,
На то являю я мой скипетр толь отраден,
Чтобы склонить народ, мной счастлив в сей стране,
Из милости венец еще оставить мне;
И чтобы гордости, не славе я покорен,
Противу воли всех один владеть упорен,
Хотел я удержать правления бразды,
Ища насилием моей заслуге мзды.
Когда ж против́ тебя подвигся я ко брани,
Не властолюбию платил, но чести дани:
Я должен был мою и славу поддержать,
И общества ко мне почтенье оправдать;
Я должен был, мою желая власть оставить,
И тенью робости себя не обесславить.
И с трона нисходя — иль прямо в гроб вступить,
Иль жало клевете победой притупить.

(К народу, снимая венец)

Теперь я ваш залог обратно вам вручаю;

Как принял я его, столь чист и возвращаю.
Вы можете венец в ничто преобратить
Иль оный на главу Вадима возложить.

Вадим

Вадима на главу! Сколь рабства ужасаюсь,
Толико я его орудием гнушаюсь!

Извед

(Рурику, указывая народ, ставший пред Руриком на колена для упрошения его владеть над ним)

Увиди, государь, у ног твоих весь град!
Отец народа! зри твоих моленье чад;
Оставь намеренья, их счастию претящи!

Вадим

О, гнусные рабы, своих оков просящи!
О, стыд! Весь дух гражда́н отселе истреблен!
Вадим! се общество, которого ты член!

Рурик

Коль власть монаршу чтишь достойной наказанья,
В сердцах граждан мои увиди оправданья;
И что возможешь ты против сего сказать?

Вадим

Вели отдать мне меч и буду отвечать.

Рурик подает знак, чтоб Вадиму отдали меч.

Рамида

(в сторону)

Се мой последний час, и всё теперь свершится!

Вадим

(к принесшему меч)

Подай!..

(К Рурику)

Теперь Вадим с тобою примирится.
Се способ лишь один, чтоб другом быть твоим.

Рурик

Будь боле — и отцом соделайся моим.
В великой ты душе почувствуй глас природы.

Иль тот, кого твои толико чтут народы,
Кто их отец, твоим не стоит сыном быть?
Чтоб гнев неправедный твой вовсе истребить —
Коль мало счастия отечества любезна,
Которого моей рукой закрыта бездна;
Коль мало и самих мне щедрых толь небес,
Стенящей дочери воззри на токи слез,
Которы горестна моей душе отрава:
В ее ты сердце зри мои священны прáва,
Чтоб ею ты себя со мной соединил.

Вадим

Всё кончилось теперь, коль меч ты возвратил.
О небо! Боле сей не требую награды!

(К Рурику)

Меж нами рушатся все страшные преграды:
Доволен будешь ты, народ, и дочь, и я!

Рурик

О небо! Чем воздам щедроте твоея?
О, час, блаженный час! Нечаянна премена!

(К Вадиму)

Позволь и дочери, и мне объять колена
Героя и отца.

(К Рамиде)

Ты слез лиешь поток,
Когда престал быть к нам родитель твой жесток!
О ты, награда мне одна за добродетель,
В которой мне любовь гражда́н твоих свидетель,
Душа души моей! Какой ужасный мрак
Дражайших прелестей затмил прекрасный зрак?

Вадим

(в сторону)

Я боле не могу сносить толь гнусна вида! ..
Внемли ты, Рурик, мне, народ и ты, Рамида:

(к Рурику)

Я вижу, власть твоя угодна небесам.
Иное чувство ты гражданей дал сердцам.

Всё пало пред тобой: мир любит пресмыкаться;
Но миром таковым могу ли я прельщаться?

(К народу)

Ты хочешь рабствовать, под скипетром попран!
Нет боле у меня отечества, граждан!

(К Рамиде)

Ты предана любви и сердцем, и душею —
Итак, и дочери я боле не имею...

Рамида

Постой, родитель мой! Не довершай сих слов...
Постой! мой дух тебя изобличить готов,
Что дочь несчастную напрасно презираешь...
Я знаю то, что ты в сей час предпринимаешь;
И твой великий дух, пред мною весь открыт,
Что́ должно делать мне, мне ясно говорит.
Исполню я твою ужаснейшую волю
И в нежной младости мою разрушу долю,
Котора для меня сплеталась из цветов.
Когда соделалась порочной та любовь,
Для коей жизнию прельщалась я моею,
Смотри — достойна ль я быть дочерью твоею.

(Заколается.)

Рурик

О, исступление, погибельное мне!

Вадим

О, радость! Всё, что я, исчезнет в сей стране!
О дочь возлюбленна! Кровь истинно геройска!

(К Рурику)

В средине твоего победоносна войска,
В венце, могущий всё у ног твоих ты зреть, —
Что ты против того, кто смеет умереть?

(Заколается.)

Рурик

О, рок, о, грозный рок! О праведные боги!
За что хотели вы ко мне быть столько строги,
Чтоб смертию меня Рамиды поразить?

Умели в сердце вы меч вечный мне вонзить,
Лиша меня всего и счастья, и отрады!..
За добродетель мне уж в свете нет награды!..
В величии моем лишь только тягость мне!
Страдая, жертвой я быть должен сей стране,
И, должности моей стонающий блюститель,
Чтоб быть невольником, быть должен я
властитель!..
Я буду, и себя с пути не совращу,
Где, вам подобен став, вам, боги, отомщу!

Конец 1788 или начало 1789

ХВАСТУН

***Комедия в стихах,
в пяти действиях***

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Верхолет, хвастун.

Полист, слуга его.

Простодум, дядя Верхолетов, сельский дворянин, недавно из деревни приехавший.

Чванкина, богатая новоприезжая из деревни дворянка.

Милена, дочь ее.

Марина, служанка Чванкина.

Честон, советник из наместничества.

Замир, сын его, влюблен в Милену.

Портной.

Приказчик.

Благочинный.

Лакеи, гейдуки, скороходы Верхолетовы.

Действие в Петербурге, в наемном доме, где Верхолет и Чванкина живут.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1

Полист
(богато одетый)

О, скучный дяди вид! нечаянный приезд!
Седой наш Простодум свалился будто с звезд.
Он шел за мной... Его давно мы не видали
И гостя этого отнюдь не ожидали...
Боюся, чтобы он Полиста не узнал
И чтобы наперед слуги не потазал
За шалость своего племянника в задаток.
Уже давно отвык от русских я ухваток,
Которы бедных слуг толь тягостны бокам...
Однако перед ним приосамлюсь и сам.
Как барин наряжен, могу я притвориться,
Что я — не я... А вот уж он и сам валится.

Явление 2

Полист, Простодум.

Простодум
(издали рассматривая Полиста)

Так, это плут Полист, племянников слуга...
Нет, кажется... тепла у этого нога;
Весь золотом облит, спесив и рыжий волос.

Полист
(гордо)

Что вам угодно?

Простодум

Так, Полистов это голос.
Полист! здоров ли ты?

Полист
(дразнит)

Полист, здоров ли ты?
Какие в голову вселились вам мечты?
И кем я вам кажусь?

Простодум

Какое вижу сходство!
Прости, коль ваше я обидел благородство;
Вы Верхолетовым казались мне слугой.

Полист
(гордо)

Кто этот Верхолет? и кто ты сам такой?

Простодум

Племянник он, а я ему ближайший дядя.
Дивлюся, на твою высоку милость глядя:
Вовек не видывал я двух сходнее рож.
Племянников слуга во всем на вас похож.
Замашки те ж, лицо, не погневися, то же;
Лишь только десять лет назад он был моложе,
Да черны волосы; еще ж не так одет,
Еще ж великий плут...

Полист
(с досадой)

Довольно сих примет;
Оставши грубости не нынешнего века,
Они вредят ушам честно́го человека.
Узнай, старик, узнай: кто прежде звался плут,
Того уже теперь искусником зовут.

Простодум

В деревне живучи, мы ваших мод не знаем.
Бездельников всегда плутами называем, —
Вот так у нас в глуши. Да дело не о том:
Сказали, Верхолет свой здесь имеет дом;
Вы это знаете?

Полист

Я ведал бы, конечно;
Но я не слыхивал...

Простодум

Жалею я сердечно.
К слуге было его привез я добру весть;
Да, видно, будет мне ее назад отвезть.
Весть эта не плоха, довольно серебриста,
Обрадовала бы она весьма Полиста.

(Хочет идти.)

Полист

(останавливая его учтиво)

А! а! Полиста — вы изволили сказать;
Авось-либо о нем могу я толк вам дать.
Мне кажется, его, не знаю, как-то знаю.

Простодум

Вам кстати ль знать слугу! Я вас не унижаю
Знакомством таковым и верить не хочу...

Полист

Я не спесив, и мне все люди по плечу.
Полист известен мне, и я вам в том божуся,
И, может быть, его представить обяжуся...
Да что вы привезли?

Простодум

В наследство сто рублей.

Полист

(с радостью)

Что слышу я! Да кто ж, по милости своей,
Оставя здешний свет, Полисту сделал дружбу?

Простодум

Старуха тетушка его, которой службу
Я буду помнить ввек, оставила ему
По смерти всю свою накопленну суму.
Хоть милости такой плут этот недостоин,
Но в совести своей не буду я спокоен,
Когда я теткиных деньжонок не отдам.
Я знаю, пьяница Полист...

Полист

Не стыдно ль вам
Такою клеветой злословить добродетель?
Я сам, сударь, всегда бывал тому свидетель,
Как он по улицам чиннехонько идет,
Как прямо он себя, как вежливо ведет,
Ногами никогда он вензелей не пишет;
А если о вине он как-нибудь услышит,
Всегда наморщится, и придет тошнота.
Поверьте мне, Полист лакеев красота.
Моим слугам всегда его в пример я ставлю...
Когда изволите, я дело всё исправлю,
Отдайте деньги мне, а я ему отдам
И, может быть, тотчас его...

Простодум

Не стыдно ль вам
В дела чужих людей без просьбы их мешаться?
Прощайте.

Полист
(останавливая его)

На часок.

(Сам себе)

Ну, можно ль удержаться?

(К Простодуму)

Скажите ж мне, за что вы гневны на него?

Простодум

Скажите, ну́жда вам какая до того?

Полист

Я жалостлив, до ссор я очень не охотен,
И добрых я людей мирить всегда заботен.

Простодум

Да я с плутягами мириться не люблю:
Полисту прежде я ударов сто влеплю,
А там и сто рублей отдам на том же месте
Охотно.

Полист

Итого Полист получит двести.
Он мог бы сотнею одной доволен быть,
То есть рублевою.

Простодум

(с сердцем)

Нет! нет!

Полист

(подставя спину)

Извольте ж бить.

Простодум

Проказить надо мной еще ты молоденек.

Полист

Удары палошны моих на выкуп денег
Изволь отсчитывать: извольте, я — Полист.

Простодум

Не верю.

Полист

Я клянусь!.. И вашей трости свист,
И молодецкое моей спины терпенье
Докажут, что у вас в руках мое именье.
Всмотритесь, у меня Полистов глаз, рот, нос...

Простодум

Такого ж вора вид, да он черноволос.
Ты не Полист.

Полист

Я — он и телом и душою!..
Вот что, французы, вы наделали со мною!
От желтой, сударь, их причинныя муки
Такие вышли мне ужасные крюки.
Французам да чертям лишь можно так штукарить,
Чтоб даже в моду ввесть и пудру в печке жарить,
И ею волосы природны засыпать
На то, чтоб не могли наследника узнать!

(Указывая на брови)

Поверьте хоть бровям, природного остатку,
Они уверят вас, реша сию загадку,
Что черен волосом я, как винновый туз;
А что я рыж кажусь, виновен в том француз,
У коего муку мой барин покупает,
Племянник ваш.

Простодум

Вот как повеса мой мотает!
Я слышал, по уши он врютился в долги?
Скажи, мошенник, мне, скажи же, да не лги.

Полист

Скажите прежде, кем теперь я вам кажуся?

Простодум

Преплутом, наглецом!

Полист

Прекрасно! я божуся!
Мне обхождения приятней без чинов,
И всякий ужесть мне противен пустослов.
Пусть незнакомые между собой чинятся,
А нам, приятелям, недалеко считаться.

Простодум

Кто? мы приятели?

Полист

А для чего ж не так?
Или...

Простодум
(подняв трость)
Как смеешь ты равняться мне, дурак?

Полист
Потише! господин, прокиснувший в деревне,
Потише, говорю! Ведь здесь вы не в харчевне:
Великий господин в сих комнатах живет.

Простодум
(струся)
Так, видно, у него племянник служит?

Полист
Нет.
Какой же человек ты, сударь, непонятный!
Теперь племянник ваш и сам уж барин знатный,
А я секретарем имею честь служить.

Простодум
Не вправду ль?

Полист
Стану я пустое говорить!

Простодум
Да как секретарем? Ты грамоты не знаешь.

Полист
Что ну́жды!

Простодум
Как же ты дела-то отправляешь?

Полист
Пословиц господин не помнит Простодум:
Вы это знаете, что честь рождает ум.
Как с прочими в чинах с пустою головою,
Сия пословица сбылася и со мною.

Простодум
Да как же в письменных без грамоты делах?

Полист

Мы с барином дела все кончим на словах.
Он знатный человек.

Простодум

Какая же причина?
Какого ж, секретарь Полистушка, ты чина?
Губерский ли? или?..

Полист

Не знаю, я какой,
А только ведаю, что самый я большой.

Простодум

Коллегский?

Полист

Более.

Простодум

Ахти! Сенатский?

Полист

Боле.

Простодум

Ума не приложу!.. В твоей, однако ж, воле:
Сенатских выше нет у нас секретарей.

Полист

Вы ничего в глуши не знаете своей.
Вы скудны разумом, хоть хлебом там богаты.
Недавно новые чинам здесь вышли штаты.

Простодум

А! а!

Полист

Племянник ваш, делами здесь вертя,
Всё это сработáл, за службу мне платя.

Простодум

Итак, племянник мой нешуточный здесь барин.
За добру весть тебе, мой друг, я благодарен;
Вот денежки твои. Пожалуй, позабудь
Прошедшую вражду и милостив мне будь.

Полист

Надейтесь на мое у барина старанье
И, если нужда есть, откройте мне желанье.

Простодум

Как нужды не иметь тому, кто дворянин;
Есть споры по землям, притом же малый чин...

Полист

Всё это сделать он безделкой почитает.
Чего изволите, всё, всё вам обещает.
Он губернаторствы, как щепки, раздает,
И, словом то сказать, на милости он мот.

Простодум

Что будет он таков, я ведал то и прежде;
Хоть он пошаливал, я был всегда в надежде,
Что он исправится и будет человек.
Ты видишь ли, Полист, я истину прорек.

Полист

Конечно, сударь, так.

Простодум

С такою головою,
Всегда я говорил, не пойдет он с сумою.

Полист

(сам к себе)

Вот как теперь совсем оборотился лист.

(К Простодуму)

Скажите же, каков вам кажется Полист?

Простодум

Таких разумников на свете, право, мало.

Полист

Скажите лучше, что еще и не бывало.

Простодум

И будет ли вперед, того нельзя сказать.

Полист

Вот, сударь, каково на свете выйти в знать!
Давно ли вы меня дубинкою пугали?

Простодум

Пожалуй, то оставь, теперь друзья мы стали.

Явление 3

Простодум, Полист, портной.

Портной

Твой барин дома ль?

Полист

Нет.

Портной

А где же?

Полист

Во дворце.
Да разве подождать не мог ты на крыльце?
И без доклада к нам осмелился ввалиться.

Портной

Да у кого, скажи, мне было доложиться?

Полист

Как? мало ли людей? не там ли наш гейдук?

Портной

Там нету никого... Мне деньги за сертук,

Полист

(тихо портному)

Потише говори...

(Вслух)

Где наши скороходы?

Портной

(громко)

Нет, я хочу кричать...

Полист

(громче его)

О, скверные народы!
Лишь барин со двора — и все с двора тотчас.

Портной

(громко)

Я денег...

Полист

(зажимая рот у портного, кричит)

Водится лишь только то у нас.
Нет хуже тамо слуг, где знатный барин кроток.

Простодум

Да, у племянника день может быть короток.
Всегда он у двора, всегда в больших делах.
Нет время посмотреть, а людям надо страх.
Хотя бы ты...

Полист

И я всегда в делах бываю.

(К портному)

Всё будет сделано, поди, я обещаю.

Портной

Скажи же барину, Полист, чтоб в сей же день...

Полист

(толкая вон портного)

Всё будет, слышишь ли, негодный, грубый пень?
Вон!

Явление 4

Простодум, Полист.

Простодум

Этот человек ремесленник, как видно.
Чего он требовал так нагло и бесстыдно?

Полист

Ему есть надобность, она у нас в руках.

Простодум

Какая?

Полист

Люди все рехнулись на чинах.
Портные, столяры — все одинакой веры;
Купцы, сапожники — все метят в офицеры;
И кто без чина свой проводит темный век,
Тот кажется у нас совсем не человек.
Портной, что был теперь, старанием Полиста
Желает чин достать себе протоколиста.

Простодум

Так может и Полист уже давать чины?

Полист

Да; мелкие одни во власть мне отданы,
А крупные себе племянник ваш оставил.

Простодум

Скажи, как он себе такую знать доставил?
Какой заслугой стал великий господин?
Каков богатством он? Какой имеет чин?

Полист
(увидя входящего Верхолета)

А вот он сам вам всё расскажет.

Явление 5

Верхолет, Простодум, Полист.

Верхолет

(вдали, с смятением увидя Простодума)

Это дядя!

Он.

Простодум

(сам к себе)

Сердце прыгает, на знать такую глядя.
Как светлый месяц он, весь в злате, в серебре!
Кого поищет бог...

Полист

(Верхолету)

Севодни при дворе
Необычайно вы как долго были.

Верхолет

(важно и надменно)

Меня делами там сегодня задушили...
А! кстати, я было сказать и позабыл...
Оно безделица, я, право, не просил...
Иной бы вздором мог себя таким забавить...
Но я... поздравь меня.

Полист

Имею честь поздравить!
Да только, сударь, с чем?

Верхолет

Так... ничего... я граф.

Полист

Я рад.

Простодум

(сам к себе)

Как счастлив я, роднею графу став.

(К Верхолету)

Я, ваше графское сиятельство, желаю
Благополучия и с тем же поздравляю.

Верхолет

Чем вам могу служить?.. Полист, кто он такой?

Полист

Бывал он дядя ваш, теперь пусть будет мой.
Когда племянником его быть не хотите,
Из милости к нему, мне в дяди уступите.

(К Простодуму)

Полисту быть роднёй, ей-ей, не малый чин:
За счастье то сочтет и знатный дворянин.

Простодум

Я рад всем быть, чем граф сиятельный прикажет;
И, сделав дядею твоим, меня обяжет.

Верхолет

Со временем опять в мои произведу.

Простодум

То есть, когда в чинок поболе попаду
По вашей милости, чтоб дядей быть достойным...

Верхолет

Я обещаю вам дотоль не быть спокойным,
Доколе вашего желанья не свершу.

Простодум

Я очень многого уже и не прошу;
Хотя бы штабского чинишка мне добиться.

Верхолет

(с сердцем)

Стыдитесь, дядя мой!.. Как можно не сердиться!
Тот самый, кто моим в свет дядею рожден,
Быть может столько подл и духом унижен,
Чтоб дале не хотеть, как быть лишь асессóром.
Нет! я произвести хочу вас сенатóром.

Простодум

(струся, с радостию)

Да как...

Полист

Пожалуйте, не приводите в гнев:
Он втюрит в канцлеры, на вас освирепев.

Простодум

Ахти! беда моя... боюсь.

Верхолет
(грозно)

Ни слова боле,
Иль с глаз моих долой.

Простодум

Ин быть по вашей воле.

Верхолет

Меж тем вы можете мне сами услужить.

Простодум

Готов! но чем могу полезен графу быть?
Я рабски услужу.

Верхолет

Мой прежний управитель
Доходов был моих весьма дурной хранитель.
Я сбил его с двора.

Полист

Он на руку нечист.
(В сторону)
Чтоб пыль в глаза пускать, как барин мой речист.

Верхолет

Без управителя я мог бы обойтиться
Дней несколько, но мне задумалось жениться,
И свадьба может быть севодни ввечеру...
Уж город знает то, известно и двору...
А управителя...

Простодум

Я буду, коль угодно.

Верхолет

Вам можно показать на месте сем свободно
Природой данные способности к делам

(он треплет Простодума по плечу)

И выйти в свет; а там... увидим мы... а там...
Ни слова наперед.

Полист

А там и в сенато́ры.
Но только вы, прибрав доходов наших сборы,
Не делайте того, как было прежде вас,
Чтоб голодом морить в иное время нас.

Простодум

О, боже упаси!.. А сколько в год дохода?

Верхолет

Да было... сколько бишь прошедшего мне года?
Пятнадцать тысяч?

Полист

Нет, суда́рь, до тридцати.

Верхолет

Он знает то... Полист! пожалуй, ты сочти.

Полист

(в сторону)

Короток будет счет.

Верхолет

Но прежний управитель
Негодный человек!

Полист

Проклятый разоритель,
Доходов много он и будущих пожрал.

Верхолет

Полист! на сколько, бишь, меня он обокрал?

Полист

Я думаю, суда́рь, что на пятнадцать тысяч.

Простодум

Какой же плут! .. А вы не приказали высечь
Или бездельника на каторгу сослать?

Верхолет

Ну, кстати ль мне, суда́рь, так низко помышлять
И за безделицу так много рассердиться...
То правда, что, когда мне надобно жениться,
Он сделал то со мной, что в самый свадьбы день
Я от бездельств сего мошенника стал в пень;
И, право, как мне быть, того не разумею.
Но много денег я еще в долгах имею.
Полист! ты ездил ли?

Полист

Куда, сударь?

Верхолет

К купцу,
Который должен мне; ведь надобно к венцу...

Полист

Я был.

Верхолет

Что ж деньги?

Полист

Он севодни неисправен.

Верхолет

А я в сей день женюсь... куды как он забавен;
Взбеситься надобно, купец богатый толь...

Простодум

Возьмите у меня, сиятельный, изволь!
Три тысячи скопил я дома лет в десяток,
Не хлебом, не скотом, не выводом теляток,
Но кстати в рекруты торгуючи людьми.
Сиятельнейший граф, пожалуй, всё возьми,
Я после получу.

Верхолет

Мне, право, это стыдно.

Простодум

Когда откажете, мне будет то обидно.

Полист

(Верхолету на ухо)

Рехнулись, что ли, вы? берите что дают:
Занять уж негде нам, и рок наш очень крут.

Верхолет

(Простодуму)

Я соглашаюся от вас принять услугу
И должен вам, суда́рь, открыться так, как другу,
Что мне не хочется женитьбы пропустить.

Простодум

А кто особа та, коль смею я спросить,
Избранна вашего сиятельства невеста?

Верхолет

Вдовы богатыя из отдаленна места,
Дворянки Чванкиной молоденькая дочь;
Они, гонясь за мной, не отступают прочь
И даже в этот дом ко мне переселились.

Простодум

Эк лакомы!

Полист

Они в нас по уши влюбились.

Верхолет

Подумай, от меня девчонка без ума.

Простодум

(любуясь Верхолетом)

Я это думаю.

Полист

И так же мать сама.

Верхолет

Из жалости одной я должен согласиться.

Полист

На ней из милости изволит он жениться.

Простодум

А для чего ж? когда приданое притом.

Полист

Как чаша полная, дворянки этой дом;
И душ две тысячи, и денег страшна бездна.

Простодум

Так эта девушка, ей-ей! весьма любезна.
Извольте же со мной, чтоб деньги получить.

Явление 6

Полист

(один)

Благодаря судьбе, о чем теперь тужить?
Есть денежки у нас и также управитель.
Не дядя это, клад: он наш от бед спаситель.
Нам очень кстати то, что этот глуп старик.
Уж наша было знать заехала в тупик.
За недостатком бы блистательного света
Узнали б все, что мы фальшивая монета;
И Чванкина, что нам так алчет быть родной,

Сошедшая с ума на знатности одной,
Дочь барину отдать конечно б отказала,
Но глупость дядина нам крылья подвязала
И превратила нас из черепах в орлов.
Что б делать хвастунам, коль не было б скотов?

Явление 7

Верхолет, Полист.

Верхолет

Вот деньги; дядя мой...

Полист

Ошиблись, — управитель.
Признайтеся, что он ваш ныне воскреситель,
Что им...

Верхолет

Но я ему за то и отслужу,
И сколько я силен, над ним то покажу.
Чему ж смеешься ты?

Полист

Снимите ваши маски
При том, кто различать умеет всяки краски.

Верхолет

Я еду гейдуков, лакеев нанимать,
Чтобы себя во всем сияньи показать
И чтоб за мной всегда блестящи скороходы
Давали знать, что я презнатныя породы.

Полист

Опомнитесь, суда́рь, и тех, кому должны,
Спокойте мало хоть из дядиной казны.

Верхолет

По свадьбе нам о том подумать будет можно;
Дотоле поступай лишь только осторожно,
Увидишь ты, что я умею награждать.

Явление 8

Простодум, Полист.

Простодум

Его сиятельство изволил поскакать?

Полист

Поехал ко двору, а после к нам заедет.

Простодум

А у меня весь ум о сенато́рстве бредит.
Когда о том у нас услышат в деревнях,
Всплескнув руками, все дворяне скажут: ах!
Которые себе в дворянстве мер не ставят,
Которые меня своею спесью давят,
Увидя пыхи там вельможески мои,
Опустят крылышки, как мокры воробьи.
Как это мне смешно!

Полист

Еще смешнее будет!
Меж тем, я думаю, сенатор не забудет,
Что управителем он прежде должен быть.

Простодум

Чем только управлять, а то как мне забыть.
Не вижу гейдуков, лакеев, скороходов,
О коих ты кричал, не ведаю доходов.

Полист

Сам граф вам это сдаст.

Простодум

Сиятельство его,
На мне не полюбя кафтана моего,
Из денег мне моих пожаловал на пару;
Не лишне ль это?

Полист

Нет; наружный блеск товару
В глазах людей цены безмерно придает.
Иной бы, кто себя, как куколку, ведет,
Кафтаном лишь одним умен и благороден:

Сними с него убор, куда б он был пригоден?
Наряд достоинствам замена и умам;
Итак, вы видите, как это нужно вам.
Марину вижу я; вот Чванкиной служанка,
Вот сердца моего любезная приманка.

(Громко)

Смотрите ж, дядюшка, и, управляя дом,
Вы не ударьтеся бесчинно в грязь лицом.

Явление 9

Простодум, Полист, Марина.

Полист

Девице горничной, прекрасной, несравненной,
Красе всех горничных, Марине пребесценной
Мое почтение.

Марина

За то благодарю
Превеличайшему из всех секретарю.

Полист

Примолви: графскому.

Марина

Я этого не знаю.

Полист

Что графом Верхолет, я это объявляю.

Марина

Давно ли?

Полист

Вот теперь, при дядюшке моем,
Приехав, объявил о счастье он своем.

Марина

А это дядя ваш?

Простодум

К услугам лишь на время.

Марина

На время?

Полист

Да, он, дел имея здесь беремя,
Приехал на часок было, да в добрый час.
Он управителем останется у нас.

(Простодуму на ухо)

На привязи язык держите свой болтливый.

Простодум
(так же)

Забылся, виноват.

Марина

Вот дядя молчаливый.

Полист

С дороги он устал.

Марина

Далек ли путь его?

Простодум

Я прямо из села приехал моего.

Марина
(Полисту)

Ваш дядя дворянин?

Полист

Не шутишь ли, Марина?
Ты видела всегда в Полисте дворянина,
А родом дядя мой со мною одинак.

Простодум

Дворянство докажу я множеством бумаг;
Лишь выну грамоты, всяк будет безответен.

Полист

Я ближе всех ему, а дядя мой бездетен.
Не правда ли?

Простодум

Да, так, нет у меня детей.

Полист

Подите ж, дядюшка, вы к должности своей.

Марина

(сама к себе)

Что дворянин Полист, всё это не притворство.

Простодум

(отходя, сам к себе)

Не стал бы потакать, кабы не сенаторство.

Явление 10

Полист, Марина.

Полист

Теперь ты видишь ли, какой я сладкий кус?
Ты можешь свесить всех моих достоинств груз:
Породой дворянин, изрядного я чина;
Достаток есть, служу у знатна господина;
Молодчик станом я, недурен и лицом;
И, правду говорить, могу своим умом
Какому хочешь ты уму свернуть я шею, —
Итак, мне кажется, всё право я имею
То думать, что моей быть счастьем ты сочтешь.

Марина

Теперь уверена я став, что ты не лжешь,
Дворянству твоему всем сердцем предаюся.

Полист

Итак, севодни же я с графом и женюся.

Марина

А я так думаю, что надо отложить.

Полист

А для чего? Смотри, чтоб после не тужить.
Вздыхательной любви не сильный я работник,
И долго ждать конца я, право, не охотник.

Марина

По мне, мой свет, хотя б севодни свадьбе быть,
Мне, право, хочется дворянкою пожить;
Но барыня моя, вертушка престарела,
Севодни отдавать Милену отхотела.

Полист

Какие дерзости! Рехнулась, что ль, она?

Марина

Нет; я затем от ней нарочно прислана.
Ты знаешь, только дочь у ней в окошке света;
Хоть хочется иметь ей зятем Верхолета,
Но, плачем дочери растрогана своей,
Была принуждена дать несколько ей дней,
Чтоб разгулять угар ее любви к Замиру.
Готово было всё ко свадебному пиру,
И уж приданое вселилось в сундуки.

Полист

А с графом верим мы, как будто дураки;
Но знатными людьми не можно так ругаться.

Марина

И я советую никак не дожидаться,
На барыню мою как можно наступать,
Чтоб обе свадебки сегодня окончать.
Я точно слышала и знаю без ошибки,
Что можем ускользнуть от вас мы так, как рыбки.
Пред слабой матерью проливши слезный ток,
Милена лишь на то и выпросила срок,
Чтоб только ей отца Замирова дождаться;
С Честоном же не как с иным легко тягаться:
Правдуха человек, не любит он шутить;
И барыне моей не знаю как и быть;
Дав слово, от него она не отвертится,
Так лучше без хлопот севодни б вам жениться.

Полист

Что должно, сделаем мы с нашей стороны;
Но знай, мы к низостям никак не рождены:
Марина для себя сама должна проворить.

Марина

Я постараюся любовников поссорить.
Лишь только б удалось любовь отсель прогнать,
А там безделица, всё дело — наплевать.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 1

Чванкина, Марина.

Чванкина
(смотрясь в карманное зеркало)

Я что-то не к лицу севодни нарядилась.

Марина
(в сторону)

Лет двадцать не к лицу, севодни спохватилась.

Чванкина
(смотрясь так же)

Не знаю, что-то бровь одна не такова.

Марина
(в сторону)

Не так написана.

Чванкина
(смотрясь)

И что-то голова.

Марина
(в сторону)

Пуста, да как же быть?

Чванкина

Причесана прескверно.

(К Марине)

Марине битой быть, и это очень верно.

Марина

А мне так кажется, что ваши красоты
Севодни новые пустили в рост цветы.
Хоть прелесть ваша свет уже давно прельщает,
Но старость к ней еще напрасно приступает,
И...

Чванкина

Старость? Бредишь ты, Маринушка, мой свет;
Скажи-ка, сколько бы ты думала мне лет?

Марина

По свежему лицу, еще цветут где розы,
На ваших парниках хоть были уж морозы,
Однако ж, ежели поверить мне глазам,
Не больше... но боюсь сказать я правду вам:
Вы вздумать можете, что это будто шутки.

Чванкина

Ну! говори, оставь излишни прибаутки.
Ведь я люблю, когда мне правду говорят.

Марина

Хоть зависть говорит, что вам за пятьдесят,
Но зависть это ведь; а я так без издевки
Могу сказать вам то, что есть вас старе девки.

Чванкина

То правда; но мои ты лéта мне сочти.

Марина

По виду кажется вам меньше двадцати.

Чванкина

И столько б мне еще, Марина, не казалось,
Коль сердце бы мое печалью не терзалось;
Но дочь упрямица, Замира полюбя,

Любовью низкою и мать свою губя
И в глупой горести никак не видя света,
Не видит счастья быть женою Верхолета.
Подумай, он какой случайный человек!
Он только при дворе проводит весь свой век.
Богатства у него и знатности палата;
И графы и князья все с ним запанибрата.

Марина

Боюсь, откажет он, теперь спесивей став.

Чванкина

А что?

Марина

Вы слышали ль, что он и сам уж граф?

Чванкина

Ну! что я сделала, душа моя Марина!
О, дочь негодная! какая ж я скотина,
Что в жалость я пришла!.. Однако как же быть?
Я также не хочу Милены уморить...

Марина

Не слушайте никак Милены вашей вздора,
Замужство будто бы для девушек умора;
Не верьте этому и, поступя как мать,
Извольте только ей построже приказать.

Чванкина

Ты правду говоришь.

Марина

А впрочем, ваша воля...
Какого будете вы ягодою поля,
Когда графинею звать станут вашу дочь.

Чванкина

Когда придет Замир, гони его ты прочь.

Марина

К нам станут приезжать графини да княгини;
И наши сельские, всему дивясь, разини,

Которым здешняя за диво и коза,
На вас, сударыня, как выпялят глаза!
А вы так и взглянуть на них не захотите.

Чванкина

Как скучны мне они!

Марина

Смотрите ж, не введите
Себя, сударыня, вы с графом-то в разлад.
Подумайте о том, какой же это склад:
Вы свадьбу окончать севодни дали слово,
А после отложить...

Чванкина

Нет, нет, ведь всё готово.

Марина

А как же барышня сама...

Чванкина

Пустое врет!
И вправду, от того она ведь не умрет.

Марина

Графиней сделаться нимало не смертельно,
И всё отчаянье Миленино не дельно.
Скажите, кто Замир? Дворянчик он простой,
Такой же, как Полист, жених любезный мой.
Смотрите, ваша дочь, Замиру став женою, —
Не стыдно ль это вам? — сравнялася б со мною.

Чванкина

Она глупа; смотреть не надо на нее.

Марина

Быть графской тещею — какое вам житье!

Чванкина

Графиней сделаю ее и поневоле.

Марина

А вот она сама.

Явление 2

Чванкина, Милена, Марина.

Милена

В моей ужасной доле
Без вас я, матушка, не нахожу утех.

Марина

(на ухо Чванкиной)

Приосамитесь...

Чванкина

(на ухо Марине)

Я сердита не на смех;
Не бось, увидишь ты.

Милена

Вы мне во утешенье
Со свадьбой удалить изволили мученье;
Что в том, сударыня? Сужденна умереть
И смерти ждя, могу ль спокойствие иметь?

Чванкина

Не плачь, Милена.

Милена

Вы всегда меня любили.
А ныне...

Марина

(на ухо Чванкиной)

Вы уже и крылья опустили.

Чванкина

(на ухо Марине)

Не бось, Маринушка... Миленушка, мой свет,
Ты это слышала ль, что графом Верхолет?
Или уже тебя и графство не искусит?

(К Марине)

От этого она, я думаю, пострусит.

(К Милене)

Графиней будешь.

Милена

Пусть он будет хоть царем.
Замир владеет мной, и в сердце он моем.

Чванкина

И в сердце он твоем! диковина какая!
Да знаешь ли ты, дочь, в невежестве слепая,
Что должен завсегда чин чина почитать;
И в сердце у тебя, тебе то надо знать,
Чтоб не подвергнуться законов строгих штрафу,
Так должен уступить дворянчик место графу.

(К Марине)

Марина, каково?

Марина

Изрядно.

Чванкина

Знай ты, дочь,
Какую сверх того сей граф имеет мочь.
Такие у него, как твой Замир, дворяне
В слугах.

Марина

Я думаю, и все его крестьяне
Не много менее дворян.

Милена

Пускай всё так;
Но если мне он мил не может быть никак,
Что в знатности его, в которой он сияет:
Она ведь не всегда нам счастье составляет.
Пусть жертвы свет несет случайности его.
То лестно гордости, но сердцу — ничего.
С Замиром в низкости стократ счастливей буду;
Забыта всеми, я с ним целый свет забуду.

Чванкина

Марина! слышишь ли, как жалко говорит?

Марина

А мне смешно. Она ведь это всё твердит
Из книг, которые по всякий день читает.

Чванкина

И вправду, точно так. Тот вечно не вздыхает
И весел завсегда, кто в книги не глядел.

(К Милене)

Что ты ни говори, а графство твой удел;
Ты слышишь ли, хочу, чтоб ты была графиня.
Марина! каково сказала?

Марина

Как княгиня!

Явление 3

Чванкина, Милена, Марина, Полист.

Чванкина

А! господин Полист! уж вы забыли нас.

Полист

Никак, сударыня; лишь только сей же час
У графа речь была о всячине со мною.
Я и об вас ему напомнил; он душою
На вашей дочери сей день жениться рад.
Хоть это для него, по правде, и не клад,
Но делать счастье он другим всегда желает;
Притом же любит вас и очень почитает.
Уже об этом он уведомил и двор.

Чванкина
(с радостью)

И двор уведомил!.. Как в милостях он скор!
Так знают во дворце о нас?

Полист

Не только знают,
Но и по комнате о вас лишь рассуждают.

Чванкина

(с радостью)

Уж и по комнате!

(К Милене)

Смотри, какая честь!

Полист

И имя вашего не смеют произнесть
Иначе, как всегда с учтивостью, с почтеньем.

Чванкина

(с радостью)

С почтеньем!

(К Милене)

Спрячься, дочь, с любовным ты мученьем,
И надобно тебе исчезнуть от стыда.

Полист

Того я и смотрю, что кучею сюда
Наедут наши все придворны кавалеры;
И я, поверьте мне, сударыня, той веры,
Что свадьбе надобно севодни точно быть;
Вы это знаете: двором нельзя шутить.

Чванкина

Такое мне родство прелестно и священно;
И свадьбу кончим мы севодни непременно.

Милена

Да как же?..

Чванкина

Перестань.

Милена

Ах, матушка!

Чванкина

Не ври,
Замолкни.

Милена

Я умру.

Чванкина

Пожалуй, ты умри,
Да только лишь умри графиней.

Милена
(отходя)

Нет надежды!

Полист

А вот и граф идет.

Явление 4

Чванкина, Полист, Марина, Верхолет.
Перед ним выходит толпа лакеев, скороходов, гейдуков.

Верхолет
(держа пук бумаг и притворясь, что никого не видит, говорит сам с собою громко)

Как скучны мне невежды
Просители! они прохода не дают;
Как будто лишь для них все знатные живут.
Да если б были хоть их просьбы справедливы;
Без основания докучливы, брюзгливы,
Их все желания лишь только вздор один.

Полист
(к Чванкиной)

Смотрите, знатный как страдает господин.

Марина

Зато какая ж честь ему!

Чванкина

Какая слава!

Верхолет

(не примечая никого, развертывает одну из бумаг)

Вот на еще какой! Он мастер танцевать,
За то — в судьи; нет, друг, тут надо рассуждать
И дело головой вертеть, а не ногами.

(Развертывает другую бумагу.)

А этот что поет?.. «Я разными стихами
Лет сорок всем служу; вельможей тешу, двор;
Я старе всех теперь в России стихотвор;
А старшинство мое другие отнимают
И более меня уж нравиться дерзают.
Нельзя ли, государь, мне выходить указ,
Чтоб мне лишь одному принадлежал Парнас».
Ну, вот желание, достойное поэта!

(Развертывает еще бумагу.)

Посмотрим, это что? «Из стран далеких света
Я дарования мои принес пешком.
Когда изволите, я к вам приду с мешком,
В котором кроются проектов важных силы;
Для государства все они златые жилы.
Лишь только надо мне вперед сто тысяч дать».
Все можно ль глупости людей перечитать.
Гей! господин Полист! где вы?

Полист

Что граф прикажет?

Верхолет

Любезный секретарь меня весьма обяжет.

(Отдает бумагу.)

Всё это рассмотрев, доложишь после мне.

Полист

(указывает на Чванкину)

Оборотитеся вы к этой стороне.

Верхолет

(к Чванкиной)

Вы здесь! простите мне, я вас и не приметил.
Народ просителей меня вокруг осетил
И голову вскружил.

Чванкина

Извольте продолжать,
Не беспокойтеся.

Верхолет

Мне слова два сказать,
Вы не поверите, как жить нам, знатным, тошно.

Чванкина

Я это чувствую.

Верхолет

(тихо Полисту)

Так можно ль жить оплошно:
В передней я нашел заимодавцев тьму;
Они наделали б ужасну кутерьму.

Полист

(тихо)

Но вы умеете всё так облагородить;
Ваш ум изо всего вам выгоды выводит.

Верхолет

(громко Полисту)

Отправил ли мои ты письма к королям?

Полист

(громко)

Уже ко всем, суда́рь, отправлены дворам.

Чванкина

(Марине)

Он пишет к королям, ты слышишь ли, Марина!

Марина

Пред знатностью его всё червь и паутина.

Верхолет

(Полисту)

Тот князь, который мне отды́ха не давал?..

Полист

Уже определен.

Верхолет

А этот генерал,
Который к моему так дому был привязан?

Полист

Он вам за пенсион во весь свой век обязан.

Верхолет

Я очень рад тому; доволен я теперь:
Севодни запереть могу щедроты дверь.

(К своим слугам)

Скажите всем, что я в сей день невидим боле.

(К Чванкиной)

Теперь, сударыня, я весь, весь в вашей воле.

Чванкина

Сиятельнейший граф, как рада я тому,
Что делаете честь вы роду моему
И милостиво дочь мою...

Верхолет

Моя то должность
Служить, угодным быть, колико есть возможность.
Готов нача́тое севодни окончать...
Вот на, еще забыл я нечто приказать!
Простите мне.

Чванкина

О граф! со мною не чинитесь
И как с покорнейшей своею обходитесь.

Верхолет

(пошептав на ухо Полисту, к Чванкиной)

Итак, севодни мы...

(Опять к Полисту)

Послушай-ка, мой друг,
Имея пропасть дел, всего не вспомнишь вдруг...
К знатнейшим барам я в сей день на ужин прошен,

Там в спальне на окне билет зазывный брошен...

(К Чванкиной)

Я буду ль ужинать, сударыня, у них?

Чванкина

Ах, граф, за что лишать нас милостей своих?
Иль свадьбу уж свою отсрочить вы хотите?

Марина

(на ухо Чванкиной)

Поберегитеся, его не упустите.

Чванкина

Ах, граф, не сделайте несчастными вы нас.

Верхолет

Уж я сказал, что я завишу весь от вас.

(К Полисту)

Вы после съездите сказать, что к ним не буду.

(К Чванкиной)

Не знаете, меня как ловят все на уду.

Явление 5

Чванкина, Верхолет, Полист, Марина, Простодум.

Простодум

(Верхолету)

Приказчик от купца...

Верхолет

Но я велел сказать,
Чтоб никого ко мне в сей день не допускать.

Простодум

Ему я сказывал такое повеленье,
Да он не хочет прочь.

Полист

Какое дерзновенье!
Вот я его ужо, вот я... да вот он сам.

Явление 6

Чванкина, Верхолет, Полист, Марина,
Простодум, приказчик.

Приказчик

Хозяин говорит, какой-де это страм,
Что денег...

Верхолет

(прерывая скоропостижно)

Ничего. Пускай он не стыдится.

Приказчик

Я должен-де и сам севодни же платиться.

Верхолет

(тихо)

Пришлю иль привезу,

(громко)

конечно, через час.

Приказчик

Мы это слышим-ста уже не в первый раз.

Верхолет

(тихо)

Негромко говори.

Приказчик

Как брали, то кричали,
А как пришло отдать, так мы же бы шептали.

Верхолет

(громко)

Ты слышишь, через час — довольно ли того?

Приказчик

Когда то истина, порадую его;
Хозяин бедный мой горюет да хлопочет.
Одна боярыня свою дочь выдать хочет:
Хозяин должен ей десятков тысяч до семи.
Так, слышь, проклятая, где хочешь, там возьми.

Чванкина
(приказчику)

А кто?..

Полист

Не стыдно ль с ним беседой унижаться;
И вам, сударыня, не должно забываться,
Что тещей будете вы графа моего.

Чванкина

Хотелось только знать, хозяин кто его.
Мне нýжда есть.

Полист

Спросить о том вы мне велите.
(К приказчику)
Послушай...

Верхолет
(приказчику)

Через час моей присылки ждите.
(К Чванкиной)
Вот как, сударыня, в долг деньги отдавать.
Я жалостлив, ссудил и должен вечно ждать;
Но более часá терпеть я не намерен.

Чванкина

А сколько должен вам?

Верхолет

Хоть долг и не безмерен,
И двадцать тысячей плевать бы для меня, —
Порядок нужен мне, люблю порядок я.

Чванкина

Судить изволите вы очень справедливо.

Верхолет

Я долго ожидал и очень терпеливо.

Полист

Хозяина его Выфантьичем зовут.

Чванкина

Узнала, этот же и мне ведь должен плут.

(К приказчику)

Скажи хозяину...

Полист

Опять вы позабылись,
Быть знатной дамою еще не приучились;
И становитеся всегда вы с чернью в ряд.
Ведь дамы знатные с купцом не говорят.

Чванкина

То правда... Вы мое желанье изъясните
И через час привезть мне деньги прикажите.

Полист

(отведши приказчика на сторону)

Вот этой барыне хозяин должен твой,
А дочь ее берет сегодня барин мой;
Ты разумеешь ли? а?

Приказчик

Очень разумею;
Не промах я, считать не меньше вас умею;
И сколько должен нам твой барин, Верхолет,
Точнехонько того у нас недостает.
Так сделать перевод нам оченно свободно.

Полист

О чем шуметь?

Приказчик

Никак и всё-ста благородно.

(К Чванкиной)

Теперя ни за чем не станет уж у нас.

Чванкина

Чрез час!

Верхолет

Чрез час.

Приказчик

Чрез час.

Полист

(выводя приказчика)

Ты слышишь ли? чрез час.

Явление 7

Верхолет, Чванкина, Марина, Полист, Простодум.

Верхолет

Я думаю, опять купец меня обманет;
Но управитель мой те деньги мне достанет.

Простодум

Я здесь, сиятельный, за деньгами готов.

Верхолет

(Простодуму)

Нет. Я люблю всегда моих держаться слов
И, время дав на час, с терпеньем ожидаю.

(К Чванкиной)

Я управителя вам в милость поручаю:
Он добрый человек, изрядный дворянин.

Простодум Верхолету кланяется.

Марина

Полисту дядюшка.

Простодум кланяется Марине.

Полист

И скоро в знатный чин...

Простодум кланяется Полисту.

Чванкина

Он стоит этого.

Простодум кланяется Чванкиной.

Верхолет

Мое он знает слово,
Лишь надо потерпеть.

Простодум
(кланяясь Верхолету)

Не скоро, да здорово.

Верхолет
(Чванкиной)

Так точно свадьбе быть, сударыня, у нас?

Чванкина

Севодни ж, граф!

Верхолет
(Простодуму)

Поди. Я скоро дам приказ
Готовить всё.

Простодум уходит.

Полист! как близко нам до срока,
Когда со всех мне сел привозят сбор оброка?

Полист

Мне кажется, еще немного не дошло.
(К Чванкиной)
Не думаете ль, что у нас одно село?
Его сиятельство их множество имеет.

Чванкина

О том иначе кто, суда́рь, и думать смеет!

Верхолет

Столичное село как будто городок...
Какой бы, например?..

Полист
(Чванкиной)

Вы знаете ль Торжок?

Чванкина

Чрез этот город я нередко проезжала.

Полист

А Тверь, сударыня?

Чванкина

И тамо я бывала.

Полист

Сложите ж вместе вы в уме Торжок и Тверь —
Вот графское село, вы видите ль теперь?

Чванкина

От удивления, смутясь, мой разум вянет!

Верхолет

И тут, мне кажется, чего-то недостанет.

Полист
(на ухо Верхолету)

Не надо ли еще Москвы мне приложить?
Извольте, я готов и тем вам услужить.

Верхолет
(тихо Полисту)

То будет через край.

Чванкина

Как дочь моя счастлива!

Верхолет

Да где ж она?

Марина

Она, суда́рь, весьма стыдлива...
Хотя та честь, что ей оказана от вас,
Велика, но она... застенчива у нас.

Чванкина

Спасибо! из хлопот твой ум меня выводит.

Полист

(Чванкиной)

Марину также я хочу облагородить;
Когда согласны вы, чтоб я ее был муж,
То будет госпожой она моих ста душ.

Чванкина

От чести этакой возможно ль отрицаться.

Полист

(Марине)

Что ж ты молчишь?

Марина

Хочу стыдливою казаться.

Верхолет

(Чванкиной)

Однако мысль мою я должен вам открыть.
Я слышал... кажется, того не может быть...
Но, право, слышал я, что ваша дочь Милена
Не хочет быть за мной.

Чванкина

То сущая измена
И злая клевета!

Верхолет

Подумайте о том;
Из снисхожденья к вам в супружестве таком
Хочу я только быть; а впрочем, я покорный...

Чванкина

Не ведаю, отколь дошел слух этот вздорный.
Марина! ты?

Марина

Никак, клянусь.

Полист

Нет. В целый мир
Пустил дворянчик...

(к Марине)

как его зовут?

Марина

Замир.

Полист

Да, он... что ваша дочь к нему любовью тлеет.

Чванкина

Бездельник сей Замир!.. Милена не имеет,
Поверьте, подлых чувств, и, графу полюбясь,
Дворяне кажутся теперь ей все как грязь.

Верхолет

Однако слышал я, что вашу дочь прельстили.

Полист

Как видно, то с пути ее романы сбили.

Чванкина

(с сердцем)

Романы!.. я ее поотучу от них!
Романы!.. слушаться таких людей дурных!
А где они живут? И где она видалась?
Марина, от тебя и дочь избаловалась.

Марина

Клянуся, у меня таких знакомцев нет.

Полист

Замир же виноват, что то болтает свет.

Чванкина

Бездельник он!.. Но чтоб яснее оправдаться,

(к Марине)

Милене под венец вели ты одеваться.
А как нечаянно с тобой случилась честь,
Что хочет рок тебя в дворянки произвесть,

Чтоб быть достойною толь знатной перемены,
Надень любимое ты платейце Милены.

Марина
(уходя, к Полисту)

Теперь наверное дворянкою мне быть.

Полист
(Марине)

Я очень рад, что тем могу тебе служить.

Явление 8

Верхолет, Чванкина, Полист.

Чванкина
(Полисту)

Пять тысяч ей рублев приданым обещаю.

Полист

Из снисхожденья к вам я это принимаю.

Верхолет
(к Чванкиной)

Позвольте съездить мне невестам отказать.

Полист

Вы как же их, судáрь, заставите стонать!

Верхолет

Пускай стонают; я ль виновен в этом буду.

Полист

На что ж так милым быть?

Верхолет
(Чванкиной)

Невест всю эту груду
Для вашей дочери...

Чванкина

Какая милость нам!
Не в силах отслужить, сам бог отплатит вам.

Верхолет
(Полисту)
Что скажет вдовушка, ты ведаешь, какая?

Полист
С ума сойдет. Она ведь женщина презлая.

Верхолет
А о графине ты что думаешь, мой друг?

Полист
Наверное, умрет; уж носится здесь слух,
Что, из отчаянья, занемогла смертельно;
Вы знаете, она вас любит беспредельно.

Верхолет
(Чванкиной)
Вы видите ли, что я делаю для вас?
Прощайте же.

Чванкина
Нельзя ль приехать через час, —
И деньги привезет купец наш в то же время;
Когда их вам отдам, то с плеч спадет беремя.

Верхолет
(с видом негодования)
О! о! сударыня!

Явление 9

Чванкина, Полист.

Чванкина
Что этим граф сказал?
Он недовольный вид, прощаясь, показал;
Боюсь.

Полист
Такой его поступок мне не дивен:
О деньгах разговор ему весьма противен;
Вы тем, сударыня, обидели его.

Чванкина

Я это сделала из страха одного,
Бояся, чтобы он от нас не увернулся.
Приманку тем ему дать ум мой поскользнулся.

Полист

Приманка — деньги? Ах, какой же это вздор!
Вы знаете, что нам не нужен этот сор
И нас лишь честь одна, а не прибыток водит.
Вы нас обидели.

Чванкина

Меня с ума то сводит.
Теперь, суда́рь, теперь, храня я вашу честь,
Велю купцу мешки не вам, себе принесть.

Полист

Нет, нет, сударыня, вы всё спроста берете;
Из вашего вы льна нить грубую прядете.
Конечно, надобно вам графа уловить,
Но так, чтоб нежности его не повредить.
Вы это на меня, сударыня, взложите.
Приданые мешки к секретарю пришлите.
Как сделать, знаю я. Он знатный кавалер;
Давать же знатным есть совсем иной манер.

Чванкина

Пожалуйте, в мое незнание вступитесь.

Полист

Охотно, на меня лишь только положитесь.

Чванкина

(отходя, сама к себе)

Как чудны знатные! хотят и не хотят.

Явление 10

Полист

(один)

Нашедши в Чванкиной такой огромный клад,
И вправду, кажется, надеждой можно льститься,
Что можем наконец мы в знатные пробиться.
Фортуну только раз поймать бы за тупей,
А там, что хочешь, всё уж сделаешь из ней.

Явление 11

Марина, Полист.

Полист

Как в этом платье мне прелестна ты, Марина!

Марина

Не называй меня... преважная причина
Для общей выгоды меня сюда ведет:
Замир приехал к нам и уж сюда идет.
Вот в этом платье дав ему я вид измены,
Я голову ему вскружу против Милены.
Нетрудно сделать то: с ее мой сходный рост,
Моя похожа речь и этот длинный хвост
Обманут молодца, — а нрав его ревнивый...

Явление 12

Замир, Марина, Полист.

Замир

(не видя никого)

Приехал мой отец! Какой мне день счастливый!
И как обрадую Милену... вот она!
Что вижу я? Она с Полистом, и одна!
Тихонько подойду.

Марина

(к Полисту, подражая голосу Милены)

Уверь ты графа дорогого,
Чтобы злословия не слушал он пустого;
Что сердце предано мое навек ему...

Замир

(бросается к Марине, которая опахалом закрывается)

Клятвопреступница! к смятенью твоему
Увидь меня, увидь!

Марина закрывается опахалом, кланяется и уходит. Замир за ней бежит, но находит двери заперты.

И мною так ругаться!
И дверью в нос толкать!

Полист

(издали)

Вы часто ль объедаться
Изволите, суда́рь, так сильно белены?
Или все в вас должны быть девки влюблены?

Замир

(приближаясь к Полисту)

Бездельник, смеешь ли!..

Полист

(удаляется)

Пожалуй, берегися,
Когда быть хочешь цел, то издали сердися.

Замир

Я глупо делаю, что столько горячусь.
Не бось, поверь ты мне, с тобою не свяжусь.

Полист

(издали)

Не бось? кого? тебя? пустое, друг, затеял.
Ты, видно, тамо жать привык, где ты не сеял;
Находишь страх во мне, а страсть к себе в Милене.

Замир

Так нет сомнения о лютой сей измене?

Полист

Ты слышал сам. Да что изменою зовешь?
Худое вкусу ты название даешь.
Когда бы, например, вот пряжки ты дурные
(указывает на Замировы пряжки)
Возмог переменить на пряжки золотые,
Ты был бы очень прост, в обмене отказав.
Ты — пряжки медные, а золотые — граф.

Замир

Я заколю тебя в награду дерзновенья...

Полист

(бежа)

Не трушу, а бегу я прочь из сожаленья.

Явление 13

Замир

(один)

Темнеет свет в глазах, кипит моя вся кровь!
Вот верность женская! вот страстная любовь,
Которую хранить ко мне клялася вечно.
Милена! мучишь ты меня бесчеловечно!
Уверен быв тобой, к родителю писал,
Чтобы спасти меня сюда он поспешал;
Что спесью Чванкиной, а больше простотою
Могу расстаться я с Миленой дорогою;
Что, знатностью прельстясь и слово пременя,
Мать хочет погубить Милену и меня...
Приехал честностью своей старик прославлен.
Зачем? Чтоб видеть, как сын пре́зрен и оставлен!
Пред целым светом я, а пуще пред отцом,
Милена, делаюсь тобою я глупцом.
Коль с счастием меня лишаешь ты и чести, —
Умру, неверная! умру! но не без мести.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТИЕ

Явление 1

Честон, Замир.

Честон

Что ты так тверд, мой сын, я радуюсь тому.
Забудь неверную и, следуя уму,
Кажи ты ей, кажи хладнейшее презренье.

Замир

(с жаром)

Я позабыл бы всё к себе и к вам почтенье,
Когда хоть искру бы питал я к ней любви!

(Сие говоря, он рвет шляпу.)

Честон

(усмехаясь)

Так; точно так, мой сын, — да шляпы лишь не рви.

Замир

Не кажется ли вам, что будто огорчаюсь?

Честон

Нимало; твоему спокойству удивляюсь.

Замир

Подумайте, суда́рь! так люто мной играть!
А наконец и дверь пред носом запирать!
Как можно сделать то?

Честон

То правда, что обидно.

Замир

Обеспокоя вас, мне жаль того и стыдно.
Когда бы я один в сем случае терпел,
Нималой, право бы, досады не имел;
За вас я...

Честон

Обо мне прошу не суетиться.
Не знаю, надобно ль чего тебе стыдиться;
А если надобно, так только лишь любви,
Что и презренная горит в твоей крови.

Замир

Кто? я люблю? о! нет, я только лишь сержуся.

Честон

Да сердце отчего?

Замир

За вас, суда́рь, бешуся.

Честон

Оставь меня, мой друг, себя побереги.
Ты любишь.

Замир

Право, нет.

Честон

Пожалуй же, не лги.
Ты знаешь, как порок толь низкий безобразит.
Лжец равен с тем почти, кто в окны тайно лазит...
Признайся, что хотя желал бы не любить,
Однако ж пламени не можешь истребить;
Что если б знал, что то поможет от измены,
Тотчас упал бы ты к ногам своей Милены.

Замир

Увидя по глазам, что плакать я готов,
Узнайте, батюшка, своих вы правду слов:
Люблю Милену я, люблю ее, как душу,

И, может быть, и век сей страсти не разрушу,
Но не подам краснеть нималых вам причин.
Я горько мучуся, однако я ваш сын.
Милену потерять или не жить — мне то же,
Плачевна будет жизнь, но жизни честь дороже.
Достоин буду вас, и в горести стеня.

Честон

Любви твоей, мой сын, нимало не виня,
Твоим борением доволен я неложно.
Хоть слабым можно быть, но подлым быть не должно.
Что обманулся ты, виновно сердце в том;
Ошибку сердца ты теперь поправь умом.

Замир

Увидите, как я исполню то охотно.
При вас расстануся навек, бесповоротно.

Явление 2

Милена, Замир, Честон.

Милена

(не видя их)

Быть можно ли тому? Замир бесчестен так,
Что был причиною о мне толь подлых врак.

(Увидя Замира)

Вот он! .. Вы здесь? ..

Замир

(перерывая Милену скоропостижно)

Я здесь, сударыня, не с тем,
Чтоб шу́том вашим быть в мучении моем,
Чтоб ваше стонами тщеславье позабавить
И новый способ вам к ругательству доставить.
Нет, нет, сударыня, я создан не к тому.
Ищите жертв иных притворству своему
И верьте, ваше мне не столько сердце лестно,
Чтоб для него стерпел я то, что мне бесчестно.
Прощай.

(Идет потихоньку прочь.)

Милена

Изменник!

Замир

(возвратясь к отцу)

Я ж, сударь, изменник стал!

Честон

Поди, Замир; теперь ты ей уж всё сказал.

Замир

Смотрите, как, смутясь, она оцепенела.
Когда бы обо мне еще не сожалела...

Честон

Замир! вот как свою одолеваешь страсть;
И сам ты над собой шутить даешь ей власть.
Влюбленных без любви сердечных сих воровок
Иль модных женщин ты не ведаешь уловок:
Чтобы вздыхателя в оковах удержать,
Они и в обморок готовы упадать.

Милена

(с сердцем)

Такой обидою до сердца пораженна,
Кляну мою любовь; я ею посрамленна.

(Уходит.)

Явление 3

Честон, Замир.

Замир

С каким презреньем к нам она отсель ушла!

Честон

Досадно, что тебя не дураком нашла...
Но чтобы свободить себя любви от бремя,
Не трать ты в праздности, мой сын, напрасно время,
Которого и так довольно погубил.
Что в свете делал ты? лишь только что любил.

Наставлен понимать всю должности подробность,
Имея обществу полезным быть способность,
Не стыдно ли тебе, скажи, любезный сын,
Носить ничем еще не заслуже́нный чин?
И, титлом пользуясь природного дворянства,
Иных прав не иметь, окроме только чванства?
В род титла государь заслугам отдает,
Чтоб славну предку был потомков равен род;
И всякий человек, породой отличенный,
Быть должен гражданин, заслугами отменный;
А впрочем, род — мечта; и что дворянство есть?
Лишь обязательство любить прямую честь.
Но в чем она? мой сын, ты это точно знаешь:
Чтоб должность исполнять; а ты не исполняешь.
Ступай в свой полк, служи ты, взяв с меня пример.

Замир

Замешанный в толпе последний офицер,
Какую пользу тем я обществу доставлю,
Когда в полку число поручиков прибавлю?
Когда б хоть ротою я мог повелевать. . .

Честон

Тогда б ты сам не знал, что делать, что начать.
Чтобы нам с честию во власти показаться,
Так надо наперед уметь повиноваться.
Я мог бы, может быть, подобяся иным
И слишком дорожа рождением своим,
Чрез хитры происки, чрез теток, через лести
Тебя довесть больших чинов к бесчестной чести,
Которые, тобой не быв заслужены,
Бесстыдству моему лишь были бы даны;
Но я о том совсем иначе помышляю
И счастья легкого я сыну не желаю.
Мне сносней, чтобы ты обижен в службе был,
Как отнял у других чего не заслужил.

Замир

Вы обижаете, суда́рь, меня напрасно.
В том с вашим мнением мое во всем согласно;
И совесть бы меня угрызнула моя,
Когда б я принял то, чего не стою я.

Я только говорю, что ныне, в мирно время,
Я буду при полку ненадобное бремя.
Когда б была война, поехал бы лить кровь...

Честон

При сих стихах Чванкина выходит.

Вот это говорит одна твоя любовь;
И должность ты свою на то лишь унижаешь,
Что при Милене ты остаться здесь желаешь.
Отанься здесь, мой друг, чтоб плакать перед ней...

Явление 4

Чванкина, Честон, Замир.

Чванкина

Не плакать вас прошу я к дочери моей, —
На свадьбу.

Замир

А когда?

Чванкина

Севодни.

Замир

Всё свершилось!

Чванкина

Как рада! Сердце уж ее совсем отворотилось
От сына вашего; и вот теперь, сказав
Она сама мне то, что ей милее граф,
Сказала, что и вы сюда же прискакали...
Конечно, вы ее по дружбе уломали?
Любя меня, совет вы точно дали ей
Не погубить и вас и матери своей.
Куда, отцы мои, одолжена я вами!
Она барахталась руками и ногами.
Твердила плачучи: «В Замире весь мой свет!»
Ну, если б это граф услышал Верхолет!
Лишь вспомню — волосы все дыбом становятся!

Честон

Чего ж боялись вы?

Чванкина

Как знатных не бояться!
Да всё уже прошло. Дурное позабыв,
Мы станем думать, как мой будет дом счастлив.
За вашу дружбу вас обоих не оставлю
И графу в милость вас когда-нибудь представлю.

Честон

Нам в этом нýжды нет.

Замир

(к Честону)

Теперь иду от вас,
Чтобы готовиться к отъезду сей же час.

Чванкина

(ухватя за руку Замира)

Нет, нет, не отпущу: я нýжду в вас имею.

(К Замиру)

На свадьбе выступлю с тобою минавею.

(К Честону)

С тобою польш; всю ночь провеселимся все.
А там счастливый путь по утренней росе.

Замир, вырывая руку, уходит.

Явление 5

Чванкина, Честон.

Чванкина

Что, батька, так сердит? и чем он так гордится?
Так с знатной барыней возможно ль обходиться?
Не худо бы тебе сынка-то пощунять.

Честон

Учите лучше дочь людей не обижать.

Чванкина

Ах, батька! это что? Вам, кажется, обидно,
Что дочь графинею? Я знаю, что завидно;
Да как же быть? добра себе желает всяк.

Честон

(в сторону)

Кто спорит с дураком, тот будет сам дурак.

(К Чванкиной)

Я счастью вашему нимало не мешаю;
Но верьте, я графинь с разбором почитаю.

Чванкина

Вот на... я слышу шум! конечно, граф идет;
Головушка моя навеки пропадет;
Рассердится, узнав, что ты отец Замиру.
Пожалуйте, меня поберегите сиру;
Чтобы не снять с меня вот этой головы,
Замировым отцом не сказывайтесь вы.

Честон

Не бойтеся, я вас хочу совсем оставить...

Чванкина

Нет, можете себя вы графом позабавить
И нашей посмотреть блестящей славы свет.

Честон

Но графов я видал.

Чванкина

Таких под солнцем нет.

Явление 6

Верхолет, со скороходами, лакеями и проч., Честон, Чванкина, Полист.

Верхолет

Со мною встретиться и — шляпы не подвинуть!
За это должно бы его с крыльца мне скинуть.

Чванкина

А кто осмелился, сиятельнейший зять,
Такие грубости пред вами показать?
Какой-нибудь дурак, невежа и скотина!

Верхолет

Замир, сударыня.

Чванкина
(испугавшись)

Я, право, не причина.

Честон

Что будет далее, но только этот граф,
Как кажется, одним своим нахальством прав.

Верхолет
(Честону)

Подумайте, суда́рь!.. известно вам то буди:
И графы и князья, все, словом, знатны люди,
То ведая, кто я, почтенье кажут мне.
Всей здешней, думаю, известно стороне...
Да что, известно то в местах и дальних света,
Как должно почитать всем графа Верхолета;
А мальчик...

Честон

Может быть, он вас и не узнал.

Верхолет
(хохочет)

Вот что смешно! не знать! меня!

Чванкина

Нет, он нахал,
Мальчишка!..

(На ухо Честону)

Не сердись; уж до́лжно тут браниться,
Коль знатный господин изволит рассердиться.

Честон

(на ухо Чванкиной)

Я знатности слуга; и знатным я не чту,
Кто...

Чванкина

Разве виснет брань кому на вороту?
Иль сына твоего он этим поубавит?
Изволит побранить, а после не оставит.

Верхолет

Не знаю, отчего такой молокосос
Возмог осмелиться пред графом вздернуть нос?
Иль, быв соперник мой, он равен мне быть мыслит?

Честон

Он вас достойнее себя Милены числит.

Верхолет

Я это думаю.

Чванкина

Милена и сама
И спит и видит, чтоб...

Верхолет

Она не без ума.

Чванкина

И всё уж сделает, когда ей растолкуют;
Она ведь знает то́, где раки-то зимуют.

Верхолет

И графа, думаю, мальчишке предпочтет...

(К Честону)

Но дерзость мне, суда́рь, его с ума нейдет.
Вот так-то молодость и счастие теряет,
Когда таких уже, как я, не почитает.
Я, может, тем его немного огорчил,
Что сердце от него Милены отлучил;
Но было у меня ему во утешенье
За то уже совсем готово награжденье.

Когда бы не таков он был и груб и рьян,
То был бы гвардии он завтра капитан.

Честон

Того не надобно, пусть в армии послужит.

Верхолет

Изрядно сказано; пускай его потужит,
Пускай научится, как графов почитать;
И лучше бы отец его не мог сказать...
Но кто его отец?

Чванкина

Его он ожидает.

Верхолет

Для свадьбы, слышал я?.. Напрасно прогуляет
Путь дальный старичок; его мне очень жаль.

Честон

Отцу увидеться со сыном не печаль,
И верьте, что ему не будет то досадно...

Верхолет

Что у меня со всех сторон с Миленой ладно,
Не правда ли? Итак, умнее сына он?
А как его зовут?

Честон

Зовут его Честон.

Чванкина

Пречестный старичок! и он сюда не будет...

(На ухо Честону)

Прошенья моего Честон не позабудет?

Честон

(на ухо Чванкиной)

Докуда можно мне.

Верхолет

Где служит он? и чем?

Чванкина

Делами так вертит, как будто бы мячем.
Такой учтивец он! такой ко всем приветник!
И в городе у нас коллежский он советник.
За то от всех почтен он в нашей стороне.

Верхолет

Честон?.. Советник?.. Ба! да он известен мне.
За чином долго здесь у знатных волочился, —
Ничто не помогло; но я уже вступился.

Честон

Так должен вам Честон за чин благодарить?

Верхолет

Кому ж? неужто вам? коль смею я спросить.

Честон

(в сторону)

Бесстыднейший хвастун!

Верхолет

Когда неймете веры,
Откройте только мне желаний ваших меры —
В минуту сделано; и я служить всем рад.

Честон

На просьбы я, суда́рь, немного туговат.

Верхолет

Да без меня нельзя ж вам будет обойтиться:
Пришло бы ведь ни с чем Честону возвратиться,
Напрасно время здесь и труд свой погубя...

Честон

Да знаете ли вы его?

Верхолет

Как сам себя;
И этот батюшка любовника Милены
В передней у меня потер спиною стены.
Не правда ли, Полист? Вам скажет секретарь.

Полист

Бесплодно потоптав он крыльца здешних бар,
Которые ему совсем уж отказали, —
Знать, невозможностью дать чин ему считали, —
Не помню, у меня как случай он нашел —
И я его тотчас чрез графа произвел.

Честон

Божуся вам, что вы не знаете Честона.

Верхолет

Не знать его, суда́рь, мне не было б урона,
Но если я его вам живо опишу,
Со мною о это́м я спор ваш утишу.

Чванкина
(Честону на ухо)

Не спорь, отец мой, с ним: он, знаешь, барин знатный.

Честон
(на ухо Чванкиной)

Он дерзкий человек, хвастун, шалун развратный!

Чванкина
(заткнув уши)

Не слышу я.

Верхолет

Что там вам смеют говорить?

Чванкина
(с трусостью)

Нет... право, ничего... Изволит вас хвалить.

Верхолет

Да почему же то быть может непонятно,
Что мне Честон знаком?

Честон

Мне то невероятно.
По слуху одному, который говорит,
Что, честно он служа, в передних не стоит,

Что он чрез подлости достоинств не ловитель,
Что барин — честь его, а служба — покровитель,
Что молвить за себя не просит он словца, —
А впрочем, я его не знаю и лица.

Верхолет

Так я ж вам сделаю его изображенье.
Лицо широкое его, как уложенье,
Одето в красненький сафьянный переплет;
Не верю я тому, но, кажется, он пьет;
Хоть сед от старости, но бодр еще довольно...

Честон

А я вот слышал так, что говорит он вольно:
И если бы когда и граф какой стал лгать,
В глаза бы он сказал, что граф изволит врать.
Он сух, лицо его нимало не широко,
И хвастунов его далеко видит око;
А впрочем, он во всем походит на меня.
Но чтобы всё сказать — Честон, суда́рь, сам я.

Верхолет

Какое же вранье, какая дерзость эта!..
Ну, кстати ль, старичок, в твои почтенны лета
Лгать нагло...

Чванкина

Подлинно!

Честон

Нет, вам, когда вы граф,
Не стыдно ль, честности, сударь, презрев устав,
Который вам хранить...

Верхолет

Я вас не разумею.

Честон

Поди, сударь, поди, я вместо вас краснею,
А вы...

Верхолет

Полист! уже ль все письма к королям?..

Полист

Готовы все, суда́рь.

Честон

(к Чванкиной)

А вы, не стыдно ль вам,
Когда при вас меня уверить в том дерзают,
Что я — не я, когда притом меня ругают,
А вы, сударыня, молчание храня...

Чванкина

Ох, боже мой! на что ссылаться на меня...
Честон ли ты иль нет, я этого не знаю;
Угодно графу как, я так и почитаю.

Честон

Как! столько подлости вы можете иметь,
Чтоб уличить его в толь видной лжи не сметь!
И, быв знакомы мне, сударыня, так близко,
Хотите потакать, и потакать так низко?..
Не граф, поверьте мне, — хвастун престрашный он,
И это правда так, как то, что я Честон.

Чванкина

Так что ж, что ты Честон, хоть знаю, да не верю.

Верхолет

(с видом насмешливым и презрительным)

О нет, нет, что я граф, я в этом лицемерю.
Не граф я, а такой вот точно дворянин,
И темный и простой, как этот господин.

Честон

Поверьте, быть таким желаю вам неложно.

Верхолет

(с насмешкою)

О! много чести мне — мне в том признаться должно.

(К Чванкиной)

А впрочем, пусть по мне он будет то, что́ он,
Да в свете только ли, что он один Честон?..

Что чином одолжил Честона я безмерно,
Я это ведаю и знаю очень верно.

Честон

Так я вам изъясню...

Верхолет

Того-то не терплю
И изъяснений я нимало не люблю.

(К Чванкиной)

Вы видите ль, что стал он признаваться
И с благодарностью уж хочет унижаться?
Но благодарности стараюсь избегать:
Я не для этого желаю одолжать.

Чванкина

Какой бесстыдник он!

Верхолет

То правда, что бесстыден;
И он, как в зеркале, в своем Замире виден,
Который подло так Милену клеветал.

Честон

Неправда, и мой сын...

Чванкина

Бездельник и нахал!

Верхолет

(Чванкиной)

Пойдем, уж он опять беситься начинает.

(К Честону, отходя)

О ваших дуростях севодни ж двор узнает.
Прости!

Чванкина

(к Честону, отходя)

Не знаешь, как он силен у двора;
Пропал ты, и навек.

Честон

Убила ты бобра.

Явление 7

Честон

(один)

Не знатный барин он, нет, нет! а он притворщик
И наглый с глупостей людских он пошлин сборщик,
Каких и много есть, которы тем живут...
Тем лучше, если муж Миленин будет плут:
Судьба и Чванкину накажет, и Милену
За толь обидную нам слова перемену...
Однако, может быть, не виновата дочь.
Сей граф, чтобы от ней отгнать Замира прочь,
Ей басенку о нем бесчестную составил
И девушке его ругателем представил.
Я слышал сам, как он то́ Чванкиной сказал,
Что будто дочь ее Замир оклеветал...
Жаль этой девки мне... Но надо всё разведать
И графа этого поближе поотведать...
Он, право, лжец; или не знаю я людей;
Но, кажется, видал их в жизни я своей.
Привыкнув к знатности, прямые знатны люди
Своей, как этот граф, не надувают груди.

Явление 8

Честон, Простодум (друг друга не видят).

Простодум

Да где ж племянник?.. Тьфу! хоть что проговорюсь
И графу дядею не быть не научусь...
Да не во гнев ему, мое мне сенато́рство
Выходит несколько уж, так сказать, и черство.
Всё денег дай да дай, а где их взять, бог весть.
Вот тут-то надобно ужом и жабой лезть.
Как знатный барин, граф не мыслит о доходе.
Что было у меня, вот всё тут и в приходе.
Уж я и сверх того, что дал, еще давал...
Кабы скорей свой долг привез купец провал;
Какой бессовестный... Да вот он сам, я чаю.

Честон

Кто это?.. кажется, его как будто знаю...
Да это Простодум! Зачем быть здесь ему?

Быть здесь при месте, то не по его уму.
Да полно, к счастию ведь глупость не препона.

П р о с т о д у м

Когда я не ослеп, то вижу я Честона.

Ч е с т о н

Да, я Честон; а ты или не Простодум?

П р о с т о д у м
(обнимая Честона)

Я это.

Ч е с т о н

Как тебе, мой друг, то впало в ум,
Чтоб из норы своей себя в столицу врютить?
Или в большой ты свет вступил?

П р о с т о д у м

Чем черт не шутит.
Я только прискакал, а уж и в сенато́ры.

Ч е с т о н

Ну полно! говоришь ты, кажется мне, вздоры.

П р о с т о д у м

Чтоб правда то была, не хочешь ты того,
Я вижу.

Ч е с т о н

Не хочу.

П р о с т о д у м

Скажи же, для чего?

Ч е с т о н

А для того, что я тебе добра желаю.

П р о с т о д у м

Я, право, этого добра не понимаю.

Ч е с т о н

Когда изволишь, толк о том тебе я дам.

Простодум

Послушаем; горазд я, брат, на толки сам.

Честон

Тем лучше... Например, когда бы ты был болен,
В болезни мог ли бы врачом тем быть доволен,
Который, никого до тех пор не леча
И не учась, себя вдруг выдал за врача?

Простодум

Ну нет!

Честон

Не правда ль, что б он был больным умора,
Здоровым смех?

Простодум

Тут нет нималого и спора.

Честон

Не спорь же, что такой ты точно сенатóр.

Простодум

Лих нет! вот тут у нас и выйдет спор.

Честон

Какой?

Простодум

Такой, что я не лекарь и не болен,
Так от сравнения я этого уволен.

Честон

А я тебя никак уволить не могу.
Тот равен завсегда всеобщему врагу,
Кто должность на себя такую принимает,
Которой он и сам совсем не понимает,
В которой действуя, он только что вредит;
Не действуя, смешон, за то что пнем сидит;
Который...

Простодум

Сам ты, пень, пожалуй, не бранися.

Честон

Я правду говорю, а ты себе бесися.

Простодум

Какая правда то? Чем я не сенатóр?

Честон

Безделкой — головой.

Простодум

Вот на! какой же вздор!
Скажи, иль головы тут надо золотые,
Глаза алмазны?

Честон

Нет; однако ж не такие,
Какие у тебя.

Простодум

Какие же, дружок?

Честон

Умнее.

Простодум

Зá это могу я дать толчок,
Как буду сенатóр; и у меня забудешь...

Честон

От этого, мой друг, умнее ты не будешь.
Вся только разница, когда поступишь так,
Что добрый ты теперь, а будешь злой простак.
И потому уже, что ты толико злобен,
К сему достоинству нимало не способен.
Которы на сию чреду возведены,
Те сердцем, как умом, равно отличены;
Не мысля о себе, о пользе помышляют,
Чем общества они блаженство подкрепляют;
Они хранители единой правоты...

Простодум

Какой же вздор, мой друг, от страха мелешь ты.
Нет, нет, не бось меня, тебя не изувечу.

Я сердцем только лишь на тех дворяней мечу,
Которы вкруг меня по деревням живут,
Которые меня, равно как скот мой, жмут.
Я так же их пожму во время сенато́рства
И покажу мои им разные проворства.
Покрепче буду их держать в моих руках
И, как на собственных, на их косить лугах.

Честон

Так ты лишь для себя быть хочешь барин сильный?

Простодум

А для кого ж? И вот какой вопрос умильный!
Неужто для других?

Честон

Да кто же обещал
Тебе?

Простодум

Есть собственный мой знатный генерал,
У коего теперь я в службе управитель:
Случайный самый граф, надежный покровитель.

Честон

Граф?

Простодум

Да, да, Верхолет... Чему ж смеешься ты?
Считаешь, думаю, всё это за мечты?
Не веришь, что ко мне такую милость кажет
Великий господин?.. Когда Честон прикажет,
По дружбе я ему открою весь секрет...
Узнай: племянник мне граф этот Верхолет.

Честон

Племянник!

Простодум

Так, мой друг.

Честон

Не тот ли он развратный,
Который...

Простодум

Да; теперь племянник очень знатный,
Богат, как Соломон, и силен у двора,
И в слове он так тверд, как будто бы гора.
Теперь поверишь?

Честон

Твой племянник?

Простодум

Что ж за диво?
Да только лишь тебя прошу весьма учтиво,
Чтоб ты до времени того не говорил,
Что дядя я ему; он сам о том просил.
Доколь не сенатóр, я в дяди не гожуся.

Честон

(хохочет)

Давно не хохотал, как я теперь смеюся.

Простодум

От радости?

Честон

Да, да.

Простодум

Я очень рад тому,
Что услужить могу и другу моему;
За сенатóрство я тебе не побожуся:
То дяде надлежит; а в прочем всё...

Честон

Клянуся,
Что надо кровь тебе с племянником пустить.

(В сторону)

Однако же, как всё на свете может быть,
Пойду разведаю, чтобы не ошибиться.

Простодум

(в сторону)

Ну, можно ль так кому от зависти беситься?

Честон

(Простодуму, отходя)

К сенаторству ума старайся припасать.

Простодум

Уж не твоя беда в Сенате заседать.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Явление 1

Милена
(одна)

Как я несчастлива и как судьбой гонима! —
Одной любовию ко счастию манима,
В Замире видела я всё, что льстило мне!..
Но, ах, исчезло то и было как во сне!
Неверный! позабыв, как верным быть мне клялся,
Забыв, как он любил, как мною восхищался
И как любила я изменника сего...
Любила?.. Ах, люблю еще теперь его!..
Но тягостная честь, как сердце ни страдает,
Презревшего меня презреть повелевает!..
А что и боле, с тем должна в союз вступить,
Кто так противен мне... Как можно то свершить!..
Граф этот, знатностью одною лишь гордяся,
Мне мыслит делать честь, со мной соединяся...
Замир жестокий! чем виновна пред тобой,
Что поступаешь так бессовестно со мной?
Со нравом то твоим, с твоей душой не сходно,
Чтоб...

Явление 2

Милена, Марина.

Марина

Вашей матушке, сударыня, угодно,
Чтоб одеваться вы изволили спешить.
К вечерне скоро уж везде начнут звонить,
А после должно вам тотчас и повенчаться.

Милена

Марина! а Замир?

Марина
(испугавшись)

Где видите его?

Милена

Чего ж пугаешься Замира?

Марина

Ничего.
Я думала, он здесь.

Милена

Да разве то ужасно?

Марина
(в сторону)

Немного для меня то было бы опасно.

Милена

Желала б я, чтоб он пришел в последний раз.

Марина

На то, чтобы еще обидеть больше вас?
(В сторону)
Ну, если он придет, мою узнает штуку,
Что я сыграла с ним.

(Хочет идти.)

Милена

Мою несносну муку
В сей горький час и ты не хочешь облегчить
И от меня бежишь?

Марина

Мне надобно спешить;
Мне ваша матушка накрепко приказала,
Чтобы от вас я к ней немедленно бежала.

Явление 3

Верхолет, Милена, Полист.

Милена

А вот и этот граф... Несносный вид глазам!

Верхолет

Еще я ничего о том не молвил вам,
Что, половиною я вас избрав моею,
О выборе таком никак не сожалею;
И не смотрю на ту безмерну высоту,
С которой нисходя, я вашу красоту
Украсить знатностью, как бисером, желаю.
Я очень добр и в том утеху обретаю,
Что удовольствие могу вам показать...
Хотя могу притом я нечто потерять,
Но вам хочу добра... и этого довольно.
Что сердцу вашему не может быть то больно,
Об этом спрашивать совсем и нýжды нет;
И если граф чего захочет Верхолет,
Я мыслю, никому не будет то противно.

Милена

Мне самолюбие такое очень дивно...
О том, мне кажется, нет нужды говорить,
Что сердца гордостью не можно покорить;
Что знатности не всех блистанье ослепляет;
Что часто человек и графство проклинает;
Что титла для иных не что, как только груз.
Вы знаете, судáрь, у всякого свой вкус,

И всякий счастьем то лишь только почитает,
Что мило для него, что сердце услаждает.
Иные, видя вас сияния в лучах
И только спесь нося в бесчувственных сердцах,
Чтя пышность знатности, несметное богатство,
В вас могут находить душе своей приятство.
Но я, не быв горда, к спокойству, к счастью века,
Желала бы иметь супругом человека.

Верхолет

(с негодованием величавым)

Так я не человек?

Милена

Вы больше, может быть.

Верхолет

(с довольным видом)

По крайней мере тем могу себя я льстить.

Милена

Но для меня, суда́рь, вы меньше...

Верхолет

Человека?

Милена

Такого, надобен какой к блаженству века.

Верхолет

А что ж препятствует, когда спросить мне сметь,
Со мной, сударыня, вам счастие иметь?
Позвольте вам сказать, мне это не обидно,
Но вам, сударыня, как это вам не стыдно,
Когда, оставя я различных здесь госпож,
Блестящих знатностью и красотою рож,
Которы на меня со всех сторон стреляют,
Не видя, мучатся, а видя, воздыхают;
Которы...

Милена

(прерывает с досадой)

Любят вас.

Верхолет

А вы?

Милена

Я не люблю.

Верхолет

Да я, сударыня, того не потерплю,
Чтоб, безрассудством вы толико ослепленны,
Могли бы своего быть счастия лишенны,
Которое хочу я вам собою дать.
Иных ведь надобно и к счастью принуждать.
Я вашей нелюбви нимало не боюся
И, не смотря на вас, на вас тотчас женюся.
Когда не можно мне в задаток милым быть,
Вы после станете ж таки меня любить,
Поверьте, станете, за это я беруся.

Милена

Любить вас не могу, я вам, суда́рь, божуся.

Верхолет

Пустое... видите, я сам себе не льщу;
Но вам ручаюся, что после вас прельщу.
Хотите ль об заклад?

Милена

Я выйграть не желаю.

Верхолет

Именьем всем моим против того дерзаю,
Что ваша матушка в приданое дает.
Хотите ли держать?

Полист

(в сторону)

Мой барин знает счет.

Милена

Уверить вас могу без всякого заклада,
Что вас, сударь, любить была б я очень рада,
Да этого уже никак не может быть,

И прямо можно лишь однажды полюбить.
Я сердце не для вас имею сотворенно.

Верхолет

Да сердце лишь тому и будет покоренно...

Милена

Кто для кого, суда́рь, произведен на свет.
Хоть молодость моих еще незрелых лет
Не всё так, может быть, как должно, понимает,
Но чувство в том меня неложно уверяет;
И спорить о это́м я стану до конца,
Что друг для друга есть рожденные сердца;
Они должны к себе взаимно устремиться
И в сердце наконец едино претвориться.
Тогда такой союз есть небо на земли,
Пред счастьем их ничто и сами короли.
А если же сердца, корыстью увлеченны,
Без всякой склонности лишь ну́ждой сопряженны,
Находят не любовь в себе — один товар,
Тогда супружество не есть небесный дар:
Негодование и грусть его вся доля;
И не супружество оно, сударь, — неволя;
И словом, на земле оно-то сущий ад, —
И проиграете вы графский свой заклад.

Верхолет

Для девки молодой в вас много уж искусства.

Милена

Чистосердечно я мои открыла чувства.

Верхолет

Условье с матушкой положено у нас,
Исполнить матери вам надобно приказ.

Милена

То правда, матушке угодно это стало,
Но сердце мне любить Замира приказало.

Верхолет

Замира? Этого, кто тронул вашу честь!

Милена

Он этим то во мне мог только произвесть,
Что, отказав ему, должна я ввек терзаться;
Однако не могу иному я отдаться;
И мне приятнее, коль правду вам сказать,
Мою любовь к нему вовек одолевать,
Впоследок в монастырь от бед моих сокрыться,
Как с вами иль с другим навек соединиться...
Я вас прошу: когда...

Верхолет

Не сделаю того,
Нет, нет; потребуйте иного вы чего,
А этого нельзя мне сделать одолженья.

Полист

(Милене)

Не надобно ли вам в чины произвожденья?

Верхолет

Какую вы сыграть хотите мне игру?
Вы знаете ль, что то известно уж двору...

Милена

(с презрением)

Прощайте же, суда́рь.

Явление 4

Верхолет, Полист.

Полист

Ее слова не льстивы.

Верхолет

Смотри, как мелкие дворяночки спесивы.

Полист

На эту дрянь на что нам, знатным, и смотреть;
Нам только бы одно приданое иметь.

Явление 5

Верхолет, Замир, Полист.

Замир

(Верхолету)

Мне с вами можно ли немного изъясниться?

Верхолет

(гордо и с видом, довольным собою)

Я не спесив, и в том всяк может поручиться.
Я позволяю вам, поближе подошед,
Сказать мне смело, в чем граф нужен Верхолет.
Привыкнув одолжать, и вас я не оставлю.
Хотите ли, я вас обогащу, прославлю?..

Замир

От вас мне милостей не надо никаких.
Благодаря моей душе, нет нужды в них.
Я к вам...

Верхолет

О! о судáрь, без робости просите.
Иль должно угадать мне, вы чего хотите?

Замир

Я ничего...

Верхолет

Так, так, чин, вижу, нужен вам.
Извольте...

Замир

Нет, судáрь.

Верхолет

Ин я его не дам.
Конечно, деньгами хотите награжденья?

Замир

Нимало. Вашего желаю лишь терпенья!
Извольте выслушать, что я хочу сказать,
И дерзко так меня не смейте унижать,

То думая, что я пришел с уничиженьем,
Как все, вам докучать покорнейшим прошеньем.
Я ваши милости себе вменил бы в стыд.

Верхолет

(Полисту)

Полист! мне кажется, он дерзко говорит.

Полист

И мне так кажется.

Верхолет

Иль он меня не знает?

Полист

Он к нам почтения совсем не наблюдает.

(К Замиру)

Хотите разве вы погибели себе?

Замир

Оставь меня! хочу я в горестной судьбе,
Чтоб мною он погиб иль я его рукою.

(Верхолету)

Коль есть в вас честь, должны вы резаться со мною.

Верхолет

За что?

Замир

Лишаяся всего, что я люблю,
Я вами горести несносные терплю.

Полист

Кто ж в этом виноват, что мы тебя милее?

Замир

Я в том и не виню. Но что того подлее,
Что может быть гнусней, как на меня всклепать,
Что будто я дерзнул Милену клеветать?
Бесчестием таким до сердца пораженный

И вашей знатностью совсем не изумленный,
Пришел сказать в глаза, что тот бездельник сам,
Кто...

Верхолет

Коль услуги все мои не нужны вам,
Когда ни чина вы, ни денег не хотите,
Для вас тем хуже то... тем хуже... Ну, простите.

Замир

(останавливая его)

Проститься должно нам со шпагами в руках!
Вы знатностью меня не приведете в страх.
Тот равен всякому, кто чувствует обиду.
Я к вам из должного почтения не выйду,
Однако умереть мне должно или вам!

Полист, испугавшись, крадется, чтоб уйти.

Верхолет

(то приметя)

Куда?

Полист

Иду писать я письма к королям.

Верхолет

Будь здесь!

Полист

Он против вас груб очень становится,
А я сердит и так боюсь разгорячиться.

(Хочет идти.)

Верхолет

Будь здесь, я говорю.

(К Замиру)

Ты был ли на войне?

Замир

Нет, не был.

Верхолет

Хорошо. Слыхал ли обо мне,
Какие чудеса в последнюю я строил?
Когда бы слышал ты, то храбрость бы спокоил.

(К Полисту)

Ты помнишь?

Полист

На моих всё было то глазах.
Я вижу: льется кровь! вы рубите, о, страх!
Как молния ваш меч, как тучи ваши брови!..
Всё гибнет!.. не могу текущей видеть крови
И для того бегу, бегу, бегу...

(Бежит, а Верхолет его останавливает.)

Верхолет

Постой.

Полист

Забылся... Ясно так представился мне бой,
И храбрость ваша мне так живо вобразилась,
Что струсила душа и в бегство обратилась.

Верхолет

О, трус! безделицы пугаться таковой;
А если бы ты был еще тогда со мной,
Как я приступом взял ту страшну батарею.

Полист

Как скромны вы, суда́рь... ведь я язык имею...
И славы вашея не потаю никак:
То город, помнится мне, был, иль я дурак...

Верхолет

Очаков.

Замир

Быть нельзя.

Верхолет

Очаков иль Бендеры,
Не всё ли то равно? Но видите ль, что меры

Тягаться шпагами нам нету никакой:
Я не хочу, чтоб вы убиты были мной.

Замир

А я, я очень рад, что с тем могу сразиться,
Которого руки всяк должен устрашиться.
Я думаю, что вы, забыв мой малый чин,
Но помня то, что я такой же дворянин...

Верхолет

Я граф, суда́рь, я граф; мне низко с вами драться;
С Полистом можете вы шпагой повидаться.

Полист

(на ухо Верхолету)

Нет, нет, за вас готов, что вам угодно, лгать...

(Вслух)

На то ль я дворянин, чтобы мне умирать?
Мне надо поберечь и для Марины душу.

Верхолет

(грозно)

О, трус!

Полист

О нет, сударь, нимало я не трушу...
Да только у меня вот шпага не остра...
Пойду я поточить... А вам быть у двора
Теперь же надобно, вы это позабыли.

Верхолет

Так, точно позабыл.

(Хочет идти.)

Замир

(останавливая)

Где б вы, сударь, ни были,
Меня со шпагою увидите везде,
Поверьте, от меня не скроетесь нигде!
Чтобы бесчестить вас, я следую за вами,
Иду...

Полист

Пропали мы с руками и ногами!

Замир

(вынимает шпагу)

Деритесь, или я...

Полист

(кричит)

Гей! люди, караул!
Разбой! разбой!

С одной стороны выходят Верхолетовы люди, а с другой Чванкина с Миленою.

Явление 6

Чванкина, Милена, Верхолет, Замир, Полист.

Чванкина

Кто шум такой начать дерзнул?
(К Замиру)
Ты?

Верхолет

Это ничего; приятельская шутка.

Замир

Кто, я приятель вам?

Полист

(Замиру)

Теперь ты сунься, ну-тка.

Чванкина

Скажите, граф, что он пред вами надурил?
Вы что-то вне себя, — он шпагу обнажил!

Полист

(Чванкиной)

Мы вспомнили, как мы давно уж воевали,
Как брали крепости, как войска разбивали;

А чтоб, сударыня, то в лицах показать,

(указывает на Замира)

Мы были крепость, он хотел присту́пом взять,
Да лих не удалось, и вы пришли к нам с войском

Замир

Обоих видел вас я в подвиге геройском.

Чванкина

Когда сиятельный изволит зять шутить,
Так всё и счастливо; о чем же мне тужить?

Верхолет

Пойдем, сударыня, поговорим о деле.

Замир

(Верхолету)

Вас буду ожидать по выходе отселе.

Явление 7

Замир, Милена, которая идет медлительными шагами.

Замир

Иди, сударыня, иди за графом вслед;
Он вашея любви предорогой предмет;
Судьба честнейшего супруга вам готовит!

Милена

По крайней мере он невинных не злословит.

Замир

Клевещет только он и взводит на других
Все мерзки низости прегнусных чувств своих.
И если шпагою его зовут к ответу,
То смел он обижать, а драться сердца нету...
Вот тот, для коего я вами так презрен!..
Но что, мой дух уж тем не будет возмущен...
Жалею, что теперь унизился укорой...
Причиною тому мой нрав горячий, скорый...

Но знайте же вы то, что я каков ни есть,
Но выше я всего одну считаю честь.

Милена

Что вы, судáрь, что вы о чести мне твердите?
Или меня любить бесславием вы чтите?
Так знайте же, что честь не меньше любят вас;
Чтоб это доказать, моих сокройтесь глаз,
Подите.

Замир

Я иду. Прости навек, неверна!

(Идет и останавливается.)

Милена

Какая дерзость в нем и наглость беспримерна!
Обидевши меня, меня ж пришел ругать.

(Увидя, что Замир еще не ушел)

Что ж вы нейдете?

Замир

Я?.. еще забыл сказать...
Тем больше докажу я ваше мне презренье...
Имею ль право к вам питать я огорченье?
Скажите и меня судите вы с собой.
Вы помните, как вы клялися предо мной
Всегда, сударыня, в то платье одеваться —
Не для того, чтоб мне прекраснее казаться,
Вы мне прекрасней всех казалися во всем —
Но чтобы повторять во сердце то моем,
Как в этом платье мне «люблю тебя» сказали,
Как в этом слове мне вы рай мой показали;
Всё кончилось, и та одежда вам гнусна!

Милена

Она, сударь, уже Марине отдана.

Замир

Марине?.. Хорошо... и этого довольно...
Уж сердцу моему теперь ничто не больно...

И правда, платье то нам стыдно надевать,
Которо кое-что нам может вспоминать.

Милена

Что значит «кое-что»? Вы, кажется, рехнулись.
Не угорели ль вы? от сна ли не очнулись?

Замир

Рехнулся я; а вы, я знаю, вы с умом,
Севодни поутру, одевшись в платье том,
О графе нежно так с Полистом говорили.

Милена

Кто? я?

Замир

Нет, нет, не вы, сударыня, то были,
Но привидение.

Милена

Кто? я с Полистом? я?

Замир

Я говорю — не ты; не ты, но тень твоя...
Притворщица!

Милена

Теперь ты бредишь очень ясно.

Замир

Не так измена, как притворство мне ужасно!

Милена

Я, видя то, что ты свой разум потерял,
Могу и в том простить, что ты о мне наврал.

Замир
(обрадовавшись)

Простить? .. Хотя ни в чем не винен пред тобою,
Однако же прости.

Явление 8

Милена, Замир, Марина.

Марина

(скоропостижно)

Извольте-ка со мною,
Уж время...

(Увидя Замира)

Ах!

Милена

Чего ты испугалась так?

Замир

Что вижу?.. так она... Конечно, я дурак...
Быть может, несколько ее с Миленой сходства
Причиною, что я наделал сумасбродства.

(К Марине)

Поговорим-ка мы, голубушка моя:
Скажи, как в первый раз севодни был здесь я,
С Полистом кто тут был? она ль? иль мне мечталось?

Марина

Вы сами видели.

Замир

Мне точно показалось.

Марина

О чем же спрашивать? У вас глаза ведь есть.

Замир

(к Милене)

Изобличилась мне теперь вся ваша лесть.

Милена

(к Марине)

Как смеешь говорить?

Марина

Не говорю ни слова.

Замир
(к Марине)

Ты в том стоишь?

Марина

Стою и клясться я готова.

Милена

А в чем, плутовка?

Марина

В чем угодно будет вам.

Милена

Клянись, была ль я здесь?..

Марина

Да он то видел сам.

Замир

И слышал.

Марина

Слышите ль? Что чувств своих вернее?

Замир

Скажи, сударыня, что этого яснее?
Обманы низкие и с наглостью такой...

Милена
(к Замиру)

Опять ты бредить стал...
(Увидя, что Марина хочет уйти)
А ты куда?.. Постой!

Марина

Мне делать нечего, уж всё известно стало.
(Хочет уйти.)

Милена
(удерживая ее)

Что ты вредишь нам, то мне сердце угадало.
Я вижу всё.

Марина

Итак, во мне и нýжды нет.

(Хочет уйти.)

Милена

(удерживая ее)

Я вижу, обольстил тебя граф Верхолет;
Чтоб услужить ему, прельщенная надеждой,
Ты, пользуясь моей вот этою одеждой,
Котору матушка тебе велела взять,
Дерзнула на себя и вид мой в ней принять;
И, зная, близок как Замир всегда повздорить,
Меня имела ты удачу с ним поссорить.
Признайся, говори.

Марина

Пускай то будет так.

Замир

Что больше ей сказать; но я ведь не дурак.

Милена

Чтоб извинилась я, того ты недостоин...
Что хочешь думай, мой невинный дух спокоен.
Я больше не хочу сносить обид твоих.

(Отходя, к Марине)

А ты, бездельница, поди от глаз моих.

Марина уходит.

Замир

(останавливая Милену)

Постой, сударыня, я верю, ты невинна.
Достойна казней всех моя любовь бесчинна.
Клянусь у ног твоих тебя не огорчать.

Милена

Клянуся для тебя всех графов презирать.

Явление 9

Честон, Замир, Милена.

Честон

(Милене)

Мне также надобно просить у вас прощенья
За все, сударыня, пред вами дерзновенья,
В которых винен я, за сына огорчен.
Я скоростью его был очень ослеплен;
Но вижу всё теперь. Граф этот плутоватый...
Я всё о нем узнал... не знатный, не богатый,
Но дерзостный хвастун, слух этот пропустил,
Что будто бы о вас сын дурно говорил.
Имели право вы, я должен в том признаться,
За то, хоть солгано, Замиром возгнушаться.
Забудьте этот вздор, я должен вас просить...

Милена

Замир мне мил всегда, могу ли не забыть?

Замир

Я должен, батюшка, вам жизнию моею.

Честон

(Милене)

Где ваша матушка? Увидевшися с нею,
Потщуся ей глаза на хвастуна открыть
И всё употреблю, чтоб вас соединить.

Явление 10

Честон, Милена, Замир, Простодум.

Простодум

(Честону)

Ты тут?.. Напрасно, брат, повздорил ты со мною.
Довольнее тебя моею головою,
Которую ты, друг, не жаловал в Сенат,
Племян... тьфу! нет, бишь, граф уже привел всё
в лад:
И завтра ж, может быть, в Сенате я засяду.

Честон
(с насмешкою)

Я рад.

Простодум

Да нечего уж, надобно быть раду.

Честон

Да чем же он тебя уверить так умел?

Простодум

На плечи всем своим он случаем насел;
Ко всем при мне писал, я видел и ответы.

Честон
(смеясь)

Теперь имеешь ты неложные приметы.
Племянник твой...

Простодум

Что ты? какой племянник он?

(К Милене и Замиру)

Не верьте, шутствует по-дружески Честон
И мелет вздор.

Честон

Ну, что таить: вот графский дядя!

Милена

Не тем он кажется; и, на него бы глядя,
Подумать можно...

Простодум

Что б подумать обо мне?

Честон

Что кажется тебе сенаторство во сне
И что, как дурака, тебя твой мнимый граф обманет.

Простодум

Пустяк!.. Что скажет он, то мимо уж не канет;
То будет всё во рту, чем гладит по усам.
И как не верить мне тому? Я видел сам.

Честон

Что ж видел?

Простодум

Ничего, считаешь ты всё вздором.
А я таки на смех вот буду сенатором...
Ну, если покажу тебе я нечто, брат...

(Вынимает бумагу. Читает)

Смотри-ка... «Помещен достоин быть в Сенат».
А подпись!.. «Верхолет»... Что тут болтать пустое!

Честон, Милена и Замир смеются.

Вот графский аттестат! Ну! смейся, семя злое!

(К Милене)

Тебе, сударыня, хотя б не хохотать.
Я скоро дядя твой...

Честон

Ну, кто ж велел сказать,
Что дядя этому ты графу Верхолету?

Простодум

Да с вами пропадешь.

Честон

Поверь, мой друг, мне эту
Бумагу на часок.

Простодум

На что тебе она?

Честон

Для пользы мне твоей, поверь, она нужна.

Простодум

Тут нет ли штук каких?

Честон

К твоей всё будет чести.
Я скоро возвращу, и ты услышишь вести...

Простодум

Я понимаю: ты всем хочешь показать,
Чтоб знали все, что мне в Сенате заседать.

Честон

Конечно.

Простодум

Ну, изволь; давно бы так со мною.

(Уходит.)

Честон

Я вашей матушке теперь глаза открою.
От зятя-хвастуна ее освобожу,
И вас обрадую, и плута накажу.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Явление 1

Полист
(один)

Мы нынче хвастали некстати слишком много.
Честон всё в городе разведывает строго...
Что будет, если нам раззнатиться придет?
Когда честь наша с нас, как епанча, спадет,
Простите, все друзья... Марина и Милена!
Друзья ведь таковы: хоть мала перемена,
Хоть только крохотно несчастье — все и прочь,
А пуще женщины... Пожалуй, рок! отсрочь
На несколько часов нас, бедных, обнаружить,
Доколе мы себя возможем осупружить...
Да сердце говорит: тому-де не бывать...
Когда бы не Честон, нам всё бы наплевать.
Да он для нас тяжел... Повсюду он проворит
И с благочинием нас, кажется, он ссорит...
Я благочинного вот здесь у дома встрел,
Который на меня бесчинно посмотрел...
От взора этого кровь в жилах застывает.
Ох, дурно!.. Сердце мне добра не предвещает...
По нашей милости и дядя наш уж чист.

Явление 2

Марина, Полист.

Марина

О чем задумался, любезный наш Полист?

Полист

О суете мирской, любезная Марина,
О бренности вещей.

Марина

Да что ж тому причина?

Полист

Всё: счастье, случай, честь, сама твоя краса.
Или вертливости не знаешь колеса,
На коем счастие слепое здесь кружится?
Мне всё, не знаю как, неверно становится.
Что будет с нами впредь, возможно ль то узнать?
Растаять могут вдруг богатство наше, знать;
Нельзя надеяться на счастье, как на стену.
Фортуна — женщина, так любит перемену.

Марина

Да ты ведь дворянин?

Полист

(смутясь)

Я?.. я, конечно, так.
На что такой вопрос?

Марина

На то, что ты дурак...
Что графу не везет, ты, может быть, то слыша,
Смутился; плюнь!.. своя ведь у тебя есть крыша.
Пусть граф твой упадет, в деревне заживем
И по-дворянски век с тобою проведем.
Итак, ты видишь ли, ты прост по этой смете.

Полист

Да что, скажи ты мне, есть верного на свете?

М а р и н а

Я вижу, ты свою деревню промахнул
И оттого теперь ты точно пригрустнул.

П о л и с т

Вот на! иль мотом ты Полиста почитаешь?

М а р и н а

Мне, право, кажется, то видя, как скучаешь,
По крайней мере ты деревню заложил.

П о л и с т

Нет, нет, дурную весть оттуда получил.

М а р и н а

Какую?

П о л и с т

Так.

М а р и н а

Скажи.

П о л и с т

Что хлеб не уродился
И скот весь извелся.

М а р и н а

Ну, право, ты взбесился
Иль мыслишь о моей так мало красоте,
Что ты, как я твоя, скучаешь о скоте.

П о л и с т

О нет! поверь тому: мне прелести Марины
Милей всего, что есть... и даже и скотины.
Однако ежели во всем неурожай,
То как моя душа любовью ни пылай,
Но если нечего уже кусить нам будет,
То сердце и любовь, я думаю, забудет.

М а р и н а

Приданым я любовь такую подкреплю;
Скотины я тебе сколь хочешь накуплю.

Полист

Мне вместо этого тебя одной довольно...
Но сердцу моему то было б очень больно,
Что ну́жду для меня должна ты потерпеть.

Марина

Мне только хочется дворянство лишь иметь,
А там уж кое-как мы заживем с тобою.

Полист вздыхает.

Что значит вздох? что ты скрываешь предо мною?
Иль так в дворянстве, как во всем, неурожай?

Полист

О! о! пожалуй, ты меня не обижай!
Коль было бы всего так много, как дворянства,
Куда бы нам девать... Однако ж наши чванства
Рок чем-нибудь всегда умеет прижимать,
Величить нас в одном, в другом же унижать...
Но слышу голос я Честона-грубияна!
Чтоб знатного пред ним не уронить нам сана,
Пойду.

Явление 3

Честон, Замир, Полист, Марина.

Честон
(Полисту)

Постой, мой друг, куда бежишь от нас?

Полист

Мне ну́жда крайняя; мне должно быть сей час...

Замир

Не у двора ли?

Полист

Нет; но к одному агенту...
Я еду... а оттоль поеду к резиденту...
А после надобно к послу мне, может быть...
Я занят ужесть как.

Честон
(с насмешкой)
Нельзя ли отложить?
Вы тем изволите нам сделать одолженье.

Полист
Желал бы оказать охотно снисхожденье,
Но, право, не могу.

Честон
Я очень несчастлив.

Полист
(отходя, сам к себе)
Недаром что-то он против меня учтив.

Честон
(Марине)
Что здесь мы, то скажи ты барыне, служанка.

Марина
(отходя)
Учтивей говори, и я почти дворянка.

Честон
Теперь-то хвастуна, мой сын, изобличим,
Чрез благочиние законом обнажим.

Полист
(возвратясь с торопливостью, в сторону)
Что видел я?.. о, страх!.. тот самый благочинный!..
Который... ах, какой усов широкий, длинный!

Замир
Что скоро так, суда́рь, вернулись вы назад?

Полист
Ей-богу, я тому, сударь, и сам не рад.

Честон
Никак уже отсель дорога вам запала.

Полист

Еще, суда́рь, моя карета не бывала.

Замир

Да время хорошо, вы можете пешком.

Полист

Чему же, господа, смеетесь вы тишком?
Или... или меня не дворянином чтите?

Замир

О нет, считаем вас мы тем, чем вы хотите.

Честон

Мы верим, что граф — граф и дворянин — Полист;
Но есть тут человек, хотя и не речист,
Да лучше доказать породу вашу может
И даже сделать вам гербовник он поможет.

Полист

Нам в этом ну́жды нет; я не люблю гербов.
Во знаках лошадей, подков, медведей, сов
Заслуга истинна себе не видит чести;
И с графом без того велики мы... по чести.

Честон

Увидим.

Явление 4

Честон, Замир, Чванкина, Милена, Марина, Полист.

Чванкина

Ну́жда вам какая до меня?
Я вижу, прежний вы проступок свой виня,
Уж струсили... Не бось, мы с ним уж всё забыли.

Честон

Нет; я пришел сюда уверить, что я прав;
То ясно доказать, что Верхолет не граф,
И ваше странное разрушить ослепленье.

Чванкина

О боже! отпусти такое прегрешенье.

(К Полисту)

Вы видите, сударь, что я невинна в том.

Полист

(на ухо Чванкиной)

Да вы клеветников пускаете в свой дом.

Чванкина

Что делать?..

(К Честону)

Иль за тем меня сюда вы звали,
Чтобы в беду ввести, чтоб вместе мы пропали?

Милена

Поверьте, матушка, не граф...

Чванкина

И ты туда ж!
Ты забрала опять старинну блажь.

Честон

Что скажете, когда, как скоро граф приедет,
Пред ним докажем мы, что знатностью он бредит,
Что он обманщик...

Замир

Трус.

Чванкина затыкает уши.

Марина

Полист! что ты молчишь?
Обижен граф, а ты как вкопанный стоишь.

Полист

Не воин, секретарь, — так я не защититель;
Я графа моего лишь только тайн хранитель.

Честон
(Чванкиной)

Не закрываючи, сударыня, ушей,
Ответствуйте вы нам, по милости своей.
Что скажете, когда мы, снявши маску знати
С того, которого примаете вы в зяти,
В нем вам бесчестного покажем шалуна,
Кем будет ваша дочь в несчастье введена?
Что скажете?..

Чванкина

Кто? я?.. да это небылица...
Он знатный граф. Видна и по полету птица.

Замир

Ее подстрелим мы.

Полист

Мы слишком высоки.

Замир

Молчи... Ты видел там?.. Он тотчас за виски.

Чванкина

Кто там?..

Полист
(струся)

Сударыня!.. там общий нам знакомец.

Честон

Он скоро будет с ним и с графом однодомец.

Чванкина

Я милости прошу его войти сюда.

Полист

О нет, застенчив он и часто от стыда
Он вздорит, бесится и делает содомы.

Чванкина

Мне все приятны те, которы вам знакомы.

Полист

Я верю этому, да этот не таков...
Упрям он и угрюм, притом же нездоров.

Марина

(в сторону)

Полист смущен, Честон и сын его смеются;
Тут что-нибудь да есть.

Явление 5

Чванкина, Милена, Честон, Замир, Полист, Марина, Простодум.

Простодум

Вот скоро заведутся
И денежки у нас! Приказчик...

Чванкина

Пусть войдет.

Простодум

Он графа, говорит, дождется наперед.
Мое сенаторство, всё графству на подпору
Отдав, должно само во всем терпеть умору;
Да как же быть: терпи, так слюбится вперед.

Чванкина

Неужто лишь тобой богатый граф живет?

Полист

(струся)

Да, точно так; у нас... вы слышали, оброки...
Немного не дошли, сударыня, им сроки...
Но скоро привезут.

Честон

Откуда привезут?

Чванкина

Откуда?.. вот смешно! Не наше горе тут.
И графское село — Торжок да Тверь и с лишком.

Тут можно повернуть и с маленьким умишком;
А с графским разумом!.. Ась, господин Полист?

Полист

Вы это знаете.

Простодум
(Честону, который смеется)

Ты сущий атеист,
Смеешься ты всему и нет тебе святого.
Ты взял ведь аттестат, чего ж тебе другого?
Граф сильный человек и, следственно, богат...
Однако же, мой друг, отдай-ка аттестат.

Честон

Он скоро будет вам правительством доставлен.

Простодум
(с радостию)

Правительством!.. Вот он куда тобой отправлен!
Итак, сказать могу, что я уж сенатóр...
Но ты, по дружбе мне, немного слишком скор;
И граф было велел до завтра дожидаться...
Однако этим он не будет досаждаться,
Что ране сенатóр я несколько часов...
А хоть посердится, да будет же таков...
Признаюсь, поклонюсь: спина моя не черства;
Охота смертная, скажу, до сенаторства...
А как теперь себя не стыдно показать,
То графа уж могу племянником назвать.

Марина

Что слышу! а, Полист?

Полист

Час от часу дурнее.

Марина
(Полисту)

Так ты не дворянин?

Полист

Нет, я теперь знатнее.
Ты слышишь ли, что я и графу уж родня?

Марина

Я вижу, обманул, негодный, ты меня.
(К Простодуму, указывая на Полиста)
Так вы не дядя?

Простодум

Нет. Пускай не погневится;
Полист в племянники мне больше не годится.

Чванкина

Что слышу я теперь, всё это мудрено!
Почто ж...

Полист

Мне ваше всё сомнение смешно.
Или, племянником кого не почитает,
Того уж Простодум дворянства тем лишает?..
Я дворянин...

Простодум

Полист! ей, надобна душа.

Явление 6

Чванкина, Милена, Честон, Замир, Простодум, Полист, Марина, портной.

Портной

И у него есть, да... не больно хороша.
Уж сколько времени за долгом я скитаюсь.

Полист

(в сторону)

Отвсюду нам беда!..

(К портному)

Я скоро расквитаюсь.

Портной

Мне то же барин твой твердит, мой друг Полист.

Простодум

Вот это давешний портной-протоколист.

Портной

(к Полисту)

Ужо ли кончится моя теперь забота?

Простодум

Эк сильно забрала его к чинам охота!

Портной

Всяк должен по себе и остальных судить:
Как тошно ждать того, что должно получить...

Простодум

Он целит на меня, как будто бы надиво,
Что я сенаторства искал нетерпеливо.

(К портному)

Некстати бы тебе равняться, друг, со мной.
Я дядя графский ведь, а ты его портной;
Так должен был мое он кончить дело прежде.
Ты можешь потерпеть и быть дотоль в надежде...

Портной

В надежде быть всегда? Вот выскочил какой!
Надежда, господин, плательщик предурной.

Простодум

Нахально так, как ты, те только приступают,
Которые свое желанье покупают.
Ты разве заплатил?

Портной

И очень заплатил.

(Указывая на Полиста)

Спроси-ка у него: на них я мало ль шил?

Простодум

Когда то так, не бось: старанием Полиста
Достанешь вскорости ты чин протоколиста.

Портной

А кто наврал тебе, что чина я хочу?

Простодум

О чем же хлопоты?

Портной

О деньгах хлопочу.
Два года фраками ссужал я их по моде!
Одеждой всякою, всё смотря по погоде.
Пусть деньги отдадут — и вот тут весь мой чин!..
Нечестен Верхолет, хотя и дворянин.

Чванкина

Бесчестишь графа ты, случайна господина,
Считая только лишь его за дворянина.

Портной

Неправда, он простой. Я с ним знаком давно.
Иль знатен потому, что шью ему, равно
Как знатным всем, одним покроем я кафтаны
И что не платит мне?

Полист

За что платить!.. Карманы
Ты сделал узки все...

Портной

На что им шире быть?
Довольно широты, ведь нечем их набить.
Притом же заплатить из узких также можно.

Полист

Молчи! ты страшный плут, ты с нас дерешь безбожно.

Портной

Лишь только заплати, я тотчас замолчу.

Полист

Невежа! я тебе вот скоро заплачу.
Гей, люди!

Портной

А на что своих людей скликаешь?
Без денег ты меня теперь не протолкаешь:
Запасец припустил у ваших я ворот.

Полист

(на ухо портному)

Да слуги платят ли, скажи мне, за господ?

Портной

Ни слова. Твоего ждать барина намерен.
Приедет скоро он домой, я в том уверен.
Сегодня, чтоб из рук его не упустить,
За ним я издали везде успел кружить...
В изрядных домиках изволит забавляться.
На то — так деньги есть; а мне — так дожидаться.

Простодум

Не можно их понять, сумятица и вздор.
Ей-ей, тут шашни есть, иль я не сенатор.

Явление 7

Чванкина, Милена, Честон, Замир, Простодум,
Полист, Марина, портной, Верхолет.

Верхолет

Какую нахожу я дружеску беседу...

(К Чванкиной)

Окончив все дела, теперь венчаться еду.
Заехал к вам, чтоб вас уведомить о том,
Что силою моей и что моим умом, —
Какие ни были мне деланы препятства,
Чтоб вам начата мной не довершить приятства

(к Милене)

И чтобы я мог вам в женитьбе отказать, —

Я всё то опроверг... и смею вам сказать,
Быть надобно лишь мне, чтоб козни уничтожить...
Однако не должно уж это вас тревожить...
Замолкли барыни, завидущие вам;
Я сильный дал щелчок их дерзким языкам...
Когда б вы видели, как все меня стыдили...
Я рад, что у двора со мною вы не были...
Хотя б и надобно туда представить вас,
Но после свадьбы там насмотрятся на нас.

Портной

Вы были у двора? Вот на! Да у какого?

Верхолет

Я сроду не видал, как ты, глупца такого.

Портной

Не горячитеся, я с вами соглашусь.
Вас видел у двора, я в этом признаюсь,
Вот там, где короли владеют вдруг четыре:
А именно, сударь, я видел вас в трактире.

Верхолет

В трактире! врешь, дурак, по этаким местам
Я...

Портной

Точно вашу я карету видел там.

Верхолет

Быть может... из дворца взял князь мою карету,
Он, видно... отплачу ж ему я шутку эту...
Дерзать употреблять на то мой экипаж...
Хоть знатен этот князь, однако же он блажь.

Портной

Я видел вас... да в том нет нужды мне нималой...
Каков тот бархатный кафтан прекрасный алый,
Который я прислал?

Верхолет

Мы после уж о том...

Портной

Не после, а теперь.

Верхолет

(на ухо портному)

Своим ты языком
Не сделай мне вреда: ты видишь, я женюся.
Я, повенчавшися, севодни ж расплачуся.

Чванкина

А вот и с деньгами приказчик от купца!

Простодум

Во всем счастливого дождался я конца.

Чванкина

Поди-ка, друг, тебя давно я ожидала.
Поди.

Явление 8

Те же и приказчик.

Приказчик

(указывая на Верхолета)

Меня его лишь милость задержала.
При нем наш будет счет так чист, так чист, как скло.

Верхолет

(Чванкиной)

Боюсь, сударыня, чтоб время не ушло.
Вам будет сделать счет и после свадьбы можно.
Препятства могут быть, спешить нам очень должно.

Чванкина

Но вы сказали нам: уже препятства нет.

Приказчик

Так, лучше наперед окончить нам свой счет;
Не будет длинен он, за это я ручаюсь,
И я в минутную чистенько расквитаюсь.
Он зять ваш?

Чванкина

Точно так. Ведь он, ты знаешь, граф.

Приказчик

Он граф иль дворянин, мой счет не меньше прав.

Чванкина

Да что до этого? и нужда в том какая,
Что граф зять будет мой?

Приказчик

О! нужда в том большая.

Простодум
(приказчику)

Я вижу, графа ты желаешь оболтать,
Чтоб долга на тебе изволил подождать.
Да воля в том его, а мне уж очень тесно.
Плати-ка всё сполна.

Приказчик

Плати-ка? вот что честно.

Верхолет
(Чванкиной)

Или меня из рук хотите упустить?
Иль деньги и меня нужнее могут быть?

Чванкина

Сиятельнейший граф, за мною ведь не стало.

Милена
(Честону)

Вы медлите.

Честон
(Милене)

Еще помедлить надо мало.

(К приказчику)

Старайся поскорей ты свой окончить счет.

Приказчик

Дотоль моя нога и с места не сойдет.

Чванкина

Да долго ли считать: мне тысяч семь десятков.

Простодум

Да графских двадцать ведь?

Приказчик

Увидим из остатков.

Простодум

Плати же поскорей.

Приказчик

Изволь! Ну, выставь ручку.

Простодум

(протягивая руку)

Вот.

Приказчик подает бумагу.

Что это?

Приказчик

Долговой чистейший перевод.

(К Чванкиной)

Которы нам должны, те платят векселями,
Что будущий ваш зять давал... Читайте сами.
И если приложить, чем он сам должен нам,
То придет лишь додать двенадцать сотен вам
С десятками рублей и несколько копеек.

Простодум

(Верхолету)

Сиятельный! каких ты подпустил нам змеек!

Чванкина

Что слышу я? вы, граф!..

Верхолет

Полист! ты сущий плут.

Полист

Когда угодно вам, пускай меня лишь так зовут.

Верхолет
(приказчику, указывая на Полиста)

Так он не привозил к вам денег?

Приказчик

Ни полушки.

Верхолет
(Полисту)

Теперь узнал я все твои со мной игрушки.
(К приказчику)
Так не был он у вас, чтоб деньги отдавать?

Приказчик

Он, правда, приезжал, да только занимать,
И ваша в том рука на векселях свидетель!

Верхолет

Вот как ты поступал с тем, кто твой благодетель!
Кто вывел в честь тебя!

Простодум

Из самых подлых слуг,
Который некогда в деревне был пастух.

Марина

Так оттого-то он охотник до скотины.

Полист

Тем лучше: недалек я родом от Марины.

Марина

Молчи, негодный лжец.

Простодум

Обманщик ты, Полист.
Как будет плакаться портной-протоколист,
Который от тебя напрасно ожидает...

Честон

И также сенатóр уж скоро зарыдает.

Простодум
(к Верхолету)

Неужто? Слышишь ли, мой граф, какой в нем толк?

Честон
(к кулисам)

Извольте отправлять вы правосудья долг.

Явление 9

Те же и благочинный.

Благочинный

От благочиния я прислан с повеленьем,
Чтоб графства мнимого его уничтоженьем
Невинну вашу дочь от бедствия спасти,
Открыть глаза, вас всех в рассудок привести:
Сказать, что он не граф, — дворянчик плутоватый
И только хвастовством, обманами богатый,
Который здесь давно живет на счет других,
Сбираючи всегда оброк с голов плохих,
Который жалует и даже в сенатóры...

Верхолет

Престаньте! Мы в суде окончим наши споры.

Благочинный

Я вас веду. И вот пустой ваш аттестат,
Которым дядя ваш пожалован в Сенат.
Изодран он.

(Бросает.)

Простодум

(к Верхолету, подхватя аттестат)

О, плут!

Чванкина

Хвастун пренедостойный!

Простодум

Почто не удавил его отец покойный!

Чванкина

(к Верхолету)

Где графство делося? село с Торжок и с Тверь?
Скажи?

Полист

Где было, там всё это и теперь.

Верхолет

(ко всем)

Кто я, вы вскорости увидите то ясно,
И благочинью то не будет безопасно...
Теперь я замолчу; ни слова больше вам.

Благочинный

Покуда просим вас мы в дом смиренья к нам.
Пойдем.

Верхолет с благочинным отходит; за ним бегут приказчик и портной.

Простодум

Попался я к пречестным людям в лапки:
Я без сенаторства, без денег, как без шапки.
Ну! съел я гриб!..

(Уходит.)

Марина

(к Полисту)

А ты, стеклянный дворянин!..

Полист

Ну что ты чванишься? Иль мало есть Марин...
Стеклянный дворянин!.. название прекрасно!..

Кто я, вы вскорости увидите то ясно...
Теперь я замолчу... ни слова больше вам...

Честон
(Чванкиной)

Вот очередь пришла, сударыня, и нам.
Что скажете теперь?

Чванкина

Мне случай этот тошен;
И тот, до времени кто чванится, оплошен.
Теперь, суда́рь, на вас мне стыдно и смотреть.

Честон

Коль прежне дружество к нам будете иметь,
Коль, сына моего приняв себе вы в зяти,
Дадите честности, что отдавали знати...

Чванкина

Согласна я на то.

Замир

Кто сча́стливей меня!

Милена
(Чванкиной)

Вы жизнь мне отдали...

Марина

Теперь-то вижу я:
Чтоб глупо не упасть и чтоб не острамиться,
Так лучше не в свои нам сани не садиться.

1784 или 1785

ЧУДАКИ

Комедия в стихах, в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Господин Лентягин, недавно вышедший в дворянство, весьма богатый и по-своему философствующий человек.

Госпожа Лентягина, жена его, знатного рода, женщина гордая.

Улинька, дочь их, ветреница смиренная.

Прият, молодой, весьма романический дворянин, влюбленный в Улиньку.

Ветромах, человек знатный, но бедный, за которого жена Лентягина хочет дочь выдать.

Трусим, приятель всемирный; глух и хром; охотник без просьбы всем услуживать и приискивает женихов для Улиньки.

<table>
<tr><td colspan="2">Судья, отставной</td><td rowspan="4">женихи, которых Трусим приводит.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Майор, отставной</td></tr>
<tr><td>Тромпетин</td><td rowspan="2">стихотворцы</td></tr>
<tr><td>Свирелкин</td></tr>
</table>

Высонос, слуга Ветромахов в службе у госпожи Лентягиной.

Пролаз, слуга Приятов в службе у господина Лентягина.

Марина, служанка Лентягиных.

Лакей.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1

Лентягин (недоодетый, в креслах) и Пролаз.

Пролаз

Позволено ль слуге открытно рассуждать?
Севодни в службу к вам, суда́рь, определяся
И в первый раз я честь имея одевать,
Не смею...

Лентягин

Говори, меня ты не боякся.
Я искренность люблю. Я чудный господин,
Я странный человек, — так свет о мне болтает.
Но философия те враки презирает.
Кажуся странным я за то, что я один
Таков, как должно быть. Скажи: кому мешаю,
Что я по дудочке всемирной не пляшу?

Пролаз

За это вас, суда́рь, я боле почитаю;
Но, барин...

Лентягин

Говори открытно, я прошу.

Пролаз

Извольте: всё скажу, что на́ сердце имею.
Вы согласитеся, у всякого ведь есть
Своя — у барина ль, царя ль, слуги ли — честь;
Однако ж таки честь.

Лентягин

Я это разумею
И знаю, что не род приносит честь с собой.

Пролаз

Вот точно я таков: унижен хоть судьбой,
Но духом я высок. Я не могу измерить,
Как выше я других, — аршином ли, двумя ль,
Да только честь люблю и в том могу уверить.
Ох, горько, сударь, мне! Ох, горько!

Лентягин

Что? Не я ль
Разгневал чем тебя? Не я ли досаждаю?

Пролаз

Вы, сударь, вы! Я вас впервые одеваю;
От девяти часов ударит скоро час,
А вы еще, а вы и вполы не одеты.
Вот это честь мою и колет прямо в глаз.
Вы знаете, суда́рь, дурных людей наветы;
Злоречье скажет так: не барин виноват,
Слуга его один и глуп и непроворен.

Лентягин

Весь свет лишь глупостьми и злобою богат;
И в платье видно то, сколь свет сей зол и черен.
Чтоб мучить лишь меня и всех честны́х людей,
Он бездну выдумал и петель и завязок,
И пуговиц пустых, и пряжек и подвязок.
На что? На то, чтобы, подобно как злодей,
День каждый мучася, терзался и давился
И, как невольник, бы в оковах я томился.
И думать некогда. Не бедны ль мы, скажи?
Что свяжешь поутру, то к ночи развяжи.
И вот у всех у нас главнейше упражненье.

Пролаз

То правда; но тому возможно бы помочь
И сократить, скорей одевшися, мученье.
Уж пять часов не отхожу я прочь, —
В такое время бы оделась и кокетка.

Лентягин

Садись.

Пролаз оглядывается.

Садись, сударь, я говорю тебе.

Пролаз

Мне, сударь?

Лентягин

Да, тебе.

Пролаз

Иль то от вас наветка,
Что смело говорить я волю дал себе?
Я замолчу, сударь.

Лентягин

Ты думаешь пустое.
Мой друг! Я не сержусь; садись и будь в покое.

Пролаз

Да я ведь ваш слуга.

Лентягин

Так что ж?

Пролаз

Где ни служил —
У мелких, у господ, у всякого народа, —
При барах завсегда я стоя жил
И думал: господа совсем отменна рода.

Лентягин

Кто честный человек, тот равен мне во всем.

Пролаз

Давно вертелось то, сударь, в уме моем.
Я рад, что разум ваш с моим сошелся близко.
Чтобы слуга сидел, почто для барь то низко?
Итак, коль честному даете право сесть,
Без угрызения моя садится честь.

(Садится возле Лентягина.)

Лентягин

Вот это я люблю. Простое обхожденье
И поступь дружеска милее мне всего.
Как в платье, так во всем на свете принужденье:
А этого мне нет несносней ничего.
Приемы вежливы, учтивые изгибы —
Коварства гнусного один лишь только лак:
То сети грубые для самой глупой рыбы,
Чему не верит, кто хоть мало не дурак.
Не правда ли, мой друг, не правда ль?

Пролаз

(протягиваясь на креслах)

Точно так.

Лентягин

Не прав ли я, когда со всеми поступаю
Иначе от других?

(Надевает на себя колпак.)

Надень и ты колпак.

Пролаз

(надевает на себя колпак)

Нельзя правее быть, я в этом уверяю.
То правда, что для всех то кажется смешно;
Но что людей смешит, не всё ведь то грешно.
Насмешки, сударь, их считаю за пустое.
Пусть все себе стоят, сидеть мы будем двое.

Лентягин

Ты золотом, мой друг любезный, говоришь!
Не видывал ни в ком ума я толь прямого!
Ты истину сказал. То, чем людей смешишь,
Нимало не грешно. Для этакого слова
Достоин ты, мой друг, чтоб обнял я тебя.

(Обнимает Пролаза. Пролаз, не вставая с места, принимает объятия.)

Я, разность глупую меж нами истребя,
Хочу, прошу, чтоб ты мне другом назывался.

Пролаз

Вам другом быть, суда́рь, я сердцем обязался.
Да... только... опыты потребны для друзей.
Что до меня, то я, полушки не имея,
Уверю в дружбе вас лишь честностью моей.
Я вам всю честь отдам, такой безделки не жалея.
Вот всё, сударь, вот всё, чем я служить могу.

Лентягин

Ты, рок, сокровище мне дал, а не слугу!
То правда: опытом лишь дружество крепится.
Ты обещаешь мне твое именье — честь;
Поверь и мне, мой друг! я говорю не лесть:
Твоим и всё мое именье становится.
Я обещаю то.

Пролаз

А я, суда́рь, не скуп:
Теперь же чести вам, сколь надо, отсчитаю...

(В сторону)

Для филосо́фа он немного слишком туп:
Не понимает он того, чего желаю...

(К Лентягину)

Когда бы, например, я был, как вы, богат,
А вы бы голы так, как я, — я уверяю,
Что случаю тому я был бы очень рад:
Пустые бы места у вас тотчас наполнил
И опыт дружества без просьбы я б исполнил.

Лентягин

Ты знаешь, всякий мне противен обиняк;
И для чего ты мне не говоришь открытно?
Вот весь мой кошелек.

Пролаз

(приняв кошелек, в сторону)

Любезнейший чудак!
Служить мне у него как будет любо, сытно.
Но осторожно мне с ним надо поступать.

Лентягин

Ты что-то говоришь?

Пролаз

Я то теперь считаю,
Мне сколько в кошельке на нужды надо взять.
Корысть мне острый нож; я деньги презираю,
И остальное вам...

Лентягин

Что деньги почитаю
Я более тебя, иль думаешь ты так?
Что другу отдал, я того не возвращаю;
Не обижай меня.

Пролаз

Что? разве я дурак?
Я философию равно люблю как душу
И нежной совести ни для чего не рушу.

Лентягин

Час от часу милей! Что скажешь, знатный род?
Красней ты от стыда, такую честность видя!
И, в слабостях своих себя возненавидя,
Признайся, верь ты мне, что ты пред ним урод.

Пролаз
(в сторону)

Он что-то честь мою безмерно выхваляет:
Боюся, кошелька чтоб не́ взял он назад.

(К Лентягину)

Коль бескорыстие мое вас оскорбляет,
Могу найти тому для нас обоих лад.
Взяв нужное, отдам остатки я убогим
И, чести следуя, суда́рь, законам строгим...

Лентягин

Прекрасно! этому я средству очень рад! —
О вы! которые суе́тностями льститесь,
Вы у Пролаза все быть честными учитесь!

Пролаз

А я, сударь, у вас учиться буду сам.
Ах! сколько я за то благодарю судьбам,
Что вас они теперь мне к счастию послали.
Доселе я служил профессору морали;
Хотя профессор он, пред вами — ничего.
Пред вашею, сударь, его мораль пустая:
На языке была лишь только у него,
Ребятам ка́занья сухие соплетая, —
На деле точно так жила, как все живут.
Твердила всем одно, а делала другое.
Без практики, сударь, теория — пустое.
Чтоб словом то сказать, мораль его преплут:
Она себе одно на пользу всё клонила
И жалованья мне мораль недоплатила.

Лентягин

Ты видишь то, мой друг, все люди каковы;
Для нас с тобою их поступки не примеры.

Пролаз

Из собственной всё брать нам должно головы;
Одни лишь люди мы, другие — лицемеры;
Мы лучше всех.

Лентягин

Еще один лишь договор
Хочу, любезный друг! я заключить с тобою.
Не умножай меня ты, говоря со мною;
Рассудку здравому не говори в упор
«Вы» вместо «ты». О том пусть гордость лишь хлопочет,
Котора, в пышности не стоя одного,
На свете многими в одном казаться хочет;
Все эти «вы» и «вас» не значат ничего,
Когда один ничто.

Пролаз

Всегда я думал то же.
Как рок меня во всем подобным вам создал!
Я было говорить «ты» барам начинал,
Но мне сказали так, что это мне не к роже.
Ты видишь ли, мой друг! каков развратен свет.

Явление 2

Лентягин, Пролаз, Лентягина (видя, что муж ее сидит с слугою, протирает глаза, не доверяя тому, что видит).

Лентягина

Мой муж сидит с слугой? — Не может быть; нет, нет.
Да! так, с слугой сидит! — что этого ужасней!
О, люта часть моя! — и оба в колпаках! —
О, подлая душа! — ах, кто меня несчастней!
Я чувств лишаюся, и меркнет свет в глазах!

(Плачет.)

Лентягин

Что сделалось тебе, супруга дорогая?

Пролаз

Так эта женщина, мой друг! жена твоя?

Лентягина

(с сердцем, Пролазу)

Бездельник! смеешь ли ты, с места не вставая,
Почтенья не казать, забывши то, кто я?

Пролаз

Или нельзя сидеть, тебя мне почитая?

Лентягина

(мужу)

Ты видишь глупости твоей теперь плоды.
Какую горьку я должна с тобой пить чашу!
Подлец дерзает мне...

Пролаз

(Лентягиной)

Поди и сядь сюды;
И философию не разрушай ты нашу.

Лентягина

Дивлюсь великому терпенью моему.
Мне должно бы, позвав моих лакеев штатных,
Ударов тысячу велеть влепить ему.

Пролаз

Вот философскому какая честь уму!

(К Лентягину)

Мой друг, что скажешь ты при нравах столь развратных?
Системы нашей мне страдальцем должно ль быть?
Я опыт дружества готов тебе явить,
Мое именье, честь, подвергнувши побоям,
Твоей премудрости казать себя героем.

Лентягин

Не бойся ничего и будь подобен мне.

Пролаз

Как камень просижу.

Лентягина

Увидим то, — гей, люди!

Лентягин

Суровости моей приличны ли жене?
Сенека...

Лентягина

Плюю я на всех твоих Сенек.

Пролаз

(Лентягину)

Ты этого, мой друг, пожалуй, не забуди,
Что я, хоть филозо́ф, однако ж человек;
И если у меня терпенья недостанет,
То философия моя со стула встанет.

Лентягина

(в сторону)

Как мне ни хочется за грубость наказать,
Но я стыжусь сюда моих людей позвать:
Увидя этот страм, они о том расскажут.

(Мужу)

Ну, сходно ли, суда́рь, то с честию твоей?
Какое мнение к нам люди те привяжут,
Которы делают мне честь нам быть родней;
Те люди знатные, придворны и случайны!

Мне страшно вобразить, кружится голова!
Такие подлости совсем необычайны...

Лентягин

Какие, матушка, пустые то слова!
Ты честность бедную за подлость почитаешь,
А ты сама того никак не примечаешь,
Что языком твоим одна лишь правит лесть.
Ты подлость делаешь, себе то ставя в честь,
Что есть тебе в родне срамцы из знатна рода.
Велико дело — быть почтенным для родни!
Ты знай: родня моя — достоинства одни,
А добродетели — одна моя порода.

Лентягина

Вот так-то завсегда та сволочь говорит,
Котора, вышед в свет из черни самой грязной,
Скрывая глупою премудростью свой стыд
И с добродетелью, для света безобразной,
Старается мрачить бесплодно знатный род.
Но льзя ль, чтобы со львом когда сравнялся крот?

Лентягин

Нельзя; но человек всегда другому равен.

Лентягина

О, чувство гнусное! ах, как же ты забавен!

(Смеется злым смехом.)

Лентягин

Я знаю то, что я кажуся всем смешным, —
То есть тебе, жена, и прочим же таким.
Ну, смейся, смейся, — я того-то и желаю.

Пролаз

Вот наши лавры!

Лентягина

Я с досады умираю!
Я будто всем равна! Как можно то сказать?
Я, дочь, племянница князей и генералов,
Могу ль я быть равна с жена́ми всех капралов!
Ты хочешь, муж, меня до смерти затерзать.

Явление 3

Лентягин, Лентягина, Пролаз и лакей.

Лакей

Здесь Ветромах...

Лентягина

(застанавливая собою сидящего Пролаза)

Поди скажи: я тотчас выду.

Лакей уходит.

(Мужу)

Забыв мне всю твою смертельную обиду,
Из милости у ног твоих прошу тебя,
Чтоб ты, как я тебя учила, так убрался,
Чтоб ты пред знатными хоть мало притворялся...

Лентягин

(вскоча с кресел)

Чтобы притворствовать унизил я себя?
Всегда гнушался я прегнусным толь искусством.
Не будет никогда язык мой разен с чувством.
Послушай: для тебя и так уж я дурак.
Я там ношу парик, где прежде был колпак.
Широкий мой сюртук я серенький оставил
И платьем шалунов себя я обесславил.
Не требуй более; вот всё, что я могу.

Лентягина

Для нашей дочери, которую ты любишь...

Лентягин

Твоими пыхами ты Улиньку погубишь;
Собьешь ее с пути, — поверь мне, я не лгу.
Научишь пялиться, как ты сама, за знатью;
И, все достоинства включая в пышный род,
Научишь почитать за дрянь всю нашу братью.

Лентягина

Иль хочешь ты, чтоб наш единородный плод
Фамилии моей упадшей не восставил,

Которой знатности ты много поубавил,
Женясь на мне.

Лентягин

Итак, испортил я ваш род?

Лентягина

Ты знаешь сам, кто я.

Лентягин

Была девица прежде,
А стала женщиной, как вышла за меня.
Вот всё, что ты.

Лентягина

А я всегда была в надежде,
Что сделала я честь, унизясь до тебя.

Лентягин

Честь эта пустяки, изволь ты это ведать.
Все люди из всего выводят странну честь:
Отправить свой поклон, жениться, отобедать
И даже показать преподлу саму лесть.
Всё честь да честь, а честности нимало.
Коль честь ты сделала своим замужством мне,
Я тою ж честию сам отслужил тебе;
Мы квит; а сверх того, что мне принадлежало,
Я сделал госпожой тебя, жена, над тем.
Твоей я чести дал великие доходы,
Чтоб пышна честь твоя дурачилася всем.
Скажи, лишаю ли я честь твою свободы
Казаться, нос подняв, в каретах золотых,
В алмазах, в фандарах, в накладках кружевных,
В повесах длинных тех, которы за тобою,
Как башни, тащатся; спесивы, как кони,
Что я твой муж, того не ведают они;
Не при́дут никогда и посидеть со мною.
Да дело не о том. Не делаю препятств,
И честь твоя живет всегда, как ей то нравно:
Плачу за все ее я придури исправно.
Почто же честь мою лишать ее приятств?
Пускай себе твоя в карете цугом скачет,
Моя же у меня себя пусть в сердце прячет.

Лентягина

Согласна б я была, когда б не бедна дочь...

Лентягин

Дочь бедна! чем? и как? наследница именья
Несметна моего достойна ль сожаленья?

Лентягина

Верь, с чем приехала, поедет с тем же прочь.
Не для того ли мы ее везли в столицу,
Чтобы достойного сыскать ей жениха?

Лентягин

Конечно, для того.

Лентягина

Не сделай же греха.
Ее красой любовь уже поддела птицу,
Котора всякий день летает томно к нам.

Лентягин

Ну что же? Хорошо.

Лентягина

Когда ты все узнаешь
Достоинства его, согласен будешь сам.

Лентягин

Когда согласна дочь, коль он, как уверяешь,
Достойный человек.

Лентягина

Нельзя достойней быть.
Всем барам лучший друг, и знатен, и чиновен,
И, словом, Ветромах. Теперь ты стал бессловен?
Но только лишь, чтобы его не упустить,
Ты должен и себя хоть крохотку подладить;
Возвысясь несколько, мещанский дух повадить
Твой низкий род на свет за знатный выдавать.

Лентягин

Не вправду ль?

Лентягина

Точно так.

Лентягин

Тому-то не бывать.
Прости, прошедшая княжна, иду я кушать.
Я чувствую, ко мне приходит аппетит.

Лентягина

Еще нет двух часов — так рано есть! — о, стыд!
Мещанам сродно то... Постой, изволь послушать.

Лентягин

Я докажу, что мой презнатный аппетит.

(Уходит.)

Явление 4

Лентягина, Пролаз (хочет идти).

Лентягина

Куда ты в колпаке изволишь отправляться?

Пролаз

(сняв колпак)

Премудрость и моя желает поклевать.

Лентягина

Постой...

(В сторону)

Бешуся я; но должно унижаться.

(Пролазу)

Послушай: хочешь ли и мне ты угождать?

Пролаз

Коль философию не будет повреждать
Угодливость моя, я ваш слуга покорный.

Лентягина

Оставь, пожалуйста, ты свой язык притворный
И слушай.

Пролаз

Буду вам с прилежностью внимать.

Лентягина

Ты плут или дурак, ты то или другое.

Пролаз

Супруга вашего я ученик.

Лентягина

Пустое.
Я вижу, пользуясь ты странностью его,
Покорствуешь ему для счастья твоего.
Я знаю, ты пред ним лишь только лицемеришь.

Пролаз

Вы можете...

Лентягина

Меня ничем ты не уверишь.
Дай мне всё высказать и после отвечай.
Против тебя могла б я быть строга, сурова,
И выгнать из дому могла б, ты это знай;
Но лучше я хочу с тобой без бранна слова,
Одною ласкою вступая в договор,
Тебе два ясные представить предложенья.
Возможешь отвратить ты все мои мученья
И мне помочь скрывать несносный тот позор,
В который странностью меня мой муж приводит.
Коль радости с тобой равняться он находит,
Как хочешь, чудаком будь с ним наедине;
Сиди и в колпаке, но только не при мне
И ни при ком: чтоб всё то было скрыто, тайно, —
И одолжишь меня ты этим чрезвычайно.
Когда ж не то — беда тебе! ты это знай!
Вот два предмета: ну, ты выбери из пары.

(Вынимает кошелек с деньгами.)

Иль денег кошелек — иль палошны удары.
Размысли, рассуди, любое принимай.

Пролаз

Или вы мыслите, что мудрецы так тупы?
Не думайте, чтоб я поколебаться мог.
На выборы я скор: примаю кошелек.

Лентягина

Смотри ж.

Явление 5

Пролаз

(один, держа в руках по кошельку)

За вздор платить как люди все не скупы!
Мой милостивый рок, каких господ мне дал!
Вот деньги, чтоб сидел; вот деньги, чтоб стоял.
Всё это хорошо; но горничной не вижу.
Служанка Улиньки не кажется глазам...
Да вот она.

Явление 6

Пролаз, Марина.

Пролаз

Я тем Марины не обижу,
Я думаю, что я своей особой сам
Являюсь ей.

Марина

Слуга влюбленного Прията
У нас! зачем? и как осмелиться ты мог?

Пролаз

Что делать, пламень нас любовный в уголь сжег;
И барин мой и я...

Марина

Надежда вся отнята
Жениться вам на нас. Ступайте вы домой.

Пролаз

Так гордо? и домой! Так знай же, что я дома.
Я здесь хочу зажить.

Марина

Я не люблю содома.
Я позову людей.

Пролаз

(надев колпак)

Потише, светик мой.

Марина

И ты еще у нас быть хочешь грубияном!

Пролаз

Не горячись: тебе я крылья отшибу.
Имею право я носить колпак на лбу
При барине твоем.

Марина

С таким, как ты, болваном
Терять не стану слов; иду я то открыть,
Что ты...

Пролаз

(с ласкою)

Постой. Хочу с тобой поговорить
По-дружески, как то у нас бывало прежде.
Мой барин на тебя, Маринушка, в надежде.

Марина

Пустое.

Пролаз

Также я.

Марина

То враки.

Пролаз

Ты горда;
Но отчего, скажи, такая перемена?
Ты смотришь барыней, а прежде ты всегда...

Марина

Теперь уж всё не то.

Пролаз

О, лютая измена!
Я признаюсь, что я теряю весь кураж;
И если Улинька к Прияту...

Марина

Такова ж.

Пролаз

На что ж убытчиться нам с барином несчастным?
С подарком я его поеду лучше прочь.

Марина

С подарком, говоришь?

Пролаз

С подарком, и с прекрасным.
Прости, свирепа...

Марина

Ну, отъезд ты свой отсрочь.

Пролаз

Ах нет, пред гордостью твоей я так робею,
Что только показать тебе подарок смею.

(Показывает перстень.)

Марина

Блистает очень он! неужели алмаз?

Пролаз

Нет, так, стекло. Прости, жестокая Марина.

(Хочет идти.)

Марина

Постой.

Пролаз

Зачем? Ведь вы не любите уж нас.

Марина

Хотя к тому у нас великая причина,
Однако... ежели... твой барин столько чив,
Авось-либо и льзя мне будет согласиться.

(С ласкою)

Пролаз! ты ужесть как теперь красноречив,
И от тебя нельзя никак отговориться.

Пролаз

Ни слова, кажется, тебе не говорю.

Марина

Да перстень говорит.

Пролаз

На, на, возьми, плутовка.

Марина

Как мил Пролаз! как я его благодарю!

Пролаз

У всех красоточек всегда одна уловка,
У них то, кажется, как будто бы в крови:
Коль нет блестящего, так нету и любви.
Итак, теперь мы вам по-прежнему приятны?

Марина

Не сомневайся.

Пролаз

Уф! на сердце отлегло.
Теперь мне будут все твои рассказы внятны.
Скажи же? ..

Марина

Сам скажи, как то произошло,
Что ты у нас?

Пролаз

У вас — того еще мне мало;
Я в службу принят здесь.

Марина

Но кем введен ты в дом?

Пролаз

Вот этим чудаком, услужником всесветным,
Который, несмотря, что он и глух и хром,
По улицам с лицом таскаяся приветным,
Надоедает всем, стараясь угодить;
Который, всех ловя и кстати и некстати
И суетяся всем без просьбы услужить,
Знаком и черни всей, и самой первой знати.

Марина

Трусим?

Пролаз

Так, точно он.

Марина

Привыкнув плутовать,
Ты прежним принялся товаром торговать
И в службу для того ты к нам определился,
Чтобы?..

Пролаз

Чтоб услужить Приятy моему,
Который барышней твоей навек пленился.
Я мой товар принес к товару твоему;
Соединим его. Пускай весь свет узнает,
Что свадебки сшивать искуснее нас нет.
Вот всё, Маринушка, чего Пролаз желает.
Еще ж — тебя любить; и вот мой весь предмет;
Докажем то, что сам и даже черт скотина,
Коль примется за что с Пролазушкой Марина.

Марина

Я обещаю то; но я должна сказать,
Что много трудностей...

Пролаз

Всегда путь к славе
труден! —
Боюсь, не может ли меня кто здесь узнать?..

Марина

Не бойся ничего. Ведь сколько барин чуден,
Не меньше барыня в своих делах чудна.
Из всех служителей осталась я одна;
И все теперь у нас наемны, новы люди,
А деревенские отправились назад.
Несносен барыне всех этих чучел взгляд.
Теперь у наших слуг высоки, горды груди.
Они спесивы так, как будто господа, —
И ты пред ними сам не годен никуда.

Пролаз

Изрядный комплимент!

(Увидя Высоноса)

Кто это к нам выходит?
Он выступает так, как театральный царь.

Марина

Он барынин слуга, ее путем и бродит.

Явление 7

Марина, Высонос, Пролаз (сняв колпак, кланяется учтиво Высоносу).

Высонос

(гордо смотря на него, не откланивается)

Марина! с кем ты здесь? какая это тварь?

Марина

Спросите у него, он сам то вам расскажет.

Пролаз

(с насмешливым унижением)

Коль ваша милость мне раскрыть мой рот
прикажет.

Высонос

С Мариной говорю.

Пролаз

Великий государь!
Себя я более Марины вашей знаю.

Высонос

Моей Марины? так, ты это угадал,
И я, любя ее, своею почитаю.

Пролаз
(тихо Марине)

Плутовка! ну за что ж тебе я перстень дал?

Марина
(тихо Пролазу)

За барина.

Высонос

У вас какие то секреты?

Марина

Секреты? никаких.

Пролаз

А если б было то?

Высонос

Я дал бы дружески тогда тебе советы.

Пролаз

Какие?

Высонос

Выбросил тебя бы за окно.

Пролаз

Толь знатна барина высоко ставя дружбу,
И я бы оказал ему с почтеньем службу.

Высонос

Какую?

Пролаз

Ухватя б за волоса его,
Измял бы кудри все я друга моего
И после б сильными моими кулаками
Повеселил себя над гордыми щеками,

Высонос

Бесчинно говоря, ты знаешь ли, кто я?
Я принят в этот дом из дома Ветромаха.
Здесь Улинька его, Марина же моя.
Итак, как смеешь ты бесчинничать, неряха!

Пролаз

Поближе подойди; ну, вот окно, вот я!

Марина

Уйти мне поскорей, бранятся не на шутку!

(Уходит.)

Пролаз

(Высоносу)

Что ж ты, мой друг, нейдешь?

Высонос

Противно то рассудку,
Чтобы унизился к тебе я подойти,
Чтоб честь тебе иметь побитому быть мною.
Приближься ты ко мне.

Пролаз

(немного приближась)

Готов; я рад с тобою
Через пощечины знакомство завести.

(Размахивая руками)

Давай!..

Высонос

Не стану рук марать я недостойно;
Толь подлой челяди не бью я никогда.

(Уходит.)

Пролаз

(один)

Недурно, что у нас всё кончилось спокойно.
Когда б не струсил он — я струсил бы тогда!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 1

Улинька, Марина.

Марина

Так вы, сударыня, намерены забыть
Прията милого?

Улинька

Я не хочу любить
Того, который всё исподтишка вздыхает,
Который робкими шагами подступает,
Которого любовь как будто хочет красть.
Он сердца не берет, а щиплет всё по точке:
Во фраке мердоа и в розовом платочке,
По вечерам один, задумчив и смущен,
Так томен и уныл, как будто Селадон,
По рощам и лугам с овечками гуляет
Иль под окном моим по холодку пылает...
Как скучен! он меня до смерти залюбил.

Марина

Так, видно, Ветромах страсть вашу прохладил.

Улинька

Какая разница все модны кавалеры,
Которым Ветромах дает собой примеры!
И ловок, и остер, и весел, и пригож,
Что был вчера, на то севодни не похож.
Один налюбит он на разные манеры.

Марина

Вы льститесь, что прошла к Прияту ваша страсть,
Но ошибаетесь.

Улинька

Кто? я? Вот что прекрасно!
И вздумать мне о нем и гадко и ужасно.
Я чувствую, что с ним мне замужем пропасть.

Марина

Не верю, он вам мил; я в этом уверяю.

Улинька

Как можешь уверять меня во мне самой?
Иль то, что чувствую, тебя я меньше знаю?

Марина

О, меньше не в пример... Изволите ль со мной
Удариться, о чем вы сами захотите.

Улинька

(смеется)

Как это мне смешно! Ты дура.

Марина

Не шутите.
Наверно выйграю, сударыня, заклад.
Теперь ослеплены вы щегольства блистаньем,
Манерным прыганьем вперед, и вкось, и взад;
Оглушены его пребыстрым лепетаньем,
Вам кажется, что вы нашли великий клад;
Ваш дух от радости и млеет, и трепещет,
И, в знатность утонув вы с матушкой своей,
Вам кажется, он тварь особа от людей:
Не всё то золото, сударыня, что блещет.
Когда раскусите толь гладенький орех,
Найдете не зерно, а пыль одну без вкуса.
Прията для него оставить, право, грех.

Улинька

Чего же было ждать от этого мне труса!
Два года от любви по мне он воздыхал,
А страсти мне своей приметить не давал.

Как гуливала я в деревне в нашей роще, —
Ты знаешь то, скажи, что этого есть плоше? —
Не смея к нам войти через знакомство в дом,
Всегда старался мне в гулянье повстречаться,
Чтоб шляпу снять, вздохнуть и от меня бросаться.
Потом, как несколько мне сделался знаком,
Молча, не говоря о страсти мне ни слова,
Он потчевал меня год целый табаком.
Потом, как я уже совсем была готова
Оттуда с матушкой отправиться сюда,
Оковы своего разрушив он стыда
И повстречавшися со мной опять в гулянье:
«Я вас люблю», — шепнул на самом расставанье.

Марина

То правда, робок он, застенчив, трусоват;
Но то неложный знак любви и обоженья.
Не может к нам иметь нимало тот почтенья,
Который дерзостью быть смеет виноват,
Который, будто бы в военный час сраженья,
Как грозный гранодер, отважный супостат,
На сердце лезет так, как будто бы на стену.
Надеюсь, женщина должна иметь отмену
От башни городской, от городских ворот, —
Однако ж таковы почти мы все уж стали,
Благодаря всяк день приезду новых мод,
Что мы хотим, чтоб нас всегда присту́пом брали.

Улинька

А вот и матушка, а с нею Ветромах.

Явление 2

Лентягина, Улинька, Ветромах, Марина.

Ветромах

Ma charmante[1] Улинька! Ах, как же вы прелестны!
Tous ces gens, madame![2] как глупы, как бесчестны,

---

[1] Моя прелестная (франц.). — *Ред.*
[2] Все те люди, сударыня (франц.). — *Ред.*

Которы не найдут у вас того в глазах,
Что вижу я.

Улинька

А что изволите вы видеть?

Ветромах

Friponne![1] будто бы не ведаешь того,
Что вас, сударыня, не можно ненавидеть,
Что вы прекраснее и неба самого!

Улинька приседает.

Вы приседаете! какое просвещенье!
Иметь такую дочь какое утешенье!

(Лентягиной)

Не правда ли, maman?[2]

Лентягина

Признаться я должна,
Что воспитание дано пристойно роду;
И, в обращении имея всю свободу,
Какая дочери, рожденной мной, нужна,
От низостей, суда́рь, она весьма дале́ка;
И, крепко всё храня, что так велит нам честь,
Она не знает, что такое шить и плесть;
То всё для черного оставя человека,
Танцует, как павлин, как соловей, поет;
И, как француженка умея по-французски,
Желала бы забыть совсем она по-русски;
Ложится в три часа, в двенадцатом встает,
Проводит два часа всегда у тоалета.

Ветромах

Браво́, мадам! вот всё, что надобно для света
И для людей — как бишь? — pour les gens du haut ton.[3]
Меня вы извинить, мадам, должны немного
В том, что и я, храня свою честь так же строго,

---

[1] Плутовка! (франц.). — *Ред.*
[2] Матушка (франц.). — *Ред.*
[3] Для людей высшего света (франц.). — *Ред.*

Считаю наш язык за подлинный jargon.[1]
И экспримировать на нем всего не можно.
Чтоб мысль свою сыскать, замучишься безбожно.
По ну́жде говорю я этим языком
С лакеем, с кучером, со всем простым народом,
Где думать ну́жды нет. А с нашим знатным родом,
Не знав французского, я был бы дураком.
Скажите, как бы мне влюбиться было можно?
Je brûle, je languis![2] — мне как бы то сказать
Прелестной Улиньке? — неужто бы мычать:
«Я млею, я горю!..» — fi donc![3] — мне думать должно,
Что по-французски вы и также ваш époux...[4]

Лентягина

(скоропостижно)

Сомнения в том нет! comment vous portez-vous?[5]

Ветромах

Браво́, мадам!

Лентягина

Теперь немного поотстала,
А прежде никогда по-русски не болтала.

Ветромах

Je vous jure,[6] мадам! что русский мне язык
Как будто кляп во рту; притом же очень вреден.
Вы не поверите, я сколько с русским беден!
По-русски разум мой как узок, невелик;
А по-французски, о! que le diable m'emporte![7]
Выходит разум мой par une grande porte.[8]
Я расскажу о том, случилось что со мной:
Однажды я сидел у дамы молодой,
Французских ни дву слов она не разумела;

---

[1] Жаргон (франц.). — *Ред.*
[2] Я горю, я млею! (франц.). — *Ред.*
[3] Фи! (франц.). — *Ред.*
[4] Супруг (франц.). — *Ред.*
[5] Как вы поживаете? (франц.). — *Ред.*
[6] Клянусь (франц.). — *Ред.*
[7] Черт меня побери! (франц.). — *Ред.*
[8] В широкие ворота (франц.). — *Ред.*

И оттого ma tête horriblement[1] болела,
Так что я целый день был дома не одет.

Лентягина

Не думала бы я, чтоб мог такой быть вред:
От нажимации, конечно, боль случилась.

Ветромах

Imagination[2] — хотели вы сказать.

Лентягина

Так точно... Видите ль, что я хотя и сбилась,
Но я могу еще французским украшать
Прегрубый наш язык, который мне противен.
Как мой époux мне тем всегда казался дивен,
Что, по-французски он умея, как француз,
Прелестным языком не хочет забавляться.

Ветромах

Тому, сударыня, я должен удивляться,
И дворянин...

Лентягина

О! род его, что в картах туз,
И древностью никто не может с ним сравняться.
За тысячу он лет умеет предков счесть.

Ветромах

Итак, теперь мне нет нималого препятства,
Ma charmante Улинька, тебя моей почесть!

Улинька приседает.

И всё у нас равно: и грасы, и приятства,
И ум, je m'en flatte,[3] и даже рода честь.

Улинька приседает.

По чести, выдумка прекрасна — приседанье.
Оно — другой язык, и может сокращать
De discours frivole[4] излишнее болтанье.

---

[1] Моя голова ужасно (франц.). — *Ред.*
[2] Воображение, фантазия (франц.). — *Ред.*
[3] Я льщу себе (франц.). — *Ред.*
[4] Игривой беседы (франц.). — *Ред.*

На всё умеет та прелестно отвечать
И с скромностью казать нескромное желанье,
Подобно Улиньке умеет кто присесть.

(Увидя мужа Лентягиной)

Скажите, к нам какой медведь изволит лезть?

Лентягина

Мой муж.

Ветромах

Вы шутите. Не тот ли это предок,
Что лет за тысячу в свет издал род его?

Лентягина

Наружность, знаете, не значит ничего.
На свете ведь, суда́рь, такой пример не редок,
Что знатность скрытая обманывает глаз;
Хоть не блестит в коре алмаз, но всё алмаз.
Он знатный дворянин, могу уверить смело,
Да — не прогневайтесь — немного филозо́ф.

Ветромах

Не стыдно ли себя поставить в счет ослов?
И филозофствовать — дворянское ли дело?

Лентягина
(Улиньке)

Теперь ты, Улинька, не можешь с нами быть.
Нам должно о тебе с отцом поговорить.

Улинька, присев, уходит.

Явление 3

Лентягин, Лентягина, Ветромах.

Лентягина
(сама с собою)

О небо! помоги окончить мне всё славно.
Дрожу, боюсь, что муж меня изобличит,
Что по-французски он никак не говорит
И что, к несчастию, он дворянин недавно.

Как злополучна я! как то мне можно снесть!

(Мужу)

Вы видите того презнатна кавалера,
Который делает отменную нам честь,

Ветромах, искривяся, щегольски кланяется.

Желая зятем быть, суда́рь.

Лентягин

(садясь)

Кто хочет сесть,
Тот сядет. Не люблю я вашего манера,
Чтоб принуждать сидеть... Ну, знатный кавалер!

Ветромах так же щегольски кланяется.

Да перестань водить ты вензели ногами.
Кудряво кланяясь, будь сказано меж нами,
Не много у меня найдешь себе ты мер.
Со всеми этими козлиными прыжками
Мне всякий кажется лишь с ветром без души.
Пожалуй же, в уме ты это запиши,
Коль хочешь зятем быть.

Ветромах

Хочу ли я? о, ciel! [1]
В том только tous mes voeux!.. [2] Сама Agnes Sorel [3]
Французским королем так не была любима,
Как мною ваша дочь. — Je jurerai toujours, [4]
Что я могу сказать, не делая ей кур,
И тем не сделаю нималого я крима:
Она divinité! [5]

Лентягин

(жене, с удивлением)

Где бог тебе послал,
О женушка моя, такого кавалера?

---

[1] О, небо! (франц.). — *Ред.*
[2] Все мои желания! (франц.). — *Ред.*
[3] Агнеса Сорель (франц.). — *Ред.*
[4] Я поклянусь всегда (франц.). — *Ред.*
[5] Божество! (франц.). — *Ред.*

Ветромах

Beaucoup d'honneur, monsieur![1] Так я угоден стал?
Я знал то наперед. — Не на́йдете примера
Другого мне, monsieur!

Лентягин

Опомниться мне дай,
Мосье!.. Из милости...

Ветромах

Но вы меня стыдите.
Вы флатируете, когда вы говорите,
Что будто от меня забылись...

Лентягин

Продолжай,
Мучитель!

Ветромах

Правда то, что есть во мне мери́т,
Без хвастовства, j'ose vous[2] это dire,[3]
Однако чтоб он мог вас привести в délire,[4]
Не чаю... только свет весь это говорит,
Что, кто б ни был, меня в талантах не объедет;
Qu'un homme tel que moi...[5]

Лентягин

Не верь, свет часто бредит!

Ветромах

Comment?[6]

Лентягин

Скажи-тка мне, ты русский иль француз?

Ветромах

Hélas![7] я не француз!

---

[1] Много чести, сударь! (франц.). — *Ред.*
[2] Я осмеливаюсь вам (франц.). — *Ред.*
[3] Сказать (франц.). — *Ред.*
[4] Бред (франц.). — *Ред.*
[5] Что человек, как я... (франц.). — *Ред.*
[6] Как? (франц.). — *Ред.*
[7] Увы! (франц.). — *Ред.*

Лентягин

О чем же ты стонаешь?

Ветромах

(с жалостию)

Я русский! — у меня на сердце это груз.

Лентягин

Итак, ты русским быть обидой почитаешь?
Вот знатный дворянин!

Ветромах

Я очень, очень рад,
On ne peut plus,[1] что вам, мосье, попал я в лад,
Que[2] мысли vous avez[3] со мною одинаки.
И благородство чем мы можем доказать?
По-русски не уметь, всё наше презирать —
Вот это знатности véritable[4] признáки.

Лентягин

Хоть не могу тебя я очень разуметь,
Не зная слов чужих, однако ж по приметам...

Ветромах

Vous-vous moquez, monsieur.[5] — Изволите уметь
Вы по-французски...

Лентягин

(с сердцем)

Нет, нет, нет!

Ветромах

По вашим летам
Обманывать меня, monsieur, не должно б вам.
Вы точно, как француз, иль так же, как я сам...

---

[1] Лучше быть не может (франц.). — *Ред.*
[2] Что (франц.). — *Ред.*
[3] Вы имеете (франц.). — *Ред.*
[4] Истинной (франц.). — *Ред.*
[5] Вы насмехаетесь, сударь (франц.). — *Ред.*

Лентягин
(с нетерпением)

Жена, уверь его и кончи эту вздорность.

Ветромах
(с досадою)

Je ne le croirai point![1] Какая ж в вас упорность!

Лентягин
(с сердцем)

Чтоб черт!..

Лентягина
(торопливо)

Душа моя, пожалуй, не сердись!

Лентягин
(с запальчивостью)

Пожалуй, с ним, душа моя, ты провались!
Вовек не видывал такого человека!

Лентягина

Ты филозóф, и то ль, судáрь, тебе велит Сенека?

Лентягин
(с хладнокровием)

Готов скрепиться я, лишь только б он болтал
Со мной по-русски.

Ветромах

Как! вы очень знатна рода,
А пикируетесь...

Лентягин
(скоропостижно)

А кто тебе сказал?
Моя мещанская, но добрая порода.

Ветромах

Уже лет тысячу, мосье, вы дворянин.

---

[1] Я не поверил бы! (франц.). — *Ред.*

Лентягин

Верь мне, недавно я еще спеченный блин;
Но я жирнее тех, которы зачерствели.

Лентягина

Оставьте то...

Лентягин

Чтоб мы друг друга разумели,
Скажу я наотрез: покойный мой отец —
Запомнят это все — пречестный был кузнец.

Ветромах

Qu'entends-je![1]

(Уходит, запев французскую песню.)

Лентягин

Прощай.

Лентягина

(упадая в обморок)

Погибла я! ох, тошно!

Лентягин

Какие дурости! тошнится от того,
Что по-французски я не знаю ничего,
Что мой отец кузнец. Не должно б, так оплошно
Налгавши на меня, со мною поступать.
Нет, Улиньке моей за этим не бывать.

Явление 4

Лентягина (в обмороке), Лентягин и Трусим.

Трусим

(хромая)

Насилу до тебя, любезный друг, добрался.

Лентягин

Ну, здравствуй, господин Трусим.

[1] Что я слышу! (франц.). — *Ред.*

Трусим

Весь день в трудах.
Чужих дел у меня препропасть на руках.
Севодни я для вас безмерно заметался.

Лентягин

Да разве я просил?..

Трусим

Погромче говори.
Я крепок на ухо, и ты ведь знаешь это.
Я от усердия оглох в прошедше лето.
И ногу изломал.

Лентягин

Коль хочешь, повтори,
А я забыл, тебе как это приключилось.

Трусим

У милостивца мне Андроса то случилось:
В тот раз, чихнув, платок изволил уронить.
Обрадовавшись, я вдруг низко поклонился;
И чтоб в усердии других опередить,
Как самый быстрый конь, платок поднять пустился.
Пол гладок был, как лед, я как-то зацепился
И ногу повредил, ударившись виском.
Был долго болен я; с тех пор и глух и хром.

Лентягин

О, низость!

Трусим

Склизость? да, и пол был вытерт
воском.

Лентягин

Я «низость» говорю.

Трусим

Хоть низко я упал,
Но я расшибся весь на этом месте плоском.
Нет нýжды — Улиньке я женихов сыскал
И пригоню их к вам севодни целу кучу.

Я думаю, что вам я этим не наскучу.
Да где же барыня твоя?

Лентягин
(указывая)

Вот здесь она.

Трусим

Что вижу я? лежит, чуть дышит и бледна!
Не может... тотчас я...

(Шарит в карманах.)

Со мною всё, что нужно
В припадках помогать. Я, вечно жив услужно,
Смешон бы был, когда б в карманах не носил
И спиртов, и мазéй, и порошков, и капель.
Когда во флоте я еще бывал констапель,
У доктора всего на случай напросил.
С тех пор всегда со мной походная аптечка.

(Лентягиной)

Что сделалось с тобой, любезная овечка?

Лентягина
(слабым голосом)

Подите прочь, меня оставьте умереть.

Трусим

Что чувствуешь, скажи? я то тебе и выну.
Не надо ль где тебе помазать, потереть?
Где колет у тебя: в живот, иль в грудь, иль
в спину?
Иль инде где?

Лентягина отталкивает его.

Она толкается в бреду.

Лентягин

Нет у тебя лекарств от этого припадка.
У ней спесивая и знатна лихорадка.

Лентягина
(с запальчивостью, вскочив)

Ты шутишь, сделав мне ужасную беду!
Но я, верь мне, тебя всем сердцем презираю;

И, как ни тошно мне, хотя несносно рвусь,
Хотя в досаде я с душою расстаюсь,
Однако, чтоб тебя бесить, не умираю!

(Уходит.)

Трусим

Принудь ее принять, у ней пресильный жар.
Приметил ли, как взор у ней стал смутен, вздорен?
Да ты ведь увалень, ленив и непроворен.
Вот капли утишать внутри, хотя б пожар.
Пойду я ей задать приема вдруг четыре.

(Уходит.)

Лентягин

Чем более живу я в этом жалком мире,
Тем боле вижу я, что нету в нем пути;
И что мне мудрено таких людей найти,
Каков Пролаз и я.

(Увидя Пролаза)

Поди, мой друг сердечный!

Явление 5

Лентягин и Пролаз.

Пролаз

Что сделалось тебе? Ты, кажется, смущен.

Лентягин

Смущен? — Измучен я: здесь был бесчеловечный
Какой-то кавалер... Я очень рассержен.

Пролаз

Я знаю, Ветромах, — каков он показался?

Лентягин

Болван, распудрен весь, душист и распещрен.
Болтал не знаю что, жеманился, кривлялся.
И вот всё тут — совсем от естества далек.
Речами — попугай, поступком — обезьяна;

И не было б ему животным быть изъяна.
Он с человеческим лицом совсем не человек.

Пролаз

Однако ж Улиньке...

Лентягин

Не быть за ним, клянуся.
Лишь вздумаю о нем, досадою я рвуся.

Пролаз

Спасибо, брат, тебе; что я, ты мыслишь то ж.

Лентягин

Таких, как ты да я, на свете не найдешь.
За то... но после я поговорю с тобою
И, что мне вздумалось, я то тебе открою.
Один достоин ты... да хочется мне спать.
От этого я так замучен кавалера,
Что не могу совсем и ног моих таскать.

(Хочет идти, Пролаз его останавливает.)

Пролаз

Есть некий у меня знакомец без примера,
Который так, как ты, и честен, и умен,
И очень филозóф; зовут его Семен.
Хотя сверх имени прозвание имеет,
Но именем одним велит себя он звать.
Он крепко в том стоит и не робеет,
Что глупо несколько имен себе давать,
Что имя одного для всякого довольно.

Лентягин

Вот прямо филозóф! мне очень, очень больно,
Что это у меня другой перехватил.
Вот то-то век живи, мой друг, и век учися.
А как меня зовут Андреевич Памфил,
Еще ж Лентягин, то, пожалуй, потрудися,
Чтоб звали все меня Памфилом лишь одним;
И познакомь меня с знакомцем ты своим.
Меж тем пойду заснуть.

Пролаз

К тебе я тотчас буду
И сделаю тебе компанию схрапнуть.

Лентягин

Добро пожаловать, я рад.

Пролаз

Ну, добрый путь!

Явление 6

Пролаз
(один)

Вот так-то надобно людей ловить на уду.
Хвали их мнения, их вкусы принимай;
И сколько б ни были дела их плохи, странны,
Гляди ты барам в рот и только потакай, —
И будешь человек и лучший, и избранный.
Вот всё достоинство нередко тех людей,
Которы, вышед в свет чрез грязные дороги,
Над нижными себе величатся, как боги.

(Увидя Прията)

Ба! вы уж здесь!

Явление 7

Прият и Пролаз.

Прият
(идя на цыпочках, дает знак, чтоб тихо говорить)
Тс! Тс!

Пролаз

Да будьте посмелей.

Прият

Могу ли не робеть? в храм божества вступаю,
Которое душой и сердцем обожаю.

Пролаз

Оставьте чепуху вы этих сладких слов.
То было хорошо, я в этом уверяю,
В проказны времена аркадских пастушков.
А ныне всё не то: иные нравы, время.
И так ты, барин мой, пожалуй, не мигай.
Оставя робости романныя беремя,
На селадонство плюнь, будь смел и помогай
Мне в хитростях моих. Имейте на примете,
Что хитрость лишь одна пружина в этом свете
К успехам всяческим, что люди только с ней
И с крохотным умом больших людей умней.

Прият

К чему же это ты ведешь нравоученье?

Пролаз

Всё к вам, сударь, клоню я это наставленье,
Чтоб вашу Улиньку для вас навек поймать.

Прият

Как буду я тебе, Пролаз! навек обязан!
Ты знаешь, жизнью я моею к ней привязан!..
Итак, уже могу ту сладость воображать,
Как буду я всегда у ног ее вздыхать
На мякеньких лугах, между цветов у речки,
Пасутся издали невинны где овечки...

Пролаз

Ох, загоните вы овечек ваших в клев
И выдьте из земли безделиц и романов.
Не стыдно ль вам, сударь, в тот час пасти баранов,
Как надо действовать... Будь сказано не в гнев:
Я отрекусь от вас...

Прият

Меня ты умертвишь.
Я делать всё готов, что ты мне ни велишь.

Пролаз

Изрядно; слушайте ж: скажу я вашу ролю.
Лишь от того успех вам должен быть во всем,
Когда исполните мою вы точно волю.

Во-первых, как вы здесь не знаемы никем,
Окроме Улиньки и горничной Марины,
То, сделав тайный я с Мариною совет,
Судом определил для важной вам причины:
Чтоб барин мой в сюртук был серенький одет,
Чтоб не Приятом он, Семеном назывался
И в виде том отцу дражайшей показался...

Прият

Семен! коль жесткое название ушам!
Не лучше ль Филемон, иль Тирсис, иль Арсам,
Или хотя Аркас?

Пролаз

Опять ушел в эклогу!
Да долго ль этого?..

Прият
(оторопев)

Не заводи тревогу!
Лишь только не сердись, доволен будешь мной;
Нет ну́жды, чем ни быть — лишь Улиньку б увидеть.

Пролаз

Еще нельзя.

Прият

Так мне жизнь должно ненавидеть!
Зачем же я, скажи, сюда введен тобой?

Пролаз

Зачем? Затем, чтобы на Улиньке жениться.

Прият

Да как же, не видав?

Пролаз

Мне надобно взбеситься...

Прият
(оторопев)

Лишь только не сердись — и, не видав, женюсь.

Пролаз

Коль слово скажете, я, право, отступлюсь.
Вам надо выслушать мои все речи прежде
И точно делать то, что я вам повелю.
Хоть есть запиночка в любовной вам надежде,
Но если вас моим советом наделю
И если по тому изволишь поступать,
То на соперников нам можно наплевать.

Прият

(с горестью)

Я вижу, Улинька жестока изменила!

Пролаз

Опять свирелочка пастушья задудила!
Нет сил, пойдем ко мне; Марина будет там.
Она и я за вас, чего бояться вам!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТИЕ

Явление 1

Ветромах и Высонос.

Высонос

Не стыдно ль вам, суда́рь, позвольте мне сказать,
Пребогатейшую невесту потерять?

Ветромах

На внуке кузнеца жениться Ветромаху?
Fi donc! поэтому и всякую неряху
Взять можно мне в жены́? и курицу?..

Высонос

Да, так;
Лишь курица б несла нам яйца золотые.
Имея в знатности вы нуждицы такие,
Подумайте, сударь, какой вам нужен брак.

Ветромах

Maraud! [1] мне кажется, что ты учить дерзаешь
И смеешь...

Высонос

Нет, суда́рь.

Ветромах

Ты всё позабываешь,
Что я велел «суда́рь» меня не называть,
А говорить «мосье».

---

[1] Мошенник! (франц.). — *Ред.*

Высонос

Вперед не позабуду:
Мосье, а не суда́рь; и так же я не буду
Советами мосье моими прогневлять.
Да, низко вам, мосье, на Улиньке жениться;
И дедушка ее — fi donc! умел ковать.
Имели на меня причину вы сердиться.
Велико ли, мосье, достоинство, что он
Для внучки выковал преполный миллион!
На это плюнем мы, и о делах домашних
Позвольте мне, мосье, вам нечто предложить.

Ветромах

Ну!

Высонос

Повар ваш Сибуль не хочет вам служить.

Ветромах

Pourquoi? [1]

Высонос

Чего и ждать от этих вертопрашных!
За что он сердится? — да на него плевать!

Ветромах

Скажи, я не могу причины отгадать.
На дружеской ноге с Сибулем быть стараюсь
И очень poliment [2] всегда я с ним встречаюсь:
Зову мосье Сибуль. Ты знаешь это сам,
С какой отличностью я обхожусь.

Высонос

Да эта,
Он говорит, мосье, не ходкая монета.
О жалованье он велел напомнить вам.
Он год не получал.

---

[1] Почему? (франц.). — *Ред.*
[2] Вежливо, учтиво (франц.). — *Ред.*

Ветромах

Безделка, я отдам.

Высонос

И также кучер ваш Яган Немчин с усами,
Не больно пестрыми доволен красотами
Ливреи, хлопает, на вас сердясь, бичем,
И денежек...

Ветромах

Отдам. Bagatelle! [1]

Высонос

(в сторону)

Да чем?

(Ветромаху)

Любимый перюкье, к лицу который чешет,
Который пукольки вам ставит по яйцу,
Велел сказать, мосье, что это не к лицу,
Что не хотите вы заплатою потешить.

Ветромах

Безделица, отдам.

Высонос

И также ваш портной,
Башмачник ваш, мясник, травник, кондитор, лекарь,
И винный погребщик, и длинный ваш аптекарь...
От них и заглянуть не смею я домой.

Ветромах

Tais-toi, [2] не говори о подлости мне этой.

Высонос

Уже я о себе, мосье, не говорю,
Я после всех могу прийти с моей к вам сметой.
Вы дали место мне, за то благодарю,
У здешней барыни, породы так же знатной.

---

[1] Безделица! (франц.). — *Ред.*
[2] Замолчи (франц.). — *Ред.*

Умея в свете жить, я делаю ей честь.
Я здесь как в масле сыр: служитель первоштатный.
Пью, ем и веселюсь. Умею в гору лезть
Пред прочей челядью, котору презираю.
Как кукла, ничего я здесь не работа́ю:
Лишь только, ежели блеснуть мне надо в глаз,
Являюсь, как звезда в параде на показ.
Итак, могу от вас я ждать спокойно денег. —
Но, ах, мосье! ..

Ветромах

О чем ты?

Высонос
(притворно плача)

Вздумать не могу.

Ветромах

Ты плачешь?

Высонос

Сердце рвет мысль эта, ей! не лгу. —
Та честная мамзель — она зимой без кенег,
А летом нежная нога без башмаков.

Ветромах

О ком ты врешь?

Высонос

О той, которую любовь
Сердечная, мосье, вам вечно покорила;
Та непорочная и нежная Жавот,
Которая себя любить вас подрядила
За восемь тысячей, мосье, на каждый год.
Надеяся на то, она в долги входила;
Но умер уж кредит год целый...

Ветромах

Полно врать.

Высонос

Чтобы разделаться со всеми, где нам взять?

Ветромах

Где взять нам?

Высонос

Уй, мосье.

Ветромах

Я сам того не знаю.

Высонос

Должонки мелкие успел я только счесть;
А если крупные на память вам привесть...

Ветромах

О, скушно! перестань, мысль эту отгоняю.

Высонос

Вот новы способы долги свои платить!

Ветромах

Чтобы спокойно жить, их должно позабыть.

Высонос

Да нас они, мосье, никак не позабудут
И беспрестанно вслед ходить за нами будут;
А наконец, мосье, и могут подцепить.

Ветромах

Надеюсь, Высонос, я на твое проворство.
Ты...

Высонос

Ах, мосье! оно и так мне очень черство.
Один мне способ был доставить вам покой,
Чтобы уверить всех заимодавцев алчных,
Что в обстоятельствах теперя вы удачных,
Что Улинька несет приданое с собой.

Ветромах

Так полный миллион, ты говоришь, за нею?

Высонос

Нельзя полнее быть; отсчитан и лежит.

Ветромах

Подумать должно.

Высонос

Что тут думать надлежит?
Жена и миллион.

Ветромах

Тебя я разумею.
Ты судишь иногда...

Высонос

Не правда ли, умно?

Ветромах

Je me rends,[1] Высонос, tu triomphes,[2] а я сдаюся;
И, сердце я скрепя, на Улиньке женюся.

Высонос

Хватились вы за ум! вот этак бы давно.

Ветромах

Пусть скажут обо мне: что вздумалось страмиться?

Высонос

А вы им скажете: а целый миллион!
Притом, коль надо взять жену иль удавиться,
Так лучше, кажется, тогда, мосье, жениться;
А чтобы не было в женитьбе вам препон,
То с тестем надобно вам тотчас помириться.
Да вот его слуга, любимец-филозóф, —
Каков и господин, он точно же таков.

Ветромах

А как его зовут? Мне надо приласкаться.

Высонос

Я знаю только то, что он великий скот,
И с этой не хотел я чернию якшаться.

---

[1] Я сдаюсь (франц.). — *Ред.*
[2] Ты победил (франц.). — *Ред.*

Явление 2

Ветромах, Высонос, Пролаз.

Ветромах
(Пролазу)

Скажи, мой друг, кто ты таков? какой твой род?

Пролаз

Такой же человек и так же я родился,
Как ты; спроси, тебе то скажет сам Памфил.

Ветромах

Да кто же тот Памфил?

Пролаз

Который рассердился
Безмерно на тебя.

Ветромах
(Высоносу)

Моих не станет сил.
Он груб и неучтив. Меня звать «ты» дерзает.
Не вытерплю. Ты с ним, коль хочешь, говори.

Высонос

Скрепися, о мосье! и в мысль себе впери,
Что денег миллион учтивым не бывает.

Пролаз
(в сторону)

Теперь я щеголька потщуся рассердить,
Чтоб вздумалось ему меня поколотить.
Тем более его с Лентягиным поссорю.

Высонос
(Пролазу)

Теперь, любезный друг, с тобою не повздорю.
Что было между нас, ты в том меня прости.
Тогда не знал твоих достоинств я отменных.

Пролаз

Как хочешь, всё равно, ты так меня чести́ —
В числе ли простяков, в числе ли просвещенных, —
Не меньше от того я буду то, что я.

(Садится.)

Ветромах

Какая дерзость! встань!

Пролаз

Нет, я сидеть желаю.

Высонос
(Ветромаху)

А миллион, мосье! . .

(Пролазу)

Того не осуждаю,
Что философия охотница твоя,
Когда захочется, сиденьем забавляться.

Ветромах
(Высоносу)

Ты знаешь ли, как он, такой и ты свинья!

Высонос

Мосье! а миллион! . . Мы станем заниматься,
Чтоб другом нашим был слуга и филозо́ф.
Мой барин, дворянин толь знатныя породы,
Желанья изъяснить найти не может слов,
Чтоб мудрость преклонить твою к себе в любовь.

Пролаз

На что бы то ему?

Высонос

Внушение ль природы,
Или иное что ему любить велит,
Равно как Улиньку, и твой премудрый вид.
Как хочет вас любить до самой он кончины,
То надо имя знать. . .

Пролаз

Зовут меня Пролаз.
Как в дружбе, так в любви для некакой причины
От Улиньки ему и от меня отказ.
Тебе же, Высонос, всё то же от Марины.

Ветромах

L'impertinent! le fat! [1]

Высонос

Смутило б это нас,
Когда б не думал я, что филозóф Пролаз
Возможет, как и все, в системе ошибаться.

Пролаз

Как хочешь надо мной ты можешь издеваться;
Всё это мне как пыль, которую топчу;
Но Улиньке не быть за ним — я так хочу.

(Встает гордо со стула.)

Ветромах

Как смеешь столько ты, бездельник, забываться?
И должного тому почтенья не казать,
Кого и барин твой обязан почитать?

Пролаз

Не горячись, дружок, я разности не знаю
Меж нас.

(Надевает колпак.)

Ветромах

Тебе тотчас я разность покажу.

Пролаз

Увидим.

Ветромах

(дает ему пощечину)

Вот она!

---

[1] Наглец! хлыщ! (франц.). — *Ред.*

Пролаз

Я в том себя сравняю.
Такие ж у себя я руки нахожу.

(Дает пощечину Высоносу.)

Мы квит.

Высонос
(возвращает пощечину)

Одною квит, осталася другая.

Пролаз
(дает знак, что хочет ударить Ветромаха)

Не бойся, равенства по праву поступая,
Не буду этому я другу должником.

Ветромах
(Высоносу)

Держи его, а я бадинкою отмечу
Всю разность между мной и дерзким дураком.
Увидишь, как твою я спину изувечу!

Высонос держит Пролаза, а Ветромах бьет его тростью.

Пролаз
(кричит)

Разбой! разбой! Памфил! избавь меня, Памфил!

Явление 3

Лентягин, Ветромах, Пролаз и Высонос.

Лентягин

Кто здесь? . . Что вижу я! . . Какая это дерзость!

Пролаз

Меня за правила он мудрости прибил!

Лентягин
(Ветромаху)

Поступка твоего ты чувствуешь ли мерзость?

Ветромах

Но человек такой, как я, как может снесть,
Когда слуга его офискирует честь?
И, говоря ему и в колпаке и сидя,
Зовет «тебя» и «ты»!

Лентягин

(обнимая Пролаза)

А! мой любезный друг!

Ветромах

Что это?

Лентягин

А вот то, что ты, его обидя,
Обидел и меня и добродетель вдруг;
Что ты несносен мне; что вон прошу из дома.

Ветромах

Когда б я знал, мосье! что этим досажу!..
Но я его, мосье, за это награжу.

Пролаз

(Ветромаху)

Нет, вон!

Лентягин

(Ветромаху)

Поди отсель!

Явление 4

Лентягин, Лентягина, Ветромах, Пролаз, Высонос.

Лентягина

Такого я содома
Не вытерплю...

(Увидя Ветромаха)

Вы здесь!

Ветромах

Я здесь в последний раз.

Лентягина

Ах, что сказали вы!

Ветромах

Хотя против желанья;
Но ваш éроих, а с ним слуга его Пролаз...
Мне кажется, что здесь они сильнее вас.

Лентягина
(Пролазу)

Как смеешь? ..

Лентягин

На твои не смотрим мы кричанья.
(Ветромаху)

Поди и знай, что ты мне ввек не будешь зять.

Лентягина
(Ветромаху)

Согласны разве вы, мосье, дочь нашу взять?

Ветромах

Hélas, madame! лишь в том мои желанья.

Лентягина
(указывая на мужа)

Как? несмотря на род вот этого страмца?

Ветромах

Довольно: ваша дочь, нет нýжды до отца.
И если к вашему, madame, мой род прибавлю,
Что подло от отца, я то собой поправлю.

Лентягина

Благодарю судьбу, вот вам моя рука,
Что Улинька моя женою вашей будет.

Лентягин

О женушка моя! спрыгнýла ты с сучка;
Что я отец, она того не позабудет.

Лентягина

Ох, как бы это я желала позабыть!

Лентягин

Верь мне, что Улиньке за ним вовек не быть.

Лентягина

Лих, будет!

Лентягин

Нет. И я ей жениха сготовил.

Лентягина

А кто бы он такой? Какой-нибудь подлец.

Лентягин

Преблагороднейший.

Ветромах
(Лентягиной)

Какой-нибудь кузнец.

Лентягина
(мужу)

Неужто без меня ты Улиньку помолвил?

Лентягин
(посматривая на Пролаза)

Нет, нет, еще того не ведает жених;
Сам сделаю ему о этом предложенье.

Лентягина

Кто?

Лентягин

Я.

Лентягина

Так и того твой разум не постиг,
Что сделаешь себе бесчестье, униженье.
Бывало ль то когда!

Лентягин

Что нужды до того,
Что этого еще на свете не бывало.
Коль здравый смысл велит, я сделаю начало.
Когда бы накормить хотела ты кого,
Ведь ты спросила бы у гостя твоего,
Желает ли он есть?

Лентягина

(Ветромаху)

Какое рассужденье!
Но как бы ни было,

(мужу)

кто ж этот господин,
Который заслужил такое уваженье? ..
Преблагороднейший! .. Конечно, знатный чин
Тебя к тому склонил?

Лентягин

Нет, матушка, пустое!

Лентягина

Кто ж? Князь ли он? иль граф? или хотя барон?

Лентягин

Нет, нет; таких, как он, на свете только двое.

Лентягина

(с радостию сама себе)

Он вправду, кажется, затеял недурное!
На свете двое их! не близко ли корон? ..

Лентягин

Недолго счесть: лишь он да я, лишь я да он.
А чтобы разрешить скорее нам задачу —
Пролаз.

Ветромах

Qu'entends-je! o, ciel! [1]

---

[1] Что я слышу! о, небо! (франц.). — *Ред.*

Лентягина

С досады рвусь и плачу!

Лентягин

Приближься ты ко мне, любезный друг и зять.
Пусть треснут все с сердцов, хочу тебя обнять.

Лентягина

С ума ли ты сошел? иль шутишь ты над нами?
Или ты бредишь?

Лентягин

(с сердцем)

Нет.

Лентягина

Послушай, муженек...

Лентягин

Не слушаю.

Лентягина

(Пролазу)

А ты, что ты вертишь глазами?

Пролаз

Мне столько кажется диковинным мой рок,
Что будто я несусь теперь над облаками.

Лентягина

Я с этой высоты тотчас тебя стащу.

Лентягин

Не бойся, от всего тебя я защищу.

Лентягина

Чего б ни стоило, чтоб столько пострамиться,
Жива я этого никак не допущу.
Верь мне.

Лентягин

Ты на меня в том можешь положиться,
Что мудрый мой Пролаз мне верно будет зять.

Лентягина

А я, верь мне, я с ним велю тебя связать.

Лентягин

Вот прибыль от жены высокия породы:
За денежки свои мучителя купить,
Лишиться равенства и милыя свободы
И в доме у себя слугою первым быть!

(Указывая на Ветромаха)

Однако дочь моя за ним не будет.

Лентягина

Будет.

Лентягин

А как?

Лентягина

Когда на то пойдет, то, наконец,
Скажу, что дочери моей не ты отец.

Лентягин

Да! Знатности твоей от этого прибудет,
Беспутная! чтобы поставить на своем,
Не видит в бешенстве бесчестного ни в чем.

Лентягина

На всё я поступлю!

Явление 5

Лентягин, Лентягина, Ветромах, Пролаз и Трусим.

Трусим

О чем, друзья, шумите?
Иль, чтобы слышал я, вы громко говорите.

(Увидя Ветромаха, низко кланяется.)

Ах, мой отец, прости, что я не усмотрел.

(На ухо Лентягину)

Любезный! женихов я кучу вам привел.
Вот то-то молодцы! Один умней другого.

Лентягин

На что их множество? нет нужды ни в одном.

Трусим

Да ведь из множества ты выберешь любого.

(Ветромаху)

Родимый! вас могу ль поздравить женихом?

Лентягина

(сама с собою)

Поздравьте.

Лентягин

(приближась к жене, с досадой)

Нет.

Лентягина

(приближась к мужу, с досадой)

Да.

Лентягин

(приближась)

Нет.

Лентягина

(приближась)

Лишаюся терпенья.

Лентягин

Хоть тресни ты себе...

Лентягина

Скорее треснешь ты.

Трусим

(становясь между ими)

Опять, я вижу, мне приходят суеты.
Не можно ль между вас мне сделать примиренья?

(Лентягиной, отведши ее подале)

В чем дело?

Лентягина

Мой дурак не хочет, чтобы дочь

(указывая на Ветромаха)

Была за ним.

Трусим

А! а!

(Ветромаху)

Жениться не хотите?

Ветромах

Желаю очень я.

Трусим

О чем же вы шумите?
Вступился только я, ну, вот и ссора прочь.

Лентягина

Глухой! не он, тому мой глупый муж противен.

Трусим

(глядя на Лентягина)

А! а! любезный мой!

(Лентягиной)

Вот я уговорю.

(Подбегая к Лентягину)

Ты кажешься, мой друг, мне очень, очень дивен.
Толь знатный кавалер...

Лентягин

Тебе благодарю;
Но ведай, мне в твоих советах нýжды нет.
Увещевай мою жену, когда ты хочешь.

Трусим

(подбегая к Лентягиной)

А! а! о чем же ты, родимая, хлопочешь?
Благодаря, сказал: спасибо за совет.
Итак, поэтому с тобою он согласен.

Лентягина

Когда согласен он, меня ты одолжил.
О дружестве моем чтоб он уверен был,
Скажи ему.

Трусим

(подбегая к Лентягину)

Я рад, что труд мой не напрасен.
Мне барыня твоя велит тебе сказать:
Всё сделает, что ты изволишь приказать.

Лентягин

Не вправду ль?

Трусим

Точно так, родимый и любезный,
Ведь знаешь ты меня, и я не стану лгать.

Лентягин

Трусим! ты человек чудесный и полезный,
Коль с мужем ты жену привесть умеешь в лад.

Трусим

За что примусь, не бось, я всё исправлю, брат.
Умею помирить и с кошкою я мышку.

(Подбегая к Лентягиной)

На всё, что хочешь ты, согласен твой супруг.

Лентягина

Благодарю, Трусим, и ты прямой нам друг.

Трусим

Спасибо моему проворному умишку,
А то бы без него наплакалися вы.
Ведь надобно ж такой родиться головы,
Которая служить всегда и всем готова.
Ну! подойди же ты, любезная, к нему
И помиритеся.

Лентягина

(подошед к мужу)

Оставь мне жесткость слова,
Чем досадила я супругу моему.

Лентягин
(жене)

Забудем то, что нам так голову вскружило;
Когда виновна ты, я боле виноват,
И как я филозо́ф, то надобно мне было,
Мой гнев преодолев, иной найти бы лад.

Лентягина

От этого терплю ужасную я муку.

Лентягин

Мне стыдно самому.

Трусим

Чтоб дело окончать,
Ну! обнимитеся.

Лентягин
(жене)

Дай мне в знак мира руку.

Лентягина
(мужу)

Чтоб ты простил, хочу тебя поцеловать.

Целуются.

Трусим

Вот ладно!

Лентягин
(Трусиму)

Мы тебе должны, наш друг сердечный.

Трусим

Когда за труд меня хотите наградить,
Велите только мне всё к свадьбе закупить.

Лентягина

Поверь мне, хлопотник у нас ты будешь вечный.

Лентягин

И станешь наши все дела ты отправлять.

Лентягин, дая знак Пролазу, а Лентягина Ветромаху.

Вместе

Поди и обними скорее тещу (тестя), зять.

Ветромах к Лентягину, а Пролаз к Лентягиной с распростертыми руками подбегают, чтоб обнять; но Лентягин и Лентягина, отталкивая с сердцем обнимателей:

Вместе

Что это?

Лентягин

(указывая на Пролаза)

Вот кто зять!

Лентягина

(указывая на Ветромаха)

Нет, вот!

Лентягин

Опять вздурилась!

Лентягина

Я вижу, что с тобой напрасно я мирилась
И вместо бы того, чтобы поцеловать,
Мне должно бы тебе лишь в рожу наплевать
И выдрать вон глаза.

Лентягин

Так ты не согласилась,
Чтоб зятем был Пролаз?

Лентягина

Что? разве я взбесилась?
Трусим, ты нас мирил, скажи, на чем и как?

Трусим

Я знаю только то, что очень вы бранились
И уговаривал я вас и так и сяк.

Вам должно лучше знать, за что вы рассердились, —
То дело не мое, мое лишь помирить.

Лентягин

Ты знаешь ли, глухой! что за́ это бранятся,
Кто, не в свои дела стараяся мешаться,
Лишь боле портит то, что должно починить.

Трусим

Ась? должно починить? извольте, всё умею:
Стакан ли, чашку ли — всё мастер я склеить;
Карету ль, дом ли — всё исправить разумею.

Лентягин

О чем мы ссорились, ты разве не слыхал?

Трусим

Любезный! нет, всего ведь слышать мне не можно.

Лентягин

Трусим! таких, как ты, я глупых не видал.

Явление 6

Лентягин, Лентягина, Ветромах, Трусим. майор, Пролаз.

Майор
(выглядывая в двери)

Трусим! заставить ждать так долго — ей! безбожно.

Лентягина

Войди сюда, кто вы?

Майор

Я отставной майор.

Трусим
(Лентягину)

Один из женихов.

Лентягина

В чем нужда вам?

Майор

Жениться.

Лентягина

(в сторону)

Он бешеный, его то кажет дикий взор.

(Майору)

Напрасно, видно, вы изволили трудиться
И не туда зашли, где вы хотели быть.

Майор

Со мною никогда не может то случиться.
Знаток маршировать, ничто не может сбить
С пути, с дороженьки, в которую пускаюсь.
И без квартéрмистра занять умел бы дом.

(Показывая на шпагу)

Вот мой квартермистр был; как подниму содом,
Бывало, на чужой постели и валяюсь.
Бывало, всё мое; а здесь у вас не так.

Пролаз

(Лентягину)

Вот чудный филозóф!

Майор

А как я не дурак,
Вы видите, и жить на свете я умею,
То взял квартермистра. Нам общий друг Трусим,
Что ж не прибавишь слов твоих к словам моим?

Трусим

Уж всё говорено; ты знаешь, разумею,
Служить когда возьмусь.

(Лентягиной)

Из всех тех женихов,
Которых вам сыскал, здесь лучший. . .

Майор

(смотря на Лентягину)

Вот невеста.
Сударушка моя! ну, без обиняков.
И я, и сердце уж мое давно без места,
То есть без службы я и также без жены,
Котора с полгода тому назад свалилась.
Итак, когда мы друг для друга сужены,
Когда быть замужем совсем ты снарядилась, —
И я совсем готов, сей день, сей час, коль хошь.

Ветромах

Постойте, господин майор, не торопитесь...

Майор

Я крут, и у меня вот вынь, да и положь.

Лентягина

Придите прежде в ум и прежде вы всмотритесь...

Майор

Уж всё рассмотрено, и мне ты так мила...

Лентягина

Да вы не милы мне.

Майор

О светик мой, пустое!
Жена покойница такая же была:
Сначала страшен я, потом любезен втрое.
Умею хошь кого принудить полюбить.
Когда добром нельзя — иначе может быть.

Лентягина

Лакеи! гей сюда!

(К лакеям)

Избавьте от урода
И вон его...

Лентягин

Не тронь.

Майор

(Трусиму)

Коль мне придет невзгода,
Трусим! я за тебя тогда примусь, мой друг,
На что ты раздразнил, дурак, меня жениться.
Вишь, ну́жда до всего.

Трусим

Ты можешь положиться,
Любезный, на меня... всего не можно вдруг.

Майор

(Трусиму)

Поди ж, уговори спесивую невесту.
Ты видишь ли, она дурачится не к месту.

Трусим

Да это не она, невесты это мать.

Майор

Да черт вас разберет! и как бы мне узнать?
Ты в этом виноват... Ин, теща дорогая,
Не прогневись за то, что я, тебя не зная,
Жениться на тебе хотел, — мне б всё равно...

Трусим

А вот и батюшка.

Майор

Почто ж ты мне давно
Того не объявил? Давно пошло бы дело.

(Лентягину)

Вот мне Трусим сказал, у вас-де дочка есть;
И что желаешь ты кому-нибудь быть тесть;
Итак, к услугам вам душа моя и тело.
Надеюсь, что майор вам лучше по плечу,
Как низшие меня другие офицеры.

Лентягин

Я дочь мою тому отдам, кому хочу,
Чины же разбирать — то не мои манеры.
Всё для меня равно, лишь был бы человек.

Майор

Такой я глупости не слыхивал вовек.
Не стыдно ль, брат, тебе плести такие враки.
Поэтому тебе все люди одинаки:
И я, старинный штаб, и офицер простой?

Лентягин

Не так же ли, как все, ногою ты ступаешь?
Не так же ли ешь ртом, рукою принимаешь?
Какая разница меж нас?

Майор

О! о! постой!
Предбудущий мой тесть! пустое ты болтаешь.
Иль я не весь майор, а если весь майор,
Так всё то, что мое, как я, такого ж чина:
Рука, нога и всё.

Лентягин

(Трусиму)

Какой он дурачина!

Майор

Иное скажет кто, тот скажет только вздор.

Лентягин

(Трусиму)

Зачем привел его?

Трусим

Ну, если он не нравен,
Другие есть: ведь я в моих делах исправен.

(К дверям)

Войдите все сюда, хозяин просит вас.

Явление 7

Лентягин, Лентягина, Ветромах, Пролаз, Трусим, майор, судья, Тромпетин и Свирелкин, два стихотворца.

Судья
(указывая на Трусима)

По поводу сего приятеля всемирна
Сюда...

Тромпетин
(указывая на Трусима)

Чтоб воскрылить меня на сей Парнас,
Где вы...

Свирелкин
(указывая на Трусима)

Он так же был, суда́рь, и мой Пегас,
Чтоб к вам...

Судья
(стихотворцам)

Позвольте мне, речь будет не обширна.

Свирелкин

Мне слова три сказать.

Тромпетин

Двумя всё кончу я.

Судья

Иль вы не знаете, что я бывал судья?
Итак, мне подлежит подать свой голос прежде.

Тромпетин

Чтоб этак говорить, быть надобно невежде;
Пииты завсегда свой голос подают;
Их просят ли иль нет, коль дух придет, поют.

Судья

Ин пойте ж оба вы, а говорить я стану.

Свирелкин
(Тромпетину)

Чтоб муз не пострамить, уступим грубияну;
Учтивость, вежливость — удел пиитов есть.

Судья

И должно быть тому: пиита что такое?
О рангах штат прочти. Его какая честь?
Сравненье чином с кем положено? какое?
Ни слова нет о том.

Тромпетин

Тот выше всех чинов,
Кто чести раздает, кто славою...

Майор

Пустое.
Майором кто бывал от рифм и от стихов
И в рифмах пишутся ль когда-нибудь патенты?

Тромпетин

Не худо б завести...

Трусим

Оставьте комплименты.
Пора бы к делу нам...

Судья
(Трусиму)

Извольте, я готов.
Быть стряпчим за меня вы, друг мой, обязались.
Уже ли сделать здесь экстрактец постарались?

Трусим
(Лентягину и Лентягиной)

Я рода разного сыскал вам женихов.
Военный сам умел вам рекомендоваться.
Вот два великие писателя стихов.
Им, сами говорят, свет должен удивляться,
На ветхость не смотря их темных сертуков.

Лентягин

Добро пожаловать, люблю чистосердечность.
И правды о себе почто не говорить?
Достоинства сертук не может повредить.

Тромпетин

Необычайная о нас Трусима печность
Приводит в стыд меня.

Свирелкин

В глаза все похвалы
В смятенье вержут дух, и я, я весь краснею.
Охотнее стократ я слушаю хулы.

Тромпетин

Что свет о мне твердит, того сказать не смею;
Но если б свет всегда по правде поступал,
Свирелкин бы давно весь в золоте сиял.

Свирелкин

Давно б Тромпетину поставили стату́ю
В весь рост, не мраморну, не бронзову, — златую.

Лентягин

Вам свет не нравится? Я очень рад тому.
Вы мной причислены к знакомству моему.
Прошу ко мне ходить всегда, когда хотите.
Мне хочется теперь поесть; друзья! простите.

Лентягин уходит и за ним Пролаз.

Лентягина

(стихотворцам)

Кто дерзость в голову такую вам вложил,
Чтоб замуж дочь мою...

Свирелкин

Не с тем приход наш был,
Сударыня, сюда, чтоб тотчас и жениться.
Или не можем мы знакомством вашим льститься?

Лентягина

(озирая их с головы до ног)

Знакомством!

Свирелкин

Точно так. Вам сделать можем честь;
И я в моих стихах, позвольте лишь влюбиться,
Бесценной красоте хвалу могу соплесть
Прелестной дочери, которой нет примера;
Она мне Грация, вы будете Венера.

Лентягина

Недурно б.

Тромпетин

У меня ж на ваш презнатный род
Вертится в голове клубок похвальных од.

Лентягина

Довольна буду тем. Когда ж то всё поспеет?

Свирелкин и Тромпетин
(вместе)

Всё в самой скорости, сударыня, созреет.

Лентягина

С нетерпеливостью ждать буду я того.

(Уходит, а с нею и Ветромах.)

Майор

Да у меня никто не отобьет мово.
Ты слышишь ли, Трусим, к чему я это мечу?
Когда я не женюсь, тебя я изувечу,

(указывая на стихотворцев)

А этих в рифму я заставлю завизжать.
И не таких, как вы, умею я пужать!

(Уходит.)

Трусим
(догоняя майора)

Не бойся ничего, всё, братец, будет ладно.

(Стихотворцам)

Не бойтеся, уж я за вас взялся.

Тромпетин и Свирелкин

(вместе)

Изрядно!

(Уходят.)

Судья

Мне кажется, что я с майором в дураках.
Или, как пешка, я, Трусим, в твоих глазах?
Я, знаешь, не привык марать мою честь даром.
Ты ведаешь, каким торгую я товаром.
Пускай в отставке я; однако же в судах
Доныне, лишь приду, на всех я страх пускаю.
Овчинки добрые по векселям сдираю.
Умею я прижать; и если захочу,
Тебя, коль не женюсь, в суде заволочу.

Трусим

Поди, родимый мой, и спи за мной спокойно.

Судья

Смотри ж, чтоб было всё и честно и достойно.
А буде захотят в невесте отказать,
Закóнец натяну с тебя бесчестье взять
И за оказанно мне тем бесчеловечье,
Поверь мне в том, сыщу я даже и увечье.

(Уходит.)

Трусим

Ну как же людям мне возможно помогать?
Майор грозит побить, судья — с меня же взять!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Явление I

Пролаз и Марина.

Марина

Что сказывали мне о женихах чудесных,
Которых приводил для Улиньки Трусим,
Смешно мне...

Пролаз

Бросим то. Старанием твоим
Каков теперь Прият во чувствах куролесных
Вертлявой Улиньки? дай лучше знать о том.

Марина

Я сделала моим проворным языком,
Что искра прежняя, под пепелом закрыта,
Уж сердце начала девицы шевелить;
Что голова ее, повесою набита,
Уже перестает дурачиться, шалить.
Старайся с барином теперь Прията сладить,
А я уж Улиньки сердчишком поверну;
А пуще бы всего нам барыню отвадить
От Ветромаха...

Пролаз

О! его я оттяну.

Марина

Ох, это мудрено!

Пролаз

Мне это так, как плюнуть.

Марина

Не верю этому.

Пролаз

Тебе ль о том судить!
От разных я наук умел на свете клюнуть.
Ты знаешь?

Марина

Знаю.

Пролаз

Ну, о чем же говорить.

Марина

Какая может тут наука пособить,
Коль хочет женщина чего безмерно алчно!

Пролаз

Искусству моему всё может быть удачно.
Наука первая — водить людей за нос.
Маринушка, Пролаз в науке этой взрос.
Ты знаешь, ремеслом таким весь свет торгует.
Здесь всякий, почитай, на счет других пирует.
И, честность становя одну себе в предмет,
До чести крадется, как будто плут весь свет.
В науке этой я умел себя прославить;
И если захочу кому я крюк поставить,
То мудрено тому мой крюк перешагнуть.

Марина

Ты, право, хвастовством себе надсадишь грудь.

Пролаз

Когда я намекну, что разум мой готовит,
Не будешь хвастуном Пролаза ты злословить.

В той куче женихов, которых видел я,
Полезну мысль мне дал отставленный судья
Он в ябеде себе находит содержанье,
Из одного в другой переходя приказ.
Иной ему дает хлеб, мясо, соль указ,
Иной — вино, его нужнейше пропитанье.
Ему-то щеголя руками я отдам. . .

(Увидя судью)

Поди отсель, ко мне идет судья и сам;
А между тем кажи ты Высоносу виды,
Которы были бы наполнены обиды.
Беси его, беси!

Марина
(уходя)

Увидишь, как взбешу.

Явление 2

Судья и Пролаз.

Судья

Га! га! ты с красными девицами шу-шу,
Сиречь всё шепотом, дружок, да тихомолком.

Пролаз

Какая нýжда вам?

Судья

Мне нýжда до всего.
Пожалуй, одолжи нижереченным толком:
Девица эта кто? и ты мне для чего
Велел прийти, чтобы с тобою повидаться?

Пролаз

Так вы не можете о этом догадаться?

Судья

Никоим образом; ответствуй на допрос.

Пролаз

Нечуток может ли быть так судейский нос?
На первый пункт скажу: здесь бывшая девица,
Служанка Улиньки, любезна очень ей;
А на второй — что вы из отставных судей
Миляй мне всех. За вас огонь мне и водица —
Все беды — трин-трава. Я броситься готов...

Судья

Таких ни от кого не слыхивал я слов.
Мне должно приписать какому это чуду?
Скажи же, от чего любовь твоя? откуду?
И для каких причин? и как? и почему?

Пролаз

Друг друга любим мы не часто по уму,
А так. Я думаю, случалось то и с вами,
Что любите кого, не знаючи и сами
За что...

Судья

Нет; не было за мной того греха,
Чтоб я любил кого безвинно, сиречь даром.
Там только любо мне, где ложка не суха.

Пролаз

Коль делаете вы любовь свою товаром,
Так знайте ж вот: меня нельзя не полюбить.

Судья

А как? за что?

Пролаз

Я вам желаю пособить.

Судья

А в чем? когда? и как?

Пролаз

Хотите вы жениться
На Улиньке?

Судья

О том ты можешь ли сумниться?
Ну, будем же друзья. Пожалуй, помоги,
А от меня — ей-ей! — придет на сапоги.

Пролаз

Готов; однако же вы можете поверить,
Что можете себе не менее меня
Или и более еще помочь.

Судья

Кто, я?
А как?

Пролаз

Молодчика вам должно подтетерить,
Который вам, суда́рь, как будто спица в глаз:
Соперник ваш, одно препятство он для вас.
И ежели его, сударь, с седла сшибете,
То ваша Улинька...

Судья

Ни для чего, нет, нет,
Чрез драку не введу моей души в лабет.
Чтоб я дрался, того в судах вы не найдете,
А многажды был бит и брал с того доход.

Пролаз

Да кто же говорит, чтоб вам подраться?
Законами к нему вы можете придраться
И, сделав вексельным уставом оборот,
Указов силою отбить его невесту.

Судья

Вот это сказано по сердцу, кстати, к месту.
Но только намекни, молодчик кто таков?
В отставке, в службе ли и много ли долгов?

Пролаз

Известный Ветромах...

Судья

Ну, этого довольно.
И сердцу моему то было б очень больно,
Когда бы победил меня сей Ветромах,
Которого весь ум в французских лишь словах,
В помадах и духах и в пудре благовонной.
Как модная мадам, так точно пахнет он.
Молчи ж, коли то так, колодезь ты бездонный!
Ты рода знатного, но есть у нас закон.

Пролаз

Мать Улиньки своим пленил он родом знатным;
И если бы ее в том можно убедить...

Судья

Молчок! могу его не только засадить...
Ни слова... сделаюсь по-свойски с ним,
развратным.
Он жизни за меня своей не будет рад.

(Уходит.)

Явление 3

Пролаз, а после Прият.

Пролаз

Вот как изволил наш судья разгорячиться!
(Увидя Прията)
А! барин.

Прият

Я, скажи, умел ли нарядиться?

Пролаз

Прекрасно! надо лишь принять суровей взгляд,
Высматривать на всех печально, исподлобья,
И точно говорить, читают как надгробья.

Прият

Какую пользу даст мне этот весь обряд?

П р о л а з

Ведь я вам сказывал, Марина то ж твердила.
Уж сердце Улиньки она поворотила.
Вам надобно теперь понравиться отцу,
Чтоб это привести удачливо к концу.
Забыв, что вы Прият, вам надо быть Семеном;
Не «вы» ему, а «ты» и в шляпе говорить.
Еще ли надо мне вам то же повторить,
Что тысячу я раз твердил?

П р и я т

Я чту законом
Всё то, что ты сказал. Лишь то противно мне,
Что надо грубым быть, подобно как стене,
Против родившего красы неоцененны.

П р о л а з

Лишь только от того успехи несомненны,
Вы слышите ль, суда́рь, вам Улиньку достать!

П р и я т

Ин быть по-твоему... Однако что сказать,
Когда увижусь с ним? — Что ты твердил недавно,
То всё из памяти к тебе ушло назад.
Могу я оробеть и молвить невпопад.

П р о л а з

Могу и в этом вам я пособить исправно.
Я стану вместо вас высказывать слова.
Смотрите же, сударь, чтоб ваша голова
Всегда была смежна с моею головою,
Чтоб голос мой всегда казаться вашим мог.

(Увидя Лентягина)

Вот он сам.

П р и я т

Помоги, любви всесильный бог!

П р о л а з

Старайтесь быть, сударь, всегда передо мною.
Никак не двигайте ни языка, ни ног.

Прият стоит как вкопанный.

Явление 4

Лентягин, Прият, Пролаз.

Пролаз

(подошед к Лентягину)

Вот тот знакомец мой, умом набитый, честью,
Тот твердый филозо́ф и, словом, — вот Семен.

Лентягин

То сказывает вид, как честен он, умен.

Пролаз

Ты это видишь сам, что не знаком он с лестью.

Пролаз, подводя Лентягина к Прияту, становит его одаль. Прият, забывшись, хочет шляпу снять; но Пролаз, проворно становясь за ним, удерживает его и говорит следующие речи притворным голосом вместо Прията.

Пролаз сказал, что ты хотел меня узнать,
Итак, к тебе пришел я, этому поверя.
То правда ли, скажи, что ты, всё честью меря,
Не смотришь ни на что? Иль лучше так сказать,
Что, не хотя плясать по светской подлой дудке,
К ногам твоим поверг поганы предрассудки?

Лентягин

Ты слышал правду. Кто ж тебе сказал о том?

Пролаз

(вместо Прията)

Весь свет, смеясь, тебя считает дураком,
А я же, несмотря глупцов на гнусну едкость,
Тебя за Феникса считаю и за редкость.

Лентягин

О, чудо наших дней! и в младости такой!
Пожалуй, твоего знакомства удостой.

Пролаз

(вместо Прията)

«Знакомства удостой»! и то тебе не стыдно?
Ты не очистился еще от дрязгу, видно,
И светский комплимент сказал.

Лентягин

Ты очень прав.
Я признаюсь, что, быв со глупым светом близок,
Остатки от него еще мой кажет нрав.
Прости мне то, что был теперь я столько низок.

Пролаз
(вместо Прията)

Другой проступочек ты сделал предо мной:
Иль будь со мной простей иль я уйду домой...

(С сердцем)

Просить прощения честнóму человеку!

Лентягин
(Прияту)

Коль хошь, побей меня, терпенье лишь возьми.
Тобой кажусь себе к златому близок веку.

(Пролазу)

Любезный мой Пролаз, меня ты обними,
Ты мне доставил дар бесценный и небесный.

Пролаз
(Прияту на ухо)

Теперь, сударь, скорей стрелчка отселе дай.

Прият скоропостижно уходит в то время, когда Пролаз обнимается с Лентягиным.

Явление 5

Лентягин и Пролаз.

Пролаз

Ты видишь, молодец какой он пречудесный.

Лентягин
(думая, что Прият еще тут, хочет его обнять)

О мудрый мой Семен, будь другом мне и знай,
Что я... Да где же он?

Пролаз

Пришла охота, видно,
Ему иль есть, иль спать. Он так, как я с тобой,
Без принуждения.

Лентягин

Зачем пошел домой?
Он мог бы у меня — или казалось стыдно?

Пролаз

Иль может нашему что стыдно быть уму?
Однако у себя спокойнее ему.

Лентягин

Ты сделаешь ли мне навеки одолженье?

Пролаз

Скажи, и я готов.

Лентягин

Не пощади всех сил,
Мой друг, чтобы Семен мне сделал утешенье,
Переселясь ко мне, со мною б вечно жил.

Пролаз

Трудненько это мне, однако постараюсь...
Да знаешь ли, что мысль мою теперь тягчит?
Не менее тебя Семену удивляюсь,
Но, видя, он каков, я совестью терзаюсь:
Бунтуя, честь моя против меня шумит.
Как! счастье действует над мудрецами даже?
Я буду зять тебе, а лучший наш Семен...

Лентягин

Да склонен ли, скажи, мой друг, к женитьбе он?

Пролаз

Верь мне, жениться он меня умеет глаже.
Я помню, говорил он мне однажды так,
Что для того себе считает нужным брак,
Чтоб вывести семью премудрых, нам подобных;

И, свет стараяся совсем преобразить,
Побольше развести людей честных, не злобных.
Не должно ль мне ему невесту уступить?
Мне это честь велит; тебе велит честь тоже
Дать Улиньку тому, кто больше филозо́ф.
Семену более на ней жениться к роже.
Ты видишь, мудростью преодолев любовь
И всё, я честности несу на жертву счастье
И лучшему меня я право отдаю.
А за мое, мой друг, толь редко беспристрастье,
Коль можно, мне отдай Марину ты твою.
Премудрости моей довольно и Марины.

Лентягин

О, честный человек! не согласиться как
На филозофские толь важные причины!
Что ты сказал, верь мне, мой друг, тому быть так.

Явление 6

Лентягин, Ветромах, Пролаз, Высонос.

Ветромах
(Лентягину)

Я к вам, мосье, пришел exprès,[1] чтоб извиниться.

Лентягин

Оставь меня, оставь, иль должен я взбеситься.

Высонос
(на ухо Ветромаху)

Оставьте вы теперь французские слова.

Ветромах

Да без того моя в пень станет голова.

Высонос

Как можно жалобней по-русски говорите.

---

[1] Нарочно (франц.). — *Ред.*

Ветромах

Превозмогу себя.

(Лентягину)

Меня, суда́рь, простите...

Пролаз

Какая подлость то — прощения просить!

Лентягин
(указывая на Ветромаха)

Кто так пестер, кудряв, могу ль тому простить?

Пролаз
(Лентягину)

На попугая нам возможно ли сердиться?
Нам должно от него скорее удалиться.

Лентягин

Ты правду говоришь.

(Хочет уйти.)

Ветромах
(останавливая Лентягина)

Позвольте всё сказать.

Лентягин

Как хочешь можешь ты, когда уйду, болтать.

Ветромах
(останавливая его)

Три слова лишь скажу, и после в вашей воле.
Каков доныне был, таков не буду боле.
Я чувствую, что я испорчен светом был,
И вижу всё теперь.

Пролаз
(на ухо Лентягину)

Ты видишь ли притворство?

Ветромах

Системой вашей я глаза мои открыл.
Вперед увидите мое к себе покорство;
И ваших правил я прилежный ученик.

Лентягин
(Пролазу)

Смотри-ка ты, мой друг! какой промышленни́к!

Пролаз
(Ветромаху)

Мы разве дураки? Окончи ты насмешки.

Ветромах
(Пролазу с сердцем, топая ногою)

Бездельник, замолчи!

Лентягин

Вот как ты лучше стал!
Поди, точи твои, ко́му ты хочешь, пешки.

Пролаз
(уходя)

От нашей секты прочь, ты нас бы замарал.

Явление 7

Ветромах и Высонос.

Ветромах
(грозя вслед Пролазу)

Заплатишь мне, maraud![1] ты жизнию твоею.
Что сделал я bassesse,[2] о том лишь сожалею.
О честь! ты мне obstacle[3] бездельника убить,
Который смеет мне, о, sort![4] ривалем быть.

---

[1] Мошенник! (франц.). — *Ред.*
[2] Низость (франц.). — *Ред.*
[3] Препятствие (франц.). — *Ред.*
[4] О, рок! (франц.). — *Ред.*

Я знатный дворянин, а он слуга ничтожный,
А то бы на тот свет ссудил я подорожной.

(Высоносу)

Ты, мой слуга, скажи, имеешь ли ты дух
Из счету выключить его живущих слуг
И умертвить?

Высонос

Что вы, мосье! побойтесь бога.
Иль мыслите, в Сибирь приятна мне дорога?
Мосье! то на Руси не водится у нас,
До смерти чтоб убить, и очень то бесчестно.

Ветромах

Иль право чести мне, ты мыслишь, неизвестно?
Maraud! И можешь ли мне тем колоть ты в глаз,
Чтоб point d'honneur[1] возмог забыть в моей я мести?
Хочу, чтоб ты убил путем французской чести.

Высонос

А как, мосье?

Ветромах

О, sot![2] Служа так долго мне,
Быть надобно тебе так глупу, как стене.

Высонос

Скажите только как, готов убить я честно,
То есть, чтоб не было за то чего спине.
А впрочем, истребить его мне очень лестно.
Я склонность чувствую отмстить не меньше вас.
Марина, сколько мне догадкою известно,
Неверный на него коробит также глаз.

Ветромах

Дуэлем истребить бездельника возможно.
Ты вызови его, и с шпагами в руках...

---

[1] Достоинство (франц.). — *Ред.*
[2] О, дурак! (франц.). — *Ред.*

Высонос

А ежели его, мосье, не проймет страх?

Ветромах

Он трус, поверь мне в том.

Высонос

Мне разве осторожно,
Искусненько, мосье, на это поступить.
То есть чтоб чем-нибудь всё тело обложить,
Чтоб проколоть нельзя.

Ветромах

Как хочешь, но исполни,
Иль сто ударов я тебе... ты это помни.

Явление 8

Высонос
(один)

Исполнить должно мне, отмстить за нашу честь
И дело славное хоть разик произвесть.
Но прежде, нежели я тем себя прославлю,
Я в безопасность грудь мою от ран поставлю
И множеством дестей бумаги обложу.
Тогда-то храбрость я надежно покажу.
Мне сделать то велят различные причины:
И что из рук у нас выходит миллион,
И хладнокровие изменницы Марины.
Увидит то злодей, какой я дам трезвон!
О ты, которого я столько ненавижу,
Который столько мне причин сердиться дал,
Дрожи!.. Притом же я в дуэле то увижу,
Чего родясь еще я сам и не видал,
То есть каков я храбр...

(Увидя Марину)

А вот моя неверна.

Явление 9

Высонос, Марина (выходит, отворачиваясь от Высоноса)

Высонос

Давно ль ты стала так, мой свет, высокомерна,
Что и приступу нет?

Марина

Пожалуй, ты отстань.

Высонос

И рожу в сторону воротишь.

Марина

(отталкивая его)

Перестань.
Мне время нет, поди.

Высонос

За что ж ты так вздурилась?
А прежде — помнишь ли? . .

Марина

Не помню ничего.

Высонос

Я знаю, отчего ты столько возгордилась:
Ты к философии с Пролазом пристрастилась.

Марина

Не трогай ты ничем Пролаза моего.

Высонос

Пролаза твоего? . . Ту грубую скотину?
Не узнаю мою я более Марину.

Марина

Не узнавай; о том лишь я тебя прошу.

Высонос

Так знай же, твоему Пролазу отомщу!
Ты будешь плакать, верь!

(Уходит.)

Явление 10

Улинька (выходит, задумавшись), Марина.

Марина
(в сторону)

Вот как она уныла.
Пилюли действуют, которы я дала.

Улинька

А я тебя ищу; скажи, где ты была?

Марина

Что вы печальны так?

Улинька

Сама себе постыла.
И свет мне стал немил с тех самых пор, как ты
Изобразила мне так черным Ветромаха.
Исчезли предо мной те мнимы красоты.

Марина

Женою быть его, поверьте, много страха.
Всё прожил, весь в долгу; не вами плёнен он,
А любит искренно ваш только миллион.
И можно ль ожидать любви от вертопраха?
У модных молодцов прелестна только та,
Которая мотать им средство доставляет;
А после — денег нет, и прелесть исчезает.
И нынече жена подобно как руда:
Лишь выйдет золото, оставят навсегда.

Улинька

Речь каждая меня смертельно ужасает.

Марина

Вы скоро правду слов узнаете моих,
Что мало женихов, каков Прият, таких.

Улинька

Почто ж он был, почто так робок, непроворен?

Марина

Ему казался путь ко счастию затворен.
Он, смертно полюбя, считал вас божеством
И думал, что он вас не может быть достоин.
Болезнь его, болезнь уверить может в том:
Отъездом вашим был он столько беспокоен,
Размучен, что без вас тотчас же занемог.
Мне сказывали: он не мог таскать и ног,
И тотчас после вас горячкой слег в постелю,
И бредил Улинькой он целую неделю;
Потом, как жар прошел, то прискакал сюда
Затем, чтоб умереть у ваших ног от страсти;
И шпагу уж купил.

Улинька

Какая же беда!
О, бедненький! Нельзя ль ему помочь в напасти?

Марина

Его вы можете лишь только исцелить.
Он, право, хочет кровь свою при вас пролить.
Он тотчас будет к нам и, ставши на колени,
Вот так...

(становится на колени)

«Сударыня! — тогда вам скажет он. —
Вы не услышите ниже́ малейшей пени,
Не вы виновны в том, что мне судьбы закон
Велел, навеки в вас влюбяся, лишь терзаться.
Однако не могу судьбе повиноваться.
Я должен умереть, не могши быть любим.
Когда надежды нет желаниям моим, —
Прости, дражайшая!»

(Марина, вынув опахало, хочет им заколоться.)

Улинька

Постой!.. Ах, как же я
забылась!
Казался сам Прият.

Марина

Не грех ли будет вам,
Когда от вас умрет Прият?.. Да вот он сам.

Явление 11

Улинька, Марина, Прият (которого силою тащит Пролаз).

Прият

(Пролазу)

Беда! ах, Улинька от нас отворотилась!

Пролаз

Не стыдно ль! робость в вас опять, суда́рь, вселилась.

Прият

Отложим на сей раз открытие любви:
От страха чувствую, Пролаз, мороз в крови.

Пролаз

Приближьтесь к Улиньке, и будет потеплее.

Марина

(Улиньке)

Смотрите, он дрожит, — кто может быть страстнее?
Как бледен!

Улинька

Бедненький!

Пролаз

(таща Прията)

Хотите ль, чтобы я,
За вас к ногам ее упав, открыл ваш пламень?

Прият

Любезный мой Пролаз, ты одолжишь меня.

Пролаз

(тащит его)

Вы знаете ль, сударь, что с вами треснет камень!

Прият

Пожалуй, не сердись. Иду... я трепещу!
Как примет то она, что столько я нахально,
При всех... Как горько мне и будет то печально,
Когда рассердится... Я случай приищу,
Когда куда-нибудь поедет на гулянье.

Пролаз

Я разумею вас: на поле, на лужку,
Овечек миленьких и пастухов в кружку...
Не стыдно ль пропускать толь счастливо свиданье?
Представьте вы себе Маринушку кустом,
Меня хоть сосною, себя же — пастушком,
Пастушкой — Улиньку, а зеркало — рекою.

(С силою притаща к Улиньке)

Я к вам привел его и телом и душою.

Прият

У вас во власти всё: и жизнь и смерть моя...
Не гневайтесь... или навек погибну я.

Улинька

За что сердиться мне? О вас я сожалела.

Прият

Что слышу! в радости... не знаю, что сказать,
И сердце вон летит, и не могу дышать!

Марина

(Прияту)

Мне барышня, сударь, велела то сказать,
Что не противны вы.

Улинька

(Марине)

Солгала на меня;
Но, нагло так меня бесстыдством ты виня,
Скажи: когда тебе я в этом открывалась?

Марина

Не говорили вы, сама я догадалась.

Прият

(Марине)

Такою дерзостью меня ты погубишь.
Марина! для чего неправду говоришь?
На первый случай я доволен сожаленьем,
И больше ничего не смею я хотеть.

Пролаз

Такого не видал охотника терпеть,
Всегда откладывать и, веселясь мученьем,
На свете только жить одним воображеньем.

(К Улиньке)

Узнайте, я его поверенный в делах.

(Становится на колени пред Улинькой и с собою Прията становит.)

Услышьте просьбу вы его в моих устах...
Вы видите, как худ он стал от жаркой страсти...
Немного уж ему осталось догореть;
А жизненной свечи прибавить в вашей власти...
Не дай, сударыня! от вас нам умереть...
Коль барин мой умрет, и я за ним туда же!
Скажите, много ли его собою глаже?
Молодчик хоть куда; и мастер так любить,
Что этаких нельзя ни зá что и купить.
Скажите же ему: не тщетно ты мной страстен.

Марина

Когда за барина умел ты проболтать,
Равно за барышню мне должно отвечать.

(Жеманным голосом Прияту)

Ты знаешь: жребий мой родителям подвластен;
Прият! когда они согласны будут в том...

(Улиньке)

Окончите теперь остаток вашим ртом.

Улинька

Согласна буду я.

Прият

(целуя руку Улиньки)

О, радость несказанна!
Мне жизнь обновлена прещедрым божеством!

Пролаз

Я вижу гостя здесь, Маринушка, нежданна.
Выходит Высонос; отсель подите прочь.

Явление 12

Высонос (с двумя кортиками под полою, бумагой толсто обложен и кафтан весь застегнут) и Пролаз.

Высонос

(сам с собой вдали)

Я так сердит, что свет мне кажется, как ночь.
Надеяся на то, что глупый этот струсит,
Намерен я его на поединок звать...
Ну, ежели его черт храбрости укусит
И если вместо он того, чтобы дрожать,
Приободрившися, не вздумает бежать?..
Пропал я!.. Но тому быть, кажется, не можно.
Слыхал я: филозоф не любит умирать.
Притом же поступил я очень осторожно:
Бумаги десть на грудь взложил я вместо лат.

Пролаз

(издали)

Зачем ты здесь один, любезный друг и брат?

Высонос

(сам себе)

Один? любезный друг и брат! — о! он робеет!

(К Пролазу гордо и смело)

Коль чести правила бездельник разумеет...

Пролаз

(так же гордо и смело)

Ну что ж?

Высонос

(струся)

Ну, только...

(сам себе)

Черт его пускай возьмет!
Он смотрит, будто бы меня совсем сожрет.

Пролаз
(сам себе)
Его мне бледный вид добра не предвещает:
Он, кажется, меня, как репку, искусает.

Высонос
(сам себе)
Ну, милый Высонос! приободрись, дружок!
Он храбрым кажется, быть может, только с рожи.

(Пролазу)
Ты знаешь ли, на что твои дела похожи?

Пролаз
На что?

Высонос
На то, за что сажают вас в острог.

Пролаз
(сам себе)
От ужаса ни рук не чувствую, ни ног,
Однако должно скрыть мне робость ради чести.

Высонос
(сам себе)
Изрядно! он дрожит!

(Пролазу)
Что ж ты не говоришь?
Не видя ничего, уж ты как лист дрожишь.

Пролаз
Не горячися так; сказать тебе без лести,
От сердца я дрожу
(отступая дале)
и бойся ты меня.

Высонос
(также отступая дале)
Бояться мне? тебя! . . тебя? такого пня?
Ты должен отвечать за смертную обиду,

Котора сделана и барину и мне.
Хоть тресни, но отсель дотоле я не выду,
Доколе кортиком не прилеплю к стене.

(Вынимает кортик.)

П р о л а з

Разбойник ты! ведь я, ты видишь, безоружен!

В ы с о н о с

Ты судишь по себе равно и обо мне:
О чести знать тебя я более досужен.
Для защищения тебе коль кортик нужен,
Возьми, вот он,

(бросает Пролазу один кортик издали)

и знай: я честный человек.

П р о л а з
(поднимая кортик)

Увидишь, я каков; твой кортик поднимаю;
Но, как я филозо́ф, то ведай, что вовек
Я первый брани, драк ни с кем не начинаю.
Ты наступай.

(Отходит подале.)

В ы с о н о с

Нет, ты.

(Отступает подале.)

П р о л а з

Ведь ты обижен был.

В ы с о н о с

Ты правду говоришь, я это позабыл.
Давай!

Не вынимая кортиков из ножен, оба машут издали.

Постой! еще мы не уговорились,
Колоться ль должно нам иль рубку произвесть.

П р о л а з

Что до меня, моя рубиться любит честь.

Высонос

Моя колоть.

Пролаз

Так мы еще не согласились?

Высонос

Не соглашуся я рубиться никогда.

Пролаз

А я колоть, — итак, дуэль не состоялся.

Высонос

Хоть трусом почитал тебя я завсегда,
Не думал, чтоб Пролаз колоться отказался.

Пролаз

Кто колет, разве тот считается храбрей?

Высонос

Конечно.

Пролаз

Ин изволь, и стань же в позитуру.
Увидишь, проколю как я твою фигуру!
Да отчего, скажи, ты кажешься толстей?
За час ты тоне был.

Высонос

Трус только лишь худеет,
А храбрый человек час от часу толстеет.

Пролаз

Да что та храбрость вся застегнута твоя?
(Расстегивая несколько камзол и показывая грудь)
А пред тобою — на! — открыта вся моя.

Высонос

Коль хочешь, ты себе, пожалуй, застегнися.

Пролаз

Послушай!.. Человек ты честный, говоришь?

Высонос

И очень.

Пролаз

Если так, ощупать мне велишь
Ты прежде честь твою.

Высонос

Нет, нет, ты тем не льстися,
Она и без того, дружок! видна, как скло.

Пролаз

Однако ж твой кафтан не так ведь, как стекло.
Не видно, под него какую вещь заправил.
Знать надо, из чего ты честь твою составил,
Котору грубо так ты скрыл под твой кафтан.
Честь оттопырилась твоя, мне очень видно.

Высонос

Так думать обо мне или тебе не стыдно?

Пролаз

Послушай: я, узнав преподлый твой обман,
Когда начну колоть, то метить в рожу стану.
Изрежу, проколю твое лицо насквозь.

Высонос

(в сторону)

Бездельник сделает мою красу хоть брось.

(Пролазу)

Уверить чем тебя, что нет во мне обману?
Божиться ль?

Пролаз

Не божись, а лучше договор
Мы сделаем с тобой. Чтобы окончить спор,
Положим кортики мы прежде на пол оба,
Чтобы с оружием осталась наша злоба;
Потом, по-дружески сошедшись, разберем;
И если честь твоя толста не от обмана,
Опять, коль хочешь ты, мы кортики возьмем.

Высонос

Изволь,

(кладет кортик)

кладу тебе толь страшного тирана.

Пролаз

(положа кортик)

И я.

(Шагнув один раз)

Вот я уже шагнул.

Высонос

(так же шагает)

И я ступил.

Оба вместе сходятся.

<Вместе>

Раз, два, три.

Высонос

(останавливаясь)

Лишний шаг ты, плут, с меня
слупил.

Пролаз

Изволь, я раз еще ступлю в твою угоду.

(Скоропостижно прибегает к Высоносу, расстегивает его, и множество дестей бумаги сыплется.)

Бездельник! храбрость вся рассыпалась твоя!
Мошенник!

(Дает оплеуху Высоносу.)

Высонос

(дав оплеуху Пролазу)

Не спущу такому я уроду!

Пролаз

(бежит к кортику)

К ружью! к ружью!

Высонос

(также бежит к своему кортику)

К ружью! взбешен теперь-то я!

Пролаз

Кровопролитие у нас пойдет ужасно.
Кто так сердит, как я, что может быть опасно!

(Высоносу)

Бездельник! будь готов себя оборонять.

(Издали выпав, отступает.)

Высонос

Прощайся с светом!

(Так же, издали выпав, отступает.)

Пролаз

(в сторону)

Нас никто нейдет разнять.

Высонос

(в сторону)

Как люди нонече немилосерды стали!
Мы кровь лием, а к нам не выглянет никто!..
Я стану-ка шуметь, авось поможет то.

Оба вместе

(друг на друга издали выпадая)

Ге! ге! ге!

Пролаз

Никого. Как будто все пропали.
Вот люди каковы: пожалуй, ты умри, —
Никто из них тебе не скажет добра слова.

Высонос

Пролаз! по совести, что ты ни говори,
А чтобы умереть, в том много есть пустого.

Пролаз

Ты правду говоришь... Что ж нам — начать ли снова
Тот бой, который мы так храбро провели?
Противу чести мы не сделали прорухи.

Высонос

Довольно, кажется, мы крови пролили́,
И помнится, у нас по полной оплеухе.

Пролаз

Мы равной храбрости и одинаких сил,
И если б, Высонос, день целый мы дралися,
Из нас никто б один другого не убил.

Высонос

А как у нас теперь и раны завелися,
То мы скорее их пойдем перевязать.

Пролаз

Не лучше ль в доме нам питейном побывать?
От храбрости всегда ужасна жажда мучит.

Высонос

То правда, у меня от ней и брюхо пучит.
Привычка храбрецов приятна очень мне,
Подравшись, утопить свою вражду в вине.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Явление 1

Лентягина и Высонос (пьян).

Лентягина

Подумать можно ли! служитель Ветромаха
Так пьян!.. Поди, поди; мне стыдно и смотреть.

Высонос
(шатаясь)

Когда бы так, как я, вы были близко страха!..
Случилося ли вам в дуэле умереть?

Лентягина

Поди отселе вон; хоть стоишь наказанья,
Но думаю, что впредь не будешь вечно пьян.

Высонос

На что же думать так? — При перевязке ран
Все таковы, чтобы не чувствовать терзанья.

Лентягина

Он бредит, и в вине весь ум свой утопил.
Когда бы ты не так собою статен был,
Когда бы не умел по-светски обращаться
И столько щегольски, манерно представляться,

Я отослала бы тебя назад тотчас,
И верь, за то тебя твой барин сбил бы с глаз.

Высонос

Я вижу, чванишься, что ты богата слишком.
Мой барин гол, да мы работаем умишком.
Не думай, без тебя мы, право, не умрем.
И лучше Улиньки твоей себе найдем.
Поверь, не Улинька, а миллион нам нужен.
Мой барин не весьма с богатством, видишь, дружен.
Он с ним поссорился, из дома выгнал вон.
Совсем бессребреник и бескорыстник он.

Лентягина

(в сторону)

Что слышу? Небеса мне сами случай дали
Узнать о всем... дрожу... ну, ежели он мот?..
И если правда то, что мне о нем сказали?..

(Высоносу)

Да чем же держится его толь знатный род?

Высонос

Чем хочет... Был старик у нас, приятель честный,
Который помогал... всем людям друг известный...
Который милостью молодчикам вредит.
Жаль; умер он... совсем...

Лентягина

Кто он таков?

Высонос

Кредит.

Лентягина

Так много должен он?

Высонос

Всё выведать желаешь.
Да скромность я мою, как сам себя, люблю.
О наших ничего долгах не объявлю.

Лентягина

Ты спьяну, кажется, пустое мне болтаешь.

Высонос

Пустое? — Честь мою ты этим обижаешь.
И если рассержусь, по пальцам всё сочту.
За всё мы существо должны презнатна рода.
Заимодавец наш — вот вся почти природа.
За некую должны мы также красоту.
Мы ею, а она безмерно нами страстна...
Французская мамзель — ах, как она прекрасна!
Какой румяный рот! какой открытый глаз!
Хотите ли того: я познакомлю вас?
Какие зубки, нос и розовые щечки!..
У вашей всё не так единородной дочки.

Лентягина

Молчи, негодный ты и с барином твоим!

Высонос

Негодный!.. Мы давно ль негодны стали с ним?
За что?.. Что любим мы то всё, что нам приятно:
Богатство в Улиньке, красу в мамзель Жавот?
Знай, Улинька ее у нас не отобьет.
Послушай, было бы тебе то всё понятно:
Женясь на Улиньке, любовь мы подкрепим.
Из ваших денег долг Жавоте отдадим.
Ни для чего Жавот мой барин не утратит,
И Уля за любовь француженке заплатит.
Так барин говорит.

Лентягина
(с запальчивостию)

Поди ты с глаз долой!

Высонос

Прости ж, когда тебе быть хочется одной.

Явление 2

Лентягина

(одна)

Моею дочерью бесчестно так ругаться,
Обманывать меня, на наш чтоб только счет,
Обогатясь, мотать — и после нам смеяться
С французской девкою, которой подлый род
Не стоит и того, чтоб на нее взглянуть!
Теснится грудь моя, и не могу вздохнуть!..
Возможно ль не любить девицу благородну,
Любя такую тварь, у коей нет колен
Дворянских родовых?.. Мне даже стыдно стен!

Явление 3

Лентягина, Пролаз.

Пролаз

(в сторону)

Лентягина теперь играть изволит в ёдну,
То есть сама с собой изволит говорить.

Лентягина

Бездельник! смеешь ли глазам моим казаться!..

Пролаз

Извольте после вы, сударыня, бранить,
А прежде выслушать...

Лентягина

Ты хочешь притворяться;
Но более меня не можешь обмануть.

Пролаз

Пускай теперь же гром в мою ударит грудь,
Когда хоть слово я скажу несправедливо!..
Неужто вы могли себе вообразить,
Чтобы намеренье имел я горделиво

С супругом вашим в том согласным глупо быть,
В чем он от странности забыл себя так много,
Чтоб барыне такой быть зятем льстился я? —
Похож ли я на то, судить извольте строго:
Фортунина крыльца я на низу стоя́,
Лишь посмотрю на то ужасно расстоянье,
Которое нас так без милости делит, —
От страха на меня тотчас придет зеванье
И омрак голову мне кубарём вертит...
Когда б король какой на Улиньке женился,
Нимало б он таким узлом не острамился.
То как же думать мне, Пролазу, бедняку,
Не только графу, но и даже не барону.
И черт ли понесет так высоко ворону!

Лентягина

Ты правду говоришь, быть надо дураку.

Пролаз

Дурак ли я?

Лентягина

Когда б толь умных было боле,
Куда бы хорошо!

Пролаз
(кланяясь)

Итак, чтоб вам помочь,
Супруга вашего покорствовал я воле.
Теперь же от него отшел бред этот прочь,
И я преобратил в ничто его желанье,
Чтоб выдать за меня любезну вашу дочь...
Хотел бы я мое употребить старанье
За Ветромаха, но...

Лентягина

Пожалуй, докончай.

Пролаз

Быть может, на меня вы станете сердиться.

Лентягина

Что хочешь, говори о нем и это знай,
Что случай я о всем имела объясниться.

Пролаз

Он рода знатного, все это говорят,
Хорош, пригож, — ваш вкус не может ошибиться;
Однако родом он не станет с вами в ряд.

Лентягина

Вот новое еще.

Пролаз

Ваш праотец был сват
Осколду древнему, что Киевом ворочал;
А Ветромахов род лет тысячу просрочил.
Не знаю, для чего, гордяся родом так,
Он вас, сударыня, и вашу дочь порочил.
Пленяяся одним богатством...

Лентягина

Он дурак,
И ветреник, и мот!

Пролаз

Он прожил три именья.

Лентягина

И думать не могу о нем без омерзенья.

Пролаз

Есть некий дворянин, и молод и пригож,
Из одного он к вам, сударыня, почтенья,
Поверьте в этом мне, я говорю не ложь,
Пылает к Улиньке нежнейшей самой страстью
И хочет с нею быть навек под вашей властью.

Лентягина

А как зовут?

Пролаз

Прият.

Лентягина

Он, помнится, сосед
По нашим деревням, и мне его хвалили.

Пролаз

Сама хвала за ним всечасно ходит вслед.
Одни беспутные его не полюбили.
Позволите ль ему почтенье вам отдать?
Он все мои слова сам может оправдать.

Лентягина

Представь ты мне его, ему я рада буду.

Пролаз

(в сторону, отходя)

Нам счастье, кажется, открыто отовсюду.

Явление 4

Лентягина, Свирелкин.

Свирелкин

Уж всё окончено, что вам я обещал.
И как, сударыня, вы знаменита дама,
То вот похвальная для вас эпиталама.
Простите — дочери перёд я вашей дал
И красоту ее я прежде описал.

Лентягина

Нет ну́жды, и стишков начните ваших чтенье.

Свирелкин

Чтоб лучше изъяснить любовное мученье,
Я прелесть живо так ее изобразил,
Как будто с нею лет я десять вместе жил.
Пиитам лишь дано толь сильно воображенье.
Потом, сударыня, увидите себя
Достойной матерью толь дочери прелестной...

Лентягина

Увидим. — Ну, суда́рь!

Свирелкин

Смертельно полюбя,
Я громов не искал поэзии чудесной:
Всё нежно, плавно всё, всё сердце говорит.

Лентягина

Да где ж узнали ту, кем так ваш дух горит?
Где видели вы дочь?

Свирелкин

Нигде, и нýжды нету
Предмет дражайший знать великому поэту.
Хотя б любовница была крива, урод, —
Загладит это всё струя пермесских вод;
Но в вашей дочери что есть, то всё прелестно.
По вас, сударыня, то ясно мне известно.

Лентягина

Читайте же, сударь!

Свирелкин

Извольте же внимать.

(Читает)

«Эпиталама. Драгой Ирисе...»

Лентягина

Как изволили сказать?

Свирелкин

Ирисе.

Лентягина

Кто ж она?

Свирелкин

То ваша дочь неложно.

Лентягина

Моя дочь Улинька.

Свирелкин

Да быть тому не можно.

Лентягина

Не можно быть? Что вы! мне надо лучше знать.

Свирелкин

Да имя Улиньки в стихах весьма не звучно.

Лентягина

Я Улиньку хочу, не спорьте, мне уж скучно.

Свирелкин

Ин быть по-вашему. Я стану так читать,
Как вам, сударыня, угодно приказать.

(Читает)

«Дражайшей Улиньки в очах
Мне само ясно небо видно.
А то самой заре обидно,
Что нет того в ее цветах,
Что видим Ули на устах.
Глаза пресветло-голубые. . .»

Лентягина

Постойте — вздор! вам то сказали люди злые.
По этому моя была бы дочь коза.
У дочери моей каштановы глаза.

Свирелкин

Богини были все всегда голубооки;
А верьте, в красоте богини были доки.

Лентягина

Что ну́жды до богинь!

(Увидя Тромпетина)

А вот другой идет
И целую тетрадь с собою к нам несет.

Явление 5

Лентягина, Свирелкин, Тромпетин.

Лентягина
(Тромпетину)

Прошу пожаловать с своими вы стишками.
Увижу я теперь всю разность между вами.

Свирелкин
(Тромпетину)

Я рад тому, что рок соперника мне дал,
Который, как Алкид, вовек не упадал.

Тромпетин

Вкушаю также я неизреченну радость,
Что в поле славы с тем вступать имею честь,
Из уст которого течет Венеры сладость.

Свирелкин

Что вы великий муж, вещает то не лесть.

Тромпетин

Творенья ваши всем, как летний день, прелестны.

Свирелкин

И ваших обществу достоинства известны.

Тромпетин

Никто не сочинит подобных вам стихов.

Свирелкин

А в ваших никаких не может быть грехов,
За кои Аполлон с Парнаса низвергает.

Тромпетин

В идиллиях ваш дар, как ясный Феб, сияет;
В элегиях у вас плачевнейший содом.

Свирелкин

А в одах пышных вы — и молния и гром.
От тяжкой силы их дрожит читатель, стонет.

Тромпетин

Коль острота кого сатиры вашей тронет,
Ручаюся, тому на свете не живать;
А чтобы словом всё единым окончать,
Что в остром, в нежном вы — я то в гремящем,
в пышном.

Свирелкин

Однако ж громкое и я могу писать.

Тромпетин

Но что уверит в сем о вас, еще не слышном?
Не знаю, чтоб ваш стих причастен был тех гроз,
Которые в моих.

Свирелкин

А «Ода на мороз»!

Тромпетин
(со злою усмешкою)

Растаяла давно студена ода эта.

Свирелкин

Но если голосу всего поверить света,
Есть нечто в ней, чего и вам не удалось.

Тромпетин
(с сердцем)

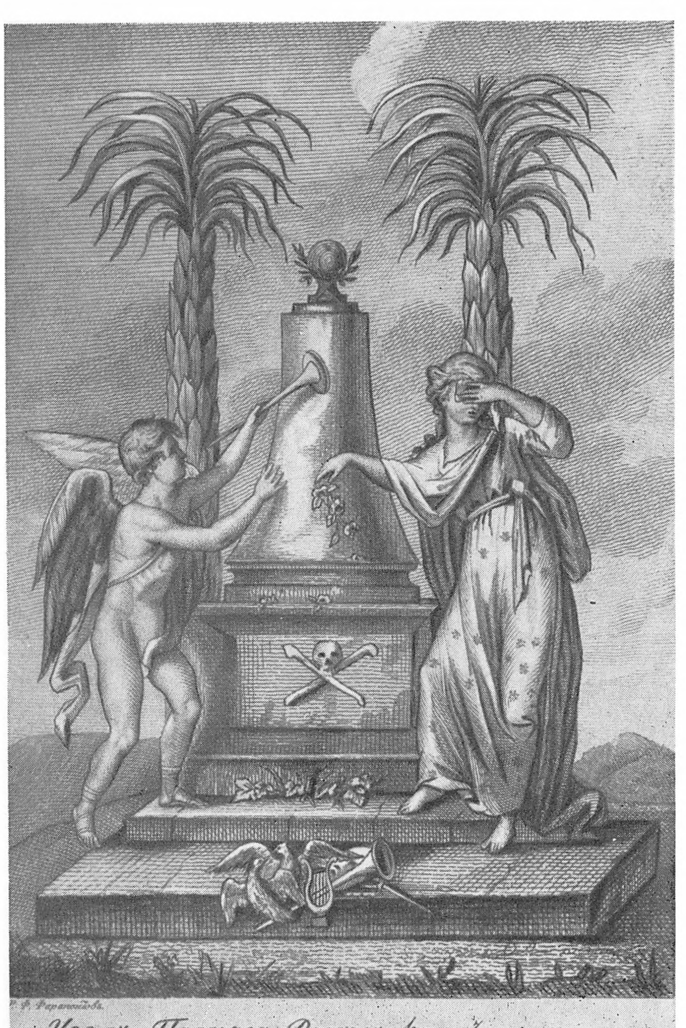
Не удалось и мне? Сказать кто это смеет,
Который ни ума, ни вкуса не имеет?

Свирелкин

Не ведаю и сам, как это всё сбылось;
Но «Ода на мороз», мне музами внушенна,
Пред вашими навек пребудет предпочтенна.

Тромпетин
(усмехаясь гордо)

Которы скажут так, тем плюньте вы в глаза.
Свирелкин! верь, они не знают ни аза
Иль забавляются, шутя над вами едко.

Р. Ф. Ферапонтовъ.

Увялъ Парнаса Россовъ кринъ,
Подъ камнемъ симъ сокрытъ Княжнинъ
Творенія его Россія не забудетъ.
Онъ былъ! и нѣтъ его! онъ есть! и вѣчно будетъ

Свирелкин

Кто цену так, как я, возможет знать уму,
Да если сочинит, что нравится ему,
Тромпетин, верь мне, тот обманывается редко.

Тромпетин

А как же в оде так ошибся ты своей?
Впервые ты запел, запел и острамился.

Свирелкин

Не видишь ты красот?

Тромпетин

Нет складу, толку в ней.
Когда б я так писал, я б тотчас удавился.

Свирелкин

Поди ж и удавись, и весь избавь народ
От пухлых ты своих безмозглых, подлых од.

Тромпетин

Поверь мне и сожги с собой любовны вздоры,
В которых без ума ты холодно сгорал
И в полном здравии на рифмах умирал.

Свирелкин

Влюбленные сердца, однако ж, то читают.

Тромпетин

Влюбленные сердца, что делают, не знают.
А если б из твоих лишь торг повел стихов,
Давно б от голода скончался Глазунов.

Свирелкин

Я видел, как твои, изодраны в прилавки,
Свиваются змеей в обертки на булавки.

Тромпетин

Я видел: с семгою обнявшися, судак,
В стенаниях твоих, сказал, что ты дурак.

Свирелкин

Дурак ты сам! ты сын побочный Аполлона!

Тромпетин

Презренный музами, парнасский ты болван!
Не нежный ты певец, но глупая ворона!

Свирелкин

Умолкни предо мной, негодный барабан!
Или...

(Хватается за стул, и Тромпетин то же делает.)

Лентягина

Постойте! Вы забыли уваженье,
Которое хранить должны передо мной.

Тромпетин

Неисчерпаемо глубокое почтенье
Заставило меня войти теперь в смиренье;
Но после, после, друг! разделаюсь с тобой.
Потоками мои чернила полиются.

Свирелкин

Все члены у тебя сатирой потрясутся,
Которою тебя я проколю насквозь.

Явление 6

Лентягина, Тромпетин, Свирелкин, Ветромах.

Ветромах

Что вижу! стали вы, мадам, теперь хоть брось!
Не стыдно ль с черныю вам такою унижаться
Или хотите вы, мадам, денигреваться?
Что скажем мы о вас, nous, des gens du haut ton.[1]
Подумайте, мадам, à quel propos, fi donc.[2]
Все эти рифмачи что делают здесь с вами?

Лентягина

Всё, что б ни делали, всё будет лучше вас.

---

[1] Мы, люди высшего света (франц.). — *Ред.*
[2] С какой стати, фи (франц.). — *Ред.*

Ветромах

Итак, пленились вы их рифмами, стихами?
Но берегитеся взмоститься на Парнас.
Ведь вы не знаете, что то у знатных нас
Считается за honte[1] читать стихи по-русски.
Какие б ни были, лишь только б по-французски, —
И лучших наших всех получше во сто раз.

Свирелкин

Вы можете ль судить? и столько есть ли силы?

Ветромах

Я ведал наперед, что скажет он сотиз.
Как эти русачки с стишками очень милы!
Иль нужда в силе есть? — На то ли, чтоб бетиз
Мне русских понимать? Не жди, того не будет.

Тромпетин

Да чтоб судить, сударь, знать надобно язык,
Грамматику и то...

Ветромах

Вот выехал старик!
Ты думаешь, ума от этого прибудет?

Свирелкин

Конечно. Без наук ум можно ль просветить?

Тромпетин

И вкус разборчивый возможно ль получить?

Ветромах

Ils sont foux![2] А на что ж я знатного толь рода?
На то ль, чтоб голову учением трутить
И не уметь без книг, всё знав, разумным быть?
Лишь черни не дана отличная свобода
Быть умным без наук. Не правда ли, мадам?
Мы, знатные, совсем родимся уж готовы.
Как я умен теперь, я так родился сам.
И я себя за всю ученость не отдам.

---

[1] Позор, стыд (франц.). — *Ред.*
[2] Они сумасшедшие! (франц.). — *Ред.*

Тромпетин

Однако. . .

Ветромах

Знаю, вы велики пустословы.
Учиться должно — вы хотите доказать;
Но доказательства, как смерть, я ненавижу.
Что знаю, знаю то; чтоб словом всё сказать, —
Я думаю, что вас я этим не обижу,
Когда скажу я вам en trois ou quatre mots: [1]
С своей ученостью vous êtes des grands sots. [2].

Явление 7

Лентягина, Тромпетин, Свирелкин, Ветромах, судья.

Судья

(Ветромаху)

Насилу отыскал его высокородье.

Ветромах

Кто ты таков? Чего ты хочешь от меня?

Судья

В долгах несметных всё я ваше плодородье
Хочу собрать, вам будь не в гнев, сего же дня.

Ветромах

Из дома бешеных ты, видно, увернулся:
Не ведаю, каких ты требуешь долгов.
Кто дал комиссион? и кто ты сам таков?

Судья

Я прежде был судья, а ныне повихнулся,
Сиречь отставку взял.

Ветромах

Как ты отставку взял?
Ты сам ли попросил или начальник дал?

---

[1] В трех или четырех словах (франц.). — *Ред.*
[2] Вы большие дураки (франц.). — *Ред.*

Судья

Вот странные еще какие рассужденья!
Берешь ли сам или дают — ведь всё ж возьмешь
И разницы меж тем нималой не найдешь.
Да дело не о том, и слов для сокращенья
Скажу: отставку взял. Я стряпаю теперь.

Ветромах

А! а! ты стряпаешь; насилу разумею;
И места ищешь ты быть поваром, — поверь,
Хоть нужды в поваре нимало не имею,
Однако же приму тебя, чтобы дать хлеб.

Судья

Да в хлебе вашем нам нималых нет потреб.
Однако ж мной для вас состряпана похлебка,
Котору расхлебать я к вам сюда принес.

(Показывает бумагу Ветромаху, близко к лицу.)

Искусства моего вот маленькая пробка.

Ветромах

(с сердцем)

Какой ты кажешь вздор? Дурак! под самый нос!

Судья

Изрядно! всяка брань — прибавок мне дохода.
Свидетели здесь есть, —

(к прочим)

прошу прислушать вас:
Что тысяча семьсот и девяноста года —

(указывая на бумагу)

Вот месяц и число — правительства указ,
Гласящий взять его до будущей заплаты,
Я приносил при всей компании честной;
Что вздором называл он сей указ святой;
И после, не страшась никаковой палаты,
Ругательски ругал меня он дураком.

Ветромах

Бездельник!

Судья

Ну, еще нельзя ль и кулаком
И после палочкой мне кое-что прибавить?
Всё это денежки наличны для меня.
Побои и толчки умею переплавить
Я в злато и сребро; и я сего же дня...

Ветромах

Отвяжешься ли ты?

Судья

Готов я отвязаться,
Лишь только узел мой с собою развяжи:
В правление сей час изволь-ка показаться
И за долги себя иль деньги положи;
И дело решено. Вы как ни благородны,
Однако же дотоль не будете свободны.

Ветромах

Я думаю, что я сыскать порук могу.

Судья

Изрядно, ежели им только можно верить.

Ветромах

(указывая на Лентягину)

Вот будет кто, спроси — увидишь, что не лгу.

Лентягина

А сколько должен он?

Судья

Ни счислить, ни измерить
Того не можно вдруг.

Ветромах

(Лентягиной)

Ручайтеся, мадам,
Я после с Улинькой сквитаюсь и отдам.

Лентягина

О, дерзкий человек! повеса недостойный!

Ветромах

Qu'entends-je![1] таковым приемом tout à fait[2]
До бесконечности interdit, stupéfait[3]...
Когда бы карактéр мой не был толь спокойный...

Лентягина

Тогда бы от стыда ты должен умереть!

Ветромах

Ведь этого, мадам, я не привык терпеть.

Лентягина

Поди к своей Жавот, чтоб с ней мотать бесчестно.
Поди; а я должна тебя навек презреть.

Судья
(Лентягиной)

Так это милости твоей уже известно?
Да знаете ли вы меж ними договор?
Хоть он и женится, с Жавот не расставаться.

Ветромах

Ну, есть ли тут о чем, мадам, вдаваться в спор?
И можно ль bagatelle[4] такою заниматься?
Я сделал се contrat[5] — грех этот невелик, —
Чтоб не забыть, мадам, французский мне язык.

Свирелкин
(Лентягиной)

И впрямь, когда язык французский он забудет,
Что из него тогда на этом свете будет?

Тромпетин

Чем модный разум он возможет показать?
Останется ему иль лаять, иль мычать.

---

[1] Что я слышу! (франц.). — *Ред.*
[2] Совсем (франц.). — *Ред.*
[3] Ошеломлен, изумлен (франц.). — *Ред.*
[4] Безделицей (франц.). — *Ред.*
[5] Этот договор (франц.). — *Ред.*

Явление 8

Лентягина, Ветромах, судья, Свирелкин, Тромпетин, Прият и Пролаз.

Пролаз

(Лентягиной)

По воле вашей, вам Прията представляю.

Прият

Такого счастия, сударыня, не ждал;
И я сей день всех дней блаженней почитаю:
Такого в жизни я еще и не видал.

Лентягина

(Пролазу)

Прекрасный молодец.
Вот случай я имею
Повесе отомстить!..

(Прияту)

Я очень сожалею,
Что не могла, суда́рь, я вас узнать давно.

Пролаз

Мне это было всё судьбой положено,
Чтоб вашего ему знакомства честь доставить;
И бесконечное его почтенье к вам...

Ветромах

Vous êtes en délire et vous radotez,[1] мадам.
Знакомство это всех нас, знатных, позабавит...
Нет, нет, я Улиньку не допущу к тому.

Лентягина

Ты бредишь и меня бесчиньем пострамляешь.
Какое право ты на дочь иметь дерзаешь?

---

[1] Вы бредите и заговариваетесь (франц.). — *Ред.*

Ветромах

Ее любовь ко мне
(*указывая на Прията*)
я докажу ему.

Прият
(*в сторону, Пролазу*)

Я погибаю! чувств я всех, Пролаз, лишаюсь!

Пролаз
(*Прияту*)

Не будьте просты так.

Лентягина
(*Прияту*)

Что сделалося вам?
Бледнеете, суда́рь!

Ветромах

Что ну́жды в том, мадам,
Он красен, бледен ли? Я этим оскорбляюсь,
Что вы в нем prenez part,[1] — а вот и Уля к нам!
Теперь в любви ее могу я вас уверить.
Она, имея вкус, людей умеет мерить.

Явление 9

Лентягина, Ветромах, судья, Тромпетин, Свирелкин, Улинька, Марина, Прият, Пролаз.

Улинька
(*став пред Лентягиной на колени*)

Позвольте, матушка, к ногам мне вашим пасть.

Лентягина

Что это значит?

---

[1] Принимаете участие (франц.). — *Ред.*

Ветромах

Что ее безмерна страсть,
Которая ее ко мне так мучит много.

Лентягина

(Улиньке)

Ты знаешь над тобой родительскую власть;
И, должность рассмотрев твою ко мне ты строго,
О том не говори, что хочешь мне сказать.

Улинька

Лишь слово...

Лентягина

Нет. Тому вовеки не бывать.

Ветромах

Любя вы дочь, hélas![1] вы сжальтеся над нею.

Улинька

(Ветромаху)

Соединитеся вы с просьбою моею,
Чтоб матушка могла терпение иметь
И выслушала всё.

Ветромах

Не дайте умереть
Вы вашей дочери. Вы видите: страдает
И счастья быть моей en tremblant[2] ожидает.
Иль, черт меня возьми, иначе поступлю!

Улинька

(Лентягиной)

Ах, сжальтесь! вашего прошу ль соизволенья
Мне муку облегчить, которую терплю, —
Прошу я одного лишь только позволенья
Открыть вам сердце. Вы, всё таинство узнав...

Лентягина

Какое таинство?

---

[1] Увы! (франц.). — *Ред.*
[2] С трепетом (франц.). — *Ред.*

Улинька

Горя в нежнейшей страсти,
Я рвусь...

Ветромах

(ко всем с видом, довольным собою)

Вы видите ль, господчики, я прав!

Улинька

Однако, зная долг к родительской я власти...

Лентягина

Да договаривай и кончи поскорей.

Ветромах

Tout est dit,[1] мадам! для ней я всех милей.
Excepté moi[2] у ней иного нет в предмете.

Улинька

(указывая на Прията)

Вот тот, который мне милее всех на свете!

Прият

(став на колени пред Лентягиной)

Я в свет родился жить и умереть для ней!

Ветромах

Que vois-je![3] Для чего ж я просьбой унижался?

Лентягина

В иное время мне б обиден показался
Сей случай, и меня б он мог на гнев привесть;
Он тронул бы мою чувствительную честь,
Что, мне не доложась, унизилась влюбиться
Ты, Улинька; но как мне должно отомстить,
То позволяю я тебе его любить.

(К Прияту)

Вам честию, сударь, уж можно тою льститься,
Чтоб зятем быть моим.

---

[1] Всё сказано (франц.). — *Ред.*
[2] За исключением меня (франц.). — *Ред.*
[3] Что вижу! (франц.). — *Ред.*

Ветромах

Опомнися, мадам!

Прият

(Лентягиной)

Я знаю: счастия такого я не стою,
Оно, сударыня, прилично лишь богам.

Лентягина

За мысль такую к вам почтение удвою
И радуюсь, что вам я счастие устрою.

Улинька и Прият целуют руки.

Явление 10

Лентягина, Улинька, Прият, Ветромах, Тромпетин, Свирелкин, судья, Пролаз, Марина, майор и Трусим.

Трусим

Скажи, любезный друг! я чем же виноват,
Что ты родителям уродом показался!

Майор

И я не виноват. Не отвертишься, брат.
Ты сам же на меня с невестой навязался,
Итак, где хошь возьми, а мне жену поставь.

Трусим

(Лентягиной)

Пожалуй, ты меня, родимая, избавь.
Чтоб я его женил, ко мне он приступает.
Нет места от него, как тень, за мной шагает.
Пожалуй, помоги.

Лентягина

Что сделать я могу?

Трусим

Да Улиньку отдай вот этому врагу;
Скорее б от него нам только отвязаться!

Лентягина

Пустое!

Трусим

Для чего?

Лентягина

Не может это статься.

Трусим

Да почему, скажи?

Лентягина

Уж Уля отдана,
И возле жениха теперь стоит она.

Трусим
(майору)

Ну, слышишь...

Майор

А чего ж зевал ты, дурачина?

Трусим

Не сам ли ты, скажи, стараться мне мешал?
Ну, если сделалась такая уж причина,
Как быть... Мне помнится, что мне ты намекал,
Что из отставки ты опять желаешь в службу?

Майор

Изрядно, окажи ты мне хоть эту дружбу.

Трусим

Изволь, порожжее уж место приискал.

Майор

Какое?

Трусим

Хоть тебе оно и не по чину,
Да жалованье есть, и можно будет жить.
Пред милостивцем я нагну севодни ж спину.

Майор

Изрядно! я готов и как-нибудь служить.

Трусим

На этом месте, брат! ты будешь и в покое.
Строки две-три черкнуть...

Майор

Да место то какое?

Трусим

А переводческо.

Майор

Не зная языков,
Мне как переводить?

Трусим

Куда ты, брат, каков!
Какая нужда в том? Ну, все ли много знают?
Всё как-нибудь... Горшки не боги ж обжигают.

Майор

И вправду так. Смотри ж, чтоб это не ушло,
Иль будет от меня тебе навеки зло.

Явление 11

Лентягин, Лентягина, Улинька, Трусим, майор, судья, Ветромах, Прият, Тромпетин, Свирелкин, Пролаз и Марина.

Лентягин

Как сладко я уснул!.. Вы все здесь собралися,
И женушка моя, и прочи дураки...
Зачем опять пришли все эти чудаки?
Пролаз! с тобою мы еще не обнялися.

(Обнимает Пролаза.)

Лентягина

Теперь я рада, что тобой любим Пролаз;
Не знав его, пред ним я очень согрешила.

Лентягин

Что слышу? Отчего нашел толь добрый час?

Лентягина

На радости, что дочь я нашу сговорила.

Лентягин

Я также сговорил.

Лентягина

Скажи-ка мне, кто он?
Мой будет зять Прият...

Лентягин

А мой, верь мне, Семен.

Лентягина

Ты в прежни дурости опять теперь вступаешь.

(С сердцем)

Что это за Семен?

Лентягин

(с сердцем)

Что это за Прият?

Трусим

(Лентягину)

А вот, любезный друг, ты сам его узнаешь.
Увидевши его, ты очень будешь рад.

(Подводит Прията к Лентягину.)

Лентягин

Что вижу?.. Да, Пролаз, на что ж он нарядился?

Пролаз

Для свадьбы он немного прикудрился.
А после, честь свою украся сертуком,
Век не расстанется с тобой и колпаком.
Он и теперь одет, как философский модник:
Всё просто, чисто так, как сердце у него.

Лентягин

(Прияту)

Ты философией уж стал мне ближний сродник,
Увидя же в тебе я зятя моего,
И более меж нас наш узел укрепится.
Ну, обними ж меня — ввек станем вместе жить.
На это ты, жена, должна уж согласиться.

Лентягина

И я, и дочь.

Лентягин

Смотри, умна как становится!

Трусим

А я таки как тут, где надо услужить.
Кабы не я, опять вам долго бы браниться.

Лентягин

Как будет весело! Мой зять, Пролаз и я,
Отменной мудрости отборная семья,
Подымем дурости людские мы на шутки
И дома у себя растопчем предрассудки;
В тулупах, в колпаках мы век златой введем.

Лентягина

Итак, мы рядную теперь писать пойдем.

Лентягин

Ни для чего себя я рядной не унижу,
И философии я этим честь обижу.
Писанием пускай тот свой крепит обет,
Кто может обмануть.

Прият

Так, в рядной нужды нет.

Пролаз

(Лентягину)

Ведь я сказал: как ты, он так же мыслит точно.

Лентягин

(жене)

Пойдем же их женить, и что болтать беспрочно!

(Взяв Улиньку и Прията за руки, уходит.)

Пролаз

(Лентягиной)

От философии моей хочу я плод
С Мариной показать.

Лентягина

И я того желаю.

(Ветромаху)

Желаю радостей я вам с мамзель Жавот.

(Уходит, и с нею Марина.)

Ветромах

Je suis content,[1] что я не вшел в мещанский род.
Мне кажется, что я весь кузницей воняю.
Adieu.[2]

Судья

(удерживая Ветромаха)

Постой, когда я больше не жених
И в волокитстве мне когда Амур так лих,
То прежнее мое искусство принимаю
И, волочась в судах за вами по долгам,
Пригожству моему сам должное отдам.

(За Ветромахом уходит.)

Майор

Смотри же ты, Трусим, чтоб был я переводчик.

Трусим

Не бось, уж я взялся́, и что тут говорить.

Майор уходит.

---

[1] Я доволен (франц.). — *Ред.*
[2] Прощайте (франц.). — *Ред.*

Тромпетин

Любезный наш Трусим дурной в женитьбе сводчик.

Свирелкин

Надежда наша вся прошла, как тень.

Трусим

Ну, как же
быть!
В другом служить готов, лишь только намекните.
Чего для счастия вы вашего хотите?

Тромпетин

Теснее с музами в союз хотим вступить.

Трусим

Кто? девушки они иль вдовушки, скажите?
Изволь, посватаю, чтоб вас на них женить.

(Уходят.)

Пролаз
(один)

Окончив дело, я теперь могу смеяться
Всем этим чудакам!.. Постой, постой, Пролаз!
И оберни-ка ты на всех свой строгий глаз,
А пуще на себя — не станешь забавляться:
Увидишь, ежели не слишком ты дурак,
Что всякий, много ли иль мало, но чудак;
И глупость, предстоя при каждого рожденьи,
Нам всем дурачиться дает благословенье!

1790

НЕСЧАСТИЕ ОТ КАРЕТЫ

Комическая опера в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Господин Фирюлин.
Госпожа Фирюлина.
Анюта, дочь Трофимова.
Лукьян, ее любовник.
Трофим, отец Анютин.
Афанасий, шут.
Клементий, приказчик.
Толпа крестьян.

Действие происходит в деревне господина Фирюлина, находящейся недалеко от Санкт-Петербурга.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1

Театр представляет долину, окруженную горами, на одной стороне видны вдали крестьянские избы.

Лукьян

(имея в руках связку)

Уф! как я устал, бежав из города. Я только вчера отсюда, а кажется, будто год моей Анюты не видал... отдохнуть не могу... но напрасно я так торопился. Солнце еще высоко. Вот день, в который я счастлив буду. Чрез час... да! чрез час... повсюду будешь ты со мной... чрез час будешь ты моя жена. Анютушка будет моя!.. какая это радость! Анюта, вот дары тебе, которые я в городе купил.

АРИЯ

Вот розовый тебе платок.
Когда, меня целуя, ты краснеешь,
Тогда ты цвет такой в лице имеешь.
Вот бисер, бел как снег; но он далек
От белизны Анюты дорогия.
О пышные вы жители градские,
Которых видел я в сей час,
Стократно я счастливей вас.

Пойду, пойду к любезной Анюте... а! да вот и она.

Явление 2

Лукьян, Анюта.

Анюта

Насилу я тебя дождалася.

Лукьян

Здравствуй, Анютушка, голубушка.

Анюта

Можно ли так долго замедлиться в городе!

Лукьян

Я бы виноват был, когда бы не ты сама была тому причиною. Я все искупил, что для тебя и для меня надобно.

Анюта

Итак, севодни совершенно буду я твоя?

Лукьян

Севодни! Я так тебя люблю, что едва счастию моему верю.

Анюта

О чем сомневаться? Батюшка мой видел, как ты бежал в деревню. Он пошел уже к попу; и я думаю, скоро к нам будет сказать, что поп в церкви; а после не только приказчик, и барин сам не может нас разлучить.

Лукьян

Как я счастлив!

Анюта

Скажи, что ты видел в городе?

Лукьян

Шум, великолепие. Золото реками льется, а счастия ни капли. Словом: все то же видел, что видали мы с тобой, когда там жили у старого барина, который нас воспитал, как детей своих, и после смерти которого мы брошены; но я тебя люблю и тобой любим; мне не надобно целого света. Так ли и ты меня, Анютушка, любишь, как я тебя люблю?

Анюта

Люблю ли я тебя? Не стыдно ли тебе? Я севодни за тебя замуж выхожу, а ты сомневаешься! Ты тем меня огорчаешь. И я бы на тебя рассердилась, если бы <не> такое время было.

АРИЯ

Ты сомненьем огорчаешь
Нежность сердца моего
И блаженство помрачаешь
Дня счастливого сего.
Если, как ты уверяешь,
Страстно так меня любя,
Счастье всё во мне включаешь,
Нет счастливее тебя.

Лукьян

Не сердись, Анютушка! я виноват... но чем же я виноват? Моя чрезвычайная любовь тебе досадила; мне кажется, никому нельзя так много любить, как я тебя люблю.

ДУЭТ

Лукьян

Люби ты так меня,
Как я люблю тебя,
Как я люблю сердечно.

Анюта

На то хочу я жить,
Чтобы тебя любить,
Чтобы любити вечно.

Лукьян

Боюсь увидеть и во сне,
Чтобы лишиться мне тебя.

Анюта

Любить тебя — вот счастье мне.
Мне всё противно без тебя.

Вместе

Лукьян

Вот и батюшка твой. Что он так печален?

Явление 3

Трофим, Лукьян, Анюта.

Анюта

Что тебе, батюшка, сделалось?

Лукьян

Уже ли поп в церкви?

Трофим

Нет еще.

Лукьян

Да отчего ты так грустен?

Трофим

Ох, друг мой Лукьянушка, беда!

Анюта

Скажи, батюшка, что такое?

Трофим

Беда! чего тебе больше, — беда!

Анюта

Что, разве поп не хочет венчать?

Трофим

Не то!

Лукьян

Умилосердись, скажи, что такое?

Трофим

Не пугайся, приказчик приехал.

Лукьян

Что ж это за беда?

Трофим

Это не беда, что он приехал, да то, что пристал у попа на дворе.

Анюта

Какая ж и то беда?

Трофим

И то не беда, что он пристал у попа, да то беда, что он, Анютушка, сердит; а даром он никогда сердит не бывает.

Лукьян

Ну, так мы ему за то заплатим, чтоб он перестал сердиться.

Трофим

Боюсь, чтоб нам слишком дорого не заплатить. Я его так сердитого и никогда не видал. Я пришел к попу и, отправя им обоим по поклону, сказал: «Батюшка, пожалуй в церковь, — уже и Лукьян из города воротился; и твою милость, господин приказчик, просим на свадебный пир»; а он, как зверь, посмотрел на меня и закричал: «Погоди, это не уйдет, и севодни свадьбы не бывать».

Лукьян

Свадьбы не бывать!

Трофим

Да, Лукьянушка.

Анюта

Да для чего же?

Трофим

Не знаю, Анютушка:

Лукьян

Пойду к этому злодею, который счастие мое удаляет; пойду, пускай возьмет, что хочет, я все отдам, лишь только б не препятствовал мне севодни быть благополучным. Боже мой! как мы несчастливы! Нам должно пить, есть и жениться по воле тех, которые нашим мучением веселятся и которые без нас бы с голоду померли. Пойдем, Трофим, пойдем и ты, Анютушка, помогите мне его упрашивать.

Анюта

Да вот и приказчик. Зачем с ним так много людей?

Трофим

Ахти! он еще сердитее кажется.

Явление 4

Трофим, Лукьян, Анюта и приказчик Клементий с крестьянами.

Приказчик

Возьмите его.

Трофим

Господин приказчик!

Приказчик

Чего?

Трофим

Помилуй, я милости твоей челом бью овцой.

Приказчик

Изрядно. Возьмите же его.

Трофим

Помилуй, и бараном.

Приказчик

Очень хорошо. Что вы стали? Да! Лукьяна возьмите!

Трофим

А я, право, думал, что меня; кабы еще немного, всю бы скотину отдал.

Лукьян

А за что бы взять меня?

Приказчик

Я знаю за что.

Лукьян

Ты знаешь, да я не знаю.

Трофим

Не спорь, Лукьянушка, ведь он приказчик. Уж он знает, что делает.

Лукьян

Он приказчик, однако у нас и барин есть.

Приказчик

Да по чьему же, когда не по барскому, приказу я это делаю? Он мне прислал указ, и вот я его вам прочитаю.

(Приказчик читает)

«О ты, которого глупым и варварским именем Клементия доныне бесчестили, из особливой моей к тебе милости, за то, что ты большую часть крестьян одел по-французски, жалую тебя Клеманом».

Приказчик при этом слове смотрит на всех, и мужики кланяются.

Трофим и мужики

Дай бог счастия в новом чину.

Приказчик

(продолжает читать)

«И впредь повелеваю всем не оф... ан!.. си... ро... вать...»

(Перестает читать.)

Не офансировать. Это, кажется, не чин, однако я не разумею.

(Читает)

«Не офансировать тебя словом Клементия, а называть Клеманом».

(Спесиво смотря на всех)

А называть Клеманом! слышите ли?

Трофим и мужики

Слышим-ста, слава богу, мы все ради.

Приказчик
(продолжает читать)

«Между тем знай, что мне прекрайняя нужда в деньгах. К празднику надобна мне необходимо новая карета. Хотя у меня и много их, но эта вывезена из Парижа; вообрази себе, господин Клеман, какое бесчестие, не только мне, да и вам всем, что ваш барин не будет ездить в этой прекрасной карете; а барыня ваша не купит себе тех прекрасных головных уборов, которые также прямо из Парижа привезены. От такого стыда честный человек должен удавиться. Ты мне писал, что хлеб не родился; это дело не мое, и я не виноват, что и земля у нас хуже французской. Я тебе приказываю и прошу, не погуби меня; найди, где хочешь, денег. Теперь уже ты Клеман и носишь по моей сеньерской милости платье французского бальи, и так должно быть тебе умнее и проворнее. Мало ли есть способов достать денег? Например, нет ли у вас на продажу годных людей в рекруты. Итак, нахватай их и продай. Фирюлин».

Ну, видите ли, что я не виноват и барское приказание исполняю? Поздравляю тебя, Лукьян, служивым.

Анюта

Я повсюду готова с тобою; где будешь ты, там мне везде хорошо.

Трофим

А мне с кем же остаться? Все меня оставить хотят.

Приказчик

Не суетись, Трофим. Ведь он еще не женат. Анюта твоя и нам нужна; есть люди, которые ее не меньше Лукьяна любят.

Анюта

Да я их любить не могу.

Приказчик

Как! ты не можешь приказчика любить? любить Клемана?

Анюта

Не только приказчика, ни барина и никого. Лукьян мне всех милее.

Приказчик

Увидим, увидим.

Лукьян

А что ты сделаешь?

Приказчик

Что я сделаю? только что Анюта будет моя.

Лукьян

(взяв Анюту за руку, с грозным видом)

АРИЯ

Доколе стану жить,
Того не может быть!
Когда с душою разлучуся,
Тогда, тогда ее лишуся!
А прежде нет, не может быть,
Чтобы ее меня лишить.
Ко мне осмелься приступить,
Увидишь то, кто всё теряет,
Тот всё на свете презирает.

Явление 5

Приказчик, Трофим, Анюта, Лукьян, шут.

Приказчик

Зачем ты, Афанасий?

Шут

Как зачем! Барин и с барыней ездят на охоте и скоро сюда будут. Здравствуй, Трофим, здравствуй. . , ба! Лукьян, за что тебя мужики, схватив, держат?

Приказчик

За то, что годится в солдаты, а барину надобна новая карета.

Шут

О! он виноват.

Лукьян

Еще одну вину позабыл сказать.

Шут

Какую?

Лукьян

Что хочет у меня отнять Анюту.

Шут

Он прав.

Лукьян

Я без нее жить не могу.

Шут

А приказчику какая в том нужда? было б ему хорошо. И я, когда бы не был женат, соблазнился бы не только тебя, и всех приказчиков отдать в солдаты, чтобы Анютою владеть.

Приказчик

Вот Афанасий дело говорит.

АРИЯ

Как свежий на кусту цветок,
Которого не трогал ветерок,
Листки пред солнцем открывает
И всяк его сорвать желает, —
Анюта наша такова,
Всем нравится и всем мила.

(К мужикам)

Я пойду навстречу барину, а вы смотрите за ним.

Явление 6

Анюта, Лукьян, Трофим, шут.

Лукьян

Я думал, что ты вступишься за нас, но и ты сторону берешь бесчеловечного приказчика.

Шут

Что ж мне делать? Сам виноват: ты вырос, так что можно на тебя купить около трети кареты; не вырастать было так дорого.

Лукьян

Ты шутишь, а у меня не смех на уме. Тебе хорошо; хотя ты по-французски и не разумеешь, однако барин тебя любит, а только мы несчастливы.

Трофим

Мы, бедные, несчастливы!

Шут

И вам бы недурно было, когда б вы шутить умели.

АРИЯ

Полезным быть — нет хуже ничего.
На свете таково:
Кто шут, кто плут,
Того не гнут,
А тот страдает,
Кто работáет.
О чем грустить, стонать? —
На свете всё плевать, плевать.
По дудочке чужой плясать — вот вся наука,
Быть шýтом, плутом — в том вся штука.

Трофим

Помилуй, вступись за нас у барина.

Анюта

Сжалься над нами, Афанасьюшка.

Шут

Я бы сжалился, кабы льзя было; да барин-то у нас такой, что ничем русским его нельзя умилосердить.

Трофим

Что это за диковина!

Шут

Он и имен русских ненавидит; и меня, нарядивши в праздничное отца своего платье, перекрестил из Афанасья Буфоном.

Трофим

Какая ему в том нужда?

Шут

О! великая.

Трофим

Разве он богатее будет от того?

Шут

На что ему богатее быть, он и так доволен; и теперь только остается ему дурачиться.

Лукьян

Оставьте пустяки. Афанасий, помоги нам, ты можешь много у барина, и я тебе заслужу.

Шут

Вот Лукьян говорит, как надо умному.

Анюта
(отдавая дары Лукьяновы)

Возьми все, что я имею; у меня только и есть, что Лукьян мне купил. Возьми; мне ничего не надобно; лишь только избавь его.

Шут
(взяв)

Она еще умилительнее и Лукьяна говорит.

Трофим

(вынув деньги)

Вот и от меня, а после...

Шут

Еще.

Лукьян

(показывая деньги)

Когда ты поможешь нам, вот мои последние деньги, они все будут твои.

Шут

Фу пропасть, что это за люди! От них отговориться не можно. Лукьян! Ты можешь мне теперь отдать деньги, я уверяю, что вас отстою.

Лукьян ему отдает деньги.

Подите успокойтесь, я слышу охотничьи рога. Барин наш близко едет.

Явление 7

Приказчик и прежние.

Приказчик

Возьмите скуйте вы его.

Трофим

За что, и чем я винен?

Приказчик

(к Трофиму)

Не до тебя, до зятя твоего
Мне дело есть; ты стар, так ты невинен.

(К мужикам)

Лукьяна скуйте, да, его.

Шут и Лукьян

(вместе)

Куют плутов; вели сковать себя.

Приказчик

И ты передо мной еще бесчинен!
Заставлю я тебя учтивым быть,
Тебя приму в свои я руки.

Лукьян

Чем винен я, за что такие муки?

Трофим

Чем винен он, за что такие муки? — *Вместе*

Анюта

Вели мне с ним делить все
страшны муки.

Анюта

Вели меня, вели ты с ним сковать.
Готова с ним страдать и умирать.

(Упав к ногам приказчику)

Помилуй, сжалься надо мною.

Лукьян

Не плачь, владей сама собою,
Страданье прекрати и стон.
Невинен я, что может сделать он!

Мужики, Трофим

Велико дело, ведь приказчик он!

Анюта, Лукьян, шут — *Вместе*

Велико ль дело, что приказчик он!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 1

Лукьян
(один, в цепях)

Среди надежды и боязни
Колеблюсь и мятусь...
Ах! если я ее лишусь!..
Какие нестерпимы казни!
Я млею, трепещу...
Но может быть, напрасно я грущу;
Премену, может быть, моей увижу доле,
А если мне уже не будет средства боле,
Во смерти я прибежище сыщу.

Явление 2

Трофим и Лукьян.

Лукьян

Что скажешь, Трофим?

Трофим

А что, ничего. Бедный Лукьян! бедный Лукьян!

Лукьян

Говори скорея; я на всё изготовился.

Трофим

Дурно, Лукьянушка!

Лукьян

Конечно, Афанасий ничего не мог сделать.

Трофим

Он просил за нас, да ничего не выпросил; приказчик пересилил; и барин за него Анюту выдает.

Лукьян

Ну, все теперь кончилось!

Трофим

Как мне жаль тебя!

Лукьян

Так надежды никакой не осталось?

Трофим

Видно, что никакой; Афанасий уже пошел за тем, чтоб нам все отдать, что у нас взял; не тужи, и твои деньги принесет.

Лукьян

Перед ним! мне ничего не надобно!

Явление 3

Трофим, Лукьян, Анюта.

Анюта

(с поспешностию вбежав)

Лукьян! ах! что делать?

ТЕРЦЕТ

Лукьян

О, нестерпима часть!

Анюта

О, гибельная страсть!

Трофим

Приказчикова власть.

Вместе

Я с тобою погибаю;
Я тебя навек теряю.
Ах! навек, навек прости!
Можно ль, можно ль то снести?

Явление 4

Трофим, Лукьян, Анюта и шут

Шут

Вот я тотчас вам принесу, что у вас взял.

Трофим

А я думал, что ты и принес.

Шут

Нет еще; ведь не так легко отдать, как взять. У всех людей привычка, что берут, как хватают, а отдавать тяжелы. А тебе, Лукьян, отдавать ли деньги? Ведь ты умирать хочешь... ась? не надобно... слышу. Вот ему-то прямо свет постыл. Плюнь на всё; умри, это лучший способ. Ты не можешь поверить, как этот свет плох. Право, он того не стоит, чтоб в нем жить. Видишь, от каких безделиц беда. Ты влюблен в Анюту, Анюта в тебя, в Анюту приказчик, барин в карету, а карета безденежно никого не любит. А от этого и всё хоть брось. Я, как друг, тебе советую умереть.

АРИЯ

Провал возьми весь свет,
Где столько бед
То от карет,
То от манжет,
То от Анют,
И где приказчик плут!

Однако я еще не отчаиваюсь: барин сам сюда скоро

приедет. Вы сами его попросите, я вам буду помогать, авось-либо... Лукьян! не умеешь ли ты по-французски?

Лукьян

На что это?

Шут

То-то бы хорошо было.

Лукьян

Я немного слов французских выучил, когда жил при старом барине, и Анюта также знает.

Шут

Как это хорошо! теперь, пожалуй себе, не умирай; деньги твои верно будут мои.

Явление 5

Фирюлин, Фирюлина, приказчик, шут, а в отдалении Трофим, Анюта и Лукьян.

Фирюлин

Варварский народ! дикая сторона! какое невежество! какие грубые имена! как ими деликатес моего слуха повреждается! Видно, что мне самому приняться за экономию и переменить все названия, которые портят уши; это первое мое дело будет.

Фирюлина

Я удивляюсь, душа моя! наша деревня так близко от столицы, а никто здесь по-французски не умеет; а во Франции от столицы верст за сто все по-французски говорят.

Шут

Есть чему дивиться, вы, я думаю, с мужем скоро и тому станете удивляться, что собаки лают, а не говорят.

Фирюлин

Ха! ха! ха! как это хорошо сказано! по чести, здесь говорят, как лают. Какие врали! не правда ли?

Шут

То так, когда посмотришь на вас.

Фирюлин

Когда посмотришь на нас, великую разницу увидишь, не правда ли? А и мы еще, и мы, ах! — ничего перед французами.

Шут

Стоило ездить за тем, чтобы вывезти одно презрение, не только к землякам, да и к самим себе.

Фирюлин

Довольно бы, правду сказать, было и этого, но мы с женою вывезли еще много диковинок для просвещения грубого народа: красные каблуки я, а она чепчики.

Фирюлина

Которые почти все разошлися, и теперь надобно самой покупать; а денег...

Фирюлин
(к приказчику)

Клеман, дорогой Клеман нам поможет.

Приказчик

Извольте быть надежны, деньги будут.

Фирюлин

А девочка будет твоя, о которой ты просил.

Шут

Вывезли много вы диковинок, а жалости к слугам своим ничего не привезли, знать, там этого нет.

Фирюлин

Жалости к русским? Ты рехнулся, Буфон. Жалость моя вся осталась во Франции; и теперь от слез не могу воздержаться, вспомнив... о, Paris! [1]

---

[1] О, Париж! (франц.). — *Ред.*

Шут

Это хорошо! плакать о том, что вы не там, а слуг своих без жалости мучить; и за что? Чтоб французскую карету купить.

Фирюлин

Перестань, и не говори о этом! Нам, несчастным, возвратившимся из Франции в эту дикую сторону, одно только утешение и осталось, что на русскую дрянь, сделав честный оборот, можно достать что-нибудь порядочное французское; да и того удовольствия хотят нас лишить.

Шут

Теперь живите как хотите; я вам сказываю, что от вас уйду; и можно ли при вас жить? Того и бойся, что променяют на красный французский каблук.

Фирюлин

Нет, нет, тебя я не отдам.

Шут

Да разве хуже меня продаете?

(Указывая на Лукьяна)

Посмотрите, какого молодца, который еще и по-французски знает!

Фирюлин

И по-французски! Mon dieu! [1] что я слышу!

Фирюлина

Ах! Mon coeur! [2] он по-французски знает, а скован! это никак нейдет.

---

[1] Боже мой! (франц.). — *Ред.*
[2] Мое сердце! (франц.). — *Ред.*

Фирюлин

Это ужасно, horrible![1] снимите с него цепи. Mon ami![2] я перед тобой виноват.

Приказчик

А карета французская...

Шут

Молчи, плут.

Фирюлин

А это что за девочка? Она недурна.

Лукьян

Ах, сударь, это та, которую я люблю больше себя, которая меня любит и которую вы отдаете за приказчика.

Фирюлин

Что делать? Я слово дал.

Анюта

Отец твой нас любил, а сын его терзает.
Жестокий, жизнь мою в Лукьяне отнимает.

Лукьян

Вели ты умертвить меня в сию минуту,
А после уж отдай иному ты Анюту.

Вместе

На слезы посмотри
Тебе подвластных,
Страданье прекрати
Тобой несчастных.

Фирюлин

Parbleu![3] Я этому б не поверил, чтобы и русские люди могли так нежно любить; я вне себя от удивления! Да не

[1] Ужасно! (франц.). — *Ред.*
[2] Мой друг! (франц.). — *Ред.*
[3] Черт возьми! (франц.). — *Ред.*

во Франции ль я? Что он чувствует любовь, тому не так дивлюсь: он говорит по-французски, а ты, девчоночка, а ты?

Шут

И она разумеет.

Фирюлин

И она! теперь меньше дивлюсь.

Лукьян

(на коленях)

Monseigneur![1] сжальтесь над нами.

Анюта

(на коленях)

Madame![2] вступитесь за нас.

Фирюлин

Monseigneur! Madame! Встаньте, вы меня этими словами в такую жалость привели, что я от слез удержаться не могу.

Шут

Оставленную жалость во Франции вытащили оттуда два французские слова: видите ли вы, какого сокровища лишал вас плут приказчик?

Фирюлин

(грозя приказчику)

Monsieur[3] Клеман, ты бездельник.

Фирюлина

Mon cher![4] соединим их; они достойны друг друга и достойны жить при нас.

---

[1] Господин! (франц.). — *Ред.*
[2] Госпожа! (франц.). — *Ред.*
[3] Господин (франц.). — *Ред.*
[4] Мой милый! (франц.). — *Ред.*

Приказчик

Разве вы изволили отдумать карету покупать?

Фирюлин

Нет, но у меня еще много людей и без него, а мне такой лакей надобен, который бы знал по-французски, чтоб ездить за мной.

(К Лукьяну)

Соглашаешься ли ты никогда не говорить по-русски?

Лукьян

Я вам клянуся, и это мое последнее русское слово.

Шут

(Лукьяну)

Смотри же не промолвись.

(Фирюлину)

Видите ли, какой он вам полезный человек?

АРИЯ

Какая это радость,
Какая сердцу сладость;
Коль, стоя назади,
Не говоря по-русски,
И вместо, чтоб кричать «поди»,
Кричать он будет по-французски!
Какая это радость,
Какая сердцу сладость,
Как станет он о чем шуметь,
На улице никто не будет разуметь!

Фирюлин

(к Лукьяну)

Ну, mon ami![1] женись на ней, mariez-vous,[2] теперь я тебе позволяю.

---

[1] Мой друг! (франц.). — *Ред.*
[2] Женитесь (франц.). — *Ред.*

Фирюлина

Я этому очень рада! Они так друг друга любят, что мне, по чести, за них было тошно.

Трофим

(кланяясь Фирюлину)

Ты отец...

Фирюлин

Что это за тварь? Меня отцом называть смеет! Разве мой батюшка был твой отец; а я не хочу такому свинье отцом быть. Впредь не отваживайся.

Шут

Ни слова по-французски не разумеет, а туды же лезет.

Трофим

Не я, да кровь во мне говорит, Афанасьюшка.

Фирюлин

(к Лукьяну и Анюте)

Ну, вы теперь счастливы; я тому рад. Мы едем, а вы, женясь, приезжайте к нам в город.

Фирюлин и Фирюлина уходят.

Шут

(к приказчику)

Приказчик! что ж ты меня не зовешь к себе на свадьбу?

Приказчик уходит с сердцем.

Явление последнее

Шут, Лукьян, Анюта, Трофим и крестьяне.

Шут

Ну, видите ли, когда я чего захочу, то все сделаю.

Лукьян

Ты жизнь мне дал; будь уверен, что я вечно не забуду твоего благодеяния.

Анюта

И я.

Трофим

И я.

Шут

О чем вы плакали? Где шут Афанасий, там надобно смеяться. Видите ли, что на свете ни о чем не надобно тужить; и никогда не надобно прежде времени умирать.

Должно ль, чтоб нас жизнь крушила,
Хоть и много в жизни зла?
Вас безделка погубила,
Но безделка и спасла.

Лукьян

Никогда не позабуду,
Чем меня ты одолжил;
В ней всечасно видеть буду,
Что мне жизнь ты возвратил.

Анюта

(к шуту)

Что напасти окончались,
Тем должна тебе и я.

(Лукьяну)

Мы с тобой всего лишались,
Но ты мой, а я твоя.

Трофим

(шуту, кланяясь)

Афанасью благодарен,
Что Анютушка жива.
Ох! скрутил было нас барин!
Ох! французска голова!

Хор

Должно ль, чтоб нас жизнь крушила,
Хоть и много в жизни зла?

Шут и крестьяне
Вас

Трофим, Лукьян и Анюта
Нас

Вместе

Вместе

Безделка погубила,
Но безделка и спасла.

<1779>

СКУПОЙ

Комическая опера

Отрывки

АРИЯ ПРОЛАЗА[1]

Ее деревни... говорят,
Их много... а лежат
Они вблизи Китая,
Вот там, где много чая,
Где чай и лошади едят.
Вот так-то говорят.
Там горы, горы золотые
И там по улицам блестят
Везде каменья дорогие.
Мужик, коль хочет что испечь,
Одной корицей топит печь,
А сапоги гвоздикой подбивает;
Не квас — мадеру испивает.

(Явление 2)

АРИЯ МАРФЫ

Как будешь мне ты госпожа,
Тогда, сидя у туалета,
Над прелестями ворожа,
В окне коль будет мало света,
Коль тень в лице покажет черноту, —
Служанке отвечать за красоту
И за огар в средине лета;

---

[1] См. изложение содержания оперы в примечаниях, стр. 743.

В мороз
За красный нос.
Не так приколота манжета,
Не так мантилия надета, —
То всё мне будет стоить слез.

(Явление 6)

РЕЧИТАТИВ СКРЯГИНА

Пришло тебе, о Скрягин! до зарезу!
Беда ужасная, беда со всех сторон,
И нет мне оборон...
Когда б увидел я во сне такую грезу,
Я охнул бы, и мой пропал бы сон;
И так бы ужаснулся,
Что, может быть, и вечно б не проснулся...
А это всё, ох! было наяву!..
А я, а я еще живу?..
Умри скорей, доколь графиня не прибудет,
И денежки во гроб с собою спрячь:
А там что будет, то и будет...
Ты плачешь, Скрягин!.. плачь!
Глупец! на что было прельщаться?..
И хочется любить, и денег жаль...
Проклят тот человек, кто выдумал влюбляться!
Он сделал только тем нам лишнюю печаль...
Я слышу шум!.. Кто там?.. Никак, графиня скачет...
Я умираю!.. умер... ну, прости!..
Велите хоронить меня нести...
Графиня, может быть, от жалости заплачет
И денег не возьмет... тогда воскресну я!
Я деньги сберегу, и будешь ты моя...
Но нет, еще всё тихо,
И мне смертельно лихо.
Дух занимается и не могу дышать...
Легко ли двадцать тысяч дать,
Хотя и в ссуду,
Однако же не на серебряну посуду,
Не на алмаз, —
На пару только глаз,

На миленькую рожу...
Лишь вздумаю о том, мороз дерет мне кожу.
Нет, нет... тебя люблю, графиня, я,
Но мне милее жизнь моя.
Любезных денежек лишася, жить не можно...
Пустое говорю... и без графини тошно...
Кипит во мне, волнуется вся кровь...
Что делать мне?.. О, деньги! о, любовь!..
Да что ж, о чем же я крушуся?
Племянницыны деньги есть,
Их в рост отдать велит закон и честь.
Не столько горестно я с ними разлучуся:
Ведь отдавать же их когда-нибудь...
Попал, попал на истинный я путь!

(Явление 11)

АРИЯ ПРОЛАЗА

Вот тебе подарки
От твоей сударки;
К ней плывут уж барки
Из китайских стран,
Сильный караван,
Морем и землею:
Золото, сребро,
Всякое добро
Ты возьмешь за нею.

(Явление 12)

1782 (?)

СБИТЕНЩИК

Комическая опера

Отрывки

АРИЯ СТЕПАНА[1]

Вот сбитень! вот горячий!
Кто сбитню моего?
Все кушают его:
И воин, и подьячий,
Лакей и скороход,
И весь честной народ.
Честные господа!
Пожалуйте сюда.

(Действие I, явление 1)

АРИЯ СТЕПАНА

Кажется, неложно,
Всё на свете можно
    Покупать,
    Продавать;
    Только должно
    Осторожно
    Поступать.

Люди всем торгуют,
Да и в ус не дуют.

---

[1] См. изложение содержания оперы в примечаниях, стр. 743

И Степан
Не болван;
Только должно
Осторожно
Класть в карман.

Правда, честен буди,
Только как все люди:
От ума
Не до дна —
Вчетвертину,
Вполовину,
Не сполна.

Чтя корысть едину,
Всяк свою скотину
То сосет,
То стрижет:
Кто умеет,
Тот и бреет
Весь завод. . .

Чтобы выйти в люди,
Что плывет, всё уди.

(Действие I, явление 3)

АРИЯ ВОЛДЫРЕВА

Какие маленьки цыплятки!
А все они мои ребятки.
Такие ж глазки, те же носки,
В них нету ничего чужого:
Всё маленькие волдырки
Большого Волдырева.

(Действие I, явление 6)

ДУЭТ СТЕПАНА И ВЛАСЬЕВНЫ

Степан

Кинь заботы,
Милый друг,
Кинь заботы.

Власьевна

Недосуг;
От работы
Я без рук.

Степан

Выпей, выпей медового́.

Власьевна

Я боюся Волдырева.

Степан

Плюнь ты, плюнь на дурака.

Власьевна

Натолкает мне бока.

Оба вместе

Да для милого дружка
И сережка из ушка.

(Действие I, явление 9)

АРИЯ СТЕПАНА

Счастье строит всё на свете,
Без него куды с умом:
Ездит счастие в карете,
А с умом идешь пешком.

Знаем мы людей довольно,
Знаем с головы до ног;
Говорить, так будет больно
Вдоль спины и поперек.

Но сказать о них неложно
Потихоньку может всяк:
Без ума таки жить можно,
А без счастия никак.

(Действие II, явление 2)

1783 (?)

ОРФЕЙ

Мелодрама

Театр представляет преддверие ада.

Явление 1

Орфей

Лишенному дражайшей Евридики
Противен весь Орфею свет.
Мне ада страшные места не дики·
Душа души моей в сих областях живет...
Ты, рок! змии грызеньем
Лишил меня супруги моея.
Супруга!.. дух мой полн доднесь твоим мученьем.
Лишась давно тебя, всяк час лишаюсь я.
Стенанием живу, питаюсь огорченьем,
Всечасно горькую разлуки чашу пью.
Еще, еще я зрю ужасную змию!
Крутится и шипит — о, страх! — зияет жало.
Беги, спаси в себе ты жизнь мою.
Но поздо... слышу вопль... супруга! всё пропало.
Бледнеешь ты!.. трепещешь!.. быстрый яд
Уж в жилах у тебя!.. во мне весь ад!
И сердце трепетать в груди твоей престало.
Все прелести твои снедает смертный хлад.
Вотще в стенаниях я дух мой извергаю
И в грудь дражайшую мой дух вместить желаю.
О, боги!.. ах, скончалась жизнь моя!
Дерзая вслед тебе, супруга, я
Ко Стиксовым брегам идти не усомнился.
Одной любовию и лирой провожден,
Я в бездны Тартара спустился.
Любовь! где путь тебе быть может загражден?
Не тщетно ль, боги, я надеждой обольщен?

Голос

Имей надежду несомненно:
Богов судьбой уже определенно
Тебе твою супругу возвратить;
Но лирой должен непременно
Ты лютость ада укротить.

Орфей

О, глас отрадный!
В мучениях моих, подобно зноя в дни
Росе прохладной,
Ты чувствия возобновил мои.

(Принимается за лиру.)

О ты, властительница мира!
Творивша на земле толики чудеса,
Могущим гласом камни, древеса
Влекуща вслед себе, моя бессмертна лира!
Проникнем днесь мы ада в глубину,
Стенаньем жалостным наполним всю страну,
Подверженну владычеству Плутона.
Надеждою одолевая путь,
Мы даже до его достигнем трона,
Чтобы жестокого тронуть.
Пойдем; и вот врата, где алчна смерть скрежещет.
О, ужас! .. но любовь моя не вострепещет.
Свирепых фурий слышу грозный вой,
И дремлющи огни лишь ужас умножают,
И страшны громы слух пронзают...
Земля, колебляся, трепещет подо мной.

(Играет на лире. Фурии показываются.)

Всесильны стражи пропастей подземных!
Почто Тенара в безднах темных,
Увидя слаба смертна пред собой,
Смущаете вы свой покой?
Из области Зевеса
Не силой Геркулеса
Пришел сражаться с вами я;
Но сердца нежной страстью распаленна,
Утехи своея лишенна,
Едины принесла стенанья грудь моя.

Прельщен прекрасной Евридикой,
И ею я равно любим —
Едва нас брак сопряг узлом драгим,
Едва я в радости толикой
Мог верить чувствиям моим, —
Нас рок свирепый разлучает,
Супругу вам, меня терзаниям вручает!
Почувствуй, о Плутон! мучения мои!
В сем сердце стонет глас той самыя любви,
Котора и тебя, царь ада! услаждает.
Что более тебя: твоя ль бессмертна часть
И возрастающа погибелию власть
Иль прелесть дочери Цереры утешает? —
В печальных сих местах,
Где обитают смерть и страх,
Когда на Прозерпину ты взираешь
И в Тартаре ты рай вкушаешь, —
А я... Но ты, Плутон, вкушая нежну страсть
И счастливо любя, не чувствуешь напасть;
Котора сердце мне, как лютый вран, терзает.
В страданиях мой дух помалу исчезает.
Разлуки горести не ведает Плутон;
Что смерти зляй она, того не знает он...
А если б знал, о мне бы сожалея,
Хоть смертию б меня
С супругой съединя,
Утешил бы размученна Орфея...
Каких страшилищей предстал мне лютый вид!
О смерти чада!
Изверги ада!
Зачем ваш мрачный сонм ко мне себя стремит?

Голос

Плутон уставы смерти разрушает,
Тебе супругу возвращает;
Но ты брегись ее навеки потерять;
И чтоб вторично не лишиться,
Ты должен на нее взирать страшиться,
Доколь вас солнца свет не станет озарять.

Врата ада отворяются. Орфей, на лире играя, изображает восторг радости; но помня, что ему смотреть на Евридику запрещено, отворачивается. Между тем фурии выводят Евридику.

Явление 2

Евридика, Орфей, фурии.

Евридика

Супруг возлюбленный! Орфей! Орфей дражайший!

Орфей

О глас! супруги глас сладчайший!
Ты дух мой из меня веселием извлек...
Какой возможет быть толь счастлив человек?
Неведома лиется в жилах сладость,
И вся моя душа преобратилась в радость.
Супруга! весь мой дух в тебе;
Но зреть!.. о рок! как грозен ты ко мне!

Евридика

Орфей! взгляни, и жизнь, мне отданну богами,
Дополни, мой супруг, дражайшими очами.

Орфей

Супруга!..

Евридика

Я с тобой... утешь унылу грудь.

Орфей

О, свет моих очей! но я... увы! взглянуть
Страшуся на нее... от радости я млею;
Но взора счастием насытить я не смею.

Евридика

Орфей, драгой Орфей меня не хочет зреть!

Орфей

Какие муки должен я терпеть!
О ад! и самые твои отрады
Включают смерти злейши яды...
Но лютое терпенье собрегу.

Евридика

Орфей! ты здесь; а ты меня еще не видел, —
Что б больше сделал ты, когда б и ненавидел?
Мне жизнь возвращена, а жити не могу!

Супруг свой взор дражайший отвращает!
Что взора твоего, Орфей, меня лишает?

О р ф е й

Любовь.

Е в р и д и к а

Любовь?

О р ф е й

Что я тебе не лгу,
Клянуся страшным Ахероном;
А что и более, моим клянуся стоном...
Ступай скорей, последуй мне,

Евридика приближается к Орфею.

К прекрасной той подсолнечной стране,
Где я навек с тобою сочетался,
Где счастием с богами я равнялся.
Я там твоей небесной красотой
Взор, сердце, душу напитаю,
Забуду ад и небо я с тобой,
И очи и уста твои облобызаю...

Орфей при последнем стихе, забывшись, оборачивается к Евридике и обнимает ее, потом, опомнившись, с ужасом от нее бежит.

Несчастный! ах! что сделал я!

Е в р и д и к а

(к фуриям, которые ее влекут)

Куда?.. куда влечете вы меня?
Каратели невинных и несчастных!
Се Тартара в местах ужасных
Мучений новый род изобретен!
Дать зреть того, кем дух прельщен,
Кем сердце гроба за предел сгорает,
Которого чтоб зреть, чтобы любить,
Лишь то одно мою всю душу составляет, —
И после с ним навеки разлучить!

О р ф е й

Постойте на одну хотя минуту,
Помедлите свершить мою казнь люту
Или с собой возьмите и меня!

Мученья Тантала и Иксиона, —
Коль буду зреть красы ея, —
Не извлекут из сердца стона.

Голос

Еще твой час последний не приспел.
Ты должен горьку жизнь в мучениях питати.
В покорстве бы богам блаженство ты нашел,
Но воли их исполнить не умел:
Живи ж, чтобы себя за то карати.

Евридика

Орфей возлюбленный! Орфей! навек прости!

Евридику уводят, и врата ада затворяют.

Орфей

Постой!.. Мне тягостную жизнь нести!
Нет, боги лютые! не в ваших это силах,
Принудя жить, заставити страдать;
Не жизнь нося, но яд смертельный в жилах,
Всечасно в муках умирать.
Ко смерти завсегда отверсты нам дороги:
Коль жизнь ваш дар, немилосерды боги!
Что в даре пагубном? возьмите вы его;
Обратно вам сей гнусный дар вручаю:
Мечом мою я жизнь скончаю...
Но мало жизни в казнь злодействия того,
Что я, дражайша Евридика!
Похитил жизнь твою...
Иль смерть напасть велика?
Она не жизнь прервет, но муку лишь мою.
Она несчастных утешенье...
Я стану жить, чтоб умирать в мученье,
В стенаниях богов жестокости казать
И жизнию себя карать...
Я!.. я твой враг, дражайшая супруга,
Лютее и змии, ужалившей тебя:
Я в ад сошел с земного круга
Затем, чтоб, взором погубя,
Вторично умертвить тебя.
Мой лютый взгляд взирать на солнце недостоин,

Лишь фурий лютости он видеть сотворен,
Лишь ада пламенем быть должен озарен.
Да будет фурий сонм твоих, о ад! удвоен, —
Орфей от Стиксовых брегов не отойдет.
Как медь, кипя, в горниле ржет,
Тенара чрево тако стонет;
Но страхом целый ад меня не тронет.
Разини челюсти, меня супруга ждет:
Пылай, реви, терзай... Чего теперь страшиться?
Я жизнь любил, чтобы супруги не лишиться.

Показываются фурии.

Опять чудовищей толпа ко мне идет:
Вы тщетно ужаснуть меня собой хотите.
Ища себе в моем мучении отрад,
Чтобы составити мой ад,
Со Евридикою разлуку мне твердите.

Фурии отвлекают Орфея от преддверия ада и заключают мелодраму балетом.

<1763>

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПИСЬМО ГРАФА КОММЕНЖА К МАТЕРИ ЕГО

Несчастнейший из всех злосчастных человек
И из несчастнейших оставленный навек,
Твой пишет сын к тебе, твой сын несчастный пишет.
Ты чаяла ль когда сие известье слышать?
Твой сын, которого уж, может быть, давно
Считаешь тело ты в земле заключено,
Он жив... Жалей его. Он горесть всю вкушает
И, смерти ждя, одной тоской свой дух питает.
Он жив... близ гроба. Ах! что я дерзнул сказать!..
О, рок, прегрозный рок! О мать, любезна мать!
Вопль слышу жалостный, и страх меня объемлет!
Твой век драгой смутить сын бедный предприемлет!
Твой век, который бы утешить должен он;
Но, ах! чтоб облегчить мне тягостный свой стон,
Чтоб мук, хотя на час, несносных свободиться
И чтоб утешиться, к кому мне обратиться?
К тебе, дражайша мать! тобой рожден я в свет,
Уже мне на земле утех нималых нет.
Живу, лишен всего, в стране опустошенной,
Лишь ты осталась мне одна во всей вселенной.
Вообрази себе престрашны те часы,
Когда лишался я возлюбленной красы,
Когда... ах! сколько слез о мне ты проливала!
Воспомни время то, как ты о мне страдала.
Как отческа рука, жестока для меня,
Невиннейший союз порочным обвиня,
Нежнейшие сердца расторгнула навеки:
Сугубятся в глазах моих слез горьких реки.

Родитель гнал меня, — о, как свиреп мне рок!
Я столь покорен был, колико он жесток.
Но я прекраснейшу любил, ее ты знала.
Ты зрела ту, меня которая прельщала,
Котора надо мной ту сильну власть взяла,
Что добродетель ей над сердцем сим дала,
Над сердцем, в ней одну лишь добродетель чтущим,
Над сердцем, к честности прямым путем идущим.
Всё счастье было в ней мое утверждено.
И счастье и любовь — мне было то равно.
Аделаиду я любил... Аделаида,
О тень дражайшая прелестнейшего вида!
Сокровище мое, плачевная краса,
Которую земле явили небеса.
Сия-то самая любовь моя несчастна,
Котора самому мне стала днесь ужасна,
Дни светлые твои на мрачны пременя,
Виною бед твоих соделала меня.
И ты, чтоб из оков меня освободити,
Отверсту чтоб мою гробницу затворити,
Супруга избрала, не исцеливши ран,
Который наконец твой сделался тиран.
Воспомни, мать моя, воспомни, мать любезна!
Еще я трепещу от воображенья слезна:
В темницу варвар сей дражайшу заключил,
И жизнь мою он в ней навеки сокрушил.
Творец всех бед ее и злобной столь судьбины,
И слыша горьку весть я ложныя кончины,
Всего, что мило мне, навеки я лишен.
Не знав, куда иду, скитался я смущен.
Представь меня себе оставленна и нища:
Земля мне одр была, а слезы только пища.
Печальный житель я пустынь, лесов густых,
Я тщетно, плачучи, искал любезной в них.

Я ввергся наконец в сие уединенье,
Учиться умирать где первое ученье;
Где рощи пасмурны, ужасны камни где,
Печально к небесам возносятся везде
Гробницы для живых — молчания жилище;
Сама невинность где раскаянья не чище.
Не ведала, о мать! о сем ты ничего!

Вообрази ж себе ты сына своего
Без чувствий, горестна, отчаянна, смятенна,
В жилище страшное без мыслей преселенна,
И иссыхающа в потоках вечных слез,
И не хотяща зреть на светлый луч небес.
В стенаниях твой сын всечасно исчезает,
Цвет младости его тоскою увядает.
Богобоязливый пустынников всех вид,
Которых верой дух единственно горит,
Которы мудрствуют, природу разрушая,
За прежние грехи терпети не скучая,
Терзаются всяк день по воле своея.
Печально зрелище в них мудрости сея,
Котора, суеты мирские презирая
И бури всех страстей ногами попирая,
Всяк час близ алтарей святых служа творцу,
В невинности свою приводит жизнь к концу.
Мир целомудренный — величество сих мест,
В которых человек к живущу выше звезд
Всечасно ближится, себя позабывая,
Его лишь одного предметом почитая.
Сие всё скорбь во мне старалось умножать,
В сердечну рану всё стремилось яд вливать.
Я стоном наполнял места, вокруг лежащи;
И мой померкший зрак, всечасно зрак слезящий,
И младости моей увядшие цветы
Являли лишь любовь из каждыя черты.
Ах! сколько раз среди пустыни сей преслезной,
Обманываяся мечтою бесполезной,
Я начертание возлюбленной красы,
Что мне она дала в счастливейши часы,
Рассматриваючи, в нем мыслями терялся,
Мой бодростию дух сим видом укреплялся.
Прекрасной образ зря, сие чело я зрел,
Где прежде для меня надежды луч горел,
Где добродетель свет чистейший проливала,
Где честь без гордости с красою обитала,
Где начерталась вся душа ее чиста;
Я зрел уста сии, прелестнейши уста,
Которые тогда, ко мне как обращались,
Улыбкой нежною нередко украшались;
Сей нежный взор, кой, всех воспламеняя кровь,

Внушал почтение, рождаючи любовь.
Однажды я... Тот час мне в мысли будет вечным! —
Однажды я, крушась, с мучением сердечным
На образ сей драгой свой устремивши взор,
Рассматривал в чертах всех прелестей собор.
Казалось, что моим он жаром оживлялся,
Что, горесть зря мою, стенаньем возбуждался,
И что я чувствовал, то мне он изъяснял,
Печали мрак его заразы покрывал:
Казалось, он вздыхал и слезны лил потоки
И обвинял судьбы гонения жестоки.
Но, ах! ручьями слез своих сей зрак облив,
Его слезами чтил, свои я позабыв.
Мой плач неутолим, мой вопль, мое смущенье,
Невольны токи слез и всё мое мученье
Пустынных жителей, чтоб зреть меня, влекли, —
С жалением ко мне все братия текли.
Хоть ни на что они в местах сих не взирали,
Но часто на меня те очи обращали,
Которыми, к творцу лишь алча сердцем тлеть,
Страшилися на всё, что в свете есть, смотреть.
И, тягостны труды оставя на минуту,
Со частию своей мою сравнив часть люту,
В кровавых все трудах, томяся и стеня,
Себе казались быть счастливее меня.

Но младший всех из них (его винил я младость),
Чтоб быть всегда со мной, он находил в том сладость.
Вздыхая завсегда, он вслед за мной ступал
И завсегда меня с стенанием встречал.
Под темными его я часто зрел древами
Смотряща на меня печальными глазами.
Цвет младости и луч прелестнейших очес,
Всё спибло на лице от токов многих слез.
Подъемлю ль я свой взор — его я взор встречаю;
Бегу ли от него — его я обретаю;
Иду ли я в леса по должности своей —
Сотрудника в нем зрю работы я моей;
Я воду ль черпаю иль древо рассекаю —
Я к помощи его повсюду обретаю.
Однажды вечером вод тихих на брегах
Гроб делая себе, я в тяжких был трудах

И, над убежищем последним суетяся,
Задумавшись стоял, на жезл облокотяся.
В печальных мыслях сих весь дух мой погружен,
Прельщался смертию, сей жизнью утомлен.
Ни ужаса, ниже́ смятенья ощущая,
Смотрел на гроб его, покой напред вкушая,
Как вдруг — и сам того, что делал я, не знал —
Аделаидино я имя начертал.
В тот час пустынник сей, сотрудник мой дражайший,
Увидя имя то, вопль испустил горчайший;
Смятен и тороплив глазам моим предстал,
И нежность, и тоску в лице своем казал;
На ближние древа, ослабши, опирался
И на трепещущих ногах едва держался.
В рыдании его терялися слова,
И с плеч ослабшая катилася глава.
Увидевши, что, зря его, я сам смутился,
Чтоб слезы скрыть свои, от глаз моих он скрылся.

Конечно, он (так сам в себе я размышлял)
Любовницу свою навеки потерял,
Конечно, как меня, его судьбина гонит.
Всегда несчастных рок в едино место клонит.
Младой пустынник сей, лишившися всего,
Чтя образом меня несчастья своего,
Всяк час бежит ко мне в своей смертельной скуке
Для облегчения несносной в сердце муки.
Страшася в сих местах он бога оскорбить,
Любовию горя, страшится он любить.
Готовься слышать, мать, ты повесть чрезвычайну:
Я преужаснейшу тебе открою тайну;
Но между тем представь ты сына своего,
Страдающа всегда, представь себе его;
Представь все чувствия, тоскою сокрушенны,
И мысли горестны, жаленьем возмущенны,
Умноженны мои страданья тишиной:
Творца лишь оскорблял я в сей стране святой.
Я днем страдал, и ночь мученья прибавляла,
И клятве страсть моя всечасно изменяла.

В три года наконец спокойство ощутил
И, бедством отягчен, почти бесчувствен был.

Я в сердце ощущал сея пустыни бремя,
Что в нас степéнями лиет теченье время,
Я смерть уж чувствовал, мой ближился конец;
И уж забвенный мной вселенныя творец
В мой дух, где зрак драгой единой лишь вмещался,
К спасению меня помалу преселялся.
Я помышлял, что та, которой я прельщен,
Которой чистый дух на небо восхищен,
Котора на меня с превыспренних взирает,
Уж ныне от меня чистейших жертв желает.
Я, ободряясь тем, усердье возжигал
И к долгу сам себя святому подвигал,
Алкаючи скорей с любезной съединиться,
Котора в небесах мне только возвратится.

Но, о! престрашна ночь, нечаянный возврат!
Уже покрыла тьма наш весь пустынный град.
Всё было в тишине, соединенной с мраком;
Вдруг звоном возбужден, тем преужасным знаком,
Которым в час, когда кого постигнет смерть,
Сбирают братию, тревожа неба твердь,
Я, возмущен, спешу, на место прибегаю. —
О, страшный вид! Я там несчастна обретаю.
Какое зрелище! О мать! Что я скажу!
Я протяженного на пепле нахожу,
Чтобы его узнать, к нему я приступаю, —
Близ смерти, ах! его близ гроба познаваю.
Он мне мечтается еще... Трепещу... мать...
То был... увы... то был... ты можешь ли узнать...
Пустынник сей младой... была... ты понимаешь...
Предвидишь часть мою и мне ты сострадаешь...
О ты, несчастныя любви плачевный плод!..
Аделаида здесь кончает свой живот!

Взор быстрый на меня и нежный обращая,
Пустынникам рекла, вздох тяжкий испущая:
«Дерзните внять мой глас вы в святости своей;
Жалейте грешную и, ах, оставьте ей.
Я недостойна жить и умереть пред вами.
Взирая на меня невинными очами,
Вы видите во мне порочную жену,
Любовью вверженну в священную страну.

Любила я... и, ах! сама была любима.
Един из вас... я зрю его и им я зрима...
Сей страх, сия тоска порочна, может быть,
Любезна моего довольны вам явить.
Приближься ты, Комменж: на ложе сем несчастном
Свирепы небеса в гонении ужасном,
Уж сжалясь наконец столь долго нас томить,
Хотят на час меня с тобой соединить.
Узнай... которая тобой еще сгорает;
И не страшись ее, она уж умирает.
Шесть лет жизнь горестну я в сих местах терплю;
Одним терпеньем сим измерь, как я люблю:
Поверь, тебя всегда я в памяти имела,
И как тебя забыть? всяк час тебя я зрела.
Сих святость мест, тебя включающих со мной,
Всегда претила мне открыться пред тобой.
В объятья ввергнуться твои горя стократно,
Бежала от тебя я столько ж раз обратно.
Я, грусти зря твои, отраду зрела в них,
Вкушала, плачучи, я сладость слез твоих
И, устремляя лишь к тебе всё примечанье,
Нередко своего лица я начертанье
Видала во твоих дражайших мне руках;
Поток в тот час в моих сугубился глазах;
Из сердца глубины жаленье излетало
И сердца радости мне прежни вспоминало.
С тобой, возлюбленный, в святой темнице сей
Довольна б я была сей частию моей.
Любимой зря себя и я любя сердечно,
Иного счастия я не желала б вечно;
Но долг исхитил мя из сердца твоего,
По крайней мере, я страшилася того.
В средине твоего несносного терпенья
Твой зрак не изъявлял уж прежнего мученья;
Уж вздохи к небесам свои ты испущал,
Оставя страсть свою, лишь бога призывал.
А я сама собой под бременем стесненна...
Одна в пустыне сей... Тобою, ах! забвенна...
И зря, что грусть меня ко гробу уж стремит...
Любовь смутила жизнь и смерть мне приключит...
Творец! Твоей себя я власти подвергаю;
Твой слышу глас зовущ, к тебе я прибегаю.

Рази ты грешницу и прекрати мой стон;
Рази поправшую здесь твой святый закон;
Ударь несчастную, но, ах! спаси любезна,
Да будет благость вся на нем души полезна!
Исполни жизнь его твоих святых утех:
Он, без сомнения, оплакивал свой грех,
А если в нем греховный жар остался —
Да узрит ныне ту, которой он прельщался,
И, видя тщетные бесчувственны красы,
Трепещучи, в сии раскается часы».
О, чудеса! О, страх! О ты, Аделаида!
И, слуха я лишен, лишенный я и вида,
Без памяти близ ней, недвижим, протяжен,
Я сильною рукой казался низложен.
Но как мне дремлющ луч свещи темногорящей
Вид смерти показал, уж зрак драгой мрачащей,
И, лишь возлюбленну свою увидел я
Борящу смерть, чтоб зреть в последний раз меня,
И отворяющу уж с ну́ждою зеницу,
И подающу мне трепещущу десницу, —
Собравшись с силою, мой томный дух в тот час
Из самой глубины пустил горчайший глас.
Сугубым криком грусть свою я изражаю,
На одр, престрашный одр, бесчувствен упадаю,
На пепел сей священ, где гибнет весь мой свет.
Душа души моей теченье кончит лет!
Я тело хладное лобзаньем согреваю,
Дражайший сей залог я к сердцу прижимаю,
Целую я чело увядшей красоты,
Аделаидины где зрю еще черты.
Слезами руку я ослабшу орошаю
И жизнь свою вместить в дражайшую желаю.
«Ответствуй! — я вскричал. — Тебе я говорю!
Тобою я прельщен, тебя боготворю!
Увидь Комменжа ты еще нелицемерна,
Увидь несчастного любовника и верна.
Коль весть сия тебя возможет оживить,
Так знай: вовеки я не преставал любить».
На горестны слова усмешкой отвечала.
Я оживлен... Но, ах, надежда вмиг пропала!
И сердце уж ее престало трепетать.
Прости, возлюбленна... Увы! что мне начать?

Вотще объемлю я, вотще ее лобзаю:
На бледных я устах смерть люту ощущаю.
По крайней мере я дражайшей принял дух.
Но что я говорю? Мои глаза, мой слух
Аделаидою любезной наполнялся.
Я чтил ее живой, я ею утешался.
Я к ней вещал, ее я имя повторял
И в мертвыя себя живого я терял.
Вообрази ж себе сию ты ночь преслезну,
Сей пепел и сей одр, простертую любезну,
Светильник мрачный сей, котора мрачный свет
Ко тени смертныя лишь страху придает.
Представь пустынников, вокруг меня стоящих,
С слезами за грехи прощения просящих.
Суровы смертны те делили скорбь мою;
Природа в первый раз вошла в страну сию.

Надежда, счастие, что ни было священно,
То гроб снедает всё, всё в гробе заключенно.
О, небеса! как я того не мог узнать,
Что здесь она со мной дерзает обитать?
Шесть лет сурову жизнь в гробницах сих вела!
И чашу горестей с терпением пила!
Скрывала здешняя ее красу темница
И тело нежное терзала власяница!
Как начертанье я ее лица смотрел,
Ее свидетелем я слез своих имел!
Стократ за нею вслед, несчастный, я скитался!
Одним я воздухом с дражайшею питался.
Она была со мной, я зрел ее всегда.
Как я, в любви своей она была тверда.
Любовь вещало мне в ней робко воздыханье,
А не могло ничто мое прогнать незнанье,
И сердце страждуще не предвещало мне,
Увы! что ты была со мной в одной стране.
Когда б тебя узнал, утешился б тобою.
Коль зрак отверзся б мой твоей драгой рукою,
Несчастный! я б тотчас к твоим ногам упал!
А, может, облегчить свой рок я б путь сыскал:
Среди пустынников, творца пред алтарями
Хвалу б ему плели невинными устами.
Правитель сей небес, не отвращая глаз,

В обители своей без гнева б видел нас,
Молящихся ему, его едина чтущих,
Дни вместе в радостях последние ведущих.
Здесь пременясь места присутством бы твоим,
Присутствием любви нам сделалось одним...

Любви? Единый гроб, где прах твой почивает, —
От нежной столь любви вот рок что оставляет!
Но из меня ничто тебя не истребит,
Хоть громом сам творец меня за то сразит.
Во сердце будешь сем ты вечно обитати;
На гробе лишь твоем я буду жизнь вкушати!
Еще я зрю тебя, еще твой слышу глас.
В места, где зрел тебя, не знав, я всякий час,
В места дражайшие с стенаньем прибегаю
И их, не зря тебя, слезами орошаю.
На месте я твоем пред алтарем сижу
И, тщетно ждя тебя, на все страны гляжу.
Везде пишу твое дражайшее названье...
И, ах! слезами то смываю начертанье...
Столь горестным бедам какой конец... О мать!..
Творец вселенныя! Ах! долго ль мне страдать?
Мне кажется, увы! здесь время не проходит
И, ах! прошедшие часы назад приводит.

Как братьи здесь мои, уставши от трудов,
Уже покоются в недра́х приятных снов,
Один лишь я не сплю в жилище столь ужасном
И ночи провожу в смятеньи повсечасном;
Аделаиду я зову к себе всяк час,
Ночей спокойство мой смущает скорбный глас.
Иду, не знав куда, с поспешностью ступаю
И на пути мечты печальны обретаю.
Которы вкруг меня браднеющ мрак мятут,
Ужасны зрелища покоя не дают, —
И я тотчас, смущен, со страхом возвращаюсь
И на дражайший гроб, рыдаючи, бросаюсь.
Аделаиды тень, представ моим очам,
В восторги радости мой дух приводит там.
Тень часто зрю сию я, легкими крылами
Меж густоты древес летящую лесами.
Бегу и без души я вслед стремлюся ей

И бытие даю дражайшей тени сей:
В объятьях вмиг моих пар тщетный исчезает, —
И твой несчастный сын лишь воздух обнимает.

Я часто зрю сию божественну жену,
Блистающу лучом и так облечену,
Как видел я ее во рощах тех прелестных,
Во рощах, в памяти моей навеки вместных,
Где первый взгляд ее, который мне вещает:
«Почто, почто твоя вся твердость исчезает?
Владычествуй своей возлюбленной душой
И ведай то, что смерть нам всем дает покой.
Она едина нас ко счастию приводит.
Здесь чисту истину душа моя находит.
Я в тех местах живу, где весь рассеян мрак,
Где точно видит всё наш ослепленный зрак,
Где светлы радости все смертные вкушают.
Сей бог, которого нам грозным представляют,
Есть бог благотворящ, но хощет быть любим, —
Ты не страшись его быть молнией сразим.
И смертных всех творец их слабость оставляет
И, мною умолен, тебя благословляет.
Чтоб быть тебе со мной, остался только час,
Услышь, услышь тебя его зовущий глас!
Уж вечность пред тобой дверь светлу отворяет!
Служи, молись творцу, он нас соединяет».

О, мысли тщетные! уж дух мой возмущен
От ига крестного стал ныне отвращен.
Творец, ты побеждал во сердце сем любезну,
Тобою услаждать я начинал жизнь слезну.
Всё к храму твоему желанье устремлял
И пред тобой чело моляще уклонял;
К тебе лишь прибегал я в горести безмерной,
Любовник усмирен стал христианин верный.
Но ты возлюбленну в сии места вместил!
Почто жизнь кончащу ее ты мне явил?
Могу ли я забыть те очи утомленны,
Стенанья нежные, внутрь сердца мне вселенны,
И руки слабые, хотящи мя обнять?
Уста, просящие последний вздох принять,

Разящу речь меня ужаснейшим ударом,
Речь, преисполненну еще любовным жаром?
Судеб правитель, ах! престань меня казнить;
Уж время, время нас во гробе съединить,
Уже недостает мне более терпенья;
Спаси от слабости и твоего отмщенья,
Который гневает тебя, всем сердцем чтя,
Утешь меня, творец, живот мой прекратя.
Я смерть, которая мои свершит напасти,
За первый дар почту твоей могущей власти.

Вот как страдаю я и мучуся, стеня!
Мне кажется, что смерть бежит здесь от меня.
Жестокий мой отец, доволен ли ты ныне?
Сколь надобно жалеть меня в такой судьбине!
К чему я приведен, — мне должно трепетать,
Как имя я отца лишь стану вспоминать.
Я должен днесь его навеки ненавидеть.
Но, ах! В нем дней своих творца сын бедный видит.
О ты! которую с ним рок соединил,
Вещай ему всегда, что́ мне он приключил,
И, повесть моего ты жития вещая,
Отмщай тем за меня, бедами устрашая,
В которые меня жестокостью он вверг,
Представь взнесенна мя несчастия на верх..
Тиран моей драгой — еще ль он мой родитель?
Он, сына своего покорного гонитель,
Разрушил наш союз он варварской рукой!
Ах! если бы сей гроб я мог привлечь с собой,
Свирепости его ему в глаза представить
И стоном жалостным его везде прославить!
Пусть виды мрачные сии его смятут
И сына бедствия покоя не дадут.

Но что!.. Увы!.. Что я, растерзанный, вещаю?
Кому, несчастнейший, несчастия желаю?..
Оставь восторги мне, оставленну от всех,
В пустыне горестну, лишенному утех.
Хоть в сердце мне его удары все вмещенны,
Но чувствую, что мне его дни суть священны.
Он гнал меня, терзал, — но я его люблю.

Не открывай ему, что я теперь терплю,
Коль в горести твою он душу утешает.
Забыл ему я то, колико мне он строг.
Коль любит он тебя, то для меня он бог...
О, мысль прегорестна! О ты, вершина бедства...
Так мне утешить мать нималого нет средства.
Ужасный долг меня к пустыне пригвоздил
И жива, ах! еще во гробе заключил...
Любезна мать... Творец... Свершилось всё со мною,
Зрю гроб отверст моей любезной пред собою;
Иду я ей вослед... Прости... Твой сын падет.
О, как приятна смерть после толиких бед!

<1771>

ОДА

НА ТОРЖЕСТВЕННОЕ БРАКОСОЧЕТАНИЕ ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЫСОЧЕСТВ ГОСУДАРЯ ЦЕСАРЕВИЧА, ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА И ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКИЯ КНЯГИНИ НАТАЛИИ АЛЕКСЕЕВНЫ, 1773 ГОДА, СЕНТЯБРЯ 29 ДНЯ

Дыхание зефиров веет,
И розы на путях цветут:
От радости природа млеет;
Во рощах мирты здесь растут;
В тени струятся чисты воды:
Зерцала светлыя природы
К веселью, к роскоши манят;
Журча, кропят цветы росою,
Которые, своей красою
Любуяся, себя в них зрят.

Прелестной негой воздух дышит:
Иль в есени весна цветет?
Согласья сладость ухо слышит:
Иль хор небесных сил поет?
Восторгом смертны изумленны
Быть кажутся переселенны
К чудесным оным временам,
Когда творец природы новой,
К блаженству смертного готовой,
Являл утехи рая нам.

Когда ко смертного довольству
Земля, обильная во всем,
Его желаний своевольству
Не отрицаяся ни в чем,
Рукою щедрой угождала,
Реками нектар проливала
И ставила повсюду пир, —
С Помоной Флора истощались,
И все стихии соглашались
Со кротостию нежить мир.

О дщерь создателя селенной!
Дражайший узел естества,
Любовь! твой пламенник возжженный,
Всего источник вещества,
На землю небеса низводит:
Тебе веселие предходит,
Вокруг тебя играет смех, —
Где ступишь нежною ногою,
Там всё цветет перед тобою:
Ты щедро сыплешь тьмы утех.

На мразны крилия Борея
Воздевши тяготу оков
И тихой теплотою вея
Златых в средине облаков,
Зари воссев на колесницу,
В ее одеясь багряницу,
Невы приспела ко брегам;
Под легкими ее стопами
Земля себе пестрит цветами,
Смеется зелень по холмам.

Певцы натуры, быстры птицы,
Как облако, толпясь, летят
На сретенье своей царицы.
Любви пришествие гласят
Не только горлицы лобзаньем,
Но ветви томным помаваньем.
Владычица природы всей!
Тебе что в мире неподвластно?

Тобой на свете всё прекрасно
И всё во области твоей.

Лучами радуги блистая,
Не красная ль Весна грядет?
Смешеньем лилий, роз прельщая,
Блаженство на челе несет.
Сама любовь очам дивится:
В ней прелесть с мудростию зрится,
В ней счастье видно россиян,
В ней радость Павлова включенна,
С которой россов жизнь спряженна,
Властителей полнощных стран.

Открылся храм: алтарь блистает —
Возжег светильник Именей;
С любовью верность соплетает
Неразрешимый узел сей,
Которого сам бог содетель.
Там истина и добродетель —
Сама Премудрость тут стоит:
Любовь чету соединяет,
Господь союз благословляет,
Екатерина то вершит.

Разверзлися врата небесны,
И смертных тех полубогов
Я зрю виталища прелестны —
Отечества прямых отцов,
Ироев, всем благотворивших,
Граждан вознесших, просветивших,
Которых слава на земли
Царям примеры представляет.
Их рай то в небе представляет,
Что мы здесь ими обрели.

Там Петр, России благодетель:
О имя! лестней всех имян!
Он, счастья общества содетель,
Светильник он полнощных стран —
Великого почтен названьем;
Но то наполнило б терзаньем

Его неизмеримый дух,
Когда б, ко славе доступая,
Он, кровь лишь только проливая,
Пронзал победой смертных слух.

Он радость чистую вкушает,
Зря благ, им сеянных, плоды;
Восторг его дух проницает,
Как луч, во глубине воды
Играя, вид рождает злата.
«Се подвигов моих заплата, —
Весельем восхищен, речет, —
Екатеринины старанья
Превысили мои желанья,
И россов чтит днесь целый свет».

Там Карл, германов повелитель,
Спустив с превыспренних свой взгляд,
Народов гордых усмиритель,
Сияньем славы весь объят,
На отрасль он свою взирает,
Что ветвь иройска лобызает.
Он зрит своих потомков дщерь
Пред алтарем, во Петрополе, —
Ее он радуется доле:
Карл сродник стал Петру теперь.

Как кедры твердые вздымают
Верхи свои под небеса,
Гремящи тучи презирают
И, все превысив древеса,
Сплетают ветви горделивы;
Напрасно воет вихрь бурливый —
Средь бурь недвижимы стоят,
Все грозы ни во что вменяют,
Поля далеко осеняют
И корнем попирают ад, —

Так пред создателевым фроном,
Что выше солнцев и миров,
Где непременным всё законом
Своих он движет страшных слов;

Отколь ему как царств рушенье,
И праха видно так паденье;
Отколь махин небесных скрып
Ему не воспрещает слышать,
Как червь в листах малейший дышит
Иль из земных ползет он глыб,

С Великим Карлом Петр Великий —
Ирой с ироем съединясь —
Сквозь ангельски проникнув лики,
Творца к подножью уклонясь,
Моления ему приносят
И благ своим потомкам просят:
«Направь их путь ироев вслед,
Чтобы сии спряженны лозы,
Где днесь цветут весенни розы,
Премудрости явили свет.

Наставь, господь, в твоей их воле,
Глас правды научи внимать;
Рожденным к толь высокой доле
Трудней вслед истины ступать.
Приятны гласы лести сладкой
К затменью славы есть путь краткой;
Да помнили б всегда они,
Своим народом обоженны,
Что только с божеством сравненны
Лишь добродетели одни.

Да будет матери великой
Всегда достойный Павел сын;
Да будет, как она, уликой
Приявшим венценосцев чин.
Достойные Земли владыки
Лишь счастьем подданных велики».
— «Да будет так», — господь речет.
На молнии сей глас промчался
И громом смертным показался:
Трепещет Тартар и Магмет.

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ СЕРГЕЮ ГЕРАСИМОВИЧУ ДОМАШНЕВУ

Питомец чистых муз, любимец Аполлона,
Поставлен истиной среди наук и трона!
Тобою ободрен в сем тягостном пути,
На трудность не смотря, стремился я идти, —
Тебе ж, Домашнев, я мой труд и посвящаю.
Предстатель муз! твоим названьем украшаю
Списанье слабое бессмертных песней сих,
Вергилий Франции в восторгах где своих,
Пленяя всех сердца, с собою увлекает;
Во славе Генрих где от гроба возникает;
Героев и царей любимец и певец,
Где виден весь Волтер, приявший муз венец.

Являя россам днесь его я сладость пенья,
Робею, трепещу, страшуся дерзновенья,
С которым предприял сей путь я совершать,
И уж желал бы я его не начинать.
На путь оконченный лишь взоры простираю,
Повсюду я цветы увядши обретаю,
Что неискусною пренесены рукой,
И слава кроется с гремящею трубой,
Которой звук в стихах Волтеровых вселенна
С вниманьем слушала, сим мужем удивленна.
Уже мне слышится ужасный глас хулы.
Но если я твоей достоин похвалы,
Когда, зря слабости, Домашнев обретает
И то, что дух его к вниманью привлекает,
Когда мой труд тебе угоден может быть, —
Не тщетно обществу старался я служить.

<1778>

ФЛОР И ЛИЗА

Сказка в стихах

В Москве, обильной красотами,
Прелестна Лизанька цвела:
Самой любви она перстами
Прельщать сотворена была.

Как юна роза дней весенних
Скрывает прелести свои
От ветров, ею обольщенных,
Так Лиза крылась от любви.

Пред солнцем только разверзает
Свою цветущу роза грудь;
Лишь Флору Лиза дух вручает,
Возмогшему ее тро́нуть.

Ты клялся — трепещи, неверный! —
Ты клялся Лизу ввек любить!
Зри казнь здесь каждый лицемерный,
Кто клятвами дерзнет шутить!

Любовь в их сердце не взрастала:
Нельзя ей было больше быть;
Ко Флору Лиза вся сгорала,
Как Флору Лизы не любить?

Вещала иногда, смутяся:
«Будь верен, счастье в том мое;
А если...» Слезы тут, лияся,
Перерывали глас ее.

Святейши клятвы, воздыханья
И всё, что есть, употребя,
Старался утолять страданья
О, варвар, бедную губя.

Не верь льстецу, о Лиза нежна!
Не верь — его все ласки яд,
Твоя со смертью радость смежна,
В ком видишь рай — увидишь ад.

Колико прелестьми блистает,
Богатством Лиза так бедна.
Всечасно Флора то смущает, —
Не ведает того она.

Затменна страстию, не знает,
Что́ лютый Флор готовит ей;

Одежду брачну та сплетает,
Тот — смерть возлюбленной своей!

Уж завтра должно б браку быти,
Уж завтра! .. Лиза вне себя:
Как мог ты, варвар, позабыти
Красу, любящу толь тебя?

Ты не забыл ее, несчастный!
А думал только, что забыл,
И, златом омрача дух страстный,
Не истребя любовь — затмил.

Твой, Лиза, Флор идет с иною
На брак в тот день, в который он
Был должен внити в храм с тобою...
Представьте Лизин горький стон!

Как бледна лилия, согбенна,
Падет от тяготы дождей,
Так Лиза, вестью той сраженна,
Падет, лишась красы своей.

Заря ее ланит затмилась,
Чело покрыла смерти мгла;
Прекрасной Лизы часть свершилась,
Для Флора лишь она жила.

Подруги, вкруг ее стоная,
Ей жизнь стремятся возвратить
И, имя Флора вспоминая,
Хотят несчастну оживить.

Услыша милое названье,
Раскрыла Лиза томный зрак;
Стенет: «Се брачно сочетанье!
Я в гроб иду, а Флор на брак.

Счастливым страшный — мне приятный,
Уж мой последний близок час;
Уже меня зовущий, внятный
Я слышу алчной смерти глас.

Ее вы зрите ль хладну руку,
Влекущую меня? .. Иду
И, позабыв сердечну муку,
О смерть! покой в тебе найду.

Чем, Флор, я винна пред тобою?
Богатств у Лизы нет твоей;
Ты сыщешь злато со иною —
Не сыщешь ты любви моей.

Спешишь ты к алтарю с другою
И радость мыслишь там найти;
Я, верно, встречусь там с тобою,
И я туда потщусь прийти».

Потом, к подругам обращаясь:
«Снесите вы мой труп в тот храм,
Где брачно торжество, свершаясь,
Не будет зримо сим очам.

Там Флор во брачном одеянье,
А Лиза будет в гробе там!»
По сем последне воздыханье
Конец соделало словам.

Ее свершили завещанье
И тело отнесли в тот храм:
Там Флор во брачном одеянье,
А Лиза в темном гробе там.

Флор, смутны взоры обращая,
Так близко Лизы зреть не мнит;
Но совесть, дух его смущая,
Вещает, кто пред ним лежит.

Не знает, отчего трепещет,
И меркнет ясный свет в глазах.
Приближился... Что в очи блещет?
О, горесть! о, любовь! о, страх!

Безгласна Лиза, чувств лишенна
Льстецу уж пеней не творит,

Но гроб, где Лиза протяженна,
Но гроб за Лизу говорит.

Он зрит: прекрасна тем покрыта,
В чем в брак готовилась она, —
Одежда, розами ушита,
Не в брак, но в гроб обновлена.

Он видит те уста любезны,
Его просивши ввек любить.
Он алчет в те часы преслезны,
Но поздно алчет верен быть.

Зрит к сердцу сжаты нежны руки,
Которы он лобзать любил,
Зрит на челе ее все муки,
Которых он виною был.

Корысть его не утешает,
Над златом верх взяла любовь.
Он видит смерть — и смерть вкушает:
В его хладеет жилах кровь.

Не плачет он, не воздыхает:
Сего превыше грусть его!
Дрожит, падет и умирает
Преступка жертва своего.

Невеста, к браку поспешая,
Уже супругом Флора чтит
И, златом, как заря, блистая,
На крыльях радости летит.

О, страх! жених ее с иною
Во гробе вечно сопряжен.
Сраженна лютою судьбою,
Бежит далеко страшных стен.

Несчастна Лиза, Флор несчастный,
О ты, плачевная чета!
Да будет ваш пример ужасный
Горящим в страсти — не мечта.

<1778>

УТРО

Ода

Небес лазори помраченны
Румянит тихая заря;
Огнем и светом насыщенны
Кони вывозят дней царя.
Бледнеют ночи кровы темны;
Морфей во пропасти подземны
Уносит грезы и мечты;
Главу его венчают маки,
Ему вслед и́дут сны и мраки
И наступают суеты.

Орел, любимец гордый грома,
Свой к небу правит быстр поле́т;
Он, кажется, достигнет дома,
Отколь исходит солнца свет.
На нивах перепел стенящий,
На сучьях соловей гремящий
Супруг своих к себе зовут,
Восходом солнца восхищенны.
Цветы и травы оживленны
Приятну утра росу пьют.

Пастух, подъят с утра зарею,
Младой пастушки во очах
Зря ясно, как любим он ею,
Чтоб то же видеть на лугах,
Спешит от ней... Она вздыхает,
На волю ветрам распускает
Нежнейши мягка льна власы.
Зефиры оными играют,
То прячут, то опять являют
Сокровища ее красы.

Натура в ризе испещренной,
Любяща нежну простоту,
С ее красой неухищренной
Свою мешает красоту.
В лугах, цветущих близко стада,
Пастушку ждет ее отрада;

С журчаньем чистого ручья
Пастух свой голос съединяет,
Цветов венками украшает
В ней прелесть жизни своея.

Среди кустов, в тени зеленой
Любовь утехам ставит трон,
От естества не удаленный
Им пишет счастие закон.
Всегда желания их с ними,
Довольны участьми своими
И только счастливы собой,
Собой вселенну заменяют,
Того блаженством не считают
Чего им не дано судьбой.

К водам и чистым, и прозрачны
На брег, усыпанный песком,
К ловитвам тамо рыб удачным
Идет надежда с рыбаком.
Зефиром зыблемая у́да
Манит рыб жадных отовсюда,
И, тягость ощутив, рука
Весельем душу восхищает;
Дрожанью уды отвечает
Дрожанье сердца рыбака.

Почтенн питатель смертных рода
Ко желтым пажитям спешит;
Чтя труд его, сама природа
Согбенны класы золотит.
Он смертным жизнь с полей сбирает
И униженье презирает,
Чем пышность гордая претит
Его полезнейшей заботе;
В священной рук его работе
Блаженство мира состоит.

Как солнце из-за гор выходит
Вам, пастыри, сиять с небес,
В селеньях ваших не находит
Ни страшных горестей, ни слез.

Меж вами игры лишь и смехи
И самы чистые утехи;
Всяк час свирелей слышен глас
И видны граций нежны пляски;
Приятства ваши все без маски,
Натура гонит лесть от вас.

Но, ах! в обитель позлащенну,
Где пагуб нам течет река,
Природу где уничиженну
Терзает гордости рука
И где величие уныло
Стенет, само себе постыло,
Выводит скорбный день заря:
Там пений радостных не слышно,
С одра златого роскошь пышно
Встает, в полудни утро зря.

Лучами света устрашенный,
Скупой бледнеет на одре,
С покоем страхом разлученный
Спешит искать души в сребре.
Страшась сокровищ похищенья,
Страшится собственна движенья.
Заклепы твердые открыв,
Свое он злато видит цело, —
Но время смерти уж приспело,
Всё тратит, став неволей чив.

Раб счастья выю уклоняет
Пред алтарем, где истукан
Честей под игом воздыхает,
Своим величием попран,
Он в низостях так тверд, как камень;
Он, жадности сердечной пламень
Завесой тщася льсти закрыть,
Явит в досаде смертной радость...
Несчастный! вся его в том сладость,
Что только хочет счастлив быть.

Зараз своих увялость видя,
Жена, привыкшая прельщать,

Дневного света ненавидя,
Не может горести вмещать.
Бодрит свое уныло чувство,
Рукою хитрости искусство
Ей пишет на лице красы,
Бесчиньем взор ее пылает
И юношество привлекает
Губить дражайшие часы.

В сени священна правды храма
Какая скорпия ползет?
Весов из чаши, полной срама,
Она невинных слезы пьет;
Законов в кривизнах вияся,
Сия змия, шипя, клубяся,
Всем очи пестротой мрачит.
То лакомство, взяв правды виды,
Во имя праздныя Фемиды
Кривыми толками звучит.

Для должности и славы мертвы,
Какие тени там сидят? [1]
Своей прегнусной страсти жертвы
В порочном бденьи дни губят.
Фортуна, в выборах слепая,
Бумагой их судьбу бросая,
Из них невиннейших разит;
Игрою скрыв щедроты льстивы,
Как сфинкс, опустошавший Фивы,
Гаданьем к гибели манит.

Во оном сонме смертных бледных,
Друзей, ведущих вечну прю,
Себе и обществу зловредных,
Каких страшилищей я зрю?
Отчаяние там скрежещет
И ярость пылки взоры мещет,
Нет жалости и чести нет;
Корысть и алчность ими правит.

---

[1] Игроки.

Коварство люты сети ставит
И златом к бедности влечет.

Скрывая пропасти цветами,
Се како смертные текут
К погибели, котору сами
Себе в безумии плетут!
Сребро им очи ослепляет,
Их гордость в узы уловляет;
Невольники своих страстей
Одну тень счастия хватают,
О камень ногу претыкают,
Свратясь невинности с путей.

Блажен, кто, сам собой владея,
В средине шума бурь мирских
Пристанище в себе имея,
Возможет, презирая их,
Чуждатися пороков лести.
Все мира пышны знаки чести
В очах премудрости прямой —
Прельщение умов незрелых,
Игра младенцев престарелых,
Отрада слабости одной.

<1779>

СТАНСЫ БОГУ

Источник жизни! благ податель!
К тебе, о боже! вопию;
И пред тобою, мой создатель!
Мою всю душу пролию.

Премудрости наполни светом
Мою к тебе парящу мысль!
Имущего тебя предметом,
Меня к своим рабам причисль.

К рабам?.. Рабов ты не имеешь:
Отец тебя любящих чад,

Ты благостью одной владеешь,
И власть твоя полна отрад.

Вотще тебя себе подобным
Соделать смертные хотят,
Суровым, грозным, гордым, злобным,
С собою ставя бога в ряд.

Не верю я сердцам сим диким,
Которы, лютостью одной
Тебя являя нам великим,
Не твой нам кажут образ — свой.

Всяк час ты ложь их обличаешь
Пучиною твоих щедрот
И милостью опровергаешь
Угрюмых мудрецов довод.

Ты кротко солнцу рек: «Навеки,
Блистая, провещай творца;
Да зрят всечасно человеки
Меня в щедроте без конца».

Всяк день то солнце повторяет,
Сей благости твоей залог,
И вся природа нам являет,
Что бог не может быть не бог.

Лишь только мы, неблагодарны,
Не чувствуя твоих щедрот,
То слабы, то высокопарны,
Крушим страстями свой живот.

Ты, смертным даровав свободу,
К блаженству тьму путей открыл;
Одним веселием природу
Своей ты власти покорил.

А если иногда печали
Дают вкушать нам горький яд,

Не винен ты, что мы создали
Себе из рая страшный ад.

Не ты виновен, что мы, люди,
Желая все богами быть,
Вздымая гордо наши груди,
Себя дерзнули позабыть.

Тобой творенны наслаждаться,
Превыше мы себя летим
И мудростью с тобой равняться
В своем безумствии хотим.

Чувствительность! о дар божествен!
Ты нас прямей ведешь к концу,
И крыл твоих полет торжествен
Возносит сердце ко творцу.

Творец! тебя понять не тщуся,
Всем сердцем, как отца, любя;
Кто ты, о том я не крушуся,
С восторгом чувствуя тебя.

Ты был, ты есть, ты вечно будешь, —
То небо и земля твердят;
Я есмь, меня не позабудешь, —
Мои все чувства то гласят.

<1780>

ПОСЛАНИЕ К РОССИЙСКИМ ПИТОМЦАМ СВОБОДНЫХ ХУДОЖЕСТВ

О вы, которые под сению спокойства
Стремитесь открывать вам небом данны свойства,
Питомцы российские художеств и искусств,
Изобразители и наших дел и чувств,
Которы, Рубенсам, Пигаллам подражая,
Возносите свой дух, к их славе доступая, —
Крепитесь в ревности то свету показать,

Что не единою победой помрачать
Своих соперников россияне удобны.
Минервы подданны ко всем делам способны.
Явите в Севере талантом вы своим
И славу Греции, и чем гордится Рим.
Оставьте по себе торжественны творенья,
Одолевающи и время изнуренья.

Но, чтобы вечности в бессмертный храм войти,
Талант единый слаб к свершению пути,
Когда, не озарен пространным просвещеньем,
Гордясь одним собой, гнушаяся ученьем
И самолюбием навеки ослеплен,
Он в дикости своей пребудет укреплен.
Не виден в грубости небесный оный пламень;
И сам алмаз в коре есть тот же дикий камень.

Науки, знания все сродны меж собой:
Небесны чада, все назначены судьбой,
В жилище бренностей переселясь от века,
На крыльях мудрости возвысить человека.

Старайтесь, жертвуя небесным сим сестрам,
Вы, юноши, снискать блистание дарам,
Чем вас украсила обильная природа,
Для чести вашея и росского народа.
Напрасно будете без помощи наук
Надежду полагать на дело ваших рук:
Без просвещения напрасно всё старанье, —
Скульптура — кукольство, а живопись — маранье.
И чтоб достигнуть вам до славной высоты,
Искусства видны где бессмертны красоты
И где дух творческий натурою владеет,
Где мармор говорит и душу холст имеет,
Сравняйтесь с знанием великих вы людей;
А без того иных к успеху нет путей.
Художник завсегда останется бесславен,
Художник без наук ремесленнику равен.

Не воображайте вы себе, чтобы Апелл
Лишь только кистию одной владеть умел.

Списатель естества, премудрости любитель,
Он в красках философ и смертных просветитель,
Победоносного царя достойный друг,
О имени его гремит доныне слух.
Героев дружество — художникам верх славы;
Ту честь исправленны приобретают нравы,
Что должно и наук для вас важнее быть.
Наука первая — уметь на свете жить.
Она единая искусства в свет выводит,
При жизни славу им она одна находит
И, украшая их, творит блаженным век.
Напредь талантов всех нам нужен человек.
Таланта не познав за дикостью незрима,
Бежит всё общество от странна нелюдима.
Чтоб здания привлечь ко внутренним красам,
Не должно ль, чтоб и вход приманчив был очам?

Нередко то виной художников роптанья,
Которые, хотя имеют дарованья,
Но, не умев себе приятностей снискать,
Почтенья в обществе не могут привлекать
И, всюду нося одну с собою скуку,
Присутством мучат всех и сами терпят муку.
Почто в несчастии за то винить людей,
Что счастья за талант не видим в жизни сей?
Почто роптать на рок, живя в плачевной доле?
Почтенье заслужить от света в нашей воле.
Не мните также, чтоб почтение обресть,
Нужна бы вам была чинов степенна честь.
Не занимаяся вовек о рангах спором,
Рафáел не бывал коллежским асессóром.
Животворящею он кистию одной
Не меньше славен стал, как славен и герой.
Художник, своему способствуя незнанью,
Желает чина лишь вдобавок дарованью
И льстится звуками предлинных в титле слов;
Но духом кто велик — велик и без чинов,

<1782>

ИСПОВЕДАНИЕ ЖЕМАНИХИ

ПОСЛАНИЕ К СОЧИНИТЕЛЮ «БЫЛЕЙ И НЕБЫЛИЦ»

О ты, писатель былей, небылиц,
Который милым, легким слогом
Кружишь моих по моде мне сестриц!
Клянусь по чести, перед богом,
Что я весьма довольна тем...
О! если б в сердце ты моем
Увидел всё, что происходит,
Когда твой лист ко мне приходит,
Ты тем бы сам доволен был...
По чести, мне ты ужесть мил!..
В тебе, как в зеркале, себя увидишь
И в тот же час возненавидишь
Свою минувшу блажь...
Courage, mon coeur, courage! [1]
Уж ты меня и очень поисправил.
Я чаю, ты того никак не ожидал?
Подумай, муж мой мне не так несносен стал;
По чести, он меня не менее забавил,
Не менее вчера увеселил,
Как попугай, которым подарил
Меня... да полно, ты не знаешь,
Из чьих мне рук достался попугай;
А если понимаешь,
Пожалуй, не болтай...
То всё уже теперь, hélas! [2] проходит,
Что нас с ума приятно сводит;
И я любви сказала: bon voyage! [3]
Ведь надобно и о душе помыслить...
Когда еще я тот имела avantage, [4]
Что лет себе могла поменьше счислить,
Не знала, есть ли у меня душа,
Безделкой той себя нимало не круша,
Ее в себе никак не примечала.
Чтоб душу получить, в Париже побывала

---

[1] Смелей, мое сердце, смелей! (франц.). — *Ред.*
[2] Увы! (франц.). — *Ред.*
[3] Счастливого пути! (франц.). — *Ред.*
[4] Преимущество (франц.). — *Ред.*

И там моей в прибавок красоте
Имела я petite santé.[1]
Перед дюшессами прелестно приседала
И дюкам не спускала;
И словом, там пред всеми показала,
Любя моих гражданок честь,
Что женщины в России есть...
Но душу дорого иметь в Париже;
Тем боле, у кого муж прост или benêt;[2]
Попасться с ним в беду всего нам ближе
И виноватой быть в его вине...
Подумай, радость, напоследок
Не знал он, где louis[3] сыскать;
En bourgeois[4] меня он начал трактовать
И, вид приняв угрюм и едок,
По-русски мне сказал: «У нас ведь много деток»...
В какой тогда пришла я rage![5]
Хотела мстить ему, и... правда... отомстила...
Однако скоро он свою поправил блажь,
И я louis довольно получила,
Чем я menus plaisirs[6] немного заплатила...
Нет хуже, если муж неловкий человек.
Послышу, нам грозят уже au Fort l'évêque.[7]
Что ж вышло мне из этакой напасти?
Посмейся ты со мной моей шутливой части.
Мой муж отправился назад,
Надежду на свою родню имея;
А я, как будто бы галантерея,
Осталася в заклад...
Почувствовала я тогда себе всю цену.
В Париже быть en gage,[8] то значит что-нибудь...
Я думала, что в муже будет путь;

[1] Иметь небольшое здоровьецо значит у щеголих притворяться нездоровой, чтоб в нарядном дезабилье лежать на прекрасной постельке и прельщать приезжающих щеголей.
[2] Дурашлив, глуп (франц.). — *Ред.*
[3] Луи, или луидоры, — французские деньги.
[4] Как мещанин (франц.). — *Ред.*
[5] Бешенство, гнев (франц.). — *Ред.*
[6] Маленькие удовольствия (франц.). — *Ред.*
[7] Форлевек в Париже — место, куда за долги сажают.
[8] В залоге, в закладе (франц.). — *Ред.*

А он, о, sot![1] тому в замену,
Что я во Франции самой
Годилась быть в закладе,
Хотев увидеться со мной,
Оставил красоту мою в накладе
И выкупил меня, к смертельной мне досаде...
Подумай: в той прекрасной стороне
Я вся была в цене,
А здесь не ведаю, чего я сто́ю...
Как я оставила Париж,
Лишенной счастья мне, покою,
Ужасный сделался вертиж.
Не ведаю, как я перенесла тот coup;[2]
И жизни я своей была не рада,
Всех бед тому желала старику,
Который вытащил меня из-под заклада...
Но должно как-нибудь несчастью помогать:
Старалась здесь я время убивать
Вертижами, игрою
И на гостиный двор toujours[3] ездою.
Ты слышал, радость, как там ловко приседать
И новые конкеты собирать
С старинной красотою:
Неполный свет, неполна тень
Там делают приятный день.
Дезабилье — то много помогает.
Le grand jour[4] очень прост...
А surtout[5] там великий пост
Не сух бывает...
Но, ах! уж всё прошло теперь;
И время всё съедает...
Для приседающих оно жестокий зверь...
Казаться мне нигде не можно.
Все так учтиво, осторожно
Обходятся со мной,
И я одно почтенье только вижу;
Почтенья этого я смертно ненавижу,

---

[1] О, дурак! (франц.). — *Ред.*
[2] Удар (франц.). — *Ред.*
[3] Всегда (франц.). — *Ред.*
[4] Светлый день (франц.). — *Ред.*
[5] Особенно, главным образом (франц.). — *Ред.*

Которо, издали мне шаркая ногой,
Как будто говорит: пора тебе домой.
Что делать, право, я не знаю.
Я душу прежнюю совсем теряю;
А новой нет: на то ведь надобен эспри.
Я их уж сотни три
Повыше головы перетаскала
И ими голову ужасно возвышала;
Но здесь avec un gros bon sens[1] указ,
Без всякого bon mot[2] шутя над нами,
Ужасно головами
Унизил нас.
И говорят, что cet[3] указ желает,
Чтоб был у нас эспри
Не hors de la tête[4] — внутри.
Вот он-то небылиц чудесных ожидает;
Пожалуй, помести ты это меж своих,
Которы все на быль походят.
Скорее толку я надеюсь от них.
Нас в чувство остроты heureusement[5] приводят.

<1783>

К КНЯГИНЕ ДАШКОВОЙ

ПИСЬМО НА СЛУЧАЙ ОТКРЫТИЯ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ

Избранная Минервы волей
Устроить росским музам сень,
Позволь для них счастливый день
Восторженну их лучшей долей
Оставить в памяти граждан...

Не думай, чтобы я, гордяся
Талантом, мне который дан,
И чтоб тщеславно становяся
С венчанными мужами в ряд,

[1] С глубоким смыслом (франц.). — *Ред.*
[2] Острого словца, остроумной шутки (франц.). — *Ред.*
[3] Этот (франц.). — *Ред.*
[4] Вне головы (франц.). — *Ред.*
[5] Успешно, счастливо (франц.). — *Ред.*

Которых Феб к своим причислил,
Убравши в лавровый наряд,
Я дерзко б о себе помыслил,
Что лира слабая моя
Так славу раздавать способна,
Как просвещенна мысль твоя
Тому содействовать удобна,
Чем небо в благости своей
Из уст монархини к нам дышит.

Во звуке лир нет нужды ей.
В сердцах хвалу любовь ей пишет.
Хвала ей — счастье наших дней.
Отрадный клик блаженна мира —
Вот ей достойнейшая лира.

Но должно ли безгласну быть,
Надеяся на глас вселенной?
С душой, усердьем воспаленной,
От робости не говорить?

При всходе днёвного светила,
Хоть твари всей несметна сила
Отраду чувств своих гласит,
И жавронок туда ж парит,
Забыв свою ничтожну малость,
Полета не страшась орлов,
Поет в средине соловьев,
Не чтя того за дерзку шалость.

Должны ли только мы одни,
Когда сияют ясны дни,
Равно как в бурну непогоду,
Которая теснит природу,
В оцепенении молчать?
Должны ль ни слова не сказать,
Что здесь отрада на престоле,
Как подданным, так музам мать,
Что мы в такой блаженной доле
До ней и не бывали ввек;
Что здесь стесненный человек,
Досель земли обремененье,

На всё имевший запрещенье,
Днесь мыслить и счастливым быть
От ней имеет разрешенье?

Иль могут чувств своих не крыть
Одни певцы иноплеменны?
Иль мудростью ее взнесенны
Свободны все благодарить,
А только лишь российски музы
Должны носить постыдны узы
Не сметь ей жертвы возжигать?

Я ведаю, что дерзки оды,[1]
Которы вышли уж из моды,
Весьма способны докучать.
Они всегда Екатерину,
За рифмой без ума гонясь,
Уподобляли райску крину;
И, в чин пророков становясь,
Вещая с богом, будто с братом,
Без опасения пером
В своем взаймы восторге взятом
Вселенну становя вверх дном,
Отсель в страны, богаты златом,
Пускали свой бумажный гром;
Нас по уши обогащали
И Инд и Ганг порабощали.
Но, как ни щедры в чудесах
Они, которы предвещали,
Всё сказанное в их стихах —
Ничто пред громкими делами
Царицы, правящия нами.

Итак, не чудно то, когда
Докучных лир стишисты чада,
Твердя всё то же завсегда,
Уморою сухого склада
Могли вниманье отвратить
Воспетой ими героини

[1] Разумеется, что из сего исключаются бессмертные оды великого Ломоносова и некоторое число других.

И только от своей богини
Одно зеванье заслужить.
Но если кто учтивость знает,
Кто, может быть, талантом слаб,
Но рифмы тщетныя не раб,
С росадой райской не равняет
Царицу, коей нету мер,
Которая царям пример;
Кто старину и почитает,
Но, ей вдали отдав поклон,
Свою судьбу благословляет,
Что под державой кроткой он
За прошлы веки отдыхает;
И кто, хотя и не пророк,
Но, чтением знаком с царями,
То ведая, какой был прок
Доставлен свету их венцами,
Их славу мерит по тому,
Дела Екатерины числит,
О них со удивленьем мыслит
Не по восторгу — по уму,
На мысль сравнений тьму приводит,
Но ей достойных не находит, —
Того, как сердце, стих простой,
Наполнен правдой, не мечтой,
В усердии своем свободен,
Надеюсь, может быть угоден.
Я, сею мыслью ободрен,
В сей день мой глас простерть дерзаю
И, муз молчаньем огорчен,
За них молчанье прерываю.

Отверст вам, музы, славы храм,
Вступать в него днесь в вашей воле;
Пространно предлежит вам поле
И крылия даны умам.
Пускай невежество скрежещет,
Смотря на быстрый ваш полет,
И, ползая, взор тусклый мещет,
Жалея счастия тех лет,
Когда оно, собой довольно,
Надменное и своевольно

Вздымая гордое чело,
Сердясь, за ум карать могло.
Но страшным быть оно престало,
Уже его бессильно жало:
Стремитесь, росски музы, в путь,
Имея воспаленну грудь
Единой славы утешеньем;
Возвысьтеся вы вашим пеньем
Монархини до славных дел;
Да росс, который столь процвел
Ее преславнейшим правленьем,
Велик и в мире и в войнах,
Останется у вас в стихах
Навек вселенной удивленьем...

Напрасна слава там была,
Где муз жилище неприступно:
Она, как легка тень, прошла.
С героями исчезли купно
До греков громкие дела.
Народы целые забвенны
Во тьме без чести погребенны,
Меж тем как греков горсть одна,
Умов бессмертными дарами
Прославленна, почтенна нами,
Пребудет ввек оживлена.

В упорну ополченна брань
Со Римом горда Карфагена,
Простерша к власти мира длань,
Была б участок так же тлена,
Как все, презревши пенье муз,
Когда б ее виновник уз,
Не меньше, как оружьем силен
И славой муз своих обилен,
Не возвестил их гласом Рим,
Что Карфагена пала им.

1783

ТЫ И ВЫ
ПИСЬМО К ЛИЗЕ

О ты! которую теперь звать должно — Вы,
С почтеньем, с важностью, с уклонкой
головы;
О прежня Лиза, ты!.. Вы барыня уж ныне.
Скажите, так ли Вы в сей счастливы
судьбине,
Котора в сорок лет Вам пышности дала,
В алмазы, в фижмы Вас, в величье убрала,
Превосходительством и знатью отягчила
И косо на меня смотреть Вас научила,
Когда на улице, звуча по мостовой,
На быстрой шестерне встречаяся со мной,
Гордяся нового родства высокой связью,
С блистающих колес Вы брызжете мне грязью?

Сквозь чисты стеклы зря унылу красоту,
Сиянья Вашего я счастием не чту:
Превосходительство является мне Ваше
Скучнее во сто раз, а ничего не краше.

Воспомните, как Вы была лишь только ты,
Еще не знающа величия мечты,
На имя Лизыньки мне нежно отвечала,
За пламень мой меня улыбкой награждала,
Во стройной кофточке, которой белизне
Не уступала грудь твоя, открыта мне,
И только розою одною защищенна,
Котора розами твоими помраченна,
Должна была моим желаньям уступать
Уста твои и грудь прелестну целовать.
Ты помнишь: не было моей любви препоны;
Ты помнишь время то, как строгие законы
Хотели было нас с тобою разлучить?
Но льзя ль препоною любовь остановить?
У ней препятствием лишь крылья вырастают,
Ей шутка все глаза, чем аргусы сверкают.
Воспомни время то... Сколь сладко мне оно! —
Как лестницу любовь мне ставила в окно,

Которо грации с тобою отворяли
И в сумерках меня к утехам провождали.

В восторгах наших я и ты, забыв весь свет,
Мы думали, что нас счастливей в свете нет.
И в самом деле так: кто мог быть нас блаженней?
И чем же генерал в веселии отменней?..
Отменней?.. быть нельзя; безмерно ниже нас...
Не по природе он, по этикету Вас
Любя, нахмуряся, к Вам важно подступает,
Приятства, смехи прочь и игры отгоняет.
Боярся знатность он высоку уронить,
Он может ли Вас так, как я тебя, любить?
Превосходительством природу задушая
И в сердце гордость он с любовию мешая,
Вас любит, помня то, что он и генерал;
А я, тебя любя, себя позабывал.
Все были чувствия, вся мысль полна тобою,
И весь я занят был лишь Лизою одною.
Тобою слышал всё, тобой на всё взирал,
Тобою жил, твоим дыханием дышал,
Тобой одной во мне и сердце трепетало...
Наместо золотых часов оно считало
Минуты сладкие небесных тех забав,
Которы, от земли нас гнусной оторвав,
Бессмертья уделя, равняли с божествами.
Ведь боги в вечности не заняты часами.
Пристойно смертным то, чтоб время протолкать,
Его в карманы класть и часто вынимать.
Забава скучливых, часы — веселью смутки.
У нас лишь два часа бывало только в сутки:
Один — чтоб вместе свет и время забывать;
Другой — не видяся, увидеться желать.

<1786>

ДРУЖЕСКОЕ НАСТАВЛЕНИЕ ТОРГУЮЩИМ СВОЕЮ КРАСОТОЮ ОТ СОБОЛЕЗНУЮЩИХ О ИХ НЕУМЕНИИ

О вы, растрепанны иль убранные ческой,
С духами пудренны или мукой с известкой,
На дрожках скачущи, в каретах, иль пешком!

Опомнитесь, очнитесь
И духом встрепенитесь,
То зря, что ваши дни вверх дном.

Во унизительном для человека роке,
В нечистом черпая вы жизнь свою потоке,
Наместо чтоб его вам воды очищать,
Вы вашим неискусством,
Толь сходным с грубым чувством,
Стремитесь боле загрязнять.

На крыльях времени та прелесть улетает,
Котору всяк за рубль с презреньем покупает:
Увядша красота иссохший есть цветок,
Презрительная бедность,
Скорбей, болезней бледность —
Вот неразумия венок.

Умнее будьте вы: во всяком состояньи
Возможно заслужить почтенье и вниманье:
Что дорого, лишь то нам мило, хоть и вздор.
Вы будьте подороже
И кушанье, хоть то же,
Кладите только на фарфор.

И паюсна икра в Италии в почтеньи,
И наши кислы щи в Париже в уваженьи;
У нас их мужики, а там маркизы пьют,
И всё то, что где редко,
К тому желанье метко,
К тому стремится весь наш труд.

Рассудку тонкому, искусству всё возможность;
Возьмите вы в пример голландцев осторожность:
Они, равно как вы, торговлею живут
И, много собирая,
А мало выпуская,
Излишество товаров жгут.[1]

---

[1] Сие известно, что голландцы, торгуя везде пряными кореньями, чтоб их цены не уронить, выпускают каждый год равное количество, а остатки сожигают.

Подобно сделайте товары ваши реже
Для тех, которые запутались во мреже,
Что ставит красотой природа для сердец.
То ж будет, да не то же,
Дурное попригоже,
И вы приятней наконец.

Когда возвысятся толь низки ваши цены,
То вы увидите велики перемены;
И злато и сребро с почтеньем потечет:
У нас лишь то почтенно,
Что только очень ценно;
Таков, сударыни, весь свет.

Представьте вы себе прелестниц иностранных:
Не всяк ли примет их за барыней избранных?
Их домы кажутся жилищами богов;
Лишенные свободы,
Толпятся вкруг народы,
Стараясь быть в числе жрецов.

А вас, как должно, вас всё это беспокоит?
Любовник мнимый ваш не хочет удостоить,
Чтоб даже именем вас полным называть:
Как ваша участь тяжка!
Зовут вас Лизка, Машка,
Чтоб вас как можно унижать.

Коль суждено, чтоб вся была жизнь ваша шалость,
Коль целомудрие считаете за малость, —
Шалите, только лишь шалите вы с умом:
Себя вы почитая,
Умейте, уловляя,
Зло са́мо окончать добром.

Во древни времена Аспазия, Лаиса
То ль были, что у нас иль Паша, или Лиза?
Богатством, собранным в распутнейшей судьбе,
Народы, зданья строя
Богам иль в честь героя,
Умели честь снискать себе.

И ныне на брегах прославленныя Сены,
Достойные похвал, такие ж есть сирены;
Скрывая свой порок, их добрая душа
В раскаянии тужит
И свету пользой служит,
Благотворением дыша.

<1786>

ПИСЬМО к гг. Д. и А.

Вы мыслите напрасно,
Любезные друзья,
Что, роскоши глася
Прельщение опасно,
Ввожу соблазны я.
Собрание прекрасно
Утех мирских, забав
Для нас творец создав,
Нам счастье проливает;
Но человек на смех,
Всё претворяя в грех,
Рай в ад преобращает.

Виновно ли вино,
Которо к утешенью
От неба нам дано,
Что им себя к забвенью
Приводит человек
И в скорби тратит век?
Царица смертных рода,
Вселенныя душа,
Которою дыша,
Живет, цветет природа,
Любовь! виновна ль в том,
Что ею Клит влеком,
Подобно мотылечку,
Садясь на всякий цвет

И сев потом на свечку,
Он сам себя сожжет?

Приятель наслаждений,
И чистых, и честны́х,
Я друг ли заблуждений?
Ах, нет! Когда мой стих,
Хваля сей жизни сладость,
Казал вам счастья радость,
Которой под луно́й
Вы в роскоши со мной
Увидеть не хотели, —
Советовал я вам,
Чтоб счастливы быть смели,
Не следуя духа́м,
Которые не любят,
Что толь прелестно нам,
И добродетель трубят
Ужасную ушам.
Они-то, страшной харей
Вселяя трепет в грудь,
Марают к небу путь,
Гневя творца всех тварей.
Советовал я вам
Утех не опасаться,
Но столько наслаждаться,
Колико должно нам.

Всё счастье составляет
Умеренность одна:
Кто через край хватает
И кто всё пьет до дна,
Один лишь тот страдает,
Один порочен тот.
Вкушать блаженства плод,
Не притупляя чувство,
Знай меру — вот искусство!
Реку, котору в брод
Переходить возможно,
Удобно перейдешь;
Но в ней и смерть найдешь,

Когда неосторожно
Ты ступишь в глубину.

Тот мудр, и мудр неложно,
Кто видит сатану
И ангела в себе.

Не знать, в своей судьбе
Как с счастьем поместиться,
И из себя стремиться, —
Вот это сатана.
На то ль нам жизнь дана?
Уметь повеселиться;
На Клоиных устах
И в Клоиных очах,
В ее улыбках нежных
Зря небо, позабыть
Смесь грустей неизбежных,
О чем тогда тужить?
Вот ангел наш хранитель!

Далеко от меня
Ты, пасмурный учитель,
Который, ввек стеня,
Смущен и недоволен,
Печальным бредом болен,
Являешь бога нам,
Каков суров ты сам.
Ты, горестей содетель!
Быть диким только тверд,
Приятну добродетель
Коверкаешь, как черт.
Ты даже нам иметь
И чувства запрещаешь.
Дая нам небо зреть,
Ты небом нас пугаешь.
Мы плюнем на него
И, сердца своего
Предався восхищенью,
По радостну стремленью

Почувствуем того,
Кто мудрым был предвечно
И будет бесконечно;
Кто нас производил,
Чтобы любить нас нежно;
Кто счастье насадил
Повсюду с нами смежно.

Зачем тянуться нам
За чуждыми цветами,
Когда их под ногами
Сбирать всяк может сам?
Умей лишь осторожно
И нежно так срывать,
Природе чтоб возможно
Опять их порождать.

Мы счастием все равны;
И низкие и славны,
Богатый и бедняк,
Ученый и простак
Имеют счастья долю.
Иль мыслите вы так,
Что бог святую волю
Тогда переменил,
Как случай наградил
Кого богатством, знатью?
Что к ленте прилепил
Он милость с благодатью?
Поверьте, всем равно
Делит свою он благость;
Всем счастие дано,
И всякий носит тягость.
От скуки не спасут
Царя лучи державы:
Как грусти грудь сосут,
Он плачет в недрах славы —
И плачет, как пастух.
Его вертлявы пажи,
Распудренные в пух,
Сии младые блажи,

Не мысля о царях,
Плывут отрад в волнах.

Отменнее ль бывает
Климена весела,
Как пыль хвостом сметает
Со пестрого пола
И томный взор кидает,
Танцуя менует,
В котором ей Полет
Глазами знать дает
Чего не ощущает?
Не так же ли полна
Утехою Кларина,
Коль на лугах она,
Толь мягких, как перина,
Сложивши тяжкий сноп,
Там пляшет, где Антроп
Ей свистом помогает.
Антроп не уверяет,
Однако верен ей.
То правда, не болтает
Любезной он своей
Безделиц остроумных
И слов высоких, шумных,
Которыми любовь
Свой пламень раздувает,
Когда в жару пылает
Полетов наших кровь,
Как сердце обмирает
Манерных Клой, Темир;
Не может шаткой моды,
Чем ветрены народы,
Пиющи Сенски воды,
Пленяют целый мир,
Ничтожных он созданий
Представить щедро в дар:
Не может он свой жар
И страстных воздыханий
Возвысити ценой
Блистающих безделок,
Искусных тех поделок

Бертелевой рукой,
Которы так учтиво
Он верит на кредит,
Чтоб оными счастливо
Купить красавиц стыд.
Антроп того не знает,
Ему и нужды нет:
Любовь его зовет,
Природа помогает.
Красна сама собой,
Нужна ль природе краска?
Не счастье то, друг мой,
Но счастья только маска.

<1786>

ОТ ДЯДИ СТИХОТВОРЦА РИФМОСКРЫПА

Хвалить и всё и всех — то дело безопасно,
И будет всё с тобой и дружно и согласно.
Все станут говорить: вот добрый человек!
Умно и смирно он проводит честный век.
Водой не замутит. Душа его почтенна,
Что ей ни дай, ничем не будет огорченна.
Он ангел во плоти; прямой он филозо́ф!

Хоть скучный Рифмоскрып, возы навьюча строф,
Его терпению сто тысяч од привозит,
Он плодородие его хвалой навозит;
И, сердцем дань платя препакостным стихам,
Хотя исподтишка в кулак зевает сам,
Но восхищается он явно каждой строчкой
И всем любуется: и запятой, и точкой.
«Куды, — он говорит, — как это всё умно!
Иным покажется запутанно, темно;
Но то и хорошо: одни лишь низки слоги
Понятны всякому; а кто, равно как боги,
Высоко говоря, на крылиях парит,
Тот должен не понять и сам что говорит.
То честь ли, коль творца так мало почитают,
Что без разбора все его стихи читают?
Что приступ всякому свободный, легкий к ним?

Что чернь бесчестит их понятием своим?
Воспомни о царях, владеющих Востоком;
Не досягаемы ничьим из смертных оком,
На неприступнейшей престола высоте
Богами кажутся подвластных простоте.
Хоть, к счастью, ничего для нас не созидают,
Велики тем они, что их не понимают.
Почтенный Рифмоскрып! равно твои стихи,
Чрез меру гордые, надуты, как мехи,
Презрев и ум простой, и чистый смысл, и толки,
Пребудут навсегда в почтении на полке.
С подобострастием храня их свят покой,
Чтецы не осквернят их дерзкою рукой».
Вот так-то ободрен, в свои влюбленный враки,
Быть думает орлом, а ползает, как раки.
Какой же люта лесть дает пиитам плод?
Ах! даже и на весь с презреньем смотрят род
Того, который всех, как смертными грехами,
Терзает и томит несносными стихами.

Однако свет неправ; и чем же винен я,
Что этот Рифмоскрып-рифмач родня моя?..
Помилуй, свет, меня, невинна пред тобою!
Я связан с ним родством, не связан головою.
«Но должно б, — говорят, — ему подать совет,
Чтоб не срамил себя на целые сто лет.
Не лучше ли, скажи, честному человеку
Поденщиком копать канал иль чистить реку?
Не лучше ль улицу каменьями мостить?
Не лучше ль огурцы или морковь садить,
Чем, глупый стих точа, как деревянну пешку,
Рассудку здравому его казать в насмешку?»

Поверьте, говорил я то же много раз,
И метил я ему не в бровь, а в самый глаз,
Приметя склонности его души природны,
Полезные, хотя не очень благородны:
А именно, коням он мастер гриву стричь;
Умеет гордо он держать на козлах бич;
Я, видя, что он то всё действует приятно,
«Будь кучер, — я ему твердил неоднократно. —
Каретой произвесть ты легче можешь гром;

С вожжами будешь ты почтенней, как с пером.
Умея обуздать на свете всяку клячу,
Загладь твою, загладь с Пегасом неудачу!
Послушайся меня, племянник дорогой:
Парнасский часто конь в тебя лягал ногой,
И уморить тебя он может напоследок.
Плачевный сей пример на свете ведь не редок.
Ты знаешь сам, без крыл нельзя никак летать;
Равно без дара нам никак нельзя писать.
Есть всякому своя от неба данна доля.
Бесчестит лишь одна несмысленная воля.
Смешон, кто не свое примает ремесло.
Читал ли ты когда Депрео-Боало?
Ты помнишь ли врача, достойна слез и смеха?
Латинский людоед, друг смерти и утеха,
Наперсник дорогой царя подземных царств,
Он силою своих мертвительных лекарств,
Не уважая вдов, сирот оставших стона,
Толико же, как мор, был верный раб Плутона.
Однако был учен. Что ведал Гиппократ,
Что ведал Галиен, он то твердил стократ.
Наука у него, как гидра, в мысли села
И до конца его природный разум съела;
И, думать запретя, лишь то велела знать,
Другие только чтó умели понимать.
Святое к старине всегда храня почтенье,
Иное мыслить он считал за преступленье,
И лучше он хотел по книге уморить,
Как жизнь по естеству больному подарить.
Он, впрочем, был речист, способен к красну слову;
Как станет говорить — нельзя не быть здорову;
Как станет он лечить — нельзя не умереть.
Из всех его друзей, преставших солнце зреть,
Остался друг один, который не был болен;
Богатый откупщик, избыточен, доволен,
Охотник строиться, хоть вкуса не имел.
Он друга-лекаря в свой новый дом привел.
Нестройство здания наш врач тотчас приметил,
И дарованием природным вдруг осетил
Он всю тяжелую нелепость богача.
Искусству строиться хозяина уча,
В ином он месте быть крыльцу повелевает;

Из глупых там сеней он залу созидает;
Там кудри, как парик, велит с стены он сбить
И с кровли здесь фронтон уродливый стащить.
Прекрасным делает строение постыло;
И стало самому хозяину то мило.
В архитектуре врач, зря быстрый свой успех,
За модули ее принялся не на смех.
Простясь с пилюлями, с микстурами, с ланцетом,
Мир тотчас заключил с опустошенным светом.
И, более земли гробами не тягча,
Строитель добрый стал из скверного врача.
Депрео-Боало полезна эта сказка:
Племянник, на тебя прямая ведь указка».

Какой же мне ответ? .. — «Не слушаю я врак.
Депрео твой глупец, и Боало дурак;
А с сими греками и дядя повредился.
Узнай же, что на то я только и родился,
Дабы вселенную в стихи переложить.
Кто может так легко, как я, производить?
Вчера заделал я лишь только эту драму,
А вот она и вся, пиитов наших к сраму.
Хочу ее тебе я, дядя, прочитать». —
Тотчас из пазухи он вытащил тетрадь.
О, ужас! .. толщиной он с Проптера[1] казался,
Но спичкой стал, когда от драмы опростался.
Страх светлый день тогда преобратил мне в ночь.
Я обмер и не мог уйти оттоле прочь.
Тиран сей, пользуясь моим остолбененьем,
Чтоб умертвить меня тетради толстой чтеньем,
В кафтанну петлю мне свой перст загнул, как крюк,
И средства тем лишил избегнуть лютых мук.
Любуяся своей стишистою громадой,
Котору называл поэзии Палладой,
Бессилен удержать ее одной рукой,
Он дядю бедного преобратил в налой
И на мое плечо взвалил тяжело бремя.
«Бесчеловечное ты демонское семя!» —
Ему я закричал, от тягости кряхтя.
Тогда, на толстый пень сложив свое дитя,

---

[1] Известный аглинский купец своею чрезвычайною толщиною

Который близко нас, мне к счастию, случился,
Читанием стихов душить меня пустился.
Уже, ударив, час меня к обеду звал,
А варвар чтение лишь только начинал.
Рот в пене был его, и очи помутились,
Все чувствия его лишь в драму углубились.
Приметя то, чтобы себя освободить,
Я лучше захотел кафтан мой погубить,
Которым он ко мне держался, прицепяся.
От грусти полумертв, досадуя, сердяся,
Тишком с себя кафтан несчастный я стащил;
От радости тогда и стыд, и всё забыл.
Благодаря меня освободившей доле,
Я бегом от врага избавился в камзоле
И, издали смотря, доволен, хохотал,
Что драму моему кафтану он читал.

Теперь, на это всё рассудка оком глядя,
Скажите, винен ли в его беспутстве дядя?

<1787>

ВЕЧЕР

Заря багряна потухает,
И сребренна луна свой зрак
Сквозь тихий и спокойный мрак
В прекрасной полноте являет.
Се ночь, приятней нежель день,
Заняв от роз благоуханье
И от зефиров воздыханье,
Свою любви угодну тень
На мягку зелень расстилает
И негу в чувства проливает.

Спеши, Кларина, к сим местам,
Роскошным, тихим и блаженным,
Для нас любовью помраченным;
Спеши к приятным сим кустам,
Где томна вся природа дремлет,
Где сердце лишь мое не спит,

Во всем оно твой образ зрит,
Во всем твой глас любезный внемлет;
И листий шум, и ропот вод —
Мне всё вещает твой приход.

Любви покорствуя закону,
Почто твоя трепещет грудь?
Иль стыд тебе творит препону?
Иль путь любви — преступка путь?
Твои горящие ланиты
Румянцем нежных роз покрыты;
Как капля утренней росы
На белых лилиях блистает,
Когда в ней солнца луч играет,
Слеза кропит твои красы.

Уныньем око отягченно
Едва дерзаешь возводить.
Иль сердце, для любви рожденно,
Любовь возможет устыдить?
Всеобщему покорствуй року,
Уж долг платить пришел твой срок.
Оставь грызение пороку,
Любовь есть должность, не порок;
Бесчувственность не добродетель,
Верь мне, — весь мир мне в том свидетель.

Любви вселенна ставит пир,
Любовь вселенну оживляет.
Увидь, как легкий здесь зефир
Прекрасну розу лобызает.
Едва успел ее тронуть,
Ее цветущей стала грудь.
Услыши сладостно журчанье
Меж горлиц, тающих в огне;
Зри нежно крылий трепетанье;
Вся тварь тебе пример и мне.

Или, любовь считая пленом,
Гнушаешься ты уз ея?
Иль, гордости смущенна тленом,
Тревожится душа твоя,

Влекома в нежное покорство?
Счастливой быть оставь упорство;
И если рабство нежна страсть —
В толь сладком рабстве вся природа.
Какая ей равна свобода?
Пред нею грусть и трона власть.

Что я, ты чувствуешь ли то же? —
Не видя, алчу зреть тебя;
Узрев, забвение себя,
Стократно памяти дороже,
Объемлет душу, чувства, ум.
В тревоге нежной сладких дум
Душой твои красы лобзаю.
И кровь то мерзнет, то кипит,
И свет от глаз моих бежит,
И сам себя тогда не знаю.

Любви сердечной на вопрос
Улыбкой милой отвечаешь,
И радостных источник слез
Из глаз моих ты извлекаешь.
Коль счастлив я, коль мог тронуть
Твою колеблющуся грудь.
Почто ж минуты счастья тратить?
Мы сердцем лишь тогда живем,
Как сердце чувствуем в другом.
Что нам минуты те заплатит?

Иль в пышностях, или в сребре
Мы наше счастье обретаем?
Стенящих на златом ковре,
Веселых в хижинах сретаем.
Я знаю, стоишь ты венца;
Но стоит ли тебя порфира?
Созданье лучшее творца,
Родясь для украшенья мира
И взором смертных утешать,
Тебя что может украшать?

Я не могу тебе представить,
Что гордости возможет льстить,

Ни знатностью тебя прославить, —
Могу лишь вечно я любить.
Не колесницы, не чертоги,
Где смертны кажутся нам боги,
Где низки так суть боги те, —
Даю лишь сердце благородно,
Тиранов чуждо и свободно,
Твоей подвластно красоте.

<1787>

ПОСЛАНИЕ ТРЕМ ГРАЦИЯМ

О нежные сестрицы неразлучны!
Сопутницы прекрасного всего!
Сама краса не стоит ничего,
Черты ее бездушны, вялы, скучны,
Коль, вашего знакомства лишена,
Жеманится без прелестей она.
О грации! позвольте пленну вами
Пред жертвенник священный ваш предстать,
Тесняся где за вашими цветами,
Искусники, со грубыми руками,
Сбираются, чтобы цветы измять.
Принудить вас возможет ли искусство?
Без правила пленяете вы чувство.

Напрасно Ферт уверить хочет всех,
Что стих его вместил приятство ваше;
Что написать никто не может краше;
Что от его быть должен драмы смех,
Затем что слог, по правилам шутливый,
Комический и острый и игривый,
Не ввел его проказной музы в грех;
Что он так чист, как ясная водица.
То правда; но и столько ж вкусен он;
И зрителей упрямая станица
В тот час, как сам он им давал закон
Хвалить себя, в ладони ударяя,
Сидела вся, по правилам зевая.

Меж тем Ефим, любезный новичок,
Сшиб мастера своею драмой с ног.
Ваш, грации! служитель он покорный,
И, несмотря на суд от Ферта вздорный,
Понравиться без правил смел и мог,
Риторики всея на посрамленье.

Вот правило и ваше наставленье:
«Любезен будь, восхити и плени».
Но чтобы нам до этого достигнуть,
Риторика! пожалуй, извини:
Все бисеры твои нам должно кинуть.

Пред зеркалом улыбочкам учась,
Которые приятностей созданье,
О Сильвия! напрасно, искривясь,
Ты делаешь твоим устам страданье.
Чтобы твои возвысить красоты
И одолеть препятствия природны,
Хоть на себя драгих безделиц ты
И вешаешь лоскутья новомодны,
Хоть на лицо наводишь белизну,
Хоть нá щеки кладешь заемны розы,
Чтоб вида скрыть холодного морозы,
И жилочек тончайших кривизну
Карандашом хотя ты и выводишь,
Но своего в том счету не находишь.
Без прока всё; и прочь сердца бегут.
Напрасно взор твой тусклый уверяет,
Что граций он приятности бросает, —
Твои красы на граций только лгут.
Без ведома ты их пригожа стала
И прелести без воли их достала.
Все, зря тебя, дивятся кружевам,
С ушей и с рук сверкающим лучам,
Из блонд, кисей тем пухлостям прозрачным,
Французских рук творениям удачным,
Чем думаешь ты отличить себя, —
Все смотрят то, не видят лишь тебя.
Ты — вся не ты: торговок зданье модных,

Сочинена рукой мадам Бобри.[1]
Что в том, коль нет в тебе красот природных?

Пожалуй же, на Дафну посмотри:
В лице ее цвет утренней зари
Пленяет дух, приятно улыбаясь,
Как взор ее, со взорами встречаясь,
Вниз падает, их жадностью смущен.
Прелестна грудь, утехи трон,
Биение то нежно повторяет,
Которое в ней сердце ударяет,
Вещая ей, что время уж любить.
Вы, грации, стараясь пособить
Той прелести, котору вы создали,
Когда идет, несете вы тот рост,
Толь гибок, толь приятен, строен, прост,
Который вы, вы сами рисовали;
И маленькой даете ножке ход,
Которую вы сами обували.
Толпится вкруг любовников народ:
Подобно так стремится к розе зрелой
С жужжанием рой пчел, плетущих сот,
Влеком ее блистанием красот,
Тесняся, к ней полет свой правит смелый,
Других цветов не видя на лугах.

Не ведая цены в твоих красах,
Ты, Дафна, все искусства презирая,
Прельщаешь всех, сама того не зная,
Не думая кого-нибудь прельстить
И несмотря, что Сильвия, кобенясь,
Красы твои все хочет помрачить
И что уста ее, от злобы пенясь,
На всю тебя злоречья желчь лиют, —
Сопутницы с тобою повсеместны,
Тебя твои защитницы прелестны,
Три грации, в обиду не дают.
Лишь Сильвия с улыбкой злою скажет:

[1] Одна из множества модных французских торговок.

«Уж ужас, как у Дафны вздернут нос!»
А грация приятность в этом кажет.
Хоть маленький, прекрасный свиток роз,
Она на смех рот Дафнин поднимает
И говорит: «На нитку снизан рот».
А грация ей тотчас отвечает:
«То собственной моей работы плод.
Чтоб этот рот снизать, наяды дали
Мне из морей чистейшие корали».

Вот так-то всё, что ваш имеет вид,
О грации! греша и против правил,
Какой бы яд завистник ни направил,
Однако же вовек не повредит.
Резвяся вы и забавляясь пляской,
Вы бесите клеветников своих;
Ответствуя одною только лаской,
Смущаете игрой ехидство их;
И, несмотря на бледные их лицы,
Без мудростей вы всех сердец царицы
И истинный всему даете вкус.
Когда вас нет, храпя, музыка дремлет,
И живопись нахмурен вид приемлет,
А гордая архитектура — груз;
Поэзия души не восхищает,
И танцы все — лишь шарканье ногой;
Актер себя пред зрителем ломает
И делает в себе царя дугой.
А с вами Гюс,[1] подпора Мельпомены,
Приятная владычица сердец,
От наших слез берет похвал венец
И, чувствовать дая страстей премены,
То к трепету, то к плачу приводя,
Пленяет всех, с победой в грудь входя.

О вы! вы все, которых дни блаженны
Художествам приятным посвященны,
И славы в храм грядущи музам вслед,

---

[1] Бывшая здешнего <петербургского> французского театра славная актриса.

Когда прельщать ваш должен быть предмет,
Чтоб имена остались ваши вечно, —
Вы грациям молитеся сердечно.

<1790>

ЭПИТАФИЯ

Под камнем сим лежит Пл. . . .в.
Сверх камня был таков;
Под камнем он каков?

<1790>

СТАНСЫ НА СМЕРТЬ

О смерть! предел неизбежимый!
Ты всех, преобращая в прах,
Зовешь пред суд необходимый,
Давать отчеты в их делах.

Тебя повсюду мы сретаем,
Тебя нигде мы не уйдем!
Всем вестна ты; но мы не знаем,
Когда, и как, и где умрем.

Тебя счастливец отдаляет,
Что смертен, забывая то,
Себя до облак возвышает.
Приходишь ты — и он ничто!

Взгляни — несчастный сколько страждет,
С каким восторгом ждет тебя:
Прихода твоего он жаждет
И тем лишь веселит себя.

Ты смертным страждущим отрада,
Надежда к вечности, покой;
За слезы ты одна награда,
Несчастный счастлив лишь тобой.

Но ты свой зрак от тех скрываешь,
Которым ненавистен свет;

Того ж, напротив, поражаешь
Незапно, кто тебя не ждет.

Воззрим на гордого вельможу:
Корысть его один предмет;
Он мыслит: тьмы богатств умножу! —
Как будто б жить мильоны лет.

На высоту взлететь стремится,
Дабы пятою всех попрать;
Пред ним сама Фортуна льстится
Свое колено преклонять.

Но смерть, котора всё сражает,
Приходит наконец к нему;
Она всю гордость повергает
С высот блестящих в бездны тьму.

Ты свой блаженный век кончаешь,
Исчезло имя вдруг твое;
Богатство, знатность оставляешь,
Преображен в небытие.

Увидьте воина, паряща
На поле ратное с мечом,
Достигнуть славы громкой льстяща, —
Не зрит препоны он ни в чем.

Как злобный тигр, ожесточился
Герой сей на врагов своих;
Но меч в крови лишь обагрился, —
И смерть в местах явилась сих.

Вияся над его главою,
Твердит ему, что краток век,
В деснице с острою косою
Твердит, что он есть человек.

Но гласу он сему не внемлет,
Вся мысль его — врагов разить;
Он жадным оком всё объемлет
И всё желает поглотить.

Врагов разит он без пощады,
Надежда веселит его,
Суля за тьмы побед награды, —
Достиг блаженства он сего.

Уж враг стремглав во бег стремится,
Прося спасенья благ творца;
Душа в герое веселится,
От славы ждет себе венца.

Но выстрел смерть предвозвещает,
Се лютый, грозный час притек.
Огонь блеснул! — он жизнь кончает,
И лавр его увял навек.

Всё кончилось в одно мгновенье,
Что веком ты приобретал;
Исполнилось судеб веленье:
Ты был велик — ничто вдруг стал.

Мудрец в трудах свой век проводит,
Бессмертье алчет заслужить:
Он благо мира в том находит,
Чтобы в сердцах потомков жить.

Спокойствием не наслаждаясь,
Ведет в терзаньях каждый день.
Не зрит, что, к гробу приближаясь,
Вдруг исчезает так, как тень.

Что ж в славе той, котора льстила?
Хотя ее ты приобрел,
Но смерть дверь в вечность отворила;
Ты был — и вдруг во гроб снисшел.

Уже того не ощущаешь,
Что имя здесь твое гремит.
Ты в мрачном гробе истлеваешь,
И славы блеск тебя не льстит.

Все мы, водимы суетою,
В терзаньях кратку жизнь ведем;

И, лестною пленясь мечтою,
Прямого счастья не найдем.

Иной, корыстью обольщенный,
Плывет в пространный океан;
Надеждой сладкой упоенный,
Он мнит: достиг дальнейших стран.

Сокровищ Крезовых алкая,
В них зрит всё счастье и покров,
Себе никак не представляя,
Что гибнет он в виду брегов.

Корабль, меж бурных волн несомый,
К спасению лишась путей,
К хребтам кремнистым быв влекомый,
Сретает тысящу смертей!

Со треском мачты вихрь ломает,
Моря примкнулись к небесам.
Ночь мрачну молнья освещает,
Являя ужас лишь очам.

Корабль, как быстр орел, несется,
Срывая пену с грозных вод;
В нем вопль повсюду раздается,
Отчаян весь там смертных род.

Там сын родителя объемлет,
С ним купно хочет умирать;
Со плачем мать дитя приемлет,
Дабы в последний раз лобзать.

С супругой нежный муж прощаясь,
Не в силах скорбь изобразить,
Гласит: «Тебя навек лишаясь,
Иду — чтоб там тебя любить».

Скупой, на глыбы злат взирая,
Трепещет, мучится, стенет;
Корысть, им алчна обладая,
Его на части душу рвет.

Меж тем уже в корабль втекает
Вода, и с нею смерть течет,
Она кормилом управляет,
На дно пучин его влечет.

Всех помощей уже лишился
Предмет разгневанных небес,
Мелькнул меж волн и вдруг сокрылся,
Сокрылся и навек исчез! —

Вот как в напасть себя ввергаем,
Счастливыми ласкаясь быть.
О смерти мы не размышляем,
Лишь призрак тщимся захватить.

Судьбой своей не быв довольны,
Блаженство льзя ли нам вкушать?
В своих желаньях своевольны,
Мы алчем всё себе прибрать.

О смерть! ты мир весь обтекаешь,
Везде родишь плачевный стон!
Ты жизнь мгновенно отнимаешь!
Она уйдет, как краткий сон.

Сей сон — мгновенна скоротечность,
Пред вечностию — жизнь ничто.
Смерть нас предводит в бесконечность,
От ней не скроется никто.

Друзья! вы смерть не забывайте,
Она всеобщий наш удел.
Лишь правость духа сохраняйте,
И всяк страшися злобных дел.

1790 (?)

ВОСПОМИНАНИЕ СТАРИКА

О память прежних дней приятных!
Проникни в томну, слабу мысль
И прежних случаев превратных
Прошедших радостей исчисль.

Когда весна моя блистала,
Сбирал я майские плоды.
Душа, как роза, расцветала!
Не знав, что́ горесть, что́ беды.

Бывало, с милою Авророй
Встречал я первый Фебов въезд
И в мысли восхищенной, скорой
Сиял, как искра в куче звезд.

Бывало, разных птичек пенье
И громкий голос соловья,
Шум водопадов, их стремленье
Внимал с живейшим чувством я.

Бывало, пляски, хороводы
Веселых, добрых поселян —
Где без искусства вид природы
Для блага общего им дан —

Меня в младенчестве питали!
Я с ними радости делил,
Резвились — пели и играли, —
Кто прожил так, тот прямо жил.

Когда же время злобным взором
Из туч на смертный взглянет род,
Бореи гневные собором
Откроют осени приход;

Когда дождь мелкий, ядовитый
Лишит одежды шумный лес
И солнце, бросив луч сердитый,
Сокроется среди небес, —

Бывало, несмотря на стужу,
На мрачность всех осенних дней,
Весельем грусть обезоружу,
Не потеряв весны своей.

В спокойном, тихом кабинете,
Меж граций, меж приятных муз,

Забыв, как мучатся в сем свете,
Таскают всех печалей груз, —

Беспечно в книгах зарываясь,
Я с пылким чувством зрел красы,
Поэзьей нежною пленяясь,
Я ей лишь посвящал часы.

Или в истории древних веков
Летел к протекшим временам;
Зрел римлян, египтян и греков, —
Как будто с ними жил я там.

Потом пущусь гулять по свету,
За книгой обтеку весь мир.
Или в романах без предмету
Влюблялся в тысячу Пленир!

С живым воображеньем — вольным,
Бывало, как орел, парил;
И, будучи собой довольным,
В себе всё благо находил.

Когда ж мое уединенье
Возьмет унылый, мрачный вид, —
Оставя кабинет, и чтенье,
И зданье древних пирамид, —

Скачу на бал богатый, пышный,
Где нектар из сосудов бьет
И где умеренность — гость лишний,
Где роскошь царствует, живет.

Там, с нимфами в кругу резвяся,
Себя Парисом воображал;
И, всеми до одной прельстяся,
Мое всем сердце отдавал.

Бывало, и они смотрели
Из рук прелестных на меня;
Желали!.. но сказать не смели,
Свои стыдливости кляня!

Куда ж девались прежни силы?
Румяность свежих, алых щек?
На мне вид бледный и унылый;
Мой, видно, красный день протек.

Уж я расстался с розой нежной,
Согбен под тяжестью зимы!
С главою дряхлой, белоснежной
Являю скорбь ужасной тьмы.

О молодость! о дар бесценный!
Почто ты вянешь, как цветок?
Едва мелькнешь — то червь презренный
Твой подъедает корешок.

Болезнь тягчит меня пятою
И жнет моих остаток лет;
Моей мучительной слезою
Себе протаптывает след.

Чтобы привесть скорей ко гробу,
Чтоб слабый дух исторгнуть мой, —
Болезнь! где ты окончишь злобу? —
Увы! — под гробовой доской!

Когда творец лучом блестящим
Природу всю развеселит,
Бореям хладным и шумящим
Сокрыться всем в горах велит;

Когда наместо их зефиры
Начнут прохладно, нежно дуть;
Когда все твари, томны, сиры,
Успеют с радостью вздохнуть, —

На посох свой облокотяся
И с помощью дрожащих ног,
От слабости к земле склоняся,
Иду в небесный я чертог.

Там, сев под липой мрачной, мшистой,
Что в юности со мной росла,

Смотрю на водопад кремнистый —
В нем та же живость, что была.

А мой источник жизни бренной
Сквозь камни с быстротой не бьет, —
Иссох в ущелине подземной,
Единый червь его сосет.

Я слышу птичек хор согласный,
Но сердце слабо к чувствам сим.
Где ты, луч младости прекрасной?
Где ты, зари прелестный сын?

Тебя мои не встретят очи,
Твой блеск сокрыт от стариков!
Померк! — как день в печальной ночи.
Исчез! — в тумане всех веков.

Куда ни обернусь — всё то же;
Всё прежний восприяло вид;
Всё сделалось опять моложе,
Всё той же красотой блестит.

А человек чуть-чуть вспомянет
Про свой весенний прежний цвет;
Средь осени куда ни взглянет —
Но уж весны он не найдет!

Найдет! — и день он встретит майской,
Проглянет луч на небесах.
Дождусь конца с надеждой райской!
Чрез смерть к бессмертью только шаг.

1790 (?)

РЫБАК

Притча

Жил-был охотник рыбу у́дить.
Кто рыбу у́дил иногда,
Тот всяк легко рассудит,
Какого стоит то труда,
Какого беспокойства.
Охота рыбная не годна никуда;
Не моего охота эта свойства,
Однако же у всякого свой вкус.
Рыбак мой был не трус,
Сидит он у пруда, у озера, у речки,
Бросает уду днем, бросает и при свечке,
Но рыба не клюет.
Ловец напрасно рыбки ждет:
Сидит вся рыба дома,
Боится рыбака, как черт боится грома.
Казалось, что в водах нет больше рыб;
Иной бы, не привыкший к скукам,
Охоту всю свою отшиб
К форелям, к судакам и щукам.
Я плюнул бы на мокрых сих бояр, —
Пускай их чванятся и не хотят казаться;
А я для этого уж слишком стар,
Чтобы немых в передней дожидаться.
Однако же надежда Рыбака
Толкает под бока
И много рыб ему сулит на уду.

Вот так
Мой думает Рыбак:
«Сегодня счастливей я буду,
Сегодня много наловлю,
И насушу, и насолю,
Ухою голод утолю,
Сухоядение вчерашнее забуду».
С такой надеждою ранехонько встает
И рыб опять обманывать идет.
Уж под вечер, как он отчаявался,
И вправду карп ему попался.
Отяжелел на уде крюк,
И уда задрожала.
Весельем в Рыбаке душа вострепетала.
Карп вытащен из влаги вдруг:
Карп этот был дороден, плотен;
Какая радость, кто есть рыб охотен!
«Здорово, карп, здорово ты, мой друг! —
Рыбак мой восклицает. —
Уже давно тебя очаг мой ожидает;
На ужин милости прошу к себе:
Я голоден, ты жирен,
Я в ужине себя дам знать тебе».
Но карп мой дик, не смирен,
Он людям не знаком;
За ужиною с Рыбаком
Быть не намерен и не хочет,
Вертится на крюку, хлопочет;
Недолго поскакав
И уду оторвав,
К безмолвному народу,
Как воздух бьет стрела насквозь,
Так поплыл он сквозь воду —
И сделал Рыбака хоть брось.

Мы все, сему подобно,
За случаем гонясь,
По времени вертясь
И время наконец сыскав удобно,
Хватаемся с восторгом за слу́чай;
Но счастье невзначай

Себя переменяет
И своего истца,
Как рыб сего ловца,
С насмешкой оставляет.

<1778>

ФЕРИДИНА ОШИБКА

Сказка

Ферида говорит: «Что нужды в красоте?
Не красота меня в любовнике прельщает.
Как чудны мне все те,
Которых иль глазок, иль носик утешает!
В моем любезном мне его душа мила,
По чести говорю, и бог тому свидетель:
Какая честность в нем! какая добродетель!..
Бог знает, сколько б я за то дала,
Когда б любовник мой вдруг сделался уродом!
Чтоб тем могла я доказать
Пред всем народом,
Что мой язык не может лгать».
Любовник между тем, сражаясь в поле ратном,
В случáе для него весьма превратном,
Среди военных страшных гроз
За общество утратил вправду нос.
Потеря невелика.
Была бы лишь душа цела,
Которая Фериде так мила;
Ей нýжды нет до лика.
Дурнее стал... так что ж?
Ведь нос не для любви, для табаку пригож...
Фериды, как свое, он сердце зная,
Летит без страха к ней;
И, на любви к душе надежду полагая,
Хоть с полною душей,
Однако же на самом оном месте,
Бывал где прежде нос,
Своей возлюбленной невесте
Лишь мушку черную принес.
Оцепенела вся Ферида,

У ног ее ей кажется злодей...
Кричит на слуг: «Какого странна вида
Впускаете ко мне людей?..»
— «Я тот... — любовник восклицает, —
Я самый тот, который не лицом —
Душой тебя прельщает,
А душу — ту же видишь в нем».
— «Так это ты? — Ферида отвечает. —
О! ты, который был мне прежде столько мил!
Ах! можно ли, чтоб нос так душу повредил!»

Вы будьте в клятвах осторожны,
Красавицы! свои вручаючи красы:
Бывают ваши клятвы ложны
И тем, у коих есть носы.

<1778>

МОР ЗВЕРЕЙ

Басня

За беззаконие львов, тигров, барсов,
Четвероножных оных Марсов,
Которым отданы в правление леса,
Разгневанные небеса
Послали мор; валятся звери,
Повсюду к смерти им отверсты страшны двери.
Окончились пиры, которые они
В спокойны прежде дни
На счет овец и зайцев устрояли;
И звери в ужасе уже не звери стали.
Изнемогают все, хоть смерть разит не всех.
Гусей и кур лисицы не вкушают,
И горлицы друг друга убегают.
Нет более любви в лесах и нет утех.
Глас добродетели сам хищный Волк стал слушать,
Исправил наконец и Волк свой грешный век
И стал он добрый человек;
Но отчего? — Не хочет боле кушать.
Сбирает Лев совет и говорит: «Друзья!
Конечно, за грехи несчастье нам такое.

Чтоб отвратить толико время злое,
Кто всех грешней, хотя б то был и я,
Тот должен искупить всё общество собою,
Тот должен умереть за общество один,
И будет славный он по смерти господин.
Доволен бы я был моей судьбою,
Когда б грешнее всех я был:
Я жизнию б народ звериный искупил,
И имя было бы мое всех львов слышнее.
Я признаюсь, и я не без греха,
Едал я и овец, едал и пастуха,
Но я неужто всех грешнее?
Пусть всяк, подобно мне, открыв смиренный дух,
Покаяся, грехи свои расскажет вслух».
— «Великий государь! — Лисица возглашает, —
Ты праведен и милосерд всегда;
Твоя священна лапа иногда
Овец, любя, тазает;
Но что же это за беда?
Что их изволишь кушать, —
То честь для подлости такой:
Они на то и созданы судьбой.
Нет, слишком совести своей изволишь слушать.
И также нет греха
Терзать и пастуха;
Он из числа той твари пренесносной,
Которая, не знаю почему,
Во гордости, зверям поносной,
Не ставя меры своему
Уму,
Себе владычество над нами присвояет
И даже и на льва с презрением взирает».
Известно, ежели кто вступится за льва,
С тем будут все согласны;
Итак, Лисицыны слова
Казались всем и правы и прекрасны.
Не смели также разбирать
Грехи волков, медведей строго,
И словом то сказать,
Кто был драчун хотя немного,
Тот был и праведен и свят.
Кто силен, никогда не будет тот повешен. —

Но вот валит Осел, преглупый пустосвят,
И говорит: «Я много грешен!
Однажды, вечером, я близко шел лугов,
Монастырю луга принадлежали;
Не видно было там монахов, ни ослов,
Они все спали.
Я был один, и был тому я рад.
Трава младая, случай, глад,
А более всего черт силен;
Вводить ослов во грех
Черт в вымыслах всегда обилен:
Приманкою там многих он утех
Мне пакости настроил,
Я весь монашеский лужок себе присвоил
И травки пощипал...»
— «В тюрьму Осла! — вдруг весь совет вскричал. —
Его-то нас губит ужасно прегрешенье:
Есть ближнего траву! о, страшно преступленье!»
И чтоб злодейства впредь такие отвратить,
Травы для защищенья,
Осла повелено казнить
Погибели для отвращенья.

И у людей такой же нрав:
Кто силен, тот у них и прав.

<1779>

УЛИСС И ЕГО СОПУТНИКИ

Сказка

Известно всем, что был Улисс — Итаки царь
И что сопутников его в различну тварь,
Почтения к боярам не имея,
Дочь Солнцева, ворожея Цирцея,
Оборотила всех посредством пития,
Которого не понимаю я.
Напившися, сперва рассудок потеряли;
Потом, переменя свой вид,
Иные вдруг мычать, другие лаять стали,
Иные силою копыт

Прохожим угрожали,
Иные всех бодали,
Другие всех кусали.
Один Улисс остался человек:
Улисс прямой был грек,
А грека не обманешь.
Улисс не промах был,
Обвороженного питья не пил. —
Что делать станешь?
Где нечего нам силой взять,
Там должно кланяться, ласкать.
Улисс был молод и прекрасен,
Щеголеват, умен и мил лицом,
А потому для женщин был опасен:
Итак, другим поддел колдунью колдовством,
А именно — любовной страстью.
Богиня и сама,
Лишась ума,
Итакскому царю тем стала быть под властью.
Ведь у богинь не как у нас:
Что вздумают, тут было б в тот же час.
Они нетерпеливы
И менее людей стыдливы, —
Что на сердце, того не потаят.
Испившая любовный яд
Итакскому царю сказала:
«Люби меня... От сердца моего,
Чего б душа твоя ни пожелала,
Проси всего».
Тем пользуясь, Улисс ей отвечает:
«Коль хочешь показать мне знак любви твоей —
Которых власть твоя карает,
Моих сопутников переверни в людей».
Цирцея говорит: «Когда есть воля их,
Исполнить я твое желание готова.
Поди, спроси ты сам у них —
Я возвращаю им дар слова».
Ей царь отдав поклон,
К сопутникам, не медля, поспешает
И человечества урон
Поправить обещает...
Лев первый с ревом возглашает,

Являя гнева жар:
«Оставлю ли я львиный дар
Когтей, зубов ужасных,
Сей страх зверей подвластных?
Между зверей
Я то ж, что ты между людей.
Я царь, Улиссу равный, —
Так буду ль мещанин в Итаке я бесславный!
Оставь меня, хочу остаться вечно львом.
Неси к другим свои ты враки».
Съел гриб наш царь Итаки
И прочь отходит со стыдом;
И говорит медведю:
«Тебя опять я к людям присоседю,
Мой друг! Мне стыдно за тебя:
Смотри, какою
Оброс ты бородою;
Не бреешь ты себя,
Ногтей не остригаешь,
Волос не завиваешь;
Твой взор угрюм, суров.
Каков ты прежде был и стал теперь каков...»
— «Каков?.. Таков, как быть медведю надо.
Тебе ль судить?
Тебе ль рядить
О красоте медвежья склада?
Спроси медведицу о том:
Пригож ли я, она то скажет,
Она тебе докажет,
Что с гладким ты лицом,
Колико ты ни чванишься собою, —
Урод передо мною.
Не нравлюсь я тебе —
Поди же мимо;
И будь тебе вестимо,
Что мне угодно век в медвежьей быть судьбе».
В другой раз царь Итаки с носом.
Отправился с таким же спросом
К ослу, который до сего,
Как все сопутники, был барин у него,
И так его увещевает:
«Хотя ты меж людей

И не был грамотей,
Однако же твой царь не чает,
Чтоб, не любя ни прозы, ни стихов,
Бежа людского просвещенья
И презирая свет ученья,
Любил ты лучше жить среди ослов...»
— «У всякого свой вкус, а у меня ослиный,
И в тот же час, как сделан я скотиной,
Не ощутил премены никакой.
Доволен я моей судьбиной.
Поди... Простись навек со мной».
Ни в ком не видя толка,
Царь счастья испытать
Еще хотел у волка:
«Не стыдно ли жизнь волчью провождать
Честно́му человеку
И, лютым став врагом овечью веку,
Прекрасным горести пастушкам приключать?
Оставь леса, свирепость позабудь
И человеком ты честны́м опять пребудь».
— «Честны́м?.. — Да много ль же их в вашем роде?
Как был я человек, их, право, не знавал.
Но, говоря с тобой в свободе,
Скажи, не ешь ли ты и сам овец?
А чтобы наконец
Тебе ответствовать отрезом:
За недостатком зуб — железом
Друг другу за́ слово пронзая грудь,
За честь, а иногда и за кривые толки,
Ко смерти находя себе пространный путь,
Не те ли же вы сами волки?
Престань наш род бранить;
И чтоб из двух одно избрать дурное,
Так ведай: волком быть
Честнее втрое...»
Опять Улисс
Ореха не разгрыз.
Потом к каким животным ни совался,
Они животными, а он Улисс остался.

<1783>

ЖИВОПИСЕЦ В ПОЛОНУ

Какой-то живописец славный,
Всё кистью выражать исправный,
Поездить вздумал по морям.
По нужде иль по воле?
Того не знаю сам.
И в море так же есть разбойники, как в поле.
Алжирцы были то, лишь грабить знатоки,
В художествах невежи, дураки.
На нашего они искусника напали,
Ему сковали
Животворящи кулаки
И привели его в железах к дею.
О деях сих имеет кто идею,
Тот знает, каковы все эти усачи.
Они правители угрюмы, как туманы,
Притом же бусурманы
И християн бичи.
Сердитым голосом, нахмуря брови черны,
Сказал художнику наш дей:
«Теперь с тобой у нас дела уже не спорны:
Ты раб — и часть твоя в руке моей.
Но если возвратить желаешь ты свободу,
Ты должен, мне в угоду,
Украсить кистию твоей
В моих чертогах стены;
Чтоб там все разные отмены
Одежд, обычаев и лиц
Народов всяких видеть было можно.
Когда исполнишь то, свободен ты неложно».
Приняв приказ, искусник наш пал ниц.
Палитру вынул, кисти, краски,
И ну чертить носки, рты, ушки, глазки,
Одежду всем давать, как водится у них.
«Великий государь! уж всё теперь готово,
Исполнил силу я приказов всех твоих:
Теперь сдержи свое ты слово».
Дей смотрит: «Так, вот турок, вот и грек.
Сей гордый, важный человек
Точнехонько испанец;
А этот, что исподтишка

С ножом выходит из леска,
Италианец.
И вот продажная душа голландец.
Вот англичанин. Вот и храбр и пьян
Немецкий капитан.
А это кто таков? не знаю.
И наг, и босиком,
С некроенным в руках сукном?»
— «Француз, я в этом уверяю».
— «Почто ж его ты не одел?»
— «Солгать пред вашим я могуществом не смел.
Не как все прочие народы,
Французы всякий день переменяют моды;
Какая же теперь, я этого не знал,
И для того его я голым написал».

<1786>

ЛАДНО И ПЛОХО

РАЗГОВОР ДВУХ МУЖИКОВ — КОЗОВОДА И МИРОХИ

«А! кум любезный Козовод!
Давно ли? . .» — «Вот лишь только с клячи».
— «Микола как тебя пасет?
В дороге много ли удачи?
Каков здоровьем ты?» — «Здоров.
А ты, Мирохо, сам каков?»
— «Я также. Наши все ль здоровы?»
— «Все, — слава! — кони и коровы;
Хевронья, тетушка моя,
Одна о Покрове дни пала;
Спасибо ей, домком живала,
И после ней с двором и я».
— «Ну, это ладно. . .» — «Нет, Мирохо,
Хоть ладно видится, да плохо.
Хевроньин дом старенек был.
О ней ли, што ли, он грустил,
От старости ль упал, иль с горя, —
О том, с тобою я не споря,
Скажу, что он меня сдавил
И сделал из меня лепешку».

— «И вправду, плохо.» — «Ни на крошку
Ты, куманек, не угадал.
Не плохо это — очень ладно.
Ведь денежки иметь изрядно?
Лишь только што оклечетал,
То, разбираючи я пади,
Нашел в широкой самой кади,
В капусте, денег жирный клад.
Приказчик дочь свою, Мавруху,
Мне отдал...» — «Ладно!..» —
«Плохо, брат!
Жена-сумбурщица не лад.
Однажды эту я воструху,
Как солнце лезло на закат,
Застал в лесочке, за скотиной,
С Петрухой, знаешь, Красиком.
Со мной, он думал, с дураком;
А я вязовою дубиной
Бока как надо отхватал,
И от Маврухи он отстал».
— «Што ж? Ладно!..» — «Нет,
не больно ладно:
Маврухе, видишь, неповадно
С одним со мною только жить,
И ну грустить она, тужить,
Зачахла, сделалась как спичка.
Больных лечить плоха привычка,
Однако, бают, надо так.
Я трёс машнёю, как дурак,
Платил, платил, — не тут-то было.
Упрямое Мавруха рыло,
Хоть што, в могилу уперла;
Незапно подвела мне пешку,
И лекарям, и мне в насмешку,
Вчера как надо умерла».
— «Неужто и теперь не ладно?»
— «Насилу, кум, сказал ты складно!»

<1787>

МЕРКУРИЙ И РЕЗЧИК

Меркурию в житье с богами неразлучно
На небе стало очень скучно
Не знать, в какой на свете он цене...
Он богом был. — Так что ж? Ведь кто на вышине,
Тому хотя поклоны отправляют,
Но иногда всем сердцем презирают.
Итак, Меркурий наш отправился на низ,
Закутав божеских великолепье риз
В простую епанчу суконну,
Чтоб сердца в глубину бездонну
Людей проникнуть легче мог
И чтоб узнать, в душе такое ли почтенье,
Как и наружное во храмах обоженье.
Каков бы ни был, каждый бог
Безмерно хочет ведать,
Что люди говорят о нем,
Тогда ль, как сядут пообедать
И, развернув сердца вином,
В веселье просто, без искусства,
Лиют свои наружу чувства,
Или иначе как.
Меркурий не дурак,
То всякому известно,
Кто жизнь его читал.
То правда, не всегда он честно,
Однако же всегда по-людски поступал;
И часто Купидон, колико ни коварен,
Его себе на помочь звал
И был ему за то безмерно благодарен;
То есть, как значит то приказный штиль,
Амур ему платил.
И вот Меркурий наш уже и в город входит.
Дом славна Резчика нечаянно находит.
По вывеске нетрудно то сыскать.
На ней написано: «Здесь боги есть продажны».
«Вот тут-то я могу узнать,
Которые для смертных боги важны», —
Меркурий сам себе сказал
И Резчику предстал.
«Что сто́ит сей Зевес и с громом?» — «Пять рублей».

— «А этот, Аполлон?» — «Четыре».
«Возможно ли богам, так славным в целом мире,
Толь мало стоить у людей! —
Меркурий сам с собою рассуждает. —
Однако же не так-то винен свет,
Что мало этих двух бессмертных почитает:
Один всегда гремит, другой всегда поет.
От них нет проку никакого.
Вот о себе без лести я скажу,
Что свойства я совсем иного;
Себя стократ полезней нахожу:
Между людей торги я разные вожу».
Сей мыслию надменный
И по уши в себя влюбленный,
Сказал: «Я думаю, Резчик,
Ты за Меркуриев почтенный светом лик
Запросишь золота?..» — «Никак; я слов не трачу:
Коль купишь у меня кого из двух богов,
Повесу этого тебе готов
Я даром уступить в придачу».

Вот так-то о себе мечтая высоко,
Мы часто падаем безмерно глубоко.

<1787>

СУДЬЯ И ВОР

Сказка

Подлез, подкрался вор —
В ворота или на забор,
Нет нужды в этом;
Когда — зимой иль летом —
И в этом нужды нет.
О, как же любопытен свет!
Начни что сказывать, со спросами приступят
И ум рассказчика, хоть что, тотчас притупят.
Подробно им скажи о том о сем:
Каков лицом?
Каков кудрями?
Каков бровями?

Велик ли рост?
И даже и о том, у вора есть ли хвост?
Довольно вам: его поймали,
Его связали
И привели к судьи.
Судья кричит: «Ах, батюшки мои!..
Так! это он! старинный мой знакомец!
Стреляй, мой прежний сопитомец.
И с ним учился вместе я.
Он вор — а я судья!..
Скажи: товарищи, залетны наши птицы,
Где ныне? как живут? и чем? и кто?
Какие в обществе они играют лицы?
Судьи ль они? или иное что?
С тех пор как с ними я расстался,
О них не слышу ничего».
На дружеский вопрос плечами вор пожался,
Сказав: «Повесили их всех до одного;
Лишь только я да ты остался».

<1787>

ДОБРЫЙ СОВЕТ

Сын винного отца,
То есть напитков продавца,
По смерти батюшки, его благословеньем,
То есть накопленным именьем,
Не знаю, как-то стал достойный человек,
То есть и дворянин, и знатен, и чиновен;
Набитый графам брат, с сиятельными ровен.
Он прежний позабыл бутылочный свой век.
Дворянский род его ему казался древен.
Спесив, заносчив, вспыльчив, гневен,
Он нос пред всеми поднимал
И выше носа он плевал.
Всё меря по вину, отцовскому товару,
Он знал, что ценно лишь одно
Горячее вино;
И думал: дворянин — не дворянин без жару.
Случилося ему в беседе в жар вступить.
За честь ли было то? Я в том не уверяю.

Пускай за честь. Что я от этого теряю?..
Когда чего не можно заслужить,
Так можно то у нас купить...
Но как бы ни было, молодчик наш взбесился,
Вскричал, вскипел, вздурился
И рад за честь
На стены лезть.
Не знаю, кто на этакую шалость
Ему в ответ:
«Прими полезный мой совет
И не бесись за малость.
Отца воспомни твоего
Ухватку прелюбезну
И перейми его
Ты кротость, для тебя полезну:
Когда покойник мне хмельное отпущал,
То воду он всегда туда мешал».

<1787>

МЕРКУРИЙ И АПОЛЛОН, СОГНАННЫЕ С НЕБЕС

Сказка

Меркурий, Аполлон, с царем богов Зевесом,
Не ведаю за что, когда и как,
Поссоряся, ему сказали: «Ты дурак!»
Не надо ссориться с могущим куролесом.
Юпитер им за «дурака»
Дал с неба тумака.
Свалились сверху оба боги;
Богам давай бог ноги —
Скитаются два друга по земле.
Но если кто у нас не хочет быть во зле,
Иметь казну он должен непременно.
Без денег всё у нас не ценно,
Без них и боги здесь не стоят ничего.
Такая у людей натура.
Умна ль она, иль дура,
Нет нужды в басне до того,
И не мое то дело.

Вот о богах — так смело,
Что хочешь, можешь всё болтать;
С людьми же надо скромно поступать:
Они шутить не любят.
Военные изрубят,
Подьячие в судах сожмут,
Потом бесчестие возьмут;
А знатные — беда, когда невзлюбят.
Итак, тут дело не о них;
А только что Меркурий с Аполлоном,
Оглушены Зевесовым трезвоном,
Забыли второпях о кошельках своих
И не́ взяли с собою с неба их.
То голод,
То холод
Их жмут;
А даром ничего под небом не дают...
«Ох, дурно, Аполлон, на этом белом свете, —
Меркурий говорит, — и по моей бы смете,
Забыв, что биты мы,
Полезней нам Зевесу поклониться,
Чтоб на небо опять позволил воротиться
Из этой страшной бедства тьмы».
Но Аполлон, прямой пиита,
Имея душу, был спесив
И, помня, что спина его побита,
Сказал со гневом наотрыв
Своим великолепным слогом:
«Кто силою одной
Владеть желает мной
И кто драчун, того не чту я богом,
И стыдно мне ему отдать поклон». —
Известно всем, кто этот Аполлон.
В стихах разноманерных,
И в мерных и немерных,
Получше, как иной и в прозе, говорит;
Против его стихов ничто не устоит,
Окроме кулаков Зевеса-грубияна.
Итак, быть лучше без кафтана,
Без башмаков
И без всего, что кончится на «ов». —
Меркурий согласился

И с Аполлоном в спесь пустился...
«Однако чем мы станем жить?
Подумай, надо есть и пить,
И словом то сказать, для светского обряда
Чего не надо!
Иные скажут: «Вот как боги — пехтуром!»
Другие так: «Какие это боги!
Их фраки все в дыра́х, в грязи их ноги,
И в одеянии и бедном и дурном,
Без пудры, без помады!»
И жизни мы не будем рады,
И честь богов ударим в грязь лицом».
— «Что ж делать?» — Аполлон другого вопрошает.
«Что делать? деньги добывать», —
Меркурий отвечает.
«Да как?» — «Мы станем торговать.
Здесь все живут торговлей;
И кто хоть мало не дурак,
Тот кормится и так и сяк:
Иные рыбной ловлей,
Иные совестью, иные и умом,
Который, если безуспешен,
Бывает очень грешен,
И он тогда зовется плутовством;
А если есть успех, тогда с покорством
Его зовут проворством...»
— «Нет! нам,
Богам,
То будет срам,
Когда, начав, как смертные, проворить,
Возможем мы с судьями здесь повздорить.
Коль надо торговать,
Мы станем промышлять
Товаром благородным,
Одним богам природным,
А именно: умом,
Который просвещает
И добродетели внушает...»
— «Нет, друг, не скопишь этим дом», —
Меркурий отвечает,
Который свет побольше знает.
Однако надо быть всегда согласну в том,

Чего Латонин сын желает.
Отправились бессмертны торгачи
В столицу славную на рынок;
Немного было с ними скрынок:
Хотя умом они и богачи,
Да ум, не как товары модны,
Немного мест займет.
Увидим, на него каков расход,
Чии догадки с делом сходны,
Кто прав — Меркурий ли, иль гордый Аполлон?
Последний, думая, что разум всё вмещает,
Кричит: «Всяк купит всё у нас, чего желает».
На рынке сделался от давки крик и стон:
Вот новые купцы и всякие товары!
Народ как вал, шумя, валит;
По нраву всяк себе товар сулит.
На бегунах летающи угары
Купить приходят рысаков.
Охотники до птичек
Идут купить синичек,
Чижей, дроздов,
С прибором клеток;
С мешками множество явилось богачей,
Со прелестьми толпа кокеток,
С бадинами препропасть щеголей:
Иной желает сеток,
Иной сукна, иной тафты, иной парчей,
Иные клонятся, иные приседают,
Иные деньги вынимают,
Иные на кредит.
Но Аполлон казался им сердит;
И все Меркурия ласкают.
«Как! кажется, ты как-то нам знаком?» —
Узнав Меркурия, прекрасны покраснели;
А щеголи, смеяся, зашумели:
«На что связался ты с угрюмым дураком?
Как будто торговать один и не умеешь;
Поверь, в делах скорее ты успеешь,
С людьми умея поступать;
Охотней у тебя все станут покупать;
Кажи скорей товар или хотя образчик».
При Аполлоне наш Меркурий не рассказчик;

И чтоб беду с себя свалить долой,
Сказал: «Я только что приказчик,
А вот хозяин мой». —
Тогда стишиста краснобая
Отверзлися уста.
Как все купцы, свои товары похваляя,
Подобно он воспел: «Се время то наста,
В которо надлежит вселенной просветиться!
Да не дерзнет никто из вас надеждой льститься,
Чтоб мой товар обыкновенный был;
Небесный он товар, товар неоцененный!
И должно, чтоб его для духа всяк купил».
В то время Фебов глас надменный
Красавиц голос перебил:
«А! а! духами он торгует, видно.
Да есть ли у тебя „а ла дюшес?“...»
Купцу небесному безмерно стало стыдно,
Что будто он с небес
Помаду только лишь принес.
И так, риторику свою оставя,
Сказал он напрямки:
«Вы, люди, чудаки,
Что вы, себя людями ставя,
К безделкам лакомы, а что нужней всего,
И нет вам нужды до того, —
Я ум привез, вот вся моя продажа!»
Поднялся хохот, шум;
Кто думает, чтобы ему был нужен ум?
И всяк, себя уважа,
Презрев товар и ссорясь с купцом,
Чтоб не казаться дураком,
Бежит ума далёко.
Ошибся очень Аполлон.
Его печально видит око,
Что жить ему с одним умом нельзя широко
И что в торговле той ему велик урон.
С тех пор, во всем Меркурию послушен,
Сговорчив Аполлон, поклонщик, малодушен.

<1787>

ДУБ И ТРОСТЬ

Дуб гордый, головой касаяся до неба,
На гибку Трость смотрел с презреньем с высоты.
«Какая, — говорил он ей, — в тебе потреба?
Пастушьей простоты
Игра и шутка,
Бывает из тебя лишь только дудка;
Из ветвий же моих — полубогам венцы
Сплетаются, победы их в награду.
Героям я даю отраду,
А ты — утеха ты барана иль овцы.
Творение, презренно целым миром,
Что дует, ты всему покорная раба;
Ты даже спину гнешь пред слабеньким Зефиром,
А мне ничто Бореева труба».
Как водится, пред знатным господином,
Пред силой коего всё — мелкая черта,
Трепещущая Трость, не разевая рта,
Почтенному дубовым чином,
Чтоб лишних избежать сует,
Дает нижайшими поклонами ответ.
Но вот, нахмуря брови черны
И ветренну Борей разинув хлябь,
С дождем мешая пыль, кричит: «Всё бей, всё грабь!
Все власти лишь моей, все быть должны покорны!»
Тирану этому уклончивая Трость,
Опять согнув хребтову кость,
Покорно бьет челом, ему упавши в ноги.
Не прикоснулася Бореева к ней злость,
Безвредно ей, он мчится по дороге
Туда, где крепкий Дуб стоит;
Он ждет и от него поклона,
Но Дуб от спеси лишь кряхтит, —
Не хочет Дуб нести Бореева закона.
Сильнее ветер там, где более упор,
И гневаться Борей безмерно скор:
С такою яростью на Дуб упрямый дунул,
Что с места он его и с корнем ссунул.

<1787>

ВОЛОСОЧЕСАТЕЛЬ-СОЧИНИТЕЛЬ

Сказка

По имени Андрей,
По прозвищу Тупей,
А ремеслом чесатель,
Рехнулся на стихах и сделался писатель.
Недолго работáл
И драму,
Как даму,
В два мига причесал.
Черт самолюбия великий нам ласкатель,
Над нами множество он делает проказ.
Помадами душистый наш писатель
Принес Волтеру на показ,
На удивленье,
Свое творенье. —
Волтеру? — О, смельчак!
Волтер, окончив чтенье,
Снимает свой колпак;
Потом, вручая сочиненье,
С улыбкою сказал парнасский сей старик:
«Поди, творец, и сделай мне парик».

<1788>

ПОПУГАЙ

ЕСЛИ НЕ ПОЭМА, ТАК СКАЗКА

Пою несчастье попугая. —
Чему ж смеетеся, друг другу вы мигая?
Чтобы всё петь — у муз такой манер;
Героя ль моего пренебрегая,
Смеетеся, что он не знатный кавалер?
Но чем же он Улисса хуже,
Который, долго так
Носимый бурями почти на луже,
Скитался, как дурак,
И до двора не мог найти дороги?
А моего, на крыльях ветров, боги,
Из Индии чрез океан промча,

Вкушавшего плоды там сладки, —
В Россию привезли для вкуса калача,
Бонбонов и блаженств, которы были кратки.
Итак, не смейтеся, поэму я свяжу;
А если, чтоб я пел, на то не согласитесь,
Вы только не сердитесь,
Я вам и просто расскажу.

Была старушка мать, степенна, богомольна,
С прекрасной дочерью, своей судьбой довольна,
Тужила лишь о том, крушась,
Что сын ее, за славою гонясь,
Отправился с полком поближе к смерти.
Итак, приметьте, сын — военный человек.
Вы знаете, военны люди — черти,
И их от нашего совсем отменный век.
Меж тем и матери, и дочери прелестной,
Судьбою не весьма чудесной,
А именно за несколько рублей,
Достался попугай на бирже с кораблей.
Какая в скуке им отрада!
За сына от небес, за брата им награда!
«Вот птица райская!» — старушка говорит;
А дочь: «Какой прекрасный вид!

И наши щеголи в своих нарядных фраках
Не могут с ним сравняться пестротой,
Ниже́ с его любезной остротой
В своих манерных враках.
Как он учтив! как знает свет!
Пред ним скоты все птицы русски.
Ах! матушка, он знает по-французски,
Кричит: bonjour! bonjour, Marionette! [1]
Да почему мое он имя знает?
Вы слышите ль, меня он Марьей называет?»

Старушка несколько пожалась тут:
«Ахти! не ведьма ль птица эта?

---

[1] Здравствуй! здравствуй, Марионетта! (франц.). — *Ред.*

Не зная, знает то, как дочь мою зовут.
Не наущеньем ли то демонска совета?»
— «И, матушка! как можно думать так?
Какая есть на ней чертóвщины примета?
Прекрасной птицы вид, ее небесный зрак;
Притом же и язык французский разумеет.
Со мною он не отупеет.
Он мил; но выведу его я боле в свет».
— «Однако ж, Машенька! — старушка так в ответ, —
И о душе его нам надо постараться:
Пусть будет он с тобой, как будешь убираться,
Со мною же моей молитвы в час;
Со мной к акафистам он станет приучаться,
С тобой к манерам, как то водится у вас».
И так и мать и дочь, наперерыв милуя,
Как душу, попеньку любя,
Старались кажда для себя:
Поутру с матерью поет он «аллилуйя»,
А Машенька, его целуя,
«Charmant objet»[1] учила выпевать.
И божества, и щегольства смешенье!
Никто, как он, церковно пенье
С любовным не умел так сладко соглашать,
Со умилением от сердца воздыхать
И сахары из рук с учтивостью клевать.
Велико дело воспитанье!
Ласкаем и любим, заморский кавалер,
Как нравиться, давал и щеголям пример.
Его прелестно лепетанье,
Пристойно завсегда,
Не испускало никогда
Тех слов, которые стыда
Наводят краску.
В беседах, ласкою платя за ласку,
Красавицам кричал: «Je vous adore[2]»;
Целующим: «Целуй меня encore[3]»;
Старушкам: «Ну, подите с богом!»

---

[1] «Прекрасный предмет» (франц.) — название песенки. — *Ред.*
[2] Я вас обожаю (франц.). — *Ред.*
[3] Еще (франц.). — *Ред.*

Вот так-то отвечал
Разумник вдруг всем разным слогом.
Подобно Цесарь вдруг и сам писал
И сказывал другим совсем другие строки.
Такие-то Жако имел
Таланты превысоки,
И так-то он в науках преуспел.
С таким достоинством недолго быть без славы.
За то, что дали толь благие нравы,
Мать с дочерью в награду за труды
Свой зрели полон дом всечасно.
Знакомства новые, и все везут плоды,
Конфекты, сухари, бонбоны! — Как прекрасно!
Катается Жако как в масле сыр.
И всякий день ему такой же пир,
Какой откупщики дают боярам редко,
Однако ж метко.
Всегда между людей
Жако, как будто казнодей,
С вершины позлащенной клетки
Собранья привлекал внимание и взор.
И петиметры и кокетки,
И матушек и тетушек собор,
Дворцовы кавалеры,
И разны офицеры
Любили говорить с ним так, как меж собой.
Ах, долго ль, попенька! блаженной толь судьбой
Ты будешь наслаждаться? —
Как может молодость легко избаловаться!

О ты, детина из детин!
Смиренной матери о беззаконный сын!
Прекрасныя сестры о братец преразвратный!
Почто с полком своим вступаешь в путь обратный?
Идет, пришел и в лагерь стал,
И к матери в минуту прискакал.
Сказав раз несколько: «А, матушка! сестрица!»,
Они ему: «А, сын! а, братец дорогой!» —
Он вдруг спросил у них: «Давно ли эта птица?»
— «Тотчас, как мы расстались с тобой».

— «Ах! если б, братец, знал, какой же он
проказник!»
— «Ах! если б, сын, ты знал, как он поет кондак!
Какой смиренница! какой неблазник!»
— «Притом же, братец, он и не дурак».
— «Любезный сын, его такое поведенье,
Что если бы такой сыскался женишок,
Я Машеньке б дала благословенье».
Гордясь собой как будто петушок,
Во время сей похвальной речи
Жако приподнял плечи...
(Ошибся, виноват, приподнял крылья он)
И, сделавши учтивейший поклон,
Пропел три раза «аллилуйю».
Потом французскими словами заметал,
Которы с русскими из милости мешал,
И к Маше протянул он нос для поцелую, —
И словом, выказал всего ученья сбрую:
Немного попугай-хвастун тщеславен был.
Но кто же не таков, кто быть хвален достоин?
Кто много от небес талантов получил?
Развеся уши, воин
И выпялил глаза и рот открыл.
«Сто тысячей ему!.. Ах, матушка! сестрица!
Morbleu! [1] какая это птица!
Ну, как же за морем не быть умнее нас,
Когда у птиц такое просвещенье!
Мне долго быть никак нельзя у вас,
Мне должно в строй сегодня на ученье.
Не отрекитеся мне сделать одолженье:
Пустите вы со мною на показ,
На удивленье
Толь редку птицу в полк».

Когда ягненочка хватает хищный волк,
Лишить его пастушки хочет,
Пастушка в ужасе кидается, хлопочет,
Не знает, что начать: хотя барашка жаль,
Но страшен волк проклятый,
Прожора алчный и зубатый.

---

[1] Черт возьми! (франц.). — *Ред.*

Такая то была печаль,
Такое изумленье,
В которо привело и мать и дочь
Героево прошенье;
Покрыла их глаза смертельна ночь.
Бледнеют и трепещут обе.
«Расстаться с попенькой! — ах! лучше б быть нам
в гробе!»
— «Morbleu! — кричит герой, — я вижу ясно то,
Что вам и сын и брат ничто!
Коль так, прощайтесь с ним, скорей его целуя;
Заставлю петь его последне «аллилуйя»
И за презрение ко мне, несносно толь!..»
— «Ах, братец! ах! любезный сын, изволь.
Но если наша жизнь нужна тебе неложно,
Пожалуй, поступай с ним нежно, осторожно...»
— «Поверьте мне, в два дни он будет здесь
со мной,
Или пусть черт меня задавит».

Итак, положено судьбой
Любезного Жако отправить.
Уж время час расстанья принесло,
А чтоб в пути не растрясло,

Чтоб от каретного не оглушиться звука,
Назначена разлука
Дорогой водяной,
На шлюпке быстрою Невой.

Несут Жако; и мать и Маша провожают
Его до каменных на пристань берегов.
Ко описанию тоски не станет слов,
Котору дочь с старушкой ощущают...
Уж попеньку на судно опущают;
Уж воин матери, сестре «прости» сказал;
Уже багры отстать от брега помогают;
Уж «веслы на воду» квартéрмистр закричал;
Уж едут, удалились, —
Слезами мать и дочь залились.
«Прости, прости, любезное дитя! —

Старушка, небесам Жакову часть вручая,
Поет, свой взор на небо обращая. —
Всё упование мое на тя!»
А дочь, печаль разлуки выражая:
«Прости, мой свет, в последний раз!»
Уж шлюпка с попенькой скрывается от глаз
И кажется вдали как будто муха.
И, лишены и зрения и слуха,
И дочь и мать домой идут,
Иль лучше так сказать — в унынии ползут,
Повеся головы, не говоря ни слова.
Пришли. О, горесть нова!
О, час! о, нестерпимый час!
Не слышен попугаев глас!
Все комнаты осиротели.
За ужином они, рыдая, просидели,
Не ели ничего, бонбонов лишь поели,
Которых попугай доклюнуть не успел.
Меж тем Жако свет новый зрел.
Вода, гребцы, их песни, шутки,
Их дюжи прибаутки —
Всё ново для него.
Ему то стыдно стало,
Что он не знает ничего.
Казалося ему его ученье мало.

Он слишком был честолюбив.
Испорчен тот всегда, кто долго был счастлив.
Не может он вмешаться в разговоры
Российских водяных повес,
Которы, заведя между собою споры,
Писали языком друг другу наотрез
Диковинны узоры.
Когда бы пошлину с них брать,
Колико раз они сказали «мать», —
Велики были бы таможенные сборы.

Сам воин, попенькин покров, чтоб их унять
И научить к Жако почтенье сохранять,
Пустил слов токи сильны, скоры,
Кончая все на «мать».

Жако тут сам приободрился
И, чтоб себя на свете показать,
Неблазным языком своим на них пустился:
Им что-то из молитв осмелился сказать.
Тут весь собор окончил брани смехом
И поднял попеньки невинность на зубки.
В унынье погружен своим дурным успехом,
Стать попенька не смеет на дыбки.
И, крылья опустя, привыкший барин к лести,
Как мокра курица сидит
И на́ свет не глядит.
Однако же, пронзаем жалом чести,
Решился прежние науки позабыть
И жив не хочет быть,
Когда не выучит наречья и поступок
Бесстыдных шалунов
И коренных российских слов.

Вот для каких покупок
Пустилось за море любезное дитя!
О молодость! себя к спасению претя,
Вот как свою невинность
Меняешь на бесчинность
И, к аду с радостью приемля путь, грешишь,
И, слишком свет любя, ты кажешь небу шиш.

На шлюпке наконец уроками напитан,
Уж начал забывать Жако, как был воспитан.
Уж стал насвистывать, подобно как буян,
Который катится шумя на дрожках пьян.
Уж стал уметь язык вертеть по-молодецки
И имя Иова горланить по-немецки.
Всё слыша то, был рад безмерно офицер,
Что так его Жаку понравился манер,
Что может с птицею заморскою по-свойски,
Как друг, открытно рассуждать.
В пути до лагеря он все слова геройски
Пред ним старался истощать.
Жако, расставшися с глаголом нежным, тленным,
Уж в лагерь молодцом вступает совершенным:
Гуляя из шатра в шатер,

Из ставки в ставку,
Приветлив, как бурлак, как гранодер, востер,
Он благонравию дает последню давку.
Не столько он в свой век сластей клевал,
Колико слов проклятых в день глотал.
Бесстыдством он своим и воинов уж бесит,
И словом, так сказать, достоин стал,
Негодница! чтобы его повесить.

Меж тем что делаете вы,
Старушка с Машенькой, в печали?
Не можете изгнать Жако из головы.
Вы образом драгим все чувства напитали;
Всё кажется Жако, всё зелено в глазах,
И сердце занял он, и занял ваши души;
Всечасно слышат уши
Его приятный глас. — Но, ах!
Жако уж нету с вами.
Осталась вам надежда лишь одна:
Волною унесен и возвратит волна.
«Но скоро ли, ах! скоро ль будет с нами?
Чтоб сын, чтоб брат не задержал.
Сегодня он, сегодня обещал».
Все дамы в нетерпеньи,
Чтоб усладить свои мученьи,
Всегда колоду карт имеют при себе.
Они не дуры,
И, карты разложа на разные фигуры,
Всё видят в будущей судьбе.
И мать и дочь, страстей своих в борьбе,
К сему премудрому искусству прибегают,
И будет ли Жако в сей день, о том гадают.
«Приедет ли наш миленький француз?»
Но что ни делают, как карты ни мешают,
Ложится всё винновый туз.
Трепещут обе и бледнеют:
«Ах, попенька любезный нездоров!»
В отчаяньи их чувства цепенеют;
Но сон страдающим покров.
Вздремали с горести, в руках имея карты.
Им грезился Жако — не нежный кавалер,
Но будто он угрюмый гранодер.

И будто у него ужасны бакенбарты,
Широкие усы и шапка набекрень,
И будто он городит дребедень.

Во сне и мать и дочь от страха стали в пень,
Не зная, что начать, вострепенулись,
Зевнули, протянулись,
А после и проснулись.
Вскричала дочь тогда:
«Ах, матушка, беда!
Коль верить мне тому, что сон мне бредит,
То попенька явится без стыда.
Поехал умницей, таков ли он приедет?»
В тот самый час открылась дверь.
О, радость несказанна!
Старушка, ты восторг умерь;
И ты, о Машенька! увидя гостя жданна, —
Уже не сто́ит он твоей любви, поверь.
Однако ж под собой они земли не слышат:
И радость, как печаль, объемлет наш язык.
Хотят вскричать: «Жако!» — но так восторг велик,
Что, рот раскрыв, они лишь только дышат.
Тогда вещает им военный изувер:
«Ну, вот сокровище вам ваше!
У вас он был хорош, теперь в сто раз он краше,
Я слово вам сдержал, как честный офицер».

Потом вручает Маше
Неоцененный сей залог.
Но что? о, рок, о, грозный рок!
О, страшная измена!
О, лютая премена!
У попеньки уже не тот носок,
Который щекотал, целуя, Машу прежде.
Ошиблась Машенька в приятной толь надежде:
Шалун своим проклятым ртом
Кусил ее за место,
Толь пухлое, как тесто,
А где — история не говорит о том.
Покрылись лилии багряным током крови,

И с Машей ахнули приятства и любови,
До сердца тронуты пременою такой,
Жаковой сражены злодейскою рукой.
Укушенная дочь с молитвенной старушкой,
Узрев, что попенька несносной стал вертушкой,
Хотят, чтоб, обличен толь лютою виной,
Раскаясь, попросил наглец у них прощенье.
Итак, во все глаза взирая на него,
Желают о грехах приметить сожаленье.
Не тут-то было: он проступка своего
Жестокостью гордится
И, вместо слез, — буянит, веселится,
И, набок искривясь, как гневный гранодер,
Стыдливых жен к увечью
Огрел увесистою речью.
Хохочет офицер,
Краснеет Машенька, а матушка рыдает,
Себя, Жако и дочь крестит, благословляет.
«Ты видишь, матушка, что в нем уж нет пути,
И то, что он испорчен.
Смотри, как весь искорчен!
В нем черт сидит; но я могу найти
Его исправить средство».
Вот развращения обыкновенно следство.
Ах! часто вояжер
За новый свой манер
Достоин заперт быть.
Жако сажают в клетку силой.
А чтобы из него чертей искоренить,
Наш попенька, толь прежде милый,
В крестовой, осужден, дрожит,
Доколе, совести почувствуя грызенья,
Окажет более он дамам уваженья.
Испорченна Жако
Уже не сласть питает;
Уже не молоко
Его гортань нечисту орошает,
Но хлеб один сухой
С простою лишь водой
Быть праведным премудро научает
И к благу путь нескользкий пролагает.
Но стоит только раз

С дороги доброй совратиться,
А там уж грех всегда коробит глаз,
Уже с невинностью нельзя соединиться;
Или хотя и можно то,
Однако ж очень трудно.
Старушкины мольбы он ставит ни во что.
Воинску полюбя науку безрассудно,
Всегда, как возглашал
Старушкин голос «аллилуйю»,
Он в рифму припевал...
Старушка думает: ослышалась она,
Еще всё то же повторяет, —
А он по-своему ей то же отвечает.
Умильным пением Жаковым смущена
(Смотрите, как черт сйлен,
Как в вымыслах к соблазну он обилен, —
Кто может избежать от демонских ловитв?),
Расстроена старушка
Среди усерднейших молитв
Воспомнила, что то — старинная игрушка,
И вображение ее кусила мушка.
Но, одолевши плоть,
Котора мысль тревожила приятно,
И плюнув троекратно,
Кричит: «Ко мне, ах, Маша! подь».
Лишь только дочь вступает,
Ту ж рифму для нее бездельник сочиняет.
«Ах, матушка! что он такое врет?
Какую
Жако поет
Несносну „аллилуйю“!»
(С тех пор сия у нас пословица идет,
Что «аллилуйю» тот поет,
Кто мелет вздоры.)
«Что ж делать нам с Жаком?
Ты видишь, хочет он остаться дураком,
Все способы мои неспоры,
Он по уши увяз в грехах,
У честных быть людей не должен на глазах».
Потом положено Жако навек оставить,
К домашним птицам в клев из милости
отправить.

Вот так-то попугай блаженства с высоты,
В вояжах промотав свои благие нравы,
Низвержен и лишен сиянья красоты,
Не с Машей — с курами целуется без славы.

Между 1788 и 1790

ПРИМЕЧАНИЯ

При жизни Я. Б. Княжнина вышло в свет только одно собрание его сочинений в четырех томах, напечатанное в 1787 г. в типографии Горного училища. Два первых тома целиком занимают трагедии, в третьем помещены комедия «Хвастун» и комические оперы «Несчастие от кареты», «Сбитенщик» и «Скупой». Четвертый том первоначально, по-видимому, должен был состоять только из «мелких сочинений» — стихотворений, мелодрамы «Орфей» и «Речи, говоренной в публичном собрании императорской Академии художеств при выпуске из оной питомцев в 1779 годе», но в ходе работы над изданием Княжнин включил в этот том вновь написанные комедию «Неудачный примиритель, или Без обеду домой поеду», комическую оперу «Притворно сумасшедшая» и стихотворения 1786 — начала 1787 гг. В процессе подготовки и осуществления издания Княжнин заново просмотрел тексты большинства произведений и внес ряд поправок и дополнений. Однако многие погрешности (опечатки, пропущенные слова и т. п.) не были замечены Княжниным и попали из ранних публикаций в издание 1787 г., где к ним прибавились новые. Некоторые из них Княжнин исправил, приложив к первым томам списки опечаток и поправок, но многие остались и механически перешли в последующие издания.

Издание 1787 г. отнюдь не было полным собранием произведений, созданных Княжниным до 1787 г. В него не вошла трагедия «Ольга», написанная, очевидно, в начале 1770-х годов, комическая опера «Мужья — женихи своих жен» (возможно, относится к 1784 г.) и ряд стихотворений, напечатанных в 1770—1780-х годах («Письмо графа Комменжа», «Ода на торжественное бракосочетание. . .», «Флор и Лиза» и др.). Кроме того, самое раннее стихотворение, вошедшее в это издание («Рыбак»), напечатано в 1778 г. Между тем уже в 1772 г. Н. И. Новиков указывал, что Княжнин «много писал весьма изрядных стихотворений, од, элегий и тому подобного» («Опыт исторического словаря о российских писателях»). Имеются указания на сотрудничество Княжнина в «Трудолюбивой пчеле» Сумарокова (1759), можно предполагать, что он участвовал в журналах самого Новикова. Ни одно из этих ранних произведений Княжнина не вошло ни в издание 1787 г., ни в последующие.

Второе издание сочинений Княжнина было напечатано в московской типографии А. Решетникова.[1] Четыре первые тома, вышедшие в 1802 г., по составу в точности повторяют первое издание, отличаются они только введенной в первый том биографией писателя, написанной его сыном. В 1803 г. вышел пятый том, который был составлен большей частью из произведений, при жизни автора не изданных, и был сопровожден следующим «предуведомлением»:

«Пятая часть сочинений господина Княжнина издана после его смерти, со изображением ему памятника, где плачущая Поэзия украшает цветами камень, поставленный на его гробе, а по другую сторону Гений славы, с утешительною улыбкою, ободряет осиротевшую Поэзию, стремясь возвестить имя бессмертного писателя к грядущим временам. — Вот всё, что можно было воздать сему нежному поэту!.. Благосклонный читатель! единая твоя слеза, которая родится от чувствительного сердца, будет драгоценным венком сему достойному стихотворцу».

В этот том вошли комедии «Чудаки» и «Траур, или Утешенная вдова» и комическая опера «Мужья — женихи своих жен». Собрание стихотворений Княжнина пополнилось здесь восемью произведениями, из которых четыре были напечатаны при жизни поэта, а четыре («Попугай», «Стансы на смерть», «Воспоминание старика», «Эпитафия») впервые увидели свет в этом издании. Заключался том прозаическими сочинениями: «Речью, говоренной господам кадетам императорского Сухопутного шляхетного кадетского корпуса», отрывками из «Риторики» и «Толкового словаря».

Издание 1802—1803 гг. с текстологической точки зрения является худшим: количество опечаток в нем огромно, пропущены не только отдельные слова, но и целые строки и даже куски текста по нескольку строк. Кроме того, готовя пятый том к печати, А. Я. Княжнин внес в текст ряд произвольных поправок: «Дружеское наставление торгующим своею красотою от соболезнующих о их неумении» стало называться «Послание прелестницам», очень сильно был искажен текст поэмы «Попугай» и т. д.

В 1817—1818 гг. в петербургской типографии И. П. Глазунова вышло третье издание сочинений Княжнина. По содержанию оно полностью совпадает со вторым, изменено только распределение материала по томам.[2] Первые два тома (оба вышли в 1817 г.) по-

---

[1] Кроме того, С. А. Венгеров указывает на издание «Мелкие сочинения в стихах и прозе», М., 1801 (Русская поэзия, вып. 6. СПб., 1897, стр. 223), а в переписке Евгения Болховитинова с Д. И. Хвостовым речь идет об изданном не позднее 1802 г. собрании сочинений Княжнина с приложением биографии писателя, написанной Болховитиновым (Сборник статей, читанных в ОРЯС. т. 5, вып. 1. СПб., 1868, стр. 105—106). Поиски этого издания пока не увенчались успехом и поэтому, согласно традиции, издание 1802—1803 гг. именуется «вторым».

[2] М. А. Габель в обзоре «Литературное наследство Я. Б. Княжнина» («Литературное наследство», № 9—10. М., 1933, стр. 359—360) ошибочно указывает, что «по сравнению со вторым изданием»

вторяют первые издания, в трех последних (1818 г.) строго по жанрам перераспределен материал третьего, четвертого и пятого томов второго издания (третий том — комедии, четвертый — комические оперы и «Орфей», пятый — стихотворения и прозаические сочинения). Стихотворения также размещены по жанрам («Смесь», «Послания», «Басни», «Сказки»), причем разделение это в значительной мере произведено по формальному признаку (в раздел «Послания» включены, например, такие различные вещи, как «К княгине Дашковой», «Исповедание Жеманихи» и «Ты и Вы»). Текст этого издания несколько лучше предыдущего, многие опечатки выправлены, но часть их сохранилась и к ним прибавились новые. К тому же редактор (по-видимому, тот же А. Я. Княжнин) произвольно изменял отдельные строки (например, в «Хвастуне»).

Наконец, в 1847—1848 гг. в серии «Полное собрание сочинений русских авторов», издававшейся А. С. Смирдиным, вышло четвертое и последнее собрание сочинений Княжнина в двух томах, текст которого и расположение материала в основном повторяют третье издание. В дальнейшем собрания сочинений Княжнина не выходили, печатались только отдельные произведения: «Вадим Новгородский» (см. примеч., стр. 733), «Сбитенщик» (в сб. «Комическая опера XVIII века», с предисловием и под редакцией И. Розанова и Н. Сидорова, М., 1913). В «Русской поэзии» С. А. Венгерова (вып. 4, СПб., 1894) была перепечатана значительная часть стихотворений и басен Княжнина.

После Великой Октябрьской социалистической революции отрывки из произведений Княжнина входили во все хрестоматии по русской литературе XVIII в. Впервые после 1793 г. полностью и в исправном виде был напечатан «Вадим Новгородский» в сборнике «Русская литература XVIII века», составленном Г. А. Гуковским (Л., 1937). В однотомник включено и несколько стихотворений Княжнина. В сборнике «Русская комедия и комическая опера XVIII века» (редакция текста и вступительная статья П. Н. Беркова, М.—Л., 1950) перепечатано «Несчастие от кареты»; в сборник «Поэты XVIII века» (Малая серия «Библиотеки поэта», Л., 1958) включено шесть стихотворений и отрывки из «Вадима Новгородского».

третье было дополнено «рядом лирических стихотворений, басен, сказок и прозаических произведений». В обзоре есть и другие ошибки. Так, например, говорится, что в четвертом томе третьего издания помещено четыре комических оперы, тогда как в действительности их пять (в перечне пропущен «Скупой»); указывается, что биография Княжнина впервые напечатана в третьем издании, а не во втором; на ошибочном утверждении, что стихотворения-посвящения Екатерине II якобы «не было во втором издании», строится целая концепция: «Издатель, возможно потому, что в издании принимал участие сын Княжнина, помня не так давно произведенную Екатериной суровую расправу над «Вадимом Новгородским», привлекшей к допросу родственников писателя, не счел удобным вносить в издание панегирик императрице. Включение его в издание 1817—1818 гг. вполне понятно потому, что оно стремится быть памятником, который воздвигает дворянство своему писателю».

В настоящее издание включены все достоверно принадлежащие перу Княжнина стихотворения и лучшие образцы оригинальных драматических произведений: трагедии «Дидона», «Ольга» (печатается впервые), «Росслав», «Вадим Новгородский», комедии «Хвастун» и «Чудаки», комическая опера «Несчастие от кареты», мелодрама «Орфей», а также избранные арии из комических опер «Сбитенщик» и «Скупой». Все произведения разбиты на два отдела: «Драматические произведения» и «Стихотворения», причем в стихотворениях выделены в особый раздел басни и сказки,[1] а драматические сочинения размещены по жанрам (трагедии, комедии, комические оперы, мелодрама). Внутри разделов соблюден хронологический порядок. Однако следует подчеркнуть, что стихотворения и басни размещены не в порядке их создания, а по дате первой публикации, то есть по дате, не позднее которой было написано произведение (такие даты заключены в угловые скобки). Время же написания подавляющего большинства стихотворений, хотя бы даже очень приблизительно, установить теперь совершенно невозможно из-за отсутствия рукописей оригинальных произведений Княжнина и детально разработанной биографии его. По-видимому, все-таки, за редкими исключениями, в 1770—1780-е годы Княжнин печатал свои стихотворения вскоре после их создания, так что принятая композиция в какой-то мере отражает творческую эволюцию поэта.

В основу текстов настоящего издания положен текст издания 1787 г., сверенный с прижизненными публикациями, из которых в необходимых случаях в текст внесены уточнения и поправки (наиболее существенные оговорены в примечаниях). Из разночтений, обнаруженных в результате сличения текстов различных публикаций, в примечаниях также указаны лишь важнейшие. Поэма «Попугай», которая раньше публиковалась в обработке, относящейся к началу 1800-х годов, в настоящем издании впервые печатается по списку начала 1790-х годов.

К сожалению, автографы оригинальных произведений Княжнина до сих пор не обнаружены. Как известно, рукописи многих произведений, не опубликованных при жизни писателя, были проданы в 1793 г. опекуном детей драматурга П. Я. Чихачевым книготорговцу И. П. Глазунову. В дальнейшем рукописи, по-видимому, были перепроданы А. Решетникову, и на их основании был напечатан пятый том издания 1802—1803 гг. Последующая судьба рукописей Княжнина нам неизвестна, как неизвестна и судьба архивов И. Глазунова и А. Решетникова. В настоящее время обнаружены автографы переводов Княжнина: трагедий Корнеля «Цид» («Сид»),

[1] Подобно известному баснописцу 1770-х годов И. И. Хемницеру, Княжнин относил к сказкам произведения, в которых действуют люди, а к басням те, где выведены животные. Деление это на практике не проводилось: как в притчах родоначальника русской басни А. П. Сумарокова, так и у Крылова, и в баснях наших дней действуют и люди, и животные. Отсутствие четкой границы между жанрами приводило к тому, что одно и то же произведение Княжнина в разных изданиях именуется то сказкой, то басней.

«Цинна», «Смерть Помпеева», «Родогуна», «Гораций», комедии Корнеля «Лжец» (два последних перевода не опубликованы), поэмы Марино «Избиение младенцев» и поэмы Вольтера «Генриада» (фонд Г. Р. Державина в Рукописном отделе Института русской литературы Академии наук СССР в Ленинграде); автографы «Риторики» (Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) и несколько писем Княжнина к разным лицам (Институт русской литературы Академии наук СССР, Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина).

В процессе подготовки настоящего издания были привлечены все известные списки оригинальных произведений Княжнина, однако отсутствие автографов затрудняло работу, а в некоторых случаях сделало невозможным устранение явных погрешностей (так, например, не удалось восстановить строку в четвертом явлении второго действия «Хвастуна», отсутствующую во всех изданиях и рифмующуюся со строкой «Зато какая ж честь ему! Какая слава!»). Все же обращение к рукописным источникам (пусть даже спискам) оказалось весьма плодотворным: оно дало возможность уточнить ряд вопросов, связанных с текстом и творческой историей произведений Княжнина.

Орфография и пунктуация текстов в настоящем издании приближены к современным нормам.

Пояснения мифологических имен и названий, а также устаревших и малоупотребительных слов вынесены в особые словари.

В подготовке текста и составлении примечаний принимал непосредственное участие В. А. Западов.

Когда книга находилась в производстве, в «Записках отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина» (вып. 23, М., 1960, стр. 100) появилось известие о поступлении 94 писем Княжнина к обер-директору Воспитательного дома Г. Г. Гогелю. Ознакомиться с этими материалами, которые, может быть, дополнили бы нашу работу, не удалось.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

АИ — журнал «Академические известия».

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве. Рукописный отдел.

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Рукописный отдел.

МЕИ — журнал «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета».

НЕС — журнал «Новые ежемесячные сочинения».

РФ — «Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений».

СВ — журнал «Санктпетербургский вестник».

СЛРС — журнал «Собеседник любителей российского слова».

Соч., изд. 1 — Собрание сочинений Якова Княжнина, тт. 1—4. СПб., 1787.

Соч., изд. 2 — Собрание сочинений Якова Княжнина, тт. 1—4. М., 1802; т. 5, М., 1803.

Соч., изд. 3 — Сочинения Якова Княжнина, тт. 1—2, СПб., 1817; тт. 3—5, СПб., 1818.
Хроника Носова — «Хроника русского театра» Носова. С предисловием и новыми разысканиями о первой эпохе русского театра Е. В. Барсова. М., 1883.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов в Москве.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Дидона. Впервые — Соч., изд. 1, т. 1, стр. 1. Печ. по РФ, ч. 32, 1790, стр. 93. Вопрос о времени написания, первой публикации и сценической истории первой трагедии Княжнина крайне запутан. По словам Евгения Болховитинова, «Дидона» написана в 1769 г. и «тогда же была играна в Москве на придворном театре» («Словарь русских светских писателей». М., 1845, стр. 288) 1769 г. обычно и считается датой написания трагедии. Мимо внимания исследователей прошло сообщение о постановке «Дидоны» в 1767 г. в Москве с участием М. Синявской, К. Попова, И. Лапина (Хроника Носова, стр. 299). И. А. Кряжимская указывает на отдельное издание трагедии, вышедшее в 1769 г. (см. сб. «Русские драматурги. XVIII век». Л.—М., 1959, стр. 467). Речь идет, очевидно, о каком-то уникальном экземпляре, не известном никому из библиографов. Не знал о нем и Н. И. Новиков, который в 1772 г. писал: «Сия трагедия весьма много похваляется знающими людьми и почитается в числе лучших в российском театре; она еще в свет не издана» («Опыт исторического словаря о российских писателях». СПб., 1772, стр. 114). Во время опалы Княжнина «Дидона», по-видимому, не ставилась. Поэт М. Н. Муравьев в письме к сестре рассказал о постановке трагедии на домашнем театре семьи Дьяковых в 1778 г.: «Я был вчерась на представлении «Дидоны» Якова Борисовича Княжнина, сего столь тихого и любви достойного человека, который заставляет ждать в себе трагика, может быть, превосходнейшего, нежели его тесть. Дмитревский играл Ярба. Какой это актер! Дьяков, который играл его наперсника, говорил, что он трепетал, с ним играя. Как обманешься, если захочешь рассудить о Дмитревском в шлеме по Дмитревскому в колпаке. Это не простой человек: какой голос, как он гибок в его гортани. После плесков актерам все обратились в угол, где стоял автор, и плескали ему. Какие чувствия должен он иметь. В восемь лет, как он сочинил «Дидону», видел он первое ее представление. Но и какое ж! Марья Алексеевна <Дьякова-Львова. — *Л. К.*> много жару и страсти полагает в своей игре» (Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Собрание Черткова. Письмо М. Н. Муравьева к Ф. Н. Муравьевой от 8 февраля 1778 г.). Возрожденная на домашней сцене, пьеса вскоре вошла и в репертуар профессиональных театров. 17 июня 1779 г. «Дидона» «в первый раз по возобновлении» была представлена «на театре Зимнего дворца» (Хроника Носова, стр. 353). В конце 1770-х — первой поло-

вине 1780-х годов в главных ролях выступали: Ярба — Я. Шушерин и И. Дмитревский, Дидоны — М. Синявская и А. Иванова, Энея — К. Попов и П. Плавильщиков, Антенора — Г. Волков и др. В первой четверти XIX в. в исполнении «Дидоны» в Петербурге принимали участие: М. Валберхова, А. Колосова, А. Яковлев, Я. Шушерин, Я. Брянский и др.; в Москве с большим успехом в роли Ярба выступали С. Мочалов, Я. Шушерин (во время гастролей) и др. Трагедия удержалась в репертуаре русских театров до 1820-х годов. В основе сюжета трагедии лежит обработка двух мифов. Согласно одному из них, гетульский (или берберский) царь Ярб (Гиарб) воспылал страстью к карфагенской царице Дидоне и угрожал разрушить Карфаген, если Дидона не станет его женой. Чтобы спасти от гибели подданных, Дидона кончила жизнь самоубийством. Другой (римский) вариант мифа подробно разработан Вергилием в поэме «Энеида». Эней, сын правителя дарданов Анхиза и Афродиты, участвовал в Троянской войне и после поражения Трои бежал с незначительным количеством троянцев. После многих приключений он попал в Карфаген, где его полюбила Дидона. Эней, по повелению Зевса, был вынужден покинуть Дидону, и она окончила жизнь самоубийством. Сюжет этих двух мифов неоднократно привлекал внимание европейских художников, драматургов, композиторов. На трагедию Княжнина оказали влияние трагедии французского писателя Лефран де Помпиньяна «Дидона» (1734) и итальянского драматурга Метастазио «Покинутая Дидона» (1724). Последняя неоднократно ставилась в России с музыкой Арайи. На тот же сюжет написаны многочисленные балеты под названием «Оставленная Дидона» с музыкой разных композиторов.

Действие I. Явление 1. *Иль вновь Анхиз в стенах троянских погибает И спасть от пламени его тебя зовет?* Когда греки подожгли Трою, Эней вынес отца из пламени на своих плечах. *Отец богов* — Зевс. *Приамов род* — троянцы. Явление 2. *Ярбово посланье* — Ярбово посольство.

Действие IV. Явление 8. *Священный лик* — хор жрецов. Явление 9. *Кто Ахиллеса зрел и в поле с ним сражался.* Во время осады Трои Эней вступил в поединок с Ахиллесом.

Ольга. Печ. впервые по списку, хранящемуся в ГБЛ, с исправлением явных описок. В монологе Волода (действие III, явление 5) предлагается конъектура: «Достойны чувствия я в сердце влил его» (в рукописи: «...я в сердце жил его»). «Ольга» является переделкой, местами вольным переводом трагедии Вольтера «Меропа» (1736). Греческий миф о Меропе впервые обработан Еврипидом. Затем к нему обращались многие драматурги XVI в. (Ж.-Б. Ливиера, Помпонио Торелли и др.). Особенно шумный успех имела трагедия Маффеи «Меропа» (1713), переделкой которой является трагедия Вольтера. О времени написания «Ольги» нет никаких сведений. Впервые говорится о ней в сообщении М. Габель «Литературное наследство Я. Б. Княжнина» («Литературное наследство», № 9—10, М., 1933, стр. 359—368). Сюжетное сходство «Ольги» с трагедией Княжнина «Владисан» (1784), тот

факт, что «Ольга» — трагедия «без великой страсти любви», какой хотел сделать Княжнин своего «Росслава» (1784), привели к ошибочной датировке трагедии (см. сб. «Русские драматурги», т. 1, стр. 324, где «Ольга» датируется серединой 1780-х годов). А. П. Могилянский в статье «„Ольга", трагедия Я. Б. Княжнина» («XVIII век», сб. 3. М.—Л., 1958, стр. 498—504) обратил внимание на сходство «Ольги» и перевода «Меропы», сделанного В. И. Майковым (1728—1778). Наблюдение это интересно, ибо говорит о злободневности и остроте темы и заставляет склониться к более ранней датировке трагедии (в пользу ее говорит и архаичность языка трагедии). По всей вероятности, «Ольга» написана в период между «Дидоной» и «Владимиром и Ярополком» (1772), то есть в самом начале 1770-х годов, когда была переведена Майковым и «Меропа». Однако с датировкой А. П. Могилянского и его выводами согласиться нельзя. Приведя ряд строк, дословно совпадающих в «Ольге» и майковском переводе «Меропы», исследователь утверждает, что Княжнин перелагал «Меропу» не по оригиналу, а по стихотворному переводу Майкова, напечатанному в 1775 г., перенося в свое произведение целые строки майковского текста, и приходит к выводу, что трагедия Княжнина написана в 1776—1778 гг. Но перевод «Меропы» сделан Майковым до 1772 г., что засвидетельствовано Новиковым в «Опыте исторического словаря о российских писателях». Дело, однако, не только в этом, а в естественно возникающем вопросе, зачем Княжнину, профессиональному переводчику и талантливому драматургу, понадобилось заимствовать несколько строк у Майкова, который к тому же совершенно не знал французского языка и перелагал в стихи сделанный для него кем-то прозаический перевод «Меропы». Не логичнее ли предположить, что сходство отдельных строк в двух переводах объясняется общностью оригинала? Не исключено также, что прозаический перевод «Меропы», переложенный Майковым в стихи, был сделан именно Княжниным, который великолепно знал французский язык. В том, что поэты были знакомы, сомневаться не приходится: Майков был другом и почитателем Сумарокова, тестя Княжнина. Имена главных действующих лиц Княжнин взял из летописи. В ней рассказывается, что древляне убили киевского князя Игоря, облагавшего их непосильной данью, и решили завладеть Киевом, женив на вдове Игоря Ольге древлянского князя Мала. Святослав, сын Игоря и Ольги, был в это время еще ребенком.

Действие I. Явление 2. *Злодействие тогда тирана обновится* — то есть обновится в памяти народа. Явление 3. *Константинов род*. Константин — имя нескольких византийских императоров. Во времена Игоря и Ольги правил Константин VIII (по другому счету — VII) Багрянородный (905—959).

Росслав. Впервые — отдельное издание: «Росслав. Трагедия в стихах, в пяти действиях». СПб., 1784. С незначительными изменениями — РФ, ч. 6, 1787, стр. 145. Печ. по Соч., изд. 1, т. 1, стр. 159, с введением поправок, внесенных Княжниным в список

поправок и дополнений к этому тому, которые по недосмотру редакторов не были включены в Соч., изд. 2 и 3. Во всех изданиях тексту трагедии предпослано письмо-посвящение Е. Р. Дашковой (см. о ней стр. 749), в котором Княжнин отводит возможные упреки в лести и подчеркивает своеобразие «Росслава»:

«Одни заслуги чтя, моя неподла муза,
Бежа порочного со лестию союза,
В терпении своем несчастна, но тверда,
Не приносила жертв фортуне никогда.

А сверх того, мое почтение к вашим достоинствам, принося жертву единому вашему просвещению, иного ничего не желает, как только суда моему сочинению, где не обыкновенная страсть любви, которая на российских театрах только одна была представляема, но страсть великих душ, любовь к отечеству, изображена». В основу сюжета трагедии лег сильно переработанный эпизод из истории борьбы Швеции за национальную независимость. В конце XIV в. Швеция, Норвегия и Дания объединились под общей властью датских королей. В течение всего XV в. шведский народ неоднократно восставал против датского владычества. Последним общим королем Швеции и Дании был Христиан II (1481—1559), короновавшийся в 1520 г. (у Княжнина — Христиерн). Христиан жестоко расправился со своими противниками («Стокгольмская кровавая баня» 1520 г.). Ответом на террор было восстание шведских крестьян, к которым присоединились представители других сословий. Народное ополчение возглавил дворянин Густав Ваза (1496—1560), ставший после победы в 1523 г. шведским королем. Вскоре Христиан II был низложен и в Дании, где он своими попытками освободить королевскую власть от контроля феодалов вызвал ненависть со стороны датской аристократии. В отличие от княжнинского Христиерна, исторический Христиан кончил свою жизнь в заточении. Противоречивая и сложная фигура Христиана II вызывала резко отрицательное отношение историков XVIII в., и изображение Княжниным Христиерна как тирана совпадает с мнением современников. Так, известный историк Швеции аббат Верто д'Обёф называл Христиана II «северным Нероном», «немилосердым государем», презиравшим «законы и привилегии своего народа» («История о переменах, происходивших в Швеции, в рассуждении веры и правления». Перевел с французского Я. П. Козельский. Чч. 1—2, СПб., 1764—1765). Новый для русской драматургии «шведский» колорит «Росслава» был, по-видимому, следствием общего интереса в России к истории Дании и Швеции, свидетельством которого служит появление в 1760—1780-е годы ряда переводов книг по истории этих стран. Лиц, близких к кругу Н. И. Панина, интересовал характер шведской конституции. Такой мыслитель, как Я. П. Козельский, получал возможность говорить о тирании и борьбе против нее, об уважении к правам народа, религиозной терпимости (см. названную книгу Верто и в особенности предисловие и примечания Козельского к «Истории датской»

Гольберга, чч. 1—2. СПб., 1765—1766). Внимание Княжнина могла привлечь и наделавшая много шума в Европе «История Дании» Малле, вышедшая в переводе Ф. Моисеенко в 1777—1786 гг. Говоря о войне России и Швеции, Княжнин допускает хронологическую вольность. Хотя Россия и Швеция воевали многократно, но Христиан II с Россией не воевал. Мир, заключенный в 1508 г. на 60 лет при великом князе Василии III, продолжался до 1554 г., когда Россией правил Иван IV, а Швецией Густав Ваза. «Росслав» был поставлен 8 февраля 1784 г. В главной роли выступил И. А. Дмитревский. Успех трагедии был необычайным. «Публика пришла в восторг и потребовала автора; но как поощрение такого рода было еще новостью, то и поставило Княжнина в недоумение. Дмитревский нашелся при этом случае: он вышел на сцену и объявил, что для автора восхитительно лестное благоволение публики; но как в театре его нет, то он, в качестве его почитателя и друга, осмеливается за него принести благодарность публике. Раздались громкие рукоплескания, и с этого времени, когда пиэса ознаменовывалась успехом, принято за обыкновение вызывать автора» (П. Арапов. Летопись русского театра. СПб., 1861, стр. 123). В главных ролях «Росслава» с громадным успехом выступали также виднейшие актеры XVIII в. П. А. Плавильщиков и Я. Е. Шушерин (до 1786 г. в Москве, затем в Петербурге). Однако после начала Французской революции, несмотря на громадный успех трагедии, она была исключена из репертуара петербургского театра (с 1789 по 1801 г. на сцене этого театра не состоялось ни одного представления «Росслава». — См. «Архив Дирекции императорских театров», составленный Молчановым, Погожевым и Петровым, СПб., 1892). Негласное запрещение с трагедии было снято только в начале XIX в., и она вновь пошла на петербургской сцене с выдающимся трагическим актером А. С. Яковлевым в главной роли, однако текст значительно изменялся и перерабатывался, а наиболее острые места вообще выбрасывались. В Москве «Росслав» шел и в 1790-х годах, причем в главной роли выступал П. А. Плавильщиков, переехавший в 1793 г. в Москву. Трагедия прочно удерживалась в репертуаре русских театров до середины 1810-х годов, но текст подвергался изменениям (одна из таких переделок сохранилась в фондах Ленинградской театральной библиотеки). Переработка сводится в основном к трем моментам. Во-первых, значительно сокращаются монологи, особенно в первой части трагедии; сокращена роль Зафиры; выброшено более половины сцены между Росславом и Зафирой (действие III, явление 4); выкинуты заключительные слова Росслава и Зафиры, так что трагедия кончалась словами Росслава: «Меня и наградит едина добродетель». Во-вторых, несколько модернизируется язык (таких поправок мало). В-третьих, выбрасываются или переделываются идеологически «неподходящие» монологи и реплики. От центрального монолога Росслава «Ты росс, а ты того ж не можешь ощущать...» (действие II, явление 1) оставлена только одна первая строка; другой монолог Росслава из этого же явления значительно изменен, выброшены замечательные слова: «Не может повелеть мой князь мне

подлым быти» и весь монолог, состоявший из 19 стихов, сокращен до семи:

Он права не имеет!
На троне истину и милости храня,
Когда б я винен был, спасти б он мог меня.
Но правому на смерть пускай он даст веленье,
Тогда ко мне его познаю уваженье;
Пусть князь сказал бы мне: умри, Росслав, как жил, —
Тогда б мой государь моим и другом был.

В реплику Любомира (действие II, явление 3) о том, что царь «законов первый раб, он подданным пример», внесено существенное изменение: «Законодатель быв, он подданным пример». Значительно ослаблен и лишен политической остроты один из сильнейших монологов Росслава (действие II, явление 3), сокращенный к тому же с 11 стихов до семи:

Цари! вас смерть зовет пред суд необходимый;
Свидетель вам ваш век, судья неумолимый
Пред веком будущим, где правды на весах
Судиться будете во всех своих делах.
Тогда, с сей высоты упавшие безмерной,
Одни предстанете пред суд нелицемерный.
Тогда вострепещи.

Действие I. Явление 1. *Ругаясь мной* — предав меня поруганию. Явление 3. *Я млею!.. Я горю!..* В комедии «Чудаки» щеголь Ветромах, доказывая, что русский язык груб и непригоден для объяснения в любви, в качестве примера приводит именно эти слова.

Действие II. Явление 3. *Предубежден величием твоим* — заранее убежденный в твоем величии.

Действие III. Явление 1. *В единовластие недавно съединенна.* Объединение русских удельных княжеств вокруг Москвы было завершено при великом князе Московском Василии III (княжил 1505—1533). *Из праха чуждых рабств подъемлюща чело.* При великом князе Московском Иване III (княжил 1462—1505) было окончательно свергнуто татаро-монгольское иго.

Действие IV. Явление 2. *Превыше человек* — превыше людей.

Вадим Новгородский. Впервые — отдельное издание, СПб., 1793, и — с того же набора, но с исправлением некоторых опечаток — РФ, ч. 39, 1793, стр. 123. Трагедия была закончена Княжниным в конце 1788 или в начале 1789 г. В готовившемся спектакле в главных ролях должны были выступать известные актеры Я. Е. Шушерин, П. А. Плавильщиков, Е. Ф. Баранова и др. В связи с начавшейся во Франции революцией Княжнин был вы-

нужден взять трагедию из театра. Спустя два года после смерти драматурга, 5 марта 1793 г., один из опекунов детей Княжнина, псковский помещик П. Я. Чихачев, продал книгопродавцу И. П. Глазунову оставшиеся ненапечатанными произведения Княжнина: «Вадим Новгородский», комедии «Чудаки», «Траур, или Утешенная вдова», «Жених трех невест», комическую оперу «Мужья — женихи своих жен» и «несколько мелочных розных пиес, писанных собственною его рукою» («Объяснение» П. Я. Чихачева генерал-губернатору псковскому и смоленскому Г. М. Осипову от 1 января 1794 г.[1]). Глазунов, не имевший собственной типографии, отдал «Вадима Новгородского» и «Чудаков» для издания в типографию Академии наук. Президент Академии наук Е. Р. Дашкова согласилась на напечатание трагедии по представлению О. П. Козодавлева, не читая ее (Записки княгини Е. Р. Дашковой, Лондон, 1859, стр. 238). 4 июня состоялось определение канцелярии Академии о напечатании 1212 экземпляров отдельного издания трагедии и перепечатке ее с того же набора в РФ. Отдельное издание было готово 14 июля, а 30 сентября была выпущена из типографии 39-я часть РФ, в которой, помимо «Вадима Новгородского», были напечатаны трагедия Крылова «Филомела», его же комическая опера «Бешеная семья» и комическая опера «Опасная шутка» неизвестного автора. Вскоре к Дашковой явился генерал-прокурор А. Н. Самойлов с выговором от императрицы за напечатание пьесы. Он сообщил, что Екатерина сравнивает трагедию с «Путешествием из Петербурга в Москву». В тот же вечер на приеме Екатерина спросила Дашкову: «Что я вам сделала, что вы распространяете против меня и моей власти такие опасные правила?» — и добавила, что она считает необходимым сжечь трагедию «рукою палача» (Записки Дашковой, стр. 239). Началось следствие. Его вел генерал-прокурор под непосредственным наблюдением императрицы. Следствие велось тайно, через Секретную экспедицию Первого департамента Сената, то есть через знаменитую Тайную канцелярию. Пытались найти виновных в издании трагедии, обвиняли в этом Дашкову, Глазунова, вдову Княжнина и сына драматурга, Александра Княжнина. Вот, например, один из ходивших по городу слухов, сообщенный Д. П. Трощинским, который в это время был статс-секретарем

---

[1] Значительная часть документальных материалов (из разных фондов и хранилищ) опубликована в статьях М. Н. Лонгинова, В. Я. Стоюнина, П. А. Ефремова, В. П. Семенникова, Л. Б. Светлова и других, но не сведена воедино. Поэтому мы считаем необходимым изложить здесь вкратце историю издания, следствия и суда над книгой по первоисточникам, хранящимся в ЦГАДА (Госархив, разряд VII. Дело о запрещенных книгах, картах и картинах) и в ГБЛ (Фонд Белокурова. Дело о сожжении книги Якова Княжнина «Вадим Новгородский»), а также дать краткий свод оценок трагедии в дореволюционное время и рассказать о полемике в советском литературоведении по поводу «Вадима Новгородского».

Екатерины, то есть лицом весьма осведомленным: «На сих днях княгиня Екатерина Романовна имела некоторую неприятность, по причине напечатанной в Академии трагедии «Вадим Новгородский», сочинения умершего Княжнина... Действительно, тут есть такие ужасные монологи, которых нигде бы не потерпели в самодержавном государстве. Много было о нем разысканий, и наконец нашлось, что сын Княжнина, из числа повес и негодяев, найдя между запечатанными бумагами отца сию трагедию, украл ее и продал, как говорят, книгопродавцу; но как уже она очутилась в академической типографии — не знаю» (Архив князя Воронцова, кн. 12, М., 1877, стр. 381). Скоро Тайная канцелярия напала на след. 7 ноября Самойлов запросил псковского и смоленского генерал-губернатора Осипова о помещике Чихачеве, приказав снять с него допрос; о собрании сочинений Княжнина 1787 г. был запрошен Горный корпус, в типографии которого оно печаталось; 12 ноября генерал-прокурор послал письмо командованию Измайловского полка с требованием прислать для объяснений служившего в полку сына покойного драматурга. В эти же дни было дано распоряжение о конфискации во всех книжных лавках и в типографии Академии наук непроданных экземпляров трагедии и 39-й части РФ. Наконец, Самойлов отправил секретное предписание московскому главнокомандующему князю А. А. Прозоровскому:

«Секретно.

Милостивый государь мой князь Александр Александрович!

По случаю вышедшей в печати трагедии «Вадим Новогородский» сочинения Княжнина с дерзкими в ней помещенными словами, которых до четырехсот экземпляров препровождено отсюда в Москву для продажи от здешнего купца Ивана Глазунова, который и сам теперь находится в Москве, ее императорское величество высочайше указать соизволила, чтобы ваше сиятельство, призвав его, спросили, где вышесказанные экземпляры находятся, и оные, как от него, так и от прочих книгопродавцев отобрав и запечатав, с сим нарочно посланным курьером доставить ко мне, да и прочие его, Княжнина, сочинения, вышедшие в печать по смерти его, просмотреть, и ежели и в них окажутся подобные нелепые изречения, то и те, запечатав, прислать сюда, но если и без таковых изречений из его сочинений покажутся вашему сиятельству сумнительны, таковых, остановя продажу, прислать по одному экземпляру. Благоволите, ваше сиятельство, исполнить все оное с осторожностию, без огласки, по данной вам власти, не вмешивая высочайшего повеления... Трагедия сия «Вадим Новгородский» не только особо, но и вместе с прочими сочинениями Княжнина продается, почему для сведения вашего сиятельства имею честь препроводить по экземпляру».

Показания А. Княжнина и ответ директора Горного корпуса П. А. Соймонова ничего не дали следствию. П. Я. Чихачев подтвердил, что продал рукописи Княжнина Глазунову, но что в рукописи «Вадима» «некоторые дерзкие выражения были, в том

нимало я не сведущ, и по прочтении мною оной рукописной трагедии ничего заметить не мог, а наиболее утверждаясь тем, как еще при жизни его, Княжнина, задолго были сочинены и многие представлены, полагая за верное, что уже и оная трагедия была публично на театре представлена, по нежительству моему в Петербурге мне неизвестно, а сверх того оный купец Глазунов, купя от меня, должен был бы приступить и напечатать звание «с указного дозволения», где бы и рассмотрено было, что к винности моей не относится» («Объяснение» Чихачева от 8 декабря 1793 г.). Очень мало дали и показания Глазунова, которого допрашивал «самолично» А. А. Прозоровский. Глазунов «вывертывался» как мог, он умудрился не назвать ни одной фамилии и скрыть две трети привезенных книг. Вместо четырехсот экземпляров трагедии, о которых сообщал Прозоровскому Самойлов, в Москве удалось изъять немногим больше ста пятидесяти. За три месяца, прошедших со времени выхода книги в свет до начала следствия, была, несомненно, распродана значительная часть тиража отдельного издания трагедии. Но 39-я часть РФ поступить в продажу не успела, почти весь тираж ее был опечатан в типографии. Поэтому до нас дошло сравнительно большое количество экземпляров отдельного издания и единичные экземпляры РФ с трагедией Княжнина. 7 декабря 1793 г. генерал-прокурор Самойлов обратился к Сенату с «предложением», в котором предписывалось рассмотреть трагедию «Вадим Новгородский» и вынести о ней решение, так как «в сей трагедии помещены некоторые слова, не токмо соблазн подающие к нарушению благосостояния общества, но даже есть изражения противу целости законной власти царей», а «таковые дерзкие изречения противны вначале божественным, а потом и гражданским законам». Сенат рассматривал «предложение» Самойлова и трагедию Княжнина 7, 14 и 24 декабря и вынес решение: «Поелику книга сия наполнена дерзкими и зловредными противу законной власти выражениями, а потому в обществе не может быть терпима и достойна сожжена быть публично». В тот же день, 24 декабря, был дан и секретный именной указ Екатерины II, которым предписывалось трагедию «сжечь в здешнем столичном городе публично». Отобранные в книжных лавках экземпляры отдельного издания были сожжены на Александровской площади в Петербурге (у Александро-Невской лавры). Из РФ трагедия была вырвана так, что пострадали соседние произведения — «Опасная шутка» и «Филомела», вырванные листы были также уничтожены, но и в таком изуродованном виде 39-ю часть РФ рискнули пустить в продажу только через 60 с лишним лет. 30 декабря Сенат разослал по всем губерниям секретные именные указы с требованием отбирать и присылать в Петербург для сожжения экземпляры трагедии. Но книг поступало чрезвычайно мало. В Петербурге, например, было возвращено всего два экземпляра, один прислало Могилевское наместническое правление, а из подавляющего большинства губерний не было прислано вообще ни одного. В новом секретном указе от 27 мая 1794 г. говорилось о малом числе поступающих экземпляров и требовалось

исполнять указ «без малейшего времени упущения», под угрозой «взыскания по законам». Не улеглось дело и при Павле I. По именному указу 11 января 1798 г. Сенат слушал 48 «репортов» губернских правлений по поводу «Вадима». Трагедия не могла быть напечатана ни при Александре I, ни при Николае I. Только в 1871 г. П. А. Ефремову удалось перепечатать «Вадима Новгородского» в «Русской старине» (т. 3, № 6), да и то без четырех строк («Самодержавие, повсюду бед содетель» и т. д. Встречаются отдельные оттиски из журнала с полным текстом). Так же, без четырех строк, трагедия перепечатана А. Е. Бурцевым в его «Библиографическом описании редких и замечательных книг» (СПб., 1901). Полностью трагедия Княжнина смогла увидеть свет только через 120 лет после первого издания, да и то в очень искаженном виде и весьма малым тиражом (325 экз.). На этот раз причина была не в цензурных стеснениях, а в текстологических установках редактора. Подготавливая к печати отдельное издание «Вадима Новгородского» (Пг., 1914), В. Ф. Саводник принял за основу не печатный текст отдельного издания и РФ, а текст одного из бесчисленных списков, в котором основной текст, совпадающий с печатным, испорчен позднейшими поправками (по-видимому, конца 1810-х годов). Вводя эти поправки в текст, Саводник исходил из следующего «принципа»: «Сам Княжнин, конечно, не принадлежит к числу таких писателей, каждая строка которых должна быть для нас священной и заповедной» (стр. XXIII). Не более «обоснованы» и другие текстологические принципы издания. Так, например, многие изменения, внесенные в текст, в примечаниях никак не оговариваются. Подлинный текст «Вадима Новгородского» фактически впервые после 1793 г. появился только в сборнике, составленном Г. А. Гуковским, «Русская литература XVIII века», Л., 1937. Трагедия Княжнина, появившаяся в самый разгар Французской революции, вскоре после казни Людовика XVI, была встречена в штыки и реакционерами и либералами. Отрицательную статью напечатал А. И. Клушин («Санктпетербургский Меркурий», 1793, № 8, стр. 137). Клушину не нравится в «Вадиме» все: и завязка, и развитие действия, и развязка, и язык трагедии. Но главное, конечно, в трактовке образа Вадима и идее пьесы Вадим для Клушина — «строгий, предприимчивый, исступленный и, можно сказать, безумный республиканец», его желание обратить новгородцев «в прежнее безначалие не есть ли желание самого лютейшего их зла? Не для того ли хотеть низвергнуть с престола Рурика, дабы самому обладать республикой? — и, сделавшись идолом народа, повергнуть их в мучительные цепи рабства, что всего чаще делается в республике?» Еще более отрицательный отзыв о «Вадиме» дал реакционер Н. Е. Струйский, напечатавший в 1794 г. в собственной типографии в селе Рузаевке «Письмо о российском театре нынешнего состояния». Это — стихотворное послание, направленное против Княжнина (в связи с трагедией «Вадим Новгородский») и Николева (в связи с трагедией «Сорена и Замир»), объединенных под именем «трагика», и довольно неуместно адресованное другу Княжнина И. А. Дмитревскому.

К стр. 249

Струйский утверждает, что тиранов на свете нет нигде, что «Русская страна Во власть от бога здесь монархам отдана», и обрушивается градом ругательств и на Княжнина, и на «прегнусного Вадима, Которого судьбы низринули навек». Отрицательные отзывы Клушина и Струйского могут быть дополнены мнением Н. И. Страхова, который, несомненно, имел в виду Княжнина и его трагедию, когда, объявив трагедию наивреднейшим жанром, заявлял: «История, верные предания и происшествия, случившиеся на нашей памяти, доказывают, что некоторые из них (трагедий. — *Л. К.*) были сосцами, вскормившими бунтовщиков и самоубийц» (Мои петербургские сумерки, ч. 2. СПб., 1810, стр. 63). Совпадение отрицательных отзывов реакционеров с мнением либералов объяснялось страхом перед Французской революцией и республиканским характером «Вадима». С другой стороны, делались попытки принизить революционное значение трагедии Княжнина, объяснить историю с «Вадимом» недоразумением, ошибкой со стороны императрицы и правительства. Доказывалось, что «Вадим Новгородский» — «ничтожная вещь», в которой нет ничего предосудительного ни по мысли, ни по языку, что развязкой пьесы служит «торжество монарха над покоренным Новгородом и бунтом» (Записки княгини Е. Р. Дашковой. Лондон, 1859, стр. 238). Из последующих отзывов о трагедии один из наиболее развернутых и интересных принадлежит А. Ф. Воейкову (1778—1839):

...Моя любимая трагедия — «Вадим»!

С какою силою начертан Княжниным
Новогородский Брут и Цезарь величавый!
Один — блистающий в короне чистой славой,
Свободу благостью заставивший забыть
И от безвластия власть спасшую любить;

Другой свиреп и яр, как тигр неукротимый,
По добродетелям за полубога чтимый...
Обоим — славная, ужасная судьба!
И нерешенною осталася борьба
Величья царского с величьем гражданина:
Корнелева пера достойная картина.

О высокой оценке трагедии в передовых кругах русского общества и ее популярности среди молодежи в 1800-е годы свидетельствует С. Т. Аксаков, рассказывающий о себе и своих товарищах по Казанскому университету: «Все мы были большие любители театра, и у нас сейчас начались чтения разных драматических пьес и даже разыгрыванье их, разумеется, без костюмов и декораций. Таким образом, в числе других разыграли мы трагедию Княжнина «Вадим Новгородский». Она пользовалась большою славою не только потому, что была запрещена, но и потому, что заключала

в себе, по общему мнению, много смелых, глубоких мыслей, резких истин и сильных стихов, — так думало тогда старшее поколение литераторов и любителей литературы. Надобно признаться, что и мы, молодые люди, были увлечены таким мнением...» (С. Т. Аксаков. Собрание сочинений в четырех томах, т. 2. М., 1955, стр. 255). Особенное распространение получила трагедия Княжнина в 1810-х — начале 1820-х годов, в годы декабристского движения. Отношение декабристов к Княжнину как бы резюмирует четверостишие, помещенное в одном из списков «Вадима Новгородского»:

Софокл, Вольтер и сам чувствительный Расин,
Узрев меж тенями стран северных пиита,
В восторге воскликнули: «В храм Славы, друг Княжнин!
Творцу Вадимову — бессмертие защита!»

(«Вадим Новгородский», Пг., 1914, стр. XXIII).

Во второй половине XIX в. широкое распространение получила точка зрения, согласно которой трагедия объявлялась явлением безвредным, а жестокая расправа с ней правительства объяснялась поправением Екатерины II после Французской революции. Так считали М. Н. Лонгинов, М. И. Сухомлинов, В. Ф. Саводник и др. Некоторые исследователи полагали, что и Рурик, и Вадим хороши и что Княжнин не решил борьбу в пользу кого-либо из них (В. Я. Стоюнин, Ю. А. Веселовский). Третья группа исследователей утверждала, что в образе Вадима создан яркий образ свободолюбца-республиканца, что симпатии Княжнина на стороне Вадима (И. И. Замотин, В. В. Сиповский и др.). Г. В. Плеханов находит, что княжнинская трактовка образа Рурика и показ любви народа к нему свидетельствуют о верности Княжнина идеям монархии. Далее, вступая в противоречие с самим собою, Плеханов убедительно полемизирует с теми, кто объяснял репрессии против «Вадима Новгородского» страхом Екатерины перед событиями Французской революции. Образы нераскаявшихся республиканцев изображены, по словам Плеханова, так, «что они оставались опасными, даже потерпев полное поражение. Этого Фелица не могла одобрить не только после того, как началась революция и гильотина снесла голову французскому королю, но даже в самом начале своего царствования» (Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, т. 4. Пг., 1918, стр. 37—46). Единой точки зрения на «Вадима Новгородского» нет и в советском литературоведении. М. А. Габель, указывая, что симпатии Княжнина на стороне Вадима, считает драматурга сторонником аристократической фронды (М. А. Габель. Литературное наследство Я. Б. Княжнина. — «Литературное наследство», № 9—10. М., 1933, стр. 365). Отвечая на статью М. А. Габель, Н. К. Гудзий опроверг ее утверждение о принадлежности Княжнина к аристократической фронде, но затем пришел к выводу, что «Вадим» является «апологией просвещенной монархической власти, воплощавшейся на практике для Княжнина в деятельности Екатерины II, и нет никаких поводов

подозревать в трагедии наличие какого-либо скрытого критического отношения к этой власти» («Об идеологии Княжнина». — «Литературное наследство», № 19—21. М., 1935, стр. 662). Г. А. Гуковский на основании анализа всего творческого пути Княжнина и, в частности, его последней трагедии возразил Н. К. Гудзию: «Трагедия, как это было совершенно ясно и Екатерине II и другим современникам, не с к р ы т о, а совершенно открыто выражала критическое отношение к деспотии... «Вадим» именно как антимонархическая трагедия явился естественным выводом из всего его творческого пути» (Г. А. Гуковский. Русская литература XVIII века. М., 1939, стр. 369). Д. Д. Благой, отбрасывая полуторасотлетний спор как ведущийся «не совсем по существу», считает, что «важно не столько то, что х о т е л с к а з а т ь своей трагедией Княжнин, сколько то, что художественно ею с к а з а л о с ь. Основная же сила художественного впечатления трагедии заключается, конечно, не в образе Рурика, а в непреклонно суровом, героическом облике Вадима. Именно в создании образа Вадима — первого в нашей литературе героического образа революционера-республиканца — заключается основная литературно-художественная заслуга Княжнина» (Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. М., 1955, стр. 326). Наконец, А. В. Десницкий утверждает, что Княжнин отдавал предпочтение «скорее республике, конечно, дворянской», но при этом полагал, что в современной ему России, когда «народ, т. е. дворянство», привыкло к самодержавию, надо прославлять хорошего царя и жить в «златом веке», а свергать следует царя-деспота, подобного Христиерну. Это положение неожиданно подкрепляется несколькими строками из знаменитого монолога Пренеста (действие II, явление 4), в котором говорится о необходимости свержения именно хорошего монарха, «героя» Рурика, и делается предупреждение: «Не усыпляйтеся блаженством власти сей...», «Самодержавие, повсюду бед содетель» и т. д. (см. «Ученые записки» ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 198, Л., 1959, стр. 101—102).

Д е й с т в и е I. Я в л е н и е 1. *На самой площади* и т. д. Имеется в виду площадь, на которой собиралось народное вече для решения важнейших вопросов. Княжнин, как и Радищев (независимо друг от друга), идеализировал новгородскую «вольность» и вечевое правление. Для них факт существования веча был свидетельством того, что славянским народам в древности было свойственно республиканское, а не монархическое правление. Именно от Княжнина и Радищева идеализация вольности Новгорода перешла к декабристам, воспевшим «последний оплот русской вольности» в многочисленных стихах и поэмах. Ни Княжнин, ни Радищев, ни позднее декабристы не могли еще видеть, что новгородское вече было демократией лишь с внешней стороны, а «по существу все важнейшие вопросы решали деньги» (М. И. Калинин. Статьи и речи. 1936—1937. М., 1938, стр. 166). Я в л е н и е 2. *Он сыну дочери своей здесь отдал власть.* В «Записках касательно российской истории» Екатерина II сделала Рюрика сыном старшей дочери Гостомысла.

Действие II. Явление 1. *Торжественное войско* — торжествующее, победоносное. *Ты бесстрастна* — беспристрастна.

Хвастун. Впервые — отдельное издание, СПб., 1786. С незначительными изменениями — РФ, ч. 10, 1786, стр. 121. Печ. по Соч., изд. 1, т. 3, стр. 1. Сообщая о выходе отдельного издания, журнал «Зеркало света» в «Известии о книгах» писал: «Как достоинство сочинителя сея комедии и других многих творений публике с весьма хорошей стороны уже известно и сия комедия прежде напечатания оной представляема была ко удовольствию публики неоднократно, то и не остается нам более к похвале оной ничего прибавить» («Зеркало света», ч. 2, 1786, стр. 21. Номер вышел 30 мая). Таким образом, датой написания и первых представлений «Хвастуна» был не 1786 г., а 1785 или, может быть, даже 1784. Дореволюционное литературоведение считало комедию Княжнина переложением комедии де Брюэса и Палапра «Значительный человек». Однако это не так. Княжнин создал оригинальное произведение, воспользовавшись общими для многих комедий сюжетными ходами и ситуациями и наполнив их жизненным русским материалом. Комедия Княжнина не сходила со сцены до 1830-х годов (П. Арапов в «Летописи русского театра», СПб., 1861, стр. 378, ошибочно говорит, что «Хвастун» не ставился в Петербурге с 1790 до 1825 г. В «Архиве Дирекции императорских театров», составленном Молчановым, Погожевым и Петровым, только за период с 1790 по 1800 г. зарегистрировано 12 спектаклей в одном лишь Петербургском русском императорском театре). В Петербурге в 1790 г. роли в «Хвастуне» исполняли: П. Плавильщиков (Верхолет), С. Сандунов (Полист), А. Крутицкий (Простодум), А. Михайлова (Чванкина), А. Прокофьев (благочинный) и др. В 1825 г. в постановке комедии также были заняты лучшие актеры: И. Сосницкий (Верхолет, Полист), Е. Бобров (Простодум), А. Рамазанов (Полист), Величкина старшая (Чванкина). В Москве в «Хвастуне» играли: П. Плавильщиков, С. Сандунов, В. Померанцев, Е. Сандунова, А. Померанцева, М. Воробьева и др. «Хвастун», как и другие комедии Княжнина, ставился на провинциальной и частной сцене. Например, в 1820-х годах «Хвастун» был поставлен в доме А. Н. Оленина, причем П. А. Катенин (Верхолет) и И. А. Крылов (Простодум) «играли в совершенстве» (А. М. Каратыгин. Записки, т. 2. Л., 1929, стр. 134). В спектаклях первой четверти XIX в. текст комедии подвергался обработке. Один из экземпляров «Хвастуна» с исправлениями начала XIX в. хранится в Ленинградской театральной библиотеке. В этой обработке значительно сокращены монологи Честона, из которых выкинуты самые резкие места (например, в третьем явлении 3-го действия целиком опущены слова Честона: «И, титлом пользуясь природного дворянства... а ты не исполняешь» и «Я мог бы, может быть, подобяся иным... И счастья легкого я сыну не желаю»). Другие исправления касаются языка, но их сравнительно немного.

Действие I. Явление 2. *От желтой, сударь, их причинныя муки.* Причинная — являющаяся причиной. Речь идет о том,

что Полист носит по обычаю 1780-х годов светлый парик. Вместо пудры зачастую употреблялась мука. Явление 5. *Хотя бы штабского чинишка мне добиться.* Согласно «табели о рангах», офицеры делились на обер-офицеров (до капитана и ротмистра) и штаб-офицеров (от майора до полковника). Соответственное деление было и в штатской службе, где чином, соответствовавшим майору, был чин коллежского асессора. *Три тысячи скопил я дома лет в десяток... кстати в рекруты торгуючи людьми.* Эти строки А. С. Пушкин цитирует в «Путешествии из Москвы в Петербург» (Полное собрание сочинений в десяти томах. Изд. АН СССР. М.—Л., 1949, т. 7, стр. 296).

Действие II. Явление 3. *Но и по комнате о вас лишь рассуждают.* Комната — кабинет императрицы, где она занималась делами, принимала доклады и т. п.

Действие III. Явление 6. *То был бы гвардии он завтра капитан* и т. д. Это место в несколько измененном виде А. С. Пушкин взял в качестве эпиграфа к 1-й главе «Капитанской дочки». *Лицо широкое его... Одето в красненький сафьянный переплет.* Этот образ А. С. Пушкин использовал при создании портрета переплетчика в повести «Гробовщик». П. А. Вяземский воспользовался этим же образом для портрета И. В. Лопухина (Старая записная книжка, Л., 1929, стр. 209). *Так что ж, что ты Честон, хоть знаю, да не верю.* Эти слова Чванкиной А. С. Пушкин дважды использовал как поговорку в борьбе с литературными противниками (Опровержение на критики, т. 7, стр. 190 и 191). Явление 8. *Соломон* — царь Иудеи, при котором, по библейскому преданию, Иерусалим так разбогател, что золото и серебро сделались равноценными простым камням.

Действие IV. Явление 5. *Очаков. — Быть нельзя. — Очаков иль Бендеры.* Замир возражает Верхолету потому, что во время первой русско-турецкой войны русские войска не смогли взять крепость Очаков (она была взята только в декабре 1788 г., во время второй русско-турецкой войны, спустя несколько лет после написания комедии). Бендеры пали 16 сентября 1770 г.

Действие V. Явление 2. *Или вертливости не знаешь колеса, На коем счастие слепое здесь кружится?* Согласно мифологии, богиня счастья Фортуна изображалась стоящей с завязанными глазами на беспрерывно катящемся колесе. Явление 3. *Агент, резидент* — дипломатические ранги. Явление 8. *И я в минутную чистенько расквитаюсь.* Во всех изданиях, по-видимому, невыправленная опечатка: «в минутую». В минутную — быстро, в момент (см. явление 4 действия V «Ябеды» В. В. Капниста: «В минутную поспел»).

Чудаки. Впервые — отдельное издание, СПб., 1793, без имени автора, и — с того же набора, но с исправлением некоторых опечаток и также анонимно — РФ, ч. 41, 1794, стр. 1. Об истории издания комедии см. примеч., стр. 730. Точных данных о времени написания «Чудаков» до нас не дошло, в научной литературе существуют различные датировки: например, Н. В. Богословский от-

носит комедию к 1784 г. (см. сб. «Пушкин-критик», М.—Л., 1934, стр. 638); Б. В. Нейман, называя «Вадима Новгородского» «последним произведением Княжнина», тем самым относит «Чудаков» к периоду до 1789 г. («Комедии Я. Б. Княжнина» в сб. «Проблемы реализма в русской литературе XVIII века», М.—Л., 1940, стр. 142). Эти датировки необоснованны. Княжнин умер в январе 1791 г., а действие комедии происходит «тысяча семьсот и девяноста года» (см. действие V, явление 7), — ясно, что к 1790 г. относится и ее написание. Дореволюционное литературоведение считало комедию Княжнина «переделкой», «подражанием», а иногда и простым переводом комедий «Странный человек» и «Значительное лицо» французского драматурга Филиппа-Нерико Детуша (1680—1754). Б. В. Нейман (указ. статья, стр. 139—141), сравнив комедии Княжнина и Детуша, показал, что сюжет «Чудаков» ничего общего не имеет с комедиями французского драматурга, что некоторое, весьма отдаленное сходство можно отметить лишь в отдельных чертах характера Лентягина и героев пьес Детуша. К этому следует добавить, что образ Лентягина гораздо ближе к образу Флориндо в «Ловкой служанке» Гольдони, и указать на сходство диалога, открывающего комедию Княжнина, и разговора Флориндо с развязным слугой Траканьино (действие II, явление 12). В целом же можно сказать, что в «Чудаках» использованы лишь некоторые ситуации и отдельные черты характеров героев, встречающиеся в разных произведениях европейских драматургов. «Чудаки» были поставлены вскоре после опубликования и с неизменным успехом шли на сцене петербургских и московских театров до 1830-х годов (особенно прославились великолепной игрой в роли Пролаза А. М. Крутицкий и С. Н. Сандунов), а также на провинциальной сцене (например, в 1811 г. в Пензе, в 1813 г. в Нижнем Новгороде и т. д.). Комедия была поставлена и на сцене Лицея, когда в нем учился Пушкин. При постановках первой четверти XIX в. текст комедии перерабатывался. Примером такой переработки может служить экземпляр комедии, хранящийся в Ленинградской театральной библиотеке. По поправкам, внесенным в текст, можно видеть, что переработка шла по трем основным направлениям. Во-первых, большинство французских слов и выражений Ветромаха переведено на русский язык, а некоторые строки, включавшие французские слова и выражения, заменены новым русским текстом. Во-вторых, выброшены или смягчены некоторые идейно «неподходящие» места. В роли судьи, например, вычеркнуто несколько фраз («Овчинки добрые по векселям сдираю» — действие III, явление 7 и др.). Значительно сокращены те места в роли Ветромаха, которые разоблачают космополитизм аристократии, ее презрение к учению, высокомерно-пренебрежительное отношение к нижестоящим и т. д. Так, например, выброшены следующие стихи:

И благородство чем мы можем доказать?
По-русски не уметь, всё наше презирать, —
Вот это знатности véritable призна́ки.

(Действие II, явление 3)

Не стыдно ль с чернью вам такою унижаться
Или хотите вы, мадам, денигреваться?
Что скажем мы о вас...

(Действие V, явление 6)

Ils sont foux! А на что ж я знатного толь рода?
На то ль, чтоб голову учением трутить
И не уметь без книг, всё знав, разумным быть?
Лишь черни не дана отличная свобода
Быть умным без наук.

(Там же)

Наконец, третья группа поправок имеет цель «пригладить», «облагородить» язык комедии, смягчить грубые выражения и т. д. Например, «твоими пыхами» заменено на «своею важностью», «Один налюбит он на разные манеры» — «Что день, то разные и новые манеры»; «И вздумать мне о нем и гадко и ужасно» — «И вздумать мне о нем отменно как ужасно»; «какие дурости» — «какие глупости»; «коль хошь» — «ну хоть»; «как будто кляп во рту» — «всего несноснее» и т. п. Под влиянием «Чудаков», и в еще большей степени «Хвастуна», драматург А. Н. Голицын написал комедию «Новые чудаки, или Прожектер» (М., 1798). Именем одописца Тромпетина (оно образовано от франц. trompette — труба, трубач) в 1805 г. воспользовался Н. И. Брусилов в эпиграмме, направленной против Г. Р. Державина («Журнал российской словесности», 1805, № 5). Державин принял это имя в своей ответной эпиграмме «Ответ Тромпетина к Булавкину» («Друг просвещения», 1805, № 9), а впоследствии снова использовал его в стихотворении «Лирик».

Действие I. Явление 1. *Не умножай меня ты, говоря со мною* и т. д. Ср. слова Стародума в «Недоросле» Фонвизина: «Служил он Петру Великому. Тогда один человек назывался «ты», а не «вы». Тогда не знали еще заражать людей столько, чтоб всякий считал себя за многих. Зато нынче многие не стоят одного» (действие III, явление 1). Явление 2. *Сенека* Луций Анней (ок. 6 до н. э. — 65 н. э.) — римский философ, считавший, что цель жизни состоит в воспитании абсолютной невозмутимости духа.

Действие II. Явление 1. *Мердоа* — цвета гусиного помета (от франц. merde d'oie). *Селадон* — герой романа французского писателя Оноре д'Юрфе «Астрея» (1609—1619) — влюбленный пастух. Явление 2. *Экспримировать* — выражать (от франц. exprimer). *Грасы* — грация (от франц. grâce). Явление 3. *Агнеса Сорель* (1409—1450) — фаворитка французского короля Карла VII. *Не делая ей кур* — не волочась за нею (от франц. fair la cour). *Крим* — преступление (от франц. crime). *Вы флатируете* — льстите (от франц. flatter). *Мерит* — достоинство (от франц. mérite). Явление 7. *Филемон, Тирсис, Арсам, Аркас* — имена, характерные для идиллий и эклог.

Действие III. Явление 1. *Сибуль* — лук (от франц. ciboule). *Перюкье* — парикмахер (от франц. perruquier). *Уй* — да (от

франц. oui). Явление 2. *Бадинка* — тросточка (от франц. badine). Явление 3. *Офискирует* — оскорбляет (от франц. offusquer). Явление 6. *Старинный штаб* — давно имеющий штаб-офицерский чин (см. стр. 738). *Иль я не весь майор, а если весь майор, Так всё то, что мое* и т. д. Игра слов, основанная на близком звучании слов «майор» и «мое», подчеркнутая в первых изданиях написанием: «маiор» и «маiо». Явление 7. *Закбнец натяну с тебя бесчестье взять.* Имеется в виду закон, по которому обидчик должен был уплатить штраф в пользу оскорбленного. Этим законом злоупотребляли судейские чиновники, намеренно выводившие из терпения тех, кто был вынужден обращаться к ним.

Действие IV. Явление 2. *Лабет* — стыд, погибель (от лат. labes). Явление 7. *Риваль* — соперник (от франц. rival). Явление 12. *Ин изволь, и стань же в позитуру. Увидишь, проколю как я твою фигуру!* Эти строки А. С. Пушкин избрал в качестве эпиграфа к 4-й главе «Капитанской дочки». *Выпав* — сделав выпад. *И помнится, у нас по полной оплеухе.* А. С. Пушкин использовал эти слова в статье «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» (Полное собрание сочинений в десяти томах, Изд. АН СССР. М.—Л., 1949, т. 7, стр. 255).

Действие V. Явление 4. *Эпиталама.* Свирелкин написал нечто вроде мадригала (небольшого стихотворения любовного содержания, в котором восхваляется дама), но по невежеству назвал свое стихотворение эпиталамой, которая является похвальной песнью бракосочетающимся или бывает написана по случаю брака. *Струя пермесских вод* — Кастальский ключ. *Ириса* — условно-литературное имя, характерное для поэзии классицизма. Явление 5. *В идиллиях ваш дар, как ясный Феб, сияет, В элегиях у вас плачевнейший содом.* Согласно поэтике классицизма, идиллия должна была «представлять состояние самое счастливое, каким только могут люди наслаждаться и каким наслаждались они, судя по преданиям, в зóлотом веке». В элегиях же (лирических стихотворениях печального, грустного характера) обязательно было наличие «в мыслях некоторого беспорядка, столь сообразного с натурою» (Словарь древней и новой поэзии, составленный Николаем Остолоповым, ч. 1. СПб., 1821, стр. 337 и 363). *Глазунов* Иван Петрович (ум. 1831) — известный книгопродавец. *Я видел: с семгою обнявшися, судак* и т. д. Ср. у К. Н. Батюшкова в сатире «Певец в Беседе любителей русского слова»:

Их вирши сгнили в кладовых,
Иль съедены мышами,
Иль продают на рынке в них
Салакушку с сельдями.

Явление 6. *Денигреваться* — опозориться (от франц. dénigrer). *Сотиз* — нелепость (от франц. sottise). *Бетиз* — глупость (от франц. bêtise). Явление 7. *Комиссион* — поручение (от франц. commission). *Я стряпаю теперь.* Стряпать — заниматься делом стряпчего (чиновника по надзору дел в судебных учреждениях). *Всяка*

брань — прибавок мне дохода и т. д. Имеется в виду закон о «бесчестье» (см. стр. 741). *Палата.* В конце XVIII в. высшие судебные инстанции губерний состояли из гражданской и уголовной палат. *Правление* — губернское правление, в состав которого входил и суд.

Несчастие от кареты. Впервые — отдельное издание, СПб., 1779. С незначительными изменениями — Соч., изд. 1, т. 3, стр. 153. Печ. по РФ, ч. 24, 1788, стр. 63. Музыку к опере Княжнина написал композитор В. А. Пашкевич (ок. 1742 — ок. 1800). Впервые опера была представлена на сцене Эрмитажа 7 ноября 1779 г. в присутствии Екатерины II и Павла. Роли исполняли: В. Черников, Е. Баринова, А. Дмитревская, А. Попов, Ф. Нечитайлов, Ф. Масков и др. М. Н. Муравьев сообщал об огромном успехе одной из первых русских комических опер: «Мы забавляемся здесь русскою оперою комическою... Какие актеры! Вы не можете представить, с какою общею радостию принято у нас сие рождение нового зрелища: седьмого числа сего месяца дана была в первый раз опера комическая «Несчастие от кареты», сочинение Якова Борисовича. Г. Пашкевич, сочинитель музыки, был сам действующим лицом на театре. Молодая девушка, певица, дебютировала в роли Анюты. Ее любовник Лукьян был этот Черников, который всегда лучше игрывал Шумского, а теперь себя превосходит» (письмо Д. И. Хвостову от 19 ноября 1779 г. — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР). Позднее в роли Фирюлина с большим успехом выступал комический актер А. Крутицкий. После начала Французской революции «Несчастие от кареты», как и «Росслав», было, по-видимому, снято со сцены: с 1789 по 1801 г. зарегистрировано лишь одно представление оперы. Вновь появившись в репертуаре в начале XIX в., опера удержалась на сцене до 1810-х годов. Роль Фирюлина была одной из первых ролей М. С. Щепкина. *Фирюлин.* Фамилия образована от слова «фирюля» — простофиля, ротозей.

Действие I. Явление 4. *Офансировать* — обижать, оскорблять (от франц. offenser). *Бальи* — судья (от франц. bailli).

Действие II. Явление 5. *Экономия* — хозяйство (от франц. économie). *Красные каблуки.* Обувь на красных каблуках во Франции носили дворяне. *Что это за тварь? Меня отцом называть смеет!* Слова Фирюлина перекликаются с одной из сильнейших сатирических статей «Трутня» Н. И. Новикова (1769, л. 26). В «Копии с отписки» староста писал помещику: «С Антошки за то, что он тебя в челобитной назвал отцом, а не господином, взято пять рублев. И он на сходе высечен. Он сказал: я-де это сказал с глупости, и напредки он тебя, государя, отцом называть не будет. Дьячку при всем мире приказ твой объявлен, чтобы он впредь так не писал».

Скупой. (Отрывки.) Впервые — Соч., изд. 1, т. 3, стр. 299. Печ. по РФ, ч. 30, 1789, стр. 171. Написано около 1782 г. Автор музыки — В. А. Пашкевич. Современники отмечали смелое использо-

вание в опере музыки для обрисовки прозаических бытовых ситуаций (например, сцена написания Марфой расписки, которую диктует ей Скрягин, представляет собой терцет). Особенно выделялся речитатив Скрягина — явление в русской опере новое, — который «приносит отменную честь сочинителю». Опера Княжнина была «представлена в первый раз в Санкт-Петербурге, и много раз в Москве, как на большом Петровском театре, так и в воксале бывает играна» («Драматический словарь», СПб., 1787, стр. 129—130). «Скупой» шел на сцене до середины 1810-х годов. Сюжет оперы состоит в следующем: алчный ростовщик Скрягин, желая присвоить деньги своей племянницы Любимы, отказывается выдать ее замуж за ее возлюбленного Миловида. Влюбленным помогают слуги: Пролаз и Марфа. Назвавшись графиней и уверив Скрягина, что она обладает несметными богатствами, Марфа очаровывает скупца, выманивает у него деньги Любимы и соединяет влюбленных.

Ария Марфы. Любима обещает вовеки не забыть помощи Марфы, на что та отвечает: «Да можно ли вам верить? Я знаю ведь, каковы бара! Как нужда, всё обещают, а потом...» (следует ария).

Сбитенщик. (Отрывки.) Впервые — Соч., изд. 1, т. 3, стр. 185. С незначительными изменениями — РФ, ч. 30, 1789, стр. 5. Печ. по первой публикации. Написано около 1783 г. Музыку к опере написал живший в России французский композитор Жан Бюлан (ум. 1821). «Сбитенщик» был самой популярной комической оперой Княжнина и удержался на сцене дольше других. В роли Степана с огромным успехом выступал В. Черников. Позже эта роль была одной из первых, созданных М. С. Щепкиным. В 1853 г. «Сбитенщик» шел в Петербурге с крупнейшим оперным певцом XIX в. О. А. Петровым в главной роли. Пьеса ставилась и в различных провинциальных театрах (например, в 1800-е годы она была трижды поставлена в различных театрах Иркутска). Содержание оперы: проворный и ловкий продавец сбитня Степан, расхваливая товар у дома купца Волдырева, встречается с офицером Изведом, влюбленным в воспитанницу Волдырева Пашу, и обещает ему помощь. Волдырев же сам хочет жениться на Паше. Чтобы избежать соперников, старый ревнивец держит девушку взаперти, внушает ей, что смотреть на молодого мужчину грех. Наивная Паша до встречи с Изведом верит опекуну. Интрига осложняется появлением третьего претендента на руку Паши — отставного офицера Болтая, который некогда знал Волдырева под другим именем. Не подозревая, что он говорит с самим Волдыревым, Болтай рассказывает ему о своих намерениях, заранее смеясь над обманутым стариком. Разъяренный Волдырев обращается в полицию. Находчивый и умный Степан одурачивает и глупого слугу Волдырева Фадея, и Болтая, и самого Волдырева. Молодые люди сочетаются браком.

Действие I. Явление 9. *Власьевна* — служанка Волдырева, возлюбленная Степана, помогающая ему провести хозяина.

К стр. 603

Орфей. Впервые — АИ, ч. 7, 1781, стр. 87, без подписи. С поправками — Соч., изд. 1, т. 4, стр. 217. Печ. по РФ, ч. 30, 1789, стр. 157, с включением шести строк из первой публикации, явно по ошибке пропущенных при переизданиях: «Проникнем днесь мы ада в глубину», «Едва нас брак сопряг узлом дратим», «В печальных сих местах... И в Тартаре ты рай вкушаешь». Мелодрама — музыкально-драматическое произведение, в котором чтение сопровождалось инструментальной музыкой, а иногда хоровыми и балетными номерами. В основу сюжета мелодрамы Княжнина положен греческий миф о фракийском певце Орфее, чудесные звуки лиры которого укрощали диких зверей, заставляли растения и камни сдвигаться с мест. Жена Орфея, прекрасная Эвридика, умерла от укуса змеи. Орфей сошел в ад, растрогал своим пением Прозерпину, жену Плутона, и она разрешила вывести Эвридику на землю с условием, что Орфей не будет смотреть на тень жены до тех пор, пока они не выйдут на поверхность земли. Орфей, не выдержав упреков Эвридики в холодности, оглянулся, и она снова упала мертвой. Миф об Орфее и Эвридике был одним из наиболее популярных в искусстве со времен античности. На этот сюжет был написан ряд опер, в том числе известная опера Глюка «Орфей» (1762), мелодрама с хором и балетом «Орфей и Эвридика» (1757) и волшебно-героический балет с тем же названием (1763) Франческо Арайи (1700—1767), итальянского композитора, с 1735 г. работавшего в России. Мелодрама Арайи написана на слова Метастазио (перевод на русский язык Ф. Г. Волкова). Она отличается от мелодрамы Княжнина тем, что, как сказано в либретто, «автор, следуя правилам театра, переменил окончание»: Эвридика вторично возвращается к Орфею. Первое представление мелодрамы Княжнина (под названием «Орфей и Эвридика») состоялось 30 апреля 1763 г. Музыка к мелодраме была написана композитором Торелли, балет поставлен балетмейстером Гильфердингом, декорации выполнены художником Градицием. В роли Орфея с огромным успехом выступил И. А. Дмитревский, в роли Эвридики — первая русская трагическая актриса Т. М. Троепольская. Вскоре название было изменено («Орфей во аде»), и в спектаклях стали принимать участие артисты Константин Попов (Орфей) и Элеонора Бельмонти (Эвридика) (Хроника Носова, стр. 235 и далее). Несоответствие великолепной игры Дмитревского и бледной музыки Торелли натолкнуло, по-видимому, выдающегося русского композитора Е. И. Фомина (1761—1800) на решение написать музыку к мелодраме Княжнина заново, что он и исполнил в 1791—1792 гг. С музыкой Фомина мелодрама неоднократно ставилась в Петербурге (дата первого представления неизвестна) и в Москве (впервые — 5 февраля 1795 г.). В конце XVIII — начале XIX в. кто-то приделал к трагической мелодраме Княжнина «счастливый конец» (см. Б. Доброхотов. Е. И. Фомин. М.—Л., 1949, стр. 37). В дальнейшем мелодрама Княжнина — Фомина была забыта надолго. Только в 1903 г. Московское общество искусства и литературы поставило ее на своей сцене (экземпляр мелодрамы с цензурным разрешением от 17 января 1903 г. хранится в Ленинградской театральной библио-

теке). В 1947 г. мелодрама была поставлена в Москве, в 1953 г. — в Ленинграде.

Явление 1. *Из области Зевеса* — из царства живых. *Дочь Цереры* — Прозерпина. Явление 2. *Клянуся страшным Ахероном.* Княжнин смешивает Ахерон со Стиксом, клятва водами которого, согласно древнегреческой мифологии, была самой священной. За ее нарушение жестоко карались не только люди, но и боги. *Как медь, кипя, в горниле ржет... Разини челюсти.* Эти образы заимствованы Княжниным из «Оды на взятие Хотина» М. В. Ломоносова:

Не медь ли в чреве Етны ржет
И, с серою кипя, клокочет?
Не ад ли тяжки узы рвет
И челюсти разинуть хочет?

СТИХОТВОРЕНИЯ

Письмо графа Комменжа к матери его. Впервые — МЕИ, 1779, ч. 1, стр. 1, без подписи. В собрания сочинений не включалось. Написано не позднее 1771 г., так как упоминается в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (СПб., 1772) Н. И. Новикова. Сюжет стихотворения заимствован из романа «Записки графа Комменжа» (1735) французских писателей Клодин-Александрин Герен де Тансэн (1685—1749), Шарля-Огюстена де Ферриоля д'Аржанталя (1700—1788) и Антуана де Ферриоля Пон де Вейля (1697—1774). Перевод романа, сделанный Княжниным, вышел в 1771 г. в Петербурге под заглавием «Несчастные любовники, или Истинные приключения графа Коминжа, наполненные событий жалостных и нежные сердца чрезвычайно трогающих». В романе рассказывается о любви Комменжа и Аделаиды, отцы которых — враги. Чтобы спасти возлюбленного от гнева отца, Аделаида выходит замуж за ревнивого графа Бенавида. Комменж находит ее. Молодые люди решают расстаться. Во время прощания входит Бенавид и вызывает Комменжа на дуэль, оба противника ранены. После выздоровления Комменж узнает о смерти возлюбленной и уходит в монастырь. На самом же деле слух о смерти Аделаиды был пущен Бенавидом, заточившим ее в темницу. После смерти мужа Аделаида решает постричься, но, остановившись в пути возле мужского монастыря, она услышала голос Комменжа и, переодевшись в мужское платье, осталась возле своего возлюбленного. Правда раскрывается только после смерти Аделаиды. Переживания Комменжа, узнавшего в умирающем послушнике Аделаиду, составляют содержание стихотворения Княжнина. *Предметом почитая* — считая объектом почитания. *С нуждою* — с трудом. *От ига крестного* — от ига монашеской жизни, от ига служения богу.

Ода на торжественное бракосочетание их императорских высочеств государя цесаревича, великого князя Павла Петровича и государыни великия княгини Наталии Алексеевны, 1773 года, сентября 29 дня. Впервые — отдельное издание, СПб., без обозначения года (по-видимому, 1773). В собрания сочинений не включалось. *Дыхание зефиров веет* — реминисценция из Ломоносова: «Какой приятный зéфир веет...» («Ода на прибытие Елисаветы Петровны, 1742 года»). *Не только горлицы лобзаньем, Но ветви томным помаваньем* — реминисценция из Ломоносова:

И горлиц нежное вздыханье,
И чистых голубиц лобзанье
Любви являют тамо власть.
Древа листами помавают...

(«Ода на день брачного сочетания Петра Федоровича, 1745 года»)

И всё во области твоей — в твоей власти. *Премудрость.* Имеется в виду Екатерина II, изображавшаяся в торжественной поэзии под видом Минервы. *Карл, германов повелитель.* Карл Великий (ок. 742—814), король франкский, император римский, завоевал почти всю территорию Германии. *На отрасль он свою взирает.* Наталия Алексеевна (до принятия православия — Вильгельмина, принцесса Гессен-Дармштадтская, 1755—1776), первая жена Павла I, вела свой род от Карла Великого. *Магмет* — Магомет, основатель мусульманской религии. Здесь символизирует Турцию, с которой Россия воевала в 1768—1774 гг.

Милостивому государю Сергею Герасимовичу Домашневу. Впервые — СВ, ч. 1, 1778, стр. 174, без подписи и с сопроводительным письмом, в котором Княжнин сообщает, что этим стихотворением он посвящает С. Г. Домашневу свой перевод «Генриады» Вольтера (СПб., 1777). В собрания сочинений не входило. *Домашнев* Сергей Герасимович (ок. 1743—1796) — известный поэт и теоретик поэзии XVIII в., с 1775 по 1783 г. — директор Академии наук. *Вергилий Франции* — Вольтер как автор эпической поэмы «Генриада». Вергилий (I в. до н. э.) — римский поэт, автор эпической поэмы «Энеида», считавшейся в литературе классицизма образцом эпопеи. *Генрих* — французский король Генрих IV Наваррский (1553—1610), главный герой поэмы Вольтера.

Флор и Лиза. Впервые — СВ, ч. 1, 1778, стр. 110, с подписью «Я. К**». В Соч., изд. 1, не вошло. С изменениями (очевидно, редактора) и под заглавием «Наказанная неверность. Романс» — Соч. изд. 2, т. 5, стр. 246.

Утро. Впервые — АИ, ч. 1, 1779, стр. 301, без подписи. С поправками и с подписью автора — СЛРС, ч. 7, 1783, стр. 110. Печ. по

Соч., изд. 1, т. 4, стр. 160. Вскоре после выхода в свет первого издания сочинений Княжнина И. А. Крылов напечатал стихотворение «Ода «Утро». Подражание французскому» («Утренние часы», ч. 4, 1789, стр. 136), содержание которого совпадает с рядом строф оды Княжнина. Строф, соответствующих 7-й, 14-й, 15-й и 17-й княжнинского стихотворения, у Крылова нет. Французского подлинника найти до сих пор не удалось, может быть потому, что описание «времени суток» было общим местом в европейской поэзии 1780—1790-х годов. Можно назвать и ряд русских стихотворений и прозаических отрывков, близких оде Княжнина (например, анонимное стихотворение, открывающее журнал «Утра», 1782, май, л. 1, стр. 3: «Багряный вид заря на встоке лишь явила...»; анонимная ода «Вечер» в «Покоящемся трудолюбце», ч. 3, 1785, стр. 166; «Утро» Е. Люценко в «Приятном и полезном препровождении времени», ч. 7, 1795, стр. 273; прозаический отрывок «Утро», подписанный «К. Ф. С...», в том же журнале, ч. 6, 1795, стр. 290, и др. *Кони вывозят дней царя.* Согласно греческой мифологии, бог солнца Феб выезжал на колеснице.

Стансы богу. Впервые — СВ, ч. 6, 1780, стр. 83, без подписи. С поправками, под заглавием «Мысли некоторой госпожи, данные автору к изображению того, каким образом человек в простом понятии разумеет бога. Стансы» и с подписью «Я. К.» — СЛРС, ч. 8, 1783, стр. 49. Печ. по Соч., изд. 1, т. 4, стр. 157.

Послание к российским питомцам свободных художеств. Впервые — «Утра», 1782, август, л. 3, стр. 81, с подписью «***». С поправками и без подписи — СЛРС, ч. 1, 1783, стр. 78. Печ. по Соч., изд. 1, т. 4, стр. 199. Послание развивает идеи, высказанные Княжниным в «Речи, говоренной в публичном собрании императорской Академии художеств при выпуске из оной питомцев в 1779 годе». Весьма возможно, что и стихотворение написано в это же время. В ГПБ (фонд Г. Р. Державина) хранится копия послания под заглавием «Епистола к российским питомцам свободных художеств», текст которой является, по-видимому, первоначальной редакцией стихотворения. Он в основном совпадает с текстом первой публикации, но имеются и отдельные разночтения, а также четыре строки, отсутствующие во всех печатных текстах. После строки: «Не должно ль, чтоб и вход приманчив был очам» следует развитие этой мысли:

Хотя бы внутренность, включая тьму богатства,
Чудесные в себе имела бы приятства, —
Когда поверхность наш страшит собою взор,
Обманывается мысль, снаружи видя вздор.

Вместе со списком послания хранится письмо неизвестного лица, содержащее оценку стихотворения: «Присланную от вас епистолу я читал, перечитывал и еще читать стану. Всякий раз, читая ее, я восхищался! В ней есть мысли, в рассуждении морали достойные

Оксенштерна, а красоты и великолепие в изображениях Томасовы.[1] Но я, долгом почитая не быть противу вас лицемерным, скажу и то, что в ней есть и пороки; но они едва приметны». *Под сению спокойства.* Россия не вела войн с 1775 по 1787 г. *Рубенс* Петер-Пауль (1577—1640) — фламандский художник. *Пигалл* — Пигалль Жан-Батист (1714—1785), французский скульптор. *Минерва.* Имеется в виду Екатерина II. *Север* — здесь: Россия. *Апелл* — Апеллес (IV в. до н. э.), древнегреческий художник. *Победоносного царя достойный друг.* По преданию, Апеллес был другом Александра Македонского. *Рафáел* — Рафаэль Санти (1483—1520), итальянский художник. *Желает чина лишь вдобавок дарованью.* В первой публикации более остро: «. . .взамену дарованью».

Исповедание Жеманихи. Послание к сочинителю «Былей и небылиц». Впервые — СЛРС, ч. 8, 1783, стр. 177, без подписи и с вводным замечанием: «Сочинитель «Былей и небылиц», получа сие исповедание, нашел оное яко сущую быль и небылицу и помещает здесь». Печ. по Соч., изд. 1, т. 4, стр. 202. *Дюшесса* — герцогиня (франц. duchesse). *Дюк* — герцог (франц. duc). *Вертиж* — головокружение (франц. vertige). *Конкеты* — победы (от франц. conquête). *Для приседающих* — для седеющих. *На то ведь надобен эспри* и т. д. Игра слов: эспри (франц. esprit) — ум, а также прямое перо, украшение для дамских шляп и причесок.

К княгине Дашковой. Письмо на случай открытия Академии российской. Впервые — СЛРС, ч. 11, 1784, стр. 3, под заглавием «Письмо ее сиятельству княгине Екатерине Романовне Дашковой. На день, в который Екатерина Вторая благоволила пролиять свою благость здешним музам учреждением Российской академии» и с подписью «Я. . . . Кн. . . . .». Печ. по Соч., изд. 1, т. 4, стр. 193. Тексты Соч. и СЛРС имеют ряд существенных разночтений и не совпадают по числу строк. Стихи 87—88 в журнале имели такой вид:

Хотя еще талантом слаб,
Да духом ничему не раб.

Вместо стиха «Уже его бессильно жало» в журнале было: «Его уже без действа жало», после чего следовали четыре стиха, опущенные в Соч.:

Минервы нашей твердый щит
Вам явно в Дашковой открыт.

Ее влекомы просвещеньем,
Стремитеся бессмертья в путь. . .

---

[1] *Оксенштерна* (Оксеншерна) Аксель (1583—1654) — шведский государственный деятель и мыслитель. *Томас* (Тома) Антуан (1732—1785) — французский писатель и теоретик поэзии.

Стих 100 читался: «Доставлен свету их делами», а оканчивалось послание обращением к Дашковой, опущенным в Соч.:

А ты, имея ум пространный,
Чувствительность и тонкий вкус,
Предстательница здешних муз,
Свершай тобою путь избранный.
Сей путь тебе принадлежит.
Хоть тяжек он, но полон славы;
Хоть злость невежества претит,
Но росской честь на нем державы.

Российская академия, главной целью которой было усовершенствование русского языка, была открыта 21 октября 1783 г. *Е. Р. Дашкова* (1743—1810) была ее первым президентом. *Минерва* — здесь: Екатерина II. *Днесь мыслить и счастливым быть От ней имеет разрешенье.* Ср. в оде Державина «Фелица»: «И знать и мыслить позволяешь». Екатерина в своем «Наказе» Комиссии по составлению Нового уложения 1767 г. чисто декларативно провозгласила ряд гражданских свобод, в первую очередь — для дворянства. Однако на практике в России «Наказ» не только не выполнялся, но во второй половине царствования Екатерины стал фактически запрещенной книгой. *Иль могут чувств своих не крыть Одни певцы иноплеменны* и т. д. «Наказ» Екатерины, скомпилированный из трудов европейских философов-просветителей и законоведов, был восторженно встречен в Европе. Стихи в честь русской императрицы написали французские писатели-просветители Вольтер, Мармонтель, итальянский поэт Джианетти и др. *Я ведаю, что дерзки оды* и т. д. Княжнин выступает против авторов многочисленных бездарных од. *Екатерину... Уподобляли райску крину.* Княжнин иронизирует над штампами классицистической оды, в которой некоторые рифмы становились как бы обязательными. Данной рифмой особенно часто пользовался «карманный стихотворец» Екатерины II В. Петров, у которого она встречается десятки раз; попадается она у Ломоносова, Сумарокова, Кострова, Богдановича, Державина и др. Позднее насмешка Княжнина над обязательными рифмами-штампами была подхвачена поэтом-сатириком начала XIX в. А. Нахимовым:

В творениях его у ног Екатерины
Цветут для рифмы райски крины;
А где стоит великий Петр,
Там поневоле дует ветр.

(Сочинения Нахимова, СПб., 1849, стр. 96)

Карфагена — Карфаген, город и государство, путем захвата колоний превратившийся в крупнейшую рабовладельческую державу. В результате трех войн с Римом (с 264 по 146 г. до н. э.) город был разрушен, а его владения стали колониями Рима. Говоря, что память о Карфагене сохранилась лишь благодаря римским писа-

телям и историкам, Княжнин высказывает характерную для просветителей мысль: истинную славу народам приносят не пышность владык и завоевательные войны, а высокая культура и искусство.

Ты и Вы. Письмо к Лизе. Впервые — НЕС, ч. 1, 1786, стр. 83, без подписи. Печ. по Соч., изд. 1, т. 4, стр. 190. Вольный перевод стихотворения Вольтера «Tu et Vous».

Дружеское наставление торгующим своею красотою от соболезнующих о их неумении. Впервые — «Лекарство от скуки и забот», ч. 1, 1786, стр. 133, без подписи. В Соч., изд. 1, не вошло. Под названием «Послание прелестницам» — Соч., изд. 2, т. 5, стр. 256. Номер журнала со стихотворением Княжнина вышел в свет 9 сентября, а в № 15 того же журнала (стр. 175, вышел 7 октября) был напечатан анонимный «Ответ на дружеское наставление торгующим своею красотою». Всю мораль стихотворения Княжнина автор «Ответа» увидел в том, что Княжнин якобы «Хотел, чтоб день от дня Лаисы брали подороже», и, рассердившись, возражал:

Нет! изъясню сие не ложно,
Что очень дорога
Покупка здесь рога́, —
Их покупать дешевле можно.

Во древни времена Аспазия, Лаиса... Умели честь снискать себе. Аспазия (V в. до н. э.) — известная своею красотой, образованностью и умом древнегреческая гетера, подруга, затем жена Перикла (ок. 490—429 до н. э.), политического вождя Афин в период их расцвета. При Перикле был воздвигнут ряд шедевров древнегреческой архитектуры: Парфенон, Одеон, Пропилеи, причем Аспазия, по преданию, давала деньги на строительство некоторых храмов. Лаиса — имя двух греческих гетер: одна из них — современница Аспазии, другая — подруга Апеллеса (о нем см. на стр. 748). *На брегах прославленныя Сены* — во Франции.

Письмо к гг. Д. и А. Впервые — НЕС, ч. 7, 1787, стр. 55, без подписи и под заглавием «Письмо к моим друзьям, которые сердились на меня, вздумав, будто я, хваля роскошь, советую быть порочным». Печ. по Соч., изд. 1, т. 4, стр. 229. *Д.* — вероятно, И. А. Дмитревский (1734—1821), выдающийся театральный деятель, актер, писатель (был масоном). *А.* — возможно, И. А. Алексеев (1751—1816), знакомый Княжнина по «Собранию, старающемуся о переводе иностранных книг», плодовитый переводчик; масон. *Не следуя духа́м* и т. д. «Духами» Княжнин иронически называет масонов, приверженцев мистико-моралистического учения, распространенного в России и Европе в XVIII в. Они якобы общались с духами, потусторонним миром и т. п. В своем учении масоны придерживались аскетизма, отрицали любовь и земные наслаждения. *Кто видит сатану И ангела в себе* и т. д. Княжнин возражает против учения популярного среди масонов шведского мистика Э. Сведен-

борга (1688—1772), утверждавшего, что на первой ступени своего развития — от рождения до появления разума и совести — человек одинаково предрасположен и к добру и к злу; на второй он выбирает между добром и злом; на третьей — превращается, согласно выбранному им направлению, в ангела или беса. *Пасмурный учитель* — возможно, идеолог московских масонов И. Г. Шварц (ум. 1784) или, скорее, заместивший его Ф. Л. Шредер, уехавший из России в 1787 г. Они говорили, что со времени грехопадения Адама человек стал «гнилым и вонючим сосудом», наполненным всякой мерзостью. *Что к ленте прилепил.* Лента давалась вместе с орденами первых степеней, которыми награждались высшие сановники. ***Ветрены народы, Пиющи Сенски воды*** — французы. Одной из черт национального характера французов в XVIII в. считалась ветреность. *Бертель* — известный в то время ювелир.

От дяди стихотворца Рифмоскрыпа. Впервые — Соч., изд. 1, т. 4, стр. 249. *Иным покажется запутанно, темно* и т. д. Княжнин, осмеивая высокопарных одописцев, намекает, в частности, на В. Петрова (см. вступ. статью, стр. 25). *Депрео-Боало* — Буало-Депрео Никола (1636—1711), французский поэт, критик и теоретик литературы; в поэме «Поэтическое искусство» обосновал принципы классицизма. ***Ты помнишь ли врача, достойна слез и смеха*** и т. д. — краткий пересказ содержания вставного рассказа из четвертой песни «Поэтического искусства». *Царь подземных царств* — Плутон. *Гиппократ* (460—377 до н. э.) — древнегреческий врач, основоположник античной медицины. *Галиен* — Гален Клавдий (ок. 130 — ок. 200), римский врач, самый крупный после Гиппократа теоретик античной медицины.

Вечер. Впервые — «Зеркало света», ч. 5, 1787, стр. 513, без подписи. С поправками — НЕС, ч. 17, 1787, стр. 56, без подписи и под заглавием «Ода. Вечер». Печ. по Соч., изд. 1, т. 4, стр. 245.

Послание трем грациям. Впервые — НЕС, ч. 49, 1790, стр. 51. *Ферт.* Вероятно, Княжнин имеет в виду кого-то из известных драматургов своего времени, может быть Д. И. Хвостова, Н. П. Николева или И. Ф. Богдановича. Не исключено, однако, что Ферт — собирательный образ строгого ревнителя теории классицизма. *Ефим* — Д. В. Ефимьев (1768—1804), ученик Я. Б. Княжнина по Кадетскому корпусу, автор пьес «Преступник от игры, или Братом проданная сестра» (СПб., 1788), «Следствие братом проданной сестры» и «Вояжер» (не напечатаны). «Преступник от игры» считался одной из лучших «слезных комедий» XVIII в. и пользовался у публики большим успехом. *Торговок зданье модных* — создание торговок модными товарами.

Эпитафия. Впервые — Соч., изд. 2, т. 5, стр. 259. ***Пл....в*** — возможно, имеется в виду какое-то реальное лицо, например Степан Плохов, представивший в 1787 г. в московскую цензуру перевод

романа «История Альсины, принцессы персидской» (см. у Сопикова, № 4713). Но может быть, тут следует читать и какую-нибудь вымышленную фамилию вроде «Плутов» и т. п.

Стансы на смерть. Впервые — Соч., изд. 2, т. 5, стр. 236. *Крез* (VI в. до н. э.) — лидийский царь, считавшийся одним из богатейших людей древности; имя его стало нарицательным.

Воспоминание старика. Впервые — Соч., изд. 2, т. 5, стр. 241. *Первый Фебов въезд* — см. примеч. к стих. «Утро», стр. 747. *Смотрели из рук* — то есть из-под руки.

БАСНИ И СКАЗКИ

Рыбак. Впервые — СВ, ч. 2, 1778, стр. 272, без подписи и под заглавием «Притча. Рыбак». С изменениями — СЛРС, ч. 1, 1783, стр. 122, без подписи. Печ. по Соч., изд. 1, т. 4, стр. 183.

Феридина ошибка. Впервые — МЕИ, 1779, ч. 1, стр. 26, без подписи. С поправками — СЛСР, ч. 1, 1783, стр. 107, без подписи. Печ. по Соч., изд. 1, т. 4, стр. 186. *Какая честность в нем!* В журнальных текстах было: «Какой нрав ангельский!»

Мор зверей. Впервые — АИ, ч. 2, 1779, стр. 275, без подписи. С исправлениями — СЛРС, ч. 1, 1783, стр. 112, без подписи. Печ. по Соч., изд. 1, т. 4, стр. 173. Сюжет заимствован из басни Лафонтена «Les animaux malades de la peste», которую позднее перевел И. А. Крылов. В первой публикации последние четыре строки имели другую редакцию:

И ради лучшего животных исправленья
Осла повелено казнить.

И у людей такой же нрав:
Кто силен, и у них тот прав.

Улисс и его сопутники. Впервые — СЛРС, ч. 10, 1783, стр. 158, с подписью «Я. Кн.». Печ. по Соч., изд. 1, т. 4, стр. 167, с исправлением опечатки в 44-й строке: «Цирцея говорит» вместо «Царица говорит». В журнале басня оканчивалась «моралью», опущенной в Соч.:

Чтоб нрава свойствие загрубла пременить,
Напрасно тратить труд: того не может быть.

Вероятно, Княжнин опустил «мораль» сознательно, но, возможно, это произошло и по ошибке писца, переписывавшего басню для издания. Дело в том, что текст самой «сказки» кончается на стр. 163 журнала и после него стоит звездочка, отделяющая основной текст от «морали». «Мораль» и подпись напечатаны на обороте, на стр. 164. Возможно, что писец просто не заметил ее (аналогичную ошибку

допустил в своем «Историческом разыскании» и А. Н. Неустроев, посчитавший конец основного текста за конец всей басни и не заметивший подписи Княжнина). *Улисс* (Одиссей) — главный герой поэмы Гомера «Одиссея». После взятия Трои Одиссей в течение десяти лет не может вернуться на родину. По воле богов бури забрасывают его корабль на остров волшебницы Цирцеи, дочери бога солнца Гелиоса, которая превратила половину его спутников в свиней. Сам Одиссей избежал этой участи с помощью богов и заставил Цирцею вернуть человеческий облик его спутникам.

Живописец в полону. Впервые — НЕС, ч. 6, 1786, стр. 62, без подписи и с подзаголовком «Сказка». Печ. по Соч., изд. 1, т. 4, стр. 227.

Ладно и плохо. Разговор двух мужиков — Козовода и Мирохи. Впервые — НЕС, ч. 8, 1787, стр. 70, без подписи и под заглавием «Ладно и плохо. Разговор двух мужиков». С изменениями — «Зеркало света», ч. 6, 1787, стр. 668, без подписи и с распространенным названием (в тексте имя — Козавод). Печ. по Соч., изд. 1, т. 4, стр. 241. *Микола* — святой Николай.

Меркурий и Резчик. Впервые — НЕС, ч. 8, 1787, стр. 67, без подписи и с подзаголовком «Басня». Печ. по Соч., изд. 1, т. 4, стр. 237.

Судья и вор. Впервые — Соч., изд. 1, т. 4, стр. 188. Источник сказки — «анекдот», напечатанный в СВ, ч. 2, 1778, стр. 207. Возможно, что переводчиком или автором этого анекдота был сам Княжнин, являвшийся одним из редакторов журнала и активно сотрудничавший в нем. Анекдот этот дожил в литературе до конца XIX в. (см., например, «Финтифлюшки» А. П. Чехова. — Собрание сочинений в двенадцати томах, т. 3. М., 1955, стр. 283).

Добрый совет. Впервые — Соч., изд. 1, т. 4, стр. 239. Печ. по НЕС, ч. 19, 1788, стр. 69.

Меркурий и Аполлон, согнанные с небес. Впервые — Соч., изд. 1, т. 4, стр. 176. Аналогичный сюжет находим в притче А. П. Сумарокова «Аполлон и Минерва». Ср. также «Торг семи муз» из книги «Сны» И. Х. Крюгера (1722—1750), вольный перевод Д. И. Фонвизина «Торг семи муз. Из Кригеровых снов» («Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия», 1762) и письмо Любопытного зрителя, озаглавленное «О граждане, граждане, ищите прежде денег, а потом добродетели» («Живописец», 1772, ч. 2, л. 2). *Потом бесчестие возьмут.* См. примеч. к комедии «Чудаки», стр. 741. *Латонин сын* — Аполлон. *Бадины* — тросточки (от франц. badine). *Прекрасны покраснели.* Намек на то, что Меркурий был покровителем сводников. *«А ла дюшес»* — герцогские, в стиле герцогини (франц. à la duchesse); название духов.

Дуб и Трость. Впервые — Соч., изд. 1, т. 4, стр. 243. Печ. по НЕС, ч. 20, 1788, стр. 68. Сюжет заимствован из басни Лафонтена «Le Chêne et le Roseau», которую перевели также А. П. Сумароков, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, И. И. Дмитриев, И. А. Крылов и др. *Трость* — тростник.

Волосочесатель-сочинитель. Впервые — НЕС, ч. 30, 1788, стр. 73, без подписи. С незначительными изменениями — Соч., изд. 2, т. 5, стр. 258.

Попугай. Если не поэма, так сказка. Впервые — Соч., изд. 2, т. 5, стр. 223. Печ. по списку, хранящемуся в ГПБ, с исправлением явных описок по Соч.: «Рот раскрыв» вместо «закрыв», «Как честный офицер» вместо «человек» и т. д. и восстановлением пропущенных строк: «О, страшная измена!» и «Узрев, что попенька несносной стал вертушкой». Список сделан, возможно, при жизни Княжнина, так как на бумаге водяной знак «1790». Отличие печатного текста от рукописного объясняется в большинстве случаев соображениями цензурного характера: сочетание «коренных российских слов» с молитвами было явной насмешкой над последними. Приводим некоторые разночтения:

Рукопись ГПБ:	Сочинения:
Со мною же моей молитвы в час; Со мной к акафистам он станет приучаться.	Со мною же он каждый час Ко благонравию пусть будет приучаться.
Поутру с матерью поет он «аллилуйя»,	Старушка, о душе ему всегда толкуя,
И божества, и щегольства смешенье!	Какое тут смешенье!
...церковно пенье	...благое пенье
Дворцовы кавалеры,	Все знатны кавалеры
Ах! если б, сын, ты знал, как он поет кондак!	Ах, если б, сын, ты знал, какой же он остряк!
Пропел три раза «аллилуйю».	Он тотчас высказал всего ученья сбрую.
Поет, свой взор на небо обращая. — Всё упование мое на тя!»	Своих блаженств уже ни в чем не обретая;

Им что-то из молитв осмелился сказать.	Он из морали им осмелился сказать.
И коренных российских слов.	И всех шутливых русских слов.
И, слишком свет любя, ты кажешь небу шиш.	И, слишком свет любя, от благонравья прочь летишь.
Укушенная дочь с молитвенной старушкой,	Укушенная дочь с смиренною старушкой,
Краснеет Машенька, а матушка рыдает, Себя, Жако и дочь крестит, благословляет.	А дочка с матушкой рыдают; Старушка только лишь плечами пожимает.
В крестовой, осужден, дрожит,	С старушкой осужден пожить,
Всегда, как возглашал Старушкин голос «аллилуйю», Он в рифму припевал...	Всегда, как научал Язык старушкин просвещенью, Чем душу сохранить к спасенью, — А он буянил и кричал.
Среди усерднейших молитв Воспомнила, что то — старинная игрушка, И вображение ее кусила мушка.	Среди слов грубых, битв — Воспомнила, что был Жако ее игрушка, И оскорбления ее кусила мушка.
Какую Жако поет Несносну «аллилуйю»! (С тех пор сия у нас пословица идет, Что «аллилуйю» тот поет, Кто мелет вздоры.)	Увы! уж он погиб, и в нем надежды нет! Забыв все нежности, одни болтает вздоры.

Сюжет «если не поэмы, так сказки» Княжнина заимствован из антиклерикальной поэмы французского поэта Жана-Батиста Грессе (1709—1777) «Ver-Vert» (русский перевод В. Курочкина, 1875), но сильно переработан. *Улисс* — см. стр. 753. *Бонбоны* — конфеты (от франц. bonbon). *Цесарь вдруг и сам писал* и т. д. По преданию, Гай Юлий Цезарь (100—44 до н. э.), один из крупнейших полководцев, государственных деятелей и писателей древнего Рима, мог одновременно писать на одну тему и говорить на другую.

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Аврора (рим.) — богиня утренней зари; заря.
Алкид — см. Геркулес.
Аполлон — см. Феб.
Аргус (греч.) — многоглазый великан, всегда бодрствующий, так как глаза его спят поочередно. В переносном значении — неусыпный страж.
Ахерон (греч.) — река в подземном царстве.
Ахиллес (греч.) — храбрейший вождь греков в Троянской войне. Подвиги его воспеты Гомером в «Илиаде».

Борей (греч.) — северный холодный ветер; бог этого ветра.

Венера (рим.) — богиня любви и красоты.

Гектор (греч.) — храбрейший вождь троянцев, сын Приама и Гекубы. Пал от руки Ахиллеса.
Геркулес (рим.) или Геракл (греч.) — мифический герой, самый могучий из людей, совершивший двенадцать подвигов, последним из которых был спуск в Тартар и укрощение трехглавого пса Цербера, стража адских врат.
Гидра (греч.) — многоголовое чудовище с телом змеи, убитое Геркулесом.
Гостомысл — легендарный новгородский посадник IX в., по совету которого новгородцы пригласили к себе на княжение варягов Рюрика, Синава и Трувора.
Грации — латинское наименование харит, греческих богинь красоты и радости; олицетворение женской прелести.

Зевес (Зевс; греч.) — бог-громовержец, царь и отец богов и людей.
Зефир (греч.) — бог западного ветра; в литературе XVIII — начала XIX в. — теплый, мягкий, приятный ветерок.

Иксион — мифический древнегреческий царь. За первое на земле убийство родича и оскорбление, нанесенное жене Зевса Гере,

прикован в Тартаре к вечно вертящемуся со страшной быстротой огненному колесу.

Именей — Гименей, бог брака у древних греков и римлян.

Кастальский ключ (греч.) — источник на Парнасе, посвященный Аполлону и музам; в переносном смысле — источник поэтического вдохновения.

Латона (греч.) — жена Зевса, мать Аполлона.

Марс (рим.) — бог войны; в переносном смысле — воитель; драчун.

Мельпомена (греч.) — муза трагедии.

Меркурий (рим.) — бог торговли, хитрости, воровства, покровитель странников, вестник богов.

Минерва (рим.) — богиня мудрости, покровительница ваятелей, музыкантов, поэтов.

Морфей (греч.) — бог сновидений.

Музы (греч.) — богини поэзии, искусств и наук.

Наяды (греч.) — водяные божества.

Нектар (греч.) — напиток богов, дававший им бессмертие и вечную юность.

Нептун (рим.) — бог морей.

Осколд — Аскольд, легендарный киевский князь IX в.

Паллада (греч.) — одно из прозвищ Афины, богини мудрости, девы-воительницы, покровительницы наук, искусств и ремесел, давшей древним Афинам закон и порядок. У Княжнина выражение «поэзии Паллада» означает: произведение, отличающееся мудростью, показывающее, как надо писать.

Парис (греч.) — прекрасный юноша, сын троянского царя Приама. Три богини избрали его судьей в споре о том, кто из них прекраснее. Гера обещала ему власть и богатство, Афина — мудрость и военную славу, Афродита — обладание прекраснейшей женщиной — Еленой. Парис отдал предпочтение Афродите, с ее помощью похитил Елену и стал виновником Троянской войны и гибели Трои.

Парнас — гора в Греции, считавшаяся местопребыванием Аполлона и муз; в переносном смысле — поэзия, сообщество поэтов.

Пегас (греч.) — волшебный крылатый конь; символ поэтического вдохновения.

Пермесский (греч.) — от названия ручья, посвященного музам.

Перун — бог грома и молнии, верховное божество древних славян.

Плутон (греч.) — бог царства мертвых.

Помона (рим.) — богиня садовых плодов.

Приам (греч.) — последний царь Трои, города и государства в Малой Азии. Был убит греками при взятии Трои.

Сирены (греч.) — мифические существа, наполовину — прекрасные женщины, наполовину — птицы, волшебным, чарующим голосом увлекавшие мореходов к гибели. В переносном смысле — соблазнительные красавицы, прекрасные и опасные.

Стикс (греч.) — одна из рек подземного царства.

Сфинкс (греч.) — крылатое чудовище с львиным туловищем и головой женщины, обитавшее в пещере около Фив. Сфинкс убивал всех, кто не мог отгадать предложенную им загадку.

Тантал — мифический древнегреческий царь. За оскорбление, нанесенное богам, вечно терпит в Тартаре муки голода и жажды: он стоит по горло в воде, но она отступает, как только он нагибается к ней; над ним склоняется ветвь с плодами, но, как только он протягивает к ним руки, ветвь поднимается.

Тартар (греч.) — царство мертвых; преисподняя.

Тенар или Тенарон — древнее название мыса Матапан на юге Греции, где в пещере находилась пропасть, считавшаяся входом в подземное царство. Княжнин называет Тенаром Тартар.

Троил (греч.) — один из сыновей Приама, царя Трои. Убит Ахиллесом.

Феб (греч.) — бог солнца и света; победитель многих злых сил; бог поэзии и искусств.

Фемида (греч.) — богиня правосудия.

Феникс (греч.) — мудрая птица, которая каждые пятьсот лет сгорает в своем гнезде и вновь возрождается молодой из пепла; имя мудреца, учителя Ахиллеса. У Княжнина употреблено в значении: «чудо мудрости».

Флора (рим.) — богиня полевых плодов, цветов и весны.

Фортуна (рим.) — богиня счастья, изображавшаяся стоящей с завязанными глазами и «рогом изобилия» в руках на беспрерывно катящемся колесе; счастье.

Фурии (рим.) — адские богини ужаса и мести. Изображались в виде седых старух, обвитых змеями, со змеями в волосах, с факелами и бичами в руках.

Церера (рим.) — богиня плодородия и земледелия, мать Прозерпины, владычицы преисподней.

Юпитер (рим.) — см. Зевес.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ И ПОНЯТИЙ

Агны — агнцы, ягнята.
Акафист — церковная хвалебная песнь и молитвы.
Аллилуйя — припев, а также отдельная торжественная песнь в христианском богослужении (по-древнееврейски — «хвалите господа»).
Аркадский — от названия области в Греции. В литературе Аркадия — идиллическая страна счастливых пастухов и пастушек.

Багряница — багряный плащ; торжественное облачение владетельных особ.
Белт — Балтийское море.
Бесстудно — бесстыдно, не чувствуя стыда.
Бесчинный — нарушающий приличия, нравственность, порядок; буянящий.
Благочиние, благочинный — полиция, полицейский.
Блажи — проказники, шалуны, шутники.
Блонды — шелковые кружева.
Буфон (буффон) — шут.

Вержут — ввергают.
Вина — иногда употребляется в значении «причина».
Винновый — пиковый (пиковый туз при гадании обозначает неожиданный удар).
Виталище — жилище, убежище, дом.
Власяница — рубашка из грубой шерсти, которую носили для «умерщвления плоти» монахи, аскеты.
Вместный — вмещающийся, заключенный.
Вниду — см. внити.
Внити — войти, вступить.
Вои — воины.
Вотще — напрасно, тщетно.
Вполы — наполовину.
Вратя — вращая, вертя.
Врютиться — увязнуть, погрязнуть в чем-нибудь; попасть в долги,
Втюриться — здесь: попасть в беду; попасть во что-либо нечаянно.

Гейдук (гайдук) — служитель у вельмож, выездной лакей высокого роста.
Гетулы — название, под которым в древности были известны племена, жившие в оазисах Сахары.
Готфы — шведы.

Дей — титул владетелей Алжира в XVII — начале XIX в.
Держава — одна из царских регалий, золотой шар с крестом наверху.
Дерние — дерн, трава.
Десница — правая рука.
Длань — рука; ладонь.
Днесь — ныне, сегодня.
Доднесь — доныне, до этого дня, до настоящего времени.
Должность — долг.
Древляне — славянское племя, жившее по берегам реки Припять.
Дрязг — сор, дрянь.

Емлет — берёт.
Епанча — широкий плащ.
Есень — осень.

Ёдна — карточная игра («одно», то есть «очко», «двадцать одно»).

Заразы — прелести.
Зеницы — зрачки глаз; глаза.
Зрак — взгляд, взор; лицо; облик, образ, вид.

Изражать — выражать, изображать.

Ка́занье — проповедь, речь.
Казнодей — проповедник.
Квартирмейстер (квартермистр) — во флоте — унтер-офицер; в армии — офицер, располагающий войска на постой («на квартиры»).
Кеньги — род теплой обуви без голенищ, надеваемой поверх башмаков или сапог.
Ков — лесть; вредный замысел, заговор, злоумышление.
Кондак — краткая хвалебная церковная песнь.
Констапель — младший офицерский чин в морской артиллерии.
Корали — кораллы.
Крестовая — комната с образами, молельня при доме; домашняя церковь.
Крин — лилия.
Купно — вместе, совокупно; вместе с тем.

Лавр — вечнозеленое дерево, символ победы, славы.
Лакомство — лихоимство, взяточничество.
Ланиты — щеки.
Лик — хор; сонм, собрание.
Лист — номер журнала.
Лих — ан, же, нет, наоборот.

Ловитва — ловля, охота.
Льзя — можно.

Махина — машина.
Минавея — менуэт.
Мирт — вечнозеленый кустарник или деревцо с белыми цветами, символ любви.
Модуль — архитектурный термин (радиус комля колонны, служащий мерилом ее высоты).
Мрежа — мережа, разновидность рыболовной сети.

Налой — столик с покатым верхом, на который в церкви кладут иконы или книги.
Настá — настало.
Настоит — предстоит, настает, наступает, приближается.
Наступить — нападать.
Неблазный — чуждый соблазна, смиренный, скромный.
Незапный — внезапный.
Неразрешимый — иногда в значении: нерушимый.
Неудобен — неспособен, непригоден.
Нижé — ни, ни даже, отнюдь не.

Одр — ложе.
Оклечетать — оправиться от болезни, выздороветь.
Омрак — обморок.
Опровергает — иногда у Княжнина означает «свергает».
Осетить — уловить, схватить; поймать в сети; понять.
Оставить, оставлять — простить, прощать.
Отжени — отгони.
Отмена — отличие, различие.
Отмещет — отметает, отказывается.
Очеса — очи, глаза.

Паки — еще, снова, опять.
Патент — свидетельство на чин, сан или звание.
Паче — больше.
Пени — упреки.
Пергамский — троянский.
Петиметр — щеголь.
Печность — заботливость.
Пешки точить — точить балясы, пустословить; шутить, насмехаться.
Пиита — поэт.
Подвигнуться — возбуждаться к чему-нибудь или против кого-нибудь.
Покров — защита, покровительство.
Полнощный — северный; в переносном смысле — российский.
Польш — польский (танец).
Помаванье — помахиванье, кивание, подавание знаков.
Поносный — наносящий обиду, стыд, позор, поношение.
Понт — море.
Порфира — см. багряница.
Потазать — побить.

Превраm — переменчивость, непостоянство, превратность.
Превыспренние — небеса, рай.
Предлоги — предложения.
Предстатель — покровитель, защитник, ходатай за других.
Прелестный — иногда означает: обольщающий, коварный.
Преступки — преступления.
Приосамиться — принять вид, осанку, приосаниться; приободриться.
Пря — спор; битва.
Пукольки — букли.
Пустосвят — ханжа, лицемер, притворно набожный.
Пустыня, пустынь — необитаемое место; монастырь, далекий от населенных мест.
Пыха — гордость, чванство, надменность.
Пялиться — тянуться, приподниматься, вытягиваться.

Рамена — плечи; сила, власть.
Риза — облачение священника; торжественное одеяние.
Рядная — договор, условие о браке.

Сарматы — поляки.
Сбитень — старинный русский напиток из меда с пряностями, который пили горячим; *сбитенщик* — уличный торговец сбитнем.
Се — вот.
Седя — сидя.
Сень — тень; шалаш, шатер; защита, покров.
Скло — стекло.
Скорпия — скорпион; у Княжнина — ядовитая змея.
Скрынка — ларец, сундучок.
Случай — счастье, сила, фавор при дворе. *Случайный человек* — человек, попавший в случай, фаворит.
Собор — собрание, сборище; совокупность.
Совместник — соперник.
Содрог — заставил содрогнуться.
Спираться — стискиваться, стесняться, сдавливаться; спорить, отстаивать свое мнение, не соглашаться.
Списанье — список, копия.
Спрягусь — соединюсь браком.
Сретать, сретенье — встречать, встреча.
Станица — толпа, собрание.
Стезя — дорога, путь; след.
Степени — ступени.
Степенями — постепенно.
Страна — иногда у Княжнина означает «сторона».
Студ — стыд, позор; поругание, поношение.

Тазать — бить, таскать.
Тать — вор, хищник, похититель.
Теку — иду.
Течь — идти, двигаться.
Травник — зеленщик, торговец съедобными кореньями, травами и овощами.
Трутить — натруждать, утруждать; жать, давить.
Тупей — мужская прическа, взбитый хохол на голове.

Угар — удалец, кутила, буян.
Удобный — у Княжнина иногда означает: способный, пригодный.
Уклоняться — склоняться.
Усов — засов, жердь или бревно для запирания ворот; человек, который суетится между людьми и мешает им делать что-нибудь.

Фандары — род женского платья в XVIII в., сильно расширяющегося от талии вниз с помощью вшитых кусков материи, имеющих форму длинных равнобедренных треугольников (фанды).
Фижмы — род женской одежды XVIII — начала XIX в. — юбка с широким каркасом.
Фрон — трон.

Цуг — упряжка в четыре или шесть лошадей попарно. Езда цугом была привилегией высшей знати.

Часть — участь, доля, судьба.
Чивый — щедрый, тороватый.
Чоска — прическа.

Экстракт — краткое изложение судебного и т. п. дела.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Я. Б. КНЯЖНИНА, НЕ ВОШЕДШИЕ В НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ

«Владимир и Ярополк», трагедия — Соч., изд. 1, т. 2.
«Титово милосердие», трагедия — Соч., изд. 1, т. 1.
«Владисан», трагедия — Соч., изд. 1, т. 2.
«Софонисба», трагедия — Соч., изд. 1, т. 2.
«Неудачный примиритель, или Без обеду домой поеду», комедия — Соч., изд. 1, т. 4.
«Траур, или Утешенная вдова», комедия — Соч., изд. 2, т. 5.
«Мужья — женихи своих жен», комическая опера — Соч., изд. 2, т. 5.
«Притворно сумасшедшая», комическая опера — Соч., изд. 1, т. 4.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* Я. Б. Княжнин. Рисунок Ф. Форопонтова. Воспроизведено из 1-го тома Собрания сочинений Я. Б. Княжнина (М., 1802).

2. *Стр. 19.* Черновой автограф Я. Б. Княжнина — страница из «Риторики». Рукописный отдел Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

3. *Между стр. 128 и 129.* Титульный лист 1-го тома Собрания сочинений Я. Б. Княжнина (СПб., 1787).

4. *Между стр. 192 и 193.* И. А. Дмитревский. Ленинградский государственный театральный музей.

5. *Стр. 253.* Титульный лист «Вадима Новгородского» (СПб., 1793).

6. *Между стр. 544 и 545.* Фронтиспис 5-го тома Собрания сочинений Я. Б. Княжнина (М., 1803). Осиротевшая поэзия и гений славы, плачущие над могилой Княжнина. Рисунок Ф. Форопонтова.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ[1]

[1] Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечаний.

БАСНИ И СКАЗКИ

Редакционная коллегия

В. Н. Орлов (главный редактор),
М. О. Ауэзов, В. Г. Базанов, Б. И. Бурсов,
В. М. Жирмунский, В. О. Перцов, А. А. Прокофьев,
М. Ф. Рыльский, А. А. Сурков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов, С. И. Чиковани,
И. Г. Ямпольский (зам. главного редактора)

Княжнин Яков Борисович
ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
Редактор *Г. П. Макагоненко*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректоры *А. Г. Рабинова* и *Ф. С. Флейтман*

Сдано в набор 18/I 1961 г. Подписано в печать 5/VII 1961 г. М 37367. Бумага $84 \times 108^1/_{32}$ Печ. л. $24^3/_8$ (39,98). Уч.-изд. л. 36,47. Тираж 40 000 (1-й завод 6000). Зак. № 110. Цена 1 р. 28 к.

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
177	8 св.	хощешь	хочешь
204	12 сн.	продерзностных	продерзостных
552	13 св.	Прекрасный молодец.	Прекрасный молодец. *(В сторону)*
772	3 св.	Г. П. Макагоненко	Г. П. Макогоненко
772	7 сн.	Тираж 40 000	Тираж 10 000

1р. 28к.